DK
R97

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

v. 135

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1911

C.B.

Б. 166

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

V. 135

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1911

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

1774—1775 г.г.

Печатано подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества Его Императорскаго Высочества **Великаго Князя Николая Михаиловича**.

Reference St.
Petersburg
5·31·34
29121

Издаваемая нынѣ VIII-я часть Дипломатической переписки Императрицы Екатерины II, обнимающая 1774-й и 1775-й годы, касается главнымъ образомъ отношеній Россіи къ Турціи и къ Крыму. 1774-й годъ ознаменованъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ Россіи въ ея вѣковой борьбѣ съ Оттоманской Портой, заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Изъ документовъ начала 1774-го года видно, насколько желаннымъ было для Россіи примиреніе съ Турціей: русское правительство готово было идти на значительныя уступки сравнительно со своими первоначальными требованіями, лишь бы добиться мира. Тѣмъ съ большей радостью встрѣчено было въ Петербургѣ извѣстіе о заключеніи графомъ Румянцевымъ мира на такихъ условіяхъ, на которыя уже перестали разсчитывать. Но миръ съ Турціей принесъ съ собой и новыя заботы для русской дипломатіи: недобросовѣстное исполненіе Турціей нѣкоторыхъ условій мирнаго договора, въ особенности по отношенію къ Крыму, заставило русское правительство принимать рядъ мѣръ, чтобы добиться выполненія Портою всѣхъ требованій Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата. Дипломатическая переписка Россійскаго двора за вторую половину 1774-го и за весь 1775-й годъ и содержитъ поэтому цѣлый рядъ документовъ, касающихся вопросовъ, связанныхъ съ отношеніемъ Турціи къ провозглашенной договоромъ независимости Крыма, которую Турція всячески избѣгала признать. Въ отношенія Россіи къ западнымъ державамъ оба заключающіеся въ настоящей части Дипломатической переписки года не внесли чего-либо существенно новаго; общую характеристику этихъ отношеній можно найти въ инструкціи назначенному посланникомъ при Имперскомъ

сеймѣ бар. Ассебургу (докум. № 2579), въ которой содержится и краткій очеркъ политики Россійскаго двора съ начала царствованія Императрицы Екатерины II.

Въ издаваемую нынѣ часть Дипломатической переписки вошли, согласно системѣ, установленной и для предыдущей, VII-й, ея части (т. CXVIII Сборника), какъ документы, непосредственно исходившіе отъ Императрицы (письма ея, резолюціи, рескрипты, ею подписанные или апробованные), такъ и такіе, которые исходили исключительно отъ графа Н. И. Панина, но являлись необходимыми для пониманія общаго направленія русской политики или представляли особый интересъ.

Настоящая часть Дипломатической переписки издана подъ наблюденіемъ Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества Великаго Князя Николая Михаиловича, при содѣйствіи князя Н. В. Голицына.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1772 и 1773 годы.

(Добавленіе къ ч. VII Дипломатической переписки Императрицы Екатерины II).

		Стр.
Послѣ 25 Іюля 1772 г.	Копія съ собственноручной записки Императрицы къ гр. Панину. Мысли ея по поводу расширенія границъ Австріи и Пруссіи въ присоединенныхъ къ нимъ по раздѣлу частяхъ Польши и въ Валахіи и по поводу стараній Австріи склонить Турцію къ миру съ Россіей	3
Сентябрь 1773 г.	Собственноручная записка Императрицы. О средствахъ склонить Турцію къ миру съ Россіей. . .	4
Безъ даты, 1773 г.	То же. О домогательствахъ Прусскаго короля расширить предѣлы своихъ владѣній въ присоединенной по раздѣлу части Польши.	5
26 Марта 1773 г.	Копія съ письма бар. Ассебурга изъ Дармштадта отъ 26 Марта 1773 года къ гр. Панину, писанная цѣликомъ рукою Императрицы. Объ отбытіи ландграфини Гессенъ-Дармштадтской съ дочерьми въ Россію и о лицахъ свиты, сопровождающихъ ее. . .	5

1774 годъ.

№№				
2435	*Января*	*2*	Письмо Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. Поздравленіе по случаю помолвки герцога Карла Зюдерманландскаго съ принцессой Голштинской.	11
2436	—	»	Письмо вел. князя Павла Петровича къ Густаву III, королю Шведскому. О томъ же . .	11
	—	*4*	Письмо Императрицы къ Фридриху II, королю Прусскому.	12
2437	—	*8*	Нота гр. Панина Австрійскому посланнику кн. Лобковичу. О расширеніи границъ Австріи въ присоединенной къ ней по раздѣлу части Польши. . .	12

№№				Стр.
2438	*Января*	*11*	Собственноручная резолюція Императрицы. О требованіи освободить состоящаго на русской службѣ гр. Мочениго	14
2439	—	*16*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ оказаніи покровительства и содѣйствія домогательствамъ г. Роопа.	14
2440	—	*17*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О планѣ будущей кампаніи противъ Турціи.	15
	—	»	Нота, полученная посломъ въ Вѣнѣ кн. Голицынымъ, для сообщенія Вѣнскому двору.	18
2441	—	*20*	Собственноручная замѣтка Императрицы. О непринятіи на русскую службу морского офицера Стюарта.	18
2442	—	*21*	Письмо гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. О переговорахъ кн. Голицына съ кн. Кауницемъ по поводу намѣренія Австріи расширить предѣлы своихъ владѣній въ присоединенной части Польши, о побужденіи Австріи содѣйствовать заключенію мира между Россіей и Турціей, объ установленіи «постояннаго совѣта» въ Польшѣ.	18
2443	—	»	То же. О переговорахъ кн. Голицына съ Австрійскимъ министерствомъ по поводу заключенія договора съ Даніей объ обмѣнѣ Голштиніи на графства Ольденбургское и Дельменгорстское	22
	—	*22*	Письмо гр. Панина къ повѣренному въ дѣлахъ въ Данцигѣ гр. Головкину	24
2444	—	»	То же. О переговорахъ гр. Головкина съ гор. Данцигомъ по поводу спора послѣдняго съ королемъ Прусскимъ о границахъ владѣній города и короля	24
2445	—	»	Письмо гр. Панина къ посланнику Мусинъ-Пушкину въ Лондонъ. Съ упреками по поводу высказаннаго Мусинъ-Пушкинымъ Англійскому министерству пожеланія, чтобы миръ между Россіей и Турціей былъ заключенъ при посредствѣ Англіи	27
2446	—	*26*	Собственноручная записка Императрицы. О переводѣ ссыльнаго Чоглокова изъ Сибири въ Ревельскую или Кексгольмскую крѣпости	30
2447	—	*27*	Копія съ высочайшаго указа ген.-пор. Щербинину. О выдачѣ ему 200 р. ежемѣсячно для расходовъ по татарской комиссіи	30
2448	—	»	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. О противодѣйствіи его броженію среди татаръ, обитающихъ на Кубани, и о разрѣшеніи ему издержать до 30.000 р. на склоненіе наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ на сторону Россіи	30
2449	—	»	Рескриптъ Императрицы № 1 кн. В. М. Долгорукову. О данныхъ Щербинину повелѣніяхъ и о неослабномъ наблюденіи за намѣреніями татаръ на Кубани.	32
2450	—	*28*	Проектъ письма Императрицы къ Георгу III, королю Англійскому. Съ просьбой разрѣшить удержать еще на нѣкоторое время на русской службѣ адмирала Нольза.	34

№№		Стр.
2451	*Января 28*	Письмо гр. Панина къ бар. Ассебургу въ Регенсбургъ. Съ разрѣшеніемъ затрудненій бар. Ассебурга по поводу этикета при аккредитованіи его при сеймѣ и о времени прибытія его къ его посту 34
2452	— *28*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ оказаніи покровительства и содѣйствія гр. Кейзерлингу въ полученіи вознагражденія за утраченное имъ право на пенсію отъ короля Польскаго. 35
2453	— *29*	Рескриптъ Императрицы № 2 кн. В. М. Долгорукову. Съ препровожденіемъ похвальной грамоты войску Запорожскому. *Приложеніе*: грамота Императрицы войску Запорожскому. 36
2454	— *30*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О столкновеніи между герцогомъ Курляндскимъ и польскими комиссарами 37
2455	*Февраля 6*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Панину. Объ извѣстіяхъ о тяжкой болѣзни султана Мустафы III и съ повелѣніемъ предписать гр. Румянцеву воспользоваться перемѣной на турецкомъ престолѣ для энергичныхъ дѣйствій противъ турокъ. 38
2456	— *10*	Письмо Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. О совершившемся обмѣнѣ герцогства Голштинскаго на графства Ольденбургское и Дельменгорстское. 39
	— *13*	Копія съ собственноручной записки Императрицы къ гр. Панину 40
2457	— *14*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. Объ энергичныхъ дѣйствіяхъ его противъ турокъ вслѣдствіе совершившейся перемѣны на турецкомъ престолѣ . 40
2458	— *15*	Собственноручная замѣтка Императрицы. О причинахъ оставленія въ силѣ постановленія, обязывающаго иностранныхъ купцовъ въ Архангельскѣ оставлять тамъ на храненіе пятую часть закупленнаго ими товара 42
2459	— *17*	Письмо Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. Съ выраженіемъ благодарности за проявленное имъ участіе къ бракосочетанію вел. кн. Павла Петровича, переданное присланнымъ имъ по сему случаю полковникомъ бар. Каульбарсомъ 42
2460	— »	Письмо вел. князя Павла Петровича къ Густаву III, королю Шведскому. О томъ же . . 43
2461	— *18*	Проектъ письма гр. Панина къ маркизу Маруцци въ Венецію. Объ обращеніи его къ правительству республики съ заявленіемъ о томъ, что гр. Моченго состоитъ на русской службѣ и долженъ быть освобожденъ изъ-подъ ареста 44

№№				Стр.
2462	*Февраля*	*21*	Проектъ письма гр. Панина къ повѣренному въ дѣлахъ Струве въ Регенсбургъ. О ложныхъ разглашеніяхъ относительно Россіи и Пугачевскаго бунта, напечатанныхъ въ Кёльнской газетѣ, и о наказаніи автора означенныхъ разглашеній. *Приложеніе:* выписка изъ №№ VIII и XI «Приложенія къ Кёльнской газетѣ» 1774 г.	45
2463	—	*26*	Рескриптъ Императрицы № 3 кн. В. М. Долгорукову. О доставленіи Калгѣ-султану Шагинъ-Гирею главнаго начальства надъ Ногайскими ордами, объ отправленіи его съ этой цѣлью къ Ногайцамъ, о размѣрѣ пособія, предназначеннаго для него, и объ исполненіи обязанностей пристава при немъ полк. Бринку	47
2464	—	*26*	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. О данныхъ кн. Долгорукову повелѣніяхъ по поводу Калги-султана и о пересылкѣ въ Эдишкульскую орду письма гр. Панина о томъ же	52
2465	—	»	Письмо гр. Панина къ Калгѣ-султану Шагинъ-Гирею. О переѣздѣ Калги-султана въ Ногайскія орды, о пользѣ такового и о продолженіи выдачи ему ежегодно 12.000 р.	53
2466	—	»	Письмо гр. Панина къ Джанъ-Мамбетъ-бею, начальнику Эдиссанской, Буджацкой и Джембуйлуцкой ордъ, и къ старѣйшинамъ ихъ. Съ одобреніемъ сдѣланнаго Джанъ-Мамбетъ-беемъ призыва Калги-султана для принятія начальства надъ Ногайскими ордами и съ указаніемъ на благодѣянія, оказанныя Россіей татарскимъ народамъ . . .	55
2467	—	»	Письмо гр. Панина къ начальнику Эдишкульской орды Измаилъ-бею и къ ея старѣйшинамъ. Объ оказанныхъ Россіей благодѣяніяхъ татарскимъ народамъ, о безкорыстіи Россіи въ отношеніи къ нимъ, о враждебномъ Россіи броженіи среди татаръ и о желательности установленія общаго надъ всѣми Ногайскими ордами начальства	57
2468	—	*28*	Проектъ письма Императрицы къ Христіану VII, королю Датскому. Съ изъявленіемъ удовольствія ея по поводу совершившагося обмѣна герцогства Голштинскаго на графства Ольденбургское и Дельменгорстское.	60
2469	—	»	Копія съ письма вел. князя Павла Петровича къ Христіану VII, королю Датскому. О томъ же	61
2470	—	»	Письмо гр. Панина къ И. Симолину въ Копенгагенъ. Съ препровожденіемъ писемъ Императрицы и вел. князя Павла Петровича къ королю Датскому и о передачѣ ихъ королю	62
2471	—	»	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. Съ препровожденіемъ ему рескрипта Императрицы.	62

№№				Стр.
2472	*Февраль*		Письмо гр. Панина къ бывшему послу въ Варшавѣ Сальдерну. Съ совѣтомъ удалиться отъ дѣлъ, съ предложеніемъ подать Императрицѣ и вел. князю Павлу Петровичу прошенія объ отставкѣ и съ требованіемъ возвратить драгоцѣнную табакерку, полученную Сальдерномъ при вступленіи въ управленіе Варшавской миссіей	63
	Марта	*3*	Письмо Императрицы къ Фридриху II, королю Прусскому.	65
2473	—	*6*	Рескриптъ Императрицы № 4 кн. В. М. Долгорукову. О планѣ военныхъ дѣйствій въ будущую кампанію и о необходимости подать видъ, что войска, состоящія подъ начальствомъ кн. Долгорукова, собираются осаждать Очаковъ	65
2474	—	*7*	Нота Австрійскому посланнику кн. Лобковичу и Прусскому — гр. Сольмсу. О мѣрахъ противъ могущаго произойти въ Польшѣ возмущенія . .	66
2475	—	*11*	Письмо гр. Панина къ Зиновьеву въ Мадридъ. Объ отказѣ принять вновь на русскую службу морского офицера Стюарта	67
2476	—	*12*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ исходатайствованіи у короля Станислава-Августа пожалованія Г. А. Потемкина орденомъ Бѣлаго Орла и о способѣ пересылки ордена въ С.-Петербургъ	68
2477	—	*12*	Тоже. О мѣрахъ противъ возможнаго возмущенія въ Польшѣ и о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ бар. Штакельберга съ Прусскимъ и Австрійскимъ посланниками въ Варшавѣ.	69
2478	—	*19*	Рескриптъ Императрицы № 5 кн. В. М. Долгорукову. О мѣстѣ расположенія войска, находящагося подъ его начальствомъ, о мѣрахъ воздѣйствія на Эдишкульскую орду, передавшуюся на сторону Девлетъ-Гирея, и о привлеченіи прочихъ Ногайцевъ на сторону Россіи .	70
2479	—	*22*	Нота Австрійскому посланнику кн. Лобковичу. По поводу представленій, сдѣланныхъ Австрійскимъ правительствомъ при Портѣ съ цѣлью побужденія послѣдней къ заключенію мира съ Россіей.	73
2480	—	*23*	Собственноручная замѣтка Императрицы. По поводу реляціи кн. Барятинскаго изъ Парижа о дѣйствіяхъ Беньовскаго.	74
2481	—	*24*	Всеподданнѣйшее представленіе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О видахъ на заключеніе мира съ Турціей и о возможныхъ уступкахъ по отдѣльнымъ пунктамъ предъявленныхъ Россіей на Бухарестскомъ конгрессѣ требованій	74
2482	*Апрѣля*	*5*	Собственноручная резолюція Императрицы. О разрѣшеніи отпуска посланнику въ Берлинѣ кн. В. С. Долгорукову.	81
2483	—	*9*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Румянцеву. Объ успѣхахъ въ подавленіи Пугачевскаго бунта.	82

№№				Стр.
2484	*Апрѣля*	*10*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О видахъ на возможность заключенія мира съ Турціей, о предѣлахъ возможныхъ со стороны Россіи уступокъ въ первоначальныхъ ея требованіяхъ и о способѣ сношеній гр. Румянцева съ великимъ визиремъ	83
2485	—	*10*	Тоже. О полученномъ гр. Румянцевымъ отъ верховнаго визиря предложеніи вступить въ мирные переговоры и о содержаніи отвѣта гр. Румянцева на это предложеніе. .	90
2486	—	*11*	Проектъ письма гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. О содержаніи внушеній Портѣ Оттоманской со стороны Австрійскаго правительства для побужденія Порты къ заключенію мира съ Россіей и о сообщеніи Вѣнскому двору данныхъ гр. Румянцеву повелѣній по поводу мирныхъ переговоровъ.	94
2487	—	*12*	Тоже. Объ ошибочно приписанной кн. Голицынымъ французскому министру въ С.-Петербургѣ Дюрану перлюстрованной депешѣ	95
2488	—	*15*	Письмо гр. Панина № 2 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ условіяхъ предложеннаго Россіи займа	97
2489	—	*15*	Тоже. О пріѣздѣ короннаго гетмана гр. Браницкаго, о продленіи сейма и о разграниченіи Польши съ Пруссіей и Австріей	97
2490	—	*16*	Тоже (№ 3). О вознагражденіи купца Луки Массалитинова за утраченное имъ во время смуты въ Польшѣ имущество	98
2491	—	*20*	Тоже (№ 4). О вознагражденіи грека Христофора Бони за утраченное имъ во время смуты въ Польшѣ имущество.	99
2492	—	*26*	Письмо гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. О высылкѣ въ С.-Петербургъ камердинера полк Анжели	100
2493	—	*28*	Рескриптъ Императрицы № 5 кн. В. М. Долгорукову. О прогнаніи изъ Эдиссанской орды Шабазъ-Гирей-султана, о награжденіи за это начальниковъ орды, о дѣйствіяхъ Калги-султана Шагинъ-Гирея и содѣйствіи ему во взятіи Тамани, объ отозваніи Стремоухова изъ Ногайскихъ ордъ и о распоряженіяхъ по поводу карантинныхъ заставъ.	100
2494	*Мая*	*3*	Проектъ письма гр. Панина къ гр. Головкину въ Данцигъ. О мѣрахъ къ понужденію гор. Данцига придти къ соглашенію съ королемъ Прусскимъ. *Приложеніе.* Проектъ декларацiи русскаго двора магистрату г. Данцига	103
2495	—	*8*	Пункты инструкціи главнокомандующему флотомъ въ Архипелагѣ гр. А. Г. Орлову, сообщенные французскому министру въ С.-Петербургѣ Дюрану. О плаваніи нейтральныхъ судовъ въ водахъ воюющихъ державъ	106
	—	*6*	Рескриптъ Императрицы гр. А. Г. Орлову .	107

№№				Стр.
2496	*Мая*	*6*	Проектъ письма Императрицы къ Станиславу-Августу, королю Польскому. О пріѣздѣ гр. Браницкаго и о готовности Императрицы содѣйствовать своими добрыми услугами королю и Польшѣ . . .	108
2497	—	*6*	Письмо гр. Панина къ Станиславу-Августу, королю Польскому. О пріѣздѣ гр. Браницкаго и о готовности гр. Панина оказать ему всяческое содѣйствіе при исполненіи имъ порученной ему миссіи	109
2498	—	*6*	Рескриптъ Императрицы гр. Остерману въ Стокгольмъ. Объ одобреніи ею произведенныхъ имъ издержекъ	109
2499	—	*7*	Письмо Императрицы къ гр. Румянцеву. О снабженіи Ридезеля свидѣтельствомъ для пропуска на карантинахъ	110
2500	—	*9*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О жалобахъ делегаціи на религіозныя притѣсненія уніатовъ и католиковъ на Украйнѣ и о такихъ же притѣсненіяхъ православныхъ со стороны уніатовъ и католиковъ	110
2501	—	*9*	Тоже. О претензіи маіора Лицано къ гр. Потоцкому и объ оказаніи ему содѣйствія въ полученіи по ней удовлетворенія	111
2502	*Около 12—16 Мая*		Двѣ собственноручныя записки Императрицы къ гр. Панину. О разговорахъ Императрицы съ вел. княземъ Павломъ Петровичемъ и вел. княгиней Наталіей Алексѣевной по поводу попытки похищенія актрисы Дорсевилль и участія гр. А. К. Разумовскаго въ этомъ дѣлѣ .	112
	Мая	*13*	Нота гр. Панина Австрійскому посланнику кн. Лобковичу	113
2503	—	*15*	Письмо гр. Панина № 3 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О задержаніи ген. Ширковымъ въ Бердичевѣ греко-уніатскаго епископа Рылло и объ освобожденіи послѣдняго. *Приложеніе.* Письмо папскаго нунція въ Варшавѣ къ Австрійскому посланнику тамъ же, бар. Ревицкому, по поводу означеннаго дѣла.	113
2504	—	*15*	Тоже (№ 4). О переговорахъ гр. Панина съ гр. Браницкимъ и объ исходатайствованіи для послѣдняго пожалованія ему староства Бѣлая Церковь.	116
2505	—	*16*	Копія съ собственноручнаго письма Императрицы къ гр. Панину. О причинахъ задержанія въ Могилевѣ Австрійскаго камергера гр. Вальша. . . .	116
2506	—	*16*	Нота Французскому посланнику Дюрану. Объ участіи французовъ Ланжака и Денона въ попыткѣ похищенія актрисы Дорсевилль и о необходимости выѣзда ихъ изъ Россіи	117
	—	*17*	Рескриптъ Императрицы гр. А. Г. Орлову	118
2507	—	*26*	Проектъ письма Императрицы къ Императрицѣ Маріи-Терезіи. О необходимости сообразоваться съ соглашеніемъ трехъ державъ по поводу Польши въ дѣлѣ расширенія границъ Австріи до р. Сбруча и не предъявлять чрезмѣрныхъ требованій Польшѣ. *Приложеніе.* Отвѣтъ Имп. Маріи-Терезіи на означенное письмо отъ 27 Іюля 1774 г..	118

№№				Стр.
2508	*Мая*	*26*	Тоже. О готовности Императрицы слѣдовать требованіямъ полной вѣротерпимости въ отношеніи къ уніатамъ и католикамъ, ея подданнымъ. *Приложеніе.* Письмо Имп. Маріи-Терезіи къ Императрицѣ отъ 29 Апрѣля 1774 г. по поводу положенія уніатской и католической церквей въ Россіи.	121
2509	—	*26*	Проектъ письма Императрицы къ Императору Австрійскому Іосифу II. О расширеніи границъ Австріи до р. Сбруча и о необходимости сообразоваться въ этомъ вопросѣ съ интересами Польши и съ соглашеніемъ трехъ державъ по поводу послѣдней. . .	123
	—	*28*	Письмо Императрицы къ Фридриху II, королю Прусскому.	125
2510	—	*29*	Нота гр. Панина Австрійскому посланнику кн. Лобковичу. О расширеніи границъ Австріи до р. Сбруча, о покровительствѣ Россійскаго правительства католикамъ и уніатамъ въ Россіи и о положеніи диссидентовъ въ Польшѣ.	125
2511	—	*30*	Письмо гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. О письмѣ Имп. Маріи-Терезіи къ Императрицѣ по поводу католиковъ и уніатовъ и о передачѣ первой отвѣтнаго письма Императрицы	128
2512	—	*30*	Тоже. О расширеніи границъ Австріи до р. Сбруча и о переговорахъ кн. Голицына съ кн. Кауницемъ по этому поводу.	128
2513	*Іюня*	*5*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. Объ отвѣтѣ верховнаго визиря гр. Румянцеву и о размѣрахъ земельной окружности Очакова и Кинбурна, могущей быть уступленной Турціей при заключеніи съ нею мира	131
2514	—	*12*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О назначеніи Местмахера министромъ при принцѣ-епископѣ Любекскомъ	132
2515	—	*20*	Рескриптъ Императрицы № 7 кн. В. М. Долгорукову. О приготовленіяхъ къ осадѣ Очакова.	133
2516	—	*22*	Письмо гр. Панина къ гр. Румянцеву. О средствахъ установленія мира съ Турціей, объ уклоненіи Порты называть Крымъ «независимою» областью и о содержаніи письма гр. Румянцева къ верховному визирю.	133
2517	—	*24*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О домогательствахъ княгини Сапѣги объ амнистіи гр. Огинскому и о новыхъ назначеніяхъ высшихъ должностныхъ лицъ въ Польшѣ.	140
2518	—	*27*	Проектъ письма Императрицы къ Станиславу-Августу, королю Польскому. О положеніи диссидентовъ въ Польшѣ	142
2519	*Іюля*	*8*	Письмо Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. Объ отсрочкѣ королемъ поѣздки его въ Финляндію.	143

№№				Стр.
2520	*Іюля*	*9*	Инструкція для назначеннаго министромъ при принцѣ-епископѣ Любекскомъ Местмахера.	143
2521	—	*10*	Нота Австрійскому посланнику кн. Лобковичу. О вознагражденіи кн. Понятовскаго за утраченное имъ при раздѣлѣ староство Ципсъ	146
2522	—	*12*	Проектъ письма Императрицы къ Станиславу-Августу, королю Польскому. Объ отношеніи Императрицы къ домогательствамъ короля Прусскаго расширить его владѣнія въ присоединенной части Польши и къ жалобамъ гор. Данцига на его захваты .	146
2523	—	*14*	Копія съ собственноручнаго письма Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. О гибели принца Вильгельма-Августа Голштинскаго	148
	—	*14*	Копія съ собственноручной записки Императрицы къ кн. В. М. Долгорукову	149
2524	—	*14*	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. О ходатайствѣ Калги-султана Шагинъ-Гирея объ отпускѣ изъ Россіи Эдиссанскихъ аманатовъ.	149
2525	—	*14*	Письмо гр. Панина къ Калгѣ-султану Шалинъ-Гирею. О ходатайствѣ послѣдняго объ отпускѣ изъ Россіи Эдиссанскихъ аманатовъ, о причинахъ задержанія ихъ и о согласіи на удовлетвореніе означеннаго ходатайства.	150
2526	—	*15*	Письмо гр. Панина № 5 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О письмахъ Императрицы къ Императрицѣ Маріи-Терезіи, Императору Іосифу II и королю Фридриху II и о содержаніи ихъ въ тайнѣ отъ поляковъ.	152
2527	—	*15*	Тоже (№ 6). Объ имѣніяхъ церкви въ Величкѣ, назначенныхъ для содержанія римско-католическаго епископа въ Бѣлоруссіи.	153
2528	—	*15*	Тоже (№ 7). О письмахъ короля Польскаго къ Императрицѣ по поводу дѣла гор. Данцига и о диссидентахъ и съ препровожденіемъ отвѣтовъ на нихъ Императрицы.	154
2529	—	*15*	Тоже (№ 8). По поводу дѣлъ гр. Мнишка, кн. Радзивила, гр. Гуровскаго, князей Сулковскихъ и кн. Понятовскаго	154
2530	—	*15*	Тоже (№ 9). Объ изъятіи вопросовъ, касающихся торговли, отъ дѣйствія liberum veto.	156
2531	—	*17*	Тоже. О просьбѣ гр. Браницкаго задержать разрѣшеніе вопроса о «постоянномъ совѣтѣ» до его возвращенія въ Польшу.	156
2532	—	*19*	Тоже. О скорѣйшемъ разрѣшеніи вопроса о «постоянномъ совѣтѣ», не дожидаясь возвращенія гр. Браницкаго.	157
	—	*28*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову	157

№№				Стр.
2533	*Іюля*	*29*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ оказаніи послѣднимъ покровительства кастеляну Дзербицкому	158
	—	*29*	Два собственноручныя черновыя письма	
	и безъ даты		Императрицы къ гр. Румянцеву	158
2534	—	*31*	Рескриптъ циркулярный кн. В. С. Долгорукову въ Берлинъ. О назначеніи Местмахера министромъ при принцѣ-епископѣ Любекскомъ	158
2535	*Августа*	*1*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О заключенномъ имъ мирѣ съ Турціей, о скорѣйшемъ размѣнѣ ратификацій его, о содержаніи сообщенія гр. Румянцева верховному визирю, объ отправленіи къ нему актовъ ратификаціи и объ одобреніи его распоряженій по флоту и войску	159
2536	—	*4*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О задержаніи разрѣшенія вопроса о «постоянномъ совѣтѣ» до возвращенія гр. Браницкаго въ Варшаву	162
2537	—	*7*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ отправленіи въ Стокгольмъ съ чрезвычайной миссіей камергера А. Нарышкина	163
2538	—	*9*	Собственноручная резолюція Императрицы. Объ уплатѣ по предъявленному посломъ въ Вѣнѣ кн. Голицынымъ счету чрезвычайныхъ издержекъ . .	163
	—	*11*	Рескриптъ Императрицы гр. А. Г. Орлову (съ исправленіями Императрицы)	163
2539	—	*12*	Письмо гр. Панина къ гр. А. Г. Орлову. О сообщенныхъ посланнику въ Парижѣ кн. Барятинскому меморіалахъ по поводу плаванія нейтральныхъ судовъ	164
2540	—	*12*	Проектъ письма Императрицы къ Станиславу-Августу, королю Польскому. Съ изъявленіемъ ея благодарности за поздравленіе ея королемъ по случаю заключенія мира съ Турціей	165
2541	—	*13*	Письмо Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. Объ отправленіи къ нему камергера Нарышкина для поздравленія его съ бракосочетаніемъ герцога Карла Зюдерманландскаго	166
2542	—	*19*	Рескриптъ Императрицы № 8 кн. В. М. Долгорукову. О мѣрахъ, долженствующихъ быть принятыми по случаю заключенія мира, объ очищеніи Крыма отъ русскихъ войскъ, о принятіи во владѣніе Россіи Кинбурна, о Дунайской флотиліи. *Приложенія*: 1) Форма письма отъ кн. Долгорукова къ Крымскому хану; 2) проектъ не отправленнаго письма гр. Панина къ резиденту въ Крыму Веселицкому	167
2543	—	*19*	Грамота Императрицы къ хану Крымскому Сагибъ-Гирею. О заключенномъ съ Турціею мирѣ, о свободѣ и независимости Крыма, о выводѣ русскихъ войскъ изъ Крыма	175

№№				Стр.
2544	*Августа*	*19*	Грамота Императрицы къ Калгѣ-султану Шагинъ-Гирею. О заключенномъ съ Турціею мирѣ, о свободѣ и независимости Крыма, о предоставленіи Шагинъ-Гирею остаться въ Ногайскихъ ордахъ или переѣхать въ Крымъ.	177
2545	—	*19*	Письмо гр. Панина къ кн. В. М. Долгорукову. Объ увѣдомленіи начальника турецкихъ войскъ въ Крыму о заключеніи мира	179
2546	—	*19*	Письмо гр. Панина къ Калгѣ-султану Шагинъ-Гирею. Съ препровожденіемъ ему грамоты Императрицы и о новомъ положеніи Крыма вслѣдствіе признанія Турціей его независимости.	180
2547	—	*19*	Письмо гр. Панина къ Джанъ-Мамбетъ-бею, начальнику Эдиссанской, Буджацкой и Джембуйлуцкой ордъ, и къ старѣйшинамъ ихъ. О заключенномъ съ Турціею мирѣ, объ установленіи независимости Крыма, о похвальныхъ дѣйствіяхъ Джанъ-Мамбетъ-бея во время войны и о стараніяхъ Россіи въ пользу татаръ	181
2548	—	»	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. О грамотѣ ея къ Калгѣ-султану и о личномъ врученіи ея Щербининымъ послѣднему.	183
2549	—	»	Письмо гр. Панина къ Е. А. Щербинину. О свиданіи его съ Калгой-султаномъ и о доставленіи грамоты Императрицы къ послѣднему и письма гр. Панина къ Джанъ-Мамбетъ-бею	185
	—	*20*	Письмо Императрицы къ Фридриху II, королю Прусскому	186
	—	»	Копія съ собственноручной записки Императрицы къ кн. В. М. Долгорукову	186
2550	—	*21*	Инструкція для отправляющагося въ Стокгольмъ камергера Нарышкина	186
2551	—	*22*	Рескриптъ Императрицы № 9 кн. В. М. Долгорукову. О неоставленіи Крыма турецкими войсками и выдачѣ ханомъ резидента Веселицкаго въ руки турецкаго сераскира, о пріостановкѣ въ выводѣ русскихъ войскъ изъ Крыма, объ артиллеріи и магазинахъ въ Крыму, о поддержкѣ хана въ случаѣ попытокъ низложить его, объ отношеніяхъ къ Калгѣ-султану, о завѣдываніи Щербининымъ дѣлами, касающимися Кубанской стороны	188
2552	—	»	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. Объ усугубленіи его вниманія по отношенію къ Ногайскимъ ордамъ и о свиданіи его съ Калгой-султаномъ.	192
2553	—	»	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. Съ препровожденіемъ не приложеннаго къ грамотѣ Императрицы къ хану Крымскому артикула изъ трактата, касающагося татаръ.	193
2554	—	»	Проектъ письма Императрицы къ Станиславу-Августу, королю Польскому. О возвращеніи въ Польшу гр. Браницкаго и съ отзывомъ о немъ.	194

№№				Стр.
2555	*Августа*	*23*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ отъѣздѣ Боскампа въ Польшу, о заслугахъ его и объ оказаніи ему покровительства. . .	194
2556	—	»	Письмо гр. Панина къ епископу Куявскому Млодзѣевскому. Съ рекомендаціей ему Боскампа .	195
2557	—	»	Письмо гр. Панина къ маршалу сейма кн. Понинскому. Съ рекомендаціей ему Боскампа . . .	195
	—	*28*	Рескриптъ Императрицы кн. Н. В. Репнину.	196
2558	—	*29*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Румянцеву. Объ отправленіи къ нему кн. Репнина.	196
2559	—	»	Письмо гр. Панина къ И. Симолину въ Копенгагенъ. О назначеніи его посланникомъ въ Стокгольмѣ.	196
2560	—	*30*	Письмо гр. Панина № 10 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О сношеніяхъ Императрицы съ Австрійскимъ Императоромъ и Прусскимъ королемъ по вопросу о разграниченіи ихъ съ Польшей, о примирительныхъ дѣйствіяхъ бар. Штакельберга въ этомъ вопросѣ и о желательности скорѣйшаго прекращенія настоящаго положенія дѣлъ въ Польшѣ. *Приложеніе.* Отвѣтъ Россійскаго двора коронному гетману гр. Браницкому. . .	197
2561	—	»	Тоже (№ 11). По поводу прошенія Франциски Оскиркъ о возвращеніи ей ея имѣнія	200
2562	—	»	Тоже. О торговомъ договорѣ съ Польшей, о разграниченіи Польши съ Австріей и Пруссіей и о переговорахъ бар. Штакельберга по этому поводу	201
2563	*Августъ.*		Тоже. О награжденіи гр. Браницкаго староствомъ Бѣлая Церковь. *Приложеніе.* Проектъ грамоты гр. Браницкому въ вознагражденіе за его заслуги.	203
2564	—		Проектъ рескрипта Императрицы гр. Румянцеву. О принятіи мѣръ совмѣстно съ кн. Долгоруковымъ по случаю происшествій въ Крыму.	204
2565	—		Письмо гр. Панина къ гр. Румянцеву. О происшествіяхъ въ Крыму и о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ гр. Румянцева съ кн. Долгоруковымъ	205
2566	*Сентября*	*5*	Рескриптъ Императрицы командующему въ Кизлярской сторонѣ ген.-пор. Медему. О послѣдствіяхъ заключенія мира въ отношеніи Кабардинцевъ, о присоединеніи Большой и Малой Кабарды къ Россіи и объ отношеніяхъ къ Кабардинскимъ владѣльцамъ, о смерти задержаннаго Хайдатскимъ владѣльцемъ Уцміемъ академика Гмелина, объ истребованіи отъ Уцмія оставшихся послѣ Гмелина вещей и о наказаніи Уцмія, о препровожденіи грамотъ къ владѣтелямъ Карталинскому и Имеретійскому, о деньгахъ на расходы ген. Медема.	207
2567	—	*14*	Собственноручная замѣтка Императрицы. По поводу донесенія кн. Барятинскаго изъ Парижа о сношеніяхъ француза Кара съ Пугачевымъ.	213

№№				Стр.
	Сентября	*15*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Румянцеву.	213
2568	—	»	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О преждевременномъ выводѣ кн. Долгоруковымъ русскихъ войскъ изъ Крыма, объ увольненіи кн. Долгорукова, о переговорахъ съ турецкимъ правительствомъ по поводу оставленія турецкаго войска въ Крыму, о порученіи гр. Румянцеву начальствовать 2-ю арміею	214
2569	—	»	Рескриптъ Императрицы № 10 кн. В. М. Долгорукову. Объ увольненіи его отъ командованія 2-ю арміею и о дѣйствіяхъ преемника его въ отношеніи Крыма. *Приложеніе.* Форма письма къ командующему въ Крыму турецкими войсками сераскиру отъ имени преемника кн. Долгорукова.	216
2570	—	»	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. Объ увольненіи кн. Долгорукова и объ отношеніяхъ Щербинина къ его преемнику и къ гр. Румянцеву.	220
2571	—	»	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. О причинахъ увольненія кн. Долгорукова, о дѣйствіяхъ Щербинина въ отношеніи Крыма и Калги-султана . . .	221
2572	—	*16*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О дѣлѣ гр. Огинскаго и кн. Сапѣги и съ препровожденіемъ письма по этому поводу къ кн. Радзивилу.	223
2573	—	*17*	Письмо гр. Панина къ кн. М. Радзивилу, маршалу конфедераціи вел. княжества Литовскаго. О дѣлѣ гр. Огинскаго	223
2574	—	*21*	Письмо Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. О прибытіи бар. Эренсверда съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи герцога Карла Зюдерманландскаго	224
2575	—	»	Письмо вел. князя Павла Петровича къ Густаву III, королю Шведскому. О томъ же .	225
	—	*23*	Собственноручное письмо Императрицы къ кн. Репнину.	225
2576	—	*24*	Письмо гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. Съ замѣчаніями по поводу отдѣльныхъ пунктовъ соглашенія съ Цесарскимъ дворомъ по дѣлу объ обмѣнѣ Голштинскихъ владѣній в. кн. Павла Петровича на графства Ольденбургское и Дельменгорстское и съ опредѣленіемъ долей участія Россіи въ уплатѣ издержекъ по заключенію означеннаго соглашенія.	225
2577	—	*26*	Письмо вице-канцлера кн. А. М. Голицына къ кн. Голицыну въ Вѣну. О видахъ Вѣнскаго двора на присвоеніе части Молдавіи и Валахіи. . . .	228
	—	*27*	Рескриптъ Императрицы вице-адмиралу Сенявину	229
2578	—	*29*	Письмо вице-канцлера кн. А. М. Голицына къ кн. Барятинскому въ Парижъ. Объ установленіи дипломатическихъ сношеній съ Сардиніей. . . .	229

№№			Стр.
2579	*Сентября 30*	Инструкція бар. Ассебургу, посланнику при Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ. *Часть 1-я:* объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи, Даніи, Швеціи, Польшѣ, Австріи, Англіи, Испаніи, Нидерландамъ, Венеціи, Сардиніи, Португаліи, Персіи и Китаю; общій взглядъ на русскую политику съ начала царствованія Имп. Екатерины II. *Часть 2-я:* о цѣляхъ отправленія Ассебурга посланникомъ при Имперскомъ сеймѣ и о спеціальныхъ предметахъ его миссіи; о личномъ составѣ миссіи, о дѣлопроизводствѣ ея и о жалованьѣ, назначенномъ Ассебургу	230
	Сентябрь.	Собственноручное черновое письмо Императрицы къ гр. Румянцеву.	245
2580	*Октября 3*	Письмо вице-канцлера кн. А. М. Голицына къ кн. Голицыну въ Вѣну. О намѣреніи Вѣнскаго двора присвоить себѣ часть Молдавіи и Валахіи. . . .	245
2581	— *7*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О выздоровленіи его и объ отпускѣ обратно кн. Репнина въ С.-Петербургъ.	246
2582	— »	Тоже. О соблюденіи постепенности въ эвакуаціи войска во внутреннія губерніи	247
2583	— »	Собственноручная замѣтка Императрицы. По поводу намѣренія Курляндскихъ земскихъ чиновъ прислать делегата для принесенія поздравленій Императрицѣ по случаю мира съ Турціей	248
	— *8*	Собственноручное письмо Императрицы къ кн. Репнину	248
2584	— *10*	Собственноручная записка Императрицы къ гр. Панину. По поводу сообщенія короля Прусскаго о намѣреніи Порты просить о смягченіи нѣкоторыхъ статей мирнаго договора	248
2585	*Около 10 Октября*	Копія съ собственноручнаго письма Императрицы къ гр. Панину. О томъ же	249
2586	*Октября 10*	Письмо вице-канцлера кн. А. М. Голицына къ кн. Барятинскому въ Парижъ. Объ освобожденіи его имущества отъ платежа пошлинъ во Франціи.	249
2587	— *13*	Копія съ письма Императрицы къ Христіану VII, королю Датскому. Съ изъявленіемъ благодарности ея за поздравленія по случаю заключенія мира съ Турціей.	250
2588	— »	Письмо гр. Панина къ К. Симолину въ Митаву. О противодѣйствіи намѣренію Курляндскихъ земскихъ чиновъ прислать въ С.-Петербургъ делегата для принесенія поздравленій Императрицѣ по случаю заключенія мира съ Турціей	251
2589	— »	Письмо гр. Панина къ герцогу Курляндскому Петру Бирону. О желательности отказа его отъ его претензіи въ 200.000 талеровъ къ Саксонскому королевскому дому	252

№№				Стр.
2590	*Октября*	*22*	Письмо гр. Панина къ К. Симолину въ Митаву. Объ отклоненіи присылки въ С.-Петербургъ делегата Курляндскихъ земскихъ чиновъ Бера	253
2591	—	*23*	Собственноручная записка Императрицы къ гр. Панину. По поводу реляціи гр. Румянцева съ извѣстіемъ объ отвѣтѣ его верховному визирю на требованіе послѣдняго уступить Тамань	254
2592	—	*25*	Нота Прусскому посланнику гр. Сольмсу. Съ отвѣтомъ на переданное гр. Сольмсомъ предложеніе Турціи относительно смягченія нѣкоторыхъ статей мирнаго договора ея съ Россіей	254
2593	—	»	Собственноручная резолюція Императрицы. Объ опредѣленіи къ иностраннымъ дѣламъ подполковника Вильда	257
2594	—	*27*	Тоже. Объ отказѣ лицу, представившему чрезъ резидента въ Венеціи марк. Маруцци проектъ заведенія хлѣбной торговли въ Черномъ морѣ	257
	Ноября	*7*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. .	257
	—	»	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О назначеніи кн. Репнина посломъ въ Константинополь (съ собственноручными резолюціями Императрицы)	257
2595	*Послѣ Ноября*	*7*	Копія съ собственноручнаго письма Императрицы къ гр. Панину. О назначеніи Стахіева посланникомъ въ Константинополѣ	258
2596	*Ноября*	*7*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О назначеніи ген. Кречетникова и полк. Каховскаго комиссарами для разграниченія съ Польшею въ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ	259
2597	—	»	Инструкція ген.-маіору Кречетникову и полк. Каховскому, назначеннымъ для разграниченія съ Польшею въ присоединенныхъ къ Россіи по раздѣлу областяхъ.	260
2598	—	*8*	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. Объ удержаніи Ногайскихъ татаръ отъ присоединенія къ Крымскимъ, о примиреніи Шагинъ-Гирея съ Джанъ-Мамбетъ-беемъ, о признаніи Ногайцами Шагинъ-Гирея своимъ правителемъ, о побужденіи Ногайцевъ выразить Крымцамъ свое несогласіе на добровольное подчиненіе послѣднихъ Турціи, объ отправленіи Веселицкаго въ С.-Петербургъ	266
2599	—	*12*	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. О направленіи дѣятельности его въ отношеніи Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ и о перепискѣ его съ гр. Панинымъ.	271
	—	»	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову.	271

*

№№				Стр.
2600	*Ноября*	*12*	Рескриптъ командующему въ Кизлярской сторонѣ ген.-пор. Медему. О воздержаніи его отъ вмѣшательства во внутреннія распри Кабардинцевъ, о Кабардинскихъ аманатахъ, объ отпускѣ задержаннаго владѣльца Атажуки Хаммурзина и Крымскаго мурзы Ширинъ-кая	271
	—	*14*	Рескриптъ Императрицы гр. А. Г. Орлову .	274
2601	—	*17*	Письмо гр. Панина къ гр. А. Г. Орлову. О данномъ имъ маркизу Маруцци повелѣніи возвратить гр. Орлову консульскіе патенты, о меморіалѣ гр. Войновича, о трудностяхъ возвращенія флота въ Россію, о Домашневѣ	274
2602	—	*21*	Письмо гр. Панина къ маркизу Маруцци въ Венецію. О возвращеніи имъ гр. А. Г. Орлову консульскихъ патентовъ, оставленныхъ послѣднимъ на храненіе у маркиза Маруцци	275
2603	—	»	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О данной ген. Кречетникову и полк. Каховскому инструкціи и о содѣйствіи имъ въ дѣлѣ разграниченія земель съ Польшею.	275
2604	*Ноябрь.*		Письмо гр. Панина къ гр. Румянцеву. Съ одобреніемъ его дѣйствій въ отношеніи Турціи, о желательности скорѣйшаго размѣна ратификацій, о полк. Петерсонѣ, о выводѣ турецкихъ войскъ изъ Крыма, о татарскихъ дѣлахъ, о стараніи турокъ выиграть время въ отношеніи исполненія требованій мирнаго договора и размѣны ратификацій его.	276
2605	*Декабря*	*2*	Проектъ письма гр. Панина къ гр. Головкину въ Данцигъ, съ собственноручною поправкою Императрицы. О прекращеніи сношеній съ г. Данцигомъ и о выѣздѣ его изъ Данцига.	279
2606	—	*6*	Нота, врученная посланникомъ въ Вѣнѣ кн. Голицынымъ Австрійскому вице-канцлеру кн. Коллоредо. По поводу утвержденія Императоромъ Іосифомъ II произведеннаго обмѣна Голштинскихъ владѣній в. кн. Павла Петровича на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ	280
2607	—	*9*	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. О жалобѣ войска Донского на сдачу Калгой-султаномъ Шагинъ-Гиреемъ купцамъ Сидельниковымъ соляныхъ промысловъ на Кубани и торга солью	284
2608	—	*11*	Письмо гр. Панина № 12 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О проектѣ сепаратнаго акта о торговлѣ между Россіей и Польшей. *Приложеніе.* Проектъ означеннаго сепаратнаго акта	286
2609	—	»	Тоже (№ 13). О выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши, о пенсіяхъ нѣкоторымъ польскимъ сановникамъ и о времени роспуска сейма и конфедераціи	290
2610	—	»	Тоже (№ 14). Объ отказѣ герцога Курляндскаго отъ его претензіи въ 200.000 талеровъ къ Саксонскому двору.	291

№№				Стр.
2611	*Декабря*	*11*	Тоже (№ 15). О предполагаемомъ со стороны Польши наборѣ въ Курляндіи одного полка для несенія службы республикѣ, о назначеніи постояннаго польскаго резидента въ Митавѣ и о противодѣйствіи обѣимъ этимъ мѣрамъ .	292
2612	—	»	Тоже (№ 16). О перерывѣ сношеній съ г. Данцигомъ и о воздѣйствіи на короля Станислава-Августа въ смыслѣ побужденія жителей г. Данцига придти къ соглашенію съ королемъ Прусскимъ	293
2613	—	»	Тоже (№ 17). О выѣздѣ русскихъ комиссаровъ по разграниченію земель съ Польшей и съ препровожденіемъ перевода съ данной имъ инструкціи.	294
2614	—	»	Тоже. Объ устройствѣ дѣла диссидентовъ, о подаркѣ Глеру, о назначеніи бар. Штакельберга посломъ, о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши и объ уплатахъ за забираемый ими провіантъ	294
2615	—	*12*	Проектъ письма гр. Панина къ И. Симолину въ Копенгагенъ. О побужденіи Датскаго министерства уплатить половину расходовъ по утвержденію актовъ обмѣна Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ . .	296
2616	—	*16*	Письмо гр. Панина къ кн. Барятинскому въ Парижъ. Объ оказаніи содѣйствія отправленнымъ въ Зап. Европу для осмотра водяныхъ сообщеній инженеръ-капитану Корсакову и капралу кн. Бабичеву . . .	297
2617	—	»	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О суммахъ, опредѣляемыхъ на содержаніе церкви въ г. Килѣ.	298
2618	—	*19*	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. О стараніи привести Крымскихъ татаръ къ признанію себя независимыми, о соединеніи Ногайскихъ ордъ противъ Крымцевъ и Порты, о примиреніи Джанъ-Мамбетъ-бея съ Шагинъ-Гиреемъ, о дозволеніи Ногайцамъ, преслѣдуемымъ по наущенію Порты, приблизиться къ русской границѣ, о побужденіи Ногайцевъ протестовать противъ непризнанія Крымскимъ ханомъ своей независимости, о подготовленіи Ногайцевъ къ признанію Шагинъ-Гирея независимымъ отъ Крыма начальникомъ всѣхъ Ногайскихъ ордъ.	298
2619	—	*22*	Письмо гр. Панина къ Местмахеру въ Эйтинъ. О политикѣ министра принца-епископа Любекскаго Гольмера и о способѣ принятія инвеституры въ Вѣнѣ на новыя владѣнія принца-епископа	304
2620	—	»	Тоже. О назначеніи удѣла принцу Петру Голштинскому.	306
2621	—	»	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О данномъ имъ ген. Щербинину предостереженіи относительно приведенія въ дѣйствіе плана учрежденія независимости Ногайскихъ ордъ	306
2622	*До 23 Декабря*		Копія съ собственноручной записки Императрицы къ гр. Панину. О французскомъ нахальствѣ, о Волошскомъ господарѣ и о назначеніи актуаріуса (Мигая)	307

№№				Стр.
2623	*Декабря*	*23*	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. О посланномъ ему рескриптѣ и о подготовкѣ Ногайцевъ къ провозглашенію себя отложившимися отъ Крыма . .	307
2624	—	*23*	Письмо гр. Панина къ бар. Ассебургу въ Регенсбургъ. Съ дозволеніемъ ему принять въ даръ отъ Дармштадтскаго двора назначенные въ приданое в. кн. Наталіи Алексѣевнѣ 20.000 флориновъ.	308
2625	*Декабрь.*		Проектъ письма гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. О назначеніи актуаріуса Мигая состоящимъ при Молдавскомъ господарѣ Гикѣ и о сношеніяхъ кн. Голицына съ нимъ.	308
2626	—		Проектъ рескрипта Императрицы Кіевскому ген.-губернатору Воейкову. О томъ же и о способѣ сношеній его съ Мигаемъ	309
2627	—		Наставленіе тит. сов. Мигаю, назначенному состоять при Молдавскомъ господарѣ. О соблюденіи имъ тайны и осторожности, о способѣ добыванія свѣдѣній, о наиболѣе важныхъ свѣдѣніяхъ, имѣющихъ быть доставляемыми имъ, объ обезпеченіи тайны его переписки.	311
2628	—	*28*	Нота, врученная Портѣ Прусскимъ посланникомъ въ Константинополѣ Цегелиномъ. Съ отвѣтами Россійскаго двора на ноту Порты касательно смягченія 5 статей мирнаго договора . . .	314
2629	*Безъ даты.*		Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Панину. О письмѣ ея къ королю Шведскому и объ отклоненіи намѣренія его пріѣхать въ Москву. .	317

1775 годъ.

	Января	*4*	Копія съ письма Императрицы къ кн. В. М. Долгорукову.	321
2630	—	*5*	Копія съ письма Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. Съ просьбой отложить пріѣздъ его въ Россію до другого времени . . .	321
	—	»	Рескриптъ Императрицы вице-адмир. Сенявину.	321
2631	—	»	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ опредѣленіи суммы на наемъ дома для Польскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Де-Боли. . . .	321
2632	—	»	Проектъ письма гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. Объ уплатѣ денегъ за акты по обмѣну Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ . . .	322
2633	—	*6*	Тоже. Объ отъѣздѣ кн. Лобковича изъ С.-Петербурга .	323
2634	—	»	Письмо гр. Панина къ бар. Ассебургу въ Регенсбургъ. О церемоніалѣ пріема Ассебурга при сеймѣ и о дозволеніи ему отлучаться отъ его поста . .	323

№№				Стр.
2635	*Января*	*6*	Письмо гр. Панина къ Мусинъ-Пушкину въ Лондонъ. О дозволеніи ему пріѣхать въ Россію и объ аккредитованіи повѣреннымъ въ дѣлахъ на время его отсутствія Лизакевича.	325
2636	—	*7*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ окончаніи сейма, объ отъѣздѣ кн. Лобковича, о кн. Сулковскомъ, Боскампѣ, Крюденерѣ, гр. Гюльзенѣ и Глерѣ	325
2637	—	»	Письмо гр. Панина къ гр. Гюльзену, воеводѣ Минскому. Съ выраженіемъ благодарности за поздравленія, съ увѣреніемъ въ благопріятномъ мнѣніи Россійскаго двора о немъ и съ обѣщаніемъ оказать содѣйствіе его видамъ	326
2638	—	»	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ окончаніи сейма, о передачѣ постоянному совѣту дѣла о разграниченіи Польши съ Пруссіей и Австріей и о разграниченіи ея съ Россіей . . .	327
2639	—	*8*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ отправленіи турецкихъ плѣнныхъ въ Кіевъ	328
2640	—	»	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О желательности скорѣйшаго обмѣна ратификацій мирнаго договора и о неизмѣнности статей послѣдняго, о соглашеніи Порты съ Крымомъ по дѣламъ религіознымъ, о выполненіи Портою всѣхъ статей мирнаго договора, касающихся Крыма, о захватѣ Австріею части Молдавіи и Валахіи, о сдачѣ Россіи Кинбурна.	328
2641	—	*9*	Письмо гр. Панина къ Стахіеву въ Стокгольмъ. Съ препровожденіемъ копіи съ письма Императрицы къ королю Шведскому, содержащаго просьбу объ отсрочкѣ намѣренія короля посѣтить Россію.	331
2642	—	*9*	Письмо гр. Панина къ гр. Румянцеву. О захватѣ Австріей части Молдавіи и Валахіи, о внушеніяхъ Портѣ по поводу обмѣна ратификацій и отдачи Кинбурна, о гарантіи Россіи на Молдавію и Валахію, о дѣлахъ Крымскихъ и Персидскихъ, объ уплатѣ Портою контрибуціи, о затрудненіи, сдѣланномъ Портою при отдачѣ Кинбурна	332
2643	—	*10*	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. О примиреніи Шагинъ-Гирея съ Джанъ-Мамбетъ-беемъ, объ установленіи независимой отъ Крыма власти среди Ногайцевъ, о Крымскихъ депутатахъ въ Константинополѣ, о порученіи Ногайцами начальства надъ собою Калгѣ-султану	337
2644	—	*13*	Письмо гр. Панина къ принцу-епископу Любекскому. Съ препровожденіемъ ему писемъ Императрицы и в. кн. Павла Петровича и съ поздравленіемъ по случаю предполагаемаго бракосочетанія его сына . . .	338

№№				Стр.
2645	*Января*	*20*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О протестѣ Польскаго правительства по случаю предстоящаго проѣзда турецкаго посла черезъ Польскія земли	339
2646	—	*29*	Письмо вице-канцлера кн. Голицына къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. По поводу поданнаго Императрицѣ прошенія отъ Маріи-Христины Завойской	340
	Январь.		Собственноручное черновое письмо Императрицы къ гр. Румянцеву	340
2647	*Февраля*	*24*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. Съ изъявленіемъ удовольствія по случаю обмѣна ратификацій мирнаго договора и благоволенія къ полк. Петерсону и о переводѣ суммъ турецкой контрибуціи въ Амстердамъ	340
2648	—	»	Нота Шведскому посланнику бар. Нолькену. По поводу формы писемъ короля Шведскаго къ Императрицѣ	342
2649	—	*25*	Собственноручная резолюція Императрицы. Съ отказомъ на просьбу Австрійскаго посланника въ Варшавѣ разрѣшить покупку лошадей въ Россіи для Австрійской кавалеріи	343
	Марта	*4*	Письмо Императрицы къ кн. Репнину	343
2650	—	*12*	Собственноручная резолюція Императрицы. О безпошлинномъ пропускѣ Бухарскаго посланца И. Максютова	343
2651	—	*13*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О размѣнѣ турецкихъ плѣнныхъ	344
2652	—	»	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. О жалобахъ Донскихъ казаковъ на захватъ Ногайцами принадлежащихъ имъ угодій	344
2653	—	»	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О выдачѣ кн. Репнину денегъ на покупку столоваго бѣлья и посуды	345
2654	—	»	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. О занятіи Шагинъ-Гиреемъ Тамани, о сообщеніи Крымскому правительству относительно установленія независимости Ногайцевъ, о привлеченіи Эдишкульской орды къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ другими, о дарованіи денежныхъ пособій Шагинъ-Гирею, о пріѣздѣ Щербинина въ Москву	345
2655	—	»	Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Щербинину. О выдачѣ Шагинъ-Гирею до 50.000 р. на различныя надобности и для привлеченія имъ на эти средства сторонниковъ	349
2656	—	»	Письмо гр. Панина къ Калгѣ-султану Шагинъ-Гирею. О независимости Крыма, о похвальныхъ дѣйствіяхъ его въ пользу этой независимости и съ выраженіемъ надежды на дальнѣйшіе успѣхи его въ ростѣ его знатности и достоинства	349

№№				Стр.
2657	*Марта*	*17*	Проектъ манифеста по случаю мира съ Турціей, съ собственноручными поправками Императрицы	352
2658	—	*22*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Румянцеву. О наблюденіи за поступками Запорожцевъ и о необходимости усмирить ихъ	353
	—	*23*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову	353
2659	—	»	Высочайшая резолюція за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы. О невзысканіи недоимокъ, оставшихся по почтовой части послѣ смерти почтдиректора бар. Аша	353
2660	*До 31 Марта.*		Письмо гр. Панина къ И. Симолину въ Копенгагенъ. О требованіи Ангальтъ-Цербстскаго правительства относительно возвращенія ему находящихся на Саксонской службѣ подданныхъ принца и о желательности сокращенія числа войскъ послѣдняго	354
2661	*Марта*	*31*	Рескриптъ вновь назначенному посланникомъ въ Стокгольмѣ И. Симолину. О назначеніи его посланникомъ въ Стокгольмѣ	354
2662	—	»	Рескриптъ вновь назначенному посланникомъ въ Копенгагенѣ Сакену. О назначеніи его посланникомъ въ Копенгагенѣ	355
	Апрѣля	*2*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову	356
		»	Рескриптъ Императрицы вице-адмир. Сенявину	357
2663	—	*3*	Письмо гр. Панина къ И. Симолину въ Копенгагенъ. Объ отъѣздѣ его изъ Копенгагена и о сообщеніи имъ Сакену всѣхъ нужныхъ свѣдѣній по дѣламъ миссіи	357
2664	—	»	Всеподданнѣйшій докладъ съ собственноручными резолюціями Императрицы. О награжденіи великаго постельника Молдавскаго Аргирія, Молдавскаго бана Палладія и Фокшанскаго архимандрита Варлаама	357
2665	—	*7*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О дачѣ кормовыхъ денегъ Бухарскому посланцу	358
2666	—	*14*	Письмо канцеляріи совѣтника Крока къ Местмахеру въ Эйтинъ. О сношеніяхъ его съ Гольмеромъ, о вліяніи Сальдерна на Голштинскую политику и о направленіи послѣдней на правильный путь	359
2667	—	*15*	Проектъ рескрипта Императрицы гр. Румянцеву, съ собственноручными ея поправками. О пріѣздѣ турецкаго посла, о назначеніи бар. Игельстрома приставомъ при немъ и ген. Воейкова—комиссаромъ по размѣну плѣнныхъ, о снабженіи ихъ воинскою командою, о суммахъ, опредѣленныхъ на содержаніе посла и на издержки бар. Игельстрома	360

№№				Стр.
2668	*Апрѣля*	*24*	Инструкція чрезвычайному и полномочному послу при Портѣ Оттоманской кн. Репнину. О характерѣ политики Россіи по отношенію къ Турціи, о независимости Крыма и о средствахъ убѣдить Порту признать таковую, о свободѣ плаванія для русскихъ судовъ по Черному морю и о стараніяхъ другихъ державъ добиться того же права, о свободѣ построенія городовъ и крѣпостей по границѣ между Россіей и Турціей, объ отношеніяхъ кн. Репнина къ министрамъ другихъ державъ при Портѣ, о желательности возобновленія дипломатическихъ сношеній между Турціей и Польшей, о наблюденіи за исполненіемъ ст. ст. 8, 14, 16 и 17 мирнаго договора, о поддержкѣ передъ Портою ходатайства кн. Кантакузина, о развѣдываніи относительно состоянія торговли въ Константинополѣ. *Приложенія*: 1) Записка Вѣнскаго двора относительно свободы торговли и плаванія по Черному морю; 2) Нота Варшавскаго двора относительно неумѣстности проѣзда турецкаго посла черезъ Польскія земли	362
2669	—	*24*	Листъ отъ гр. Панина къ верховному визирю Оттоманской Порты. О посольствѣ кн. Репнина, объ исходатайствованіи ему аудіенціи у султана и съ пожеланіемъ сохраненія мира между Россіей и Турціей .	375
		»	Экстрактъ изъ рескрипта Императрицы кн. Репнину	376
2670	—	*26*	Рескриптъ Императрицы командующему въ Кизлярской сторонѣ ген.-пор. Медему. О намѣреніи его предпринять походъ для наказанія Хайдатскаго владѣльца Уцмія	376
2671	*Мая*	*9*	Отвѣтная нота Австрійскому повѣренному въ дѣлахъ бар. Зедделеру. Объ отказѣ Императрицы принять на себя посредничество въ разрѣшеніи пограничныхъ споровъ между Австріей и Польшей. . .	377
2672	—	»	Проектъ письма гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. О нотѣ Австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ и отвѣтъ Россійскаго двора на нее, объ установленіи торговли между Россіей и венгерскими подданными Австріи	379
2673	—	»	Письмо гр. Панина къ Австрійскому посланнику кн. Лобковичу. Съ изъявленіями дружбы къ нему и съ увѣреніемъ въ неизмѣнности чувствъ Императрицы къ ея союзникамъ и началъ ея политики по отношенію къ нимъ	380
2674	*До 12 Мая*		Собственноручная записка Императрицы. О назначеніи Лидсъ-Бута консуломъ въ Гибралтарѣ . .	381
2675	*Мая*	*12*	Собственноручная резолюція Императрицы. О дачѣ Лидсъ-Буту консульскаго патента . . .	381
2676	—	*13*	Копія съ письма Завадовскаго къ гр. Панину. Съ передачей ему распоряженія Императрицы о присылкѣ ей переводовъ съ турецкихъ писемъ, полученныхъ отъ кн. Репнина	381

№№				Стр.
2677	*Послѣ 13 Мая*		Письмо гр. Панина къ послу кн. Репнину. Объ отъѣздѣ къ нему бар. Биленштейна и Плещеева, о посылкѣ ему 5.207 червонцевъ, мѣховъ и чаю. . . .	382
2678	*Мая*	*20*	Проектъ письма Императрицы къ Станиславу-Августу, королю Польскому. Съ изъявленіемъ радости по случаю завершенія внутренняго устройства Польши и съ выраженіемъ надежды на продолженіе добраго согласія между Россіей и Польшей. . . .	382
	—	»	Письмо гр. Панина къ послу кн. Репнину.	383
	—	*21*	Рескриптъ Императрицы вице-адмир. Сенявину	383
2679	—	*23*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Панину. О дѣлахъ польскихъ, о французскихъ предложеніяхъ при Портѣ, о назначеніи бар. Штакельберга посломъ и о пожалованіи ему ордена св. Александра Невскаго, о поступкахъ короля Прусскаго, о холодной погодѣ, объ англійскомъ посланникѣ, о путешествіи четырехъ министровъ	383
2680	—	*24*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О докладной запискѣ гр. Гюльзена и о содѣйствіи его домогательствамъ.	384
2681	—	»	Письмо гр. Панина къ гр. Гюльзену, воеводѣ Минскому. О данномъ имъ бар. Штакельбергу предписаніи содѣйствовать домогательствамъ гр. Гюльзена	385
2682	—	*25*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Панину. О прибытіи короля Шведскаго въ Финляндію, о приказаніи Выборгскому губернатору ѣхать къ нему на поклонъ, о слухѣ относительно смерти Датской королевы Каролины-Матильды.	385
2683	—	*27*	Письмо гр. Панина къ Императрицѣ. О данномъ имъ Выборгскому губернатору повелѣніи по случаю прибытія короля Шведскаго и о заготовленныхъ имъ бумагахъ по Крымскимъ дѣламъ.	385
2684	—	*28*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Панину. Съ одобреніемъ заготовленныхъ имъ бумагъ по Крымскимъ дѣламъ и о возмущеніи въ Парижѣ	386
2685	—	»	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ отпускѣ денегъ на неположенные въ штатѣ расходы	387
2686	*Май*		Письмо гр. Панина къ бар. Ассебургу въ Регенсбургъ. О способѣ аккредитованія его при Имперскомъ сеймѣ	387
2687	*Іюня*	*2*	Собственноручное письмо Императрицы къ гр. Панину. Съ возвращеніемъ ему различныхъ бумагъ, о Волошскомъ господарѣ, объ аудіенціи гр. Левенгаупту.	388

№№				Стр.
2688	*Іюня*	*4*	Собственноручная резолюція Императрицы. О дачѣ консулу въ Портъ-Магонѣ Ѳ. Алексіано предписанія продать оставшійся тамъ русскій порохъ . . .	388
2689	—	*6*	Рескриптъ Императрицы гр. Румянцеву. О сообщеніи ему копій съ рескриптовъ Щербинину и кн. Прозоровскому и о дачѣ имъ соотвѣтственнаго предписанія полк. Петерсону	389
2690	—	»	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. О низложеніи Сагибъ-Гирея и о возведеніи въ Крымскіе ханы Девлетъ-Гирея, о доставленіи послѣднему прилагаемаго письма отъ имени Щербинина, объ отношеніи Ногайскихъ татаръ къ совершившейся перемѣнѣ, о поощреніи Калги-султана въ его дружбѣ къ Россіи и въ его намѣреніи остаться начальникомъ Ногайскихъ ордъ, о выдачѣ ему 50.000 р., о скрывшихся въ Крыму сообщникахъ Пугачева и о переходѣ Бѣлгородскихъ татаръ изъ Крыма въ Бессарабію. *Приложеніе:* Форма письма отъ ген.-пор. Щербинина къ Крымскому хану Девлетъ-Гирею и правительству Крымскому	390
2691	—	*6*	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. кн. Прозоровскому. О данныхъ Щербинину предписаніяхъ и объ отправленіи къ хану Девлетъ-Гирею прилагаемаго письма отъ имени кн. Прозоровскаго. *Приложеніе*: Форма письма отъ ген.-пор. кн. Прозоровскаго къ хану Девлетъ-Гирею и правительству Крымскому	397
2692	—	*10*	Копія съ письма Г. А. Потемкина къ гр. Панину. О повелѣніи Императрицы отправить въ Швецію гр. А. П. Шувалова	400
2693	—	*11*	Письмо Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. О пріемѣ ею гр. Левенгаупта и съ выраженіемъ сожалѣнія въ томъ, что она не могла принять короля въ С.-Петербургѣ	400
2694	—	*14*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О работахъ русскихъ и польскихъ комиссаровъ по проведенію границы между Россіей и Польшей и объ утвержденіи Польскимъ правительствомъ проведенной границы	401
2695	—	»	Тоже. Объ исходатайствованіи для гр. Гуровскаго мѣста вице-канцлера Литовскаго	402
2696	—	*15*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ ассигнованіи денегъ на возвращеніе въ Россію отозваннаго изъ Швеціи посланника Стахіева. . .	402
	—	»	Копія съ рескрипта Императрицы кн. Репнину	403
2697	—	*16*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ Сакену въ Копенгагенъ. О долѣ Даніи въ уплатѣ за акты по Голштинскому дѣлу; изложеніе шести основаній, по которымъ Даніи надлежитъ уплатить половину требуемыхъ издержекъ; о необходимости склонить гр. Бернсторфа согласиться на эту уплату; о пониженіи стоимости за акты до 100.000 флориновъ	403

№№				Стр.
2698	*Іюня*	*20*	Письмо гр. Панина къ Императрицѣ. О манифестѣ по поводу уничтоженія Запорожскаго казачьяго войска и о приписке Запорожцевъ къ разнымъ провинціямъ	406
2699	—	»	Рескриптъ посланнику Мусинъ-Пушкину въ Лондонъ. О назначеніи Лидсъ-Бута консуломъ въ Гибралтарѣ и о сообщеніи о томъ Англійскому министерству.	407
2700	—	»	Инструкція консулу въ Гибралтарѣ Лидсъ-Буту.	408
2701	—	*21*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ отправленіи въ Стокгольмъ гр. Шувалова и о дачѣ ему денегъ на проѣздъ	410
2702	—	*23*	Тоже. О назначеніи бар. Штакельберга чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при Варшавскомъ дворѣ и объ опредѣленіи ему жалованья, столовыхъ и денегъ на заведеніе экипажа и дома	410
2703	—	»	Копія съ письма Императрицы къ Густаву III, королю Шведскому. Объ отправленіи къ нему гр. Шувалова для привѣтствованія его отъ имени Императрицы	411
2704	—	*25*	Записка для Бухарскаго посланца Ирезера Максютова. Съ 7 вопросными пунктами по поводу состоянія Бухары, ея сосѣдей, ея товаровъ, разстояній до русскихъ предѣловъ, о Трухменцахъ и Киргизъ-Кайсакахъ и о новомъ пути до Бухары.	412
2705	*Послѣ 25 Іюня.*		Всеподданнѣйшій докладъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ по поводу представленій Бухарскаго посланца И. Максютова. О требованіи его относительно возвращенія съ Киргизъ-Кайсаковъ разграбленныхъ ими Бухарскихъ каравановъ и удовлетворенія наслѣдниковъ убитыхъ во время осады Оренбурга Пугачевымъ Бухарцевъ, о представленіи его относительно установленія безопаснаго торговаго пути между Бухарой и Оренбургомъ и укрощенія нападающихъ на караваны Киргизъ-Кайсаковъ, о средствахъ къ достиженію того и другого и объ истребованіи свѣдѣній о томъ отъ Оренбургскаго губернатора.	413
2706	*Іюня*	*26*	Рескриптъ И. Симолину въ Стокгольмъ. Объ отправленіи гр. Шувалова въ Стокгольмъ съ привѣтствіемъ Шведскому королю.	422
2707	—	»	Инструкція отправляющемуся въ Швецію тайн. сов. и камергеру гр. Шувалову . . .	422
2708	—	*27*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О вступленіи его въ должность посла, о посредничествѣ Императрицы въ пограничномъ спорѣ Польши съ Австріей и Пруссіей, о домогательствахъ поляковъ, о пребываніи гр. Браницкаго въ С.-Петербургѣ.	424
2709	*Іюнь*		Письмо гр. Панина къ бар. Ассебургу въ Регенсбургъ. О сношеніяхъ его съ Саксонскимъ министромъ при сеймѣ	425

№№				Стр.
2710	*Іюля*	*2*	Письмо гр. Панина къ Стахіеву въ Стокгольмъ. Объ отъѣздѣ его изъ Стокгольма, о деньгахъ, назначенныхъ на выѣздъ его, и о выдачѣ ему столовыхъ денегъ	426
	—	*11*	Копія съ рескрипта Императрицы кн. Репнину.	426
2711	—	»	Черновое собственноручное письмо Императрицы къ кн. Репнину въ Константинополь. О скорѣйшемъ переводѣ въ Амстердамъ денегъ, полученныхъ въ уплату турецкой контрибуціи.	427
2712	—	*17*	Собственноручное повелѣніе Императрицы. О пожалованіи Неаполитанскому генералу гр. Карафа ордена св. Александра Невскаго.	427
2713	—	»	Копія съ рескрипта Императрицы гр. А. Г. Орлову. О томъ же.	428
2714	—	*27*	Проектъ письма гр. Панина къ Местмахеру въ Эйтинъ. О намѣреніи принца-коадъютора Любекскаго принять римско-католическую религію, о признаніи проекта бракосочетанія послѣдняго не подлежащимъ осуществленію, о возвращеніи принца-коадъютора во-свояси, о необходимости приложить старанія убѣдить его въ его заблужденіи, о переговорахъ Местмахера по этому поводу съ принцемъ-епископомъ и о согласіи в. кн. Павла Петровича съ видами Императрицы въ настоящемъ дѣлѣ	428
2715	—	»	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. бар. Игельстрому. О внушеніи Турецкому послу относительно необходимости принять карантинныя предосторожности при въѣздѣ въ Россію и о содѣйствіи тому со стороны ген. Воейкова.	430
2716	—	»	Рескриптъ Императрицы Кіевскому ген.-губернатору Воейкову. О томъ же.	432
2717	—	»	Рескриптъ Императрицы ген.-пор. Щербинину. О назначеніи его сенаторомъ и о сдачѣ имъ дѣлъ гр. Румянцеву.	433
2718	—	*28*	Проектъ письма гр. Панина къ ген.-пор. бар. Игельстрому. О рескриптѣ Императрицы ему, о томъ, чтобы не торопить Турецкое посольство пріѣздомъ въ Москву, о присылкѣ росписи свиты посла.	433
2719	—	»	Проектъ письма гр. Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну. Объ уплатѣ пополамъ съ Даніей расходовъ по совершенію актовъ, относящихся къ обмѣну Голштиніи, и о распредѣленіи назначенной на это суммы.	434
2720	—	»	Рескриптъ Императрицы командующему въ Кизлярской сторонѣ ген.-пор. Медему. О произведенномъ имъ наказаніи Хайдатскаго владѣльца Уцмія за задержаніе академика Гмелина, о необходимости примиренія Дербентскаго хана съ Уцміемъ, объ отказѣ въ принятіи подъ покровительство Россіи шефкала Тарковскаго и владѣльца Буйнацкаго и о невозможности исполненія просьбы Грузинскаго владѣтеля Ираклія перевести русскія войска ближе къ Грузіи	435

№№			Стр.
2721	*Іюля*	*31*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ И. Симолину въ Стокгольмъ. О затрудненіяхъ, встрѣченныхъ послѣднимъ при исходатайствованіи пріемной аудіенціи у короля, о расположенныхъ къ Россіи шведахъ и о присылкѣ списка ихъ	438
2722	*Іюль.*		Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ освобожденіи отъ пошлины вещей бар. Штакельберга и о принятыхъ по этому случаю обыкновеніяхъ.	439
2723	*27 Іюня 1776 г.* [1])		Проектъ рескрипта Императрицы ген.-пор. кн. Прозоровскому.	440
2724	*27 Іюня 1776 г.* [1])		Проектъ рескрипта Керченскому и Еникальскому оберъ-коменданту ген.-маіору Борзову	441
2725	*27 Іюня 1776 г.* [1])		Проектъ рескрипта находящемуся при Калгѣ-султанѣ Шагинъ-Гиреѣ бригадиру Бринку.	442
2726	*Раньше Августа.*		Письмо гр. Панина къ принцу-епископу Любекскому. О желательности назначенія Коха резидентомъ принца-епископа при Вѣнскомъ дворѣ	446
2727	*Августа*	*4*	Собственноручная замѣтка Императрицы. О времени пріѣзда Турецкаго посла въ Москву	447
	—	*5*	Рескриптъ Императрицы послу кн. Репнину.	447
2728	—	»	Проектъ письма Императрицы къ Станиславу-Августу, королю Польскому. Съ изъявленіемъ удовольствія ея по поводу привезеннаго гр. Браницкимъ письма короля, съ отзывомъ о гр. Браницкомъ и съ увѣреніемъ въ желаніи ея сохранить доброе согласіе съ Польшей	447
2729	—	»	Тоже. О положеніи диссидентовъ въ Польшѣ и съ просьбой содѣйствовать удовлетворенію ихъ домогательствъ. .	448
2730	*Послѣ 5 Августа*		Собственноручная записка Императрицы. О состояніи обороны крѣпостей Еникале, Керчи и Кинбурна, о привезенныхъ въ Крымъ Албанцахъ, о пресѣченіи сообщеній Запорожцевъ съ татарами и о вниманіи къ дѣламъ на Кубанской сторонѣ	449
2731	*Августа*	*8*	Письмо гр. Панина къ Императрицѣ. О двухъ рескриптахъ кн. Репнину.	449
	—	*9*	Рескриптъ Императрицы послу кн. Репнину.	450
	—	»	Тоже.	450

[1]) Документы №№ 2723, 2724 и 2725 включены въ настоящую часть Дипломатической переписки Имп. Екатерины II по ошибкѣ, вызванной тѣмъ, что въ дѣлѣ, въ которомъ находились проекты рескриптовъ, напечатанные подъ вышеозначенными номерами, заключались документы только 1774 и 1775 годовъ, настоящіе же три документа не имѣли даты, и они были отнесены предположительно, на основаніи содержанія ихъ, къ Іюлю—Августу 1775 г.; изъ разсмотрѣнія же документовъ слѣдующаго 1776 года выяснилось, что означенные проекты рескриптовъ должны быть отнесены къ 27 Іюня этого года.

№№				Стр.
2732	*Августа*	*9*	Письмо гр. Панина къ послу кн. Репнину въ Константинополь. О рескриптахъ ему, Щербинину, Воейкову и Игельстрому	451
2733	—	*11*	Копія съ письма Императрицы къ старшинамъ диссидентовъ. Съ изъявленіемъ благоволенія ея къ диссидентамъ въ-отвѣтъ на привезенное ихъ делегатомъ полк. Зеленскимъ письмо къ ней	451
2734	—	»	Письмо гр. Панина къ старшинамъ диссидентовъ. О привезенномъ полк. Зеленскимъ письмѣ ихъ къ нему, съ препровожденіемъ письма Императрицы къ нимъ и съ увѣреніемъ въ готовности его содѣйствовать ихъ домогательствамъ	452
2735	—	*12*	Проектъ письма гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О пріемѣ полк. Зеленскаго Императрицею, о содѣйствіи домогательствамъ диссидентовъ и о назначеніи ихъ на различныя должности	452
2736	—	»	Тоже. Объ оказаніи содѣйствія полк. Зеленскому въ его ходатайствѣ передъ королемъ Польскимъ	453
2737	—	»	Письмо гр. Панина къ резиденту принца-епископа Любекскаго въ Вѣнѣ Коху. Съ изъявленіемъ удовольствія по случаю назначенія его полномочнымъ министромъ принца епископа въ Вѣнѣ	454
2738	—	*13*	Письмо гр. Панина къ бар. Ассебургу въ Регенсбургъ. Объ отъѣздѣ гр. Панина въ отпускъ и о довѣріи его къ знаніямъ и опыту бар. Ассебурга въ дѣлѣ аккредитованія послѣдняго при сеймѣ	454
2739	—	»	Проектъ письма гр. Панина къ консулу Ѳ. Алексіано въ Портъ-Магонъ. О продажѣ оставшагося въ Портъ-Магонѣ русскаго пороха	455
2740	—	»	Письмо гр. Панина къ принцу Голштинскому Петру-Фридриху-Людвигу. О полученіи его писемъ къ нему, къ Императрицѣ и вел. князю, о сдѣланномъ ему въ Дармштадтѣ предложеніи, о пользѣ для него отъ путешествій и съ пожеланіями добраго здоровья	455
2741	»	*27*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ маркизу Маруцци въ Венецію. О развѣдываніи отъ близкихъ къ кн. Радзивилу лицъ о происхожденіи и жизни бывшей при немъ женщины (т. наз. кн. Таракановой)	456
2742	*Августъ.*		Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ уступкѣ Польшѣ 129 крестьянъ для удобства разграниченія	456
	Сентября 2		Копія съ рескрипта Императрицы послу кн. Репнину	457
	До 3 Сентября		Письмо Императрицы къ вице-канцлеру гр. Остерману	457

№№				Стр.
2743	*Сентября*	*3*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ послу кн. Репнину въ Константинополь. Объ объясненіяхъ, данныхъ кн. Репнинымъ при Портѣ, относительно причинъ уничтоженія Запорожскаго войска, и о нежелательности дальнѣйшихъ объясненій по этому поводу	457
2744	—	»	Проектъ письма вице-канцлера гр. Остермана къ гр. Штакельбергу въ Варшаву. О соизволеніи Императрицы на принятіе имъ титула графа Римской Имперіи и подарка отъ Австрійскаго двора и съ препровожденіемъ векселя на 12.000 р. для отвѣтнаго подарка Австрійскому посланнику въ Варшавѣ . .	458
2745	—	»	То же. О подаркахъ Австрійскому и Прусскому посланникамъ въ Варшавѣ, объ оставленіи безъ разрѣшенія запросовъ его до возвращенія гр. Панина, о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши, о слухахъ о новомъ расширеніи границы Пруссіи со стороны Польши, о просьбѣ гр. Штакельберга пріѣхать въ Москву.	459
2746	—	*7*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ И. Симолину въ Стокгольмъ. О переговорахъ его съ Шведскимъ посланникомъ бар. Нолькеномъ по поводу холоднаго пріема, оказаннаго гр. Шувалову въ Стокгольмѣ	462
2747	—	*8*	Собственноручная замѣтка Императрицы. Объ отсутствіи права у Россіи и Турціи вмѣшиваться въ татарскія дѣла	467
	—	*9*	Собственноручная резолюція Императрицы.	467
2748	—	»	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О назначеніи Веселицкаго къ дѣламъ татарской экспедиціи	468
2749	—	*10*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ гр. Штакельбергу въ Варшаву. О состоявшемся повелѣніи о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши.	468
2750	—	*18*	Письмо гр. Панина къ гр. Штакельбергу въ Варшаву. О ходатайствѣ кн. Чарторыйскаго о назначеніи гр. И. Потоцкаго коронным вице-канцлеромъ и о поддержкѣ означеннаго ходатайства.	468
	—	*23*	Письмо Императрицы къ Георгу III, королю Англійскому.	469
2751	—	*30*	Проектъ письма гр. Панина къ ген.-пор. Игельстрому. О пропускѣ курьеровъ, отправляемыхъ къ турецкому послу, и о письмѣ верховнаго визиря къ гр. Панину	469
2752	*Сентябрь.*		Письмо гр. Панина къ турецкому послу Абдулъ-Кериму-эффендію. О полученіи его письма и съ изъявленіемъ радости по случаю приближенія посла къ Москвѣ	470

№№				Стр.
2753	*Октября*	*2*	Письмо Императрицы къ принцессѣ Вильгельминѣ Прусской, рожд. принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской. О соболѣзнованіи ея состоянію герцогини Голштинской вслѣдствіе умопомѣшательства ея сына, о выраженномъ Императрицею ей и ея супругу участіи къ ихъ горю и о готовности ея содѣйствовать имъ во всемъ, что можетъ облегчить имъ ихъ тяжелое положеніе . . .	470
2754	—	*3*	Письмо Завадовскаго къ гр. Панину. О повелѣніи Императрицы объ освобожденіи татарскихъ аманатовъ	471
	—	*4*	Два рескрипта Императрицы послу кн. Репнину	471
2755	—	»	Рескриптъ Императрицы Кіевскому ген.-губернатору Воейкову. О размѣнѣ плѣнныхъ турецкихъ и русскихъ	471
2756	—	»	Рескриптъ Императрицы командующему въ Кизлярской сторонѣ ген.-пор. Медему. Объ отношеніяхъ Россіи къ Персіи, о непринятіи г. Дербента и Дагестанскихъ владѣльцевъ подъ покровительство Россіи, о прекращеніи взысканія съ Уцмія, о дѣйствіяхъ противъ Горячевцевъ и Андреевскихъ владѣльцевъ, объ осторожности и умѣренности въ борьбѣ съ разбоями горцевъ, о склонности Кабардинцевъ слѣдовать примѣру Крыма . .	472
2757	—	*6*	Проектъ письма гр. Панина къ К. Симолину въ Митаву. О противодѣйствіи земскихъ чиновъ Курляндіи новымъ установленіямъ, принятымъ въ Варшавѣ въ отношеніи герцогства, и о борьбѣ Симолина съ указаннымъ противодѣйствіемъ	476
	—	*10*	Письмо гр. Панина къ послу кн. Репнину .	477
2758	—	»	Письмо гр. Панина къ Кіевскому ген.-губернатору Воейкову. Объ отпускѣ возвращенныхъ русскихъ плѣнныхъ по домамъ, безъ препровожденія ихъ въ Кіевъ	478
2759	—	»	Письмо гр. Панина къ послу кн. Репнину въ Константинополь. Объ учрежденіи наслѣдственныхъ хановъ въ Крыму, о назначеніи для переговоровъ съ кн. Репнинымъ особыхъ комиссаровъ со стороны Порты, о принятіи предосторожностей отъ заболѣваній	478
2760	—	*19*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ гр. Штакельбергу въ Варшаву. О благосклонномъ принятіи Императрицею изъявленія признательности гр. Штакельберга за дозволеніе принять графскій титулъ, о назначеніи Стахіева посланникомъ при Портѣ, объ исполненіи по двумъ письмамъ Штакельберга	479
	—	*26*	Письмо гр. Панина къ послу кн. Репнину .	480
2761	—	*30*	Собственноручная замѣтка Императрицы. О дозволеніи И. Симолину уѣхать въ отпускъ.	480

№№				Стр.
2762	*Ноября*	*2*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ Волчкову въ Данцигъ. О данномъ королемъ Прусскимъ распоряженіи не утѣснять русскихъ купцовъ въ Пруссіи и о присылкѣ вѣдомости о товарахъ, которыми русскіе купцы торгуютъ въ Пруссіи.	480
2763	—	*3*	Копія съ всеподданнѣйшаго доклада Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ собственноручной резолюціей Императрицы. О награжденіи чиномъ и переводѣ въ Кіевъ секретаря Слотвинскаго	481
2764	—	*5*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ вел. гетману гр. Браницкому. Съ поздравленіемъ по случаю возвращенія его въ Польшу и съ опроверженіемъ слуха о намѣреніи гр. Штакельберга требовать созыва чрезвычайнаго сейма и расширенія власти постояннаго совѣта.	481
2765	—	*7*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О назначеніи А. Алексіано консуломъ въ Портъ-Магонъ	482
	Послѣ 7 Ноября		Двѣ собственноручныя резолюціи Императрицы.	482
2766	*Ноября*	*14*	Письмо гр. Панина къ Местмахеру въ Эйтинъ. О мѣрахъ по случаю умопомѣшательства принца-коадъютора Любекскаго, о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ Копенгагенскимъ дворомъ въ этомъ вопросѣ, о престолонаслѣдіи въ Голштиніи въ случаѣ смерти принца-епископа и объ отклоненіи намѣренія перевезти принца-коадъютора въ Россію.	482
2767	—	»	Письмо гр. Панина къ Сакену въ Копенгагенъ. Объ умопомѣшательствѣ принца-коадъютора Любекскаго, о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ Копенгагенскимъ дворомъ по этому случаю и по вопросу о престолонаслѣдіи въ Голштиніи, о поселеніи принца-коадъютора въ Даніи, о сношеніяхъ Сакена съ Датскими министрами по настоящему дѣлу.	484
2768	—	*15*	Собственноручная резолюція Императрицы. О побужденіи Киргизъ-Кайсаковъ приблизиться къ русскимъ границамъ	488
2769	—	*17*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ отозваніи повѣреннаго въ дѣлахъ при Мальтійскомъ орденѣ маркиза Кавалькабо	489
	—	*19*	Письмо Императрицы къ послу кн. Репнину.	489
2770	—	*23*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ отправленіи въ Константинополь посланника Стахіева и о назначеніи суммъ на жалованье ему и друг. издержки.	489
2771	*Декабря*	*1*	Письмо гр. Панина къ марк. Кавалькабо, повѣренному въ дѣлахъ при Мальтійскомъ орденѣ. О выясненіи причинъ задержки ратификацій орденомъ заключеннаго графомъ Сакрамозо съ Польшею соглашенія и объ отношеніи Императрицы къ гр. Сакрамозо	490

№№				Стр.
2772	*Декабря*	*7*	Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ гр. Штакельбергу въ Варшаву. О непріятной сценѣ, происшедшей за ужиномъ у гр. Браницкаго, объ отношеніи гр. Потемкина къ гр. Браницкому и къ русской политикѣ въ Польшѣ, о польскихъ интригахъ и ложныхъ слухахъ, распространяемыхъ въ Польшѣ по поводу намѣреній Россіи.	491
2773	—	»	Письмо гр. Панина къ гр. Штакельбергу въ Варшаву. О разрѣшеніи ему прибыть въ С.-Петербургъ и о подготовленіи его къ предстоящимъ при дворѣ переговорамъ по поводу политики Россіи въ Польшѣ. .	492
2774	—	»	Собственноручная записка Императрицы. О содѣйствіи домогательствамъ кн. Элеоноры Радзивилъ и о привозѣ сына ея въ С.-Петербургъ	493
	—	*8*	Копія съ рескрипта Императрицы послу кн. Репнину	493
2775	—	*9*	Проектъ письма Императрицы къ гроссмейстеру Мальтійскаго ордена Фр. Хименецъ. Объ отозваніи повѣреннаго въ дѣлахъ при Мальтійскомъ орденѣ маркиза Кавалькабо	494
2776	—	»	Письмо гр. Панина къ послу кн. Репнину въ Константинополь. О предъявленіи Портѣ доказательствъ несогласія всѣхъ татаръ на дѣйствія Крымскаго правительства, о пріѣздѣ кн. Репнина въ Константинополь, о морской торговлѣ съ Турціей, объ отклоненіи прихотливыхъ требованій Порты, о назначеніи Стахіева посланникомъ въ Константинополѣ, о привлеченіи Крымскаго хана на сторону Россіи посредствомъ денегъ и о выводѣ турецкаго войска изъ Крыма	494
2777	—	»	Тоже. О томъ, что турецкій посолъ не будетъ перевезенъ въ С.-Петербургъ при переѣздѣ двора изъ Москвы, о церемоніи размѣна пословъ при возвращеніи ихъ въ свои отечества и объ оставленіи при Днѣстрѣ полковъ для присутствованія при этой церемоніи.	496
2778	—	»	Тоже. Съ препровожденіемъ нѣсколькихъ бумагъ и съ извѣстіемъ о возвращеніи Калги-султана на р. Эю. *Приложеніе*: Форма письма отъ ген.-пор. кн. Прозоровскаго къ хану Крымскому Девлетъ-Гирею — о совершенномъ на Калгу-султана Шагинъ-Гирея и сопровождавшій его русскій отрядъ нападеніи по наущенію Крымскаго хана.	497
2779	—	*10*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О невзысканіи денегъ за взятые Бухарскимъ посланцемъ товары и о возвращеніи ему заплаченныхъ имъ пошлинъ.	501
2780	—	»	Собственноручная резолюція Императрицы. О подаркахъ Бухарскому хану.	501
2781	—	»	Письмо гр. Панина къ И. Симолину въ Стокгольмъ. О разрѣшеніи ему уѣхать въ отпускъ и о способѣ исполненія имъ означеннаго намѣренія . .	501

№№				Стр.
2782	*Декабря*	*12*	Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О содѣйствіи ходатайству кн. Элеоноры Радзивилъ и о привозѣ сына ея въ С.-Петербургъ . .	503
2783	—	*15*	Рескриптъ Стахіеву при отправленіи его посланникомъ при Портѣ Оттоманской. О назначеніи его посланникомъ, объ опредѣленіи ему жалованья, о скорѣйшемъ отправленіи его въ Константинополь, о принятіи имъ дѣлъ миссіи отъ кн. Репнина и о дачѣ ему послѣднимъ наставленій по вопросамъ, касающимся мѣста его службы.	503
2784	—	»	Грамота Императрицы къ Турецкому султану. О назначеніи Стахіева посланникомъ при немъ и о дружественныхъ отношеніяхъ Императрицы къ султану.	505
2785	—	»	Грамота Императрицы къ верховному визирю Порты Оттоманской. О томъ же	506
2786	—	»	Листъ отъ гр. Панина къ верховному визирю Порты Оттоманской. О томъ же	507
2787	—	»	Рескриптъ послу кн. Репнину въ Константинополь. Объ отправленіи Стахіева посланникомъ въ Константинополь, о дачѣ ему кн. Репнинымъ наставленій по вопросамъ, касающимся его миссіи, и объ оставленіи при немъ канцеляріи	508
2788	—	*17*	Рескриптъ Оренбургскому губернатору ген.-пор. Рейнсдорпу. О торговлѣ съ Бухарцами, объ охранѣ ея отъ нападеній Киргизъ-Кайсаковъ и о пріисканіи мѣста для постройки крѣпости на рѣкѣ Эмбѣ . . .	509
2789	—	»	Грамота Императрицы къ Бухарскому хану. О пріемѣ посланца его И. Максютова и объ обратномъ отправленіи его въ Бухару.	512
2790	—	»	Письмо гр. Панина къ Бухарскому хану. О представленіяхъ посланца его И. Максютова, объ удовлетвореніи за произведенное Киргизъ-Кайсаками разграбленіе Бухарскихъ каравановъ и за расхищенные во время возмущенія въ Оренбургскомъ краѣ товары, объ уменьшеніи пошлины, взимаемой съ Бухарскихъ купцовъ, объ установленіи безопасности для каравановъ отъ нападеній Киргизъ-Кайсаковъ, о подаркахъ хану отъ Императрицы и вел. князя	512
2791	—	»	Записка для Бухарскаго посланца И. Максютова. Объ отвѣтѣ на его представленія, заключающемся въ грамотѣ Императрицы и письмѣ гр. Панина къ Бухарскому хану, о расположеніи Россійскаго правительства къ поощренію торговли съ Бухарой и съ выраженіемъ благоволенія къ нему за освобожденіе имъ изъ Бухары и Хивы 20 русскихъ плѣнныхъ и за добропорядочное поведеніе его при исполненіи его миссіи. . . .	516

№№				Стр.
2792	*Декабря*	*18*	Высочайшій указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ ассигнованіи денегъ на обратное отправленіе турецкаго посольства и на путевые расходы.	517
2793	—	*19 или 20*	Проектъ грамоты Императрицы къ Турецкому султану. О пріемѣ турецкаго посла въ аудіенціи, о намѣреніи Императрицы соблюдать ненарушимо договоръ о вѣчномъ мирѣ и объ отпускѣ посла обратно въ Турцію	517
2794	—	*20*	Листъ отъ гр. Панина къ верховному визирю Порты Оттоманской. О томъ же . . .	519
2795	—	*21*	Проектъ рескрипта ген.-пор. бар. Игельстрому. О назначеніи его къ обратному препровожденію турецкаго посла до границы и о направленіи и порядкѣ обратнаго путешествія.	520
2796	—	*24*	Письмо гр. Панина къ послу кн. Репнину въ Константинополь. Объ отъѣздѣ Стахіева въ Константинополь и съ просьбой оказать ему покровительство и содѣйствіе въ первыхъ шагахъ его дѣятельности на новомъ мѣстѣ его службы.	523
2797	—	*25*	Тоже. О турецкихъ притязаніяхъ и о канцелярскихъ служителяхъ въ Константинополѣ.	523
2798	—	»	Тоже. Объ отъѣздѣ Императрицы изъ Москвы, о подаркахъ турецкому послу, о желательности скорѣйшаго отъѣзда послѣдняго въ обратный путь и о данныхъ Игельстрому предписаніяхъ по поводу обратнаго препровожденія его .	524
2799	—	*29*	Проектъ письма вице-канцлера гр. Остермана къ Местмахеру въ Эйтинъ. О распоряженіи Вѣнскаго двора наблюдать за тѣмъ, какъ обращаются съ принцемъ-коадъюторомъ Любекскимъ, о желаніи короля Шведскаго доставить коадъюторство своему брату и о назначеніи имъ Паули своимъ агентомъ въ Любекѣ	525
2800	—	»	Проектъ письма вице-канцлера гр. Остермана къ кн. Голицыну въ Вѣну. Объ участіи Императрицы къ Голштинскому дому, о наблюденіи за дѣйствіями Вѣнскаго двора въ отношеніи послѣдняго, о желаніи короля Шведскаго доставить коадъюторство своему брату и о переговорахъ по поводу происшедшаго въ Голштиніи съ кн. Коллоредо.	526
2801	—	»	Проектъ письма вице-канцлера гр. Остермана къ Гроссу въ Гамбургъ. О сношеніяхъ его съ Австрійскимъ резидентомъ въ Гамбургѣ Биндеромъ, о желаніи короля Шведскаго доставить коадъюторство своему брату, о назначеніи имъ Паули своимъ агентомъ въ Любекѣ и о поѣздкѣ Гросса въ Любекъ.	527

№№			Стр.
2802	*Декабря 29*	Проектъ письма вице-канцлера гр. Остермана къ Сакену въ Копенгагенъ. О назначеніи королемъ Шведскимъ Паули своимъ агентомъ въ Любекѣ, о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ Датскимъ министромъ въ настоящемъ дѣлѣ и о данномъ Австрійскимъ правительствомъ приказаніи наблюдать за тѣмъ, какъ обращаются съ принцемъ-коадъюторомъ	528
2803	*Безъ числа.*	Проектъ письма гр. Паннина къ гр. Штакельбергу въ Варшаву. О ходатайствѣ принцессы Елисаветы Саксонской относительно полученія ею удѣла въ Польшѣ	529
2804	*Безъ числа.*	Тоже. Объ обсужденіи мѣръ къ облегченію торговыхъ сношеній Саксоніи съ Россіей, Польшей и Австріей . .	530

1772—1773 годы.

(Добавленіе къ ч. VII Дипломатической переписки Императрицы Екатерины II).

КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

(Послѣ 25 Іюля 1772 г.)

Мысли мои.

1) Представить Вѣнскому двору неудобность неограниченныхъ требованій и всякаго дальняго распространенія границъ трехъ державъ въ Польшѣ, отъ чего, кромѣ недоразумѣнія и холодности въ союзѣ, не иное что происходить будетъ. И для того объявить, что въ разсужденіи Польши;

2) Мы постановляемъ правиломъ ненарушимымъ держаться нашей конвенціи, какъ non plus ultra въ семъ дѣлѣ. Что же сіе ненарушимое правило въ разсужденіи Польши и до нея касающіяся обстоятельства относительно къ ея сосѣдямъ и нашей съ ними связи отнюдь не должно приписывать какому ни есть нашему недоброхотству къ видамъ, могущимъ распространить границы Вѣнскаго двора, сіе доказывается глубокимъ нашимъ по сю пору молчаніемъ въ разсужденіи внесенія пограничныхъ столбовъ гораздо во внутрь Волохскихъ земель;

3) и что мы не токмо сему не препятствовали, но еще съ охотою видѣть будемъ распространеніе Австрійскихъ земель хотя и теперь до самаго Бѣлграда, какъ о семъ разговоры уже были со стороны князя Кауница въ исходѣ 1770-го и въ началѣ 1771-го, для облегченія которыхъ мы и теперь всякую готовость имѣемъ учинить переговоры и самыя постановленія, если они за нужныя и надобныя признаны будутъ.

Что же касается до объекціи въ разсужденіи короля Прусскаго, дабы онъ не воспользовался симъ случаемъ для овладѣнія города Гданска, то на первый взглядъ, кажется, его отъ сего удержать можно опасеніемъ вступленія морскихъ державъ и зажженіемъ генеральной войны по всей Европѣ.

---

[1]) Гос. Арх., разр. V, № 94. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Росс. 1863 г., кн. II—«Письма и записки Имп. Екатерины къ гр. Н. И. Панину», стр. 122—123.

Относительно до прилагаемаго старанія князя Кауница о мирѣ съ Турками, то мое мнѣніе есть, что ничто скорѣе миру не способствовало бъ, какъ Вѣнскаго двора какія ни на есть демонстраціи военныя противу Турковъ, и если бъ они что ни есть подобное предприняли, или ихъ на сіе уговорить можно было, то дѣло таковое бы стоило, чтобъ съ прилежаніемъ изысканы были всевозможные къ тому способы и обороты, и не уже чтобъ они имѣли въ семъ болѣе затрудненій, нежели мы видѣли, что они дѣлали въ 1770, когда они демонстраціями и вооруженіями насъ съ королемъ Прусскимъ довели до равной противу ихъ готовости.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Сентябрь 1773 г.).

1) De pousser les Turcs par la force à signer les conditions de paix, objet du dernier congrès. Pour y réussir, il faut que l'armée du c-te Roumiantsof soit effectivement de 80 m. hommes; qu'outre cela, il soit fourni de magazins pour un an entier; qu'une flotte sur le Danube puisse le cotoyer dans la mer Noire, pour exécuter le projet sur Varna, dont je vous ai déjà parlé une fois et qui pourrait être vérifié sur les lieux par le mar. c. Roumiantsof. Ce projet entrainera dans de grandes dépenses et sera d'une consommation d'hommes prodigieuse.

2) D'inviter la cour de Vienne à coopérer par une diversion du côté de Belgrade à cette grande oeuvre. Ce serait peut-être le parti le moins avantageux pour la Russie, parce que la cour de Vienne en voudrait tirer un avantage si considérable, qu'il ne se concilierait ni avec le véritable intérêt de la Russie, ni avec celui des puissances de l'Europe.

3) De rabattre quelque chose des articles qui révoltent trop les Turcs, en un mot de sacrifier quelques avantages en faveur de la paix et de regagner par Oczakow ou par Bender ce qu'on cède d'un côté, pour le bien de la paix et du repos de tant de nations.

Le premier de ces trois partis est le plus brillant, mais le plus dangereux; le second est le plus faible et moins politique; le troisième tient le milieu entre les deux autres. Il est le plus sûr, je le regarderais même comme le plus sage, et je crois, qu'en proposant quelques chan-

[1]) Гос. Арх., разр. X, № 69, л. 367.

gements pour les conquêtes que la Russie veut conserver, que l'on pourrait concilier tout le monde. Regardez ceci comme le rêve d'un bon allié de la Russie [1]).

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

(Безъ даты, 1773 г.)

Sur les nouvelles prétentions du Roi de Prusse voici ce que j'ai à dire. Je m'en tiens au traité signé et échangé entre les trois cours; la Netze devait selon ce traité servir de frontière au Roi de Prusse, c'est-à-dire, si je m'en souviens bien, un bord de cette rivière lui appartient, tout comme un bord de la Dwina nous appartient et l'autre à la Pologne. Toutes autres extentions des limites de l'un des contractants amèneraient des prétentions nouvelles des autres et serviraient à des tracasseries entre les trois cours, que nos ennemis désirent si vivement. D'ailleurs toute extention des limites d'une des trois serait précisèment contraire au principe une fois posé qu'une extention ultérieure de quelque espèce serait nuisible à nos intérêts, qui est de conserver le reste de la Pologne dans un état intact.

КОПІЯ СЪ ПИСЬМА БАРОНА АССЕБУРГА ИЗЪ ДАРМШТАДТА ОТЪ 26 МАРТА 1773 г. КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ, ПИСАННАЯ ЦѢЛИКОМЪ РУКОЮ ИМПЕРАТРИЦЫ [3]).

Copie d'une lettre de m-r d'Assebourg de Darmstadt, ce 26 Mars (6 d'Avril) 1773, au comte Panine.

J'ai reçu le 27 Mars nouveau style à Darmstadt l'expédition dont V. E. avait chargé m-r Bühler en date du 20 Février, et j'en ai communiqué tout aussitôt avec madame la Landgrave pour arrêter finalement ce qui au contenu de cette dépèche a été arrangé pour son voyage.

S. A. I. reconnait la bonté de l'Impératrice dans ses généreuses dispositions (et) est prête à s'y conformer en tout point; elle n'attend

---

[1]) Настоящая записка напечатана въ извлеченіи Соловьевымъ въ т. XXIX Исторіи Россіи (кн. VI, стр. 920, по изд. Тов. Общ. Пользы). Написана Императрицей по поводу письма короля Прусскаго къ посланнику его гр. Сольмсу, читаннаго въ Совѣтѣ 12 Сентября 1773 г. (Архивъ Гос. Совѣта, т. I, ч. I, стр, 259).

[2]) Гос. Арх., разр. X, № 69, л. 291. См. Сборникъ, т. CXVIII (часть VII Дипломатической переписки Имп. Екатерины II), документы №№ 2434 (стр. 508—509) и 2375/б (стр. 513—517).

[3]) Гос. Арх., разр. X, № 75, л.л. 34—36.

plus que le moment heureux qui la mettra à même de porter aux prieds de S. M. I. les hommages de son admiration et de sa gratitude.

Le départ de la cour de Darmstadt pour Berlin sera anticipé de quatre jours à la demande du Roi de Prusse et au lieu du dix Mai, il se fera maintenant le 6. Cette sérénissime famille arrivera le 13 à Potsdam et y attendra les nouvelles de l'entrée des bâtiments destinés à son transport dans le port de Lubeck, pour s'y rendre ensuite avec toute la célérité possible. La suite de madame la Landgrave composera à peu-près le nombre de quarante personnes, y compris les quatres princesses, mère et filles, trois dames, deux gentilshommes, huit femmes de chambre, un secrétaire, deux valets de chambre et domestiques en livrée.

Le choix des principales personnes de la suite étant fait, je les ferai connaître l'une après l'autre, autant que je les connais moi-même.

La première des dames, madame de Schrautenbach, veuve d'un âge mur, attachée depuis bien des années à la maison de Hesse-Darmstadt, est de ces personnes heureuses qui prennent par leur abord et ne perdent rien à être connues. Sans prétention à un esprit lumineux, elle a beaucoup de bon sens, de l'égalité dans l'humeur, beaucoup de douceur et de politesse, une grande discrétion, aucune intrigue, rien d'une ambition active et remuante, des moeurs enfin sans reproche et une figure qui intéresse.

Mesdemoiselles de Wurmser et de Loew portent dans leurs manières et leur conduite l'empreinte d'une bonne et sage éducation à côté d'un dehors qui n'a rien de désagréable. L'une et l'autre, quoique d'un âge différent, la première ayant trente cinq et l'autre vingt ans, semblent être des personnes très unies, douces, sans fadeur, plutôt timides qu'assurées, circonspectes, ne connaissant ni cabales ni intrigues, et aimant madame la Landgrave à proportion des bontés aves lesquelles elles sont traitées d'elle.

Le baron de Riedesel, grand veneur et colonel des gardes du Landgrave, possède depuis plusieurs années la confiance entière de madame la Landgrave. Quoique né dans une des plus grandes familles d'Allemagne, il parait être élevé pour ne vivre que dans les petites cours. Sa figure peu déliée et ses manières peu aisées annoncent du matériel dans l'esprit, cependant ce n'est pas là son cas. Il sait se plier à toutes sortes de situations et ne se perd poind dans celles qni sont difficiles. Il a de l'honneur et de la probité, plus de fond que de conversation, plus de solide que d'apparent et, je le répète, toute la confiance de madame la Landgrave.

Je finis par le baron de Schrautenbach, cousin de la dame dont j'ai parlé. Ce gentilhomme, qui n'a jamais servi et qui encore à présent n'est attaché par aucun lien à la cour d'ici, m'est depuis nombre d'années connu d'une manière avantageuse. Il a un esprit sage, vrai, facile et étendu, quelques connaissances utiles qu'il a acquis par son application et à l'aide des différents voyages qu'il a fait en Angleterre. Ses moeurs prouvent en faveur de la bonne opinion que je voudrais donner de lui. Quoique naturellement gai et animé dans la conversation, il ne se permet rien qui puisse être reprochable. Madame la Landgrave et plus encore mesdemoiselles ses filles l'honorent d'une grande estime et il n'en use jamais pour faire le flatteur. Ses observations sont quelques fois rigides et toujours justes. Je lui souhaiterais un peu plus d'usage du monde et l'humeur plus tempérée. M-r de Schrautenbach pourrait être questionné, consulté et utilement employé pour tout ce qu'on voudra savoir ou faire parvenir, sans s'adresser directement aux personnes intéressées; je réponds corps pour corps de lui, qu'il s'en acquittera ave zèle et prudence. Il veut le bien de la famille de Darmstadt, mais il ne le veut pas aveuglèment.

On a fait choix, autant que cela est possible, des domestiques sobres, tranquilles et sages. J'aurai soin de recommander encore la plus grande rigueur à cet égard pour qu'aucun cas de plainte ne puisse exister.

Au départ de la cour V. E. me permettra que je l'en avertisse par estafette ou par courrier, etc.

1774 годъ.

2435) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [1]).

Monsieur mon frère et cousin. J'ai témoigné la part que je prends au mariage de mon cousin le prince Charles, frère de Votre Majesté, et de la princesse de Holstein, lorsque le premier dessein m'en fut confié par elle. C'est avec satisfaction que j'apprends par la lettre de Votre Majesté que cette union vient d'être définitivement arrêtée. Je souhaite toute sorte de bonheur aux futurs époux; chacun d'eux a des droits sur ma tendre affection. Je serai très empressée à leur en marquer; je ne le serai pas moins à prouver les sentiments de parfaite estime et haute considération, avec lesquels je suis,

Monsieur mon frère et cousin,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine
Catherine.

St.-Pétersbourg, ce 2 Janvier 1774.

2436) ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [2]).

Sire. J'ai appris avec bien de la satisfaction, par la lettre qu'il a plu à Votre Majesté de m'écrire, la conclusion du mariage de mon cousin le prince Charles, son frère, et de ma cousine la princesse de Holstein. Les titres si chers de l'amitié et de la parenté, par lesquels je suis attaché aux deux époux, m'intéressent vivement au bonheur de leur union. L'avantage qu'elle nous offre de rapprocher de plus près les branches de notre maison m'est encore plus sensible par l'assurance de la confiance et de l'amitié de Votre Majesté. Je serai très empressé à lui prouver le parfait retour de ces sentiments, ainsi que l'attachement distingué, avec lequel je suis, Sire,

de Votre Majesté
le très dévoué parent
Paul.

St.-Pétersbourg, ce 2 Janvier 1774.

---

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

[2]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ II.

С.-Петербургъ, 4 Января 1774 г. Напечат. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 337—338.

2437) НОТА ГРАФА Н. И. ПАНИНА АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КНЯЗЮ ЛОБКОВИЧУ [1]).

(Апробована Ея Императорскимъ Величествомъ 8 Января 1774 г.; вручена кн. Лобковичу 10-го, а графу Сольмсу—12 Января 1774 г.).

Note pour m-r le prince de Lobkovitz de la part du comte Panine sur la réponse confidentielle de la cour Impériale et Royale aux remarques verbales, concernant les limites de ses acquisitions en Pologne.

Sa Majesté Impériale de toutes les Russies a donné des preuves réitérées et si convaincantes tant de la bonne foi et de la candeur avec laquelle elle traite toutes ses affaires, que de l'amitié et de l'intérêt essentiel dont elle suit l'impression dans tout ce qui regarde LL. MM. II. et RR., qu'elle croyait se faire tort à elle-même, si elle se permettait de penser qu'il existât le moindre doute dans l'esprit de Leurs Majestés sur ses sentiments pour leurs personnes et leur monarchie. Dans cette persuasion Sa Majesté se tient assurée que LL. MM. II. et RR. n'interpréteront jamais comme un manque de bonne volonté pour l'agrandissement de leurs possessions, si elle se voit empêchée de donner un consentement pur et simple à la démarcation de leurs limites de la façon dont l'arrangement en est proposé. On ne verrait pas balancer l'Impératrice à cet egard, s'il n'était d'autre considération pour elle que celle d'un intérêt personnel. Celui-ci ne dépendant que d'elle seule, Sa Majesté Impériale saurait le faire céder, ou au moins elle trouverait les moyens de le concilier avec l'avantage de la cour Impériale et Royale. Sa conduite a prouvé que tels ont toujours été ses principes, ses sentiments et sa façon de penser. Elle n'en a point d'autres actuellement et elle n'en changera dans aucun temps. Mais dirigée par cette droiture et cette probité dont l'Impératrice fait profession, elle manquerait à la franchise de son caractère, si elle cachait à LL. MM. II. et RR. la force et la nature d'obligations dont elle ne saurait méconnaître la voix dans la circonstance dont il s'agit.

L'Impératrice se trouve dans l'amitié et l'alliance la plus étroite avec le Roi de Prusse: liaisons qu'elle cite et avoue à LL. MM. II. et

---

[1]) М. Г. А. Австрія, II, св. 1.

RR. avec d'autant plus d'assurance, que loin qu'en les formant elle ait perdu de vue l'intérêt essentiel et immuable qui subsiste entre ses états et ceux de la maison d'Autriche, le fait au contraire a prouvé incontestablement, qu'elles sont de nature à admettre et favoriser en toute occurence les avantages possibles de cette maison. La fidélité due aux engagements de cette alliance, si jamais elle avait pu acquérir une nouvelle sanction, se trouverait fortifiée du motif puissant de la reconnaissance pour l'exactitude du Roi de Prusse à remplir les siens vis-à-vis de l'Impératrice, pour des services essentiels rendus dans une complication d'affaires embarrassantes et pendant le cours d'une guerre onéreuse. Ce prince, l'allié de Sa Majesté Impériale, est partie dans le système combiné du démembrement de la Pologne. La fixation de ses limites déterminée d'abord jusqu'à la source de la Netze avec la propriété des deux rives de cette rivière et de là par une ligne sur la Vistule, lui avait paru aussi entièrement conforme à l'esprit du sens littéral de la triple convention. Cependant Sa Majesté Impériale ne s'est refusée à aucune représentation pour lui faire admettre relativement à cette extention les vrais principes de la négociation, tels qu'ils avaient été conçus par les ministres respectifs à St.-Pétersbourg, là où elle a été rédigée, et elle se flattait de l'y avoir déterminé. Avec quelle assurance pourrait elle aujourd'hui compter sur le maintien de cette résolution, si de leur côté LL. MM. II. et RR. persistent dans l'alignement projeté de leurs frontières? Telle est la difficulté qui s'offre et qu'il n'est pas au pouvoir de Sa Majesté Impériale de résoudre, puisqu'il est évident, que quand même elle fermerait pour elle la voie ouverte à son propre intérêt par une extention proportionnée de ses frontières, conséquemment à l'évaluation d'avantages égaux pour les trois cours proposée par la cour Impériale et Royale elle même comme le premier fondement de la négociation, quand par une envie prépondérante de terminer finalement l'arrangement des affaires de Pologne et par ce penchant naturel en elle à déférer aux désirs de LL. MM. II. et RR., elle donnerait la main à ce qu'elles exigent d'elle,— l'affaire n'en serait pas plus prochaine de sa conclusion, ce consentement de Sa Majesté Impériale ne pouvant rien ni sur le consentement du Roi de Prusse, ni sur l'extention qu'il entendra lui même pouvoir donner à ses limites. L'Impératrice ne sait ni ne peut rien avancer des dispositions de ce prince. Mais sa position à elle entre les deux puissances sera trop bien sentie de LL. MM. II. et RR., pour qu'elles ne jugent pas de l'embarras où elle se trouverait, si ayant consenti aux prétentions de l'une, elle devait s'opposer aux prétentions de l'autre.

Après avoir exposé dans leur vrai jour ses sentiments et la collision des faits et des circonstances, Sa Majesté Impériale ne se permettra point de douter que LL. MM. II. et RR. n'apperçoivent dans leur

lumière et leur propre justice, que l'Impératrice ne saurait sans blesser ses sentiments donner elle seule les mains à la déclaration proposée à faire à la Pologne, que les trois cours avaient trouvé leurs démarcations respectives entièrement conformes à l'esprit du sens littéral des traités de cession et qu'en conséquence il ne devra plus s'agir entre les commissaires respectifs que d'arrangements de convenance résultants de l'intérêt des particuliers.

2438) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ. [1])

Резидентъ въ Венеціи, маркизъ Маруцци, реляціей 11/22 Января 1774 г. доносилъ: «Il a été question ici en dernier lieu dans le sénat à l'égard du c-te Mocenigo de Zante, si on devait l'envoyer à Paros pour le remettre à m-r notre amiral. La pluralité a décidé pour la négative, ayant embrassé l'avis d'un sénateur qui a soutenu, que le c-te Mocenigo étant sujet de la République et n'étant point annoncé au gouvernement par notre cour en aucune qualité, il ne convenait point à la dignité du sénat de l'envoyer à notre commandant, sans que personne le réclame; qu'on le rende aussitôt qu'il serait demandé... A ce qu'il parait, l'avis de faire part à notre amiral de l'arrêt dudit Mocenigo et d'offrir de le lui remettre n'a pas eu lieu, et on attribue le motif qui a donné occasion aux doges de proposer son relâchement immédiat qu'à l'arrêt de leurs vaisseaux et au saisissement des marchandises, pour réussir plus aisement dans leur réclamation; mais cet avis n'a point prévalu dans le sénat... Pour ce qui regarde les marchandises, leur ambassadeur à Constantinople a ordonné à leur consul à Smyrne d'envoyer chez notre amiral pour lui demander le motif de leur saisie et la restitution, et on attend sa réponse. Comme ledit c-te Mocenigo est réputé par le public pour une personne qui nous appartient, la dignité de notre cour parait intéressée à sa réclamation. Aussitôt que j'aurai les ordres de V. E., je tâcherai de m'en acquitter de mon mieux».

Если Моченіго [2]) *дѣйствительно въ нашей службѣ, то надлежитъ его назадъ потребовать; а о семъ графъ Алексѣй Гри. Орловъ изъяснить можетъ.*

2439) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [3]).

St.-Pétersbourg, ce 16 Janvier 1774.

M-r de Roop, staroste de Zideiken, un des chefs de la confédération des dissidents en 1767, s'étant montré dans le temps d'alors particulièrement dévoué à la Russie, se trouve avoir des droits à sa protection,

---

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 5, и Венеція, III, св. 3.

[2]) Написано: «Монсениго».

[3]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

et il y a d'autant plus de justice et d'humanité à l'en faire jouir que dans les malheureux troubles de Pologne ses terres situées sur les confins de la Lithuanie ont été presque totalement ruinées. Il se rend actuellement à Varsovie pour une affaire de grande importance pour lui, dans laquelle il m'a fait requérir de vous prier de vous intéresser. C'est à cette fin que je lui ai fait parvenir cette lettre qu'il aura l'honneur de vous présenter. Il vous exposera en même temps de quoi il s'agit, et selon la nature et le degré de justice de sa cause je vous prie, M-r, de lui accorder tous les bons offices, l'appui et même la faveur dont elle sera susceptible. J'ai l'honneur d'être etc.

2440) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву. Мы читали и разсматривали съ особливымъ благоволеніемъ представленное намъ при реляціи отъ 28-го Ноября мнѣніе ваше о военныхъ дѣйствіяхъ будущей кампаніи. Положенныя въ ономъ основанія повсемѣстной связи частныхъ пособій свидѣтельствуютъ съ одной стороны попечительную вашу прозорливость, а съ другой—предвѣщаютъ намъ со многою вѣроятностью прямую отъ исполненія ихъ пользу. Мы потому, всемилостивѣйше пріемля сіи основанія и сообразуя оныя съ пріуготовленнымъ количествомъ силъ нашихъ и ихъ настоящаго употребленія, купно съ другими предметами, хотимъ только преподать вамъ здѣсь отъ сего результата точную стезю къ учрежденію отнынѣ собственныхъ вашихъ мѣръ по степенямъ тѣхъ способствованій, которыя мы въ общественномъ нашемъ окообъятіи на разныя части вашей, какъ первой и главной, почитаемъ быть возможными отъ прочихъ.

Достиженіе мира на честныхъ и полезныхъ отечеству условіяхъ есть единый предметъ желаній нашихъ. Настоящая зимняя пора даетъ правда теперь мѣсто политическимъ негоціаціямъ; но какъ въ оныхъ равно счастливаго конца, сколько и неудачи ожидать должно, то и требуетъ отъ насъ долгъ ввѣренной намъ отъ промысла Божія государственной стражи приготовить и устроить заранѣе сильнѣйшія средства къ вынужденію сего драгоцѣннаго блага силою оружія и новыми его успѣхами. Могутъ-ли же оныя по существу своему непріятелю нашему гдѣ въ другомъ мѣстѣ прямо чувствительны быть, какъ единственно въ той сторонѣ, гдѣ есть его средина, ведущая до самой его столицы? Вслѣдствіе сего не перестаемъ мы признавать за необходимо

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напечат. не въ полномъ объемѣ въ Рус. Архивѣ 1879 г., № 10, стр. 139.

нужное, чтобъ порученная предводительству вашему армія перенесла въ будущую кампанію наступательныя свои дѣйствія на супротивный берегъ рѣки Дуная какъ для наведенія страха въ самихъ Цареградскихъ жителяхъ, такъ и для содержанія здѣшняго нашего сосѣда въ респектѣ мнѣніемъ, что переходъ чрезъ Дунай сдѣлаетъ уже скорый конецъ войнѣ.

Не скрыты отъ насъ всѣ трудности такового подвига, но въ то же время усматриваемъ мы съ удовольствіемъ изъ собственнаго вашего мнѣнія, что могутъ тутъ съ пользою употреблены быть важные облегчительные способы, какъ раздѣленіемъ непріятельскаго вниманія, такъ и маскированіемъ прямого нашего намѣренія.

Удобнѣйшее повсемѣстно сообразованіе сихъ-то самыхъ способовъ къ единой цѣли, то есть во всевозможное облегченіе вашихъ главныхъ и для мира прямо рѣшительныхъ операцій въ предстоящую кампанію, видится намъ теперь столько уже исполненнымъ, колико оное быть можетъ по свойству столь обширнаго ополченія нашего.

Въ Архипелагъ отправлена уже новая эскадра въ четырехъ линейныхъ корабляхъ и въ двухъ фрегатахъ. Соединясь съ оною, найдется тамошній нашъ флотъ въ довольныхъ силахъ дѣлать непріятелю частую и сильную диверсію, слѣдовательно же по пространству береговъ его и упражнять знатную часть азіатскихъ войскъ.

Азовская флотилія будетъ равномѣрно къ веснѣ совершенно исправлена и по возможности усилена, какъ для охраненія Крымскихъ береговъ, такъ и отвлеченія на себя турецкихъ въ Черномъ морѣ силъ.

Для вящаго Портѣ съ другихъ сторонъ вниманія, желали бы мы дѣйствія второй нашей арміи распространить въ будущую кампанію далѣе препорученной ей стражи Крымскаго полуострова и всего пространства Кубанской степи, гдѣ теперь въ собраніи находится такое множество дикихъ и легкомысленныхъ ордъ татарскихъ; но въ настоящемъ оныхъ положеніи не усматриваемъ къ тому способности, особливо же при открывшемся отъ нѣкотораго времени внутреннемъ и вамъ извѣстномъ уже неустройствѣ въ Оренбургской губерніи. Тѣмъ не меньше надобно ожидать, что и въ настоящемъ своемъ положеніи вторая армія будетъ отвлекать на себя немалую часть силъ непріятельскихъ, какъ въ разсужденіи извѣстныхъ намѣреній Порты Оттоманской на Крымъ, такъ и по близости ея къ крѣпости Очаковской.

Несмотря на встрѣчающіяся теперь затрудненія, не упускаемъ мы однакожъ изъ вида дѣйствительнаго на сію крѣпость предпріятія, сколь скоро обстоятельства откроютъ къ тому нѣкоторую удобность, чего ради и для лучшаго маскированія перехода первой арміи за Дунай повелѣли уже мы снарядить и заготовить съ большею огласку

къ дѣйствительному отправленію знатное количество осадной артиллеріи. Вѣсть о томъ конечно вездѣ разнесется, и Порта ей тѣмъ легче повѣритъ, что услышитъ потомъ о разныхъ оборотахъ второй арміи, приличествующихъ открытію отъ нея кампаніи Очаковскою осадою.

Что съ собственной вашей стороны принадлежитъ до разглашенія и поданія вида, что дѣйствія ваши будутъ ограничиваться въ одномъ охраненіи находящихся уже во владѣніи нашемъ непріятельскихъ земель, оное поручаемъ мы съ полною довѣренностію собственному вашему на мѣстѣ лучшему усмотрѣнію и благоизобрѣтенію, какъ полководцу, коего искусство и патріотическое усердіе къ службѣ нашей и отечества доказаны уже въ толикихъ случаяхъ и толикими опытами, довольствуясь только изъявить желаніе наше, отъ желанія скорѣйшаго мира проистекающее, чтобъ мѣры ваши въ семъ случаѣ къ приведенію непріятеля на ложныя мысли и заключенія о будущемъ устроены были такимъ образомъ, дабы оныя нимало не могли препятствовать дѣйствительному перенесенію театра войны на супротивный берегъ Дунайскій, но чтобъ паче вы, по вашему въ военномъ дѣлѣ искусству, привели себя въ состояніе поставить твердую ногу въ Булгаріи, сколь скоро случай и удобность къ тому изыщете.

Кромѣ сего единаго предмета на будущую кампанію, не хотимъ мы входить здѣсь въ частныя и подробныя предписанія, оставляя по справедливости вашему проницанію, вашей къ службѣ ревности и собственной вашей славѣ руководствовать васъ въ оныхъ и въ избраніи мѣста и времени, какъ, гдѣ и когда перенестись за Дунай съ достаточными силами на пораженіе встрѣчающагося непріятеля.

Нельзя теперь напередъ знать будущаго положенія его, какъ и и по какимъ мѣстамъ онъ къ отверстію кампаніи расположится противъ васъ на своемъ берегу Дуная и гдѣ тогда займетъ свои твердые и важные посты. Но если судить о будущемъ по настоящему, овладѣніе Варны и прогнаніе визиря изъ Шумлы могутъ тогда представиться вамъ первыми стезями къ приближенію вожделѣннаго мира.

Отъ благости Всевышняго, отъ разумнаго вашего предводительства и отъ храбрости ввѣренныхъ вамъ войскъ несумнѣнно ожидаемъ мы счастливыхъ успѣховъ, коимъ не предѣлъ Балканскія горы при всѣхъ ихъ трудностяхъ, если только мужественный вашъ духъ въ теченіе побѣды усмотритъ и найдетъ нѣкоторую возможность къ преодолѣнію ихъ, по мѣрѣ непріятельскаго ослабленія и унынія.

Построенныя на рѣкѣ Дунаѣ шкуны имѣютъ остаться въ полной вашей диспозиціи, если оныя для арміи нужны; а въ противномъ тому случаѣ рекомендуемъ мы вамъ отослать ихъ въ команду нашего вице-адмирала Сенявина для усиленія Азовской флотиліи, снабдя и снарядя ихъ всѣми нужными припасами, а особливо пушками, выли-

вая чрезъ зиму сіи послѣднія изъ взятыхъ у непріятеля, если инако изворотиться нельзя.

Впрочемъ, съ совершеннымъ удостовѣреніемъ, что вы къ пользѣ и славѣ любезнаго отечества все то тщательно исполните, въ чемъ только нѣкоторая возможность быть можетъ, пребываемъ мы къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, Генваря 17 дня 1774 года.

Екатерина.

НОТА, ПОЛУЧЕННАЯ ПОСЛОМЪ ВЪ ВѢНѢ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНЫМЪ, ДЛЯ СООБЩЕНІЯ ВѢНСКОМУ ДВОРУ.

Январь 1774 г. Приложена къ депешѣ Прусскаго посланника въ С.-Петербургѣ графа Сольмса отъ 17/28 Января 1774 г. Напечат. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 444—449.

2441) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ реляціи отъ 20/31 Января 1774 г., за № 5, посланникъ въ Мадридѣ С. Зиновьевъ доносилъ графу Панину, что морской офицеръ Стюартъ ожидаетъ повелѣнія о принятіи его въ русскую службу.

Сей офицеръ хорошее имя себѣ не сдѣлалъ и принять его паки въ службу не за чѣмъ.

(Писана краснымъ карандашемъ на поляхъ реляціи).

2442) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [2]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 8 Января 1774 г.).

En communiquant ci-joint à V. E. copie d'une note que j'ai remise par ordre de l'Impératrice au prince de Lobkovitz pour réponse à celle de sa cour sur les limites de ses acquisitions en Pologne [3]), et en vous envoyant personnellement, mon prince, une autre note sur les ouvertures relatives à la pacification, pour être communiquée verbalement au prince Kaunitz, j'aurai l'honneur de m'entretenir aves vous sur la matière de ces deux pièces et ensuite je toucherai par addition quelque chose de la pièce de la cour de Vienne relative aux affaires de Pologne, à laquelle

[1]) М. Г. А. Испанія, III, св. 8.

[2]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

[3]) См. № 2437.

il n'était pas besoin de répondre, vu que l'objet est à peu près consenti. Je commencerai par avoir l'honneur de vous dire, mon prince, que tout ce qui a été avancé de votre part dans vos conférences avec le ministre de la cour Impériale et Royale a été parfaitement approuvé, et ce que j'ajouterai ne sera que l'extention ou la confirmation de vos réponses.

La note remise au prince Lobkovitz, par laquelle j'entre en matière, établit bien positivement l'impossibilité où nous sommes de nous charger seuls d'admettre et de faire passer les intentions de la cour Impériale et Royale sur l'étendue de ses acquisitions. Comme il est à presumer que le prince Kaunitz n'omettra pas d'entrer encore discoursivement avec V. E. dans des explications à ce sujet, elle n'aura rien de mieux à faire que de montrer plus visiblement et avec plus de liberté qu'on ne peut le faire dans une pièce ministériale, le vrai de notre position entre les deux cours. La conversation admettra, qu'avec des traits modérés et circonspects vous retraciez tout ce qui s'est passé antérieurement à la triple convention, qui a rapproché les vues de la cour de Vienne de celles de la Russie et de son allié; et avec toute la décence et la délicatesse qui est en vous, mon prince, vous montrerez d'un côté le Roi de Prusse coopérant avec toute la fidélité, le zèle et la sincérité qu'on peut attendre d'un allié et d'un ami, à l'avancement des affaires de l'Impératrice et concourant par un secours effectif à sa défense dans la guerre qui lui a été suscitée contre toute raison de la part de la Porte. Vous mettrez ensuite en regard la cour de Vienne en une alliance étroite avec la puissance la plus ouvertement opposée au système de l'Impératrice et faisant, non par sentiment, on ne l'a jamais pensé, mais par condescendance pour un allié, tout ce qui pouvait embarrasser et inquiéter les vues de ce système; et vous pouvez même peindre de ses vraies couleurs l'état de crise où les choses en étaient venues à l'époque de la révolution d'idées qu'a produit le concert sur la Pologne. De ce tableau vous remettrez au ministre de la cour Impériale et Royale à prononcer lui-même, si nous n'encourrions pas le reproche d'ingratitude le plus mérité, si dans un point qui les touche au même degré toutes les deux, toute faveur de notre côté était pour la cour Impériale et Royale et aucune pour une cour alliée, éprouvée si utile et si fidèle. A ce langage vous êtes personnellement autorisé, mon prince, par la proposition mise en avant dans l'entretien dont vous avez rendu compte, d'une réunion d'efforts contre la cupidité du Roi de Prusse. Vous vous attacherez au reste à ce que tout votre entretien reste dans la généralité de la note, ne portant rien de plus concluant sur ce qu'il serait expédient de faire dans un conflit pareil.

Je viens maintenant à la note qui passe directement par votre canal et que V. E. ne remettra que sous la forme d'une communication verbale. On peut y remarquer trois objets distincts:

*

Premièrement: de détruire toute idée de nouvelles propositions de paix faites par le canal de m-r de Zegelin à l'insu de la cour de Vienne. Le fait étant absolument faux doit tomber, dès qu'il est déclaré tel par nous, mais il ne sera pas inutile quant à la recherche des sources d'où le bruit a pu partir, d'appuyer sur la différence originaire de conduite entre l'internonce et le ministre de Prusse. Sans se permettre aucune plainte au sujet de celui-là, ni supposer même qu'on y fût autorisé, on peut observer que le langage en faveur des affaires de Russie est encore nouveau pour lui, tandis que l'autre y est rompu par l'habitude, n'en ayant jamais connu d'autre, à quoi on peut ajouter ou une jalousie personnelle, telle qu'il s'en trouve assez fréquemment entre ministres à un même poste, ou même une jalousie de cour, tel l'état dans lequel on suppose toujours celles de Vienne et de Berlin, et du tout la conséquence naturelle, qu'il n'y a pas entre ces deux ministres un concert aussi intime qu'il le faudrait pour fermer la bouche à ceux qui trouvent leur intérêt à forger des nouvelles et à les répandre.

Secondement: nous insinuons qu'il serait juste, que la cour Impériale et Royale supprimât un des motifs de confiance de la Porte à continuer la guerre, en remettant ou au moins en lui déclarant, qu'elle remet dans sa première liberté la condition de la restitution de la Valachie et de la Moldavie. On ne saurait prononcer avec impartialité que l'état de neutralité se conserve intact, tandis qu'à une des parties on assure un avantage pareil, et si c'est l'intérêt de la cour Impériale et Royale qui nécessite une telle défaveur, ne serait-il pas plus juste que les deux cours s'entendissent entre elles sur cet intérêt, que de lui voir produire un effet si nuisible au retour de la paix et visiblement préjudiciable à une des parties belligérantes. Il semble qu'on ait épuisé toutes les propositions sur cet article. Mais au moins, si on n'admet point de variation sur le fond, une telle intention doit être le secret de deux cours, et il ne saurait y avoir de motif juste et raisonnable à refuser de remettre la Porte dans un état d'incertitude sur le sort de ces deux provinces, propre à la faire réfléchir plus sérieusement sur les suites de la guerre.

Troisièmement: il s'agit d'engager la Porte à nous faire des propositions propres à modifier celles de nos conditions de paix, qu'elle a trouvées inadmissibles. V. E. viendra à l'appui de cette mesure, en montrant au prince Kaunitz, que c'est la seule dont on puisse attendre quelque fruit avec les turcs et aussi la seule qui convienne à la dignité de notre cour. Ici, mon prince, quoique nous soyons bien éloignés de citer comme un reproche l'exemple de ce qui s'est passé, le caractère du prince Kaunitz repose sur un fond de justice trop décidé, pour que ce ministre ne convienne pas avec vous que la modification dont nous étions demeurés d'accord avec sa cour, la restitution de la Moldavie et de la Valachie, et

avec laquelle nous nous sommes présentés au congrès, au lieu d'accélérer la paix, n'a fait que la reculer en accroissant le roideur des turcs, et qu'il n'y aurait immanquablement qu'un effet pareil à attendre, si de nouveau nous nous mettions encore en avant avec de nouvelles modifications. D'ailleurs une telle démarche serait d'autant plus frappante que rien n'a changé notre position vis-à-vis de l'ennemi. Si la campagne n'a pas eu des succès décisifs, elle a au moins porté des coups sensibles aux forces Ottomannes et la supériorité de nos armes a été maintenue constamment. Ce serait nous-mêmes, ce serait le cabinet seul, qui changerait l'état de notre guerre en faisant ce premier pas, une modification dans nos conditions proposée par nous devant justifier toutes celles qu'il plairait aux turcs de demander après. Comme il est donc bien évident que ce n'est point par une conduite qui annonce un besoin de paix, qu'on l'obtiendra jamais d'eux, et qu'en ceci le sentiment de la cour Impériale et Royale ne saurait différer de celui de notre cour, on attend qu'elle adoptera la voie que nous avons proposée, et nous espérons qu'elle s'intéressera à lui donner quelque effet.

Quoique je regarde comme fini l'article de la coopération du baron Revitzki à l'arrangement intérieur des affaires de Pologne, il ne sera pas hors de propos cependant de relever quelques expressions et des différentes notes de la cour de Vienne, et de l'entretien de son ministre avec V. E., qui me feraient juger qu'ils ne voient pas ces affaires dans leur vrai jour.

Leurs Majestés Impériales et Royales croient se prêter à une condescendance personnelle envers l'Impératrice, en consentant à cet arrangement sur le pied qu'on y travaille actuellement, et nommèment—l'établissement du conseil permanent. Or ceci n'est point du tout une idée de l'Impératrice et la chose lui est assez indifférente quant à elle, mais les trois cours ayant entrepris de pacifier la nation, ce ne peut être que sur ce que cette nation juge lui être le plus utile et le plus conforme à un gouvernement républicain, libre et indépendant, qu'elles peuvent l'appuyer et concourir à ses vues. Celle de l'établissement du conseil permanent est venue de la nation seule, à qui on ne saurait contester d'être plus en état que les ministres de cours étrangères d'en connaître les avantages et les inconvénients. Si pour obvier à ceux-ci il a fallu obtenir du Roi la restriction de quelques unes de ses prérogatives, on a dû s'y prêter avec d'autant moins de répugnance, que l'abus reproché du pouvoir du Roi ayant été dans l'origine la première cause de tous les troubles de la Pologne, il n'y avait aucune pacification véritable à attendre, s'il n'était fait raison sur cet article à la nation et si on ne lui accordait des sûretés pour l'avenir, et en ceci il était naturel de s'en fier à elle comme

connaissant par l'expérience journalière toutes les portes par où l'influence de la cour peut agir.

Quant à la réflexion, qu'il peut être de conséquence de ne pas aliéner le Roi, ainsi que le prince Kaunitz s'en explique, il n'echappe point assurèment à la sagesse de ce ministre, qu'en ne consultant qu'une vraie utilité il n'est pas moins important de se conserver la nation. Je ne crois pas qu'aucune des trois cours fasse grand état du concours de la Pologne à des affaires extérieures, ainsi je crois ne rien dire d'extrême que de reduire cette vraie utilité que je viens de mettre en avant à l'intérieur même de ce royaume, qui est d'y maintenir le bon ordre et la tranquillité. Or la présomption est plus forte, que le Roi mécontent de sa nation ne mettra pas son royaume en combustion pour reprendre quelques parties du pouvoir, qu'il ne l'est, que la nation soufrirait constamment et en silence ou une autorité dans la main du Roi, que n'auraient pas eue ses prédécesseurs, ou l'abus de celle que les lois lui donnent. Et il parait que les trois cours ne risquent rien à admettre cela comme un principe dans leur participation aux affaires de cette république.

Après avoir ainsi parcouru tous les objets des affaires présentes, je remets avec confiance à la dextérité et au zèle de V. E. de faire du contenu de cette lettre l'usage le plus convenable au bien du service. J'ai l'honneur d'être etc.

A St-Pétersbourg, ce 21 Janvier 1774.

2443) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

Le courrier que V. E. m'a renvoyé m'a apporté ses relations en cour, ainsi que les lettres d'office qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire en date du. . . . . [2]) Je répondrai par une autre lettre à ces trois dernières, et dans celle-ci je m'entretiendrai avec vous, mon prince, uniquement sur le contenu de celle du 9/20 Décembre. Quoique charmé du ton et de la manière dont a été reçue de l'Empereur et de son ministre pour les affaires de l'Empire la première communication du traité définitif d'échange du duché de Holstein contre les comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst et de l'acte de cession de ceux-ci au prince-évèque de Lubeck, cependant il ne laisse pas d'y percer une sorte de disposition equivoque par cette attention si soigneuse aux droits de la Suède. Pour m'expliquer je suivrai la progression d'idées du récit que V. E. a fait de son entretien, et avec l'Empereur, et précédemment avec le pr. Colloredo.

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

[2]) Пропускъ въ подлинникѣ.

L'echange du Holstein contre les comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst passera naturellement comme une chose déjà approuvée sous le règne de l'Empereur François. Je ne discuterai point le motif, il nous suffit que l'effet soit obtenu. La cession des comtés sera plus difficulteuse par l'opposition de la Suède, cependant elle pourra passer aussi, si l'on produit l'acte de cession du feu Roi de Suède de tous ses droits et prétentions de famille en faveur du prince-évèque de Lubeck, et au moyen de cet acte on en sera quitte pour une clause salvatoire du droit d'un tiers. Je ne veux point vous cacher, mon prince, qu'il me parait qu'ici on est trop exigeant, que la clause de réserve ne devrait avoir lieu que pour suppléer au défaut de l'acte, mais qu'après la production de celui-ci on n'a plus à contester une confirmation pure et simple. Il n'est besoin d'autre raisonnement que l'uniformité de conduite avec le feu Empereur, que l'Empereur règnant parait vouloir observer et qui ne peut pas raisonnablement nous être refusée.

François I approuva sans clause ni restriction l'échange fait par le Roi de Suède avec le Danemark. Si un tel acte fait par un prince, qui n'a d'autre titre que celui de successeur éventuel, a passé sans obstacle, combien n'a pas plus de droit à la même confirmation un acte de cession fait par le souverain et le possesseur actuel? S'il en était autrement, le Grand Duc n'aurait-il pas à se plaindre d'une partialité marquée dans le chef de l'Empire, ou la cour de Russie—dans la cour Impériale et Royale, et tout autre motif cessant, à quoi pourrait-on l'attribuer qu'à une déférence aux insinuations de la France et de la Suède? Le droit des agnats était tout aussi précieux à maintenir, lorsque le Roi de Suède traitait de ce qui pouvait seulement lui appartenir un jour, que lorsque le Grand Duc cède ce qui est en sa main et en sa pleine propriété actuelle. Après ce raisonnement, mon prince, j'ai l'honneur de vous envoyer ci-joint une copie vidimée de l'acte de cession du feu Roi de Suède de tous ses droits et prétentions de famille en faveur du prince-évèque de Lubeck, dont il est question, quoique je ne doute point que le résident de l'évèque ne l'ait reçu. Vous aurez la bonté de vous entendre avec le ministre de Danemark et celui-ci, afin de la produire en commun et de vous en aider tous les trois à faire résoudre la confirmation pure et simple de la cession de Son Altesse Impériale. Selon les difficultés que vous y rencontrerez, vous êtes autorisé à faire des représentations contre la clause salvatoire, dont l'emploi ne pourrait être de droit à la rigueur, que dans le cas où il n'existerait point d'acte de rénonciation et qui devient surabondante, dès que celui-ci est produit. Mais quoique par les liaisons politiques et l'union qui subsistent entre les deux cours, nous pensions que la cour Impériale et Royale ne s'attachera pas à cette formalité au point de refuser une marque d'égard et d'amitié pour la notre, si cependant vous ne

voyez point jour à la faire changer d'avis, vous pouvez passer par dessus cette acte salvatoire, qui ne vaut pas qu'on vienne à d'autres explications ni de retarder la conclusion de cette affaire.

V. E. à la fin de sa lettre a donné préalablement avis des frais de chancellerie, pour tous les actes dont il sera besoin. Comme dans l'accomplissement de tout ceci il n'est plus question en quoi que ce soit de l'intérêt du Grand Duc ni de la cour, je vous prie, mon prince, d'engager de vous-même le ministre de Danemark et le résident de l'évèque à s'entendre entre eux pour porter cette dépense dans la proportion dont ils conviendront, et s'ils vous demandent que votre cour y contribue, d'avoir la bonté de leur dire, qu'il vous a paru si juste et si naturel que cette dépense se fasse sans qu'elle y soit appelée, que vous n'avez pas cru lui devoir faire aucune représentation là-dessus. J'ai l'honneur d'être etc.

St-Pétersbourg, ce 21 Janvier 1774.

ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ ДАНЦИГѢ ГРАФУ И. А. ГОЛОВКИНУ [1]).

22 Января 1774 г. Приложено къ депешѣ графа Сольмса отъ 21 Января (1 Февраля) 1774 г. Напечат. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 455—458 (помѣчено 20 Января 1774 г.).

2444) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ ДАНЦИГѢ ГРАФУ И. А. ГОЛОВКИНУ [2]).

Je vous ai fait connaître par ma lettre de ce jour les ordres de l'Impératrice dont vous avez, M-r, à faire part au magistrat, en réponse aux mémoires qui vous ont été remis par lui. Vous manderez chez vous les deux députés de ce corps qui confèrent ordinairement avec vous, et vous leur lirez votre dite lettre en entier, mais sans leur en donner copie ni leur remettre après aucune note ni mémoire qui en cite ou rappelle les expressions. Vous ferez suivre cette lecture des représentations les plus fortes sur l'état malheureux pour le présent et plus critique pour l'avenir, où se tient la ville par son opiniâtreté et d'où elle n'aura jamais d'autre issue que celle qu'on lui propose.

Cette lettre n' a touché que l'objet principal, qui est la jouissance du port ou le renouvellement du bail emphytéotique. J'ajoute ici quant

[1]) Графъ Иванъ Александровичъ Головкинъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Данцигѣ въ теченіе 1774 г. на мѣсто уѣхавшаго въ отпускъ резидента Ребиндера.

[2]) М. Г. А. Доклады, св. 9.

aux possessions de la ville, que vous aurez à suivre daus vos bons offices, comme médiateur, les mêmes règles qui vous ont été données pour les possessions de Thorn et que je vais vous retracer.

Tout ce qui a été acquis par la ville pour l'usage et le service de la communauté peut être considéré comme son territoire; tout ce qui a été acquis par les particuliers doit reconnaître la supériorité territoriale du lieu où ces possessions se trouvent situées. Tout ce qui touche et communique à la ville de plein pied peut être censé faire part de son territoire, et tout ce qui en est séparé par d'autres possessions reste sous la supériorité territoriale du lieu. Indépendamment de l'article des possessions, il se trouve nombre de barrières et de douanes prussiennes établies dans les entours de Dantzig, dont cette ville se plaint et qui réellement la gênent beaucoup. Il est nécessaire, que vous nous fassiez parvenir une spécification exacte de ces différentes douanes et du taux des droits qui s'y perçoivent, pour juger jusqu'où on pourrait demander des modifications en faveur de Dantzig, faire au ministre du Roi de Prusse qui se trouve ici des représentations convenables et vous autoriser à demander les mêmes choses au commissaire avec qui vous travaillez. Je vous demande donc et j'attends de vous, M-r, cette spécification. Toutefois, si entre l'aller et le venir les choses prenaient chez vous la tournure d'une décision, vous pouvez et vous devez même vous intéresser à obtenir à la ville des adoucissements sur les articles de ces douanes les plus onéreux pour elle.

Bien plus, M-r, pour que vous puissiez marcher avec sûreté dans cet arrangement et remplir l'objet du service de votre cour, voici des ordres précis auxquels vous aurez à vous conformer dès à présent et sans attendre d'autres instructions d'ici, si réellement l'embarras et la gêne de la situation présente de Dantzig existent au point qu'elle l'a énoncé dans ses mémoires et cartes parvenues ici. Nous y voyons Dantzig coupé de son port, de son commerce et de sa subsistance. Or un tel état est directement opposé aux intentions de l'Impératrice et à la teneur de la convention du partage, qui en réservant cette ville et son territoire. a voulu la laisser telle qu'elle était et surtout éviter de transporter au Roi de Prusse un avantage aussi considérable, que de le rendre le maître du commerce de la Pologne et de son débouché unique par la Vistule. Il ne suffit donc pas, que nous obtenions que le port reste à perpétuité à la ville, ce qui absolument doit être à quelque condition que ce soit, il faut encore que la jouissance pour elle n'en soit point éludée par des empêchements mis d'ailleurs à son commerce. Et c'est cependant ce qui arriverait dans le fait, si toute communication avec l'intérieur de la Pologne lui restait interdite ou était assujettie à des droits exhorbitants. Nous pensons bien que l'espèce de blocus que le Roi de Prusse a mis

autour de Dantzig, peut n'avoir d'autre vue que de la réduire plutôt à racheter la jouissance de son port, mais aussitôt que ceci est obtenu d'elle, il faut veiller scrupuleusement à ce que ce blocus se lève et que la liberté du commerce soit restituée dans le même état où elle a été ci-devant. Sans cela la ville se fonderait d'elle-même, elle et son port ne seraient plus qu 'une ombre, ses richesses, son commerce, sa population iraient bientôt s'asseoir dans quelque établissement voisin sous la domination prussienne, et nos conventions ainsi éludées, nous éprouverions tous les inconvénients auxquels nous avons voulu obvier par elles.

Prenez donc pour règle, M-r:

1) Que vous ne sauriez employer trop de force et d'activité pour déterminer la ville à un rachat quelconque de la jouissance de son port, et d'autre part, que vous avez a maintenir auprès du commissaire prussien que ce rachat est une règle fixe et immuable entre sa cour et la votre.

2) En échange de ce rachat, de faire accorder à la ville toutes les conditions qui peuvent lui garantir sa sûreté, sa subsistance et la liberté de son commerce. Je reprends encore ces trois articles et je les explique. Premièrement—sa sûreté: si le Roi de Prusse reste le maître des postes dont il s'est emparé et d'où il commande la ville, la situation de celle-ci reste précaire, et n'en fut-il jamais abusé, le découragement qui en résulte insensiblement anéantira Dantzig. Là donc où le droit du Roi de Prusse sur ces postes est problématique, il faut pencher décidèment pour la ville; là où il est clair et ne peut être réfuté, il faut ou en venir à des échanges contre d'autres biens de la ville enclavés dans les domaines du Roi de Prusse, ou à un rachat, et de façon ou d'autre ôter Dantzig de sous l'oeil ou la main des prussiens. Secondement—sa subsistance: cet article regarde les provisions que la ville tire des provinces voisines, soit de ses propres terres qui y sont enclavées, soit d'autres. Le transit le plus libre en tout temps et en toute circonstance lui est absolument nécessaire, et les droits de ce transit, si on ne peut les ôter tous, doivent être réduits au taux le plus bas possible. Le maintien et la sûreté des moulins de la ville est aussi un article essentiel à sa subsistance et qui ne saurait lui être contesté. Troisièmement—la liberté de son commerce: ici vous avez à représenter en sa faveur, que toute innovation à cet égard est contraire aux vues des trois cours copartageantes et ferait une commotion dans toute l'Europe, dont la Pologne a été de tout temps le grenier. Et par rapport aux droits de transit ou de péage gênant ce commerce, que le Roi de Prusse prétendrait maintenir, vous les combattrez comme nuisant au débouché des productions de la Pologne, débouché si nécessaire à ce royaume et si important pour toutes les autres nations, et vous montrerez de plus que le Roi de Prusse,

par l'arrangement avec la ville recevant des droits du port tout ce qui peut lui en appartenir, tous autres droits sont un double emploi incompatible avec ceux-ci.

Vous voyez donc, M-r, que le port de Dantzig racheté, il ne doit y avoir pour le reste aucun changement, du moins sensiblement préjudiciable à la situation de cette ville et de son commerce. Pour la décider donc à finir sur ce point du rachat de son port de l'une ou l'autre des deux façons proposées, ou par un rachat perpétuel ou par une redevance annuelle, vous pouvez l'assurer sous main que, ce pas fait par elle, elle éprouvera tout ce qu'elle peut attendre de la bonne volonté et de l'appui de l'Impératrice; mais aussi, qu'aussi longtemps qu'elle ne s''y résout pas, l'Impératrice ne peut rien faire pour elle.

Tout ceci vous servira aussi de règle pour la ville de Thorn, à qui sa situation sur la Vistule donne de l'importance dans les vues immuables de votre cour de maintenir le commerce de la Pologne dans le même état où il était avant le traité de partage. Peut-être que sur ces entrefaites arrivera la commission polonaise. Vous assisterez aux conférences entre elle et le commissaire du Roi de Prusse, pour autant qu'il s'agira des intérêts de Thorn et Dantzig, en gardant toujours votre caractère de médiateur. Et quant à la conduite et au langage que vous aurez à tenir dans ces conférences, vous suivrez tous les principes établis ci-dessus et généralement tout ce qui vous a été dit sur les intérêts de ces deux villes dans le cours de votre mission.

A la ville de Thorn vous pourrez donner à entendre, comme de vous même et en réponse à la nouvelle lettre qu'elle vient d'écrire à l'Impératrice, que dans l'arrangement intérieur de la Pologne le ministre de Sa Majesté Impériale à Varsovie veillera au maintien de ses intérêts selon la justice et l'equité. Je suis au reste avec une parfaite considération, M-r., etc.

A St.-Pétersbourg, ce 22 Janvier 1774.

2445) ПИСЬМО ГРАФА Н.И.ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ А. С. МУСИНЪ-ПУШКИНУ ВЪ ЛОНДОНЪ [1]).

Государь мой Алексѣй Семеновичъ. Изъ письма вашего отъ 13/24 Декабря усмотрѣлъ я, коимъ образомъ, чрезъ партикулярный вашъ къ лорду Суффольку отзывъ, сколь вамъ желательно, чтобъ заключеніе съ Портою мира было совершено англійскими руками безъ

[1]) М. Г. А: Англія, III, св. 29.

всякой формальной медіаціи, и что опять нельзя вамъ ни имѣть, ни испрашивать на сіе здѣшнихъ повелѣній, не зная напередъ, намѣренъли тамошній дворъ и сколько именно употреблять добрыя свои о мирѣ старанія, въ случаѣ, когда бы оному сіе дѣло ввѣрено было,—подали вы Британскому министерству поводъ не только вновь ухватиться за сію имъ единожды уже, по собственному нашему отклоненію, оставленную идею, но держать разные совѣты и дѣйствительно отправить сюда курьера къ кавалеру Гуннингу.

Вы сами, государь мой, можете конечно припамятовать, что отъ самаго почти начатія войны нашей съ Портою Лондонскій дворъ какъ здѣсь, такъ и при оной, въ разныхъ попыткахъ оказывалъ желаніе свое къ принятію на себя формальнаго или просто дружественнаго посредства и что мы оное съ пристойными привѣтствіями всякій разъ отклоняли по той причинѣ, дабы чрезъ принятіе или допущеніе съ нашей стороны англійскаго посредства не подать взаимно туркамъ случая и предлога требовать равномѣрнаго допущенія для Франціи, ибо оное ни съ достоинствомъ, ни съ интересами Ея Императорскаго Величества отнюдь согласовать не можетъ. Важность сего возраженія толь очевидна, что давно и переставъ уже Англійскій дворъ самъ собою представлять свое посредство, которое впрочемъ, скажу я здѣсь въ откровенности, по торговымъ его съ землями Порты сопряженіямъ, едвали бы еще могло быть сколько ни есть рѣшительнымъ въ нашу пользу.

А съ того времени, когда и мы, и Порта Оттоманская взаимно согласились употреблять добрыя старанія дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго, кои чрезъ бытность министровъ ихъ на Фокшанскомъ конгрессѣ сдѣлались уже свѣту извѣстными, настоитъ тѣмъ меньше нужды, да и самой возможности требовать новаго содѣйствія съ стороны Англійскаго двора. Умноженіе посредственниковъ не воспоспѣшествовало бы по всей вѣроятности успѣху такого дѣла, которое еще само въ себѣ не созрѣло, а напротивъ того могло бы насъ безъ всякой пользы привесть въ остуду съ обоими дворами, принявшими на себя добрыя оффиціи по собственному нашему приглашенію.

Какъ сіе положеніе дѣлъ доннѣ ни мало не перемѣнилось, то и не признаетъ повидимому кавалеръ Гуннингъ за прилично дѣлать здѣсь каковое-либо употребленіе изъ насланныхъ къ нему чрезъ курьера новыхъ повелѣній. Осторожность его въ семъ случаѣ освобождаетъ и насъ и дворъ его отъ дальнѣйшихъ изъясненій, кои впрочемъ по существу вещей долженствовали бы кончиться на однихъ комплиментахъ съ повтореніемъ прежнихъ нашихъ по сю пору во всей своей силѣ остающихся резоновъ.

Дружба моя къ вамъ заставила меня войти здѣсь во всѣ сіи изъясненія, дабы васъ по крайней мѣрѣ на будущее время остеречь и привесть въ большую осмотрительность при чинимыхъ собою по дѣламъ отзывахъ. Между тѣмъ, когда уже въ разговорахъ вашихъ съ лордомъ Суффолькомъ переступлена единожды нужная мѣра, остается теперь помышлять и стараться только о возвращеніи дѣла на прежнюю его стезю. Для сего, по моему мнѣнію, всего лучше будетъ, если вы учиненный вами вызовъ англійскаго посредства оставите отъ сего времени въ совершенномъ молчаніи, отвѣтствуя лорду Суффольку, въ случаѣ его вопроса, не получили-ль вы отъ двора своего какихъ-либо по оному повелѣній, что отзывъ вашъ къ нему былъ партикулярный и что потому и не имѣли вы причины писать объ ономъ ко двору своему, а еще менѣе испрашивать себѣ отъ него наставленія въ такомъ дѣлѣ, которое извѣстнымъ образомъ имѣло уже свое теченіе.

Сообщая вамъ мысли мои для исправленія того, что уже сдѣлано, конечно отъ избытка похвальнаго впрочемъ къ службѣ усердія, долженъ я притомъ именно рекомендовать, чтобъ вы какъ полученіе отъ меня настоящихъ изъясненій къ руководству вашему, такъ и самое свѣдѣніе наше о присылкѣ сюда къ г-ну Гуннингу курьера, весьма скрыли отъ познанія Англійскаго министерства, стараясь паче, какъ и выше сказано, поставить предъ онымъ, и то при настояніи только съ его стороны вопроса, все случившееся на счетъ партикулярныхъ вашихъ съ лордомъ Суффолькомъ откровенныхъ разговоровъ и разсужденій.

Въ заключеніе хочу я еще, изъ благонамѣренности моей къ вамъ, примѣтить, что и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и случаяхъ вообще не должно осторожному министру поступать собою на многозначущіе отзывы или внушенія, ибо сколько бы онъ самъ по себѣ ни имѣлъ природной остроты, однакожъ ею одною не можетъ въ отсутствіи проникать совершенно всей связи и прямыхъ намѣреній двора своего. Сверхъ же того, и самое политическихъ дѣлъ свойство не таково, чтобъ требовало скоропостижности, не дозволяющей испросить себѣ точныхъ повелѣній отъ тѣхъ, кои цѣлымъ кругомъ дѣлъ управляютъ. Въ нихъ бываютъ сверхъ того нерѣдко такія перемѣны, кои по наружности своей и навсегда сокровенными остаются для всѣхъ тѣхъ, кои въ нихъ безпосредственнаго участія не имѣютъ.

Будучи удостовѣренъ, что вы примѣчанія мои примете въ настоящей ихъ цѣнѣ, то-есть залогомъ дружбы моей къ вамъ, пребуду я навсегда и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 22 Января 1774 г.

(Отправлено въ шифрахъ съ курьеромъ генеральсъ-адъютантомъ Мордвиновымъ).

2446) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ реляціи отъ 26 Января (6 Февраля) 1774 г., за № 6, посланникъ въ Парижѣ кн. И. С. Барятинскій доносилъ графу Панину, что въ Парижѣ много говорятъ о Пугачевскомъ бунтѣ; на всѣ эти толки посланникъ отвѣчаетъ, «что только сіи мятежники не что иное дѣлаютъ, какъ разбойническіе нападки, которые конечно всѣ скоро переловлены и усмирены будутъ». Кн. Чарторыйскій говорилъ посланнику, что можно ожидать подобнаго мятежа въ Сибири; на вопросъ посланника, откуда онъ это знаетъ, онъ отвѣчалъ, что видѣлъ недавно въ Парижѣ поляка, поступившаго въ 1757 году маіоромъ на русскую службу, но арестованнаго и сосланнаго въ Сибирь; этотъ полякъ, въ проѣздъ его чрезъ Тобольскъ, познакомился тамъ съ ссыльнымъ Чоглоковымъ, «который будто бы открылся ему въ томъ, что намѣренъ сдѣлать возмущеніе въ Сибири».

Графъ Чернышевъ солдата Чоглокова прикажетъ перевесть въ Ревельскую или Кексгольмскую крѣпости, съ такимъ приказаніемъ, чтобъ изъ стѣнъ крѣпостныхъ выпущаемъ не былъ, а лучше въ Кексгольмъ.

2447) КОПІЯ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2]).

Въ разсужденіи умножившихся расходовъ вашихъ по порученной вамъ Татарской комиссіи, всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ брать по 200 рублевъ на мѣсяцъ изъ губернскихъ доходовъ, покамѣстъ сія комиссія продолжится.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, Генваря 27 дня 1774 г.

2448) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [3]).

Нашему генералу-поручику Щербинину. При обстоятельствахъ настоящихъ находящихся на Кубанской сторонѣ татарскихъ народовъ, кои, по реляціи генерала-аншефа князя Долгорукова отъ 20-го Декабря минувшаго года и вашимъ двумъ отъ 2-го и 26-го тогожъ мѣсяца, продолжая свои совѣщанія съ Кабардинцами и прочими горскими жителями, начинаютъ отъ часу больше казаться всѣ вообще преклонными

---

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 15.

[2]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Щербинину 1770—1775 г.г. Напечат. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Р. 1871 г., кн. I, стр. 179.

[3]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Щербинину 1770—1775 г.г. Напечат. въ Чтеніяхъ О. И. и Др. Р., 1871 г., кн. IV, стр. 164—165.

къ нашему непріятелю Портѣ Оттоманской, признаваемъ мы, согласно съ представленіями князя Долгорукова и вашими, нужду въ немедленномъ употребленіи возможнаго старанія къ предупрежденію вредныхъ дѣйствій такого ихъ зломыслія, повидимому развратомъ и ободреніемъ непріятельскимъ подкрѣпленнаго, а потому и въ слѣдствіяхъ своихъ къ облегченію предпріятій его въ будущую кампанію подать могущаго и дѣйствительныя ему пособія. Но пока однакоже помянутые татарскіе народы, съ сообщниками своими Кабардинцами и другими горскими жителями, представляются только еще сумнительными и колеблющимися, то до наступленія удобнаго времени къ военнымъ дѣйствіямъ, кажется, есть между тѣмъ довольно времени не неудобнаго жъ напротивъ того уже къ тому, чтобъ, по разсужденію князя Долгорукова, предоставляя управляться съ татарами оружіемъ, въ случаѣ необходимости, и когда они въ самомъ дѣлѣ сообщеніе свое съ непріятелемъ оказывать начнутъ, а къ сторонѣ нашей прямую непріязнивость, приняться за ихъ алчность и корыстолюбіе для уничтоженія всѣхъ ихъ противныхъ замысловъ, то есть тѣ жъ самые сильно дѣйствуемые способы употребить къ удержанію ихъ въ спокойномъ состояніи, какіе Порта Оттоманская по всѣмъ извѣстіямъ не оставляетъ употреблять къ ихъ соблазну, несмотря на то, что они, по предубѣжденіямъ своей вѣры и бывшей съ нею тѣснѣйшей связи, и всегда не могутъ быть инако какъ въ сердцахъ своихъ и во внутренности къ ней наклонными и доброжелательными.

По симъ основаніямъ всемилостивѣйше апробуя мы сдѣланный вами весьма кстати поступокъ, въ обѣщаніи Эдисанскому главному начальнику Джанъ-Мамбетъ-бею умножить производимое ему жалованье, препоручаемъ вамъ равнымъ образомъ, сколько допуститъ пристойность и удобность, и другое легкомысленными татарами и всѣми Кубанскими и горскими народами весьма уважаемое лице, а именно Казы-Гирей-султана, котораго и по содержанію предыдущаго нашего рескрипта отъ 4 Ноября минувшаго года предписано вамъ было стараться пріобрѣсть въ нашу сторону, и дѣйствительно, какъ напскорѣе, подобными жъ Джанъ-Мамбету поощреніями и дачами обратить на склонныя мысли, а, наконецъ, и всѣхъ татарскихъ начальниковъ и чиновныхъ людей, кои въ ордахъ имѣютъ силу и довѣренность и въ состояніи находятся по своему произволу руководствовать оными, приласкать подарками же, и на что все дозволяемъ вамъ, какъ теперь не можетъ уже быть довольно въ остаткѣ денегъ изъ ассигнованныхъ донынѣ на татарскіе расходы, издерживать вновь до 30000 рублей изъ доходовъ ввѣренной вамъ Слободской Украинской губерніи, при чемъ мы совершенное имѣемъ надѣяніе къ испытанной толикократно ревности вашей къ службѣ нашей и отечества и въ дѣлахъ искусству,

что вы и употребленіемъ сихъ денегъ кстати, по временамъ и лицамъ, не меньше возотвѣтствуете возлагаемому и нынѣ на ваше попеченіе толь нужному и важному виду и отвратите такимъ образомъ предстоящее въ разсужденіи татаръ сумнительство, доставляя генералу-аншефу князю Долгорукову всю свободность продолжать порученную ему стражу Крымскаго полуострова, не озабочиваясь съ излишествомъ ордами, настоящимъ своимъ пребываніемъ отъ Крыма отдѣленными; а каковъ въ семъ же дѣлѣ отправленъ и къ нему нынѣ же нашъ рескриптъ, прилагается здѣсь копія для вашего извѣстія и употребленія. И пребываемъ къ вамъ впрочемъ нашею Императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 27 Января 1774 года.

Екатерина.

2449) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 1 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Мы не оставили принять въ достойное уваженіе представленія вашего отъ 20 Декабря минувшаго года о предупрежденіи распространяющагося стараніемъ и происками непріятельскими разврата въ татарскихъ народахъ, на Кубанской сторонѣ находящихся, употребленіемъ на подарки ихъ начальникамъ нѣкоторой суммы денегъ, дабы такимъ образомъ могли сіи легкомысленныя и на зло поползновенныя толпы остаться и впредь внѣ всякаго въ пользу непріятельскую дѣйствія, получа новыя и корыстолюбію ихъ ласкающія побужденія къ сохраненію постановленнаго съ нашею Имперіею союза, и освобождая уже и васъ отъ раздѣленія силъ вашихъ въ такое время, когда оныя наипаче потребно вамъ будетъ имѣть въ совокупленіи для толь лучшаго и дѣйствительнѣйшаго производства военныхъ операцій будущей кампаніи.

Изъ приложенной при семъ копіи съ отправленнаго нынѣ рескрипта нашего къ генералу-поручику Щербинину усмотрите вы во всей подробности, что мы, повелѣвъ ему дѣйствительно искать татарскихъ начальниковъ закупать дачами и подарками, убѣждающими ихъ по своей цѣнѣ пренебрещи сдѣланныя имъ съ турецкой стороны прельщенія, употребляя на то изъ казны нашей до 30000 рублевъ, сею принятою нами по поводу представленія вашего резолюціею и отдаемъ совершенную справедливость и похвалу предусмотрительной вашей заботѣ, въ видѣ толь нужномъ и полезномъ.

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс. 1871 г., кн. IV, стр. 165—167.

Между тѣмъ, судя по извѣстной татаръ къ прибыткамъ алчности, хотя и можно ожидать съ основаніемъ, что будучи отъ насъ удовольствованы сверхъ своего чаянія и воспріемля отъ сего примѣра и для будущаго времени надежду къ подобнымъ снабдѣніямъ, меньше будутъ они поползновенными къ содѣйствію непріятелю, но со всѣмъ тѣмъ, какъ съ другой стороны предубѣжденія вѣры и привычки всего сильнѣе, а татары кромѣ того, что внутреннее ихъ къ туркамъ-одноверцамъ доброжелательство для нашей стороны не можетъ быть и никогда не сумнительно, колико уже и по одному своему легкомыслію къ злодѣйствамъ поползновенны и удобь преклонны, нѣтъ нужды здѣсь изъяснять, какъ о дѣлѣ весьма извѣстномъ. Потому осторожность и благоразуміе требуютъ, чтобъ не только неослабное за ихъ поступками продолжалось бдѣніе, но чтобъ и такія взору и примѣчанію ихъ оказательства представлялись иногда, по коимъ бы они удостовѣрены быть могли о возможности и избыткѣ способовъ и къ отмщенію за ихъ невѣрность и противное поведеніе.

Мы и находимся въ полной надеждѣ къ извѣданной и многократными случаями подтвержденной ревности вашей къ службѣ нашей и отечества и къ свойственной вамъ и вашему званію прозорливости и попеченію, что вы, употребляя ввѣренныя вамъ силы тамъ, гдѣ и когда больше будетъ нужно и полезно, всегда однакожъ и на татаръ, на Кубанской сторонѣ живущихъ, внимательно назирать не оставите, какъ и по мѣсту своего пребыванія подъ вашею стражею, что до воинскихъ дѣйствій касается быть долженствующихъ, почему и всѣ такія распоряженія предпріимать будете, при обстоятельствахъ требовать того могущихъ, кои бы безъ ослабленія нужнѣйшихъ мѣстъ и сихъ татаръ такожде въ спокойномъ положеніи удержать могли, будучи безъ сумнѣнія вамъ не безъизвѣстно по собственнымъ испытаніямъ состояніе сихъ народовъ, тогда больше продерзкихъ, когда не видятъ никакого страха и, напротивъ того, унылыхъ и боязливыхъ, когда только начинаютъ ощущать нѣкоторыя противъ себя приготовленія; слѣдовательно и одни уже кстати и ко времени чинимыя движенія нѣкоторою небольшою войскъ частію не безполезны быть имѣютъ, чтобъ ихъ занять и дать имъ заботливое упражненіе тамъ, гдѣ теперь находятся, не думая о сообщеніи своемъ съ непріятелемъ; и въ чемъ во всемъ, какъ и выше сказано, полагаемся мы на ваше къ намъ и къ службѣ нашей усердіе и искусство ваше и расторопность въ дѣлахъ воинскихъ, пребывая впрочемъ нашею Императорскою милостію къ вамъ благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 27 Генваря 1774 года.

Екатерина.

2450) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕОРГУ III, КОРОЛЮ АНГЛІЙСКОМУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 28 Janvier 1774.

Monsieur mon frère. La confiance que je mets dans l'amitié de Votre Majesté, ainsi que dans le principe d'intérêt naturel et uniforme de nos deux monarchies, me porta à demander son agrèment pour appeler à mon service le s-r Knowles, un de ses amiraux. Le même motif ne me permet point de laisser dans le silence ma satisfaction du bien qu'il a fait à mon amirauté et les avantages que je compte retirer de son expérience et de son application pour cette partie importante de la défense de mon Empire. Et comme divers établissements qu'il y a améliorés ou introduits, me feraient désirer de le garder encore quelque temps pour les porter au degré convenable de solidité et de perfection, je n'hésite point à y demander le consentement de Votre Majesté. Je me flatte qu'elle ne comptera point comme éloigné de son service un homme de ce rang et de ce mérite, quand il s'emploie avec utilité à celui d'une puissance si amie, et surtout je souhaite vivement que cette absence ne préjudicie en rien aux avantages que le s-r Knowles est dans le cas d'attendre dans sa patrie. En me promettant cette marque de l'amitié de Votre Majesté, je la prie d'être persuadée que rien n'égale la sincérité de la mienne et la parfaite estime avec laquelle je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté etc.

2451) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ ПРИ ИМПЕРСКОМЪ СЕЙМѢ БАРОНУ АССЕБУРГУ ВЪ РЕГЕНСБУРГѢ [2]).

A St.-Pétersbourg, ce 28 Janvier 1774.

En attendant que je fasse parvenir à V. E. ses instructions pour le poste où elle est nommée, ce qui sera indubitablement dans le courant du mois de Mars prochain, j'aurai l'honneur ici de m'entretenir avec elle sur les difficultés qu'elle a cru devoir m'exposer dans son rapport du 27 Décembre (7 Janvier). Le principe d'étiquette adopté et constamment suivi par notre cour est le point d'où il est besoin de partir pour

[1]) М. Г. А. Англія, I, св. 1.

[2]) М. Г. А. Регенсбургъ, III, св. 16.

en trouver la solution. Selon ce principe nous ne cédons la préséance à aucune tête couronnée et aussi nous n'exigeons qu'aucune tête couronnée nous la cède. Une égalité parfaite et scrupuleuse est la loi que nous suivons et que nos ministres ont ordre de maintenir. D'après cela, quelque gênant et absurde que soit l'usage établi pour la légitimation des ministres étrangers à Ratisbonne, le cérémonial des visites et autres parties de l'étiquette, un ministre de Russie est en règle dès qu'il ne fait ni plus ni moins que ce que font et ont fait les ministres des autres têtes couronnées; et nommèment vous pourrez, M-r, sans aucun inconvénient admettre pour vous même tout ce qui s'est pratiqué à l'égard des ministres de même rang de France et d'Angleterre. L'expédient que vous me faites entrevoir par votre lettre particulière m'est connu, c'est-à-dire une nomination de ministre à une cour électorale qui pût ménager les affaires à la diète sans y être adressé; mais il n'y a pas jour à l'employer pour le présent, nous pourrons y revenir par la suite, lorsque nos relations avec ces cours auront une toute autre activité qu'elles n'ont actuellement, et c'est un effet que j'attendrai avec confiance de la mission présente de V. E. Quoique je la prévienne au commencement de cette lettre, que je lui ferai parvenir ses instructions dès le mois de Mars, elle n'en sera pas moins la maîtresse de ne se rendre à son poste qu'au mois de Mai, ainsi qu'elle l'a souhaité et que cela a été consenti par l'Impératrice. J'ai l'honneur d'être etc.

2452) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 28 Janvier 1774.

Le comte Keyserling, M-r, avait obtenu du Roi de Pologne à la recommandation de notre cour et pour les services personnels de son père à Sa Majesté Polonaise, une pension sur un revenu de la république. Comme il s'en voit privé par une suite des arrangements qu'a occasionné le partage des trois cours, il recourt de nouveau à la bienveillance du Roi et il se flatte, que ce prince voudra bien lui conférer quelqu'autre bienfait qui lui tienne lieu du premier. Ce qui fonde son espérance, c'est que l'intention et la promesse du Roi, en lui accordant une gratification, fut qu'il en jouît toute sa vie. Cette affaire étant parfaitement connue du Roi, vous trouverez Sa Majesté, M-r, toute préparée à entendre

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

aux représentations que je vous prie de lui faire en faveur des intérêts du comte Keyserling, et je me persuade qu'elle se trouvera d'elle même excitée à chercher les moyens convenables de satisfaire sa propre générosité, en remplaçant par quelque grâce équivalente celle dont le comte vient d'être privé. J'ai l'honneur d'être etc.

2453) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 2 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Снисходя мы на содержащееся между другимъ въ реляціи вашей отъ 3 Генваря сего года представленіе о дачѣ нашей похвальной грамоты войску Запорожскому, по причинамъ и уваженіямъ, отъ васъ изъясненнымъ, при семъ посылаемъ такую на ваши руки и съ копіею для извѣстія вашего, повелѣвая вамъ оную доставить въ войско Запорожское, какъ за пристойнѣе разсудите. И пребываемъ впрочемъ нашею Императорскою милостію къ вамъ благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 29 Генваря 1774 года.

Екатерина.

Къ настоящему рескрипту приложена въ копіи нижеслѣдующая грамота Императрицы войску Запорожскому:

Грамота Императрицы войску Запорожскому.

(По титулѣ). Нашего Императорскаго Величества подданному низоваго войска Запорожскаго кошевому атаману и всему войску Запорожскому наше Императорскаго Величества милостивое слово.

Предводительствующій второю нашею арміею, генералъ-аншефъ князь Долгоруковъ не только въ продолженіе прошедшей кампаніи неоднократно намъ доносилъ, но и напослѣди нынѣ наилучшее же подалъ засвидѣтельствованіе о вѣрной службѣ, трудахъ и подвигахъ нашего низоваго войска Запорожскаго, подъемлемыхъ съ усердіемъ противу нечестивыхъ силъ вѣроломной и враждебной къ нашей Имперіи и ко всему православному христіанству Порты Оттоманской, всенижайше представляя намъ, чтобъ мы въ знакъ монаршаго благоволенія къ сему мужества и вѣрности исполненному войску благоизволили пожаловать и обрадовать оное похвальною нашею монаршею грамотою, какъ достойное такой отличности и поощренія.

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

Мы, по свойственному намъ правосудію, склонны будучи воздавать всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ по заслугамъ и достоинствамъ каждаго, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ на похвалу низоваго войска Запорожскаго дѣйствительно поступаемъ, чѣмъ оное съ превосходствомъ и всегда прославляется поборствованіемъ своимъ по благочестивой нашей вѣрѣ и въ пользу службы любезнаго отечества, всему же тому и въ настоящую войну не оставило и не оставляетъ равнымъ образомъ наиудостовѣрительнѣйшіе изъявлять опыты храбрыми своими поступками и дѣйствіями, къ особливому подтвержденію столь полезнаго о себѣ мнѣнія.

И такъ, да будетъ сія наша монаршая высочайшая грамота залогомъ и доказательствомъ торжественнымъ подданному нашему низовому войску Запорожскому въ томъ, что мы непреклонною къ намъ вѣрностію его, усердіемъ къ службѣ нашей и отечества и мужествомъ, при всякихъ случаяхъ оказываемымъ, весьма довольны находимся и почитаемъ за справедливо приписать оному, за толь рачительное наблюденіе должности своей, наисовершеннѣйшую похвалу, ожидая и надѣясь, что всегда и въ послѣдующее время не меньше достойнымъ будетъ Императорской нашей милости и призрѣнія, съ каковыми мы нынѣ къ вамъ, кошевому атаману и ко всему войску, пребываемъ благосклонны.

Дана въ С.-Петербургѣ, Генваря мѣсяца 29 дня, лѣта отъ Рождества Христова 1774-го, а государствованія нашего второго на десять года.

Екатерина.

2454) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 30 Janvier 1774.

Vous êtes instruit, M-r, du conflit de jurisdiction qui s'est élevé pour l'arrangement des affaires des jésuites en Courlande entre le duc et les instigateurs de la couronne. Ceux-ci s'étant rendus à Mitau ont voulu disposer souverainement et sans la participation de qui que ce soit de la régence des biens de la société éteinte, demandant la tradition de tous les papiers et documents gardés dans les archives qui se trouveraient les concerner. La régence ayant fait une protestation en

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

forme contre cette entreprise et le duc lui-même en ayant fait des plaintes ici et m'ayant prié de vous en écrire, je vous prie de vous employer à faire reconnaître par la délégation l'irrégularité de cette façon de procéder, qui porte manifestement atteinte à la jurisdiction territoriale du duc, et à y faire apporter le redressement nécessaire. Il est de droit que ce soit au duc qu'on s'adresse pour mettre à exécution les résolutions de la république pour tous arrangements dans ses états, et vous ne ferez rien que de juste en demandant que ce soit ainsi qu'on en agisse pour l'affaire des jésuites. J'ai l'honneur d'être etc.

2455) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

Къ реляціи барона Штакельберга изъ Варшавы, отъ 23 Января (3 Февраля) 1774 г. за № 11, приложено было письмо изъ Константинополя отъ 3 Января, въ которомъ содержалось извѣстіе о тяжкой болѣзни Турецкаго султана Мустафы III. «Les préparatifs de guerre», говорилось въ этомъ письмѣ, «qui continuent ici sur le même pied, font désespérer de la paix pour cet hiver, à moins que la mort prochaine du sultan n'y apporte quelque changement; c'est de quoi des effendis de considération dans le département des affaires étrangères paraissent pourtant douter, à moins, m'ont-ils dit, que l'on guettât les premiers jours de l'avènement du nouvel empereur pour lui faire entendre, que tout le blâme d'une paix désavantageuse et moins glorieuse pour l'Empire Ottoman tombe sur le mort. Les mêmes attribuent les plus grands obstacles de la paix à la France, qui travaille selon eux à Pétersbourg à se faire admettre pour médiatrice, et pour y parvenir elle pense de pouvoir fatiguer la Russie par la continuation de la guerre et la porter à accepter sa médiation; à quoi ces messieurs ajoutent, qu'il est très probable, pour ne pas dire sûr, que la cour de Vienne, sans y travailler pourtant de concert au moins en apparence avec la France, verrait de bon oeil que la paix se fit par l'interposition de celle de Versailles».

Графъ Никита Ивановичъ. Я почитаю послѣднія чрезъ Штакельберга изъ Царяграда здѣсь приложенныя извѣстія такой важности, что мое мнѣніе [2]) есть, чтобъ оныя немедленно сообщены были къ графу Румянцеву съ такимъ предписаньемъ, чтобъ онъ по всей возможности старался сей пунктъ времени сдѣлать полезнымъ [3]), чего по моему разсужденію быть можетъ, если онъ не видомъ [4]), но самымъ

---

[1]) Бѣловое собственноручное письмо находится въ М. Гл. Архивѣ: Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 2; копія—тамъ же, Польша, III, св. 37 (при депешѣ барона Штакельберга); черновое же, также собственноручное, письмо находится въ Госуд. Архивѣ, разрядъ X, № 69, л. 366. Напечатано Соловьевымъ въ т. XXIX Исторіи Россіи (кн. VI, стр. 976, по изд. Тов. Общ. Пользы).

[2]) Въ черновомъ было написано «воля» и зачеркнуто.

[3]) Было написано «рѣшительнымъ» и зачеркнуто.

[4]) Было написано «оказательствованьемъ» и зачеркнуто.

дѣломъ приступить къ завоеванію Силистріи и Варны, а по завоеваніи (чего, Боже, дай) визирю [1]) предложитъ о трактованіи мира, уполномочивая графа Румянцева къ трактованію онаго, въ какой силѣ желаю я, чтобъ вы заготовить велѣли [2]) къ фельдмаршалу рескриптъ къ моему подписанію, не теряя времени, ибо потерянный подобный случай [3]) не возвращается [4]). Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Изъ Царскаго Села,
6 ч. Февр. 1774 г.

2456) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [5]).

Tsarskoe Sélo, ce 10 Février 1774. (Оригинальное переписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою).

Monsieur mon frère et cousin. Le ton de franchise avec lequel Votre Majesté me parle pour la seconde fois dans sa lettre sur mes arrangements et ceux de mon fils tant avec la cour de Danemark, qu'en faveur de la branche cadette de la maison d'Holstein, ne saurait que m'être extrèmement agréable. C'est aussi celui que j'aime le plus à voir dans un Roi mon proche parent, et le seul qui convienne à mes sentiments, parce qu'il m'est naturel. Je ne saurais donc en avoir d'autre dans ma réponse à la communication de Votre Majesté. C'est un fait qui lui est connu, que l'échange éventuel du Holstein que j'ai arrêté avec le Roi de Danemark n'est autre chose, que ce que le feu Roi son père avait fait avec la même cour. Le motif qui l'aura animé probablement, était le même que celui que j'ai eu et qui est d'arracher une pomme de discorde dans le Nord. Mon fils parvenu à un age mûr et réfléchi, a senti la solidité de ces vues politiques et a consommé l'ouvrage. Ses sentiments de tendresse pour sa famille que je voyais avec contentement s'accroître, ont porté à la même époque son attention sur la branche cadette de notre maison, et il n'a pu qu'être touché en la voyant beaucoup moins favorisée de la Providence que les trois branches ainées appelées à remplir les trois trônes du Nord. C'est par un pur mouvement d'affection et de son propre gré qu'il a voulu

[1]) Передъ словомъ «визирю» стояло «тотчасъ».

[2]) Было написано «написали» и зачеркнуто.

[3]) Вмѣсто этихъ словъ въ черновомъ написано: «потерянная окказія подобная».

[4]) Въ черновомъ было далѣе написано: «И сіе мое письмо объявите Совѣту сегодня», и зачеркнуто.

[5]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

diminuer ce désavantage, en lui transportant les biens qui lui revenaient à titre d'échange d'états héréditaires. Comme je n'ai pu qu'approuver l'acte de générosité que faisait mon fils et applaudir au sentiment qui le lui dictait, je ne saurais de même trouver à redire à la réserve que Votre Majesté se propose de faire de ses droits et de ceux de sa branche auprès du chef de l'Empire Romain. Il est bien éloigné de ma pensée qu'elle puisse attaquer en quoi que ce soit le droit éminent de souveraineté, dont mon fils a fait un si noble usage; elle n'est à mes yeux qu'une attention aux intérêts de votre famille, qui à moi-même ont tant de droits de m'être chers. C'est dans cet esprit que j'aime à m'expliquer avec Votre Majesté sur ce qui peut les concerner, et dans cette occurrence je ne satisfais pas moins à mon désir sincère d'entretenir la plus parfaite harmonie entre nous et dans notre maison, qu'à celui de prouver les sentiments de la haute considération et de l'amitié, avec lesquels je suis,

Monsieur mon frère et cousin,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine
Catherine.

КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ.

13 Февраля 1774 г.—о новыхъ видахъ на миръ съ Турціей и о ходѣ болѣзни великаго князя Павла Петровича. Напечатано въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 388—389.

2457) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву.

При полученіи сего рескрипта вамъ безъ сумнѣнія извѣстно будетъ о смерти султана турецкаго, и что его братъ Абдулъ-Гамидъ возведенъ на мѣсто умершаго чрезъ два часа. А какъ по примѣрамъ прежнихъ временъ можно помышлять, что такая важная перемѣна произведетъ сколько ни есть внутреннее въ сералѣ волненіе и нѣкоторую потому разстройку въ общихъ политическихъ ея системѣ и военныхъ мѣрахъ Порты Оттоманской, то и требуетъ взаимно отъ насъ благоразумная прозорливость поставить себя, какъ наискорѣе, въ гото-

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Рус. Архивѣ 1879 г., № 10, стр. 139—140.

вое состояніе воспользоваться наилучшимъ образомъ могущею быть оплошностью непріятеля нашего, послѣдующею изъ новой въ правленіи перемѣны.

Патріотическое ваше усердіе къ службѣ и славѣ нашей не дозволяетъ намъ сумнѣваться, чтобъ вы, усугубляя теперь по важности момента вниманіе ваше напротиву настоящаго непріятеля, не воспользовались всѣми тѣми удобностями, которыя вамъ представляться могутъ или впредь настоять будутъ, по случаю сей султанской смерти, но тѣмъ не меньше восхотѣли мы однакожъ, отъ избытка желанія нашего поспѣшествовать всѣми мѣрами истинной пользѣ Имперіи, то есть скорѣйшему доставленію ей драгоцѣннаго мира, препоручить вамъ чрезъ сіе устроить по возможности благовременно и безъ всякой, конечно, огласки достаточный корпусъ войскъ такимъ образомъ, чтобъ оный по первому вашему приказу могъ немедленно перенестись на супротивный берегъ рѣки Дуная и ударить, вдругъ-ли или порознь, на Силистрію и Варну въ такомъ случаѣ, когда бы между непріятельскими войсками начали являться оплошность и разстройство отъ перемѣны въ Константинополѣ верховнаго правительства.

Такая экспедиція, по нашему мнѣнію, если только въ существѣ вещей по усмотрѣнію вашему возможна и будетъ кстати и ко времени произведена съ довольнымъ жаромъ и со всею нужною скоростью, можетъ намъ безъ большей отваги и безъ знатнаго урона отдать въ руки и Варну и Силистрію, слѣдовательно и послужитъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ вынужденію отъ турокъ толь вожделѣннаго мира, ибо наше соизволеніе есть, чтобъ коль скоро оба сіи мѣста или же и одно изъ нихъ войсками нашими схвачены будутъ, вы, не упуская перваго въ непріятелѣ ужаса, предложили отъ себя верховному визирю возобновленіе мирной негоціаціи, но съ тѣмъ, чтобъ оную для выиграніа времени и сокращенія всякихъ затрудненій производить уже между вами обоими, какъ главными военными начальниками, носящими на себѣ полную довѣренность государей своихъ, чего ради мы васъ симъ нашимъ рескриптомъ именно къ таковому трактованію и уполномочиваемъ. Равно то же чинимъ и въ такомъ случаѣ, если бы теперь визирь самъ къ вамъ отозвался съ желаніемъ вступить въ безпосредственный съ вами договоръ о мирѣ.

Даруй Боже, чтобъ ревностнымъ вашимъ раченіемъ сей кратчайшій и счастливый путь скоро и дѣйствительно отверстъ быть могъ, чѣмъ вы намъ и отечеству окажете важнѣйшую услугу и присвоите себѣ навсегда въ высшей степени монаршее наше благоволеніе.

Что впрочемъ касается до существа самаго мира, въ томъ достаточное преподадутъ вамъ руководство, какъ послѣднія наши тайному

совѣтнику Обрескову во время Бухарестскаго конгресса данныя повелѣнія, такъ и персональныя его вамъ изъясненія. И пребываемъ мы къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 14 Февраля 1774 года.

Екатерина.

2458) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Реляціею отъ 15/26 Февраля 1774 г. за № 18, посланникъ въ Копенгагенѣ И. М. Симолинъ доносилъ гр. Панину, что Датскій дворъ, изыскивая средства для торговаго сближенія Норвегіи и Даніи съ Россіей, предложилъ ему перевести торговлю хлѣбомъ изъ Данцига въ Архангельскъ, но съ тѣмъ, чтобъ отмѣнено было постановленіе русскаго правительства, обязывающее всѣхъ иностранныхъ купцовъ въ Архангельскѣ оставлять тамъ на храненіе пятую часть закупленнаго ими товара. Графъ Бернсторфъ просилъ посланника сдѣлать запросъ русскому правительству, не сочтетъ ли Императрица возможнымъ отмѣнить упомянутое постановленіе. «Ce sera un moyen d'attirer dans ses états», пишетъ посланникъ, «l'argent d'une puissance étrangère qui jusqu'à présent a passé à Dantzig et en Prusse; si cette permission exigerait quelque modification soit pour la durée, soit pour la quantité des grains, on s'y accommoderait de ce côté-ci».

Пятую часть велѣно оставить, дабы не оголодить голоднаго Архангелогородскаго края; а если средства сыщутся, кои замѣнять могутъ сіе къ взаимной пользѣ въ семъ пунктѣ торговли и нужды въ себя заключатъ (sic), то конечно ихъ не пренебрегать.

2459) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [2]).

St.-Pétersbourg, ce 17 Février 1774.

(Писано на почтовой меньшей бумагѣ и вручено бар. Каульбарсу 20 Февраля 1774 г.).

Monsieur mon frère et cousin. L'intérêt avec lequel Votre Majesté a appris le mariage de mon fils le Grand Duc a parfaitement répondu à

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 11.

[2]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

ma confiance en son amitié pour moi et pour ma famille. C'est avec bien de la satisfaction que j'ai reçu les nouvelles assurances, qu'elle s'est plue à m'en donner par la mission de son colonel le baron de Kaulbars et la lettre qu'elle l'a chargé de me remettre. Si je dois la justice à cet officier qu'il n'a rien négligé pour me convaincre des sentiments de Votre Majesté, j'ai d'autant plus lieu d'attendre, qu'il lui rendra avec la même vérité ceux de la haute considération et de la parfaite amitié avec lesquels je suis,

Monsieur mon frère et cousin,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine

Catherine.

2460) ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 17 Février 1774.

(Писано на почтовой меньшей бумагѣ и отдано бар. Каульбарсу 20 Февраля 1774 г.).

Sire. On ne peut être plus flatté que je le suis de la part que Votre Majesté a bien voulu prendre à mon mariage. Elle s'est plue dans ce moment intéressant à donner cours à ses sentiments pour moi et je trouve exprimés dans sa lettre tous ceux que j'ai pu attendre de l'amitié et des liens qui nous unissent. Le colonel baron de Kaulbars ne pouvait ajouter à la conviction que j'en avais déjà; mais il a été témoin de ma reconnaissance, et je me persuade qu'il ne la laissera point ignorer à Votre Majesté. Je l'ai aussi chargé de lui exprimer les sentiments du tendre attachement et de la haute considération, avec lesquels je suis, Sire,

de Votre Majesté
le trés dévoué parent

Paul.

---

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

2461) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ МАРКИЗУ МАРУЦЦИ ВЪ ВЕНЕЦІЮ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 17 Февраля 1774 г.).

A S.-Pétersbourg, ce 18 Février 1774.

Selon les informations que vous nous avez données, M-r, dans votre lettre du 11 Janvier dernier, et précédemment dans celle du 13 Novembre de l'année passée, touchant l'arrêt du comte Mocenigo à Zante et sa translation à l'île de Corfou, on ne continue à le tenir dans cet état que parce qu'il n'a point été connu d'aucune part, que ce comte soit revêtu d'un caractère au service de l'Impératrice. La vérité des faits, la justice et la dignité de la cour exigent que vous dissipiez cette ignorance à ce sujet et que vous vous employiez à mettre promptement fin à ses disgrâces. J'ai ordre de l'Impératrice de vous autoriser, M-r, à déclarer au gouvernement, que le c-te Mocenigo est attaché à son service en qualité de lieutenant colonel; vous le réclamerez à ce titre et vous demandrez, qu'il soit transféré et remis à la flotte de Russie dans l'Archipel. Les causes de la détention de cet officier, du moins autant qu'il nous en est connu, n'ayant aucun rapport avec sa sujétion de la République, il ne saurait y avoir de compromis entre ses devoirs sous ce dernier égard et le service auquel il est attaché, et en conséquence nous ne saurions supposer aucune raison qui retienne la Sérénissime République de marquer dans cette affaire à Sa Majesté Impériale les égards que les puissances se doivent mutuellement sur tout ce qui intéresse leur service respectif. Nous sommes bien persuadés au contraire, qu'elle saisira cette occasion de remplir fidèlement les obligations naturelles de l'amitié et de la bonne intelligence qui subsiste entre elle et l'Empire de Russie, à laquelle on s'est montré si attentif de notre part pendant tout le cours de notre guerre et dont vous pouvez l'assurer que le maintien sera toujours cher à notre cour. C'est ainsi avec une pleine confiance dans sa réussite, que je vous charge de cette réclamation, et je me persuade que vous n'aurez que des nouvelles satisfaisantes à nous en donner. Vous aurez soin au reste de donner avis à la flotte de vos démarches et de l'effet qui en résultera. Je suis avec une parfaite estime etc.

---

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 5, и Венеція, III, св. 3. См. № 2438.

2462) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ПРИ ИМПЕРСКОМЪ СЕЙМѢ СТРУВЕ ВЪ РЕГЕНСБУРГѢ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 20 Февраля 1774 г. Отправлено на почтѣ 21 Февраля).

Vous trouverez, M-r, dans la gazette française de Cologne, №№ VIII et XI de cette année, les assertions les plus fausses et les plus injurieuses au gouvernement de Russie, à la nation et à des particuliers nommés, qui tiennent un rang distingué dans l'état. Ce n'est point ici de ces écarts ordinaires, de ces efforts impuissants à ravaler la gloire d'une puissance, à qui celle-ci n'oppose communèment que le mépris qui leur est dû. Il s'agit de l'honneur de familles distinguées, aussi honorées par leurs moeurs et leur fidélité que par l'éclat de leurs services, dont le nom n'est pas fait pour demeurer souillé par les imputations atroces d'un gazettier. Ce serait se rendre complice de l'impudence d'un calomniateur qui viole les droits les plus sacrés de la société humaine, que de ne pas demander son châtiment et une rétractation authentique de sa calomnie. Je vous autorise, M-r, à faire toutes les démarches et les instances nécessaires, pour que le vil auteur des feuilles que je viens de citer reçoive la peine que mérite son forfait, et qu'il soit enjoint aux possesseurs du privilège de la gazette de tenir la main à ce que quiconque en sera par la suite le rédacteur n'ose s'émanciper à une telle audace, ou qu'eux mêmes auront à en répondre. Vous vous adresserez pour cet effet ou aux états de l'Empire Romain, si cette affaire est de leur ressort immédiat, ou à qui il appartiendra et sera compétent à vous faire justice. Vous la demanderez comme une chose qui ne peut être refusée à votre cour, dans cet état de bonne intelligence, d'amitié et de bienveillance réciproque, qui jamais n'a souffert d'altération entre l'Empire de Russie et l'Empire Romain et auquel il répugne, que dans le sein d'une des deux nations il s'élève et soit souffert une voix audacieuse qui déchire impitoyablement l'honneur de l'autre. Ne répétons point des noms illustres dans la noblesse et ne faisons point l'offense à qui que ce soit d'un corps aussi respectable de le citer. Qu'on sache qu'un brigand tel que Pougatschef, quelque soit le fantôme dont il couvre son brigandage, ne peut avoir pour associés que des brigands comme lui, et qu'il n'est point d'honnête bourgeois qui n'eût horreur d'être compté dans sa bande.

---

[1]) М. Г. А. Регенсбургъ, III, св. 16.

J'attendrai vos rapports sur l'effet, dont cet ordre sera suivi, et suis très parfaitement etc.

P. S. On s'est souvent vu obligé à employer les coups de bâton pour apprendre à parler à un gazettier, et peut être n'y aurait-il pas de mal à en faire donner à celui-ci.

Вмѣсто этого постскрипта первоначально было написано въ концептѣ: «Indépendamment de ce que je viens de vous prescrire, voyez, M-r, s'il n'y a pas moyen de faire donner cent coups de bâton à ce coquin de gazettier, sans que personne le sache, et qu'on lui dise dans la cérémonie que c'est ce que lui vaut sa témérité et sa mauvaise langue sur le compte de la Russie. Cherchez quelqu'un qui prenne sur lui la commission et convenez du prix. S'il en est besoin, vous pouvez offrir jusqu'à mille roubles, si on ne veut pas faire la chose à moins, et je vous autorise, en cas d'exécution, à tirer sur moi jusqu'à concurrence de cette somme une assignation de ce que vous aurez avancé ou promis».

Къ концепту письма приложены: по одному экземпляру №№ VIII и XI «Supplément à la gazette de Cologne», отъ 28 Января и 8 Февраля 1774 г., и № 11 газеты «Erlangener Real-Zeitung» отъ 8 Февраля, въ которой повторены извѣстія Кельнской газеты. Въ № VIII «Supplément à la gazette de Cologne», въ корреспонденціи отъ 14 Января «des frontières de la Pologne», говорится: Il en sera peut-être de la sédition soi-disant excitée en Russie, comme de mille autres faits que l'on grossit et que l'on exagère. En attendant que la vérité perce au travers d'un chaos obscur d'avis contradictoires, en voici de nouveaux pour lesquels nous n'osons pas demander plus de créance: «On prétend que des ecclésiastiques fanatiques ont pris occasion des impôts mis depuis peu sur le clergé, compris également dans la dernière ordonnance de milice, pour prêcher audacieusement contre le gouvernement. Leurs sermons, que l'on devait mépriser, ont fait des rebelles. La rébellion s'est accrue et fait craindre une plus grande révolution, qui s'est déjà étendue jusqu'à Moscou. Le pr. Wolkonski, gouverneur de cette capitale, a été forcé, dit-on, de prêter serment à cette confédération, ainsi que beaucoup d'autres seigneurs des plus illustres familles. On veut compter parmi ses chefs le pr. Dachkof, les comtes Izmailof, Woronzof, Kretchetnikof, frère ainé de celui qui est gouverneur de Polotzk, le général Polarissu (?), enfin une comtesse très célèbre depuis 1762 et qui avec toute la faveur de l'Impératrice aurait le plus contribué à entretenir cette première fermentation. Cette confédération a donné un manifeste qui roule sur trois points: par le 1-r—elle s'élève contre le massacre d'Ivan, véritable héritier de l'Empire Russe; par le 2-d—elle demande que l'on rende au Sénat une partie du pouvoir dont on l'a dépouillé, et par le 3-me—qu'il y ait une balance de pouvoir égal entre la nation et le souverain et que celui-ci ne puisse plus passer à l'avenir les bornes qui lui auront une fois été prescrites par les états. Le corps des rebelles, qui n'était d'abord que de 12 mille hommes, s'est accru tout-à-coup de 5 mille autres, prisonniers polonais qui furent mis en liberté. Le général Karr, envoyé contre eux avec un corps de 4 mille hommes, en a été si mal reçu, qu'il s'est vu abandonné de tout son monde, qui est entré dans leur parti. Le gén. de Bibikof marche à grandes journées à leur rencontre; le colonel Drewitz a dirigé sa route sur Riga. Enfin tous les passages de la Russie Blanche sont fermés». Tant de circonstances rassemblées, si elles ne sont pas toutes controuvées, font craindre l'existence d'une pareille révolution.

Въ № XI «Supplément à la gazette de Cologne» въ извѣстіи отъ 26 Января 1774 г., также «des frontières de la Pologne», говорится: Voici de nouveaux avis qu'on nous garantit venir de Russie, mais du détail desquels nous ne prétendons point être garants, ni soutenir encore moins les contradictions et les impossibilités. Le temps seul en pourra réunir les faits qui seront les plus vraisemblables: «On ne sait encore jusqu'à présent, quelle espèce d'homme c'est que l'aventurier qui fait le Pierre III. On le dit à la tête de 100,000 tant cosaques que kalmouks, et on ajoute qu'il est venu à bout de s'emparer de tout le régiment d'Orenbourg. Le général de Bibikof, qui a été envoyé de ces côtés-là pour mettre les rebelles à la raison, a été forcé par ses propres troupes (comme l'assurent les mêmes avis) de se soumettre à ce chef de révolte, et lui a rendu hommage pour éviter une mort ignominieuse dont il était menacé. Le ton de ce faux Pierre est doux et dévot. Il assure avec serment dans ses manifestes, que ce n'est pas pour lui qu'il demande le trône, mais pour son fils bienaimé, le Grand Duc Paul, qui en est le seul vrai et légitime héritier. Il exempte le peuple de toute nouvelle imposition et affecte surtout de répandre, que dès que le diadème aura été remis à celui auquel il appartient de droit, il ira alors se réfugier dans un monastère éloigné pour y faire en paix son salut. Une autre circonstance de ces avis, où l'on ne dit rien de la manière dont le fantôme en question a voulu établir qu'il est Pierre III, c'est qu'il est ajouté, que la cour de Russie, ayant envoyé des estafettes aux cours ses alliées pour leur notifier cet événement, celle de Suède en aurait re-expédié une autre à Pétersbourg avec la déclaration suivante: savoir, «que la cour de Suède était dans la résolution constante et la ferme disposition de fournir à la Russie les secours stipulés par les traités, pourvu que celle-ci voulût rendre à la première les provinces qu'elle a été obligée de céder à la paix de Nystadt». C'est ainsi que quelques lettres de Pétersbourg rapportent l'événement, dont on parle de tant de manières différentes. Au reste on ne voit pas, qu'il y ait quelque intrigue de formée à la cour, n la moindre mésintelligence parmi les personnes qui composent la maison Impériale».

2463) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 3 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Доставленіе живущему подъ нашимъ покровительствомъ въ Полтавѣ Шагинъ-Гирею Калгѣ-султану Крымскому, въ благонамѣренности своей многократно уже испытанному, главнаго надъ ордами Ногайскими правленія, будучи повидимому средствомъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ къ удержанію сихъ легкомысленныхъ людей и во время продолжающейся войны въ положеніи, сходственномъ съ пользою нашей Имперіи, тѣмъ паче нашего старанія достойно, что сверхъ исполненія вида толико важнаго и нужнаго, найдетъ и Калга-султанъ въ томъ же самомъ по состоянію и обстоятельствамъ своимъ самое сходственнѣйшее воздаяніе своей къ намъ преданности.

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напечат. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс. 1872 г., кн. II, стр. 2—7.

Теперь, когда по содержанію реляціи вашей отъ 27 Генваря и генерала-поручика Щербинина отъ 29 того же мѣсяца происки извѣстнаго Казы-Гирей-султана, старавшагося черезъ Ногайскаго начальника Джанъ-Мамбетъ-бея учиниться у татаръ Ногайскихъ главнымъ правителемъ, окончались уже безплодно и довольно для него безнадежнымъ образомъ и на будущее время, а напротивъ того Джанъ-Мамбетъ началъ Калгу-султана къ себѣ призывать, и онъ не несклоннымъ же съ своей стороны оказался къ принятію начальнической должности: то въ самомъ дѣлѣ и остается только воспользоваться всѣми сими благополучно стекшимися удобностями къ постановленію его на степени властительства, удовлетворяющаго самолюбію его и здѣшней въ разсужденіи татаръ заботѣ, всегда своевольныхъ и всегда сумнительныхъ, пока разными начальствами предводительствуются, почему мы, всемилостивѣйше и пріемля за благо представленныя вами по предварительномъ вашемъ изъясненіи, какъ съ генераломъ-поручикомъ Щербининымъ, такъ и съ самимъ Калгою мѣры, къ совершенію сего намѣренія служить имѣющія и состоящія въ томъ, чтобъ онъ какъ наискорѣе отправленъ былъ къ Ногайцамъ, чтобъ получилъ пособіе и войсками и деньгами для устрашенія однимъ способомъ злонамѣренныхъ и пріобрѣтенія другимъ себѣ доброжелательствующихъ, и чтобъ наконецъ находился при немъ и особливый приставъ, наблюдающій его поведеніе и все обращеніе, повелѣваемъ вамъ и дѣйствительно по всему тому исполнить.

Такимъ образомъ вы по полученіи сего объявите Калгѣ-султану, что мы по справедливому уваженію извѣстнаго намъ его благоразумія, которое достаточно было представить ему всю цѣну воспріятыхъ нами подвиговъ въ пользу народовъ татарскихъ и убѣдить его предпочесть странствованіе, изъ нѣжной и достохвальной предосторожности, чтобъ не казаться не устоявшимъ въ своемъ словѣ и обѣщаніяхъ, соизволяемъ и можемъ со всѣмъ основаніемъ съ стороны его ожидать послѣ сихъ доказательствъ, что онъ, гдѣ ни будетъ находиться, всегда однакоже достойнымъ будетъ нашего монаршаго благоволенія и своего званія; а вслѣдствіе того и при воспріятомъ имъ нынѣ намѣреніи, чтобъ переѣхать къ Ногайцамъ для начальствованія надъ оными, можетъ онъ совершенно положиться на наше покровительство и пособіе во всякомъ случаѣ и потребности, причемъ столь долго, сколь благонамѣреннымъ пребудетъ, и опредѣленные для бытности его въ нашихъ границахъ по тысячѣ рублевъ на мѣсяцъ, чтобъ толь лучше пристойность своего лица и начальство Ногайцамъ изъявлять въ состояніи находился, ему Калгѣ-султану также производимы быть имѣютъ, и что и прибѣжище ему въ нашу Имперію всегда однакожъ есть и будетъ отверстымъ.

Сіе есть содержаніе сокращенное и слѣдующаго здѣсь съ копіею для вашего извѣстія письма къ нему же отъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ графа Панина, которое, подтверждая ему ваше объявленіе, исполнитъ желаніе его въ томъ, чтобъ видѣлся увѣдомленнымъ быть и непосредственно отъ двора нашего, чего онъ дѣйствительно требовалъ по доношенію генерала-поручика Щербинина, равно какъ чтобъ отсюда жъ знать дано было и Ногайскимъ ордамъ о нашемъ соизволеніи въ разсужденіи его къ нимъ переѣзда, для чего при семъ же и посылается письмо къ Джанъ-Мамбетъ-бею и другое — къ Измаилъ-бею, начальнику Эдишкульской орды, которая подъ особеннымъ управленіемъ находится, съ копіями же, сверхъ русскихъ, служащихъ къ увѣдомленію вашему, и на татарскомъ языкѣ для сообщенія Калгѣ-султану; а между тѣмъ доставленіе и подлинныхъ писемъ въ ихъ мѣста, когда и какимъ образомъ учинено быть имѣетъ, предоставляется общему вашему съ нимъ и съ генераломъ-поручикомъ Щербининымъ благоизобрѣтенію, съ такимъ примѣчаніемъ, что хотя о письмѣ, принадлежащемъ въ Эдишкульскую орду, представилъ онъ, генералъ-поручикъ, только въ запасъ и на случай, могущій къ тому оказаться впредь, потому что отъ сей орды никакого отзыва о Калгѣ-султанѣ еще не было, но какъ оная жъ орда отъ него паче всѣхъ другихъ описывается и развращеннѣе, то въ изготовленномъ для нея и не говорится о Калгѣ-султанѣ именно, а совѣтуется только, сбгласясь съ прочими ордами, поручить общее надъ собою правленіе, по древнимъ своимъ обыкновеніямъ, для лучшаго благоустройства, особѣ сего званія и довѣренности достойной; напротивъ же того изъясняются уже съ подробностію всѣ тѣ убѣжденія, кои долженствуютъ татаръ во всякое время воздержать отъ непріязненныхъ противъ нашей Имперіи поползновенностей, чтобъ потому письмо оное всегда удобно и пристойно было къ употребленію, да и нынѣ отправлено быть могло бъ, когда наипаче татарамъ помянутой Эдишкульской орды напоминаніе ихъ должности нужнымъ видится, въ предупрежденіе вящихъ соблазновъ, а по общему вашему разсмотрѣнію не почтется однакоже несогласнымъ и несовмѣстнымъ и одновременное въ разсужденіи сей орды искательство, чтобъ осталась безъ содѣйствія непріятелю и чтобъ и до собственнаго ея отзыва склоняема была жъ и рѣшиться могла на преданіе себя обще съ другими ордами Ногайскими въ управленіе, какое у всѣхъ безъ изъятія видѣть желается.

Мы съ совершеннымъ надѣяніемъ ожидаемъ, что Калга-султанъ разстанется съ вами съ удовольствіемъ и совершитъ весь предстоящій ему путь по употребляемымъ съ стороны вашей распоряженіямъ и съ возможною удобностію.

Что касается до препровожденія его нашими войсками и содер-

жанія оныхъ при немъ, вы и можете употребить къ тому состоящій на Дону корпусъ, какъ на первый случай вами для сего намѣренія достаточнымъ почитаемый; но ежели бъ когда нужда востребовала, по могущимъ впредь быть обстоятельствамъ, оный и умножить, ваше, намъ довольно извѣстное, усердіе къ службѣ нашей и къ пользѣ отечества безъ сумнѣнія и къ тому наилучшіе способы вамъ внушить и представитъ.

Здѣсь почитаемъ мы у мѣста и данное вамъ рескриптомъ нашимъ отъ 8 Ноября 1773 года повелѣніе объ очищеніи Таманской стороны отъ подосланныхъ Портою Оттоманскою развратниковъ, полагая, что войска наши, къ Калгѣ опредѣляемыя, иногда въ близости тамошнихъ мѣстъ находиться могутъ, и число ихъ по вашему усмотрѣнію достаточно будетъ къ произведенію сего намѣренія, въ какомъ случаѣ вы и не оставите надлежащихъ со стороны вашей сдѣлать распоряженій, а инако, чтобъ ничего на удачу не предпріять къ вящему злонамѣренныхъ ободренію, будете ожидать впредь уже открывающихся къ тому удобностей, и такія въ свое время въ томъ мѣры пріимете, которыя совершенно соотвѣтствовали бы въ слѣдствіяхъ своихъ тому, чего ищемо быть имѣетъ.

Состоящее въ деньгахъ Калгѣ-султану пособіе назначаемъ мы до тридцати тысячъ рублевъ, то есть до такого числа, которое по рескрипту нашему отъ 27 Генваря сего года имѣлъ уже держать генералъ-поручикъ Щербининъ на закупленіе Ногайскихъ начальниковъ; для отвлеченія ихъ отъ сложенія съ непріятелемъ повелѣваемъ вамъ, по причинѣ учиненнаго здѣсь предупрежденія онымъ генераломъ-поручикомъ о недостаткѣ въ порученной ему Слободской Украинской губерніи денегъ и о неудобности употребленія банковыхъ ассигнацій, а необходимой нуждѣ имѣть для сего серебряную монету, взять на то изъ наличной въ Крымѣ суммы, съ разныхъ продажъ при занятіи сего полуострова собранной.

Но что касается до образа дѣйствительнаго сихъ денегъ на опредѣленный для нихъ предметъ обращенія, то частію изъ оныхъ снабденъ быть имѣетъ приставъ, при Калгѣ-султанѣ отпускаемый, а прочія отдадутся въ распоряженіе генерала-поручика Щербинина, дабы такимъ образомъ съ одной стороны оный приставъ по соглашенію съ Калгою, а неменьше и по собственному своему усмотрѣнію, могъ изъ того дѣлать дачи, намѣренію споспѣшествующія, а съ другой и генералъ-поручикъ Щербининъ не только ихъ обоихъ въ нужныхъ случаяхъ дальнѣйшими снабдѣніями подкрѣплять способъ имѣлъ, но, со всѣми тамошними обстоятельствами соображаясь, и отъ себя дѣлать же употребленія для облегченія производимыхъ Калгою же и его приставомъ домогательствъ.

И какъ изъ сего видно, что мы, при всемъ Калгѣ-султану пособіи деньгами и войсками, желаемъ однакоже по самому существу сего дѣла и предпріятія, чтобъ искательство имъ власти надъ ордами Ногайскими ни малѣйшаго вида принужденія не имѣло, но приведено было къ совершенію съ соблюденіемъ всей наружной свободности, и они поступившими казались на признаніе его своимъ начальникомъ собственнымъ добровольнымъ избраніемъ, слѣдуя прежнимъ своимъ обыкновеніямъ, и что все весьма нужно не только для самой цѣли и прочности его между ними пребыванія, но и въ предупрежденіе вящаго волнованія въ Крымскомъ правительствѣ и во всѣхъ тамошнихъ жителяхъ, нежели въ какомъ они когда-либо понынѣ быть могли: для того, отпуская вы отъ себя Калгу-султана, и потщитесь дать ему уразумѣть, колико для него нужно и полезно будетъ удаляться отъ всякихъ мѣръ строгихъ нашимъ оружіемъ, а вмѣсто того стараться общую снискать довѣренность снисходительствомъ и пристойными изъясненіями.

Впрочемъ полковникъ Бринкъ, начальствующій войсками, для Калги-султана назначенными, и потому уже при немъ быть имѣющій, съ удобностію можетъ должность пристава исполнять и въ томъ также, чтобъ примѣчать и за его поведеніемъ и ему способствовать. Со всѣмъ тѣмъ надлежитъ до времени остаться въ Ногайскихъ ордахъ и подполковнику Стремоухову, поелику сей офицеръ, по долговременной своей тамъ бытности, довольно случаевъ имѣлъ вникнуть въ связь дѣлъ тамошнихъ, узнать людей, кои прочими руководительствуютъ, и полковнику Бринку особливо при первомъ случаѣ съ пользою содѣйствовать можетъ.

Вы, отправляя сего полковника къ поручаемой ему новой должности, не оставите дать ему надлежащаго наставленія, приказавъ о всѣхъ тамошнихъ происшествіяхъ писать къ вамъ и къ генералу-поручику Щербинину, чтобъ отъ васъ и отъ него, по обоюдному въ дѣлахъ Ногайскихъ ордъ участвованію, и дальнѣйшими предписаніями по пристойности каждаго времени снабдѣваемъ быть могъ. А каковъ и къ помянутому генералу-поручику отправленъ нынѣ нашъ рескриптъ, какъ для того, такъ чтобъ онъ и во всемъ, до установленія главнаго надъ татарами начальства въ лицѣ Калги-султана касающемся, соотвѣтствовалъ вашимъ стараніямъ, сколько съ его стороны будетъ надобно, съ того прилагается при семъ же для вашего извѣстія и копія. И пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 26 Февраля 1774 года.

Екатерина.

*

2464) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Находя мы, по представленію нашего генерала-аншефа князя Долгорукова, учиненному реляціею его отъ 21 Января, и вашему, содержащемуся въ полученной отъ васъ здѣсь реляціи отъ 29-го того же мѣсяца, настоящее время удобнымъ къ доставленію Калгѣ-султану главнаго надъ Ногайскими ордами начальства, и мѣры, по общему вашему соглашенію къ тому избранныя, достаточными къ исполненію сего намѣренія, какія дали наши повелѣнія оному генералу, препоручивъ ему дѣйствительное о томъ возымѣть стараніе и для того и Калгу-султана отпустить къ Ногайскимъ татарамъ, усмотрите вы изъ приложенной при семъ копіи съ отправленнаго къ помянутому генералу рескрипта нашего, котораго содержаніе, сколько до васъ касаться можетъ, по надобности содѣйствія вашего въ семъ дѣлѣ равномѣрнымъ и вамъ имѣетъ служить правиломъ и наставленіемъ.

Такимъ образомъ, будучи въ ономъ предписано согласиться съ вами о времени употребленія здѣсь приготовленнаго для Эдишкульской орды письма въ пользу Калги-султана, которымъ дѣлается сей же ордѣ и увѣщаніе, чтобъ не попускалась въ содѣйствіе непріятелю, назначенъ и порядокъ употребленія опредѣленныхъ въ пособіе ему Калгѣ-султану денегъ, и, наконецъ, и тѣ основанія сказаны, по коимъ желается, чтобъ онъ Калга-султанъ получилъ правленіе надъ Ногайскими ордами съ соблюденіемъ всей наружной свободности, и остается вамъ увѣдомить князя Долгорукова, когда съ вашей стороны за полезно признаете, соображаясь съ обстоятельствами орды Эдишкульской, отправленіе къ ней вышеозначеннаго письма, коего содержаніе состоитъ въ сугубомъ намѣреніи. А что касается до денегъ, также и до того наблюденія, чтобъ Калга-султанъ въ бытность свою въ ордахъ Ногайскихъ воздержался отъ всякаго видимаго принужденія, и въ томъ и другомъ послѣдующія испытанія и происшествія и будутъ вамъ открывать какъ пользу и нужду расходовъ, такъ и въ чемъ бы когда Калгѣ-султану надобно было въ присовѣтываніе, въ осторожность или и въ поспѣшествованіе его стараній и домогательствъ. Впрочемъ же пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 26 Февраля 1774 года.

Екатерина.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Щербинину 1770—1775 г.г. Напечат. въ Чтеніяхъ О. И. и Др. Р., 1872 г., кн. II, стр. 1—2.

2465) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КАЛГѢ-СУЛТАНУ ШАГИНЪ-ГИРЕЮ [1]).

Сіятельный Калга-султанъ, мой почтенный пріятель! Полученное извѣстіе при высочайшемъ дворѣ Ея Императорскаго Величества, моей всемилостивѣйшей Государыни, о воспріятомъ вашимъ сіятельствомъ намѣреніи переѣхать въ Ногайскіе народы для начальствованія надъ оными, произвело великое удовольствіе.

Вы, мой почтенный пріятель, сами предовольно вѣдаете, по бывшимъ понынѣ многократнымъ опытамъ и доказательствамъ, и можете наилучше удостовѣрены быть къ истинному вашему утѣшенію, коликая здѣсь отдается справедливость вашему благоразумію и прочимъ достохвальнымъ вашимъ качествамъ.

Въ состояніи бывъ ваше с—во при первомъ уже случаѣ вообразить и представить себѣ всю пользу для татарскихъ народовъ изъ тѣхъ распоряженій и мѣръ, кои въ разсужденіи ихъ по случаю войны настоящей употреблены съ высочайшей Ея Императорскаго Величества стороны, и вы же, продолжая онымъ понынѣ при всякихъ обстоятельствахъ съ должною благодарностію и сообразоваться, безъ сумнѣнія потщитесь вы, знаменитый и просвѣщенный султанъ, при бытности вашей въ ордахъ Ногайскихъ, и толь вяще, по подающимся лучшимъ тамъ для васъ способамъ, отечеству вашему и всѣмъ народамъ татарскимъ учиниться благодѣтелемъ и наставникомъ.

Природа ваша и добродѣтели отличныя достойны того, чтобъ народы татарскіе, избавленные великодушнымъ Ея Императорскаго Величества подвигомъ по единому человѣколюбію изъ поноснаго рабства и неволи и въ независимомъ состояніи здѣшнимъ попеченіемъ и стражею сохраняемые, но къ удивленію и крайнему сожалѣнію, по малой своей разборчивости, почти не чувствующіе выгодности и превосходства настоящаго своего жребія предъ прежнимъ, презрительнымъ, тяжкимъ и бѣдственнымъ, во всемъ томъ были вразумлены и приведены въ прочный для нихъ порядокъ черезъ ваше с—во, и чтобъ такимъ образомъ слава вашего имени и въ будущее ихъ потомство распространилась для примѣра и подражанія.

Ея Императорское Величество, моя всемилостивѣйшая Государыня, въ совершенномъ надѣяніи находиться изволитъ, что вы, почтенный султанъ, гдѣ когда ваше пребываніе ни будетъ, всегда однакожъ поведеніе ваше быть имѣетъ истинную къ странѣ здѣшней довѣренность вашу доказывающее, то есть самое тожъ, которое пріобрѣло уже вамъ столько монаршихъ Ея Величества милостей, по вашимъ превосходнымъ заслугамъ къ отечеству вашему и ко всѣмъ татарскимъ наро-

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 7—9.

дамъ, для руководствованія коихъ къ прямому благоденствію всѣ понынѣ ваши старанія и труды направлены и устремлены были.

Непостижимый Всевышняго промыслъ, возбудившій Монархиню воззрѣть милосердія окомъ на татаръ въ такое время, когда они наименьше ожидать могли принятія ихъ въ союзъ со Всероссійскою Имперіею, но вопреки того пораженія и конечнаго истребленія отъ меча вознесеннаго, и внушившій великодушному Ея Величеству сердцу стать содѣтельницею настоящей ихъ участи, свойственной ихъ происхожденію и образу жизни, колико ощутителенъ вамъ, мой истинный пріятель, толико и поощреніемъ служить вамъ долженствуетъ къ продолженію подвиговъ, на то употребляемыхъ, чтобъ преодолѣть татарскія мечты и предубѣжденія привычки, препятствующія имъ вникнуть въ существо оказаннаго имъ въ свѣтѣ почти безпримѣрнаго благодѣянія, и къ чему повидимому дѣйствующей десницѣ тогожъ всеблагого и милосердаго Бога наилучшая и откроется уже удобность, по установленіи вашего пребыванія по срединѣ Ногайскихъ ордъ и перенятія на себя главнаго надъ ними начальства.

Я по точному Ея Императорскаго Величества повелѣнію сообщаю вамъ чрезъ сіе, мой почтенный и истинный пріятель, что для достиженія сего вашего намѣренія, въ слѣдствіяхъ своихъ весьма полезнымъ быть могущаго, и по здѣшнему разсужденію, какъ для васъ самихъ, такъ еще паче для оныхъ народовъ, вы не только деньгами, но и войсками воспособствованы будете, а сверхъ того и тѣ двѣнадцать тысячъ рублевъ, кои вамъ назначены ежегодно для вашего въ здѣшнихъ границахъ пребыванія, такожде производимы вамъ будутъ, пока благонамѣреннымъ останетесь, и въ чемъ, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, и что еслибъ и по случаю какой-либо для васъ опасности вы долѣе между Ногайцами быть не могли, тогда можете по прежнему воспріять прибѣжище въ здѣшнюю Имперію и ожидать всякаго пристойнаго уваженія.

Итакъ, усердно желая вашему с—ву наилучшихъ успѣховъ при вступленіи вашемъ въ новый подвигъ, и чтобы дарованія ваши и достоинства воспріяты были въ настоящей ихъ цѣнѣ отъ народовъ Ногайскихъ, и тѣмъ совершилось ожиданіе увидѣть ихъ, наконецъ, вообще всѣхъ таковыми, каковыми быть они должны для собственной пользы и славы и въ благодарность дозволеннаго имъ отъ Ея Императорскаго Величества покровительства, я съ моей стороны и впредь всегда къ вашему с—ву пребуду доброжелательнымъ и во всѣхъ вашихъ обстоятельствахъ истинное участіе пріемлющимъ.

Ея Императорскаго Величества первенствующій министръ гр. Н. Панинъ.

Въ С.-Петербургѣ, 26 Февраля 1774 г.

2466) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ДЖАНЪ-МАМБЕТЪ-БЕЮ, НАЧАЛЬНИКУ ЭДИССАНСКОЙ, БУДЖАЦКОЙ И ДЖЕМБУЙЛУКСКОЙ ОРДЪ, И КЪ СТАРѢЙШИНАМЪ ИХЪ [1]).

Сіятельный князь князей, рыцарь и владѣлецъ Джанъ-Мамбетъ-бей, трехъ благонамѣренныхъ Эдиссанской, Буджакской и Джембуйлукской ордъ главный начальникъ, и прочіе начальники, мурзы, аги и все общество! При высочайшемъ дворѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, моей всемилостивѣйшей Государыни, съ удовольствіемъ увѣдомленось о происшедшемъ прошеніи отъ васъ, благоразумный главный начальникъ Ногайскихъ ордъ Джанъ-Мамбетъ-бей, къ знаменитому Шагинъ-Гирею, Калгѣ-султану Крымскому, пользующемуся за добродѣтели свои высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ, чтобъ онъ принялъ на себя правленіе Ногайскихъ народовъ, и что сей отличныхъ качествъ и дарованій султанъ, жертвуя собственнымъ своимъ покоемъ и здоровьемъ для благополучія отечества и всѣхъ татарскихъ народовъ, изъ истиннаго къ нимъ усердія склоннымъ оказался удовольствовать васъ, почтенный мужъ, въ такомъ вашемъ желаніи.

Сей вашъ поступокъ новымъ есть доказательствомъ вашего благоразумія и неусыпнаго тщанія, которое прилагаете о приведеніи народовъ, возложившихъ на васъ свою довѣренность, въ лучшее благоустройство и порядокъ.

Вы, мой пріятель, примѣромъ и руководствомъ вашимъ снискали имъ высочайшее Ея Императорскаго Величества покровительство въ такое время, когда они имѣли причину ожидать конечно пораженія и истребленія самаго, но вмѣсто того увидѣли себя не только отъ всякой напасти сохраненныхъ, но и дѣйствительно избавленныхъ отъ поноснаго рабства и совершенною независимостью и свободою одаренныхъ; теперь вы же оказались прямо старающимися о приведеніи въ пристойную по ихъ состоянію, и слѣдуя древнимъ обыкновеніямъ, форму и совершенную дѣйствительность ихъ правительства, будучи можетъ быть главнѣйше къ тому убѣждены похвальною и вашему званію свойственною заботою и предосторожностію, чтобы происки Порты Оттоманской, державы, толико лѣтъ подъ игомъ своимъ татаръ себѣ единовѣрныхъ томившей, и которая не перестаетъ ихъ и нынѣ обольщать и развращать, съ меньшимъ затруднительствомъ уничтожены быть могли, и татары предохранены отъ всякихъ соблазновъ и поползновенностей.

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 9—12.

Ея Императорское Величество, моя всемилостивѣйшая Государыня, изволила ихъ избавить отъ власти иноплеменничьей изъ единаго своего человѣколюбія и великодушія, а по тѣмъ же только самымъ убѣжденіямъ желается и ищется утвержденія независимости ихъ и свободы и во все послѣдующее время, и все то всякому благонамѣренному ощутительно и понятно быть долженствуетъ изъ всѣхъ мѣръ и распоряженій Россійскаго Императорскаго двора, въ разсужденіи татаръ употребленныхъ и еще употребляемыхъ, кои, отнюдь не касаясь до образа ихъ жизни, закона и принятыхъ ими древнихъ обыкновеній, имѣютъ ту цѣль единственно, чтобъ бывшее къ нимъ презрѣніе, пока находились въ рабствѣ Порты Оттоманской, и которая при случаѣ каждой войны предавала ихъ въ первую жертву огню и мечу непріятельскому, не только въ свѣтѣ наконецъ истребилось, но чтобъ они сами и будущаго своего благоденствія были производители по примѣру прочихъ славныхъ народовъ, и слѣдовательно достойными воспріятыхъ для ихъ избавленія подвиговъ и достойными жъ всегда и дружбы Россійской Имперіи.

Но сіе есть напротивъ того мечта и предразсужденіе, какъ нѣкоторые изъ татаръ, къ крайнему сожалѣнію, думаютъ по обольщеніямъ Порты, старающейся ихъ по прежнему себѣ подчинить, будто они, татары, закономъ обязаны туркамъ противъ здѣшней Имперіи содѣйствовать. Кому неизвѣстно, что война настоящая воспріяла свое начало не за законъ магометанскій, а по обыкновенному вѣроломству Порты, равно какъ и продолжается понынѣ отъ нея жъ и только уже за татаръ, отъ которыхъ затрудняется отступленіе сдѣлать и признать ихъ въ качествѣ свободной области, почему обязанность, отъ закона происходящая, въ семъ случаѣ по справедливости ни малѣйшаго мѣста не имѣетъ? Сверхъ того, пусть всякій такой, напрасно Портѣ доброжелательный татаринъ разсудитъ, что ежели видѣлъ онъ вознесенный противъ себя мечъ Россійскій, можетъ и впредь оный его постигнуть, но тогда помилованія для него, конечно, не будетъ, а дѣйствительно постраждетъ за нарушеніе своего обѣщанія и клятвы, за нечувствительность величайшаго благодѣянія и предательство своего отечества.

Сказавъ такимъ образомъ вамъ, мой пріятель, въ дружеской откровенности мнѣніе мое о обстоятельствахъ народовъ татарскихъ настоящихъ и быть могущихъ къ ихъ счастію и несчастію, для возбужденія на оныя всего вашего вниманія, за нужное почитаю примѣтить вамъ уже и то, что весьма кстати и ко времени вознамѣрились вы позвать къ себѣ почтеннаго и прозорливаго Шагинъ-Гирей султана. Онъ, по бытности своей при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ, имѣлъ довольно случаевъ и способовъ прямо свѣ-

дать о безкорыствованіи здѣшнихъ видовъ и можетъ наилучшее подать о томъ и всѣмъ Ногайскимъ начальникамъ засвидѣтельствованіе; притомъ же, будучи исполненъ и усердія прямого къ пользѣ народовъ татарскихъ и совершенно понимая, когда и въ чемъ оная состоять можетъ, чаятельно и не согласится ни въ какое время находить ее въ подчиненіи и рабствѣ, но вопреки будетъ искать и стараться такъ, какъ и вы, почтенный Джанъ-Мамбетъ-бей, всегда поступали, утвердить Ногайцевъ въ здѣшнемъ союзѣ, удаляя отъ нихъ всякіе развраты.

Здѣсь потому съ совершеннымъ удостовѣреніемъ и ожидается, что вы, почтенный Джанъ-Мамбетъ-бей, со всѣми прочими Ногайскими начальниками, единогласно и совокупно пріимете его, Шагинъ-Гирей султана, съ достойною честію по его природѣ и вручите ему главное надъ Ногайскими народами начальствованіе, къ устроенію ихъ благоденствія и облегченію собственныхъ вашихъ на то истощенныхъ трудовъ, и чѣмъ всѣмъ окажете особливую благоугодность и Ея Императорскому Величеству, вашей и всѣхъ татаръ великодушной покровительницѣ.

Впрочемъ я всегда пребуду доброжелательнымъ къ вамъ, мой почтенный пріятель Джанъ-Мамбетъ-бей, и къ прочимъ Ногайскимъ начальникамъ и ко всему обществу благонамѣренному.

Ея Императорскаго Величества перевенствующій министръ гр. Н. Панинъ.

Въ С.-Петербургѣ, 26 Февраля 1774 г.

2467) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ НАЧАЛЬНИКУ ЭДИШКУЛЬСКОЙ ОРДЫ ИЗМАИЛЪ-БЕЮ И КЪ ЕЯ СТАРѢЙШИНАМЪ [1]).

Почтенный начальникъ благонамѣренной Эдишкульской орды Измаилъ-бей, прочіе мурзы, аги и все общество! По близкому предводимой вами, почтенный Измаилъ-бей, орды Эдишкульской расположенію отъ мѣстъ турецкихъ и подающейся отъ того удобности къ распространенію по оной ухищреніемъ непріятельскимъ соблазновъ и развратовъ, вредныхъ къ собственному ея предосужденію и безславію вашего имени на всѣ послѣдующіе вѣка, я за пристойно и нужно почитаю въ предосторожность вашу припомнить вамъ чрезъ сіе о должности вашей, въ какой вы находитесь, чтобъ всѣмъ возможнымъ для васъ образомъ, въ разсужденіи вашего званія и торжественно

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 12—15.

данныхъ съ стороны орды вашей обѣщаній и присяги о пребываніи въ независимости и со Всероссійскою Имперіею въ союзѣ и дружбѣ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, всегда стараться о дѣйствительномъ по тому исполненіи, и что тѣмъ паче обязаны вы въ настоящее время усугубить или, лучше сказать, истощить все тщаніе и бдѣніе ваше на то, чтобъ не подвергнуть себя справедливымъ нареканіямъ и подозрѣнію, когда здѣсь уже не неизвѣстно и о дѣйствительно происходящей въ вашей ордѣ колебленности.

Побудительныя причины къ продолженію довѣренности съ стороны татарскихъ народовъ къ Россійскому Императорскому двору и отвращенія ихъ отъ Порты Оттоманской всякому могутъ быть ощутительны и понятны, кто только разсудокъ свой прямо употребить захочетъ и не занятъ пустыми предубѣжденіями.

Всѣ татары Ногайскіе и Крымскіе, а между другими и принадлежащіе къ Эдишкульской ордѣ, могли со всею удобностію поражены и истреблены быть Россійскимъ торжествующимъ оружіемъ, но вмѣсто того, противъ ихъ ожиданія и надежды, не только пощаду получили, но и свободу отъ ига Порты Оттоманской, столько вѣковъ ихъ угнетавшаго и отнюдь ихъ состоянію не свойственнаго: то не есть-ли все сіе неоспоримымъ доказательствомъ, что у здѣшняго Императорскаго двора не было и никогда не будетъ намѣренія ничего предпріимать къ повреждению дарованной имъ вольности и къ какому-либо ихъ притѣсненію, стараясь оный понынѣ и о вящемъ ихъ независимости утвержденіи, и что также Имперія Всероссійская, противъ которой многочисленныя силы надменной Порты Оттоманской стоять не могутъ, всегда найдетъ и имѣть уже будетъ преизбыточные способы и къ наказанію татаръ въ случаѣ ихъ невѣрности и поползновенія на содѣйствіе непріятелю?

Напротивъ того, Порта держала ихъ въ тяжкихъ узахъ неволи, въ противность точныхъ положеній магометанскаго закона—единовѣрныхъ своихъ имѣть рабами, всегда употребляла къ исполненію властолюбивыхъ своихъ видовъ, ни мало не уважая собственной ихъ безопасности, и, наконецъ, въ нынѣшнюю войну и совсѣмъ оставила безъ обороны на произволъ жестокой по всей вѣроятности участи, а обратившейся уже въ наилучшую по безпримѣрному только великодушію и человѣколюбію Ея Императорскаго Величества, моей всемилостивѣйшей Государыни. Кто же изъ татаръ не позналъ еще собственнымъ своимъ испытаніемъ или слухомъ достовѣрнымъ и того, человѣчеству обиднаго и несноснаго презрѣнія, какое турки и послѣднѣйшаго состоянія не только ко всѣмъ вообще народамъ татарскимъ имѣли, но и къ знаменитымъ въ обществѣ своемъ людямъ?

Такимъ образомъ, всѣ чинимыя нынѣ съ турецкой стороны татарамъ внушенія и обнадеживанія по справедливости почитать надлежитъ за прелести и сѣти и отъ оныхъ, какъ въ существѣ своемъ противныхъ и вредныхъ, остерегаться всѣмъ помышленіемъ и подвигомъ, заключая изъ всего вышесказаннаго, что всякое въ семъ случаѣ легковѣріе и податность могутъ быть жестоко наказаны дѣйствіемъ побѣдоноснаго Россійскаго оружія, и что и Порта, поступившая по всѣмъ бывшимъ понынѣ примѣрамъ съ татарскими народами насильственно и немилосердно, при всякихъ обстоятельствахъ имѣть ихъ желаетъ и впредь въ своей власти не для собственной ихъ пользы, но единственно для своей и, получа ихъ, конечно, не оставитъ тотчасъ привесть и въ состояніе самое подлѣйшее и бѣдственнѣйшее, въ отмщеніе за ихъ отъ нея отступленіе, и чтобъ впредь къ избавленію своему всѣхъ уже способовъ и самой надежды лишены были.

Я не потаю отъ васъ, почтенный Измаилъ-бей и Эдишкульской орды старѣйшины, и того, что здѣсь, къ крайнему сожалѣнію и удивленію, отчасти извѣстно учинилось и о происходящемъ между Ногайцами орды вашей разсужденіи, будто татары, поелику туркамъ единовѣрные и одного съ ними магометанскаго вѣроисповѣданія, обязаны имъ, несмотря ни на какія уваженія, противъ здѣшней имперіи содѣйствовать; однакожъ и тутъ скрывается одна только непріятельская уловка и хитрость.

Война настоящая воспріяла свое начало не за законъ магометанскій, но по обыкновенному вѣроломству Порты, равно какъ и продолжается понынѣ уже только за татаръ по ея жъ упорству въ учиненіи отъ нихъ формальнаго отказа и въ признаніи въ качествѣ свободной и ни отъ кого независимой области, почему равнымъ образомъ и законъ магометанскій, Портою и татарами исповѣдуемый, но претящій же и клятвопреступникамъ временнымъ и вѣчнымъ мученіемъ и повелѣвающій держать слово данное и благодѣянія признавать, весьма не кстати и развращенно употребляется ею съ отверженіемъ и достодолжнаго почтенія къ наведенію страха на совѣсти человѣковъ набожныхъ.

Избраніе, произведшее васъ, почтенный Измаилъ-бей, на степень знаменитаго начальства и предавшее въ ваше руководство жребій великаго общества, служитъ залогомъ и споручениемъ о истинномъ вашемъ къ татарскимъ народамъ доброжелательствѣ, почему я надѣюсь, что вы, признавъ дѣльность и основанія дружескихъ моихъ откровенныхъ изъясненій, всѣ, отъ васъ зависимыя, мѣры всегда употреблять будете вообще со всѣми старѣйшинами къ сохраненію объ Эдишкульской, вами предводимой, ордѣ полезнаго мнѣнія при высочайшемъ дворѣ Ея Императорскаго Величества, и чтобъ она достой-

ною осталась милости и покровительства великодушной монархини и ни малѣйше непричастною искушеніямъ предательства, невѣрности и клятвопреступничества, пороковъ, въ цѣломъ свѣтѣ гнусными почитаемыхъ и всегда погибельныхъ.

А какъ ничто не можетъ столько послужить ни къ лучшему всѣхъ Ногайскихъ ордъ благоустройству и порядку, ни надежнѣе ихъ предохранить отъ подлыхъ поползновенностей, несходственныхъ съ ихъ именемъ и славою и настоящимъ состояніемъ независимымъ, сколько установленіе начальства, на всѣ орды безъ изъятія простирающагося, въ лицѣ, достойномъ общей довѣренности и способномъ къ исправленію столь нужной и важной должности, то при Россійскомъ Императорскомъ дворѣ, многими опытами татарскимъ народамъ доказавшемъ свое къ нимъ истинное доброжелательство, съ основаніемъ и ожидается, что вы, почтенный Измаилъ-бей, и всѣ Эдишкульской орды мурзы, аги и старѣйшины, вникнувъ безпристрастно въ слѣдствія выгодности и преимущества такого правительства, со всѣми прочими ордами согласитесь избрать къ тому по древнимъ вашимъ обыкновеніямъ одного изъ султановъ, по природѣ своей и персональнымъ достоинствамъ право имѣющаго къ совокупному Ногайскими ордами предводительствованію и дѣйствительно исполнить могущаго и возлагаемое на него отъ всѣхъ надѣяніе.

Ея Императорскаго Величества первенствующій министръ гр. Н. Панинъ.

Въ С.-Петербургѣ, 26 Февраля 1774 г.

2468) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ХРИСТІАНУ VII, КОРОЛЮ ДАТСКОМУ [1]).

Monsieur mon frère et cousin. En recevant la lettre de Votre Majesté, dans laquelle il lui a plu de me faire part que tout ce qui concernait l'échange du Holstein venait d'être définitivement terminé, la joie dont elle se montre pénétrée de la conclusion de ce grand ouvrage m'a fait ressentir à moi même la satisfaction la plus pure. Conduite à cette négociation par amour de l'humanité et par la considération de l'intérêt essentiel de nos monarchies, je l'ai été aussi par le motif de l'amitié personnelle et de l'estime la plus décidée. L'état des sentiments de Votre Majesté ne me laisse rien à désirer sur le degré d'assurance, où tous ces objets se trouvent conjointement amenés. Je suis dans la plus

[1]) М Г. А. Данія, I, св. 1.

ferme confiance que votre règne, en jouissant d'un bien préparé pour la postérité [1]), le lui transmettra fortifié et constaté par des preuves multipliées de son importance. Toute source de mésintelligence est heureusement tarie et tout prétexte ôté à l'envie à tenter d'affaiblir cette activité et ce concours mutuel qui décide du succès d'une alliance. Je me flatte que le but de la notre sera parfaitement rempli et que notre prépondérance dans le Nord, fruit de notre intimité de vues et de sentiments, y assurera la paix et la tranquillité. C'est dans cette attente et avec la considération et l'estime la plus parfaite que je suis,

Monsieur mon frère et cousin,

votre bonne soeur et cousine

Catherine.

A St.-Pétersbourg,
ce 28 Février 1774.

2469) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ ХРИСТІАНУ VII, КОРОЛЮ ДАТСКОМУ [2]).

(С.-Петербургъ, 28 Февраля 1774 г.).

Prévenu par leur sagesse en faveur des arrangements provisoires arrêtés entre l'Impératrice ma mère et Votre Majesté, l'âge qui m'a mis en état de les ratifier m'y a trouvé préparé par la confiance la plus entière en leur utilité. L'avantage d'assurer une paix durable à notre maison et l'intérêt de l'Empire de Russie, premier guide de mes démarches, suffisaient déjà pour me faire jouir d'une satisfaction bien réelle. Je dois y ajouter ce qu'il m'importe d'avoir contribué au contentement de Votre Majesté. Les termes dans lesquels elle s'en explique dans la lettre qu'il lui a plu de m'écrire, me rendent encore plus cher ce que j'ai fait. Je souhaite que notre maison jouisse inaltérablement de l'effet de nos souhaits [3]) et que l'union la plus étroite entre la Russie et le Danemark fasse participer à la joie d'une famille les sujets des deux monarchies. Dans la douce espérance que j'en conçois, il est bien cher à mon coeur de donner cours aux sentiments d'attachement très distingué avec lesquels je suis,

Sire,

de Votre Majesté

le très dévoué parent

Paul.

[1]) Въ другомъ концептѣ вмѣсто postérité стоитъ: prospérité.

[2]) М. Г. А. Данія, I, св. 1.

[3]) Въ концептѣ письма вмѣсто souhaits написано было: soins.

2470) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 28 Février 1774.

J'ai l'honneur de vous accompagner ci-joint, M-r, les lettres de l'Impératrice et de Monseigneur le Grand Duc au Roi de Danemark, en réponse à celles que ce prince avait écrites à Sa Majesté et à Son Altesse Impériale, pour leur faire part de la tradition effective du Holstein et leur marquer son contentement de la conclusion finale de cette importante négociation. Vous voudrez bien ou les présenter vous-même, ou les faire remettre par le ministère, selon que l'occasion y sera plus convenable, et dans l'un et l'autre cas vous les ferez suivre des assurances les plus fortes du contentement réciproque de Sa Majesté et de Son Altesse Impériale et de leur sincère amitié pour le Roi. Les lettres de part et d'autre n'ont d'autre objet que de caractériser cette parfaite union d'intérêts et de sentiments, qui subsiste entre les deux cours et que l'événement présent parait devoir assurer à jamais, ainsi que vous le verrez par les copies que je joins ici pour votre information. Je suis avec une considération particulière etc.

2471) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2])

Милостивый мой государь Евдокимъ Алексѣевичъ. Получа я на сихъ дняхъ депешу в. прев—ва отъ 14 минувшаго Февраля, купно съ письмомъ вашимъ ко мнѣ отъ того жъ числа, какъ изъ всего того однакожъ усмотрѣлъ, что нужда въ отправленіи Калги-султана въ Ногайскія орды и теперь не меньше настоитъ, то я и почелъ за нужно симъ и безъ дальняго отлагательства препроводить къ в. прев-ву изготовленный о томъ по прежнимъ вашимъ представленіямъ высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ, и другой, принадлежащій и къ князю Василію Михайловичу, прося васъ, милостивый мой другъ, сей послѣдній отправить къ нему съ нарочнымъ курьеромъ, дабы такимъ образомъ съ вашей и съ его стороны безъ потерянія времени къ исполненію повелѣннаго по принадлежности каждаго приступлено быть могло, и Калга-султанъ приведенъ былъ въ состояніе вступить въ назначенный путь, коль скоро только возможно будетъ, и по-

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 11.

[2]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Щербинину 1771—1775 г.г. Напечат. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Р. 1872 г., кн. II, стр. 16.

казать прибытіемъ своимъ къ Ногайскимъ татарамъ, чего мы и впредь въ разсужденіи его ожидать имѣемъ. А между тѣмъ, ежели бы по содержанію и послѣдней вашей депеши равнымъ образомъ въ чемъ либо за нужно призналось снабдить васъ новыми наставленіями, то и можетъ сіе учинено быть со всею уже удобностію вслѣдъ за симъ настоящимъ отправленіемъ. Впрочемъ я всегда пребуду и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 28 Февраля 1774 г.

2472) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БЫВШЕМУ ПОСЛУ ВЪ ВАРШАВѢ К. САЛЬДЕРНУ ВЪ КИЛЬ [1]).

(Писано графомъ Панинымъ собственноручно).

St.-Petersbourg, ce « » Février 1774.

Monsieur. Votre Excellence ne saurait manquer d'avoir présent à sa mémoire, qu'au moment où elle prenait congé de moi à son dernier départ de Pétersbourg, elle me marqua les plus vives inquiétudes sur l'altération de mes sentiments à son égard; elle me protesta que dans les circonstances où elle se trouvait à la cour, elle avait moins agi contre moi que contre deux ou trois vils courtisans, mais qu'elle craignait que sa conduite ne se fût confondue à mes yeux comme une chose qui me fût uniquement personnelle. Vous me conjurâtes, M-r, que dans ce moment où nous allions nous séparer pour jamais, du moins vous puissiez emporter l'espérance que je vous conserverai une part dans mon estime, et que c'était de là que vous faisiez dépendre votre tranquillité pour le temps qui vous reste à vivre. Ma réponse fut que rien ne pouvait changer en moi l'honnête homme, que tel que vous m'aviez toujours connu, et tel vous me trouveriez jusqu'à la fin, et en vous souhaitant le bon voyage, je vous dis que vous pouviez partir dans cette assurance.

Une obligation, qui était déjà dans mon caractère et que je vous ai ainsi confirmée par ma promesse, le moment est venu de m'en acquitter. Recevez donc, comme le sceau que je mets à ma probité et comme la chose qui vous puisse être la plus salutaire, le conseil que voici: Tirez le rideau, M-r, sur le théatre du monde où vous avez joué; considérez-y votre rôle comme fini, et puisque c'est un état où votre âge,

---

[1]) М. Г. А. Гамбургъ, III, св. 8. См. депешу гр. Сольмса королю Фридриху II отъ 7 Февраля 1774 г. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 490—493.

indépendamment d'autres raisons plus fortes, vous invite, placez un intervalle entre la vie et la mort, en jouissant en repos de la fortune que vos travaux vous ont procurée. Ne m'interrogez point sur la source d'où part cette exhortation; un homme qui a autant de pénétration et d'expérience des choses du monde ne saurait s'y méprendre, et surtout comptez, qu'il importe beaucoup pour vous d'y déférer. Toute tentative qui s'en éloignerait ne manquerait pas de vous être contraire, et plus qu'aucune autre—l'idée de votre retour à Pétersbourg, qu'il ne faut pas vous faire, qui serait tout aussi désagréable à l'Impératrice qu'au Grand Duc.

L'époque est heureuse pour vous pour sauver bien des apparences, toutes les solennités de la tradition du Holstein et des comtés échangés sont terminés, et il est en vous de pouvoir considérer votre carrière comme remplie tant dans le service de Sa Majesté Impériale que dans celui de Son Altesse Impériale son fils. Il ne reste plus, M-r, qu'à demander votre congé effectif de l'un et de l'autre, et c'est un parti que vous n'avez point à balancer à prendre, en écrivant pour cet effet à Sa Majesté et au Grand Duc. Votre Excellence peut m'adresser ces lettres, et c'est une expédition que je soignerai encore. Mais qu'elle me croie comme à un homme d'honneur, que c'est la seule conclusion que les choses peuvent avoir, qui puisse la mettre en repos.

A la suite de ceci je remplis l'ordre que j'ai reçu de l'Impératrice de demander de vous, M-r, de me renvoyer une tabatière verte d'émail garnie de brillants, avec le chiffre de Sa Majesté Impériale, qui vous a été remise à votre entrée à l'ambassade en Pologne par votre prédécesseur le prince Wolkonski, avec les archives et autres effets appartenant au même poste, et qui ne s'est point trouvée sur l'inventaire des effets remis par V. E. à son successeur, le baron de Stackelberg. Je suis très parfaitement etc.

Въ отвѣтъ на это письмо, Сальдернъ изъ Киля 22 Апрѣля (3 Мая) 1774 г. послалъ графу Панину два прошенія объ отставкѣ, на имя Императрицы и вел. князя Павла Петровича, причемъ писалъ ему: «Ayant été accoutumé depuis tant d'années de recevoir tout ce qui me vient de la part de V. E. avec une entière résignation, je n'hésite pas un moment de suivre le conseil qu'elle a bien voulu me donner, en reconnaissant au fond de mon âme et dans toute son étendue l'effet de sa généreuse amitié, dont je viens de recevoir une preuve incontestable...». Вмѣстѣ съ тѣмъ Сальдернъ препровождалъ требуемую табакерку, которую онъ, по его словамъ, забылъ передать своему преемнику. Письма Сальдерна, его прошенія и посылка съ табакеркой пересланы были повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гамбургѣ Гроссомъ при письмѣ графу Панину отъ 24 Апрѣля (5 Мая) 1774 г.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КОРОЛЮ ПРУССКОМУ ФРИДРИХУ II.

С.-Петербургъ, 3 Марта 1774 г. Напечат. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 340—341.

2473) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 4 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу князю Долгорукову.

Отвѣтствовавъ другимъ, къ вамъ уже отправленнымъ нашимъ рескриптомъ на всѣ части реляціи вашей подъ № 4-мъ, касающіяся до положенія разныхъ татарскихъ ордъ, предоставили мы сему войти здѣсь съ вами въ точное изъясненіе предопредѣляемаго нами плана операціи на будущую кампанію. Въ семъ намѣреніи, сообщая вамъ при семъ копію съ даннаго нами рескрипта командующему первою арміею генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, присвояемъ мы оный чрезъ сіе и вамъ собственно, поколику исполненіе его можетъ относиться до ввѣренной вамъ части. А какъ сохраненіе непроницаемой тайны есть душа всѣхъ дѣлъ и истинный корень счастливыхъ особенно въ каждомъ успѣховъ, то и желаемъ мы, чтобъ открытыя вамъ теперь намѣренія наши пребыли для всѣхъ вообще весьма непостижимыми, служа единственно къ лучшему вашему во свое время руководству. Тѣмъ не меньше однакожъ стража и охраненіе Крымскаго полуострова и прилегшихъ къ сторонѣ онаго обширныхъ границъ Имперіи долженствуютъ быть и оставаться неотмѣнно первою и главною цѣлью неусыпнаго вашего бдѣнія, а затѣмъ уже, когда оныя всѣми нужными и удобными мѣрами достаточно обезпечены будутъ, имѣете вы при самомъ началѣ кампаніи стараться по крайней возможности сообразовать движенія и обороты вашихъ войскъ такимъ образомъ, чтобы оные могли съ довольною вѣроятностью подать видъ предпріемлемой вами на Очаковъ осады. Для умноженія въ семъ случаѣ всѣхъ наружныхъ оказательствъ къ отвлеченію на разныя стороны вниманія Порты Оттоманской, повелѣли мы снарядить здѣсь, да и дѣйствительно нынѣшнею еще зимою доставить въ Кіевъ потребное число осадной артиллеріи и принадлежащихъ къ ней людей, дабы въ самомъ дѣлѣ произвесть осаду онаго города, какъ скоро удобное время къ тому настоять будетъ. Мы несумнѣнно ожидаемъ отъ патріотическаго вашего усердія, что вы всячески потщитесь согласить между собою и сдѣлать другъ другу взаимно способствующими оба вамъ здѣсь предписываемые пункты, то есть охраненіе Крыма и границъ и опредѣляемаго вида къ осадѣ Очакова. И пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 6 Марта 1774 года.

Екатерина.

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

2474) НОТА АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КНЯЗЮ ЛОБКОВИЧУ И ПРУССКОМУ— ГРАФУ СОЛЬМСУ [1]).

(Апробована Ея Императорскимъ Величествомъ 7 Марта 1774 г.; вручена того жъ числа князю Лобковичу).

Conséquemment aux rapports qu'on vient de recevoir ici et qui seront aussi parvenus à l'heure qu'il est à la cour Impériale et Royale, ainsi qu'à celle de Sa Majesté Prussienne, de la vive sensation qu'a produite sur les esprits en Pologne la protestation de la soi-disante confédération de Bar, ainsi que d'autres intrigues que l'on fait jouer dans la nation et qui paraissent faire quelque effet, en réveillant le fanatisme des têtes chimériques des Polonais pour les porter à des entreprises et contre la paix de leur patrie, et contre la solidité et l'union intime des arrangements des trois cours relativement à elle: Sa Majesté Impériale juge dans une telle occurence, et elle se persuade aussi que tel sera le sentiment de L.L. M.M. I.I. et R.R. et de Sa Majesté Prussienne, qu'il est de la dignité, de la gloire et de la bonne foi de leur concert non seulement de ne pas souffrir, mais même d'aller au devant et d'empêcher que de telles machinations des malintentionnés et des envieux de leur union ne parviennent jamais à suspendre leur activité, ni à affaiblir leur unanimité sur tout ce qui appartient au parfait accomplissement des vues aussi grandes et aussi salutaires, que celles qui ont réuni leurs intérêts en un système commun par rapport à cet état voisin. A cet effet l'Impératrice demande et propose, comme le moyen de faire perdre toute espérance à la méchanceté, que les trois cours se déterminent d'instruire leurs ministres respectifs à Varsovie d'avoir l'oeil attentif sur ce nouvel aspect en Pologne et de leur enjoindre que s'ils observent, que quelque fermentation, quelque mouvement dans les esprits dans quelque partie du royaume, en quelque sens et en quelque fin que ce soit, fasse pressentir quelque entreprise pour ou contre qui que ce puisse être, aussitôt ils aient à déclarer en commun et par écrit, tant au Roi qu'à la diète et à toute la nation, en rendant leur déclaration publique, qu'il ne leur échappe point que le même esprit d'intrigue et de trouble qui a conduit la république jusque sur le bord de sa destruction totale, commence à s'y reproduire et menace de la replonger dans de nouveaux malheurs; que le devoir de leur place et l'ordre précis de leurs cours leur enjoint de maintenir hors de toute atteinte la paix privée et publique, dont le retour n'est dû qu'aux soins

[1]) М. Г. А. Австрія, II, св. 1.

et à l'emploi effectif de la puissance de leurs maîtres; que c'est dans ce but qu'ils déclarent au nom de leurs souverains, qu'aussitôt qu'il se formerait quelque assemblée ou attroupement ou association dans la nation sous quelque nom, à quelque titre et sous quelque prétexte que ce puisse être, ou qu'il serait fait quelque tentative ou entreprise, que ce soit contre la paix intérieure de l'état ou celle du dehors avec ses voisins, soit contre les trois cours en commun ou contre l'une ou l'autre d'elles séparèment, dès l'instant même les troupes de chacune des trois puissances rentreront en Pologne et traiteront comme un ennemi en guerre ouverte des trois cours et de la république même, dont la conservation de sa tranquillité intérieure et extérieure importe au plus haut degré à celles-là par l'intimité de leur union d'intérêts relativement à la Pologne, quiconque aura été l'auteur du trouble ou y aura participé de conseil ou de quelque assistance que ce soit. Et afin, qu'en cas de besoin l'effet suive aussitôt la menace, Sa Majesté Impériale demande qu'il plaise aux cours de Vienne et de Berlin de renforcer dès à-présent leurs troupes dans leurs nouvelles acquisitions, de faire garnir la lisière le long des possessions de la république et de donner l'ordre aux généraux chargés du commandement, qu'aussitôt qu'il surviendrait quelque évènement, sur lequel les trois ministres jugeraient d'un commun accord que le cas existe de faire entrer les troupes, ceux-ci aient à déférer d'abord à la réquisition qui lui en serait faite en commun par les trois ministres, sans avoir besoin d'autre ordre, et qu'ils prêtent aussitôt main forte là, où il leur sera indiqué qu'il en est besoin; et que de leur côté les trois ministres soient informés que tels sont les ordres donnés aux généraux, afin de pouvoir agir et se conduire en conséquence.

2475) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ ВЪ МАДРИДѢ С. С. ЗИНОВЬЕВУ [1]).

Государь мой Степанъ Степановичъ. На разныя ваши представленія о желаніи вступить опять въ здѣшнюю службу находящагося въ мѣстѣ пребыванія вашего морского офицера Стюарта, имѣю я честь точно по волѣ Ея Императорскаго Величества въ резолюцію вамъ сообщить, что какъ онъ вдался въ обманъ нашихъ недоброжелателей и оставилъ службу безъ всякой законной причины, то и для переду не видится въ немъ никакой прочности, вслѣдствіе чего и извольте постараться пристойнымъ образомъ и безъ оказательства въ разсужденіи его нашего неудовольствія отклонить его отъ вышеупомянутаго намѣренія. Впрочемъ пребываю и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 11 Марта 1774 г.

[1]) М. Г. А. Испанія, III, св. 8. См. выше № 2441.

2476) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

A St.-Pétersbourg, ce 12 Mars 1774.

C'est à titre d'ami, mon cher baron, et dans la plus grande confidence que je vous fais cette lettre. Vous avez par vous-même assez de connaissance et d'expérience de la cour, pour que je n'aie pas besoin d'entrer en autre éclaircissement. Vous saurez seulement que m-r Potemkine, lieutenant-général de l'armée, est arrivé ici et a été nommé par Sa Majesté Impériale son aide-de-camp général. Il s'agit de lui faire avoir le cordon de l'Aigle Blanc de Pologne, mais de façon qu'on n'en attende là où vous êtes aucun remerciement, ni de la part de la Souveraine, ni de la mienne, rien que ce puisse être de public de ce côté-ci ne devant paraître là-dedans. C'est une affaire que je remets en vos mains et que je m'attends, que vous conduirez à bon port et de la façon que je vous le recommande. Vous la ménagerez, comme vous l'entendrez bien, entre vous et le Roi, vous attachant absolument à cela, que la décoration soit conférée *motu proprio* de Sa Majesté Polonaise. Elle en a une occasion et un juste motif à l'égard de m-r de Potemkine. Les anciens services personnels qu'il a rendus à l'Impératrice, le mérite militaire, dont il a fait preuve pendant plusieurs campagnes de cette guerre contre l'ennemi de l'état, voilà pour le motif, et pour l'occasion—la récompense que Sa Majesté Impériale vient d'accorder à ses services, en l'élevant à un poste aussi honorable et aussi distingué auprès de sa personne. Cela forme assez bien la matière d'une lettre du Roi à m-r Potemkine à laquelle il n'y aurait plus qu'à ajouter pour conclusion, que voulant lui témoigner elle-même le cas personnel qu'elle fait de son mérite dans un moment, où sa Souveraine venait de lui donner une marque si distinguée de sa satisfaction, Sa Majesté Polonaise l'a nommé chevalier de son ordre de l'Aigle Blanc et lui en envoie les marques. Ce paquet, c'est-à-dire la lettre du Roi et les marques, serait adressé sans aucun avis ni à vous, ni à moi, directement au résident m-r Psarsky avec l'ordre de le remettre à m-r Potemkine et de faire d'ailleurs l'office d'usage pour obtenir l'agrément de la cour sur cette décoration. Je crois que vous saisissez parfaitement cette marche, que je vous indique de la chose et qui est, j'y insiste encore, la seule juste qu'elle puisse avoir. Je me remets donc entièrement et en toute confiance à vous pour l'exécution, sur quoi je dois seulement ajouter, que je souhaiterais fort que cela

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

fût fait et parfait, c'est-à-dire envoyé ici et remis à sa destination avant les fêtes, s'entend celle de l'Impératrice, qui est le 21 Avril vieux style, afin que m-r Potemkine ait le plaisir de paraître ce jour là décoré de son nouvel ordre. Comme vous entendez bien que cela doit venir par courrier, si vous voyez que le Roi se fit une peine d'en envoyer un exprès, vous pouvez lui proposer de se servir d'un des votres, que vous m'expédieriez en m'accompagnant d'une lettre le paquet qui vous aurait été recommandé pour m-r Psarsky, sans faire autrement mention de son contenu, à quoi vous ajouteriez telle autre dépêche que les circonstances vous fourniraient. Quoique je vous aie fait ci-dessus l'observation, qu'il ne doit s'agir ici d'aucun remerciement ni de la part de la Souveraine, ni de moi, ne doutez pas pour cela que la chose bien faite et à point nommé, comme on peut y compter de votre part, ne vous soit un mérite et qu'elle-même l'Impératrice n'en ait de la satisfaction. Je suis etc.

P. S. Je suis actuellement à l'ouvrage pour l'expédition d'un autre courrier, qui vous portera les résolutions dont vous avez besoin. Continuez en attendant votre négociation que je trouve bien jusque là où vous en êtes, selon vos dernières dépêches.

2477) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 12 Mars 1774.

Je n'ai pas plus tôt eu reçu, M-r, votre lettre d'office № 25, ainsi que l'autre sans № qui l'accompagnait, que j'ai cherché à vous mettre en état de parer à tout nouvel éclat qui pourrait arriver en Pologne, à quoi vous avez donné avis par les dites lettres, que les choses semblent se disposer. Sa Majesté Impériale a arrêté de convenir d'abord avec les deux autres cours des mesures les plus justes à employer en commun par toutes les trois à la première apparence de trouble, afin d'étouffer le mal dès sa naissance, de quelque nature qu'il soit et en quelque endroit qu'il commence. J'ai remis par son ordre au prince Lobkovitz et au comte de Solms une note, dont je joins ici copie, qui contient le plan de conduite que chacun prescrira à ses généraux et à son ministre sur l'occurence présente [2]). Comme je ne doute point que sur le rapport qu'ils en feront à leurs cours, ce plan n'y soit admis sans restriction, j'ai ordre dès à présent de vous le prescrire, comme une

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

[2]) См. выше № 2474.

instruction à laquelle vous aurez pour votre personne à vous conformer en tout point.

Je n'ai ensuite autre chose à vous dire, que d'avoir l'oeil ouvert sur la première démarche ou le premier mouvement signifiant que vous appercevrez et d'y administrer aussitôt le remède qui est entre vos mains. Il n'y a point de doute, que de leur côté ceux des polonais, qui roulent quelque projet dans leur tête, ne soient éveillés sur la contenance de vous et de vos collègues, et s'il leur apparait que vous êtes déjà réunis entre vous et en posture à tout événement, c'en sera peut être assez pour dissiper toutes leurs chimères. Ainsi il sera d'un très bon effet, que votre ton et votre langage à tous les trois dénotent publiquement et plus décidèment que jamais la plus ferme assurance dans une intimité de concert entre vos cours, que rien ne renversera. C'est un point essentiel que dans leur rumeur et leur fermentation actuelle les polonais sentent, qu'à laquelle des trois cours qu'ils osent s'attaquer, c'est s'attaquer à toutes les trois et qu'il n'y a point de division à espérer entre elles.

Engagez bien vos collègues à se conduire avec vous dans cet esprit, et pour donner cette impression, et comme il s'écoulera nécessairement du temps avant que leurs ordres leur parviennent, faites leur part dès à présent des votres et invitez les à entrer déjà dans telle mesure préparatoire, qui pourrait tendre à leur exécution, par la confiance où ils ne sauraient manquer d'être, que ceux qui leur seront donnés y seront parfaitement conformes. Je compte sur votre sagesse et votre fermeté, quelque exercice que l'occasion lui donne, et je ne doute point, que le succès n'en fût prompt et heureux. J'ai l'honneur d'être etc.

2478) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 5 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Съ коликою непріятностію увѣдомились мы изъ реляціи вашей отъ 2 сего Марта объ оказавшемся въ самыхъ дѣйствіяхъ въ ордѣ Эдишкульской развратѣ въ поборствованіе непріятелю, и чему уже и сдѣлано начало плѣненіемъ бывшаго въ той ордѣ пристава здѣшняго, съ толикимъ напротивъ удовольствіемъ и благоволеніемъ усмотрѣли не только изъ оной, но еще и изъ предыдущихъ двухъ отъ 12 и 19 Февраля, о принятыхъ и пріемлемыхъ вами мѣрахъ къ уничтоженію всякихъ сопротивныхъ покушеній, какъ въ разсужденіи Кубанской стороны, такъ и Крымскаго полуострова.

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

Мы, всемилостивѣйше и апробуя представленное вами на сей же конецъ въ наше благоизобрѣтеніе и всѣхъ подъ вашимъ предводительствомъ состоящихъ войскъ расположеніе, и повелѣвая потому безъ потерянія времени исполнить, восхотѣли здѣсь же изъяснить наши мнѣнія съ нѣкоторою подробностію, чего мы при такихъ обстоятельствахъ отъ патріотической вашей ревности съ надѣяніемъ ожидать можемъ, приводя васъ симъ образомъ въ состояніе распоряжать и дѣйствовать по ближайшимъ вашимъ усмотрѣніямъ въ лучшую отечества пользу и въ сохраненіе пріобрѣтенной оружіемъ нашимъ славы.

Въ самомъ дѣлѣ, признанное вами за нужное содержаніе большей части войскъ, вашему предводительству ввѣренныхъ, на новой линіи между Александровскою и Петровскою крѣпостями, съ присовокупленіемъ къ тому и коша войска Запорожскаго, такъ, какъ все то описывается въ реляціи вашей отъ 2 Марта, соединяетъ всю способность къ обращенію вашего взора въ одно и то же время на Крымъ, Очаковъ и на Кубанскую сторону и къ употребленію потому и силъ вящихъ безъ дальняго отлагательства тамъ, гдѣ больше нужно быть можетъ по движеніямъ непріятельскимъ.

Но между тѣмъ и теперь, что до Эдишкульской орды касается, въ которой, по содержанію вышепомянутыхъ вашихъ реляцій, Портою Оттоманскою нареченный ханомъ Крымскимъ Девлетъ-Гирей предъуспѣлъ вгнѣздиться, развратить оную и съ настоящимъ начальникомъ Измаилъ-беемъ въ ея пользу и ознаменить съ соглашеніемъ и пособіемъ сихъ татаръ непріятельскія дѣйствія нападеніемъ на бывшаго между ними здѣшняго пристава и плѣненіемъ его со всею командою, то и представляетъ уже себя сія орда въ такомъ состояніи, которое, по силѣ учиненной вами послѣ разорванія держаннаго въ Бухарестѣ конгресса, на основаніи рескрипта нашего отъ 2 Апрѣля прошлаго 1773 года, всѣмъ безъ изъятія татарамъ Крымскимъ и Ногайскимъ деклараціи, всячески месть нашего оружія заслуживаетъ.

Желательно потому весьма, чтобы для наказанія вѣроломныхъ, толь явно и толь легко презрѣвшихъ свои клятвенныя обѣщанія и наши оказанныя имъ благодѣянія, и отторженія ихъ отъ дальнѣйшей съ непріятелемъ связи, а неменьше и для предупрежденія соблазна въ прочихъ Ногайскихъ ордахъ, могли изобрѣтены быть способы поступить со всѣми Эдишкульцами, кои сообщились съ мнимымъ ханомъ Крымскимъ Девлетъ-Гиреемъ и пособствовали ему въ преданіи въ его руки здѣшняго офицера, по точнымъ словамъ оной вашей декларацiи, въ свое время имъ доставленной, въ которой между другимъ сказано было, что всѣ тѣ изъ татаръ, кои съ Портою Оттоманскою явное или тайное сообщеніе имѣть будутъ, дѣйствительно поползнутся употреблять себя орудіями ея къ обольщенію согражданъ своихъ, станутъ призы-

вать ея войска или же какимъ ни есть образомъ способствовать приходу и допущенію ихъ, сущими отечеству своему клятвопреступниками, предателями и злодѣями почитаемы и признаваемы, и, какъ таковые, по всей строгости военнаго права огнемъ и мечемъ или же плѣномъ и неволею, а домы и имущество ихъ совершеннымъ раззореніемъ и опустошеніемъ истребляемы будутъ, и къ чему всему при настояніи случая, требовать могущаго подобныхъ отмстительныхъ дѣйствій, вы уже тѣмъ самымъ рескриптомъ и уполномочены.

Мы, препоручая вамъ вслѣдствіе того все удобовозможное употребить стараніе къ исполненію нынѣ сего толико нужнаго намѣренія, которое хотя главнѣйше и относится до Эдишкульцевъ, но при открывающейся удобности и для пользы неменьше очевидной распространиться долженствуетъ и на всѣ прочіе народы ихъ сосѣдства, за Кубанью живущіе, Портѣ преданные и съ Девлетъ-Гиреемъ теперь сообщившіеся, и на самое истребленіе гнѣздилища онаго Девлетъ-Гирея, татаръ развращающаго, и всѣхъ его сопричастниковъ,—дозволяемъ вамъ нарядить къ тому при другихъ войскахъ, упражненныхъ теперь стражею Донскихъ околичностей, или же для сего новаго предпріятія и еще умножаемыхъ, по признаваемой вами нуждѣ, и казаковъ Донскихъ, сколько заблагоразсудите, или ихъ и набраться можетъ.

Но какъ развратившіеся изъ татаръ достойными себя учинили по вышеприведеннымъ положеніямъ, чтобъ вся строгость на нихъ истощена была, такъ равномѣрно всѣ тѣ, особливо же кои, придерживаясь понынѣ главнаго Ногайскаго начальника Джанъ-Мамбетъ-бея, къ нашей сторонѣ благонамѣреннаго, спокойными остаются, весьма нужно, чтобъ напротивъ того видѣли къ себѣ съ стороны нашей же и всѣ пристойныя приласканія, уваженія и угодности, особливо ихъ начальники, преимущественно же главный—Джанъ-Мамбетъ-бей; сугубое поведеніе, различающее однихъ отъ другихъ по собственнымъ ихъ дѣламъ, и будетъ служить ощутительнымъ подтвержденіемъ всѣмъ татарамъ въ томъ, что мы, наказывая по необходимости навлекшихъ на себя справедливый нашъ гнѣвъ, ко всѣмъ прочимъ продолжаемъ однакоже сохранять тѣ обѣты и обнадеживанія, кои имъ даны по случаю отложенія ихъ отъ Порты Оттоманской и вступленія въ союзъ съ Имперіею нашею, къ чему всему и будете вы сообразоваться, наблюдая, чтобъ и повсюду сіе же правило было въ своей силѣ и дѣйствіи.

Впрочемъ, предполагаемая ополчительность противъ развратившихся изъ татаръ, на Кубанскихъ степяхъ живущихъ, есть одно изъ такихъ предпріятій, судя по состоянію сихъ людей и тамошнимъ мѣстоположеніямъ, которое для удачнаго своего производства требуетъ всего раченія, не только къ усмотрѣнію удобнаго времени, но и къ точному отличенію виноватыхъ отъ благонамѣренныхъ, и словомъ—осторожнаго

соображенія всѣхъ обстоятельствъ, къ потребному наставленію и руководству избираемаго къ тому предводителя; почему мы, предваряя неминуемое отъ переписки продолженіе, и отдаемъ въ полную вашу власть, какъ и когда и чрезъ кого по собственному вашему распоряженію съ успѣхомъ совершиться можетъ сія экспедиція, и въ чемъ, безъ сумнѣнія, не оставите вы вновь засвидѣтельствовать намъ вашего усердія къ службѣ нашей, въ какомъ удостовѣреніи и пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосконны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 19 Марта 1774 года.

Екатерина.

2479) НОТА АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КНЯЗЮ ЛОБКОВИЧУ [1]).

(Апробована Ея Императорскимъ Величествомъ 22 Марта 1774 г. и вручена Цесарскому министру кн. Лобковичу того жъ числа).

C'est avec bien de la satisfaction que l'Impératrice a appris la mesure amicale, qu'ont bien voulu prendre Leurs Majestés Impériales et Royales, afin de porter son ennemi à des dispositions plus pacifiques. Les ordres qu'elles ont fait parvenir à ce sujet à leur ministre à Constantinople sont à Sa Majesté Impériale une nouvelle preuve de leur amitié et de leurs sentiments en faveur des intérêts essentiels de son Empire. Elle est surtout très reconnaissante de l'appréciation, qu'il a plu à Leurs Majestés de faire connaître à la Porte de leurs bons offices relatifs au sort de la Moldavie et de la Walachie au terme du penchant, que de son côté cette puissance montrerait à faire cesser plus promptement les calamités de la guerre dans le voisinage de leurs états, lequel effet n'ayant point eu lieu, elles déclarent remettre au cours naturel des évènements cette condition de la paix. Comme une telle démarche est de nature à caractériser la plus juste balance de la neutralité, l'Impératrice se flatte que les bons offices ultérieurs de L.L. M.M. I.I. et R.R. en faveur du retour de la paix en auront d'autant plus d'effet sur l'esprit de la Porte. Mais quant à elle, elle ne changera point dans ses égards pour l'intérêt immédiat des frontières de la monarchie Autrichienne, selon qu'elle s'en est expliquée avec Leurs Majestés au sujet de la Moldavie et de la Walachie; et sa promesse sur le sort de ces deux pays, confidemment faite entre les deux cours et mentionnée dans l'art. 4 de leur convention du

[1]) М. Г. А. Австрія, II, св. 1.

25 Juillet 1772, ne recevra aucun préjudice de la déclaration susdite de L.L. M.M. I.I. et R.R. à la Porte. Sa Majesté Impériale déclare persister à vouloir l'accomplir fidèlement. Et autant elle est éloignée de penser à prolonger les malheurs de la guerre pour rien changer aux conditions de paix, qu'elle a confidemment communiquées à L.L. M.M. I.I. et R.R., autant se promet-elle de leur amitié personnelle et de l'intérêt permanent et réciproque sur lequel sont fondées les liaisons naturelles entre elles, que L.L. M.M. I.I. et R.R. auront les mêmes égards pour l'intérêt immédiat des frontières de l'Empire de Russie, que Sa Majesté Impériale a marqué et a toujours eu pour les frontières de la maison d'Autriche.

Fait à St.-Pétersbourg, le Mars 1774.

2480) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ реляціи отъ 23 Марта (3 Апрѣля) 1774 г. за № 27, посланникъ въ Парижѣ кн. И. С. Барятинскій доносилъ гр. Панину: «Долгія конференціи Англійскаго здѣсь посла съ дюкомъ д'Эгліономъ... касаются частью до извѣстнаго Беньовскаго, называемаго также Венгерскимъ. В. с-ву совѣтникъ посольства Хотинскій въ свое время доносилъ, что онъ по пріѣздѣ сюда изъ Камчатки набралъ нѣкоторое число войска и отправленъ въ Американскія (NB) поселенія. Лондонскій дворъ въ тоже время взиралъ на сей поступокъ съ неудовольствіемъ, а нынѣшній годъ высланные туда Англійскіе корабли имѣютъ повелѣніе точно разсматривать Французскаго двора намѣренія».

NB. Будто Индія и Америка такъ близки, что ихъ конфондировать можно; а сему причиною—лѣнь смотрѣть карты.

2481) ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [2]).

(Апробовано въ Совѣтѣ 18 Марта, а Ея Императорскимъ Величествомъ 24 жъ Марта 1774 г.

Ея Императорскому Величеству всенижайшее представленіе.

Новыя князя Лобковича сообщенія показываютъ ясно, что Вѣнскій дворъ, успокоясь послѣдними здѣшняго откровенными изъясненіями, отринулъ уже всю свою донынѣ имѣвшую недовѣрку къ предпочтительному отъ насъ въ Константинополѣ употребленію прусскаго посредства, и что вслѣдствіе того князь Кауницъ дѣйствительно предписалъ интернунцію Тугуту, какъ сдѣлать Портѣ съ своей стороны

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 15.

[2]) М. Г. А. Мнѣнія Коллегіи Иностр. Дѣлъ, и дѣла Крымскія 1774 года.

требованное отъ насъ объявленіе по пункту княжествъ Молдавскаго и Волошскаго, такъ и во всемъ прочемъ стараться по крайней возможности способствовать возобновленію мирной негоціаціи, сносясь для сего откровенно съ Прусскимъ министромъ Цегелиномъ, также и оставляя совершенно всякое къ оному иногда быть могущее персональное ревнованіе. Сей полезный оборотъ въ политическихъ усмотрѣніяхъ и мѣрахъ Вѣнскаго двора можетъ теперь со многою вѣроподобностью преподавать надежду къ вѣрному и скорѣйшему познанію истинныхъ склонностей новаго султана къ миру или войнѣ, почему и становится уже весьма нужно, чтобъ здѣсь въ запасъ на всякій случай заранѣе рѣшительнымъ образомъ опредѣлено было, до какихъ именно степеней снисходить въ мирныхъ кондиціяхъ, дабы послѣ, когда къ дѣйствительному трактованію мира дверь однимъ или другимъ образомъ отверста будетъ, не терять времени въ разсужденіяхъ и не прохладить необходимою медленностью отъ дальняго разстоянія мѣстъ перваго турецкаго жара, который въ началѣ каждаго дѣла очень великъ бываетъ. Не съ тѣмъ однакожъ предполагается здѣсь надобность такого запаснаго разсмотрѣнія и опредѣленія мирныхъ кондицій въ послѣднихъ ихъ предѣлахъ, чтобъ оныя нынѣ же и открыть дворамъ, добрыя оффиціи употребляющимъ. Отнюдь нѣтъ, а нужно сіе всячески для того одного, чтобъ и генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву и тайному совѣтнику Обрескову для ихъ общаго руководства предписать точныя и самыя рѣшительныя правила на тотъ случай, когда бы они съ своей стороны изыскали удобный случай, или же отъ верховнаго визиря, по новымъ и соединеннымъ домогательствамъ дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго, получили пристойный поводъ къ возобновленію мирной негоціаціи, чрезъ новый-ли съѣздъ взаимныхъ пословъ или же чрезъ безпосредственное сношеніе генералъ-фельдмаршала съ верховнымъ визиремъ, который способъ для постановленія прелиминарныхъ артикуловъ предпочтительно совѣтуетъ намъ и князь Кауницъ, сколько по извѣстному миролюбію верховнаго визиря, столько же и въ разсужденіе той неограниченной по дѣламъ власти, которую ему настоящій султанъ ввѣрилъ.

По всѣмъ симъ политическимъ уваженіямъ находитъ себя министерство въ обязанности всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество о высочайшемъ ознаменованіи тѣхъ послѣднихъ предѣловъ, которые Ея Величество будущему миру опредѣлить изволитъ, въ отвращеніе встрѣченныхъ донынѣ съ турецкой стороны непреоборимыхъ затрудненій, дабы, по собственному ея великодушію и матерней къ вѣрнымъ подданнымъ любви, возвратить отечеству толь нужный и драгоцѣнный миръ съ замѣною выгодъ, въ одержаніи своемъ невозможныхъ, другими, для пользы и безопасности онаго въ существѣ

равновѣсными, а для Порты Оттоманской наружно по крайней мѣрѣ меньше тягостными.

Для возобновленія въ памяти тѣхъ статей изъ мирныхъ нашихъ требованій, кои на послѣднемъ Бухарестскомъ конгрессѣ взаимными послами отчасти на мѣрѣ постановлены, а отчасти и дѣйствительно уже ими подписаны были, не не у мѣста будетъ представить здѣсь короткое онымъ начертаніе въ доказательство, что многія уже не безважныя выгоды отъ турокъ одержаны были. Дѣйствительно подписанныхъ артикуловъ было десять, а именно: 1-й—о возстановленіи вѣчнаго мира и общей на обѣ стороны амнистіи взаимнымъ подданнымъ; 2-й—о Грузіи и уничтоженіи Портою навсегда дани христіанскими мальчиками и дѣвочками; 3-й — о Кабардахъ, съ представленіемъ хану Крымскому согласиться на уступку оныхъ Россіи; 4-й—о выдачѣ взаимныхъ бѣглецовъ; 5-й—о служителяхъ россійскихъ въ Константинополѣ будущихъ министровъ, какъ съ ними въ разныхъ случаяхъ поступать; 6-й — о совершенной по прежнему свободѣ въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ; 7-й—о содержаніи впредь здѣшнимъ дворомъ при Портѣ министра второго ранга и объ опредѣленіи ему въ церемоніалѣ точнаго мѣста послѣ Римскаго Императорскаго интернунція; 8-й—о переводчикахъ, въ службѣ Россійскаго двора находящихся; 9-й—о неограниченной на обѣ стороны свободѣ заводить и строить въ своей сторонѣ всякія новыя селенія и крѣпости, а напослѣдокъ 10-й — о взаимномъ освобожденіи всѣхъ плѣнниковъ безъ изъятія, которое отъ турковъ по нашему требованію распространено на грузинъ и поляковъ.

Кромѣ сего, договоренось еще было, или по крайней мѣрѣ турецкій посолъ объявилъ согласіе Порты: 1-е — на уступку Россіи Азова съ прежнимъ его уѣздомъ; 2-е — на политическую и гражданскую вольность Крымскихъ и другихъ татаръ съ предохраненіемъ только правъ магометанскаго закона; 3-е — на дозволеніе воздвигнуть и имѣть въ Царьградѣ національную россійскую церковь, подъ покровительствомъ здѣшняго двора и его будущихъ при Портѣ министровъ; 4-е — на допущеніе россійскаго кораблеплаванія и торговли въ Бѣломъ морѣ со всѣми тѣми преимуществами, которыя тамъ другія дружественныя державы имѣютъ; 5-е—на употребленіе при Африканскихъ варварскихъ правительствахъ для обезпеченія россійскаго кораблеплаванія тѣхъ же самыхъ средствъ, которыя употребляетъ у нихъ Порта Оттоманская въ пользу другихъ народовъ, а особенно 6-е — на дачу впредь Ея Императорскому Величеству свойственнаго на турецкомъ языкѣ титула «падишахъ», который по сю пору одни короли Французскіе у Порты одержать могли.

Изъ всего сего явствуетъ, какъ уже и самое теченіе дѣлъ наипаче удостовѣрительнѣйшимъ образомъ доказало, что вся трудность зами-

ренія состоитъ только въ двухъ пунктахъ, то есть въ уступкѣ Россіи на Крымскомъ полуостровѣ Керчи и Еникаля съ ихъ уѣздами, да въ безпредѣльной свободѣ всякаго кораблеплаванія по Черному морю.

Сколь ни желательно само по себѣ одержаніе сихъ двухъ пунктовъ, но съ другой стороны, когда оные отъ Порты совершенно отмещутся, какъ для самаго ея бытія крайне предосудительные и опасные, то и слѣдуетъ разсмотрѣть, таковой-ли они въ существѣ своемъ для насъ важности, чтобъ уже никакими другими выгодами удовлетворены быть не могли и потому стоили, не взирая ни на что, подвергать далѣе рѣшеніе ихъ, буде неизвѣстному, то по крайней мѣрѣ весьма тягостному и для насъ самихъ изнурительному жребію оружія.

Правда, содержаніе на Крымскомъ полуостровѣ въ Керчи и Еникалѣ нашихъ гарнизоновъ можетъ повидимому и съ перваго взгляда служить къ обезпеченію и огражденію доставляемой татарамъ вольности; но и то опять не меньше правда, что содержаніе сихъ гарнизоновъ обходилось бы весьма въ дорогую цѣну и что они еще, оставаясь нѣкоторую часть года, то есть чрезъ всю зиму, отрѣзанными отъ безпосреднаго съ Россіею сообщенія, не могли бы и въ сей части достаточно и существительно удовлетворять нашему намѣренію, ибо другая цѣль, которую мы въ учрежденіи сихъ обоихъ мѣстъ по однимъ теоретическимъ исчисленіямъ предполагали, то есть заведеніе тамъ для Чернаго моря главнаго стапеля нашихъ морскихъ силъ, не можетъ имѣть мѣста по извѣданнымъ нынѣ локальнымъ неудобностямъ, слѣдовательно же со стороны моря и ограждать Крымъ отъ непріятельскаго нашествія, безъ чего взаимно и сохраненіе нами въ Крымѣ на сухомъ пути твердой ноги не будетъ имѣть прямой пользы.

Сверхъ того, размышляя о соблюденіи въ цѣлости и утвержденіи на будущія времена дарованной татарамъ изъ милосердія Ея Императорскаго Величества гражданской и политической вольности, не надобно упускать изъ вида, что если теперь Порта соглашается на оную, то по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ не можетъ она думать о безпосредственномъ ея угнетеніи и испроверженіи тотчасъ послѣ заключенія мира и такой войны, которая даетъ ей сильно ощущать нужду внутренняго отдохновенія и большаго, нежели прежде, уваженія къ нашимъ интересамъ, почему мы, взаимно пользуясь искусно пріобрѣтенною нынѣ въ татарахъ инфлюэнцію, которая натурально возвращеніемъ имъ Керчи и Еникаля со всѣми другими Крымскими крѣпостями скорѣе возрастетъ, нежели упадетъ, увѣряя ихъ самымъ уже убѣдительнѣйшимъ образомъ о сущей безкорыстливости Ея Императорскаго Величества въ новомъ ихъ политическомъ бытіи, устроитъ и направитъ мало по малу собственные ихъ духи къ тому, чтобъ они между тѣмъ сію перемѣну сами внутренно въ истинной ея цѣнѣ узнали и возлюбили,

слѣдовательно же и привыкли поставлять ее достойною собственнаго своего попеченія и престереженія. Достиженіе сего пункта во времени и въ мысляхъ татарскихъ ордъ долженствуетъ быть первымъ предметомъ нашей въ разсужденіи ихъ политики, ибо тогда, какъ татары вкусятъ уже дѣйствительные плоды независимости своей, не только перестануть они собою уважать предоставляемыя мирнымъ договоромъ духовныя права и преимущества султану турецкому, но и будутъ оныхъ изъ собственнаго своего подвига наипаче остерегаться и опасаться, а потому въ случаяхъ дѣйствительной своей нужды или опасности и сами собою прибѣгать къ покровительству той щедрой руки, которая познанному уже блаженству ихъ все основаніе положила и съ своей стороны изъяла въ то же время изъ среды всякій поводъ къ сумнѣнію и недовѣркѣ въ нечувствительномъ ихъ себѣ самой порабощеніи, коимъ нынѣ турки многихъ татаръ съ нѣкоторымъ видомъ правды развращаютъ.

Еще и то можно сказать, что удержаніе въ нашихъ рукахъ Керчи и Еникаля, хотя бъ турки напослѣдокъ и согласились уже по крайней необходимости на уступку намъ сихъ мѣстъ, чего однакоже никоимъ образомъ по всенародной ихъ претительности разсудительно полагать нельзя, будетъ впредь у Порты оставаться рѣшительнымъ уже побужденіемъ къ новой противу насъ войнѣ, сколь скоро только усмотритъ она удобный къ тому моментъ, то есть, когда у насъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ руки упражнены будутъ, а миръ такого свойства едва-ли лучше самой войны, ибо оный заставилъ бы насъ не только содержать себя во всегдашнемъ ополченіи, но и сокращать поневолѣ наши политическія мѣры по всѣмъ другимъ дѣламъ, чѣмъ бы пріобрѣтенная нами въ Европѣ знатная, а въ сѣверѣ и совершенно уже превосходная инфлюэнція чувствительнымъ образомъ весьма много терять стала.

Исчисляя всѣ неудобности удержанія за собою Керчи и Еникаля, надобно съ другой стороны придумать, чѣмъ же имѣвшее въ оныхъ сугубое намѣреніе замѣнено и удовлетворено быть можетъ, какъ къ скорѣйшему достиженію вожделѣннаго мира, такъ и къ учиненію онаго для переду прочнымъ и на обѣ стороны равноцѣннымъ.

Рѣшеніе на сей вопросъ долженствуетъ искомо быть въ инакомъ мѣстѣ, которое бы съ одной стороны соединяло въ себѣ нужныя для насъ естественныя способности, а съ другой—не встрѣчало отъ Порты Оттоманской непреоборимыхъ затрудненій, каковыя мы испытали въ разсужденіи Керчи и Еникаля, кои называетъ она ключемъ самаго Константинополя и всей его внѣшней безопасности. Для сего представляется замокъ Кинбурнскій, лежащій подлѣ Очакова и имѣющій изрядную пристань для судовъ нарочитой величины. Если оный намъ

отъ Порты уступленъ будетъ, то получимъ мы тутъ равный Крыму ключъ, каковой она сама для себя въ Очаковѣ сохранитъ, а сверхъ того естественную удобность установить тамъ рѣкою Днѣпромъ новый источникъ торговли изъ такихъ провинцій, гдѣ почти никакой теперь нѣтъ, слѣдовательно же и завести корабельную пристань безъ возбужденія ревности и подозрѣнія въ туркахъ. Вслѣдствіе всего того и представляется здѣсь всенижайше на монаршее благоизобрѣтеніе, не соизволено-ли будетъ опредѣлить, чтобъ во свое время, отступая отъ требованія Керчи и Еникаля, удовольствоваться напротиву уступкою намъ Кинбурна вмѣстѣ со всею землею по Бугъ рѣку, и съ тѣмъ еще, чтобъ взаимно и Порта Оттоманская оставила татарамъ всѣ крѣпости въ Крыму, въ Тамани и на Кубани съ назначенными для нихъ землями.

Симъ средствомъ можетъ повидимому безопасность татарской вольности наилучше установлена быть, ибо тогда Порта меньше причины къ зависти противу насъ, а потому и меньше поползновенія имѣть будетъ къ побужденію татаръ возвратиться по прежнему подъ ея верховную власть. По крайней мѣрѣ, происки ея не столь будутъ для насъ опасны, доколѣ Ногайскія орды могутъ удержаны быть въ нѣкоторомъ раздѣленіи отъ Крыма на нынѣшнихъ ихъ мѣстахъ, то есть на Кубанской степи, ибо Крымцы особенно отъ сихъ кочующихъ ордъ сами по себѣ весьма мало значатъ, напротивъ чего удержаніе за нами Керчи и Еникаля, тревожа, какъ уже теперь изъ опытовъ довольно видно, самихъ татаръ, заставило бы ихъ взаимно искать себѣ и турецкаго покровительства, дабы онымъ, если еще не больше, то по послѣдней мѣрѣ не меньше себя и отъ насъ ограждать, что, обоюдную ихъ по единовѣрію связь отъ часу болѣе утверждая, могло бы необходимымъ слѣдствіемъ обращаться намъ во всегдашнюю заботу и превеликія хлопоты и съ турками, и съ татарами.

Что принадлежитъ до требуемаго нами неограниченнаго кораблеплаванія, тутъ дѣлаютъ турки весьма осторожное различіе, дозволяя относительно до Бѣлаго моря всѣ тѣ выгоды и преимущества, каковыми въ ономъ другія дружественныя державы пользуются, а въ разсужденіи Чернаго ограничивая напротивъ плаваніе на одну торговлю и на одни торговыя суда безъ всякихъ пушекъ. Мы имѣли уже случай спознать на дѣлѣ, что упорность Порты Оттоманской въ семъ послѣднемъ случаѣ поставлена ею такимъ предѣломъ, коего она отнюдь преступать не можетъ, не подвергая себя явной опасности.

Въ самомъ дѣлѣ надобно признаться, что свойство Чернаго моря есть во всемъ отличное отъ всѣхъ другихъ морей, ибо оно со всѣхъ сторонъ окружено одними землями Порты. Итакъ, требованіе наше неограниченнаго по оному плаванія не можетъ отъ всякаго благоразумнаго турка инако принимаемо и толкуемо быть, какъ за точное при самомъ

постановленіи мира предъуготовленіе къ новой войнѣ, ибо нѣтъ здѣсь никакой другой державы, противу которой бы наше морское вооруженіе служить могло, слѣдовательно же и мѣста для употребляемой въ разсужденіи прочихъ морей обыкновенной отговорки, что осторожность моя относится къ третьему. А какъ съ другой стороны неоспоримая есть истина, что всякая держава вольна запирать и отворять свои порты военнымъ судамъ другихъ державъ, чему нынѣ Гишпанія ясный примѣръ свѣту показала, то и не можетъ по справедливости Россіи зазрѣно быть, если она въ поспѣшествованіе блаженнаго мира перемѣнитъ прежнее свое требованіе о неограниченной по Черному морю свободѣ кораблеплаванія своего въ одержаніе одного плаванія торговыми судами, совсѣмъ безъ пушекъ, или же съ опредѣленнымъ числомъ оныхъ, для взаимной салютаціи или для сигналовъ въ общественномъ плаваніи разныхъ судовъ, чѣмъ самымъ сугубо уже будетъ оправдано и четвертое изъ положенныхъ нами мирной негоціаціи началъ, чтобъ подданныхъ обѣихъ Имперій связать чрезъ безпосредственную торговлю узломъ взаимныхъ интересовъ и тѣмъ самымъ правительства ихъ привесть въ необходимость имѣть впредь вящее попеченіе о сохраненіи мира и тишины.

Тѣмъ не меньше однакожъ въ существѣ своемъ будетъ достигнуто намѣреніе наше о заведеніи на Черномъ морѣ военнаго флота одержаніемъ нынѣ при мирѣ одного торговаго плаванія, но съ тою разницею, что турки не будутъ уже имѣть предъ глазами устрашающаго ихъ пугалища, ибо въ случаѣ нужды наличныя торговыя суда могутъ весьма удобно въ военныя превращены, а сверхъ того и заводимыя въ Кинбурнѣ, Азовѣ и Таганрогѣ верфи для строенія оныхъ при самомъ ихъ началѣ такимъ образомъ учреждены быть, чтобъ онѣ годились впредь и къ строенію военныхъ кораблей и фрегатовъ, сколь скоро оные потребны будутъ. Сверхъ того, практическое познаніе сего моря чрезъ торговую навигацію послужитъ намъ къ избранію и употребленію въ случаѣ войны такого рода судовъ, какія по свойству тамошнихъ водъ и береговъ способнѣйшими быть, а съ готовыми при портахъ людьми весьма скоро въ отдѣлкѣ поспѣшать могутъ.

Изобразя все сіе на равное высочайшее осмотрѣніе Ея Императорскаго Величества, будетъ министерство ожидать монаршаго благоволенія и разрѣшенія на усматриваемые имъ облегчительные способы къ приведенію въ совершенство двоекратно уже разорванной мирной негоціаціи, съ тѣмъ, чтобъ теперь, опредѣля по соображенію извѣданныхъ склонностей Порты Оттоманской крайній ультиматъ нашихъ мирныхъ требованій и кондицій, распорядить по оному заранѣе, гдѣ надлежитъ, всѣ предварительныя мѣры, не открываясь однакожъ прежде времени содѣйствующимъ добрыми оффиціями дворамъ, а еще менѣе

самой Портѣ, въ послѣднихъ нашихъ мѣроположеніяхъ, но паче ожидая съ равнодушіемъ, какое дѣйствіе произведутъ новыя и согласныя въ Царьградѣ домогательства министровъ Вѣнскаго и Прусскаго, а особливо чинимое первымъ объявленіе о княжествахъ Молдавскомъ и Волошскомъ, яко оное при Портѣ сильную импрессію сдѣлать и ее къ ближайшимъ изъясненіямъ принудить долженствуетъ, къ чему ей, какъ видно изъ доношеній интернунція Тугута, предъ тѣмъ и съ стороны Прусскаго министра собою нѣкоторое внушеніе сдѣлано было, кое при умершемъ султанѣ неоднократно уже и разсматривано, а потомъ на разсужденіе къ верховному визирю отослано было.

А какъ нынѣ впрочемъ Вѣнскій дворъ, въ доказательство Ея Императорскому Величеству истинной своей склонности способствовать всѣми отъ него зависящими пособіями скорѣйшему возстановленію нашего съ Портою мира, рѣшился безъ всякаго затрудненія удовлетворить нашему желанію и сдѣлать ей требованную отъ насъ декларацію о княжествахъ Молдавскомъ и Волошскомъ въ такой силѣ, что оный, по причинѣ крайней упорности Порты ко всѣмъ нашимъ мирнымъ кондиціямъ, нашелъ себя напослѣдокъ принужденъ возвратить Ея Императорскому Величеству полученное отъ нея слово о княжествахъ Молдавскомъ и Волошскомъ, а потому и предать ихъ уже безъ всякаго съ своей стороны соучастія единому жребію оружія, если война далѣе продолжаться будетъ, то во взаимство сего важнаго снисхожденія и не допуститъ конечно собственная Ея Императорскаго Величества женерозность воспользоваться онымъ до того, чтобъ перемѣнить свое единожды Императрицѣ-Королевѣ данное обнадеживаніе въ такомъ пунктѣ, который по сосѣдству помянутыхъ княжествъ безпосредственно дотрогивается существительныхъ ея интересовъ, и для того всенижайше испрашивается, по предписанному о томъ князю Лобковичу домогательству, высочайшее повелѣніе сдѣлать чрезъ декларацію новое и секретное увѣреніе, которое и ему, князю Лобковичу, яко весьма усердному, благонамѣренному министру, при собственномъ его дворѣ въ знатную услугу сочтено быть можетъ.

2482) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Письмомъ изъ Берлина отъ $^{5}/_{16}$ Апрѣля 1774 г. посланникъ кн. Влад. Серг. Долгоруковъ просилъ Императрицу разрѣшить ему отпускъ къ водамъ для лѣченія до Октября.

Дозволяю.

Вслѣдствіе этой резолюціи, графъ Н. И. Панинъ, письмомъ отъ 29 Апрѣля 1774 г. извѣщая кн. Долгорукова о разрѣшеніи уѣхать въ отпускъ, предписывалъ ему передать дѣла Берлинской миссіи канцеляріи совѣтнику Мальцову.

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной Экспедиціи, № 349.

2483) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Графъ Петръ Александровичъ. Хотя мать, когда дѣтей своихъ сѣчетъ, тому радоватися не можетъ, но однакоже, дабы вы въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ въ состояніи нашлись опровергнуть всѣ вашимъ предстоящимъ военнымъ и мирнымъ дѣламъ вредные о Оренбургскомъ бунтѣ слухи, того для за нужно нахожу вамъ сказать, что вчерашній день я отъ г. генерала Бибикова получила извѣстіе, что 26 числа Марта ген.-м. князь Голицынъ въ сорока верстахъ отъ Оренбурга атаковалъ такъ называемую Татищева крѣпость, въ которой главный воръ заперся было съ нарочитымъ числомъ ему подобныхъ, оную занялъ, а воръ самъ-пять ушелъ паки къ Оренбургу, гдѣ взявъ изъ своего Бердинскаго гнѣзда остаточныхъ ему преданныхъ, побѣжалъ въ степь, князь же Голицынъ продолжалъ свой маршъ и совершенно Оренбургъ не токмо освободилъ отъ утѣсненія, но возстановилъ въ ономъ привезеннымъ имъ же провіантомъ во всемъ изобиліе, о чемъ Оренбургскій губернаторъ гднъ Рейнсдорпъ самъ письмомъ отзывается. Гднъ Бибиковъ къ сему прибавляетъ, что посланными партіями къ Уфѣ и къ Яику онъ надѣется очистить весь сей край отъ дальняго разбоя и на всѣхъ дорогахъ возобновить тишину и покой. Хотя не малое число что несущихъ воровъ [2]) переловлено, но нигдѣ ни малѣйшій слѣдъ не найдено, чтобъ между ими шатались какіе ни есть чужестранные, подобные тѣмъ, кои руководствовали возмущеньемъ нашей сосѣдней земли, да и изъ нашихъ не токмо чтобъ чиновный единый, но ниже ни одного порядочнаго человѣка нѣту, а сущая сволочь, въ невѣжествѣ, глупости и необузданномъ пьянствѣ погруженныхъ людей. Ко времени и кстати разрушается потѣха сія, произведя нѣсколько мѣсяцевъ сряду нѣкоторый родъ новой гордости въ ненавистникахъ славы Имперіи нашей. Сей день отправляются къ вамъ рѣшительныя на мирное дѣло повелѣнія; дай Боже, чтобъ вы предуспѣли доставить отечеству своему даръ толь драгоцѣнный перомъ или оружіемъ, въ чемъ теперь всю мою надежду на ваше искусство и испытанное благоразуміе и полагаю. Остаюсь, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Апр. 9-го ч. 1774 г.
изъ Села Царскаго.

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 3.

[2]) Что ни сущихъ воровъ?

2484) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 6 Апрѣля 1774 г.).

Нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву.

Рескриптомъ отъ 14 Февраля ввѣрили уже мы извѣданной вашей ревности рѣшительное производство мирной негоціаціи, а симъ въ препровожденіе нужной тому для васъ полной мочи хотимъ еще возвѣстить, что теперь, по всей вѣроятности, можетъ настоять удобнѣйшій моментъ для возобновленія оной. Съ одной стороны гласятъ всѣ Константинопольскія извѣстія, что новый султанъ, взявъ себѣ въ примѣръ время правленія султана Махмута, предалъ неограниченно всю власть свою верховному визирю, а съ другой—имѣемъ мы нынѣ отъ дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго сильнѣйшія обнадеживанія, что взаимные ихъ при Портѣ министры единодушно уже и съ оставленіемъ всякой между собой персональной зависти, общими силами стараться будутъ о исходатайствованіи того, чтобъ и заключеніе самаго мира оставлено было въ полную диспозицію и волю визиря. А какъ извѣстная сего министра склонность къ прекращенію войны долженствуетъ нынѣ усугубляться сущею для него надобностью самоличнаго въ Царьградѣ присутствія, къ упрежденію господствующихъ въ Сералѣ интригъ, гдѣ черные евнухи тщатся по своимъ видамъ держать султана взаперти и въ совершенномъ отъ дѣлъ удаленіи, то и можно не безъ основанія думать, что онъ, визирь, либо самъ охотно сдѣлаетъ съ своей стороны первое предложеніе о безпосредственной между вами негоціаціи, или же съ радостію ухватится за всякій поводъ, который вы ему отъ себя чрезъ какое-либо посредство преподадите съ свойственною осмотрительностію, вопреки высокомѣрнаго невѣжества турокъ. Мы въ семъ предположеніи наипаче утверждаемся потому, что Вѣнскій дворъ, для вящаго побужденія Порты, велѣлъ ей по требованію нашему объявить чрезъ интернунція Тугута, что онъ, видя упорность Порты противу всѣхъ нашихъ кондицій, принужденнымъ себя нашелъ возвратить намъ полученное отъ насъ слово о княжествахъ Молдавскомъ и Волошскомъ, слѣдовательно же и оставить ихъ отнынѣ при продолженіи войны единому жребію оружія.

Мы не сомнѣваемся, что теперь дѣйствительно уже сдѣлана такая декларація, а притомъ думаемъ, что она и подастъ миролюбивому

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Рус. Архивѣ 1879 г., кн. 10, стр. 140—144.

*

визирю достаточный и пристойный поводъ ко учиненію вамъ предложенія о вступленіи съ нимъ въ безпосредственную негоціацію, зная напередъ, что вы къ оной равномѣрно отъ насъ уполномочены.

Даруй Боже, чтобъ сіе скоро сбылось для пользы отечества и чтобъ руки ваши, лаврами увѣнчанныя, равномѣрно увѣнчались и вѣтвіями мира! А какъ между тѣмъ безпосредственная между вами и верховнымъ визиремъ негоціація не можетъ иначе происходить, какъ чрезъ письма и чрезъ пересылку людей, для чего опять не безполезно бы было согласиться вамъ обоимъ напередъ о сближеніи мѣстъ пребыванія вашего къ одному пункту, дабы между тѣмъ не столь много тратилось времени: то въ разсужденіи сего и желаемъ мы, чтобы вы тайнаго совѣтника Обрескова употребили при себѣ со всею у него находящеюся канцеляріею.

Когда дѣло при помощи Божіей дойдетъ у васъ до дѣйствительнаго трактованія съ верховнымъ визиремъ, тогда откроется сама по себѣ дорога, которою, примѣняясь къ его мыслямъ и желаніямъ, надобно будетъ начать негоціацію. Мы мнимъ однакожъ, что короче всего будетъ пойти съ пункта, гдѣ Бухарестскій конгрессъ остановился, утвердя напередъ всѣ тѣ статьи, кои на ономъ отъ взаимныхъословъ или дѣйствительно уже подписаны, или по крайней мѣрѣ въ существѣ своемъ одержаны были объявленнымъ согласіемъ рейсъ-эффендія.

Дѣйствительно подписанныхъ артикуловъ было десять, а именно: 1-й) о возстановленіи вѣчнаго мира и общей на обѣ стороны амнистіи взаимныхъ подданныхъ; 2-й) о Грузіи и уничтоженіи Портою навсегда дани христіанскими мальчиками и дѣвочками; 3-й) о Кабардахъ, съ предоставленіемъ хану Крымскому согласиться на уступку оныхъ Россіи; 4-й) о выдачѣ бѣглецовъ взаимныхъ; 5-й) о служителяхъ россійскихъ въ Константинополѣ будущихъ министровъ, какъ съ ними поступать въ разныхъ случаяхъ; 6-й) о совершенной по прежнему свободѣ въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ; 7-й) о содержаніи впредь нашимъ дворомъ при Портѣ министра второго ранга и объ опредѣленіи ему въ церемоніалѣ точнаго мѣста послѣ Римскаго Императорскаго интернунція; 8-й) о переводчикахъ, въ службѣ Россійскаго двора находящихся; 9-й) о неограниченной на обѣ стороны свободѣ заводить и строить въ своей сторонѣ всякія новыя селенія и крѣпости; а напослѣдокъ—10-й) о взаимномъ освобожденіи всѣхъ плѣнныхъ безъ изъятія, которое отъ турокъ по нашему требованію распространено на грузинцевъ и поляковъ.

Въ классъ соглашенныхъ пунктовъ принадлежатъ слѣдующіе: 1-й) объ уступкѣ Россіи Азова съ прежнимъ его уѣздомъ; 2-й) о политической и гражданской вольности Крымскихъ и другихъ татаръ

съ предохраненіемъ только правъ магометанскаго закона; 3-й) о дозволеніи воздвигнуть и имѣть въ Царьградѣ національную россійскую церковь подъ покровительствомъ нашего двора и его будущихъ при Портѣ министровъ; 4-й) о допущеніи россійскаго кораблеплаванія и торговли въ Бѣломъ морѣ со всѣми тѣми преимуществами, которыя тамъ другія дружескія великія державы имѣютъ; 5-й) о употребленіи при Африканскихъ варварскихъ правительствахъ для обезпеченія и для облегченія россійскаго мореплаванія тѣхъ же самыхъ средствъ, которыя употребляетъ у нихъ Порта Оттоманская въ пользу другихъ народовъ; а особливо—6-й) о присвоеніи впредь намъ свойственнаго на турецкомъ языкѣ титула: падишахъ, который по сю пору одни короли Французскіе у Порты одержать могли.

Изъ всего сего явствуетъ, какъ уже и самое теченіе дѣлъ наипаче удостовѣрительнѣйшимъ образомъ доказало, что вся трудность замиренія стала только на двухъ пунктахъ, то есть—на уступкѣ Россіи на Крымскомъ полуостровѣ Керчи и Еникаля съ ихъ уѣздами, да на безпрепятственной свободѣ всякаго кораблеплаванія по Черному морю.

Познавъ довольно, что турецкая претительность въ сихъ обоихъ пунктахъ непреодолима, ибо Порта поставляетъ ихъ для самаго бытія своего крайне предосудительными и опасными, рѣшились уже мы, для возвращенія отечеству драгоцѣннаго покоя и въ пресѣченіе дальнѣйшаго пролитія крови человѣческой, снизойтить какъ на ограниченіе кораблеплаванія по Черному морю, такъ и на оставленіе татарамъ Керчи и Еникаля, если Порта съ своей стороны согласится, признавъ единожды гражданскую и политическую ихъ вольность и независимость, доставить имъ равномѣрно безъ всякаго изъятія въ полную власть и владѣніе всѣ крѣпости въ Крыму, на Тамани и въ Кубани со всею землею отъ рѣки Буга по рѣку Днѣстръ, которая бы могла служить живою границею, если она въ то же время признаетъ для Имперіи нашей качество постановленнаго уже съ татарами ручательства ея въ пользу ихъ гражданской и политической вольности и независимости, съ принятіемъ на себя, буде похочетъ, равнаго обязательства, и если напослѣдокъ уступитъ она намъ, въ замѣну всѣхъ нашихъ толь великихъ и важныхъ уступокъ, городъ Очаковъ да замокъ Кинбурнскій съ ихъ окружностями и степью по Бугъ рѣку.

Весьма знаменитую оказали бъ вы намъ и отечеству услугу одержаніемъ въ полной мѣрѣ всѣхъ сихъ замѣнъ; но тѣмъ не меньше однакожъ, дабы послѣ нисколько уже не тратить времени въ перепискахъ, хотимъ мы начертать вамъ здѣсь и послѣдніе ихъ предѣлы. Вотъ оные: хотя одержаніе ручательства и доставило бы намъ отъ Порты самое ясное право вступиться послѣ за татаръ и ихъ

вольность, когда бы турки на оную покушаться стали, но мы не сдѣлаемъ однакожъ затрудненія жертвовать онымъ доставленію мира, еслибы, паче чаянія, встрѣтились тутъ отъ Порты неотвратимыя препоны, ибо съ другой стороны право наше въ семъ случаѣ будетъ *tacitement* утверждено самимъ мирнымъ трактатомъ, когда оный, а не другое какое постановленіе, существо татарской вольности и будущаго ихъ политическаго бытія опредѣлить имѣетъ, слѣдовательно же и будемъ мы отъ онаго имѣть справедливое право почитать всякую попытку вопреки оной за безпосредственное нарушеніе самаго мира. Сверхъ того, остается еще предъ нами во всей своей силѣ собственное обязательство татаръ, а по симъ обоимъ резонамъ и позволяемъ мы вамъ оставить въ молчаніи требованіе наше о признаніи Портою нашего ручательства, когда вы въ теченіе негоціаціи увѣритесь, что оное успѣху и совершенію ея препятствовать и вредить можетъ. Въ разсужденіи Очакова и Кинбурна со всею по Бугъ рѣку землею послѣдніе предѣлы намѣреній нашихъ позволяютъ снизойти до того, чтобъ: 1) въ случаѣ нужды требовать только испражненія и раззоренія Очакова, а 2) въ случаѣ крайней и такой уже необходимости, которая бы счастливое окончаніе мирной негоціаціи или новый ея разрывъ дѣлала отъ себя зависимою, оставить оный и туркамъ съ выговореніемъ для себя при Кинбурнѣ съ надлежащимъ къ нему округомъ всей, какъ выше сказано, степи по Бугъ рѣку.

Что до мореплаванія по Черному морю касается, тутъ, снисходя на турецкое требованіе, позволяемъ мы наименовать въ трактатѣ одно торговое на обѣ стороны съ равными для купеческихъ судовъ ограниченіями въ пунктѣ вооруженія ихъ, напр. до четырехъ или шести пушекъ, какъ для обыкновенной салютаціи, такъ и для сигналовъ въ морѣ, еслибы двумъ или тремъ судамъ вмѣстѣ плыть или же дорогою встрѣтиться случилось.

Начертавъ вамъ такимъ образомъ новыя отъ насъ блаженному миру преподаваемыя облегченія, считаемъ мы за нужно войти здѣсь отчасти и въ раздробленіе тѣхъ резоновъ, которые къ удостовѣренію Порты въ истинныхъ нашихъ намѣреніяхъ служить могутъ.

Не извѣстная ли правда, что всѣ наши по сю пору войны происходили по большей части за татаръ и отъ татаръ? Сама Порта довольно испытывала, да и неоднократно признавалась двору нашему, что не въ силахъ обуздать хищности и своевольства сего легкомысленнаго народа. Доколѣ продолжался между обѣими Имперіями блаженный миръ, не дозволяли мы себѣ къ обезпеченію и огражденію границъ нашихъ другихъ средствъ, кромѣ обыкновенныхъ и дружескихъ представленій Оттоманской Портѣ противу всякихъ отъ татаръ нарушеній добраго сосѣдства, хотя тутъ при каждомъ почти

случаѣ принуждены были довольствоваться одними извиненіями и тщетными для переду обѣтами турецкаго министерства. Но съ того времени, какъ война развязала и разрушила всю прежнюю политическую связь, заставило насъ наскучившее между тѣмъ въ непріятныхъ слѣдствіяхъ своихъ искусство стараться о изысканіи и опредѣленіи для переду совсѣмъ новаго образа и основанія будущему миру, дабы сохраненіе его сдѣлать совсѣмъ уже независимымъ отъ своевольства и дерзости наглыхъ татаръ. Благословеніе Всевышняго открыло намъ къ тому два пути, одинъ — совершеннымъ истребленіемъ татаръ силою оружія, которое по овладѣніи Крыма и состояло уже въ совершенной нашей волѣ, а другой—чрезъ превращеніе самаго бытія татаръ до такой степени, чтобъ сдѣлать изъ нихъ, вмѣсто народа хищнаго и хищностью своею доброе сосѣдство съ окрестными державами развращающаго, народъ къ тихому и порядочному общежитію способный, слѣдовательно же и не меньше другихъ интересованный съ своей стороны въ сохраненіи общаго мира. Свойственное сердцу нашему человѣколюбіе предъизбрало безъ всякаго размышленія изъ сихъ обоихъ путей тотъ, который сооружаетъ, а не разрушаетъ, блаженство цѣлаго народа, и для того рѣшились мы даровать всѣмъ вообще Крымскимъ и Ногайскимъ татарамъ вольность и постановить ихъ посреди обѣихъ Имперій барріерою, которая бы цѣлостью своею и ту и другую интересовала. Въ семъ то намѣреніи требовавъ отъ Порты подобнаго нашему признанія татаръ націею, въ гражданскомъ и политическомъ своемъ правленіи совершенно вольною и независимою, не сдѣлали мы напротивъ того затрудненія дозволить съ своей стороны султану въ разсужденіи ихъ всѣ тѣ духовныя права и преимущества, кои ему по магометанскому закону принадлежатъ, яко калифу и главѣ онаго. Въ нѣкоторое уравненіе сей толь важной поверхности султана надъ татарами, слѣдовательно же въ прочное навсегда утвержденіе ихъ гражданской и политической вольности, и наипаче въ пріобрѣтеніе такого пункта, отъ котораго бы взаимная торговля могла процвѣтать, а со временемъ бы и составить изъ себя для подданныхъ обѣихъ Имперій новый узелъ безпосредственной на обѣ стороны пользы ихъ и тѣмъ самымъ сдѣлать впредь сохраненіе мира и покоя больше важнымъ и больше нужнымъ въ попеченіи взаимномъ правительству, желали мы имѣть на Крымскомъ полуостровѣ требованныя нами мѣста Керчь и Еникале съ небольшою къ нимъ окружностью земли, дабы тамъ съ одной стороны учредить штапель торговли, а съ другой—также имѣть въ близости готовую для татаръ отпору, если бы паче чаянія покусилась когда ни есть Порта на ихъ вольность, подобно какъ она, на случай равнаго отъ насъ опасенія, имѣла бы въ своихъ рукахъ крѣ-

пость Очаковскую. Сверхъ того, Керчь и Еникале могли бы у насъ еще и къ тому сначала служить, чтобъ самихъ татаръ обуздывать, ежели бы они, до совершенной своей привычки къ вольности и къ новому образу житія въ корпусѣ независимой и соціальной націи, попустились, слѣдуя прежнимъ своимъ дикимъ нравамъ, на развратъ добраго сосѣдства въ границахъ нашихъ или же Порты Оттоманской, ибо мы безопасность и цѣлость оныхъ стали бы въ новомъ мирномъ положеніи поставлять наравнѣ съ безопасностью и цѣлостію собственныхъ нашихъ.

Несмотря на всѣ сіи ощутительные резоны, не удаляемся мы теперь однакожъ въ поспѣшествованіе блаженному миру жертвовать нашимъ требованіемъ Керчи и Еникале, буде только Порта взаимно согласится уступить намъ на вышесказанномъ основаніи Очаковъ и Кинбурнъ съ землею по Бугъ рѣку, въ чемъ ей, кажется, излишнихъ затрудненій дѣлать не для чего, когда мы ей въ замѣну возвращаемъ толикое множество столь знаменитыхъ завоеваній оружія нашего съ цѣлыми княжествами и провинціями, когда еще въ угодность ей снисходимъ на совершенное испражненіе Крыма съ предохраненіемъ надъ татарами магометанской духовной власти и когда опять уступка намъ Очакова и Кинбурна, вмѣсто всякаго интересамъ Порты предосужденія, можетъ принесть онымъ истинную пользу чрезъ совершенное удаленіе взаимныхъ границъ отъ безпосредственнаго сосѣдства, которое при всемъ попеченіи верховныхъ правительствъ бываетъ однакожъ часто по внезапнымъ и неудобоотвратимымъ случаямъ причиною непріятныхъ на обѣ стороны хлопотъ, а иногда самаго разрыва.

Буде сіи и другія отъ собственной вашей прозорливости преподаваемыя убѣжденія не возмогутъ преломить претительность турокъ въ разсужденіи Очакова, въ такомъ случаѣ съ уступкою намъ Кинбурна, требуя раззоренія сей крѣпости, можете вы далѣе приводить имъ въ обличеніе, что оставленіе одного и по себѣ въ существѣ маловажнаго города отнюдь не можетъ равновѣсить ижднвенію и опасности не только многихъ, но и одной кампаніи, когда притомъ Порта безъ войны можетъ возвратить себѣ въ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи толико важныхъ крѣпостей, а особливо Бендеры, которая намъ толь дорого стоила и, конечно, не дешевле того отъ насъ возвращена быть можетъ, если бы и обратилось сверхъ всякаго чаянія на турецкую сторону счастіе оружія, чего однакожъ Порта разсудительнымъ образомъ отнюдь предполагать не можетъ при всѣхъ выгодахъ настоящей нашей локальной позиціи и когда опять, по всей вѣроятности, всякое наше изъ оной впередъ движеніе долженствуетъ ей сугубо чувствительнымъ быть по всегдашнему приближенію къ

самой столицѣ ея, которая тѣмъ самымъ можетъ легко приведена быть въ пагубное волненіе, ежели не для самаго султана, по крайней мѣрѣ для министерства его.

Мы желаемъ, чтобы вы на сей чертѣ сколько можно долѣе держались и, конечно, до истощенія всѣхъ другихъ средствъ къ одержанію мира; но въ то же время не возбраняемъ вамъ поступить напослѣдокъ, при усмотрѣніи крайней необходимости, и на оставленіе туркамъ Очакова съ выговореніемъ для Россіи Кинбурна съ нѣкоторою окружностью и со всею по Бугъ рѣку землею. Резоновъ тутъ къ убѣжденію турокъ представляется собою множество, а главнѣйшимъ изъ нихъ должно почесть тотъ, что обѣ стороны будутъ имѣть равные ключи къ надзиранію за татарами и къ заведенію на обѣ стороны полезной торговли, которая сохраненіе мира можетъ впредь сдѣлать драгоцѣннѣйшимъ.

Сіи суть послѣдніе и отнюдь не преступаемые предѣлы нашихъ намѣреній. Съ полною довѣренностію ввѣряемъ мы ихъ извѣданному вашему патріотическому усердію и искусству, весьма не сомнѣваясь, что вы напряжете всѣ ваши силы къ одержанію по онымъ сколько можно большихъ выгодъ. Да будетъ вамъ впрочемъ въ семъ важномъ подвигѣ руководителемъ десница Всевышняго, наша же милость и благоволеніе будутъ возрастать по мѣрѣ усугубленія важныхъ и достопамятныхъ вашихъ отечеству услугъ, кои всегда въ памяти нашей невредимы пребудутъ.

Если по невозможности персональнаго вашего съ верховнымъ визиремъ свиданія повстрѣчаются въ соглашеніи и опредѣленіи всѣхъ частей и подробностей будущаго мирнаго трактата излишнія затрудненія, или же потеря времени, въ такомъ случаѣ лучше будетъ, по нашему мнѣнію, согласиться вамъ только въ самыхъ ясныхъ и точныхъ словахъ о прелиминаріяхъ и взаимно оные подписать, а потомъ одновременно и не описываясь сюда, уполномочить отъ себя въ какомъ либо мѣстѣ особенныхъ коммиссаровъ и велѣть имъ безъ дальнихъ отлагательствъ составить самый трактатъ по точной силѣ прелиминарныхъ артикуловъ, предоставляя на обѣ стороны подтвердить оный въ срочное время обыкновенными государей ратификаціями чрезъ взаимныя торжественныя посольства, кои въ предназначенномъ мѣстѣ размѣнены быть имѣютъ. Мы пребываемъ къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 10 Апрѣля 1774 года.

Екатерина.

2485) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 7 Апрѣля 1774 г.).

Нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву.

Когда уже другой сего отправленія рескриптъ совсѣмъ къ вамъ изготовленъ былъ, получили мы отъ васъ реляціи ваши подъ №№ 7 и 8, изъ которыхъ первою возвѣщаете вы намъ вновь полученное отъ верховнаго визиря письменное приглашеніе ко возобновленію мирной негоціаціи. Таковое событіе нашихъ гаданій и предположеній, кои по однимъ вѣроятности заключеніямъ исчисляемы были, приноситъ намъ тѣмъ вящее удовольствіе, что теперь сама собою отверзлась уже дверь къ безпосредственному вашему сношенію съ симъ верховнымъ министромъ Порты Оттоманской. Правда, достигнуто для насъ одержаніе сего поступка не общимъ еще домогательствомъ посредствующихъ дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго, на коемъ мы въ разсужденіяхъ нашихъ основывали здѣсь возможность и вѣроятность послѣдовавшаго нынѣ визирскаго отзыва, а по однимъ только сему общему ихъ домогательству предшествовавшимъ внушеніямъ и совѣтамъ Его Величества короля Прусскаго, яко взаимнаго обѣимъ Имперіямъ друга. Но сіе самое долженствуетъ усугублять надежду нашу въ желаемомъ успѣхѣ, ибо нельзя сомнѣваться, чтобъ теперь и Римскій Императорскій интернунцій Тугутъ не учинилъ при Портѣ всѣхъ ему отъ князя Кауница предписанныхъ шаговъ и чтобъ оные въ существѣ своемъ не послужили къ вящему побужденію турокъ на миръ. Для споспѣшествованія оному съ вашей стороны всѣми возможными удобностями желаемъ мы весьма, чтобъ вы возымѣли стараніе учредить отнынѣ съ находящимися въ Царѣградѣ министрами Вѣнскимъ и Прусскимъ безпосредственную корреспонденцію, сколько можно кратчайшимъ путемъ, въ чемъ вы ихъ обоихъ конечно готовыми найдете, для облегченія и изъятія изъ среды повстрѣчающихся препонъ, а наипаче для благовременнаго и надежнаго въ настоящую пору свѣдѣнія истинныхъ мнѣній и резолюцій Порты Оттоманской при каждомъ особливомъ случаѣ. Сами вы безъ сумнѣнія будете чувствовать всю надобность и всю пользу сего нашего предписанія, почему и пребываемъ мы увѣрены, что вы тутъ ни денегъ, ни труда не пожалѣете къ изысканію порядочныхъ и вѣрныхъ каналовъ, независимо отъ той способности, которую иногда отъ самого визиря взаимствовать можно

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Русск. Архивѣ 1879 г., кн. 10, стр. 144—146.

будетъ чрезъ употребленіе сего посредства для пересылки вашихъ писемъ къ Тугуту и Цегелину, яко министрамъ двухъ дружескихъ и обѣимъ сторонамъ добрыми своими оффиціями равно содѣйствующихъ дворовъ, а особливо, если бы вы теперь при началѣ негоціаціи могли доставить симъ министрамъ отъ себя съ довольною безопасностью нарочный цыфирный ключъ.

Между тѣмъ поставляемъ мы себѣ въ удовольствіе объявить вамъ, что учиненный вами верховному визирю предварительный отвѣтъ на его отзывъ лучше быть не могъ, и какъ съ одной стороны совершенно оправдаетъ проницаніе и благоразуміе ваши, коимъ мы окончаніе мирной негоціаціи съ полною довѣренностію поручили, такъ съ другой не оставилъ туркамъ мѣста къ возмечтанію, будто мы въ желаніи мира ихъ упреждаемъ по какой-либо необходимой надобности, и что потому имъ кондиціи свои еще болѣе прежняго напрягать можно.

Если на сей вашъ толь благоразумный и осмотрительный отвѣтъ послѣдовалъ донынѣ отъ визиря какой-либо новый отзывъ, то и могъ уже оный подать вамъ взаимно поводъ къ предварительному соглашенію объ образѣ и порядкѣ будущаго или и дѣйствительнаго производства мирной негоціаціи, а на послѣдній конецъ—къ учрежденію напередъ содѣйствующихъ оному мѣръ, какъ напр. чрезъ сближеніе къ одному пункту мѣстъ пребыванія вашего, дабы дѣло больше чрезъ пересылку повѣренныхъ людей, нежели чрезъ пересылку идти могло, ибо первое средство въ разсужденіи времени имѣетъ предъ вторымъ гораздо большія выгоды. Но всѣ сіи подробности и изысканія на мѣстѣ полезнѣйшихъ средствъ къ достиженію главной цѣли оставляя собственному вашему проницанію и испытанной вашей патріотической ревности къ службѣ нашей и отечеству, хотимъ мы здѣсь индиковать только тотъ, впрочемъ извѣстный, способъ, который съ турками предъ симъ часто сильнѣе и дѣйствительнѣе другихъ бывалъ. Мы разумѣемъ тутъ употребленіе знатной суммы денегъ, хотя до ста тысячъ рублей, къ пріобрѣтенію въ самой ставкѣ верховнаго визиря такого канала, который бы взялся за совершеніе мира на опредѣленныхъ отъ насъ новыхъ основаніяхъ оному. Мы уполномочиваемъ васъ чрезъ сіе на испытаніе онаго способа, если только оный въ существѣ съ видимою надежностью употребленъ быть можетъ; авось либо при ревностномъ вашемъ попеченіи и искусномъ управленіи откроется нынѣ чрезъ деньги таковая способность.

Ежели, напротивъ вышесказанному, останется верховный визирь съ своей стороны въ совершенномъ молчаніи послѣ вашего отвѣта, дабы по здѣшнему уже рѣшительному изъясненію, а не прежде, при-

ступить къ дѣлу, въ такомъ случаѣ надобно вамъ будетъ тотчасъ по полученіи сего отозваться къ нему въ слѣдующей силѣ: что вы, сколь скоро получили отъ него приглашеніе къ возобновленію мирныхъ договоровъ, тогда же и не оставили объ ономъ намъ донести; что вслѣдствіе того получили вы нынѣ, въ подтвержденіе прежде уже вамъ данной и ему визирю предварительнымъ вашимъ отвѣтомъ ознаменованной власти, новыя повелѣнія ко вступленію съ нимъ самимъ въ безпосредственную негоціацію и къ заключенію мира на выгодныхъ и сходственныхъ кондиціяхъ для обѣихъ Имперій; что вы потому представляете ему, какъ главному вождю войскъ султана, государя его, и верховному его министру, достаточною властію одѣянному, совершенную свою готовность начать и кончить съ нимъ въ равномъ вашемъ качествѣ главнаго уполномоченнаго вождя войскъ нашихъ толь нужное и спасательное мирное дѣло; что для вящаго оному поспѣшествованія предлагаете вы ему сблизиться взаимно и одновременно мѣстами пребыванія вашего къ одному пункту, дабы инако въ пересылкахъ одного къ другому напрасно время не тратилось; что сіе предая однакожъ совершенной его волѣ и благоизобрѣтенію, поставляете вы себѣ тѣмъ не меньше въ долгъ для учиненія дѣйствительнаго начала въ мирной негоціаціи возобновить ему въ памяти прежде отъ насъ положенныя будущему миру основанія, кои состоятъ: 1-е—въ уменьшеніи способности впредь къ разрыву постановляемаго трактата вѣчнаго мира и вѣчной дружбы; 2-е—въ доставленіи намъ справедливаго удовлетворенія за убытки войны, коего бы Порта конечно съ резономъ отъ насъ требовать могла и стала при счастливыхъ успѣхахъ оружія ея; 3-е—въ освобожденіи отъ порабощенія торговли и мореплаванія безпосредственною связью между подданными обѣихъ Имперій для вящей ихъ пользы и взаимнаго блаженства, дабы оными сохраненіе мира учинить тѣмъ полезнѣйшимъ и важнѣйшимъ для обоихъ народовъ, слѣдовательно же и тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ для управляющихъ дѣлами ихъ; что вы, повторяя нынѣ сіи основанія, несумнѣнно ожидаете отъ правосудія и прозорливости верховнаго визиря, что онъ равнымъ образомъ согласится признать и употребить ихъ къ учрежденію возобновляющейся негоціаціи, ибо они въ существѣ своемъ не иное что доказывать могутъ, какъ искренность и святость намѣреній нашихъ утвердить и обезпечить будущій нашъ миръ на общеполезныхъ и непоколебимыхъ правилахъ; что вы вслѣдствіе того для сокращенія взаимныхъ вашихъ трудовъ, слѣдовательно же и для выиграніе драгоцѣннаго времени, предлагаете ему принять за благо и рѣшительно подтвердить всѣ тѣ артикулы, кои на Бухарестскомъ конгрессѣ взаимными полномочными отчасти дѣйствительно подписаны, а отчасти соглашены были, тѣмъ наипаче, яко оный конгрессъ не раз-

рушенъ, а единственно обстоятельствами прерванъ, въ чемъ неложное свидѣтельство преподаетъ извѣстная при разъѣздѣ пословъ, ими заключенная и вами обоими ратификованная конвенція; что затѣмъ, какъ онъ, верховный визирь, совершенно уже свѣдомъ объ всѣхъ другихъ отъ тогдашняго посла нашего Обрескова рейсъ-эффендію на конгрессѣ учиненныхъ предложеніяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя по непріятію Порты сдѣлались причиною безплоднаго до времени пословъ разъѣзда съ сборнаго мѣста, а другія совсѣмъ почти безъ разсмотрѣнія и отвѣта оставлены были, то вы просите дружески его, верховнаго визиря, не какъ обыкновеннаго негоціатора, но какъ главнаго военнаго начальника, коему свойственнѣе есть идти къ желаемому предмету прямымъ кратчайшимъ путемъ, сообщить вамъ съ искренностію и довѣренностію, какъ примѣчанія его на тѣ пункты, кои не успѣли еще на конгрессѣ совсѣмъ очищены и опредѣлены быть, такъ и дозволяемыя нынѣ отъ Порты модификаціи вмѣсто не принятыхъ и теченіе негоціаціи прервавшихъ статей, ибо впрочемъ сама Порта давно уже признала справедливость требуемаго нами удовлетворенія; что вы, получая отъ него такое дружеское и откровенное, а не меньше и подробное изъясненіе, будете онымъ приведены въ состояніе взаимно ознаменовать ему съ равною искренностію и конечно съ не меньшею откровенностью тѣ способности, которыя вы съ своей стороны въ пользу мира преподать можете, слѣдуя человѣколюбивымъ нашимъ желаніямъ видѣть скорѣйшее прекращеніе въ пролитіи невинной крови; что такимъ образомъ обоимъ вамъ гораздо легче и свободнѣе будетъ, шествуя съ обѣихъ сторонъ равными шагами и съ равною довѣренностію другъ ко другу, каковая людямъ высокаго вашего званія прямо и приличествуетъ, достигнуть скоро къ желаемой цѣли и уравненіемъ предлагаемыхъ съ его стороны модификацій съ зависящими отъ васъ пособіями запечатлѣть и увѣнчать напослѣдокъ, при благословеніи Всевышняго, общіе ваши труды и подвиги миромъ, благости Его толь угоднымъ, а подданнымъ обѣихъ Имперій толь нужнымъ и равно для переду выгоднымъ.

Сей отзывъ вашъ откроетъ намъ, конечно, истинный образъ мыслей верховнаго визиря во всемъ его пространствѣ, или по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой его части, чего уже для васъ, какъ мужа прозорливаго и проницательнаго, на первый случай и довольно быть можетъ для опредѣленія, сколь далеко взаимная ваша откровенность простираться можетъ и какими опять впродолженіе переговоровъ нисходить степенями въ дозволенныхъ вамъ облегченіяхъ, примѣняясь къ большей или меньшей податливости верховнаго визиря, дабы у него сколько можно болѣе выторговать, не истощевая однакожъ втунѣ до конца персональной его къ миру склонности. Для сего весьма бы

полезно было благовременное и надежное познаніе тѣхъ предѣловъ, до которыхъ онъ относительно къ нашему удовлетворенію, къ татарской вольности и къ мореплаванію по Черному морю идти собою рѣшился, или же отъ Порты уполномоченъ. Пріобрѣтеніе такого знанія заслуживаетъ и дорогою цѣною куплено быть, почему мы васъ не меньше и тутъ уполномочиваемъ жертвовать по востребованіи обстоятельствъ знатною суммою денегъ, если только въ изыскиваемомъ каналѣ удобность и надежность достаточныя представляться будутъ.

Впрочемъ, повторяя здѣсь, что мы вамъ присвоиваемъ всѣ, прежде сего тайному совѣтнику Обрескову данныя повелѣнія и наставленія, поколику которыя изъ нихъ не отмѣнены нынѣ къ вамъ отправляемымъ рескриптомъ, касательно изъятія изъ среды встрѣченныхъ донынѣ главныхъ миру препонъ, пребываемъ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 10 Апрѣля 1774 года.

Екатерина.

2486) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 17 Февраля 1774 г. Отправлено 11 Апрѣля 1774 г.).

C'est avec autant de satisfaction que de reconnaissance que Sa Majesté Impériale a reçu les nouvelles assurances, qu'à l'occasion du changement arrivé sur le trône Ottoman Leurs Majestés Impériales et Royales lui ont fait donner par leur ministre le prince de Lobkovitz de leur désir constant de concourir au rétablissement de la paix entre elle et la Porte. Les dernières réponses de l'Impératrice sur l'objet de la pacification seront déjà parvenues à l'heure qu'il est à la connaissance de la cour Impériale et Royale, et on ne doute point, qu'en suite de la direction de son ministère son internonce à Constantinople ne soit en état d'appliquer au cas présent les vues et intentions de Sa Majesté conformèment au désir de Leurs Majestés Impériales et Royales. On est donc ici dans l'attente de l'effet que produira cette démarche. Mais Leurs Majestés Impériales et Royales rendraient un bon office plus marqué encore à l'Impératrice, si en montrant à la Porte l'irrégularité du gouvernement précédent dans la négociation de la paix, selon ce qui leur en est connu par la communication des papiers et journaux de l'un

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

et l'autre congrès, elles l'excitaient à reprendre la négociation du point où elle était parvenue avant les dernières propositions, si nouvelles et si absurdes, qui en ont occasionné la rupture, et qu'ainsi en admettant comme arrangé, ou à peu près tel, ce qui avait déjà été convenu entre les deux plénipotentiaires, la Porte sur le reste des conditions de la Russie proposât les modifications qu'elle jugerait lui importer d'obtenir. Il ne se présente point à l'esprit de moyen plus naturel et plus propre à accélérer la conclusion de la paix. Sa Majesté Impériale en est si persuadée qu'elle fera part confidemment à Leurs Majestés, et en cela elle croit leur donner une nouvelle preuve et de sa confiance, et de la conformité de ses sentiments aux leurs sur le rétablissement de la paix, qu'elle a fait parvenir l'instruction à son feldmaréchal le comte Roumiantsof, que si, vu la circonstance actuelle, il lui est fait quelque ouverture de paix de la part du visir, il ait à accepter le renouement de la négociation et à traiter directement avec lui, en lui prescrivant pour sa direction cette époque de la précédente négociation ci-dessus citée. Ce serait un acheminement à cette mesure, sans contredit la plus courte et la plus facile de toutes, qu'il fût insinué à la Porte de s'adresser par son visir au feldmaréchal de l'armée de Russie, démarche sur laquelle l'Impératrice s'en remet à l'amitié et aussi à la prudence et à la circonspection de la cour Impériale et Royale. Mais en faisant à Leurs Majestés une telle confidence des ordres déjà donnés de son côté, elle les prie instamment qu'il n'en puisse transpirer la moindre chose vis-à-vis de qui que ce soit, puisqu'il n'est que trop connu, combien la Porte est prompte et facile à s'enorgueillir et à hausser ses actions à proportion des dispositions pacifiques apperçues dans son ennemi, et que d'autre part il est tant d'envieux de la prospérité de la Russie, toujours prêts à se prévaloir de la moindre circonstance pour jeter du discrédit et de la défaveur sur ses affaires.

2487) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 10 Апрѣля 1774 г.).

Депеши вашего с—ва отъ 20/31 Марта, съ курьеромъ отправленныя, я исправно получилъ. Чѣмъ важнѣе оныхъ содержаніе и чѣмъ болѣе заслуживаетъ оно точнаго изслѣдованія въ своей достовѣрности, тѣмъ паче, по моей къ вамъ искренней дружбѣ и всегдашнему истинному почитанію, поставляю за долгъ сдѣлать вамъ, м. г. м., примѣчанія мои на сообщенныя вамъ піесы, изслѣдовая въ точности обстоятельства ихъ содержанія.

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

Во первыхъ, открывается мнѣ подлогомъ самый ключъ, коимъ написана депеша, Дюрану приписуемая. Вотъ какія неоспоримыя причины имѣю я къ сему подозрѣнію. Многія шифрованныя депеши, какъ предмѣстникомъ Дюрана, такъ и его самого, имѣю я уже разобранными, слѣдственно извѣстно мнѣ содержаніе оныхъ. Система цыфирныхъ ключей французскаго кабинета, стиль Дюрановыхъ депешъ и образъ его о вещахъ разсужденія—все оное совершенно разнствуетъ отъ депешъ, сообщенныхъ в. с—ву, и сію разницу здѣсь же изъясню вамъ подробнѣе.

Ключъ оный состоитъ изъ одного алфавета, слѣдственно есть простѣйшій и удобнѣйшій къ разобранію каждаго такъ, что не больше четверти часа потребно найти знаменованіе каждой цыфры, а потому уже и нигдѣ сей, такъ называемый литерный ключъ у европейскихъ дворовъ не употребляется. Система же цыфирныхъ ключей Французскаго двора, какъ мнѣ весьма извѣстно, состоитъ въ томъ, что каждая цыфра значитъ у нихъ нѣсколько слоговъ, а часто и цѣлое слово, особливо же каждое изъ тѣхъ именъ собственныхъ, кои чаще употребляются, имѣетъ свою цыфру. Словомъ, одинъ уже образъ шифрованія той депеши отъемлетъ всякое сумнѣніе, чтобъ ключъ ея не былъ подложно вымышленный.

Къ сему же еще присовокупить я долженъ вашему с—ву, что Дюранъ во всѣхъ своихъ депешахъ никогда не называетъ меня *Grand Chancelier*, да и Ея Величество не именуетъ никогда же *Sa Majesté Zarine*, какъ то въ сей депешѣ именуется, а онъ пишетъ просто: *Catherine Seconde*, иногда же иронически *Sa Majesté Impériale*.

Сверхъ того, стиль совсѣмъ не Дюрановъ. Ни оборотъ фразъ, ни экспрессіи отнюдь на его не похожи, да и образъ разсужденія совсѣмъ не его. Тутъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 2-го Февраля написано, что Пугачевское возмущеніе совсѣмъ погасло, но въ депешахъ истинныхъ того времени ко двору его, кои я разобранными имѣю, Дюранъ совсѣмъ не такъ судитъ объ ономъ дѣлѣ и считаетъ *весьма ложно* [1]), что оно произведетъ наиважнѣйшія слѣдствія.

Не взирая на сіи причины моего правильнаго подозрѣнія на подлогъ ключа, нельзя же себѣ представить, что извѣстный человѣкъ выдумалъ изъ своей головы всю связь тѣхъ депешей. Думать надобно, что онъ, бывая частно у принца Рогана и употребляясь при его канцеляріи, почерпнулъ много въ подложныя свои депеши изъ его разсужденій, изъ его отзывовъ, а можетъ быть и изъ чтенія переписки его съ французскимъ посломъ въ Царѣградѣ. Все оное безъ сумнѣнія заслуживаетъ того, чтобъ в. с—во постарались сей каналъ сберечь, и для того покорно прошу васъ, м. г. м., все то, что къ вамъ принесено отъ него до полученія вами сего письма, прислать ко мнѣ съ курьеромъ, и не подавая ему ни малѣйшаго повода къ догадкѣ о принятомъ на него правильномъ подозрѣніи, слѣдовать за нимъ безъ всякой огласки, а соображая мои сумнѣнія со всѣмъ тѣмъ, что отъ него выходитъ будетъ, размѣрять по тому и вашу съ нимъ коннекцію. Ваше с—во сами вѣдать изволите, что въ толь нѣжныхъ дѣлахъ, каковы политическія, ничего пренебрегать не надобно и что иногда обманщикъ самымъ обманомъ своимъ больше служитъ, нежели онъ самъ думаетъ. Оставляя оное дѣло на собственное ваше проницательное благоразуміе, пребываю и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 12 Апрѣля 1774 г.

---

[1]) Эти два слова вписаны Императрицею въ концептѣ письма собственноручно.

2488) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 2 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 15 Avril 1774.

Vous m'avez donné avis, M-r, par une lettre particulière de la proposition qui vous a été faite d'un emprunt pour le service de notre cour. Je ne négligerai point d'en faire usage, mais avant que je puisse vous procurer une résolution de Sa Majesté Impériale, il est besoin que nous sachions les conditions de la part des prêteurs. Un plan fourni de la nôtre pourrait ne se rapporter ni à leurs vues, ni à leurs facultés, parce que les besoins d'un état, quelques modiques qu'ils soient, sont souvent hors de proportion avec la fortune de particuliers, surtout ceux qui se présentent nous étant inconnus, nous ne savons sur quoi statuer pour la demande de la somme. Cependant tenez vos canaux ouverts et faites vous fournir un plan détaillé, que vous nous ferez parvenir, et si la chose a lieu, je n'omettrai rien pour vous en faire avoir tout le mérite qui vous en sera dû. Je suis avec la plus parfaite amitié etc.

2489) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

St.-Pétersbourg, ce 15 Avril 1774.

Je n'ai guère autre chose à vous marquer par ce courrier, mon cher ami, que l'arrivée de m-r Branicki. J'ai eu une visite de lui, mais dans laquelle il ne s'est encore agi que de choses générales. Il ne tardera probablement pas à nous faire l'ouverture de l'objet de sa mission, et aussitôt je vous en informerai par un courrier qui vous portera aussi quelques résolutions, dont vous avez besoin dans le courant de votre négociation. En attendant j'ai à vous observer, que comme le terme de votre prolongation de la diète va expirer et qu'il n'y a pas jour à ce que les affaires finissent pour ce temps là, il est de toute nécessité d'en venir à une nouvelle prolongation et vous avez déjà à vous pourvoir, vous et vos collègues, de moyens pour que cela se règle ainsi de bonne grâce entre vous et la diète. Je suis très fâché du contretemps de la nouvelle démarcation des deux autres cours, et je m'employerai aussi ardemment que vous pouvez bien le penser ou à ramener les choses à

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.
[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

leur état naturel, ou au moins à en sauver les plus grands préjudices. Dans le sentiment que je vous vois disposé à adopter sur cette affaire, je crois devoir m'ouvrir à vous, que loin que ce soit le Roi de Prusse à qui il faille en imputer la faute, elle est toute entièrement du côté des Autrichiens. J'ai eu l'assurance la plus positive de la part du Roi de Prusse de se renfermer dans les conventions, dès que les Autrichiens en feraient autant, et ceux-ci eux mêmes ne s'en seraient peut-être jamais éloignés ou s'y seraient laissés ramener, sans le voyage de l'Empereur sur les lieux. Dans tout ce que fait le Roi de Prusse aujourd'hui, croyez qu'il n'a d' autre but que de tenir en bride les Autrichiens et de vaincre leur opiniâtreté. Sans vous expliquer de ceci ni à aucun de vos collègues, ni à aucun polonais, tâchez cependant à modérer ces impressions défavorables contre un prince, allié si utile de notre cour, et du moins au moyen de ce que je viens de vous dire, retenez vous de penser comme les autres ni d'en laisser rien transpirer.

Comme le courrier que je vous envoie se trouvait pressé d'aller rejoindre son régiment, le motif de lui en faciliter les moyens a eu plus de part qu'aucun autre à son expédition.

Je profiterai des lumières que vous me donnez, mon cher baron, dans votre lettre que m'a remis m-r Boscamp, et vous prie au reste de me croire avec les sentiments de la plus parfaite amitié etc.

2490) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 3 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St-Pétersbourg, ce 16 Avril 1774.

Le nommé Luc Massalitinof, marchand russe, est celui, M-r, qui aura l'honneur de vous remettre cette lettre. Par les papiers et document qu'il vous produira vous serez informé, que se trouvant malheureusement à Mogilew au commencement des troubles de la Pologne, il y fut arrêté par les confédérés et dépouillé de tout ce qu'il avait, consistant en marchandises, lettres de change et argent comptant, le tout pour la valeur de 6789 r. La perte qu'il fit dans ce moment de sa fortune fut encore aggravée par la violence que lui firent les confédérés, en l'entrainant à leur suite, lié et garroté, jusqu'en Turquie, lorsqu'ils furent contraints de s'y réfugier, d'où il n'a pu revenir qu'à leur retour par la Hongrie, où il leur a échappé, et pendant toute cette détention il a été dans la plus grande misère et en butte à toutes les indignités qu'on

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

peut attendre d'une pareille bande. Il se rend actuellement à Varsovie pour tâcher d'obtenir un dédommagement, et c'est par ordre de l'Impératrice que je vous écris, M-r, de vous employer pour lui. Comme il n'y a d'autre moyen d'effectuer quelque chose en sa faveur, qu'en obtenant de la delégation qu'il vous soit remis, sur le produit de la confiscation générale qui s'exécute sur les confédérés contumaces, la somme à quoi monte la perte de cet homme avec une somme raisonnable pour les intérêts, vous ferez auprès d'elle les instances nécessaires à cet effet, en vous appuyant sur le droit de regard, que vous vous êtes réservé dans la disposition ultérieure de tous les biens séquestrés que vous avez remis aux mains de la république. Je vous invite ainsi, M-r, à faire tous vos efforts pour obtenir justice à un sujet de votre cour, qu'elle ne saurait priver de sa protection. J'ai l'honneur d'être etc.

2491) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 4 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 20 Avril 1774.

Le nommé Christophe Boni, Grec établi à Nijna, est celui, M-r, qui aura l'honneur de vous remettre cette lettre. Voici le fait qui le mène à Varsovie et sur lequel il vous produira les titres et documents nécessaires. Peu avant notre rupture avec la Porte il lui fut expédié de Constantinople par son neveu une partie de perles pour la valeur de 9726 r. Un des nos courriers fut chargé du paquet, mais ayant malheureusement donné dans une bande de confédérés, il fut volé, et quelques peines qu'on se donnât alors et qu'on s'était donné depuis, il n'a pu être obtenu ni restitution de la chose, ni dédommagement. Cette affaire est bien connue de m-r Aşch, à qui il fut donné ordre de s'en mêler, mais qui ne put rien obtenir. Aujourd'hui ce marchand se rend à Varsovie pour poursuivre son dédommagement, et c'est par ordre de l'Impératrice que je vous écris, M-r, de vous employer pour lui. Comme il n'y a d'autre moyen d'effectuer quelque chose en sa faveur, qu'en obtenant de la délégation qu'il vous soit remis, sur le produit de la confiscation générale qui s'exécute sur les confédérés contumaces, la somme à quoi monte la perte de cet homme avec une somme raisonnable pour les intérêts, vous ferez auprès d'elle les instances nécessaires à cet effet, en vous appuyant sur le droit de regard, que vous vous êtes réservé dans la disposition ultérieure de tous les biens séquestrés

[1]) М. Г. А. Польша, III. св. 37.

que vous avez remis aux mains de la république. Je vous invite ainsi, M-r, à faire tous vos efforts pour obtenir justice à un sujet de votre cour, qu'elle ne saurait priver de sa protection. J'ai l'honneur d'être etc.

2492) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

St. Pétersbourg, le 26 Avril 1774 (писано въ шифрахъ).

По написаніи сегодняшняго моего къ вашему с-ву письма, Ея Императорское Величество, призвавъ меня къ себѣ, изволила приказать къ вамъ съ нарочною штафетою отписать, чтобъ упоминаемаго въ цыфирномъ письмѣ вашемъ отъ 13-го Апрѣля по новому стилю камердинера, принадлежащаго полковнику Анжели, постарались вы сюда прислать хоть съ вашимъ курьеромъ, обнадеживая его, если надобно будетъ, и именемъ Ея Императорскаго Величества, что ему ничего предосудительнаго здѣсь воспослѣдовать не можетъ, а напротивъ того, ожидать онъ можетъ всякой милости. Исполняя симъ, нимало не мѣшкая, высочайшее повелѣніе Ея Величества, буду ожидать и съ вашей стороны равнаго же посему исполненія и въ свое время вашего увѣдомленія.

2493) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 6 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [2]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Съ удовольствіемъ усмотрѣли мы изъ реляціи вашей отъ 29 Марта о пораженіи и прогнаніи изъ орды Эдиссанской нареченнаго со стороны турецкой Калгою Шабазъ-Гирей-султана съ его противнымъ скопищемъ. Добрыя распоряженія, въ семъ случаѣ учиненныя находившимся при главномъ Ногайскомъ начальникѣ Джанъ-Мамбетъ-беѣ подполковникомъ Бухвостовымъ, и неустрашимость его, при обстоятельствахъ толико нужныхъ оказанная, по справедливости заслуживаютъ монаршее наше благоволеніе, и о чемъ вы ему объявите, выдавая по вашему представленію и командѣ, въ сраженіи подъ его предводительствомъ бывшей, по одному рублю на человѣка; впредь же подобныя поощренія, когда за нужно признаете, можете вы, по власти, врученной вамъ, военачальства верховнаго, дѣлать уже и собственнымъ вашимъ опредѣленіемъ, довольствуясь только доносить сюда для извѣстія.

---

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

[2]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

Мы согласны и въ томъ съ вашимъ разсужденіемъ, что начальникамъ татарскимъ и черни, содѣйствовавшей подполковнику Бухвостову, не пристойно будетъ также раздѣлить нѣкоторую сумму; но какъ здѣсь неизвѣстно ни о числѣ татаръ, въ сей подвигъ себя употребившихъ, ни о тѣхъ уваженіяхъ, какіе изъ ихъ начальниковъ одного передъ другимъ, по состоянію каждаго и по мѣрѣ оказаннаго къ сторонѣ нашей доброжелательства, больше или меньше достойнымъ дѣлаютъ награжденія, то дабы по извѣстному ихъ корыстолюбію не произвесть между ними зависти и рвенія и самаго неудовольствія, могущаго ихъ поощрить на противныя поползновенности, и остается вамъ на мѣстѣ разсмотрѣть и сюда представить о количествѣ денегъ, къ удовлетворенію ихъ алчности достаточнымъ быть могущемъ, и какимъ образомъ при раздачѣ оныхъ и поступлено быть имѣетъ, чтобъ легкомысленные татары тѣмъ больше подтвердились въ своей къ намъ придержности. А между тѣмъ, сіе необходимое отложеніе не воспрепятствуетъ вамъ обнадежить ихъ и нынѣ вообще всѣхъ монаршею нашею милостію, а нѣкоторымъ изъ ихъ начальниковъ, буде заблагоразсудите, сдѣлать и награжденіе умѣренное по вашему разсмотрѣнію.

Весьма намъ пріятно, что находящійся подъ нашимъ покровительствомъ дѣйствительный Калга-султанъ Крымскій Шагинъ-Гирей продолжаетъ сообразоваться всѣмъ нашимъ о татарахъ видамъ, представивъ себя готовымъ и къ отъѣзду въ орды Ногайскія. Надлежитъ съ основаніемъ ожидать, что бытностью его тамъ уменьшатся или совсѣмъ можетъ быть пресѣкутся всѣ татарскія колебленности и соблазны, непріятелемъ производимые. Пускай онъ, Калга-султанъ, по гаданіямъ вашимъ будетъ искать сдѣлаться наконецъ и ханомъ Крымскимъ, на мѣсто своего брата, неспособнымъ оказавшагося по многократнымъ испытаніямъ для сего властелинства и покровительства нашего недостойнымъ. Мы, судя по твердости его, Калги-султана, и благоразумію, а паче по господствующей въ немъ любочестія страсти, предполагаемъ, что онъ будетъ такимъ ханомъ, какой при настоящемъ дѣлъ состояніи можетъ наилучше отучить татаръ отъ привычки рабства и дать имъ восчувствовать безгрѣшность политической независимости, при всей ихъ къ магометанскому закону преданности, и колико имъ и союзъ нашей Имперіи всегда полезнымъ будетъ. Со всѣмъ тѣмъ не можемъ мы однако же въ такомъ его искательствѣ, несмотря на наше къ нему благонамѣреніе, явнымъ образомъ пособствовать, послѣ того какъ мы наше Императорское слово обязали никогда не вступаться во внутреннія свободной татарской области распоряженія, а оставить оную подъ собственнымъ ея верховнымъ начальствомъ и управленіемъ. Итакъ, на учиненный вами вопросъ, повелѣно-ли

будетъ нашимъ войскамъ, для безопасности Калги-султана опредѣляемымъ, доходить до Тамани, соглашаясь онъ до сего мѣста проникнуть при удачныхъ происшествіяхъ, а вы съ стороны вашей по его предпріимчивости и ожидаете, что онъ, по вступленіи своемъ въ орды Ногайскія, тотчасъ начнетъ себѣ пріуготовлять путь и къ ханству, склоняя предпочтительно всѣ мѣры къ сему вожделѣнному для него предмету, содержитъ достаточное наставленіе по обстоятельству Таманской крѣпости, теперь еще въ непріятельскихъ рукахъ находящейся, отправленный къ вамъ предъ симъ рескриптъ нашъ отъ 19 Марта, которымъ препоручено произвесть поискъ противъ Эдишкульскихъ татаръ, отъ нашего союза отпадшихъ, распространяя военныя дѣйствія при открывающейся удобности и до всѣхъ прочихъ народовъ, за Кубанью живущихъ, Портѣ Оттоманской преданныхъ, и до самаго гнѣздилища подосланныхъ отъ нея развратниковъ; почему и чинимое Калгѣ-султану со стороны нашей пособіе къ исторженію изъ рукъ непріятельскихъ Таманской крѣпости не только показаться долженствуетъ, но и въ самомъ дѣлѣ быть имѣетъ слѣдствіемъ войны продолжающейся, хотя онъ тѣмъ самымъ и будетъ себя пріуготовлять къ достиженію своихъ желаній въ разсужденіи верховной власти въ области татарской; напротивъ же того всѣ непосредственныя къ тому мѣры и распоряженія единственно уже отъ собственныхъ его стараній, подвиговъ и удачи въ соглашеніи татаръ Ногайскихъ и Крымскихъ на свое избраніе зависимыми да будутъ, а вы въ сіе, для нашей Имперіи по наружности дѣло постороннее, явно и мѣшаться не имѣете, и о чемъ и самого его Калгу-султана въ случаѣ, того требующемъ, искуснымъ образомъ увѣдомить не оставите, со изъясненіемъ тѣхъ основаній, кои дворъ нашъ къ подобному поведенію непремѣнно обязываютъ.

Представленіе ваше о могущей быть неудобности изъ дальнѣйшей бытности полковника Стремоухова въ ордахъ Ногайскихъ въ такое время, когда при Калгѣ-султанѣ имѣетъ находиться особенный приставъ, и чтобъ онъ, Стремоуховъ, оттуда былъ отозванъ, мы тѣмъ больше пріемлемъ и дѣйствительно исполнить вамъ поручаемъ, чѣмъ и повелѣніе наше предъ симъ послѣдовало объ оставленіи его между татаръ на первый только случай пріѣзда Калги-султана съ своимъ приставомъ для поданія сему послѣднему потребныхъ увѣдомленій, будучи притомъ свойственно, чтобъ вы, какъ главный вождь и начальникъ силъ нашихъ, назначенныхъ къ сохраненію Крымскаго полуострова и всѣхъ татаръ отъ сложенія съ непріятелемъ, употребляли людей по ближайшимъ вашимъ способности каждаго усмотрѣніямъ.

Наконецъ, можете вы равнымъ образомъ, соображаясь съ обстоятельствами наступающей кампаніи, приказать порученной вашему

предводительству арміи производить и движенія, какія въ пользу службы нашей надобными и полезными признаете, не озабочиваясь настоящимъ карантинныхъ заставъ расположеніемъ, которыя въ такомъ случаѣ имѣетъ переводить генералъ-маіоръ Шиповъ въ другія мѣста по вашему требованію, и о чемъ нынѣ же и ему дано наше повелѣніе, въ томъ совершенномъ удостовѣреніи къ вашему раченію и къ вашему усердію, что нужная предосторожность отъ опасной болѣзни всегда и притомъ однакоже наилучшимъ образомъ продолжаема будетъ. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 28 Апрѣля 1774 года.

Екатерина.

2494) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ ДАНЦИГѢ ГРАФУ И. А. ГОЛОВКИНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 1 Мая 1774 г.).

Tous vos rapports jusqu'à ce jour, M-r, ne nous montrent aucune issue à l'objet de votre commission. Il est temps de mettre fin à des ménagements et à une patience de notre part, dont la ville de Dantzig se rend plus indigne chaque jour. Il cesse d'être décent, que la cour tienne un commissaire sous le nom de médiateur pour être simplement témoin oculaire des manèges et des intrigues d'un petit peuple bourgeois, qui tient à honneur de rompre en visière deux grandes puissances. Je vous envoie par ordre de l'Impératrice une déclaration, que vous aurez à remettre à la ville et que vous lui annoncerez comme le dernier mot qu'elle entendra de votre part, et de fait, si le magistrat ne prend pas d'abord sa résolution d'entrer en négociation sur le principe de la reconnaissance du droit territorial du Roi de Prusse et du droit de construction pour la ville, vous n'avez plus rien à faire; vous suspendrez toute activité dans votre médiation et vous en rendrez compte ici, afin qu'aussitôt je vous fasse parvenir l'ordre pour votre retour.

Mais s'il arrive contre mon attente que cette déclaration rompe l'opiniâtreté des Dantzicois, pressez les d'abord de mettre la main à l'oeuvre et redoublez d'instance et de vigueur pour entraîner les choses

---

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 9, и Данцигъ, III, св. 1.

à un accommodement; faites les marcher droit dans leurs propositions, et que la moindre ombre de complaisance de votre part ne les laisse pas retourner à ces fauxfuyants, dont ils ont amusé si longtemps le tapis. Pour cet effet prenez à tâche de ne laisser jamais sans réponse verte et vigoureuse tout ce qui vous paraîtra de hazardé, d'irrégulier et d'inconséquent de leur part. Ces gens, tout dans la presse qu'ils sont, s'enorgueillissent comme d'un triomphe, que le dernier mot leur reste, et c'est ce dont je me suis aperçu plus d'une fois. Surtout tenez vous en garde contre le caractère faux et rusé de leur bourguemestre actuel Weickmann et ayez l'oeil sur tous ses manèges, car je le regarde comme le mobile et l'arcboutant de toutes les manoeuvres de ses compatriotes. Je suis avec une considération particulière etc.

St.-Pétersbourg, ce 3 Mai 1774.

Проектъ декларацiи русскаго двора магистрату города Данцига.

(Апробована Ея Императорскимъ Величествомъ 1 Мая 1774 г. Приложена къ письму гр. Панина къ повѣренному въ дѣлахъ въ Данцигѣ гр. И. А. Головкину отъ 3 Мая 1774 г.).

Projet de déclaration.

L'Impératrice ma Souveraine ne peut supporter plus longtemps, sans que sa dignité s'en offense, la conduite double et artificieuse, par laquelle la ville de Dantzig s'opiniâtre à éluder tout accommodement entre elle et la cour de Berlin. Il y a longtemps peut-être, qu'elle aurait dû laisser à l'abandon que méritent ses menées indécentes, une communauté qui méconnait autant ce qu'elle est, que ce qu'elle doit à la puissance qui a daigné s'intéresser à ses affaires. Sa Majesté Impériale ne consommera point l'aveuglement, où ont jeté et retiennent la ville de Dantzig les conseils sinistres qui l'ont abusée de l'espérance de jouer un rôle important à la faveur des troubles qu'elle exciterait entre de grands états, en laissant subsister une médiation, sous laquelle elle pensera toujours se réfugier, quelque écart qu'elle se soit permis. C'est donc pour la dernière fois que je parlerai à de tels esprits et que je m'efforcerai de vaincre leur opiniâtreté. A cette fin et pour manifester, que les vues et les démarches de ma cour dans cette affaire n'ont été susceptibles d'aucune variation, je reprends et propose tout de nouveau, mais pour la dernière fois, les principes sur lesquels a dû se faire, selon l'équité et

le sentiment de ma Souveraine, l'arrangement de la ville et de Sa Majesté Prussienne. L'Impératrice a vu une collision d'intérêt entre le Roi son allié et la ville qu'elle protège, à raison d'un droit qui compétait à chacune des deux parties. Le terrain, dans lequel est creusé le canal nommé Fartwasser, appartient incontestablement à l'abbaye d'Oliva, ce que dépose et atteste autentiquement le bail emphythéotique passé par cette abbaye à la ville de Dantzig, sur lequel aucune déduction de chicane ne parviendra jamais à dénaturer la vérité. Le droit territorial actuellement dévolu au Roi de Prusse, comme seigneur d'Oliva, n'est ni moins évident, ni moins incontestable. La ville de Dantzig a fait la dépense des travaux du canal, et ce droit qui en résulte pour elle, tout inférieur qu'il est par sa nature à celui de la propriété du fond, on l'a élevé jusqu'à une sorte de parité avec celui-là, en consentant entre ces deux droits une sorte de balance et de compensation. C'est Sa Majesté Impériale qui rendait ce bon office important à la ville et qui mettait en avant vis-à-vis du Roi son allié, comme un des principes de l'arrangement, cette reconnaissance du droit de construction, ainsi que le droit de propriété en formait déjà nécessairement un de l'autre part. Ces deux principes établis, à quoi se réduit la négociation? A ce que la ville de Dantzig, reconnaissant la propriété ou droit territorial du Roi de Prusse, s'assure à des conditions raisonnables la jouissance de son ouvrage du port, fait sur le fond d'autrui; nul autre chemin que celui-là. C'est celui que je lui ai indiqué dès l'ouverture de ma commission, celui où j'ai constamment cherché à la ramener de tous ces sentiers sombres, où perpétuellement elle s'égarait, et celui enfin, où pour la dernière fois je l'exhorte à marcher, mais de bonne foi, sans biaiser ni tourner la tête vers d'anciennes illusions, qui lui seront fatales. Si la ville de Dantzig écoute une fois la raison, son intérêt essentiel et son seul moyen de conservation, qui ne peut se trouver que là où je le lui montre, si elle veut négocier sincèrement sur ces deux principes que je lui ai constamment mis sous les yeux et que je lui propose encore, je continue à être médiateur et je la servirai comme ministre d'une Souveraine, qui ne se retire que malgré elle d'un champ où elle peut empêcher le mal. Mais si son aveuglement est tel qu'elle ne tienne compte de cette exhortation, je déclare que ma commission est finie et que l'Impératrice ma Souveraine abandonnera la ville à elle même et qu'elle n'aura plus ni médiation ni protection à attendre d'elle.

Fait à Dantzig, le 1774.

2495) ПУНКТЫ ИНСТРУКЦІИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ФЛОТОМЪ ВЪ АРХИПЕЛАГѢ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ, СООБЩЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКОМУ МИНИСТРУ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ДЮРАНУ [1]).

(Апробованы Ея Императорскимъ Величествомъ въ Царскомъ Селѣ 2 Мая 1774 г. Сообщены французскому министру Дюрану 8 Мая 1774 г.).

1.

Корабли Ея Императорскаго Величества, распредѣленные по разнымъ станціямъ для примѣчанія и пресѣченія непосредственныхъ непріятельскихъ коммерціи и навигаціи, не будутъ чинить никакого препятствія и никакого вреда коммерціи и навигаціи нейтральныхъ державъ; но, напротивъ того, будутъ подавать судамъ сихъ державъ въ случаяхъ всякую помощь и покровительство, то есть такимъ, коихъ паспорты, морскія письма и свидѣтельства будутъ найдены, по принятому общему обряду, въ настоящей и должной формѣ.

2.

Изъ сей общей свободы коммерціи и навигаціи нейтральныхъ державъ исключаются по справедливости всѣ товары, почитаемые контрабандою или запрещенными въ военное время, такъ какъ они и почитаются и принимаются за таковые по обрядамъ и общимъ народнымъ конвенціямъ, то есть: огненное оружіе, пушки, бомбы, ракеты и все то, что къ онымъ принадлежитъ; всѣ вещи, начиняемыя порохомъ, пушечный порохъ, фитиль, ядра, штыки, шпаги, дротики, копья, алебарды, мортиры, петарды, гранаты, селитра, ружья, пистолеты, пули, каски, каскеты, панцыри, кирасы и подобныя орудія, служащія къ вооруженію солдатъ; перевязи, олестры, лошади со всею ихъ сбруею и всѣ военные инструменты, какіе бы то ни были. Равнымъ образомъ нейтральныя суда не должны браться за перевозку непріятельскихъ людей изъ одного въ другое мѣсто для службы непріятельской. Господинъ главнокомандующій будетъ строго наблюдать и повелитъ всѣмъ командирамъ и другимъ офицерамъ, находящимся въ его командѣ, тоже чинить, чтобъ не были производимы никакая коммерція помянутыми товарами и вещьми и перевозка непріятельскихъ служивыхъ людей, какъ весьма предосудительныя войнѣ, продолжающейся между Ея Величествомъ и Портою.

---

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 18, и Франція. IV, св. 1.

3.

Когда флотъ Ея Императорскаго Величества, или эскадра отъ онаго, будутъ посланы нынѣ въ какую-нибудь экспедицію противъ какого острова, или мѣста, или берега областей непріятельскихъ, то тогда во все то время, сколько помянутая экспедиція ни продолжится, всякая коммерція нейтральныхъ націй съ помянутымъ островомъ, или мѣстомъ, или берегомъ долженствуетъ прекратиться безъ всякаго тутъ различія между запрещенными и незапрещенными товарами. Все то, что только служитъ къ пищѣ, одеждѣ или содержанію непріятельскому во время такового предпріятія, осады и сдѣланной противу его блокады, почитается не меньше контрабандою на помянутый особенный случай, равно какъ и всѣ вещи, вообще принадлежащія и служащія къ непосредственному употребленію войны.

Сообщая выше объясненные пункты г. полномочному министру, по желанію, изъявленному имъ именемъ двора своего, удостовѣрены въ томъ, что польза изъ того произойдетъ такая, каковую полагали быть при требованіи оныхъ, то есть, чтобъ установить совершенное согласіе между поведеніемъ кораблей Ея Императорскаго Величества и предосторожностями, кои долженствуютъ наблюдать по правамъ французскіе мореплаватели. Удостовѣряются въ томъ, что для сего самаго повелѣно будетъ нарочно симъ послѣднимъ оставить производство всякой незаконной коммерціи, уважать по правамъ обстоятельства настоящей войны, оставляя всякую коммерцію съ такимъ или такимъ островомъ, мѣстомъ и берегомъ, не вступать ни въ каковую перевозку войскъ для непріятеля и не позволять себѣ чинить никакихъ ухватокъ для скрытія свойствъ товаровъ, равно какъ и употребленіе двойныхъ писемъ, свидѣтельствъ и фактуръ, служащихъ къ произведенію сомнѣнія о ихъ принадлежности и тѣмъ самымъ къ заведенію между ними и кораблями Ея Императорскаго Величества затрудненій и непріятныхъ хлопотъ. Въ разсужденіи сего полагаются съ довѣренностію на справедливость Французскаго двора и льстятся, что онъ не откажется сообщить Россійскому двору тѣ повелѣнія, которыя онъ нашлетъ въ свои адмиралтейства относительно до сего вида обоихъ дворовъ, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній о взаимномъ производствѣ военныхъ дѣйствій и навигаціи ихъ подданныхъ, слѣдовательно для предупрежденія всякой причины, служащей къ холодности между оными.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

6 Мая 1774 г.—о дѣйствіяхъ русскаго флота въ Архипелагѣ. Напечат. въ Сборникѣ, т. I, стр. 96—97, и въ Рус. Архивѣ 1879 г., кн. 10, стр. 146—147.

2496) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ въ Царскомъ Селѣ 5 Мая 1774 г.).

Monsieur mon frère. Je ne veux point tarder à faire connaître à Votre Majesté, combien je suis sensible à la confiance qu'elle m'a témoigné mettre en mon amitié dans la lettre que le comte Branicki m'a présentée de sa part. C'est avec une pareille satisfaction que je vois la nation polonaise se montrer animée du même sentiment, et je puis assurer, comme la vérité la plus positive, que si précédemment elle eût ainsi répondu à mes intentions toujours bonnes et désintéressées pour elle, elle se serait épargné tous les malheurs qu'elle a à souffrir; mais le mal est fait, et il ne dépend pas de moi de le réparer. Tout ce que ma bonne volonté peut se proposer, est d'empêcher qu'il ne s'étende et qu'il ne soit aggravé par de nouvelles disgrâces, et c'est à quoi je me porterai avec affection par tous les moyens qui seront en mon pouvoir et dans la nature des circonstances. Votre Majesté sentira bien, que ces dispositions, toutes sincères qu'elles sont, ont besoin pour se soutenir et pour produire quelque effet, qu'elle même et sa nation persistent dans les sentiments que m'exprime sa lettre et que le comte Branicki m'a attestés de vive voix, et j'attends encore que la cour de Varsovie, qui met sa confiance actuelle en la mienne, ne précipitera rien et ne se jettera point dans des mesures et des vues politiques, dans lesquelles je ne pourrai entrer ni que je ne pourrai concilier avec le système de mes alliances. Cette lettre au reste ne sert qu'à assurer Votre Majesté et sa nation de l'état où me trouve relativement à leurs intérêts la démarche qu'elles font vers moi et leur recours à mes bons offices. Quant à l'objet même de la mission du comte Branicki, aussitôt que les affaires auront été digérées et mises en état de résolution, je le ferai munir de telles réponses que comporteront et mes bonnes intentions pour la république, et les moyens aperçus de les lui rendre utiles. Dès à présent je souhaite que le succès réponde à mon affection sincère pour la nation polonaise et à la parfaite amitié, avec laquelle je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, amie et voisine.

A Tsarskoé Sélo,
ce 6 Mai 1774.

(Вручено графу Браницкому для доставленія того жъ числа).

[1]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.

2497) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [1]).

Sire. Mon attachement respectueux et qui ne s'est jamais démenti pour la personne de Votre Majesté n'est pas moins agréablement flatté qu'honoré de la confiance, que sa lettre m'assure qu'elle veut bien me continuer. Le comte Branicki ne peut se méprendre à la vérité de mes sentiments, et j'attends de lui toute justice auprès de Votre Majesté. Si les règles que les circonstances m'ont tracées comme ministre se sont trouvées en opposition avec son intérêt et celui de sa nation, j'ose assurer que l'inclination et le zèle qui m'ont toujours porté vers l'un et l'autre, n'en ont point été altérés et que l'état le plus naturel pour moi est d'en pouvoir suivre l'impression. Je crois que le comte Branicki éprouve qu'à titre d'homme de confiance de son Roi et de sa nation, il y a ici plus d'agrément pour lui et de facilité pour sa commission que s'il négociait avec éclat et l'appareil d'un caractère public, et cette considération prévue, jointe aux embarras de l'étiquette de notre cour, nous ont fait convenir, lui et moi, avec la permission de l'Impératrice, qu'il ne déploierait point le sien. Il aura rendu compte à Votre Majesté de la façon dont il a été reçu, et ce qu'il a été en état d'avancer se trouve confirmé par la lettre de Sa Majesté Impériale. Personne ne voit avec autant de satisfaction que moi ce premier point, que Votre Majesté a désiré, obtenu, l'assurance des sentiments de ma Souveraine. Je souhaite bien vivement, que les choses puissent se compasser de façon à lui donner pareil contentement sur le reste. J'ose du moins lui protester, que dans le travail qui appartient à ma place je ne négligerai rien de ce qui pourra lui prouver mon parfait dévouement à ses intérêts et le profond respect, avec lequel je suis etc.

A Tsarskoé Sélo,
ce 6 Mai 1774.

2498) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

По разсмотрѣніи присланныхъ отъ васъ съ курьеромъ Сысоевымъ счетовъ казеннымъ нашимъ деньгамъ, кои для поспѣшествованія дѣлъ въ Швеціи назначены и вамъ съ полною нашею довѣренностію ввѣрены были, находимъ мы какъ генеральное, такъ и частное ихъ во свое время употребленіе совершенно соотвѣтствующимъ предмету

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 11, и Польша, III, св. 37.

[2]) М. Г. А. Швеція, III, св. 42.

назначенія ихъ; и для того восхотѣли мы по срокъ представленной отъ васъ очистки, то есть по нынѣшній 1774 годъ, всемилостивѣйше принять за благо и апробовать всѣ отъ васъ для службы нашей учиненныя и въ тѣхъ счетахъ изображенныя издержки, яко же симъ оныя дѣйствительно за благо пріемлемъ и апробуемъ, пребывая вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію неотмѣнно благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 6 Мая 1774 года.

Екатерина.

2499) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Графъ Петръ Александровичъ. Когда господинъ Ридезель отъ васъ обратно сюда поѣдетъ, то снабдите его вашимъ свидѣтельствомъ для пропуску на учрежденныхъ карантинахъ и дайте о томъ знать лейбъ-гвардіи маіору Шипову. Впрочемъ остаюсь къ вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

Екатерина.

7 Мая 1774 г.
Царское Село.

2500) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

Si l'on devait s'en rapporter, M-r, aux plaintes qui vous ont été faites et réitérées tant de fois de la part de la délégation, touchant les troubles de religion en Ukraine, ce serait par ceux du rite grec appuyés de nos troupes que se ferait l'oppression contre ceux de la religion romaine et les unis; au lieu que si nous ajoutons croyance aux plaintes qui nous sont portées par ceux de notre communion d'une suite de torts et d'oppressions, tant anciennes que récentes, qui leur sont faites par ceux là pour les forcer à renoncer à leur culte, l'affaire et le jugement à en porter changent entièrement de nature. Rien ne prouve mieux la nécessité d'une commission sur les lieux, telle que vous en êtes convenu avec la délégation, et c'est là comme de justice que nous renvoyons le tout. Mais en attendant il est bon que vous exposiez à la délégation, qu'actuellement il se trouve à votre cour des députés de ceux de sa

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 3; черновое—въ Гос. Архивѣ, разр. V, № 103.

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

communion dans les palatinats de Kiovie, Braslaw, Volynie et Podolie, qui y demandent protection contre toutes sortes d'excès et de violences auxquels ils sont perpétuellement en butte, et que comme Sa Majesté Impériale ne donne pour le moment d'autre effet au recours que ces gens ont pris en elle, que de les exhorter à s'abstenir eux-mêmes de tout acte de violence et attendre tranquillement et avec patience la justice qui leur sera rendue par la commission, de même vous requérerez qu'il soit pourvu par le gouvernement à ce que les catholiques romains et les unis s'abstiennent réciproquement de toute voie de fait contre ceux du rite grec, et qu'on attende *in statu quo* que la commission qui va incessamment être nommée prononce légalement sur les griefs respectifs des deux parties.

Généralement, M-r, c'est un fait assez avéré, qu'on emploie toutes sortes de moyens pour attirer à l'union les grecs qui sont dans la domination de la république; le plus ou moins de violence, dont on a usé en différents temps, a dépendu du caractère des officiers de la république chargés de quelque commandement sur les lieux, ainsi que des propriétaires qui se sont prêtés plus ou moins aux vues de fanatisme et à la passion de convertir des prêtres catholiques. Sur cela vous avez à avancer, que de façon où d'autre que sera réglé actuellement le sort des grecs et dissidents, votre cour ne pourra jamais perdre de vue le traitement qui sera fait à ceux de sa communion, qu'elle les recommandera certainement à la république et qu'un des devoirs de votre poste sera toujours d'avoir l'oeil à ce que les constitutions et traités soient observés envers eux et qu'il leur soit fait telle justice qui leur appartiendra dans tout ce qui intéressera leur culte. J'ai l'honneur d'être etc.

St-Pétersbourg, le 9 Mai 1774.

2501) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 9 Mai 1774.

Je vous adresse et vous recommande par cette lettre, M-r, le major Litzano, qui a depuis longtemps une prétention de 15.000 ducats sur un comte Potocki, dont il n'a trouvé jusqu'à ce moment aucun moyen de se faire payer. Le général Romanius, qui l'a recommandé au comte Tchernichef, expose dans sa lettre que le seul expédient pour mettre à couvert cette somme d'où dépend la fortune d'un officier digne à tous égards de

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

la protection de la cour, est de la lui faire payer de la caisse résignée au payement des vivres et fourrages, en donnant aux polonais des billets de recours sur le c-te Potocki, contre lequel ils auront bien plus facilement action qu'un étranger. C'est la même représentation que vous même, M-r, avez faite en faveur de nos marchands de Poltawa. Je vous prie donc et vous autorise sur l'une et l'autre affaire de suivre cette idée de vous et de m-r Romanius, de faire payer de la caisse des vivres et fourrages la somme à quoi monte la prétention des marchands de Poltawa et pareillement la lettre de change de 15.000 ducats qu'a le major Litzano sur le comte Potocki. Les billets de recours pour toutes ces sommes vous les ferez répartir, ainsi qu'il appartiendra, entre les différents propriétaires qui ont à prétendre pour livraisons de vivres et de fourrages. Consultez cependant bien scrupuleusement les circonstances, M-r, avant que de mettre à exécution ce moyen de satisfaire aux deux créances dont il s'agit, toutes justes qu'elles sont. Prenez temps pour cela et choisissez celui, où une pareille opération se fera moins sentir dans la nation. Surtout ayez égard à ce qu'il n'en résulte ni retard ni émpêchement dans le cours des affaires. J'ai l'honneur d'être etc.

2502) ДВѢ СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

(Около 12—16 Мая 1774 г.)

1.

Былъ у меня передъ комедіи извѣстный молодецъ и съ женою [2]) и винился и просилъ у меня прощенье, но мнѣ казалось, что сіе было не съ такой искренностію и покорностію, какъ надобно, однако я его простила; онъ не захотѣлъ войти ни въ какія изъясненія, почему и я струны таковой нѣжной и не тронула. Потомъ, по краткомъ о семъ разговорѣ, она спросила, знаю-ли я похищенье Дарсов. [3]) и что Ланжеакъ ее увезъ, на что сказала я, что слышала; и паки спросили меня, кто же еще тутъ же былъ, сказываютъ, не онъ одинъ. Я промолчала, а молвила, что слышно, что поколотили кое кого въ дракѣ, въ которой немало народа сбѣжалось. Потомъ я пошла въ комедію, чѣмъ пресѣклось, но оба весьма дики, чего приписываю многомыслію,

---

[1]) Гос. Арх., разр. IV, № 94. См. ниже № 2506.

[2]) Вел. князь Павелъ Петровичъ съ вел. княг. Наталіей Алексѣевной.

[3]) Дорсевиль (Dorseville), французская актриса.

которое, чаю, у нихъ теперь въ головѣ бродитъ. Андрюшка [1]) пріѣхалъ ввечеру; просились они у меня ѣхать въ четвергъ обѣдать къ гр. Ра. [2]), а ужинать къ Чернышеву.

2.

При семъ прилагаю письмо Елагина, а по сему дѣлу сего утра В. К. [3]), пришедъ ко мнѣ, сказывалъ, что Разумовскій къ нему вечеръ пріѣзжалъ и сказывалъ, что не онъ, но Ланжакъ увезъ комед. [4]), что онъ, Разумовскій, былъ тутъ по несчастью зрителемъ и что онъ ее паки отдалъ подъ караулъ, а оборонялъ ее отъ караульныхъ, кои перстень у нея съ руки тащили. Я молча слушала, но вздумалось мнѣ молвить, что по городу слухи сему не сходственно, на что съ горячностію мнѣ сказано, что все то ложь, окромѣ то, что Раз. говоритъ; а Разумовскій по письму Елагина говорилъ сему одно, здѣсь разсказывалъ другое, а въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ третье, и я, видя троякое его поведенье и слова, должна его терпѣть по сю пору въ моемъ домѣ и такъ близко возлѣ ослѣпленнаго имъ моего сына. Признаюсь, что сердце ноетъ. Я не скрывала печаль мою, но не выговорила ея, и я думаю сіе продолжить сегодня, и буду ждать завтрашняго пріѣзда по условленію вчерашнему [5]).

НОТА ГРАФА Н. И. ПАНИНА АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КН. ЛОБКОВИЧУ.

Отъ 13 Мая 1774 г.—о полученномъ кн. Лобковичемъ письмѣ Имп. Маріи-Терезіи къ Императрицѣ. Напеч. въ Сборникѣ, т. CXXV, стр. 364.

2503) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 3 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [6]).

St-Pétersbourg, ce 15 Mai 1774.

Je viens d'apprendre, M-r, par une lettre du nonce à m-r le baron de Rewitzki, dont le pr. Lobkovitz m'a communiqué copie et que je vous envoie ci-jointe, que m-r Rylło, évèque grec-uni de Chelm, doit avoir été enlevé le 17 Avril par ordre du général Chirkof dans le couvent ou

---

[1]) Гр. Андрей Кирилловичъ Разумовскій.

[2]) Т. е. графу Разумовскому.

[3]) Т. е. Великій Князь.

[4]) Т. е. комедіантку.

[5]) Къ описанному въ настоящихъ письмахъ случаю относится вѣроятно и записка Императрицы къ Г. А. Потемкину, напечатанная въ Сборникѣ, т. XLII, стр. 385, № 412.

[6]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

château de Berditchef. Comme il ne nous est parvenu d'autre part aucun avis de ce fait, je vous prie de vous attacher à le tirer au clair et de nous faire parvenir ce que vous en apprendrez de plus certain. J'ai déjà écrit au maréchal c-te Roumiantsof, qu'il envoie sur les lieux l'ordre d'élargir l'évèque, si réellement il se trouve en notre disposition, et je vous prie aussi, M-r, d'écrire de votre part et de faire la même réquisition au général Chirkof, en l'avertissant que c'est par ordre de votre cour que vous faites cette démarche auprès de lui. Je ne porterai point de jugement décisif sur un fait dont je n'ai encore aucune information exacte; mais si telle est réellement l'aventure arrivée à l'évèque uni de Chelm, et qu'il n'en soit pas de sa détention comme de sa mort annoncée faussement et contre laquelle on criait tant il y a quelques mois, je ne saurais m'empêcher de présumer qu'il l'aura provoquée lui même, en anticipant par des voies de fait sur les arrangements dont on s'occupe actuellement pour l'affaire des grecs et dissidents, et ces voies de fait, que je suppose, auront été de remettre de sa propre autorité à des prêtres unis des églises qui en exécution du traité de 1768 auront été restituées à ceux du rite grec. Cette présomption au reste, quelque fondée qu'elle pût se trouver, n'influera en rien sur l'ordre donné de le relâcher, lequel devra s'exécuter, quelqu'ait ou n'ait pas été le motif de son arrêt; et c'est en ce sens que vous avez à l'annoncer au Roi et à la délégation et aussi que vous en ferez part au baron Rewitzki. Vous ne manquerez pas d'observer alors, qu'au moment où on travaille à assurer la paix et la tranquillité entre les différentes religions dans ces contrées, rien n'est plus contraire à de telles vues que de priver des malheureux de leurs prêtres et de leurs églises et de les forcer à se laisser administrer par des prêtres d'une autre communion; que la désobéissance de leur part doit d'autant moins étonner, qu'ils ne voient que l'arbitraire dans la violence qui s'exerce contre eux, que rien ne leur manifeste ni l'autorité de la république, ni le concert de la puissance, leur protectrice, caractères que pourra seule avoir la commission, qui va être nommée de part et d'autre pour règler les affaires de religion dans ces contrées, et jusqu'à laquelle il faut absolument qu'on se tienne tranquille des deux côtés. C'est ce que je vous ai déjà prié, M-r, de recommander là où vous êtes par la lettre, dont j'ai muni les prêtres qui se sont rendus auprès de vous. Ce sont les propres sujets de la république; qu'on entende de leur bouche le recit des excès qui se commettent journellement contre ceux du rite grec. Faites donc des instances auprès du Roi et de la délégation pour qu'on arrête ces désordres, dont l'état est le seul souffrant. Et aussi pour peu que vous ayez quelques relations avec le nonce, ne fût-ce que d'honnêtetés et de simples politesses, engagez le à y faire intervenir son autorité sur le clergé romain. C'est traiter plus impitoyablement qu'on

ne ferait des animaux domestiques, de pauvres créatures humaines, que de les forcer par la seule raison qu'on a installé chez eux un prêtre de tel rite, à être de ce rite là et se faire administrer par lui contre leur volonté et leur conscience. Ce n'est là ni l'esprit de la religion, ni la politique d'un gouvernement, ni le caractère de l'humanité. J'ai l'honneur d'être etc.

Къ настоящему письму приложено нижеслѣдующее письмо папскаго нунція въ Варшавѣ къ Австрійскому посланнику тамъ же, барону Ревицкому: Monseigneur Ryllo, évèque grec uni de Chelm, qui par commission de msgr Sczeplycki, évèque de Léopol, coadjuteur et administrateur du diocèse métropolitain d'Ukraine, visitait les églises et les paroisses qui restaient encore attachées à l'union avec l'église catholique dans ces contrées-là, a été surpris le 17 Avril dans le couvent de carmes (qui est même un château ou forteresse) de Berditchef par un officier russe, envoyé par le général Chirkof avec 30 ou 40 cosaques, qui l'ont sur le champ arrêté et séquestré.

Quel sort l'attend encore, nous l'ignorons. Quoiqu'il en soit assez tranquille, voyant que *dignus est habitus pro nomine Jesu contumeliam pati*, cependant, à ce que marquent les lettres de ce pays-là, l'on craint ou qu'il soit relégué en Sibérie, ou qu'on l'oblige à sortir de l'Ukraine. L'un et l'autre serait de très grand dommage à la religion, dès que ce reste de peuples attachés à l'église catholique sera sans pasteur qui les gouverne. L'official ecclésiastique du palatinat, nommé Prymovicz, est menacé du même sort. C'est pourquoi personne n'osera plus administer de notre part le peu d'églises qui nous restent dans ce diocèse. Tout ce qu'on peut imputer à msgr. Ryllo de la part des non-unis, c'est non d'avoir cherché, moins encore forcé les apostats, mais d'avoir absout quelques prétres qui volontièrement se sont présentés pour être réconciliés avec leurs églises depuis peu envahies et qui furent forcés de souscrire à la désunion.

J'ai d'abord donné et fait donner connaissance au Roi et au ministère du nouvel incident, et je crois que ce matin la délégation fera donner une nouvelle note à m-r le ministre de la Russie pour la délivrance du digne prélat.

C'est sur quoi j'ai l'honneur d'informer aussi m-r le baron de Rewitzki, qui par son zèle a eu toujours autant d'intérêt pour la conservation et de la religion et du prélat qui la soutient, et puisque ce même prélat a une grande partie de son propre diocèse de Chelm dans les contrées revendiquées par la maison d'Autriche, je le supplie de mander à sa cour tout ce qui vient d'arriver et d'implorer aussi des ordres pour garantir le même prélat dans sa commission. Cependant je suis avec le plus profond respect etc.

Varsovie, le 4 Mai 1774.

*

2504) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 4 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 15 Mai 1774.

La dernière fois que j'eus l'honneur de vous écrire, M-r, je n'avais rien encore à vous dire de l'objet de la mission du comte Branicki. Il est venu, comme vous l'avez bien compris, jeter les hauts cris et faire des lamentations contre la conduite du Roi de Prusse. Sur cela il a en poche nombre de plans et de projets chimériques, tels qu'on en enfante là-bas sans compte ni mesure. Comme tout cela ne tend pas moins qu'à anéantir le concert, vous pensez bien qu'on ne viendra pas à bout de m'y induire d'aucune manière que ce soit; mais bien plutôt, par la connaissance que j'ai des têtes polonaises, je me flatte que je dissiperai ces illusions et que je fixerai le comte Branicki à ce qui sera raisonnable, et je ferai marcher d'un pas égal les plaintes de la république vers les deux cours, qui ont porté l'extension de leurs limites au delà des traités et conventions. En attendant je vous envoie ci-joint copie de la lettre du Roi à l'Impératrice, avec laquelle le comte Branicki s'est présenté à elle, ainsi que de la réponse de Sa Majesté Impériale que je lui ai remise et qu'il a envoyée ces jours-ci par un courrier. J'ai l'honneur d'ajouter la copie de la lettre, dont ce prince m'a honoré, avec la copie de ma réponse que j'ai remise à m-r Branicki et qui est aussi partie par la même voie.

Le c-te Branicki souhaiterait d'être pourvu de la starostie de Bielatserkow, qui est actuellement au comte Mniszek qu'on dit dangereusement malade au point de croire sa mort prochaine. Je lui ai promis de vous le recommander et aussi je vous prie instamment, M-r, le cas de la vacance arrivant, de vous employer fortement par vous et par vos amis à lui faire avoir cette starostie. Le comte peut servir utilement à nos affaires, je le vois en bon train d'attachement à la Russie et je crois, que c'est le lier plus étroitement à nous et pour longtemps que de l'obliger d'une façon aussi essentielle. J'ai l'honneur d'être etc.

2505) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [2]).

Графъ Никита Ивановичъ. Сказывалъ мнѣ Гр. Алекс. Потемкинъ, что вы желаете знать, цесарскій камергеръ Вальшъ по моему-ли

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

[2]) Гос. Арх., разр. V, № 94. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Росс. 1863 г., кн. II, «Письма и записки Имп. Екатерины къ гр. Н. И. Панину», стр. 56. См. депешу кн. Лобковича къ кн. Кауницу отъ 28 Іюня 1774 г. по поводу графа Вальша, съ приложеніемъ письма послѣдняго къ кн. Лобковичу—Сборникъ, т. CXXV, стр. 377—381.

приказанію задержанъ въ Могилевѣ, или его не пропустилъ губернаторъ Каховской. На сіе вамъ имѣю сказать, что я не токмо не приказала, но и не знала, что Вальшъ ѣдетъ съ Анжеліевымъ, а задержалъ его губернаторъ самъ собою для того, что онъ ему подозрителенъ показался; онъ же въ самомъ дѣлѣ таковъ и есть; онъ же и не имѣлъ пашпорта ни откуда, а что онъ о всѣхъ поступкахъ Анжеліевыхъ извѣстенъ и о его пребываніи во Франціи, гдѣ онъ переряжался въ мѣщанскую одежду, брови вычернилъ и Георгіевскій крестъ снималъ, и потихоньку видѣлся съ д'Егильономъ и съ Жерардомъ, секретаремъ сего, да у бригадира Шоази жилъ, о семъ и сумнѣнія нѣтъ, и кажется, что сей камергеръ сущій авантюріеръ. Вотъ вамъ вся сказка, а впрочемъ остаюсь, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Мая 16 числа 1774 года.

2506) НОТА ФРАНЦУЗСКОМУ ПОСЛАННИКУ ДЮРАНУ [1]).

(Вручена французскому министру Дюрану 16 Мая 1774 г.).

Le 11 de ce mois à 8 heures du soir il s'arrêta deux carosses devant la maison du corps. L'un était à vide et dans l'autre étaient m-rs de Langeac et Denon avec un troisième; tous les trois ayant mis pied à terre, s'avancèrent sous les fenêtres du comptoir de la direction des spectacles, où était tenue aux arrêts la comédienne Dorseville, pour lors assise sur la fenêtre. Ces cavaliers s'étant entretenus un instant avec elle, la comédienne se laissa descendre de la fenêtre, ils la reçurent, la mirent en carosse et ordonnèrent au cocher de partir. Un soldat du théatre en sentinelle au pont, qui est proche de la maison, donna signal que la comédienne s'était évadée et se mit en devoir d'arrêter les chevaux de la voiture. Les sentinelles de la police en faction au bout des rues lui aidèrent à arrêter le carosse et en même temps les autres soldats de garde de la maison du corps avec le sergent, étant accourus, firent sortir la Dorseville du carosse et la reconduisirent aux arrêts. Cela ne se fit pas sans opposition de la part de ces messieurs, qui voulurent arracher la comédienne aux soldats et qui les frappèrent, ainsi que le sergent. Il se fit beaucoup de trouble et de rumeur dans la rue; on s'attrouppait de toute part à l'éclat d'une pareille scène. Les soldats auraient fait un mauvais parti à m-rs de Langeac et Denon et les

[1]) М. Г. А. Франція, IV, св. 1. См. выше № 2502.

auraient arrêtés et mis en prison, s'ils n'avaient pas vu s'intéresser à eux le comte Razoumofski, gentilhomme de la chambre de l'Impératrice, qu'ils reconnurent et par égard pour lequel ils laissèrent retirer tranquillement ces deux messieurs.

Sans qu'on représente un tel fait sous un jour plus défavorable que celui du simple récit, m-r le ministre plénipotentiaire sentira suffisamment, combien il est répréhensible dans sa nature et ses circonstances et combien il doit offenser la cour. Sa Majesté Impériale aurait été en droit d'ordonner de mettre en prison le sieur de Langeac, qui n'est connu en Russie que comme particulier voyageur, et de faire transporter sous garde jusqu'à la frontière le sieur Denon, connu pour attaché à la légation de France et étant sous la protection du droit des gens. Mais par considération pour la cour de France elle a bien voulu ne point faire traiter les choses à la rigueur et se borner à ordonner à son ministère de requérir de m-r Durand, qu'il fasse partir incessamment de Russie les s-rs de Langeac et Denon. Sa Majesté Impériale ne pouvant souffrir que deux personnes, qui ont donné au milieu de sa résidence une preuve si scandaleuse de l'indiscrétion et de la violence de leur caractère et de leur manque de respect à l'ordre publique de l'état et de la société, aient l'honneur de fréquenter désormais sa cour, ni puissent s'arrêter plus longtemps dans ses états. Le ministère s'acquitte donc par la présente des ordres de sa Souveraine et prie m-r le ministre plénipotentiaire de prendre telles mesures qu'il jugera convenir, pour que ce qui est désiré de lui, touchant le départ de m-rs Langeac et Denon de ce pays-ci, puisse avoir un prompt effet.

Fait à St.-Pétersbourg, le 16 de Mai 1774.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

17 Мая 1774 г.—о назначеніи ему жалованья какъ начальнику морскихъ и сухопутныхъ силъ въ Архипелагѣ. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 98.

2507) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ-ТЕРЕЗІИ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Мая 1774 г.).

Madame ma soeur. La sincérité et la bonne foi sont le caractère de toutes mes démarches, de même que les moyens les plus agréables à

[1]) М. Г. А. Австрія, I, св. 1.

Votre Majesté Impériale et les plus propres à influer sur ses résolutions. Dans le cours de nos négociations sur les affaires de Pologne je n'ai point dissimulé à Votre Majesté les difficultés qui se rencontraient selon moi à l'extension de ses frontières jusqu'au Sbrucz. Son ministre à Varsovie lui a rendu compte de l'effet que produit cette extension sur l'esprit de la nation polonaise. Un envoyé de la république est actuellement à sa cour pour en solliciter auprès d'elle la modification, et le comte Branicki a été envoyé de la même part vers moi pour requérir mes bons offices dans cette affaire. Je ne fais donc que suivre mes premiers sentiments, en priant Votre Majesté Impériale d'entrer avec cette bonté et cette équité, qui lui sont naturelles, dans les représentations de la république, Le souvenir des maux qu'elle a soufferts jusqu'au moment où les trois cours ont entrepris sa pacification, et la crainte que l'agitation actuelle de tous les esprits et l'espèce de désespoir où ils sont ne les replongent dans de nouveaux malheurs, sont bien capables de toucher Votre Majesté Impériale. L'intérêt de l'humanité en est un si puissant auprès d'elle, que je ne craindrai pas de l'opposer aux avantages qui peuvent résulter pour une monarchie aussi puissante que la sienne de l'étendue de pays entre le Seret et le Sbrucz, si j'avais autant de droit à lui en parler que j'ai de confiance en ses vertus. Je ne dois offrir à sa considération que l'intérêt d'un concert, qu'elle a formé comme conforme à ses vues de bon ordre, d'équilibre et de paix dans cette partie de l'Europe. Si je lui dis, que de mon côté je n'ai rien de plus cher que cette grande alliance des trois cours que je regarde comme le chef-d'oeuvre de la raison et l'ouvrage le plus salutaire pour l'Europe, elle approuvera ma délicatesse sur ce qui me parait, quoique dans une perspective éloignée, en pouvoir borner la durée. Si la Pologne n'obtient rien des démarches qu'elle fait actuellement auprès des trois cours, il est une résolution que le désespoir lui a suggérée et qu'elle réalisera, c'est de rompre toute négociation et de protester. En cet état les trois cours restent en présence l'une de l'autre, s'étant garanties leurs acquisitions, mais n'étant pas bien décidées entre elles sur l'étendue des pays garantis. Le lien le plus propre à perpétuer la bonne harmonie et la bonne union entre elles reste imparfait et pourra être d'autant plus vivement attaqué par des intérêts étrangers, qu'on le jugera moins indissoluble, qu'on le respectera moins. Je remets aux lumières de Votre Majesté Impériale à décider jusqu'où de telles appréhensions peuvent être fondées. Les lui exposer, c'est lui dire, combien je suis fermement intentionnée de rejeter loin de moi tout ce qui pourrait tendre à les réaliser, et je me flatte qu'elle ne croira pas moins

à cette assurance qu'à celle de la haute considération et de la parfaite amitié, avec laquelle je suis,

Madame ma soeur,
de Votre Majesté Impériale
la bonne soeur et amie

Catherine.

Tsarskoé Sélo,
ce 26 Mai 1774.

На это письмо послѣдовалъ нижеслѣдующій отвѣтъ Императрицы Маріи-Терезіи, поданный посланникомъ кн. Лобковичемъ на приватной аудіенціи въ Ораніенбаумѣ 27 Іюля 1774 г. [1]).

Madame ma soeur. Votre Majesté Impériale ne pouvait m'obliger plus sensiblement et me mettre en même temps plus à mon aise, qu'en s'exprimant dans la lettre, que m'a remis de sa part son ministre le prince Galitsyne, avec cette sincérité et bonne foi qui sont le caractère de toutes ses démarches, et je lui en suis moyennant cela aussi redevable, que je suis sensible à cette nouvelle marque d'amitié et de confiance de sa part. Mais plus je sens le prix de la façon de penser de Votre Majesté, plus aussi j'aspire à son estime et plus il m'importe qu'elle puisse avoir de la mienne l'opinion que j'ai passé ma vie à tâcher de mériter. Je ne puis point m'empêcher par conséquent de lui exposer en peu de mots, mais dans son vrai jour, tout ce que j'ai fait jusqu'ici, afin qu'elle puisse en juger par elle-même. L'arrangement de nouvelles et vastes frontières dans un pays peu connu, qu'il a fallu occuper conformèment aux termes d'un traité dans lequel on n'a pu les désigner que fort en gros, est un objet d'un si grand détail, qu'il n'a pu manquer de rencontrer quelques difficultés et quelques doutes dans son exécution. J'ignore, s'il s'en est trouvé dans la prise de possession de V. M. J.; mais ainsi que dans celle de S. M. Prussienne, il s'en est rencontré une bien essentielle à la mienne dès le premier moment de l'entrée de mes troupes en Pologne; une rivière désignée dans le traité sous le nom de Podorze s'est trouvée ne point exister, il a fallu par conséquent en prendre une autre, et mes ingénieurs n'en trouvant aucune que le Sbrucz, à laquelle pussent être applicables toutes les circonstances attribuées dans le traité au prétendu Podorze, on y a établi et marqué dès lors mes frontières. Pendant au-delà d'un an personne n'a trouvé ni agité aucune difficulté sur ce sujet, et l'Empereur mon fils a vu par-lui-même, qu'il n'y avait point d'autre façon de donner exécution au traité sans y contrevenir et sans renverser le principe de parfaite égalité établi entre nous. Sur le compte qui m'a été rendu de toutes ces circonstances, j'ai donc dû conserver cette frontière sans y avoir jamais rien changé, et V. M. J. verra par la note ci-jointe la façon dont j'ai procédé partout ailleurs. Voulant me conformer néanmoins en même temps aux traités de cession, par lesquels il est stipulé, que des commissaires respectifs règleraient l'arrangement définitif des frontières, je suis convenue avec S. M. le Roi de Prusse, avec qui V. M. J. m'avait témoigné désirer que je m'entende au sujet des démarches communes à faire par rapport à nos frontières, que

[1]) Гос. Арх., разр. IV, № 122.

nous communiquerions l'un et l'autre aux commissaires de la république, au moyen d'une carte de démarcation, les limites que nous croyons être en droit de demander; et c'est ce que nous venons de faire. Nos commissaires vont se rendre sur les lieux avec ceux de la république, et je souhaite vivement que leur travail puisse avoir un succès conforme aux désirs de V. M., auxquels je voudrais pouvoir satisfaire en toute occasion. Quoiqu'il en soit cependant, il nous restera néanmoins encore toujours la voie de la médiation mutuelle des trois cours, stipulée par les traités, pour le cas auquel il s'éléverait des difficultés que l'on n'aurait pu lever; et comme elle leur attribue le précieux droit de pouvoir en décider enfin en dernier ressort, il me semble que le moyen que nous avons employé pour qu'elle puisse avoir lieu au besoin, a été d'autant plus convenable qu'il est parfaitement en règle; et il me parait en même temps, que V. M., qui est trop éclairée pour ne pas sentir tout le prix et l'effet possible de cette médiation, ne peut certainement jamais avoir voulu que les trois puissances réunies y renoncent sans nécessité. Je souhaite que V. M. J. veuille bien regarder tout ce que je viens de lui exposer, comme une preuve de ma confiance dans ses lumières et son équité, ainsi que de l'envie que j'ai de la convaincre de la droiture de mes intentions, et je la prie instamment d'être persuadée de la haute considération et de l'amitié parfaite, avec laquelle je suis,

Madame ma soeur,
de V. M. J.
la bonne soeur et amie
Marie-Thérèse.

A Vienne, ce 16 Juillet 1774.

Къ письму приложенъ планъ границъ Галиціи отъ Вислы до Днѣстра съ подробнымъ его объясненіемъ.

2508) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ-ТЕРЕЗІИ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ и оригинальное собственною ея рукою переписано въ Царскомъ Селѣ 26 Мая 1774 г.).

Madame ma soeur. On ne peut être plus sensible que je le suis à la lettre pleine de confiance et d'amitié qu'il a plu à Votre Majesté Impériale de m'écrire. Quand ce ne serait pas en moi autant l'effet du sentiment, qu'une maxime d'état de faire jouir d'une tolérance juste et raisonnable les différents peuples de mon Empire, je me porterai par égard pour l'intercession de Votre Majesté, par estime pour ses vertus, par attention pour le lien politique de nos monarchies, à marquer une protection spéciale à ceux de la religion catholique romaine et unis. Leur tranquille existence et le maintien de leur dogme et de leur discipline

[1]) М. Г. А. Австрія, I, св. 1.

leur sont assurés à l'abri de mes lois, et je ne les connais que comme mes sujets dans tout ce qui peut procurer et augmenter leur bien-être. Quoique je puisse me flatter que mon application suffit à ce dernier objet, je péserai avec mûre réflexion et dans une juste combinaison civile les mémoires, que le ministre de Votre Majesté Impériale a été autorisé par elle de recommander à ma considération. Je la prie d'être toujours persuadée, que ses vues seront abondamment remplies pour la protection et le libre exercice de la religion en faveur de laquelle elle s'intéresse, et qu'en ceci, comme en toute autre chose, j'aurai particulièrement à coeur de marquer la haute considération et la parfaite estime, avec lesquelles je suis, .

Madame ma soeur,
de Votre Majesté Impériale
la bonne soeur.

Tsarskoé Sélo,
ce 26 Mai 1774.

Это письмо написано въ отвѣтъ на нижеслѣдующее письмо Императрицы Маріи-Терезіи [1]).

Madame ma soeur. Les peuples de toutes les religions soumis à la domination de Votre Majesté n'ayant éprouvé jusqu'à présent de sa part que des effets de sa justice, de sa bonté et de sa tolérance, je crois pouvoir lui demander avec instance sa protection pour la réligion catholique et les grecs-unis, pour leur tranquille existence et le maintien de leur dogme et discipline. Mon ministre informera le ministère de V. M. des détails que l'on a fait parvenir à ma connaissance. Qu'elle veuille bien l'écouter et pourvoir selon sa générosité accoutumée; j'y prends le plus vif intérêt. Il n'est rien que je ne crois devoir me promettre de son équité et de sa façon indulgente et généreuse de voir les choses, et je me borne par conséquent dans cette confiance à saisir cette occasion pour assurer V. M., qu'on ne peut rien ajouter à tous les sentiments, avec lesqnels je ne cesserai jamais d'être,

Madame ma soeur,
de Votre Majesté Impériale
(la) bonne soeur
Marie-Thérèse.

Ce 29 d'Avril 1774.

---

[1]) М. Г. А. Австрія, I, св. 1.

2509) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ИМПЕРАТОРУ АВСТРІЙСКОМУ ІОСИФУ II [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Мая 1774 г.).

Monsieur mon frère. L'intérêt permanent qui subsiste entre mes états et ceux de la maison de Votre Majesté Impériale ne souffre point que l'une des deux monarchies voie d'un oeil jaloux les avantages et prenne ombrage de la prospérité de l'autre. Je me crois à l'abri d'un tel soupçon, lorsque je porte à la considération de Votre Majesté les inquiétudes et les alarmes de la Pologne à la fixation définitive des nouvelles limites autrichiennes au Sbrucz, après s'être cru assurée par un traité qu'elles ne s'étendraient que jusqu'au Seret, de même qu'à la nouvelle démarcation des acquisitions du Roi de Prusse notre allié. Si j'écoute dans cette démarche un attendrissement naturel sur les malheurs d'une nation qui a avec mon Empire des relations si immédiates, je ne suis pas moins déterminée par le motif du bien essentiel de l'union et du concert des trois cours qui ont pris en main l'arrangement de ses affaires, en se faisant un système pour elles-mêmes tant sur son gouvernement que sur l'étendue de ses possessions. Pour remplir ce plan il a fallu triompher de la répugnance d'un état à céder des provinces entières; on a eu à contenir la jalousie de toute l'Europe sur des acquisitions de cette importance; mais l'intimité qui a régné dans l'entreprise en a procuré le succès jusqu'au point où on était parvenu. Je n'ai pas besoin d'avancer que la même intimité peut seule conduire l'ouvrage à sa fin et le maintenir à perpétuité et que par cette raison elle fait l'objet de la vive sollicitude des trois cours.

Comme les principes sur lesquels a été fondé tout le concert et qui même ont été trouvés et proposés par la cour de Votre Majesté, ont été l'égalité du partage et l'équilibre de puissance entre elles, et l'existence de la république comme puissance intermédiaire, les trois cours ne sauraient les perdre de vue sans altérer, soit entre elles, soit au dehors, une union qui n'en impose aux puissances jalouses que par l'opinion de sa solidité. On aura su que les limites autrichiennes n'étaient pas claires; on a vu ensuite une variation à celles de la cour de Berlin, et d'abord on en influera que la jalousie joue son jeu entre deux cours qui parais-

[1]) М. Г. А. Австрія, I, св. 1. Напечат. въ Рус. Архивѣ 1880 г., кн. I, стр. 210—213. Тамъ же, стр. 213—214, см. отвѣтъ Имп. Іосифа II отъ 16 Іюля 1774 г.

sent unies vers un même objet, et on supposera d'autre part la Russie d'autant plus mécontente qu'on la juge la moins bien partagée. Que de ressorts on fera mouvoir pour étendre ces sources de division? S'il n'était question que d'un moment donné, pendant lequel on les ferait agir, en y opposant une résistance proportionnée, on pourrait se répondre de les rendre vains; mais le champ peut rester ouvert pour bien du temps. La Pologne poussée à l'extrémité ne cherchera de ressource que dans sa faiblesse et protestera en dissolvant le corps qui représente la nation. Toute la négociation reste au point où elle est, et les engagements respectifs des trois puissances se réduisent à une garantie préalable à l'arrangement avec la Pologne, mais non appréciée sur des cessions effectives de sa part. Tout invite les trois cours à ne pas laisser imparfait un lien qui doit subsister à perpétuité entre leurs monarchies et leur présenter à défendre un nouvel intérêt, que leur prudence et leur modération leur ont suggéré. Votre Majesté pèsera dans sa sagesse et avec son équité naturelle, si toutes ces considérations sont égales ou supérieures au sacrifice que ferait sa maison de restreindre ses frontières au Seret. Pour moi ma confiance en ses lumières et les sentiments aussi vrais que désintéressés d'estime et d'amitié que je porte tant à elle qu'à l'Impératrice-Reine sa mère, ne me permettront jamais d'appréhender qu'elle regarde comme de vaines inquiétudes que je chercherais à faire naître en son esprit, une vérité que je ne lui dis que parce que je la sens et la connais. C'est que si les trois cours veulent prouver que, dans le concert qu'elles ont formé sur la Pologne et les opérations communes qui en ont dérivé, elles se sont déterminées moins par le désir d'acquérir que par les vues grandes et politiques de fixer dans un état de bon ordre et de tranquillité, tel que l'exige le bien-être et la sûreté de leurs frontières, un royaume voisin souvent livré aux troubles et à l'anarchie, et dans le partage qu'a dicté un tel dessein de se balancer elles-mêmes toutes les trois par un accroissement égal à la puissance de chacune, idée la plus noble et la plus imposante qui puisse être donnée à l'Europe d'une pareille entreprise, ce ne peut être en comptant pour tout la faiblesse de la Pologne et regardant cet état comme non existant, qu'on pourra se flatter d'y réussir. Le désespoir sera sa ressource contre l'aggravation de ses maux, ou au moins celle à laquelle elle s'abandonnera. J'ose l'avancer, et le ministre de Votre Majesté à Varsovie ne saurait lui laisser ignorer, jusqu'à quel degré cette disposition à rompre toute négociation et à protester est parvenue, et l'éclat n'en est peut-être retenu que par l'attente de quelques semaines, pour voir ce que l'envoi des trois ministres à nos trois cours aura effectué. S'il n'est point d'adoucissement à ses pertes, il sera immanquablement un terme où il ne sera plus possible de contenir la nation, et on y est d'autant plus préparé

qu'à mesure que la diète se prolonge, on voit les dispositions s'altérer graduellement et approcher plus d'une dislocation générale des esprits. C'eût été manquer de ma part à ce qu'exige l'intérêt de l'union et de la cause commune, que de garder le silence sur un état des choses marqué à de tels caractères, et ma réserve ne se serait pas mieux conciliée avec les sentiments de haute considération et d'amitié sincère, avec lesquels je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté Impériale
la bonne soeur et amie
Catherine.

Tsarskoé Sélo,
ce 26 Mai 1774.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФРИДРИХУ II, КОРОЛЮ ПРУССКОМУ.

Царское Село, 28 Мая 1774 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 343—346.

2510) НОТА ГРАФА Н. И. ПАНИНА АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КНЯЗЮ ЛОБКОВИЧУ [1]).

(Сообщена Цесарскому и Прусскому министрамъ, первому—29 Мая, а второму — 30 Мая 1774 г.).

Note pour servir à la mémoire de la conférence verbale, qu'a eue le comte Panine avec m-r le prince de Lobkovitz sur les réponses aux dépêches de son dernier courrier.

Premièrement: Quant à l'objet de l'extension des frontières autrichiennes avec la république de Pologne, le c-te Panine croit avoir déjà suffisamment éclairé à m-r le pr. de Lobkovitz tant les raisons, pour lesquelles sa Souveraine a cru pouvoir s'abstenir de donner des instructions ultérieures à son ministre à Varsovie, jusqu'à ce qu'elle ait reçu les réponses de l'Empereur et de l'Impératrice-Reine aux lettres qu'elle vient d'écrire à Leurs Majestés Impériales et Royales, que les motifs de sa dignité et de l'humanité même, qui l'empêchent de livrer à la merci du sort une république voisine, dont l'état de puissance intermédiaire a été déterminé si autentiquement et avec tant de justice par toutes les mesures et les engagements du concert des trois cours.

---

[1]) М. Г. А. Австрія, IV, св. 4, и Пруссія, IV, св. 1.

Secondement: Sur la protection désirée par les catholiques romains et les grecs unis dans les états de l'Impératrice le c-te Panine pense, que la réponse de la propre main de sa Souveraine à Sa Majesté l'Impératrice-Reine prouve beaucoup mieux que tout ce qu'il pourrait dire, combien il est éloigné de ses sentiments de gêner dans leur croyance et encore moins d'opprimer ses sujets du rite latin et grecs unis, de même que son empressement à contribuer à tout ce qui peut faire plaisir à l'Impératrice-Reine. Il n'est pas moins vrai, que m-r le pr. Lobkovitz ne pourra disconvenir que dans les états catholiques mêmes souvent on a eu à se ressentir de l'inconvénient de confondre la religion et ce qui est véritablement du culte avec l'autorité multipliée du clergé. On doit en user à cet égard avec d'autant plus de délicatesse en Russie, qu'on en a ressenti les effets dans l'intérieur et que dans toutes les affaires de l'état au dehors on a toujours vu en action contre soi l'influence de cette autorité ecclésiastique. Les nonces, qui se plaignent des arrangements du gouvernement par rapport aux sujets des nouvelles acquisitions, et les autres catholiques répandus dans l'Empire auraient eu bien meilleure grâce à attendre que les sujets mêmes s'en plaignissent; mais c'est ce qui n'arrivera jamais. Le pr. Lobkovitz voit lui-même, avec quelle liberté toutes les religions chrétiennes exercent leur culte en Russie et avec quelle douceur et quelle justice ils sont traités, et quelle égalité avec les autres sujets de l'Impératrice.

D'ailleurs il s'en faut beaucoup, que les deux diocèses que la cour de Russie s'est proposée uniquement d'avoir, un du rite latin et l'autre—des grecs unis, soient d'une étendue aussi immense que le prétend le mémoire. Rien n'empêche que chaque évèque puisse vaquer très commodèment à toutes les fonctions apostoliques. C'est qu'il ne faut pas confondre ces diocèses avec quelques églises éparses dans l'Empire, à St-Pétersbourg, Moscou, Astrakhan, les nouvelles colonies et quelques autres endroits en très petit nombre. Le pr. Lobkovitz est instruit comme d'un fait qui s'est passé sous ses yeux, que la cour n'a changé l'arrangement précédent, par lequel ces églises étaient sous le gouvernement spirituel de la Propagande, que pour faire cesser des abus continus de prêtres non convenables envoyés ici, qui n'y ont causé que des troubles et de la division parmi les catholiques et qui s'occupaient bien moins des moeurs et du salut de leurs paroissiens que de faire leur bourse aux dépens de la communauté, de faire passer l'argent ainsi acquis au dehors et après—d'aller en jouir, s'embarrassant fort peu des dettes dont ils laissaient la communauté chargée. Or, si on trouve que l'évèque auquel la cour a souhaité de subordonner toutes ces églises, en est à une trop grande distance, on ne dira pas que la Propagande en soit plus près. De là il parait assez clair, que ce n'est pas le vrai bien du

gouvernement spirituel de ces sujets de la Russie, tant du rite latin que grecs unis, qu'on a en vue par le mémoire, mais l'intérêt pécuniaire de quelques particuliers.

Troisièmement: Quant aux dissidents en Pologne, le c-te Panine ne justifiera pas ce qu'il y a d'irrégulier dans l'arrêt de l'évèque, dont il a été question récemment et sur quoi il n'a reçu encore aucune information que ce soit. Mais ce qu'il peut affirmer pour sûr et certain, c'est qu'il faut nécessairement qu'on ait été provoqué par quelque acte violent à une telle extrémité. Il n'est rien de si avéré et en même temps de si terrible pour l'humanité, que les violences où se sont portés dans ces derniers temps les évèques latins et unis contre les grecs non unis. Sans égard pour la conscience, sans aucune apparence de disposition à l'union, ni aucune préparation qui l'eût fait supposer, on remplissait toutes les cures grecques vacantes par décès de leurs prêtres par des curés latins ou unis, et même on forçait, par des persécutions et des excès inouis, ceux qui vivaient encore à abandonner leur cure; on contraignait les malheureux paroissiens à fréquenter les églises desservies par des prêtres d'une autre communion et à se laisser administrer par eux, ou bien on les forçait à se racheter d'une telle violence à prix d'argent. C'est ainsi à la lettre que les choses allaient jusqu'en 1768. Alors, après la conclusion du traité qui rétablissait les dissidents, les curés grecs encore vivants ont repris possession de leurs cures, et à celles où il en manquait on y a mis des prêtres du même rite.

Maintenant que l'on travaille à l'applanissement des difficultés par rapport aux dissidents et que la cour de Russie s'est ouverte, tant à la cour Impériale et Royale qu'à la république même, sur les modifications auxquelles on consentirait sur ce traité de 1768, les évèques latins et unis ont anticipé sur tout arrangement, et par des entreprises tout à fait illégales ils se sont adjugés, comme appartenant à leurs diocèses, les églises où ils avaient installé, par les voies qu'on vient d'expliquer, des prêtres de leur rite, quoique toute la paroisse soit d'une autre communion et qu'il est de raison comme de droit, que c'est la croyance des paroissiens et non le prêtre seul qui fait l'église.

On s'employera de la part de la Russie à contenir les grecs, de même que l'on demande, que de la part du gouvernement de Pologne on contienne pareillement les évèques latins et unis, jusqu'à ce que le sort des différentes religions soit définitivement réglé, c'est-à-dire l'affaire des dissidents convenue et arrangée avec la république. Et pour cet arrangement le c-te Panine se réserve de communiquer quelques remarques à m-r le pr. de Lobkovitz sur le plan, dont il lui a fait part. Il peut l'assurer que personne ne désire aussi vivement que sa Souveraine de voir la fin de ces affaires, et avec la justice et l'intégrité, avec laquelle elle s'y porte, elle a droit de se le promettre.

2511) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Мая 1774 г.).

L'Impératrice-Reine a écrit une lettre de sa main à l'Impératrice pour lui recommander les intérêts de la religion catholique romaine et des unis dans ses états et ses nouvelles acquisitions, ainsi que V. E. en sera informée par la copie que j'ai l'honneur de lui envoyer. Au moment où cette lettre est arrivée, Sa Majesté Impériale se trouvait à Tsarskoé Sélo, où elle était un peu indisposée, et cela a empêché qu'elle n'ait donné audience au prince Lobkovitz pour la recevoir de ses mains; comme il n'en avait point été joint de copie et que Sa Majesté désirait impatiemment d'en savoir le contenu, j'ai reçu la lettre du prince pour la présenter à Sa Majesté Impériale. Je vous prie, mon prince, de vouloir bien informer de ce détail m-r le prince de Kaunitz. J'ai l'honneur de vous adresser ensuite la réponse de l'Impératrice, avec une copie à part pour votre information, et vous prie de vous concerter avec ce ministre sur la manière de la faire parvenir aux mains de Sa Majesté Impériale et Royale, soit que vous la remettiez vous-même dans une audience, soit que le prince Kaunitz se charge de la rendre à sa Souveraine, vous règlant à cet égard sur ce qui vous sera dit être le plus de la commodité de l'Impératrice-Reine. Mais d'une façon ou d'une autre, V. E. n'omettra pas de réitérer les assurances que contient cette lettre de la vive satisfaction, qu'a ressentie l'Impératrice de la confiance de Sa Majesté Impériale et Royale, et du désir qu'elle a de lui plaire en toute chose et en toute occasion. Jai l'honneur d'être etc.

A St.-Pétersbourg, ce 30 Mai 1774.

2512) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [2]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Мая 1774 г.).

Mon prince. V. E. est informée de l'état embarrassant où se trouvent actuellement nos affaires de Pologne. Elle sait que tout reste en suspens jusqu'à ce qu'on voie du côté de la république quel effet aura

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.
[2]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

la mission de ses trois envoyés aux trois cours. Le c-te Branicki est arrivé chez nous et nous a représenté vivement le désespoir et la consternation de tous les esprits, en voyant l'extention des frontières de la cour Impériale et Royale et de celle de Berlin. Comme Sa Majesté Impériale n'a pu se dissimuler cette crise des affaires et les suites qui en peuvent résulter, elle s'est déterminée à écrire à Leurs Majestés Impériales et Royales ainsi qu'à Sa Majesté Prussienne, pour obtenir que les choses restent en l'état de la convention et des traités. J'ai l'honneur de vous envoyer les lettres pour Leurs Majestés que vous présenterez dans une audience, ou que vous prierez le pr. Kaunitz de faire parvenir aux mains de Leurs Majestés; j'en joins en même temps les copies, afin que V. E. y voie, sur quel ton elle aura à s'exprimer elle-même dans son entretien avec le ministre. Je la prie de présenter nos idées dans tout le jour, qu'elles peuvent recevoir d'une conversation, et j'attends avec confiance de sa sagacité et de son expérience, que tout sera proportionné par elle à l'importance et à la délicatesse de la matière.

Il importe beaucoup que vous vous attachiez, mon prince, à convaincre ce ministre judicieux et éclairé, que s'il est un moyen de compter avec probabilité sur l'achèvement des affaires de Pologne, ce ne peut être que par les modifications que nous proposons. En vain l'Impératrice donnerait elle son consentement aux vues des deux cours, on ne les fera jamais admettre aux polonais, et s'il faut les forcer par les voies de fait, c'est renverser d'abord tout ce qui s'est fait de légal vis-à-vis de la république et s'enfoncer dans une confusion et un désordre d'opérations, qui ne procureront jamais qu'un titre défectueux, soit aux yeux des trois cours elles-mêmes, soit à ceux de la Pologne et de toute l'Europe, mais dans lesquelles il est bien plus à craindre encore, que les trois cours ne marchent pas avec cette égalité et cette unanimité qui fait toute la force de leur concert. En se rappelant les cris que jeta la nation Polonaise, lorsqu'à la confection des traités il était question de substituer le Sbrucz au Seret, on ne saurait supposer de bonne foi, que cette nation n'ait pas pensé conclure et signer dans son sens et non dans celui de la cour de Vienne et qu'elle n'ait pas compté comme sur une chose immanquable, que l'opération des commissaires respectifs serait de placer les poteaux aux armes de la cour Impériale et Royale sur les bords de cette dernière rivière. A présent qu'elle s'apperçoit que la cour de Vienne persiste dans ses prétentions, elle reprend de son côté sa première opiniâtreté et il est d'autant plus difficile de la vaincre, qu'elle croit avoir un traité en sa faveur et qu'elle se persuade, que l'Europe et même entre les trois alliés les deux non intéressés à l'objet en ont la même opinion. Elle a un bien plus puissant motif encore de s'y heurter, quand elle sent évidemment, que les nouvelles pertes qu'elle

souffre du côté du Roi de Prusse ne sont que la compensation de cet excédent des acquisitions Autrichiennes, et qu'il reste encore indécis, jusqu'où ce prince portera ses prétentions. Cependant par les derniers termes convenus entre les cours de Vienne et de Berlin, tout est reporté par elles à une négociation avec la délégation, et tel est le cercle étroit dans lequel se trouvent renfermés les polonais, qu'il leur faut ou refuser ou accorder tout. L'impossibilité aperçue au premier coup d'oeil dans l'exécution d'un tel arrangement ne saurait me le faire regarder comme absolu, et étant l'intention définitive des deux cours, et que chacune d'elles se propose d'obtenir le but de toutes deux par des efforts communs. S'il est donc une restriction, et que l'une se fonde sur plus d'espérance de faire condescendre les polonais à ses vues propres qu'à celles de l'autre, quelle sera alors la position de la Russie? En vain se flatterait-on d'y amener Sa Majesté Impériale, il n'est personne qui ose lui proposer de donner les mains à une pareille mesure. Autant il lui répugne, comme une lâcheté indigne de sa gloire, de trahir les intérêts d'un allié de qui elle a reçu pendant le cours d'une guerre onéreuse des services si essentiels, autant serait-il contraire à son equité envers la république, à sa saine politique relativement aux intérêts de son Empire et à sa fidélité aux principes du concert, qu'elle souscrivît à son agrandissement sans bornes. Cependant il ne peut être de conduite de sa part dans la mesure actuelle qui ne tombe dans l'un ou l'autre excès. Mais sans discuter ceci, qui doit être senti aussitôt qu'exposé, peut-être suffira-t-il des difficultés que rencontrera une telle négociation, soit commune, soit particulière, vis-à-vis de la république, en quoi je suis fermement persuadé qu'on se fait illusion. Nous savons de notre ministre, quelles sont les dispositions des esprits, et nous en apprenons bien plus par le c-te Branicki. Ce n'est que par celui-ci, par les consolations et les lueurs d'espérance que nous faisons passer par son canal, que nous retenons la nation. Je vous le dis, mon prince, nous n'en serons plus les maîtres, dès qu'ils verront que le décret de l'aggravation de leurs maux est irrévocable. Tout faibles qu'ils sont, ce sera toujours une atteinte à la légalité de nos démarches qu'une protestation; ils diminueront de leurs pertes, en y attachant de l'incertitude et remettant au temps à faire le reste. Croyez aussi, qu'à force d'attente et de moyens ils parviendront à altérer l'intégrité de notre concert. Et de bonne foi, comment les trois puissances entre elles le jugeront-elles inattaquable, quand elles le voyent sapé dans ses fondements par le renversement du premier principe proposé par la cour de Vienne elle-même, l'égalité parfaite de partage, et de celui qui seul peut prévenir par la suite le choc de nos intérêts à tous les trois, l'existence de la république dans un état convenable de puissance intermédiaire?

J'ai beaucoup de confiance, mon prince, dans le jugement profond et l'expérience consommée du ministre auquel vous avez à parler, et ainsi que je fais de mon côté, je me persuade qu'il tiendra son honneur personnel et la réputation de son ministère intéressés à finir les affaires dans le dessein, dans lequel elles ont été commencées, qui est d'établir fermement un système de paix, de bonne intelligence et d'union entre les trois cours et non de pousser avec activité et sans mesure des intérêts présents, sans aucun regard sur l'avenir. Je me flatte aussi, qu'il ne sera rien omis par V. E. pour lui présenter dans toute leur force et leur vérité ces considérations et que Sa Majesté Impériale aura lieu d'y reconnaître une nouvelle preuve de votre capacité et de votre zèle pour son service; et dans cette ferme persuasion j'ai l'honneur d'être etc.

A St.-Pétersbourg, ce 30 Mai 1774.

2513) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 30 Мая 1774 г.).

Нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву.

Со благоволеніемъ къ вамъ читали мы послѣднія ваши реляціи подъ №№ 14 и 15; приложенная при первомъ копія съ письма вашего къ верховному визирю показываетъ намъ въ точности, что вы первый вашъ къ сему оттоманскому министру отзывъ касательно возобновленія мирной негоціаціи расположили весьма согласно съ нашими намѣреніями. Теперь остается здѣсь ожидать, какое дѣйствіе произведетъ оный при Портѣ, или, свойственнѣе сказать, въ немъ, верховномъ визирѣ, ибо всѣ Константинопольскія извѣстія безъ малѣйшей разноты продолжаютъ вѣщать, что ему безпредѣльно ввѣрена власть заключенія мира на тѣхъ условіяхъ, кои онъ самъ пріемлемыми и достаточными признаетъ.

Мы по сему предполагаемъ, что отвѣтъ визирскій на ваше къ нему письмо, который можетъ быть уже въ рукахъ вашихъ, много объяснитъ истинныя намѣренія и склонности Порты, коими вы, конечно, руководствуясь собственнымъ вашимъ благоразуміемъ и нашими толь достаточными на всѣ случаи предписаніями, наилучше пользоваться не оставите для приведенія мирнаго дѣла къ скорому и вожделѣнному концу.

Въ резолюціи на вопрошеніе ваше о точныхъ предѣлахъ (и) окружностяхъ городовъ Очакова и Кинбурна нѣтъ возможности сдѣлать здѣсь прямого опредѣленія. Оное долженствуетъ зависѣть отъ успѣховъ вашихъ въ мирной негоціаціи, дабы требованіе большаго

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

или меньшаго количества земли размѣрить по онымъ, сколько между тѣмъ надобно утвердительно положить, что городу безъ земли для выгону и другихъ надобностей человѣческаго содержанія быть нельзя, который резонъ конечно и турки оспорить не могутъ; а затѣмъ уже и будетъ дѣло собственной вашей прозорливости, отсылая къ съѣзду будущихъ для разграниченія коммиссаровъ самое опредѣленіе точнымъ межамъ городскихъ окружностей, сдѣлать только въ трактатѣ нѣкоторую индикацію, дабы послѣ оная правиломъ и дорогою служить могла къ одержанію сколько можно большихъ выгодъ, а наипаче къ доставленію для насъ безпосредственной коммуникаціи. Говоря здѣсь вообще объ обоихъ городахъ Очаковѣ и Кинбурнѣ, не выпускаемъ мы однакожъ изъ памяти нашей, какое въ разсужденіи ихъ предписано вамъ различеніе и что настояніе на первомъ долженствуетъ распространяться до послѣдней крайности. Впрочемъ пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 5 Іюня 1774 года.

Екатерина.

2514) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Какъ теперь, по размѣнѣ любезнѣйшимъ нашимъ сыномъ и великимъ княземъ принадлежавшей ему части герцогства Голштинскаго на графства Ольденбургское и Дельменгорстское, младшая линія герцогскаго Гольштейнъ-Готторпскаго дома получила для себя, въ персонѣ его свѣтлости епископа Любекскаго, дяди нашего, пристойное и прочное на будущія времена пристроеніе, то для предостереженія и впредь интересовъ оной линіи отъ стороны двора нашего, разсудили мы за благо учредить и содержать при его свѣтлости повѣренную персону съ публичнымъ характеромъ. Вслѣдствіе чего мы, всемилостивѣйше жалуя нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ совѣтника посольства Ивана Местмахера въ канцеляріи совѣтники, опредѣляемъ его министромъ нашимъ къ сему посту и повелѣваемъ ей изготовить на имя его къ подписанію нашему обыкновенную кредитивную грамоту. Годового Местмахеру жалованья опредѣляемъ мы на тамошнее его пребываніе по 3.000 р., да сверхъ того жалуемъ ему на дорогу и на основаніе дома въ одинъ разъ 2,000 р., кои деньги имѣетъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ какъ нынѣ получить, такъ и впредь въ обыкновенные сроки получать отъ Статсъ-Конторы по сему нашему указу.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, 12 Іюня 1774 года.

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной экспедиціи, № 351.

2515) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 7 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу князю Долгорукову.

Опредѣливъ предъ симъ дѣйствія предводимой вами арміи на нынѣшнюю кампанію, откроемъ мы вамъ при томъ и соизволеніе наше учинить заблаговременныя приготовленія къ осадѣ Очакова. Въ семъ намѣреніи потребная къ такому предпріятію артиллерія съ снарядами доставлена уже въ Кіевъ и Переволочну, и опредѣленные къ исполненію онаго артиллерійскіе и инженерные генералы и другіе чины, находясь тамъ, упражняются въ разныхъ по тому исправленіяхъ. Теперь осталось только ожидать случая и возможности произвесть сіе въ дѣйство. Между тѣмъ разсудили мы за благо поручить тѣхъ генераловъ, съ ихъ командою и осадною артиллеріею, въ ваше вѣдомство, о чемъ уже нашему генералу-фельдцейхмейстеру и указъ данъ; и повелѣваемъ вамъ снабжать ихъ вашими на ихъ представленія рѣшеніями, также и назначить имъ по лучшему вашему усмотрѣнію теперь мѣсто соединенія ихъ, а во свое время и путь, которымъ они должны будутъ слѣдовать къ Очакову. Впрочемъ пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Петербургѣ, 20 Іюня 1774 года.

Екатерина.

2516) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [2]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 20 Іюня 1774 г.).

Послѣдній вашего с-ва верховному визирю учиненный отвѣтъ на записку сугубо удовлетворяетъ сердечнымъ моимъ чувствамъ и какъ министра, раздѣляющаго съ вами производство мирной негоціаціи, и какъ персональнаго вашего друга, который обыкъ принимать нелестное (нелѣностное?) участіе во всѣхъ вашихъ дѣлахъ и успѣхахъ. По всѣмъ частямъ мирнаго дѣла, требующимъ ближайшаго нашего съ Портою Оттоманскою сношенія, встрѣтили вы, м. г. м., во всей полнотѣ и точности прямой смыслъ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества намѣреній, да и преподали оный визирю въ образѣ для турецкаго высокомѣрія, не меньше какъ и для личныхъ склонностей сего верхов-

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

[2]) М. Г. А. Турція X, св. 3. Напеч. въ отрывкѣ въ Русск. Архивѣ 1879 г., кн. 10, стр. 150—152.

наго министра, свойственнѣйшемъ и убѣдительнѣйшемъ. Конечно, тѣ прибавки, которыя ваше с-во рѣшились сдѣлать собою въ новыхъ нашихъ мирныхъ предложеніяхъ, не могутъ инако, какъ полезны быть, ибо въ случаѣ необходимой уже нашей уступки въ разсужденіи Очакова, совмѣстительная ихъ тутъ, если надобна же, уступка будетъ и долженствуетъ служить для насъ способомъ умноженія цѣны за Кинбурнъ. Самое естественное положеніе замка сего можетъ сверхъ того туркамъ съ удобностью представляемо быть лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ, когда оный въ нашихъ рукахъ будетъ, къ приведенію въ дѣйствіе перваго и главнаго будущему нашему миру предполагаемаго основанія, чтобъ уменьшить, или, по собственнымъ словамъ визирской записки, изъять изъ среды и уничтожить причины, могущія впредь разрушить возстановляемую нынѣ дружбу, ибо мы не для чего другого желаемъ пріобрѣтенія Кинбурна, какъ единственно для учрежденія тамъ, по способности теченія рѣки Днѣпра изъ внутреннихъ провинцій государства, прочнаго и непоколебимаго стапеля взаимной нашей и на обѣ стороны ощутительнымъ образомъ полезной торговли, въ которой Россія предпочтительно всему тотъ для себя и для Порты Оттоманской выгадываетъ важный и ничѣмъ другимъ незамѣняемый прибытокъ, чтобъ чрезъ связаніе по коммерціи частнаго интереса подданныхъ обѣихъ Имперій сдѣлать впредь и сохраненіе между ними дружбы и мира предметомъ верховнаго попеченія взаимныхъ правительствъ, слѣдовательно же и поставить оное выше тѣхъ мелкихъ и временныхъ недоразумѣній и раздоровъ, коими донынѣ, при совершенномъ недостаткѣ таковой связи, коварство посторонніихъ завистниковъ предуспѣвало иногда тревожить Порту Оттоманскую и приводить въ волненіе чернь ея на границахъ, да и въ самомъ Константинополѣ, чему настоящая наша война есть свидѣтельствомъ неоспоримымъ, ибо тутъ извѣстнымъ образомъ самъ настоящій визирь сдѣлался жертвою своего благоразумія и своей похвальной твердости.

Съ свободою открываю я вамъ, милостивый мой другъ, мысли мои, для того, что онѣ суть дѣйствіе и плодъ истинной моей къ вашему с-ву преданности и что опять я внутренно удостовѣренъ, что вы ихъ въ семъ ихъ прямомъ разумѣніи и принимать изволите, тѣмъ паче, что священный долгъ дружбы обязываетъ насъ скорѣе избыточествовать, нежели сокращаться во взаимныхъ нашихъ изъясненіяхъ.

Слѣдуя сему правилу, стану я далѣе продолжать по мѣрѣ, какъ мнѣ разныя матеріи воображаются. Съ Бухарестскаго конгресса примѣчаю уже я, что Порта, говоря о вольности татаръ, во всѣхъ своихъ отзывахъ нечувствительно уклоняется присовокуплять къ слову *вольности* слово *независимости*. Долгъ общаго нашего бдѣнія взыскиваетъ напротивъ не дать ей воспользоваться сею хитрою ухваткою варварской ея по-

литики, а особливо въ настоящемъ нашемъ третичномъ и, даруй десница Всевышняго, послѣднемъ уже миротвореніи, когда мы согласились предохранить преимущества султанскія надъ татарами по общему ихъ единовѣрію, кои и въ прочихъ ихъ дѣлахъ Портѣ немалую инфлюэнцію давать могутъ, если мы вопреки оной когда-либо ослабѣвать станемъ, почему я ваше с-во симъ прилежнѣйше прошу, въ отвращеніе всякаго къ таковому послабленію съ нашей стороны и малѣйшаго повода, какъ во всѣхъ вашихъ во время негоціаціи отзывахъ неразлучно вездѣ соединять оба слова «вольности» и «независимости», такъ и при сочиненіи и подписаніи самаго мирнаго трактата неупустительно предостеречь, дабы оныя вмѣстѣ оглавлены и татары именно и точно признаны были областью въ политическомъ и гражданскомъ состояніи никому, кромѣ единаго Бога, не подвластною, но управляющеюся собственными своими, ни отъ кого же въ сей части нимало не зависимыми, ханами Чингизскаго рода.

Отъ собственнаго вашего прозорливаго ока не скроются всемѣрно настоящія мои примѣчанія, но я сказалъ уже выше, что единственно плачу ими долгъ дружбы, которою вашему с-ву обязанъ и которая влечетъ меня теперь далѣе открыть вамъ здѣсь совсѣмъ новую идею.

Изъ теченія времени въ перепискѣ вашей съ верховнымъ визиремъ и изъ ощутительной его застѣнчивости въ мирныхъ изъясненіяхъ оказывается довольно, что политика турецкая всегда на себя походитъ и что визирь готовится тянуть вдоль негоціацію въ тѣхъ, можетъ быть, мысляхъ, чтобы умышленною медлительностью томить наше терпѣніе и тѣмъ вытаргивать для Порты лучшія условія, предоставляя себѣ съ другой стороны свободу испытать между тѣмъ жребій оружія въ начавшуюся уже и совсѣмъ приготовленную кампанію, съ исходомъ которой льстится онъ, можетъ быть, устоять не въ худшемъ положеніи нынѣшняго, а неменьше сообразоваться по слѣдующимъ иногда въ обстоятельствахъ времени перемѣнамъ, чѣмъ ненавистники наши безпрестанно Портѣ мечтаютъ.

Мы можемъ, правда, въ сихъ обоихъ пунктахъ быть спокойны, ожидая, сколько до перваго принадлежитъ, что не только превосходныя вашего с-ва дарованія сохранятъ единожды уже пріобрѣтенную надъ непріятелемъ рѣшительную поверхность оружія нашего, но и что изыщете вы еще возможность нанести ему, по привычкѣ вашей къ побѣжденію, самые чувствительные удары сверхъ ожиданія его; а по другому—отнюдь не предусматривая съ тѣнью малѣйшей вѣроятности, чтобы какіе либо аспекты такъ скоро открыться могли къ отягощенію нашей войны, или же къ отвлеченію отъ оной главнаго нашего вниманія и дѣйствительно нынѣ употребляемыхъ силъ; однакожъ тѣмъ не меньше само по себѣ подлинно, что отечеству нашему миръ весьма

нуженъ и что мы потому онаго съ алчностью ждать и добиваться должны. Для сего самаго, и чтобъ скорѣе преломить медлительность верховнаго визиря, не разбирая впрочемъ, отъ какого оная подвига ни происходитъ, думаю я, что весьма не безполезно будетъ, если ваше с-во, избравъ поводъ и случай пристойные, изволите къ нему безъ всякихъ обиняковъ отозваться образомъ собственныхъ вашихъ на физическомъ существованіи вещей основанныхъ разсужденій, съ преданіемъ собственному его зрѣлому проницанію опредѣлить имъ истинную цѣну, относительно къ кореннымъ статскимъ интересамъ Порты Оттоманской: что онъ, визирь, и всѣ министры Порты весьма ошибаются, если они ложнымъ и коварнымъ навѣтамъ завистниковъ взаимнаго нашего мира подаютъ вѣру въ томъ, будто у насъ государственныя наши пособія въ конецъ уже истощены и мы не въ состояніи болѣе продолжать войну съ тою поверхностью оружія, которую донынѣ сохранить умѣли; что какъ напротивъ того къ настоящей кампаніи вездѣ и всѣ приготовленія изобильно сдѣланы, въ чемъ турки лучше всякаго лжесвидѣтельства собственнымъ своимъ глазамъ вѣрить долженствуютъ, такъ и впредь на многія послѣдующія кампаніи найдемся мы еще непремѣнно въ состояніи являться съ неменьшимъ, какъ и нынѣ, ополченіемъ на морѣ и на сухомъ пути; что вы не оспариваете, правда, что чѣмъ больше мы впредь оружіе наше подвигаемъ, тѣмъ вяще удаляемся отъ собственныхъ своихъ границъ, слѣдовательно, и отъ центра рессурсовъ нашихъ, вопреки чему предводимая имъ, визиремъ, армія пропорціонально къ своимъ приближается; что, съ другой стороны, не можетъ онъ и всякій благоразумный турокъ скрывать предъ собою, что толь глубокое наше вступленіе въ самую внутренность Оттоманскихъ земель можетъ для самаго Константинополя однимъ или другимъ образомъ гораздо предосудительно быть, а по крайней мѣрѣ оставить по себѣ на долгое время печальные слѣды непріятельскаго нашествія, которое для сихъ земель тѣмъ пагубнѣе будетъ, чѣмъ менѣе мы будемъ находить возможности установить въ нихъ твердую ногу, ибо въ семъ случаѣ военный резонъ принудитъ уже васъ, противу склонности и желанія, опустошать въ конецъ всѣ тѣ мѣста и селенія, кои бы сколько-нибудь въ пользу турецкихъ войскъ служить могли; что сверхъ того Порта, доколѣ война продолжится, будетъ непремѣнно терять всѣ доходы и всю прибыль отъ подвластныхъ оружію нашему княжествъ и земель, также и въ самомъ Царѣградѣ претерпѣвать чувствительное утѣсненіе отъ морскихъ нашихъ въ Архипелагѣ силъ, кои неудобства въ одно мгновеніе прекратить зависитъ отъ него, визиря, подписаніемъ мира за такъ дешевую цѣну, каковою безпристрастно отъ всѣхъ почитается уступка намъ Кинбурна съ уѣздомъ, для заведенія равнополезной на обѣ стороны тор-

говли и для утвержденія оною будущаго впредь покоя, возвращеніе Россіи древнихъ ея границъ по Бугъ рѣку въ мѣстахъ совсѣмъ необитаемыхъ и дикихъ, да признаніе вольности и независимости націи татарской, которая сама довольно отъ Порты отдѣлилась и, составя изъ себя особливую область, начала уже вкушать плоды собственнаго своего вольнаго и независимаго правленія; что и въ разсужденіи татаръ одна Порта чрезъ миръ выиграетъ, ибо тутъ возвратятся и присвоятся султану слѣдующія по магометанскому закону духовныя преимущества, съ торжественнымъ ихъ чрезъ трактатъ навсегда утвержденіемъ, которыхъ онъ теперь всячески лишаться долженствуетъ; что чрезъ продолженіе времени татары могутъ привыкнуть и совсѣмъ не дознавать сихъ преимуществъ и слѣдовательно же и поставлять ихъ для себя не только ненужными, но паче и вредными еще, въ чемъ натурально статскій нашъ интересъ ихъ всѣми возможными средствами подкрѣплять будетъ, доколѣ возстановленіемъ мира не возвратится Россіи свобода быть для Порты прямо полезною державою; что пускай, оставляя всѣ сіи, въ пользу нашу служащія, уваженія, положить на одинъ часъ, что война со стороны Порты будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, чтобъ мы не изнемогли, а устали для одного ея упорства содержать арміи наши втунѣ и безъ всякаго для мира существительнаго плода, въ такой отдаленности отъ границъ, въ коей донынѣ столько лѣтъ обращаемся, конечно безъ истощенія еще рессурсовъ нашихъ; но что и на сей послѣдній случай вы, яко главный и уполномоченный предводитель арміи Ея Императорскаго Величества, имѣете въ своихъ рукахъ такой способъ, коего у васъ не можетъ похитить никакая сила и никакія обстоятельства, сколько бы они ни перемѣнялись въ общемъ положеніи дѣлъ европейскихъ въ пользу Порты Оттоманской, въ чемъ самъ верховный визирь конечно со мнѣніемъ вашимъ согласиться долженъ; что сей способъ состоитъ въ томъ, чтобъ, уставши производить съ нашей стороны войну наступательную, превратить ее въ оборонительную, но прежде дѣйствительнаго на то поступленія всѣ, занятыя нами, турецкія многочисленныя и толь важныя крѣпости до подошвы подорвать и истребить, города и селенія въ конецъ опровергнуть и опустошить, а жителей всѣхъ безъ изъятія и со всѣмъ ихъ имуществомъ отвесть въ Россію, гдѣ еще извѣстнымъ образомъ находится впустѣ довольно мѣстъ и земель, къ обитанію способныхъ, и гдѣ ежегодныя военныя издержки на ихъ поселеніе съ гораздо большею пользою употреблены быть могутъ; что такое до послѣдней головы переселеніе жителей Бессарабіи и княжествъ Молдавскаго и Волошскаго будетъ весьма достаточно къ награжденію всѣхъ нашихъ въ войнѣ понесенныхъ убытковъ, равно какъ оно съ другой стороны долженствуетъ обратиться для Порты въ самый

чувствительный и никогда не поправляемый ударъ, чрезъ конечное ея лишеніе знатныхъ и плодородныхъ провинцій, кои самому Царьграду знатную часть содержанія его преподаютъ, и чрезъ совершенное обнаженіе отъ всякой обороны внутреннихъ ея земель; что употребленіе сей крайней и послѣдней мѣры къ облегченію для насъ военнаго бремени, находясь совершенно и во всякое время въ рукахъ нашихъ, для того одного по сю пору въ прямую дѣйствительность не производится, что нашъ дворъ, обыкнувъ во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ предпочитать способы кротости и моральнаго убѣжденія, хочетъ до конца испытать истинныя склонности Порты Оттоманской, усматривая и почитая въ существованіи и цѣлости ея, не взирая на войну и вражду временныя, такую державу, которая чрезъ естественное связаніе взаимныхъ интересовъ можетъ для Россіи столько же полезною быть, сколько и ей напротивъ Россія; что сему правилу послѣдуютъ въ настоящія просвѣщенныя времена всѣ народы европейскіе, ища взаимно и посреди войны всѣхъ отъ нея на будущее время для обѣихъ сторонъ возможныхъ выгодъ; но что, однакожъ, всему есть на свѣтѣ терминъ, до коего непріятеля своего никогда принуждать не можно, дабы иначе оный не сдѣлалъ себѣ изъ нужды закона; что Порта теперь въ разсужденіи насъ сего обязательнаго уваженія отнюдь упускать не долженствуетъ, если не хочетъ за такой малый эквивалентъ, каковы послѣднія наши требованія, подвигнуть насъ на резолюцію возвѣщаемой вами напередъ крайности; что когда оная единожды исполнена будетъ, война, такъ сказать, сама собою пресѣчется, ибо толь великое пространство опустошаемыхъ посреди земель, кои теперь во владѣніи нашемъ находятся, сдѣлаютъ для насъ Порту физически совсѣмъ почти несуществующею съ той стороны, гдѣ теперь театръ войны происходитъ, и съ которой одной мы отъ нея атакованы быть можемъ; что тогда туркамъ къ произведенію войны одна перспектива оставаться будетъ въ возвращеніи подъ власть свою Крымскаго полуострова и всѣхъ татаръ; но пускай тутъ самъ верховный визирь зрѣло разсудитъ, можетъ ли оное съ нѣкоторымъ вѣроподобіемъ и предполагаемо быть. Донынѣ, когда еще всѣ наши военныя силы находятся въ толикомъ между собою раздѣленіи, и ваше с-во съ толь знатною частью ихъ ведете наступательныя дѣйствія за самымъ Дунаемъ, объемля въ то же время стражею вашею пространство всѣхъ береговъ сей рѣки, были однакожъ всѣ покушенія Порты на Крымъ обращаемы ни во что отъ тѣхъ однихъ войскъ, кои безпосредственно на охраненіе онаго отряжены; чего же тогда туркамъ надѣяться, когда всѣ наши войска будутъ въ соединеніи на одномъ пунктѣ и посреди всѣхъ пособій собственной своей земли, и когда еще татары сами привыкнутъ почитать ихъ защитниками и охрани-

телями вольности своей? Кто безпристрастнымъ окомъ разсмотритъ положеніе Крыма, близость онаго къ нашимъ границамъ для полученія въ самомъ краткомъ времени всякой помочи и взятую нами въ ономъ твердую ногу, тотъ конечно долженъ и признаться, что изгнаніе насъ оттуда силою оружія есть дѣло невозможное, когда сухой путь къ нашествію совершенно запертъ, а остается только свобода съ моря, и то оспориваемая нашими по оному вездѣ плавающими и съ турками неоднократно уже не безъ удачи искусившимися судами.

Изъ сего разсмотрѣнія можетъ еще далѣе судить Порта, что какъ для насъ съ одной стороны содержаніе учрежденныхъ въ Крымскомъ полуостровѣ гарнизоновъ стало уже дѣломъ обыкновеннымъ и такимъ, коего расходы и иждивеніе не выходятъ изъ предѣловъ обыкновеннаго нашего въ мирное время штата, такъ, напротивъ, съ другой—для нея всякое вопреки ополченіе, сколько впрочемъ ни тщетное, будетъ обходиться въ весьма дорогую цѣну; что посему конечно она скорѣе, нежели мы, устать и истощиться можетъ, безъ всякой уже пользы и пріобрѣтенія отъ мира, поздно или рано заключаемаго, ибо между тѣмъ обладаемыя нынѣ оружіемъ нашимъ провинціи ея въ конецъ обнажены и опустошены будутъ. Сверхъ того, надобно Портѣ болѣе всего памятовать, что доколѣ война продолжится, будемъ мы оставаться во владѣніи Керчи и Еникаля, кои она почитаетъ ключемъ Константинопольской безопасности, и что морскія наши силы въ Черномъ морѣ повсягодно возрастать будутъ отъ тѣхъ пособій, кои для сего Крымскій полуостровъ въ изобиліи представляетъ, ибо умноженіе оныхъ сдѣлается тогда главнымъ и первымъ попеченія нашего предметомъ, дабы собственными нашими предпріятіями на берега турецкіе упражнять непріятельскій флотъ. Можетъ-ли съ другой стороны резонабельнымъ образомъ, наравнѣ съ сими ощутительными для Порты неудобствами, поставляема быть уступка намъ замка Кинбурнскаго и учрежденіе при ономъ торговаго кораблеплаванія, когда притомъ Порта на дѣлѣ уже испытала, что и послѣ того, какъ намъ послѣднимъ мирнымъ трактатомъ всякое плаваніе по Черному морю возбранено было, не опоздали мы при самомъ началѣ войны явиться на ономъ съ построенными внутри Россіи судами и въ довольныхъ силахъ, чтобъ противувѣсить турецкимъ?

Представляя вашему с-ву всѣ таковыя разсужденія, надѣюсь я отъ дружбы и благосклонности вашей, что вы пространство и подробность оныхъ извинить изволите. Перомъ моимъ при начертаніи ихъ водили неограниченная моя къ вамъ, милостивый мой другъ, откровенность и долгъ званія, на истинномъ къ службѣ отечества усердіи основывающійся. Вотъ вамъ мое оправданіе, а притомъ и совѣтъ съ просьбою, чтобъ вы идею мою, если найдете оную, по дѣйствитель-

ному теченію мирныхъ вашихъ съ визиремъ договоровъ, полезною и годною къ поспѣшествованію и окончанію мирнаго дѣла, изобразили и истолковали сему оттоманскому министру въ томъ видѣ и образѣ, каковыя ваше с-во сами лучшими изобрѣсть и признать изволите. Всегда пребуду я и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 22 Іюня 1774 г.

2517) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ[1]).

St.-Pétersbourg, ce 24 Juin 1774.

Ce n'est pas sans peine que je vois, mon cher baron, le mauvais effet qu'ont produit l'emportement et la précipitation de la princesse Sapieha, mais il ne faut pas, s'il se peut, que l'affaire de son mari en reste là. Je vous prie au contraire d'y mettre de l'activité et de tâcher de vous retourner de façon à l'emporter. Ce n'est point au reste au nom de l'Impératrice que je vous prie d'agir. Vous vous abstiendrez de donner aucune déclaration positive dans le sens qu'on vous en demande. Je vous vois prévenu des ménagements à garder ici pour ce qui intéresse la gloire de Sa Majesté, et c'est aussi ce que je vous recommande expressèment, en observant soigneusement de n'y faire paraître son nom que le moins qu'il sera possible. Vous agirez par vous même, par vos amis et votre crédit, et aussi par ce que vous jugerez que mon sentiment personnel peut avoir d'influence là-bas, et de cette façon vous ne prendrez cette lettre que comme écrite confidemment et d'un ami.

Quand on vous presse du côté des Oginski sur l'amnistie générale accordée par vous, on ne devra point selon moi trouver d'injustice, si vous vous expliquez, comme je vous prie de le faire, qu'une telle amnistie n'a pu comprendre que ceux des polonais qui s'étant laissés abuser par faux principes ou par insinuations à prendre part aux troubles, sont revenus de bonne foi et se sont rejoints de bonne heure au corps de l'état pour aider à la pacification de leur patrie; qu'il serait dangereux pour la Pologne de confondre dans la même classe un homme, qui, comme Oginski, agissant en chef et pour des vues personnelles, a abusé de l'autorité que l'état lui avait confiée pour le mettre en péril; qu'il serait tout aussi peu séant pour la gloire de la Russie de n'avoir qu'une même mesure d'indulgence pour des gens dont elle n'a à se plaindre que par un intérêt général à la tranquillité de la Pologne, et pour celui qui personnellement a levé le bouclier contre l'Impératrice et lui a fait la

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

guerre; qu'ainsi l'amnistie vis-à-vis d'Oginski ne pouvait raisonnablement s'entendre que de la sûreté de sa personne et de ses biens, et non de sa conservation dans une place d'où il peut menacer demain ceux qui aujourd'hui lui font grâce; que ce serait de plus une injustice criante de l'y maintenir au préjudice d'un patriote, comme le prince Sapieha, aux services et à la fidélité duquel la république a eu recours contre ce même Oginski.

D'autre part vous pouvez assurer ceux de ses parents et de ses amis qui ont intercédé pour lui auprès de l'Impératrice, que Sa Majesté Impériale, en leur considération comme citoyens qui ont bien mérité d'elle et de leur patrie, veut bien admettre des tempéraments sur le sort futur du comte Oginski; qu'il ne s'agit que de trouver un arrangement qui puisse répondre à ce que l'Impératrice se doit pour sa propre satisfaction et la sûreté de la Pologne à l'avenir, et en même à ce qu'elle veut bien accorder à leurs sollicitations. Et voici ce que je trouve le plus juste et le plus praticable dans ces circonstances. Il n'y a point de doute que le palatinat de Vilna ne soit vacant, vous pouvez le déclarer tel et assurer que jamais l'Impératrice ne consentira au retour de Radziwill dans sa patrie. Ses offenses sont trop personnelles, ses torts sont trop graves, trop multipliés pour que jamais aucun ménagement puisse avoir lieu à son égard, surtout quand il vient de mettre le comble à sa folie et à ses emportements, en se mettant sous la protection de l'ennemi déclaré de l'Impératrice. Vous devez donc proposer, qu'Oginski de lui même résigne sa charge de grand-général qui sera donnée au prince Sapieha, et que lui il soit rétabli dans le palatinat de Vilna dont il a été pourvu précédemment et qu'il ne quitta que pour recevoir le bâton de général au préjudice du prince Sapieha.

Cette première disposition faite, la charge de petit général ou de général de camp de Lithuanie doit rester à la disposition du Roi, qui, selon l'assurance que m'en donne le c-te Branicki, la donnera à m-r Sosnowski, et vous veillerez à ce que cela fît son effet. De plus obtenez qu'en même temps et comme faisant partie du même arrangement, le palatinat de Smolensk ou de Polozk, ou tel autre vacant, soit donné au prince Radziwill, maréchal de la confédération. Voilà sur quel pied je vous prie de travailler. Employez ce que vous avez de ressources personnelles, le crédit et la confiance que vous vous êtes justement acquis, pour faire goûter aux deux partis l'arrangement que je propose. Insistez-y, s'il en est besoin, comme sur la seule chose qui puisse convenir à votre cour et aussi laisser le moins de mécontents que possible, ce qui est un des objets de la pacification générale à laquelle vous travaillez. J'ai beaucoup de confiance dans vos talents et votre adresse à ménager les esprits, et je me flatte que vous réussirez. Je ne m'oublie

point ici auprès de Branicki, comme vous m'en avez prié, afin qu'il fasse marcher le Roi dans la voie qui convient. Je ne suis point homme à encourager leurs illusions, mais je sais aussi que ce n'est que par degrès et par quelque condescendance qu'on peut les en guérir. Je suis au reste avec la plus parfaite amitié etc.

2518) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 21 Іюня 1774 г.).

Monsieur mon frère. Votre Majesté ne doutera point que je ne sois sensiblement affectée, en voyant par sa lettre et par les représentations qui me sont faites de sa part, combien elle se fait de peine du maintien des dissidents dans la législation. Je désirerais qu'il fût en mon pouvoir de changer ces inquiétudes en un état de paix et de parfaite tranquillité; mais ma position à moi dans cette affaire n'est pas telle à beaucoup près, que je puisse disposer des choses à mon gré. Je ne rappellerai point à Votre Majesté tout ce que j'ai déjà tacitement consenti, qu'il fût apporté de modifications au rétablissement plein et entier des dissidents tel que je l'avais obtenu. Il suffit que ce soit une vérité évidente, que dès qu'on y joindrait encore leur exclusion de la législation prononcée de l'aveu de la puissance garante et protectrice de leurs droits, leur condition serait pire que celle d'où j'ai tâché de les arracher. La force et la violence les tenaient à la vérité dans l'oppression, mais l'espérance et le droit de s'y soustraire subsistaient toujours, et ce dernier souffle de vie va leur être ravi si leur exclusion est érigée en droit. J'en appelle aux lumières de Votre Majesté et à la justice de l'Europe entière, si faisant taire pour un moment toutes les raisons de dignité et d'intérêt de ma couronne, l'humanité même ne serait pas révoltée, que la main qui a soutenu les dissidents fût l'instrument qu'on ferait servir à leur entière destruction; et c'est cependant là le sacrifice qu'on exige de moi. Je demande avec assurance, si, quelque soit en moi le désir de voir la paix intérieure rendue à la Pologne, si, quelque intérêt que je prenne à l'affermissement et à la sûreté de Votre Majesté sur son trône, il m'est permis de me porter à une démarche, je ne dirai pas—dont ma gloire est blessée, mais que l'honnêteté désavoue. Telle est donc la nécessité des circonstances, que je ne dois ni ne puis donner à Votre Majesté la preuve d'amitié qu'elle me demande avec tant d'instances. C'est une

[1]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.

peine et un désagrément pour moi même, mais qui ne doit laisser aucune impression à Votre Majesté contre la vérité et l'étendue des sentiments d'estime et de considération, avec lesquels je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté etc.

Péterhof, ce 27 Juin 1774. (Вручено графу Браницкому для доставленія 12 іюля 1774 г.).

2519) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [1]).

Monsieur mon frère et cousin. La lettre de Votre Majesté en date du 7 Juillet n. st. vient de m'instruire des circonstances qui l'ont engagée à différer son voyage de Finlande jusqu'à l'année prochaine, et que ce ne sera qu'alors que j'aurai le plaisir et l'honneur de la voir dans mes états. Ne pouvant douter de la sincérité des sentiments de Votre Majesté à mon égard, qu'elle a trouvé bon de me réitérer tant de fois et en toute occasion, je ne peux, en vivant dans l'attente de voir remplir la promesse que Votre Majesté veut bien me faire, que fermer mon ouïe et mon entendement aux interprétations sinistres de gens mal instruits des intentions de Votre Majesté, me réjouissant au reste avec elle de l'heureuse arrivée de la princesse et de l'accomplissement du mariage de m-r le duc de Sudermanie, quoiqu'il m'ait privé de la satisfaction d'assurer Votre Majesté de bouche, que je serai toujours avec la plus haute considération et une amitié très sincère.

Monsieur mon frère et cousin,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine
Catherine.

A Péterhof, ce 8 Juillet 1774.

2520) ИНСТРУКЦІЯ ДЛЯ НАЗНАЧЕННАГО МИНИСТРОМЪ ПРИ ЕПИСКОПѢ ЛЮБЕКСКОМЪ И. И. МЕСТМАХЕРА [2]).

Быть по сему.
Въ Петергофѣ, 9 Іюля 1774 г.

Какъ теперь по размѣнѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ, яко герцогомъ Голштинскимъ, принадлежавшей Его Высочеству части герцогства Голштинскаго на графства

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.
[2]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., № 55, и Голштинія, III, св. 1.

Ольденбургское и Дельменгорстское, совершенно прекращены происходившія съ давнихъ временъ между королевскимъ Датскимъ дворомъ и герцогскимъ Голштинскимъ домомъ распри, и доставлено чрезъ то младшей линіи герцогскаго Голштейнъ-Готторпскаго дома въ персонѣ его свѣтлости епископа Любскаго прочное на будущія времена пристроеніе, то Ея Императорское Величество для престереженія и впредь съ здѣшней стороны интересовъ Голштинскаго дома за благо разсудить изволила учредить и содержать при его свѣтлости повѣренную персону съ публичнымъ характеромъ. Ея Императорское Величество, высочайше апробовавъ вашу къ службѣ ревность, которую изъявляли вы и при случаѣ употребленія васъ при производимой о такомъ размѣнѣ негоціаціи, опредѣляетъ васъ, по способности вашей къ дѣламъ, своимъ министромъ при его свѣтлости епископѣ Любскомъ; почему и прилагается при семъ кредитивная объ васъ грамота съ копіею для извѣстія вашего. А чтобъ вы по всей связи упомянутой происходившей негоціаціи совершенно извѣстны были, то сообщаются вамъ при семъ копіи при особливомъ реестрѣ какъ съ запаснаго трактата, заключеннаго съ королемъ Датскимъ, такъ и съ рѣшительнаго, постановленнаго между Его Величествомъ и Государемъ Цесаревичемъ, и съ прочихъ къ тому же принадлежащихъ актовъ. При порученіи вамъ такимъ образомъ прилежнаго наблюденія вообще здѣшнихъ интересовъ, рекомендуется вамъ слѣдующее:

1-е.

По прибытіи вашемъ въ Эйтинъ и по аккредитованіи себя у его свѣтлости епископа, надобно вамъ обо всемъ подробно доносить министерству Ея Императорскаго Величества, отъ котораго вы и потребными наставленіями снабдѣваемы будете.

2-е.

Прилежному бдѣнію вашему особливо рекомендуется также и все, что съ Шведской стороны въ вашемъ мѣстѣ происходить будетъ. Ея Императорское Величество, входя въ положеніе его свѣтлости епископа, согласна быть изволитъ въ томъ, что онъ по свойству и по новому принцессы дочери своей союзу съ братомъ королевскимъ, обязанъ къ нѣкоторому снисходительному къ Его Шведскому Величеству поведенію; но со всѣмъ тѣмъ Ея Императорское Величество увѣрена, что истинная его свѣтлости къ особѣ ея привязанность, соединяющаяся нынѣ съ признательностію за великія къ дому его благодѣянія, никогда не дозволитъ ему, въ угодность королю, жертвовать податливостью своею къ здѣшнимъ видамъ и намѣреніямъ. Производимые иногда съ шведской стороны происки тѣмъ менѣе отъ свѣдѣнія ва-

шего скрыты быть могутъ, ибо самъ епископъ, по своей къ вамъ довѣренности, которую вы себѣ пріобрѣсть конечно стараться будете, въ сумнительныхъ случаяхъ уповательно вашего совѣта себѣ требовать будетъ. Тутъ ожидается уже отъ познанія вашего въ дѣлахъ и отъ ревности вашей, что преподаваемое вами его свѣтлости руководство согласовать потщитесь съ извѣстными вамъ по шведскимъ дѣламъ здѣшними намѣреніями, съ знаемымъ вами персональнымъ королевскимъ характеромъ и съ локальными обстоятельствами.

3-е.

О находящихся здѣсь Голштинскихъ принцахъ, племянникахъ его свѣтлости, извѣстно вамъ, что они какъ по разнымъ дѣламъ, на ихъ часть достающимся, которыми епископъ въ качествѣ опекуна столько лѣтъ управлялъ, такъ и особливо нынѣ по назначеннымъ имъ, въ силу акта, уступающаго ему графства Ольденбургское и Дельменгорстское, годовымъ удѣльнымъ деньгамъ, съ его свѣтлостію въ безпрестанномъ сношеніи находиться будутъ. Вслѣдствіе того имѣете вы, по волѣ Ея Императорскаго Величества и по высочайшему ея особливому объ нихъ призрѣнію, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ они по дѣламъ своимъ вспоможенія вашего нынѣ и впредь требовать могутъ или будутъ, въ пользу ихъ усердно интересоваться, утверждая между дядею и племянниками обоюдную любовь и взаимную довѣренность и споспѣшествуя всему, что къ общему ихъ удовольствію служить можетъ.

4-е.

Въ корреспонденціи вашей о нужныхъ и секретныхъ дѣлахъ надлежитъ вамъ употреблять приложенные при семъ цыфирные ключи, храня ихъ подъ собственнымъ вашимъ присмотромъ. Оные же ключи можете вы употреблять въ нужномъ случаѣ и въ перепискахъ вашихъ съ здѣшними при чужестранныхъ дворахъ министрами, которымъ о назначеніи вашемъ дано знать циркулярными рескриптами, какъ приложенная копія показуетъ.

5-е.

Жалованья Ея Императорскаго Величества на тамошнее ваше пребываніе опредѣлено вамъ по три тысячи рублевъ въ годъ, на дорогу и на основаніе дома двѣ тысячи рублевъ въ одинъ разъ, да почтовыхъ денегъ въ годъ по четыреста рублей, кои деньги вы получите нынѣ, да и впредь получать будете изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

6-е.

Для свободнаго вашего проѣзда прилагается при семъ паспортъ.

2521) НОТА АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КН. ЛОБКОВИЧУ [1]).

(Вручена Цесарскому министру кн. Лобковичу въ 10 день Іюля 1774 г.).

Le prince Poniatowski, frère du Roi de Pologne, dont tout le revenu consistait dans la starostie de Zips, vient de réclamer l'intercession de Sa Majesté Impériale auprès de LL. MM. II. et RR. pour qu'il lui soit accordé quelque dédommagement d'une perte qui absorbe toute sa fortune, ainsi que la bonification de ses effets trouvés sur la dite starostie, lorsqu'il en a été pris possession. L'Impératrice est bien éloignée de se permettre le moindre regard sur tel ou tel arrangement qu'il aura plu à la cour Impériale et Royale de faire pour la généralité de ses domaines nouvellement récupérés, mais elle ne croit pas moins devoir marquer sa confiance dans les sentiments généreux et équitables de Leurs Majestés, en leur recommandant les intérêts de m-r le pr. Poniatowski. M-r le pr. Lobkovitz est prié de faire parvenir cette intercession à sa cour et de vouloir bien y faire entendre, qu'outre le gré personnel de Sa Majesté Impériale pour ce qu'il plairait à LL. MM. II. et RR. de faire par égard pour l'amitié sincère qui les unit, il paraît qu'il ne nuirait point au bien des affaires communes en Pologne de traiter aussi favorablement que les circonstances pourront le comporter, un prince, à la prudence et à la bonne volonté duquel les ministres des trois cours ont rendu pendant toute la négociation le témoignage le plus authentique.

Fait à St-Pétersbourg, ce 1774.

2522) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [2]).

Monsieur mon frère. Je vois avec peine par le contenu de la lettre qu'il a plu à Votre Majesté de m'écrire le 11 de ce mois, que ce qu'elle m'a déjà fait connaître des désagréments de sa situation s'est encore accru par les impressions que la ville de Dantzig s'attache à lui donner de ses démélés avec le Roi de Prusse.

Toutes les assurances propres à les détruire, que je pourrais donner à Votre Majesté, elle les trouve déjà établies dans l'état politique de la chose, et la ville de Dantzig elle même n'est déjà que trop certaine qu'il

---

[1]) М. Г. А. Австрія, IV, св. 4.
[2]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.

ne saurait être question ni de sa distraction de la domination de la république, ni de son assujetissement ou du transport de la jouissance de son port à une puissance étrangère, puisque ce n'est que par cette sûreté où elle se voit contre de pareils dangers, qu'elle ose braver toutes les représentations et les moyens employés pour arranger ce différent selon les lois de l'équité. Loin que je puisse reconnaître que sa conduite fasse preuve de fidélité au gouvernement dont elle relève, il me parait bien plus évident, que c'est en méconnaître l'autorité que de décliner comme elle fait par tant de voies insidieuses la compétence d'une commission reconnue et avouée par elle même comme pouvant légalement terminer avec elle l'objet de la contestation, selon ce qui est stipulé dans le traité entre Votre Majesté, la république et le Roi de Prusse. Je jugerais donc que ce n'est ni son obéissance, ni son attachement à son souverain, mais le dernier souffle de l'esprit de haine et de jalousie qui s'est réfugié dans ses murs et qui la domine, qui lui inspire toutes les fausses mesures qu'elle se permet et auxquelles elle se tient avec tant d'opiniâtreté. C'est l'envie contre le système de tant de puissances pour assurer l'équilibre et la paix d'une partie si considérable de l'Europe, qui ne trouvant point jour à percer à aucune des trois cours intéressées à l'ouvrage et se voyant par les sages résolutions de Votre Majesté et de l'état bannie du centre même de la Pologne, va user ses derniers moyens sur l'esprit d'un magistrat faible et crédule. C'est une telle direction qui se fait sentir, quand la ville de Dantzig, contre la raison et son intérêt le plus évident, se refuse aux propositions simples et conformes à la nature de la question qui lui ont été faites. On lui a dit: il existe une collision d'intérêts entre vous et le Roi de Prusse, de la part de ce prince pour la propriété du fonds établie dans toutes ses preuves et constatée par le bail emphythéotique, passé et renouvellé tant de fois avec l'abbaye d'Oliva, et de la vôtre—pour le juste intérêt de vos frais de construction. Reconnaissez l'un et l'autre principe, et qu'ils soyent la base de la négociation. Au lieu de se plaindre et de rejeter une pareille proposition, on avait cru que la ville s'y verrait d'autant plus favorisée que c'était déjà lui faire remise du droit rigoureux, qui attribue au fonds la chose construite. Mais avec l'influence sous laquelle elle agit, il n'est pas possible encore de lui faire admettre aucune règle sur son existence et ses relations nouvelles dans les changements, qui se sont opérés dans son voisinage, et de là la longueur, les embarras et jusqu'à présent inutilité absolue de toute négociation avec elle. Je ne prendrai point sur moi de rien proposer à Votre Majesté sur ce que son autorité comme Roi de Pologne lui doit faire prendre de part au sort de cette ville; mais il est sensible, que si Dantzig pouvait être ramenée de son aveuglement et conduite à reconnaître l'équité et la nécessité de ces premiers prin-

*

cipes de négociation qui lui sont proposés, ses affaires ne pourront que finir plus tôt et à de meilleures conditions pour elle. C'est ce que je désire sincèrement pour le bien de la chose, pour ma propre satisfaction et pour celle de Votre Majesté, à laquelle je prendrai toujours un intérêt effectif par l'amitié et l'estime parfaite, avec lesquelles je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté etc.

Péterhof, ce 12 Juillet 1774.

2523) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [1]).

Péterhof, ce 14 Juillet 1774.
(Отправлено къ резиденту А. С. Стахіеву при письмѣ отъ 15 Іюля 1774 г.).

Monsieur mon frère et cousin. Je suis persuadée d'avance, que Votre Majesté partagera avec moi le chagrin et la peine que me cause la mort inattendue du prince Guillaume-Auguste d'Holstein, l'ainé des fils du feu prince George-Louis, notre oncle, dont je lui fait part à mon grand regret par celle-ci. Cette perte, singulièrement malheureuse dans ses circonstances, m'est d'autant plus sensible que depuis le décès du feu duc mon oncle j'avais fait prendre, comme Votre Majesté ne l'ignore pas, les plus grands soins de l'éducation des deux princes qu'il avait délaissés; je leur dois rendre la justice qu'ils répondaient parfaitement à mon attente. C'est avec la plus grande satisfaction que nous les avons vu revenir l'automne passé d'Italie, où ils avaient fini leurs études. Leurs succès répondaient à leur naissance. Le prince ainé par goût et par inclination souhaitait d'apprendre la science du service de la marine, et pour essayer, si la santé lui permetrait de suivre son penchant, il m'avait demandé, tandis que son frère cadet ferait sa première campagne dans la Bulgarie, de passer la belle saison sur mes escadres qui exercent dans la Baltique, sur l'une desquelles j'ai consenti qu'il s'embarque effectivement vers la fin de Juin. C'est là qu'il a plu à la Providence, dont les vues sont impénétrables, de permettre que la carrière de ce prince finisse d'une façon bien déplorable, puisque malgré toutes les précautions dont on usait chaque fois qu'il désirait de monter sur les mâts et cordages, où il était accompagné d'officiers et de matelots, il s'est laissé choir dans la mer le 3 de ce mois à la vue du port de Réval.

---

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

et malgré les nageurs du vaisseau l'Ezéchiel et les soins que tout l'équipage s'est donné, non seulement on n'a pas pu sauver la vie du prince, ni même retrouver son corps jusqu'ici. Le coeur saisi de ce triste événement qui fait le sujet de cette lettre, je fais des voeux pour la prospérité et la conservation de Votre Majesté, étant toujours avec une très haute considération et l'amitié la plus particulière,

Monsieur mon frère et cousin,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine
Catherine.

Письмо такого же содержанія отправлено того же числа къ королю Датскому Христіану VII (М. Г. А. Данія, I, св. 1).

КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ.

14 Іюля 1774 г.—о Щербининѣ и военныхъ дѣлахъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 415.

2524) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Милостивый мой государь Евдокимъ Алексѣевичъ. Прилагаю при семъ переводъ съ полученнаго мною отъ Калги-султана письма, купно и съ копіею съ моего къ нему отвѣтнаго, здѣсь же и въ подлинникѣ слѣдующаго, для дальнѣйшаго къ нему способомъ вашего прев-ва доставленія.

Изъ сихъ приложеній изволите ваше прев-во усмотрѣть требованіе и домогательство Калги-султана объ отпускѣ Эдиссанскихъ аманатовъ, съ присовокупленнымъ къ тому нареканіемъ на продолжительное ихъ въ здѣшней сторонѣ содержаніе и оказываемое къ нимъ будто и пренебреженіе, и что здѣсь за нужно и почтено удовольствовать его въ томъ, коль скоро присланы будутъ на перемѣну аманатовъ другіе. Но какъ Калга-султанъ, конечно, по желанію и настоятельству Эдиссанскихъ старшинъ больше въ своемъ представленіи сказалъ, нежели съ правдою сходственно, потому что, ежели Ногайцы имѣютъ причину быть недовольными долговременнымъ задержаніемъ въ

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Щербинину 1771—1775 г.г. Напечат. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1872 г., кн. II, стр. 17—18.

здѣшней сторонѣ аманатовъ, но по крайней мѣрѣ продолжается къ нимъ всегда, по возложенному на васъ попеченію, всевозможное и ихъ состоянію приличное призрѣніе, и отрицаніе Калгою сего послѣдняго обстоятельства есть повидимому только дѣйствіе его излишняго къ Ногайскимъ лжамъ снисхожденія: то и не можетъ оставлено быть безъ возраженія такое его порицаніе, почему, изъяснивъ я ему, коимъ образомъ самыми сихъ народовъ обстоятельствами воспрепятствовано было отпуску аманатовъ, и упомянувъ притомъ коротко, что они однако жъ никогда пренебрегаемы не были, предоставляю больше вашему прев-ву всему тому учинить и дополненія, которыя по ближайшему вашему Ногайскихъ дѣлъ свѣдѣнію могутъ быть приличны, чтобъ впредь толь осторожнѣе былъ онъ при случаѣ своихъ представленій. Между тѣмъ, какого бы состоянія люди на перемѣну настоящихъ аманатовъ присланы ни были бъ, кажется, надобно будетъ ихъ принять, чтобъ дальнѣйшимъ отложеніемъ и затруднительствомъ не огорчить легкомысленныхъ татаръ и Калгу-султана, тѣмъ больше, что отдаваемые въ залогъ родственники ихъ не препятствуютъ однако же имъ поступать на явныя противности, коль скоро случай и способъ къ тому представляется. Впрочемъ пребываю и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 14 Іюля 1774 г.

2525) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КАЛГѢ-СУЛТАНУ ШАГИНЪ-ГИРЕЮ [1]).

Сіятельный Калга-султанъ, мой почтенный пріятель. Получилъ я письмо ваше, моего почтеннаго пріятеля, которымъ вы домогательство дѣлаете объ отпускѣ содержащихся понынѣ въ здѣшней сторонѣ Эдиссанской орды аманатовъ, прибавляя къ тому, что они давно уже другими перемѣнены быть долженствовали по тѣмъ постановленіямъ, какія учинены съ Ногайскими народами при случаѣ отложенія ихъ отъ подданства Порты Оттоманской и вступленія въ союзъ съ Россійскою Имперіею, напротивъ же того, будто сіи въ залогъ вѣрности и дружбы въ здѣшнее содержаніе препорученные люди остаются между тѣмъ и всякаго уже уваженія лишенными.

Никому не можетъ быть столько извѣстно и ощутительно, какъ вашему сіятельству по собственнымъ вашимъ многократнымъ испытаніямъ, коль свято и непремѣнно въ полной силѣ и разумѣніи всегда содержатся данныя высочайшимъ Ея Императорскаго Величества име-

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Грамоты Императрицы и письма министровъ и генераловъ къ хану Крымскому и другимъ лицамъ 1774 г. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1872 г., кн. II, стр. 19—21.

немъ и повелѣніемъ обѣщанія, почему будьте вы, мой почтенный пріятель, удостовѣрены, что какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ равнымъ образомъ и въ разсужденіи аманатовъ своихъ, Ногайскіе начальники никакого справедливаго основанія не имѣютъ къ негодованію, не находясь конечно въ состояніи доказать, чтобъ когда-либо соглашенось было въ точности о нѣкоторомъ извѣстномъ и уреченномъ срокѣ къ перемѣнѣ однихъ другими, а только вообще обнадеживаніе дано, что въ томъ по желанію ихъ, Ногайскихъ начальниковъ, поступлено быть имѣетъ.

Со всѣмъ тѣмъ и продолженіе въ здѣшней сторонѣ помянутыхъ аманатовъ не есть однако же слѣдствіемъ предварительнаго намѣренія, а единственною тому причиною были случившіяся въ дѣлахъ Ногайскихъ обстоятельства. Послѣ того, какъ Ногайскіе народы, сохраненные монаршимъ Ея Императорскаго Величества милосердіемъ отъ бѣдствія войны настоящей и принятые въ союзъ съ Россійскою Имперіею и подъ покровительство всемилостивѣйшей Монархини, перешли по данному отъ Ея Императорскаго Величества дозволенію изъ за Днѣстра на Кубанскую сторону, съ основаніемъ ожидать было можно, что они, нашедъ тутъ покой и всякую привольность, не причинятъ никакой заботы ни своимъ начальникамъ, ниже здѣсь, при дворѣ Ея Императорскаго Величества, дальнѣйшимъ поведеніемъ; но вмѣсто того происки непріятельскіе и тутъ до нихъ коснулись, сверхъ же того заняты они были долгое время и внутренними распоряженіями и разными соглашеніями съ горскими сосѣдственными народами, слѣдовательно, бывъ всѣ вообще въ недосугѣ по разнымъ причинамъ, но по всѣмъ однако жъ такимъ, кои важнѣе перемѣны аманатовъ, какъ для нихъ самихъ, такъ и для здѣшняго вниманія, ни они сами о семъ послѣднемъ дѣлѣ почти никогда прямо не домогались, ни со здѣшней стороны нужды не было торопиться новыхъ аманатовъ требовать, особливо при неизвѣстности долго продолжавшейся, которые изъ Ногайцевъ останутся вѣрными и которые напротивъ того пренебрегутъ наконецъ свою клятву и пользу и здѣшняго покровительства недостойными учинятся.

Самъ Ногайскій начальникъ, пріятель мой Джанъ-Мамбетъ-бей, неоднократно писалъ какъ сюда, такъ и ко многимъ начальникамъ пограничнымъ, чтобъ по тому успѣху, какой происки непріятельскіе имѣли въ развратѣ народовъ Ногайскихъ, и осторожность принимана была со здѣшней стороны равномѣрная и равносильная; настояли же не однажды и такія времена, что онъ чистосердечно признавался и въ невѣдѣніи внутреннихъ склонностей многихъ изъ прочихъ Ногайскихъ чиновниковъ и старшинъ, и къ чему они обратятся.

Вотъ, мой почтенный и истинный пріятель, отчего въ самомъ дѣлѣ перемѣна Ногайскихъ аманатовъ продолжилась, совсѣмъ противъ здѣшней воли и намѣренія, которые однако жъ, будучи въ здѣшней сторонѣ, всегда пользовались и пользуются, по точному Ея Императорскаго Величества повелѣнію, не только достаточнымъ содержаніемъ, но и всѣмъ возможнымъ и пристойнымъ призрѣніемъ.

Нынѣ же, при настоящемъ Эдиссанской орды состояніи, пребывшей въ вѣрности къ союзу достохвальнымъ предводительствомъ знаменитаго Джанъ-Мамбетъ-бея, несмотря на всѣ происки и покушенія непріятельскія, установленнымъ же вашего с-ва между оной пребываніемъ и впредь навсегда совершенную къ тому надежду подающей, содержащихся въ здѣшней сторонѣ аманатовъ сей орды ничто уже не препятствуетъ перемѣнить другими, особливо же при вашемъ объ нихъ заступленіи, новое и достаточное подтвержденіе тѣмъ самымъ подающемъ въ пользу и всѣхъ ихъ единоплеменныхъ. Итакъ, благоволите вы, мой почтенный пріятель, приказать на ихъ мѣсто выбрать другихъ и отправить въ Харьковъ къ г. генералу-поручику Щербинину, который не только сію перемѣну сдѣлаетъ, но въ разсужденіи и прочихъ Ногайскихъ аманатовъ никогда не оставитъ сообразоваться вашимъ отзывамъ и засвидѣтельствованіямъ, будучи безсумнительно, что ваше с-во ни за кого заступленія дѣлять не будете, который бы въ самомъ дѣлѣ того достойнымъ не былъ, по вѣрности своего родства и племени.

Впрочемъ, желая вамъ, моему почтенному пріятелю, всякаго благосостоянія, и впредь всегда пребуду и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 14 Іюля 1774 г.

2526) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 5 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 21 Іюня 1774 г.).

A St.-Pétersbourg, ce 15 Juillet 1774.

J'ai eu l'honneur de vous prévenir, M-r, que je ferai marcher d'un pas égal les plaintes de la république vers les deux cours nos alliées; j'ai aujourd'hui celui de vous communiquer les lettres à ce sujet de l'Impératrice à l'Empereur et à l'Impératrice-Reine et au Roi de Prusse. Nous sommes à présent à attendre, quel effet elles opéreront, mais en vérité un bon office de cette nature est tout ce que la Pologne a pu raisonnablement se promettre de nous. Les copies que je vous envoie ne

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

sont au reste que pour votre information. Ce n'est pas à des polonais qu'il faut s'ouvrir confidemment sur une pareille démarche, elle suffirait pour leur tourner la tête et assurèment ils feraient des calculs qui ne se réaliseraient jamais, car quelque chose qu'il arrive, nous ne devons ni ne pouvons nous brouiller avec qui que ce soit pour eux. J'ai l'honneur d'être etc.

2527) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 6 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 21 Іюня 1774 г.).

A St.-Pétersbourg, ce 15 Juillet 1774.

Je réponds, M-r, à la lettre du 10 [21] Mai, par laquelle vous m'avez fait passer une note du ministère sur une prétendue distraction des biens de l'église de Wieliczka. Je me persuade qu'on ne s'est porté à une telle démarche, absolument destituée de tout motif, que parce que les faits ont été ignorés là où vous êtes. Il faut que je vous en instruise et par là je vous mettrai en état d'anéantir toute idée de plainte sur cette affaire. Les biens, dont il est question, étaient originairement assignés à l'entretien de l'évèque, lorsque la Russie a arrêté d'en établir un du rite latin pour la Russie blanche; la jouissance lui en revenait de droit et il ne pouvait y avoir là-dessus aucune contestation. Mais l'évèque au lieu de terres et de villages qu'il aurait fait administrer pour son compte, a supplié l'Impératrice de lui accorder un entretien fixe en argent, sans qu'il eût à se mêler en rien de cette sorte d'économie. Sa Majesté a agréé sa demande et lui a fait un établissement annuel en argent, et assurèment plus avantageux que ce que les terres en question ont jamais rapporté. C'est une chose qui s'est faite à sa sollicitation, dont il a lieu d'être content et dont nous sommes sûrs qu'il l'est en effet. Il n'y a donc rien de plus en ordre qu'une telle disposition; il serait aussi absurde d'en contester la légalité, que d'en porter des plaintes, quand la seule personne qui y est intéressée en jouit comme d'une chose qu'il a désirée et où il trouve son avantage. C'est ce que je vous prie, M-r, de faire entendre au ministère en réponse à la note que vous avez reçue de lui. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

2528) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 7 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

A St.-Pétersbourg, ce 15 Juillet 1774.

Le comte Branicki, ainsi qu'il vous est connu, M-r, a présenté à l'Impératrice une lettre du Roi pour recommander à Sa Majesté Impériale les affaires de Dantzig et lui accompagner une lettre de cette ville. J'ai l'honneur de vous en envoyer ci-joint la copie, ainsi que la réponse de Sa Majesté que vous remettrez, M-r, aux mains de Sa Majesté Polonaise [2]). Par la copie que je joins pareillement ici de cette réponse, vous serez en état, si le Roi entre en quelque explication avec vous sur cette affaire, de combiner vos réponses d'après les sentiments de Sa Majesté qui s'y trouvent exprimés.

Vous trouverez aussi ici, M-r, les copies d'une lettre du Roi à l'Impératrice sur l'affaire des dissidents et de la réponse de Sa Majesté, qui parviendra à ce prince par le canal du comte Branicki [3]). La même observation faite sur l'affaire de Dantzig en cas d'entretien avec le Roi, s'applique naturellement à celle-ci pour la même occasion, et j'y ajoute de plus que la façon, dont Sa Majesté Impériale maintient dans sa lettre la nécessité de conserver les dissidents dans la législation, vous est aussi une règle pour votre conduite dans la suite de cette affaire. J'ai l'honneur d'être etc.

2529) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 8 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [4]).

A St.-Pétersbourg, ce 15 Juillet 1774.

Je destine celle-ci à vous servir de réponse sur tout ce qui dans le contenu de vos dépêches de cette année ne concerne que des affaires particulières, et pour commencer—sur la lettre du comte Mniszek à l'Impératrice, qu'une autre à moi accompagnait, vous voudrez bien faire insinuer indirectement le refus de sa demande pour la restitution de la starostie de Kpircew, en faisant entendre qu'une telle restitution est contre le plan établi pour la régie des nouvelles acquisitions, que la même grâce a été refusée à des sujets qui devaient se trouver vis-à-vis de la Russie dans un tout autre état de faveur que le comte Mniszek.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

[2]) См. выше № 2522.

[3]) См. выше № 2518.

[4]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

Vous voudrez bien aussi, M-r, vous employer à éluder la réclamation de la confédération en faveur du prince Jerôme Radziwill. Nous ne sommes pas assez crédules pour donner dans le panneau grossier qui nous est tendu, pour soustraire tous les biens du pr. Radziwill au juste châtiment qu'il a encouru autant par sa conduite vis-à-vis de la Russie que vis-à-vis de sa patrie. Il est toujours au pouvoir de la république de faire en sorte, que le jeune prince Radziwill n'ait point à en souffrir; il reste assez de biens de sa maison en Pologne, pour que sa part puisse y être amplement prise. Mais ce serait prétendre trop de complaisance de notre part, que de la laisser assigner selon le bon plaisir des polonais sur des biens qui se trouvent en nos mains.

Je vous ai prévenu précédemment, que la créance du comte Gourowski était reconnue et qu'on y satisferait incessamment. Sur la représentation que vous avez faite de l'état général, où se trouve ce comte dans ses finances, et que cependant sa conduite ne se dément point de l'attachement qu'il a voué à la Russie, Sa Majesté Impériale vous autorise à lui payer dès à présent de la somme de cent mille roubles, qui est en vos mains pour les dépenses de la diète, celle de 15.873 roubles, à quoi montent toutes ses prétentions, et vous joindrez sa quittance à l'état de vos comptes.

Nous voyons que le prince Auguste Sulkowski s'est contenté des promesses que vous lui avez faites, mais que son frère ne serait pas si tranquille, et que d'autre part il a la promesse de deux mille tonneaux de sel du baron Rewitzki. Puisqu'il parait qu'on prend à son égard la voie de gratification particulière hors de la caisse commune d'opération, vous êtes autorisé aussi de votre part, M-r, à faire une gratification à ce même prince Antoine, que vous prendrez de la même somme où je vous ai assigné le payement du c-te Gourowski, et en vous disant qu'on s'en remet pour cela à votre discrétion, je ne vous cacherai point qu'on s'attend que vous la ferez aussi modérée qu'elle peut décemment l'être.

Vous pouvez aussi être certain, qu'on va réaliser la promesse donnée par vous à l'évèque de Vilna de la restitution de sa terre de Sieberc.

Enfin, M-r, je vous prie de faire connaître au prince chambellan, frère du Roi, que sur la permission que j'en ai reçue de l'Impératrice, je vais lui rendre avec empressement le bon office qu'il a exigé de notre cour de recommander ses intérêts à la cour Vienne sur les pertes que lui fait souffrir l'occupation de la starostie de Zips, et que je remettrai ces jours-ci à ce sujet une note au prince Lobkovitz, dont je vous enverrai copie pour la lui communiquer. [1]) J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) См. выше № 2521.

2530) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 9 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

A St.-Pétersbourg, ce 15 Juillet 1774.

Puisque c'est du côté du commerce que les polonais portent actuellement leur plus grande activité, comme le moyen le plus apparent pour eux de rétablir les affaires de l'état, ce serait jeter parmi eux l'abattement et le désespoir, que de ne pas entrer en quelque condescendance à leur dessein de soustraire cette matière au *liberum veto;* il vous est donc permis, M-r, d'y consentir toute et telle modification qui vous paraîtra raisonnable, mais vous tenant en garde que la constitution, qui se fera sur cet article, soit claire et précise et qu'il ne s'y glisse selon les finesses ordinaires des polonais quelques expressions, à la but (?) desquelles ils prétendissent par la suite appeler à la loi de la pluralité accordée pour les seules affaires de commerce, des affaires qui seraient d'une autre catégorie. Ce consentement, que Sa Majesté Impériale accorde, vous vous employerez aussi à le procurer des deux cours alliées. J'ai l'honneur d'être etc.

2531) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

A St.-Pétersbourg, ce 17 Juillet 1774.

La délégation va rouvrir incessamment ses séances, et peut-être même cette lettre la trouvera-t-elle déjà en activité. Le grand général m'a prié instamment, M-r, de ne point presser l'affaire du conseil permanent jusqu'à son retour en Pologne, qui ne tardera pas longtemps, puisqu'il sera chez vous sous 20 à 25 jours. Mais comme c'est un objet du système des trois cours alliées, je n'ai pas pu faire autrement que de vous recommander fortement de ma part, M-r, de vous employer auprès de vos collègues et de les porter à ce qu'à la réquisition du grand général cette affaire ne soit point résolue jusqu'au terme qu'il demande. Je n'ai pu lui refuser mon agrément sur ce délai, parce que je n'y aperçois aucun inconvénient qui soit d'importance. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.
[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

2532) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 19 Juillet 1774.
(Писано въ шифрахъ).

Un courrier du comte Branicki arrivé chez vous, il est un jour ou deux avant cette lettre ou immédiatement après, vous en aura apporté une, par laquelle je vous recommande de vous entendre avec (vos) deux collègues pour ne point faire résoudre l'affaire du conseil permanent avant son retour à Varsovie. Une telle condescendance n'ayant été accordée par moi à ses importunités qu'afin de ne point discuter avec lui l'intérêt plus ou moins grand des trois cours à l'introduction de cette nouveauté dans le gouvernement de sa patrie, et aussi pour me tenir lieu vis-à-vis de lui d'autre compte, je ne perds point de temps à vous prévenir et à vous recommander fortement, M r, d'aller votre train à la poursuite de cette affaire sans aucun égard pour la dite lettre, que vous regarderez de vous à moi comme non avenue; et afin que le général ne vous tombe point sur les bras à son retour, comme ayant personnellement à se plaindre de vous de ce que vous aviez agi contre ma recommandation, je vous ai laissé à dessein une porte ouverte dans cette recommandation même, pour que vous puissiez en rejeter le tort sur les ministres des deux autres cours. Vous agirez donc vis-à-vis de ceux-ci pour qu'ils se mettent en avant et que ce soient eux qui demandent à force, que l'établissement du conseil permanent soit une de premières matières portées à la délégation à sa rentrée et qu'on l'achève tout de suite, ou au moins qu'on ne la renvoie pour quelque objet que ce soit, mais qu'elle aille son train, selon qu'elle était réglée avant le départ du grand général pour ici. Vous serez justifié auprès de lui comme ayant été forcé, n'ayant pu rester en arrière dans une affaire, dans laquelle le concert de vos cours statue à tous les trois une coopération. Ainsi, loin d'attendre le c-te Branicki, je souhaite bien que l'affaire passe avant son retour, ou au moins qu'elle soit avancée au point que ses intrigues ne trouvent plus prise à en arrêter la conclusion ou à y faire admettre des modifications préjudiciables. J'ai l'honneur d'être etc.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

28 Іюля 1774 г.—съ извѣстіемъ о заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и о Пугачевскомъ бунтѣ. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 98—100.

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

2533) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 29 Juillet 1774.

Je vous renvoie et vous recommande bien instamment, mon cher baron, le castellan Dzerbicki, qui m'a absolument mis dans ses intérêts par sa probité et son attachement aux vues de notre cour. Je voudrais bien qu'il fût plus heureux du côté de la fortune, et je vous prie de vous retourner de tous les moyens que vous trouverez praticables pour lui obtenir quelque place dans sa patrie ou quelque bienfait de la couronne, qui puisse améliorer sa situation. Il s'écoulera du temps jusqu'à ce que vous y parveniez, mais en attendant je crois de bonne foi, et c'est mon avis, que vous pouvez lui donner quelque soutien de votre caisse des dépenses extraordinaires et le porter en compte à titre de pension ou de gratification, comme vous voudrez, faite à un ami utile. Et dans le fait il s'est toujours montré tel pour nous; ses sentiments n'ont jamais été équivoques, comme ceux de bien d'autres que j'ai vu se parer de zèle pour notre service, tandis que rien n'était plus loin de leur pensée. Attachez vous, je vous prie, à lui faire du bien, je vous en aurai personnellement une sincère obligation. Au reste ce que je vous exhorte à faire pour lui, soit de lui obtenir quelque avantage dans sa patrie, soit de lui faire une pension jusqu'à ce que cela ait lieu, je vous prie que ce soit une affaire qui se traite uniquement de vous à moi. Je suis avec la plus parfaite amitié etc.

ДВА СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ЧЕРНОВЫЯ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ.

29 Іюля 1774 г. и безъ даты—съ благодареніями за заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 428—429.

2534) РЕСКРИПТЪ ЦИРКУЛЯРНЫЙ КНЯЗЮ В. С. ДОЛГОРУКОВУ ВЪ БЕРЛИНЪ [2]).

Какъ нынѣ настоявшія съ давнихъ временъ по Шлезвигъ-Голштинскимъ землямъ распри между Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ и великимъ княземъ, вселюбезнѣйшимъ сыномъ нашимъ, яко герцогомъ Голштинскимъ, и Его Величествомъ королемъ Датскимъ, прекращены совершенно обмѣномъ оныхъ земель на графства Ольденбургское и Дельменгорстское, и доставлено чрезъ то младшей линіи герцогскаго Голштейнъ-Готторпскаго дома въ персонѣ его свѣтлости епископа Любскаго прочное на бу-

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

[2]) М. Г. А. Пруссія, III.

дующія времена пристроеніе: то для престереженія и впредь интересовъ всего Голштинскаго дома разсудили мы за благо содержать при его свѣтлости въ Эйтинѣ характеризованную персону, къ чему и опредѣлили мы канцеляріи совѣтника Ивана Местмахера, аккредитовавъ его министромъ нашимъ. Мы восхотѣли и вамъ сообщить о семъ для вашего извѣстія, равно какъ и для того, дабы вы по востребованію интересовъ нашихъ могли съ нимъ надлежащую производить переписку, употребляя въ случаѣ нужды имѣющіеся у васъ генеральные цыфирные ключи, которые здѣсь и ему сообщены. И пребываемъ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, Іюля 31 дня 1774 г.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:

Кн. А. Голицынъ.

2535) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву.

Возвѣщая миръ, рукъ вашихъ твореніе, возвѣстили вы намъ въ то же время чрезъ оный и знаменитѣйшую услугу вашу предъ нами и предъ отечествомъ. Мы объявляемъ ее во всемъ пространствѣ тѣхъ трудовъ и подвиговъ, коими вы чрезъ все время войны ополчаться долженствовали къ преломленію силъ и высокомѣрія непріятеля, обыкшаго донынѣ въ счастливыхъ своихъ войнахъ предписывать другимъ законы жестокіе. Мѣра благоволенія нашего къ вамъ и къ службѣ нашей стала теперь преисполнена, и мы конечно не упустимъ никогда изъ вниманія нашего, что вамъ одолжена Россія за миръ славный и выгодный, какового по извѣстному упорству Порты Оттоманской конечно никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ съ разсудительною вѣроятностью. Самая зависть не можетъ оспорить сей истины, ибо съ одной стороны турки, лишившись Крыма и всѣхъ татарскихъ ордъ, лишились впредь на время военное и знатнаго числа войскъ, тѣмъ паче Портѣ полезныхъ, что они содержаніемъ своимъ ей тогда ничего не стоили бы, а съ другой—доставленіе намъ трехъ пристаней на Черномъ морѣ можетъ впредь служить къ сугубому предмету, то есть и къ связанію взаимныхъ подданныхъ узломъ собственной ихъ корысти чрезъ безпосредственные на обѣ стороны торги и къ вящей намъ способности вредить Портѣ въ самыхъ для нея чувствительныхъ мѣстахъ, если бы она когда-либо, пренебрегая

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ отрывкѣ въ Русск. Архивѣ 1879 г., кн. 10, стр. 154—155.

сіе уваженіе, покусилась или вновь на войну съ нами въ угодность постороннимъ происканъ, или же на возвращеніе подъ власть свою Крыма и татаръ, одаренныхъ нынѣ совершенною свободою и независимостью въ гражданскомъ и политическомъ ихъ положеніи.

Не станемъ мы исчислять здѣсь другихъ отъ заключеннаго вами мира произрастающихъ выгодъ: теченіе времени покажетъ ихъ скоро во всей ихъ важности; но для того самаго, что онѣ въ существѣ своемъ важны и таковыми всегда существовать будутъ, пріемлемъ мы за систему настоящаго нашего политическаго поведенія въ разсужденіи Порты Оттоманской показывать ей во всѣхъ до нея относительныхъ случаяхъ и дѣлахъ нашихъ всю возможную увѣренность и искреннее желаніе вяще и вяще утверждать возобновленный нынѣ миръ вѣчный, чрезъ пристойныя кстати и ко времени снисхожденія къ ея справедливымъ требованіямъ, чрезъ уклоненіе отъ нашей стороны всякихъ и малѣйшихъ поводовъ къ каковому-либо неудовольствію или же недовѣркѣ, а напослѣдокъ—чрезъ скорѣйшее заведеніе безпосредственной торговли между взаимными областями, дабы въ прибыткахъ оной учинить турецкихъ подданныхъ участниками и въ семъ собственныя корысти качествѣ и прямыми ревнителями о лучшемъ впредь храненіи драгоцѣннаго мира.

Для начала въ исполненіи сего политическаго правила, которое мы туркамъ, для возбужденія ихъ къ намъ довѣренности, вездѣ открыто являть хотимъ, не безполезно будетъ, по мнѣнію нашему, поспѣшить нынѣ размѣною ратификацій, предоставленною въ трактатѣ до прибытія ко дворамъ взаимныхъ торжественныхъ посольствъ, дабы симъ способомъ послѣдній формалитетъ къ совершенію блаженнаго мира могъ еще совершиться въ остальное время близкой вашей и верховнаго визиря бытности. Мы оставляемъ вашей прозорливости и практическому вашему знанію турецкихъ склонностей, а особливо сего оттоманскаго министра, рѣшить, поколику отъ васъ нѣкоторый по тому отзывъ учиненъ быть можетъ съ надеждою успѣха, хотя мы здѣсь и не усматриваемъ, чтобы отъ онаго какое-либо неудобство родиться могло.

Вы поступили между тѣмъ при постановленіи мирнаго трактата весьма осмотрительно и весьма благоразумно, что сроки испражненія войсками нашими турецкихъ земель опредѣлили постепенно и не скорые. Конечно турки наступленія ихъ ждутъ съ алчностью, почему кажется далѣе безъ ошибки можно предугадывать вамъ, что и самъ верховный визирь ускоренію оныхъ весьма радъ бы былъ; нельзя-ли же, какъ и выше сказано, вслѣдствіе сей не неосновательной догадки, отозваться вамъ къ верховному визирю письменно или же словесно, какъ то вы за лучшее найдете, съ предложе-

ніемъ о размѣнѣ взаимныхъ государскихъ ратификацій собственно между вами, какъ совершителями самаго мира, на соглашаемый короткій срокъ, дабы тѣмъ выиграть время къ скорѣйшему освобожденію изъ неволи остающихся въ оной и послѣ войны плѣнниковъ, вопреки самому намѣренію мира, собственному вашему и визирскому человѣколюбію и алчной нетерпѣливости страждущихъ, внушая притомъ, или же и дѣйствительно обѣщая искуснымъ образомъ, что вы сроки испражненія потщитесь къ удовольствію Порты по крайней возможности сократить, если она бы съ своей стороны поступила прежде и независимо отъ взаимныхъ торжественныхъ посольствъ на дѣйствительную размѣну ратификацій, въ чемъ лучшее ваше на мѣстѣ усмотрѣніе удобностей и неудобностей возвратнаго арміи похода имѣетъ въ свое время опредѣлить мѣру надобности и удобь возможнаго снисхожденія въ жертву желаемому нами пункту; что вы по вашему требованію получили уже отъ двора нашего въ запасъ на всякій случай здѣшніе инструменты и имѣете ихъ у себя въ рукахъ къ дѣйствительному употребленію, ежели только верховный визирь испросить себѣ и дѣйствительно получитъ на таковой же конецъ султанскіе; что такая, посольствамъ предшествующая, размѣна ратификацій не долженствуетъ однако же взаимному отправленію оныхъ препятствовать, но паче надобно имъ, по точной силѣ трактата, непремѣнно исполниться и быть немедленно назначеннымъ, отправленнымъ и размѣнно въ одну пору принятымъ на обѣ стороны гдѣ-либо въ Польшѣ, какъ постороннемъ мѣстѣ, о которомъ нынѣ же и условиться слѣдуетъ, и привезть съ собою на обѣ стороны какъ пристойные подарки, такъ и дружественныя отъ государя къ государю грамоты, въ подтвержденіе возстановленнаго мира и основанной на ономъ вѣчной дружбы между обѣими Имперіями; что вы отъ двора нашего увѣдомлены уже, что съ здѣшней стороны полномочный посолъ вскорѣ назначенъ будетъ знатнѣйшаго чина, и что оный, въ показаніе нашей аттенціи къ возстановленной нынѣ доброй дружбѣ и для запечатлѣнія оной симъ торжественнымъ поступкомъ, вскорѣ же и отправится въ дѣйствительный путь, и что напослѣдокъ вы съ своей стороны не отречетесь, въ уравненіе тому, что мирный трактатъ заключенъ и подписанъ въ вашей ставкѣ, поступить на размѣну ратификацій въ ставкѣ верховнаго визиря, и что для сего торжественнаго обряда, если оный мѣсто имѣть можетъ вслѣдствіе получаемыхъ султанскихъ ратификацій, намѣрены вы отправить въ турецкій лагерь уполномоченную отъ васъ особу знатнаго чина съ достаточною свитою, дабы сею учтивостью замѣнить предъ публикою ту, которую Порта въ разсужденіи насъ первая исполнила, съ тою разностью, что мы изъ доброй воли

оную учинить хотимъ въ показаніе искренняго нашего отнынѣ дружелюбія къ Портѣ Оттоманской.

Въ надеждѣ, что верховный визирь согласится на такое съ вашей стороны предложеніе, дабы ему самому съ оконченнымъ уже дѣломъ въ Царьградъ возвратиться, повелѣли мы дѣйствительно приложить здѣсь ратификаціи наши какъ на самый трактатъ, такъ и на сепаратные его артикулы, въ двухъ экземплярахъ, одни за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ, а другіе только съ одною государственною печатью. Ввѣряя и тѣ и другіе той особѣ, которая отъ васъ при настояніи случая къ верховному визирю для исполненія размѣны послана и аккредитована будетъ, не оставите вы ей именно предписать, чтобъ съ нашей стороны въ отдачу туркамъ употреблены были экземпляры въ такой формѣ, въ каковой ихъ ратификаціи будутъ, съ подписаніемъ ли султанскимъ или безъ онаго.

Впрочемъ, всемилостивѣйше апробуя всѣ вами учиненныя распоряженія какъ въ разсужденіи Дунайской флотиліи, о которой нынѣ уже посылаются наши повелѣнія къ генералу князю Долгорукову, такъ и относительно отправленія съ извѣстіемъ о мирѣ курьеровъ вашихъ обще съ турецкими во всѣ нужныя мѣста, ссылаемся мы, что принадлежитъ до будущаго распредѣленія полковъ арміи вашей, на апробованнную нами репартицію, которую вы изъ нашей Военной Коллегіи получить имѣете. И пребываемъ вамъ съ отличнѣйшимъ благоволеніемъ особливою нашею Императорскою милостію всегда благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 1 Августа 1774 года.

Екатерина.

2536) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 1 Août 1774.

Les instances réitérées, mon cher baron, de notre grand général comte Branicki pour vous engager à vous entendre avec vos deux collègues, pour que la confection du conseil permanent soit remise jusqu'à son retour à Varsovie, me font prendre la plume à la main pour vous prier d'employer tout votre savoir-faire, afin que vos collègues se prêtent aux désirs du grand général et que vous reteniez (?) avec la conclusion finale jusqu'à ce terme. Je suis de tout mon coeur etc.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

2537) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Въ соотвѣтствіе присланнаго къ намъ отъ Шведскаго двора камергера барона Эренсверта съ обвѣщеніемъ о бракосочетаніи герцога Зюдерманландскаго, брата Его Шведскаго Величества, высочайше повелѣваемъ отправить въ Стокгольмъ нашего дѣйствительнаго камергера Алексѣя Нарышкина; а на проѣздъ его туда и обратный путь всемилостивѣйше жалуемъ ему 4,000 рублевъ, кои Коллегія имѣетъ требовать изъ Статсъ-Конторы.

Въ С.-Петербургѣ, 7 Августа 1774 г.

Екатерина.

2538) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

При реляціи посла въ Вѣнѣ кн. Д. М. Голицына на имя Императрицы отъ $^{9}/_{20}$ Августа 1774 г., за № 38, представленъ былъ счетъ чрезвычайныхъ издержекъ его на 3,480 голландскихъ гульденовъ; кн. Голицынъ просилъ Императрицу повелѣть уплатить эту сумму комиссіонеру придворнаго банкира въ Вѣнѣ барона Фриза, которому онъ далъ ассигновку на Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Заплатить въ срокъ.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

11 Августа 1774 г.—относительно мѣръ, которыя слѣдуетъ принять по случаю заключенія мира. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 100—103. Въ концептѣ рескрипта (М. Г. А. Доклады, св. 16) сдѣланы Императрицею нижеслѣдующія собственноручныя исправленія: стр. 100, строка 4-я снизу—слова «*копію съ самаго трактата*» написаны Императрицею вмѣсто раньше стоявшихъ словъ: «тѣ же самыя статьи». Стр. 100, строка 3-я снизу—въ словахъ «а на основаніи *онаго*» послѣднее слово написано Императрицею вмѣсто «нихъ». Стр. 102, строка 1-я сверху и слѣд.: въ концептѣ первоначально было написано: «(Желательно весьма, чтобъ вы отправленіе флота такимъ образомъ распорядить могли), дабы оный успѣлъ еще нынѣшней осенью возвратиться въ свои пристани, а по крайней мѣрѣ въ Данію или Норвегію, какъ союзное намъ государство, гдѣ сверхъ того содержаніе его чрезъ зиму противу другихъ земель гораздо дешевле обошлось бы, или же въ Ирландію, яко и тамъ всѣ припасы въ изобиліи и не дороги». Все это мѣсто редактировано Императрицей слѣдующимъ образомъ (на приложенномъ къ концепту отдѣльномъ листкѣ): (дабы онъ) «*возвратиться могъ въ свои пристани, какъ скоро годовое время и стихіи*

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной Экспедиціи, № 355.

[2]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной Экспедиціи, № 356.

сіе дозволятъ, или же по крайней мѣрѣ въ пристани Великобританіи или Даніи съ Норвегіею, какъ дружныя, а послѣдняя—и союзное намъ государство (дабы—зачеркнуто) *и гдѣ всѣ удобь возможныя къ обратному въ Россію путешествію (оному получи...*—зачеркнуто) *вспоможенія оному получить надежности предполагать можно».* Эта вставка редактирована гр. Панинымъ въ той формѣ, какъ внесено въ рескриптъ. Стр. 102, строка 18-я сверху и слѣд.: въ концептѣ первоначально было написано: «(и тамъ оставить до будущаго исправленія), или же, покидая въ Паросѣ или другомъ какомъ островѣ, гдѣ къ тому вящая удобность представляется, препоручить ихъ тамъ до времени ихъ отъѣзда лучшимъ и надежнѣйшимъ изъ грековъ, предваряя о томъ увѣдомленіями вашими Порту чрезъ ближайшихъ ея начальниковъ и испрашивая на то спеціальнаго ея позволенія». Все предыдущее зачеркнуто было Императрицей и на мѣсто его написано было ею (на отдѣльномъ листкѣ): «*или же съ дозволеніемъ Порты въ наши порты въ Азовскомъ морѣ; и если въ томъ нужду находите, можете учредить на время консула или вице-кон*[*сула*] *въ силу мирнаго трактата артикула, намъ дозволяющаго имѣть вездѣ въ области Порты (консулы и вице-консулы*—зачеркнуто) *повѣренные люди такового званія».* Эти исправленія редактированы гр. Панинымъ въ той формѣ, какъ внесено въ рескриптъ.

2539) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [1]).

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Григорьевичъ. Въ слѣдующемъ здѣсь именномъ Ея Императорскаго Величества рескриптѣ найдете ваше с-во точныя и достаточныя предписанія о скорѣйшемъ возвращеніи въ отечество флота нашего. Не усматривая тутъ нужды трудить васъ по сей же самой матеріи какими-либо съ моей стороны разсужденіями, потому что мы, въ послѣднюю вашу при дворѣ бытность, довольно уже между собою разговаривали о случаѣ мира, который теперь толь счастливо насталъ, сокращусь я на сей разъ въ единомъ сообщеніи вамъ, милостивый мой другъ, новыхъ въ Парижѣ министру Ея Величества кн. Барятинскому врученныхъ меморіаловъ. Прочтеніе ихъ откроетъ в. с-ву въ полномъ пространствѣ всѣ требованія двора Версальскаго. Что касается до первой ихъ части, то есть до измѣненія установленныхъ нами для переду правилъ въ разсужденіи плаванія нейтральныхъ судовъ, оная пресѣкается теперь сама по себѣ изъятіемъ изъ среды самой войны, яко первой и единой причины; напротивъ чего вторая часть, содержа въ себѣ разныя спеціальныя и по сю пору не разобранныя еще жалобы, требуетъ уже, чтобъ оныя, прежде нежели флотъ выйдетъ изъ Архипелага, окончательно рѣшены, а если справедливы, и въ самомъ дѣлѣ

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

удовлетворены были, дабы намъ не оставить на будущее время корня къ непріятнымъ докукамъ и хлопотамъ. Сверхъ сего мотива, представляю я себѣ въ мысляхъ и другой, гораздо почтительнѣйшій, а именно, чтобъ во всю войну оказавъ къ прославленію имени Россійскаго многіе и знаменитые опыты умѣренности и человѣколюбія даже къ самимъ непріятелямъ нашимъ, показать еще и нынѣ, съ окончаніемъ ея, равные поступки къ французской націи въ удостовѣреніе ея существительнѣйшимъ образомъ, что когда мы теперь, имѣя совсѣмъ уже свободныя и развязанныя руки, пріемлемъ въ уваженіе жалобы французскихъ подданныхъ и удовлетворяемъ ихъ по справедливости, конечно и прежде сего не для опасенія какого-либо тоже чинили, но единственно слѣдуя великодушію и правосудію великой нашей Монархини, которая единожды навсегда поставила себѣ за правило учреждать по онымъ всѣ свои дѣянія, независимо отъ пристрастнаго другихъ державъ поведенія.

Все сіе сообщаю я вамъ однако жъ единственно собственными моими мыслями и разсужденіями, вслѣдствіе той откровенности, которую я вамъ чистосердечно обѣщалъ. Дѣло будетъ затѣмъ собственной в. с-ва разборчивости опредѣлить каждому иску французскихъ корабельщиковъ и купцовъ пристойное удовлетвореніе, держась тутъ справедливости, а не прихотей ихъ, чтобъ инако намъ не понести напрасной тягости. Повторяя впрочемъ искреннее и усердное мое желаніе скоро уже увидѣть здѣсь самолично в. с-во, имѣю я честь пребывать и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 12 Августа 1774 г.

2540) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [1]).

Monsieur mon frère. J'ai reçu avec autant de reconnaissance que de satisfaction les félicitations de Votre Majesté sur la paix que je viens de conclure avec la Porte Ottomanne. L'assurance où j'ai toujours cru pouvoir être de son amitié ne m'a pas permis de douter, qu'elle ne prît part à un événement si grand, si intéressant pour mon Empire et personnellement si agréable pour moi. Tout concourt à me rendre plus sensible la lettre qu'elle m'a écrite, la sincérité de la joie qui y est exprimée et l'importance du sujet. Il ne fut jamais de bien plus désiré de moi, Votre Majesté en est convaincue, que celui que je viens d'obtenir. La paix est rendue à mes peuples et à moi—l'avantage de tourner en entier vers leur félicité propre des soins, que le besoin de leur défense

[1] М. Г. А. Польша, I, св. 1.

m'a forcé trop longtemps de partager. Je ne perds point de vue non plus dans ce grand événement l'intérêt général de l'humanité, toujours ou souffrante ou allarmée du choc de deux grands états. Il ne me serait pas possible surtout, en reportant un regard sur l'origine et les circonstances de cette guerre, de ne pas songer que le moment heureux qui la termine, et puisqu'il est vrai, avec tant de gloire pour mes armes, devra avoir quelque influence sur le bonheur de Votre Majesté, en facilitant et accélérant l'arrangement définitif des affaires de son royaume. C'est du moins ce que je désire et à quoi je ne manquerai pas de concourir avec cet intérêt que me dictent la sincère amitié et la parfaite estime, avec lesquelles je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, amie et voisine.

A Tsarskoé Sélo,
ce 12 Août 1774.

2541) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [1]).

Monsieur mon frère. Il ne me suffit pas d'avoir témoigné déjà en plusieurs occasions, combien j'ai eu de contentement du mariage heureusement conclu et célébré entre Son Altesse Royale le duc de Sudermanie, frère de Votre Majesté, et la princesse de Holstein. J'ai voulu par une mission expresse à la cour de Votre Majesté la féliciter sur cet événement et l'assurer de la part que j'y prends. C'est dans cette intention que mon chambellan actuel, le s-r de Narichkine, se rend auprès d'elle, chargé de lui remettre la présente lettre de ma part. Je lui ai particulièrement commandé de faire connaître à Votre Majesté tout l'intérêt que je prends à l'union qui vient de se former dans notre maison, et combien je désire qu'elle soit pour elle-même un sujet de contentement le plus parfait. Je la prie donc d'ajouter foi à ce que ledit chambellan aura l'honneur de lui dire de ma part sur cet objet de sa mission et surtout aux assurances que je l'ai chargé de lui donner de la haute considération et de la parfaite amitié, avec lesquelles je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine
Catherine.

A Tsarskoé Sélo,
ce 13 Août 1774.
(Отдано камергеру Нарышкину 22 Августа 1774 г.).

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

2542) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 8 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Хотя вамъ и сообщено уже въ свое время отъ нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева о воспослѣдовавшемъ (благодареніе Всевышнему!) съ Портою Оттоманскою примиреніи и о силѣ и содержаніи мирнаго трактата условій, кои до Крымскаго полуострова и до всѣхъ татаръ вообще касаются и кои сверхъ того по части вашего вѣдомства и предводительства принадлежатъ также къ вашему исполненію, со всѣмъ тѣмъ всѣ оныя и здѣсь еще прилагаются жъ для удобнѣйшаго и ближайшаго соображенія съ нашими, даваемыми вамъ вслѣдствіе сего важнаго происшествія здѣсь же и предписаніями, основанными на сихъ состоявшихся взаимныхъ постановленіяхъ и обязательствахъ.

Но прежде всего надлежитъ вамъ знать, что мы чѣмъ болѣе пріобрѣли пользы и славы для нашей Имперіи, тѣмъ нужнѣе и почитаемъ, чтобъ воспріявъ за систему настоящаго нашего политическаго поведенія въ разсужденіи Порты Оттоманской показывать ей, во всѣхъ до нея относительныхъ случаяхъ и дѣлахъ нашихъ, всю возможную умѣренность и искреннее желаніе вяще и вяще утверждать возобновленный нынѣ вѣчный миръ чрезъ пристойныя кстати и ко времени снисхожденія къ ея справедливымъ требованіямъ, чрезъ уклоненіе отъ нашей стороны всякихъ и малѣйшихъ поводовъ къ какому-либо неудовольствію или же недовѣркѣ, а напослѣдокъ чрезъ скорѣйшее заведеніе безпосредственной торговли между взаимными областями, дабы въ прибыткахъ оной учинить турецкихъ подданныхъ участниками, а въ семъ собственныя корысти качествѣ и прямыми ревнителями о лучшемъ впредь сохраненіи драгоцѣннаго мира.

Сіи общія правила, кои не только нынѣ, но и впредь всегда исполняемы быть имѣютъ безъ изъятія, извѣщаются вамъ для употребленія и при всѣхъ представляющихся случаяхъ въ остальное время участія вашего въ дѣлахъ тому соотвѣтствующихъ.

Между тѣмъ, повелѣли мы при семъ же приложить грамоту нашу къ хану Крымскому объявительную о прекратившейся войнѣ и о утвержденіи жребія и независимости какъ его собственной, такъ и всѣхъ татаръ, чрезъ торжественное отъ нихъ Порты Оттоманской отреченіе, которую, препровождая вы собственнымъ вашимъ письмомъ по слѣдующей здѣсь же формѣ, имѣете отправить съ нарочнымъ изъ

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 36—40.

состоящихъ подъ вашею командою полковниковъ или же и генералъ-маіоровъ человѣкомъ, въ расторопности испытаннымъ и съ нѣкоторымъ присвоеніемъ обряда и ознаменованія, дабы такимъ образомъ какъ достоинство нашей Императорской грамоты татарамъ представлено было въ приличномъ видѣ и образѣ, такъ и хану Крымскому, какъ владѣтелю самовластному и ни отъ кого независимому, при первомъ случаѣ послѣ дѣйствительной рѣшимости участи татарской оказано было со стороны нашей уваженіе, для чего находящемуся при ханѣ резиденту препоручите вы истребовать у него посылаемому отъ васъ и формальную аудіенцію.

Впрочемъ, по содержанію трактата мирнаго существенное дѣло ваше состоитъ въ томъ, чтобъ Крымскій полуостровъ испразднить отъ войскъ нашихъ и снабдить въ тожъ время Еникаль и Керчь, оставаясь сіи оба мѣста и впредь навсегда въ нашемъ владѣніи, достаточнымъ гарнизономъ, чтобъ принять изъ турецкихъ рукъ въ наше владѣніе замокъ Кинбурнъ съ его округомъ и угломъ, который составляютъ степи, лежащія между рѣкъ Буга и Днѣпра, чтобъ назначить межу уѣзду старому, принадлежащему къ Очаковской крѣпости, которая въ турецкомъ владѣніи остается, и чтобъ еще и отправляемую отъ генерала-фельдмаршала графа Румянцева въ ваше распоряженіе Дунайскую флотилію измѣстить и расположить, предупреждая всякое могущее быть съ турецкой стороны подозрѣніе или къ нареканіямъ причины.

Такимъ образомъ, что касается до перваго изъ сихъ пунктовъ, то есть до испраженія Крымскаго полуострова отъ войскъ нашихъ, то однако жъ не прежде къ сему приступлено быть можетъ, а тогда дѣйствительно, какъ турки, по полученной здѣсь реляціи вашей отъ 18 Іюля, около Судака десантъ сдѣлавшіе и въ тамошнихъ горахъ засѣвшіе, оставятъ сей полуостровъ, ежели бъ и понынѣ еще тамъ продолжались и не могли быть выбиты вашимъ употребленнымъ иногда къ тому подвигомъ до полученнаго о мирѣ извѣстія, ни потомъ еще не возвратились по недостигшему можетъ быть до нихъ повелѣнію отъ верховнаго Порты Оттоманской визиря, но къ чему однако же они въ совершенной обязанности находятся, кромѣ общихъ отъ состоявшагося мира уваженій, и по точному содержанію 10-го артикула трактата мирнаго, которымъ именно постановлено и сказано, что если «между подписанія мирныхъ пунктовъ и полученія о томъ отъ главнокомандующихъ взаимными арміями повелѣній произойдутъ гдѣ-либо каковыя дѣйствія военныя, оныя никоторая сторона не пріиметъ себѣ за оскорбленіе, такъ какъ и самыя въ томъ успѣхи и пріобрѣтенія уничтожаются». Когда же бы и сіе затрудненіе уже миновалось, вы, дѣлая всѣ виды и оказательства къ выводу войскъ на-

шихъ одной части за другою и соглашаясь съ ханомъ въ томъ и въ нужныхъ съ татарской стороны пособіяхъ, снесетесь съ нашимъ генераломъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ, и по его о прямомъ и приличномъ къ тому времени сообщеніямъ, соображеннымъ съ дѣлами и обстоятельствами его края, наконецъ предвоспріимете дѣйствительно Крымъ освободить отъ войскъ нашихъ, кромѣ двухъ крѣпостей, которыя, снабдѣвая вы, какъ выше сказано, достаточнымъ гарнизономъ на всякій внезапный случай, снабдите и начальниками по вашему усмотрѣнію и избранію, достойными сей важной стражи, и дадите имъ наставленіе полное, не только о ихъ воинской должности, но какимъ образомъ они поступать имѣютъ и въ разсужденіи близкаго съ татарами сосѣдства.

При собственномъ же вашемъ изъ Крыма отлученіи не безполезно быть можетъ по здѣшнему разсужденію, если вы найдете случай и способъ возымѣть съ ханомъ свиданіе для послѣдняго удостовѣренія его со всѣмъ правительствомъ о истинности и безкорыстіи нашихъ относительно всѣхъ татаръ намѣреній, и колико для нихъ во всякое время при настоящемъ ихъ состояніи есть нужно и необходимо продолженіе Императорскаго нашего покровительства.

Образъ отдачи и принятія въ наше владѣніе замка Кинбурна съ округомъ по лѣвому берегу Днѣпра и съ угломъ, который составляютъ степи, лежащія между рѣкъ Буга и Днѣпра, описывается 26-мъ артикуломъ такъ: «чтобъ вамъ, какъ командующему нашею арміею въ Крыму и губернатору Очаковскому, тотчасъ обослаться между собою и въ два мѣсяца отъ подписанія трактата выслать для сего взаимныхъ довѣренныхъ людей, что и исполнить тѣмъ довѣреннымъ конечно въ два мѣсяца времени отъ своего съѣзда, дабы въ четыре мѣсяца отъ подписанія трактата кончено было, а если можно—и скорѣе». Вслѣдствіе сего вы, сдѣлавъ съ пашею Очаковскимъ предварительно письменную обсылку въ пристойныхъ словахъ, и отправите нарочнаго человѣка способнаго изъ генералъ-маіоровъ съ отрядомъ войска, соотвѣтствующимъ числомъ своимъ содержанію сего новаго пріобрѣтенія, снабдя его не только полною отъ имени вашего мочью, но и всѣмъ нужнымъ наставленіемъ, чтобъ онъ по принятіи Кинбурна постарался какъ наискорѣе привести крѣпость въ оборонительное состояніе и удобною оную учинить къ обитанію гарнизона; на степь, отъ стеченія рѣкъ Буга и Днѣпра составляющуюся, въ знакъ начавшейся нашей поссессіи или владѣнія, немедленно жъ послѣ отдачи выставилъ и всегда содержалъ въ пристойномъ мѣстѣ сильный пикетъ; опредѣляя же межу нужному къ Кинбурну округу, который по употребленному слову въ 18-мъ артикулѣ предоставлено отвесть довольный, воспользовался симъ случаемъ къ убѣжденію Очаковскаго

паши и къ тому уже, чтобъ онъ равнымъ образомъ приступилъ къ означенію межи принадлежащаго и къ Очакову уѣзда, будучи одинакая въ томъ нужда, чтобъ какъ Кинбурнское, такъ и Очаковское вѣдомство нынѣ въ одно время отдѣлены были прочными знаками отъ простирающихся за тѣмъ земель принадлежности татарской. Желательно, когда только безъ сущей съ турецкой стороны претительности будетъ можно, чтобъ округа Кинбурнская и далѣе назначалась по своему берегу Днѣпра, а Очаковская по своему не доходила до устья Буга, для сохраненія удобности въ переѣздѣ прямо на степь Очаковскую, не касаясь земли, къ сему городу принадлежать имѣющей. Не оставите вы напослѣдокъ предписать и подтвердить воинскому начальнику, чтобъ онъ во всякое время съ турецкими подданными обходился ласковымъ и пристойнымъ образомъ, а толь паче съ ихъ чиновными, съ которыми онъ имѣть будетъ взаимное дѣло и разводъ, но въ случаѣ распрей представлялъ бы къ вамъ, почему и будете вы давать ему наставленія, соображаясь съ означенными въ началѣ сего рескрипта общими правилами нашего политическаго поведенія въ разсужденіи Порты въ настоящихъ обстоятельствахъ, и сносясь иногда и съ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ, ежели бы вопреки всякаго ожиданія настали вопросы, требующіе разрѣшенія, по важности своихъ слѣдствій, чрезъ новое и взаимное его съ верховнымъ визиремъ соглашеніе.

Сказавъ мы выше сего въ своемъ мѣстѣ все къ вашему наставленію уже потребное, въ разсужденіи Дунайской флотиліи въ полной остаемся надеждѣ къ вашему попеченію въ изобрѣтеніи способовъ къ предупрежденію всѣхъ съ турецкой стороны подозрительныхъ примѣчаній на сіи суда, въ военномъ употребленіи бывшія.

При окончаніи же всего, ссылаясь на приложенную при семъ копію съ рескрипта нашего, отправленнаго къ генералу-поручику Щербинину, и другую съ грамоты нашей же къ Калгѣ-султану, какъ для извѣстія вашего о воспріятыхъ нами мѣрахъ относительно къ сторонѣ Кубанской по тому жъ воспослѣдовавшаго мира случаю, такъ не меньше и для могущаго быть и съ стороны вашей употребленія по встрѣчающейся иногда нуждѣ, почитаемъ за справедливо и за должно отдать со всѣмъ удовольствіемъ достойную цѣну усердной вашей службѣ, намъ и отечеству съ пользою оказанной, во все время предводительства вашего нашею арміею, и что мы всегда будемъ содержать оную и подъятые вами труды и подвиги о покореніи Крыма въ нашей памяти и уваженіи отличномъ, почему всегда же и останемся къ вамъ нашею Императорскою милостію и благоволеніемъ благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 19 Августа 1774 года.

Екатерина.

Форма письма отъ генерала-аншефа князя В. М. Долгорукова къ Крымскому хану[1]).

(Приложена къ рескрипту Императрицы къ кн. Долгорукову отъ 19 Августа 1774 г.).

Свѣтлѣйшій и славнѣйшій Сагибъ-Гирей, ханъ Крымскій, мой высокопочтенный пріятель! Миръ вѣчный, между Всероссійскою Имперіею и Портою Блистательною воспослѣдовавшій, вашей свѣтлости уже извѣстенъ есть и могъ быть по теченію времени извѣстенъ. Со всѣмъ тѣмъ Ея Императорское Величество Самодержица Всероссійская, моя всемилостивѣйшая Государыня, преобратя Крымскій полуостровъ и всѣ народы татарскіе своимъ великодушнымъ подвигомъ, настоятельствомъ и самымъ войны продолженіемъ въ область свободную, ни отъ кого независимую, но подъ собственнымъ своимъ верховнымъ правительствомъ оставшуюся, соизволяетъ вамъ, свѣтлѣйшій и славнѣйшій ханъ, въ толь вящее засвидѣтельствованіе монаршаго своего уваженія къ вамъ и къ созданной великодушіемъ и человѣколюбіемъ Ея Величества области татарской извѣщать и непосредственно Императорскою своею грамотою о благополучномъ происшествіи, великую часть рода человѣческаго умиряющемъ и васъ, славнѣйшій владѣтель, приводящемъ въ безпечность въ семъ вашемъ верховномъ достоинствѣ, порученномъ вамъ отъ общества татарскаго свободнымъ по законамъ и древнимъ татарскимъ обыкновеніямъ избраніемъ, но заключеннымъ миромъ между двухъ великихъ Имперій новую прочность получающемъ.

Я, препровождая монаршую грамоту къ вашей свѣтлости *съ имрекомъ*, войскъ Ея Императорскаго всепресвѣтлѣйшаго Величества *полковникомъ или генералъ-маіоромъ*, надѣюсь, что ваша свѣтлость со всѣмъ свободной татарской области начальствомъ воспріимете сей знакъ чинимой вамъ отличности и вниманія къ вашему достоинству съ высочайшей Императорской стороны съ приличнымъ оказательствомъ и благодарностью за ту безпримѣрную милость, которая для татарскихъ народовъ не задолго предъ симъ не могла инако казаться, какъ совсѣмъ невѣроятною.

Мнѣ послѣ сего осталось только вашу свѣтлость поздравить съ утвержденіемъ вашего жребія и области татарской, подъ вашимъ начальствомъ состоящей, толь благополучнымъ воспослѣдствіемъ, но притомъ и желательно, чтобъ ваша свѣтлость и всѣ татары, отвергнувъ всякія предразсужденія, наконецъ воздали достойную цѣну и справедливость подвигамъ, въ пользу и безопасность ихъ предвоспріятымъ съ Россійской Императорской стороны, и всегда онымъ сообразными пребыли, отчего зависѣть можетъ прочность свободнаго ихъ состоянія и на всѣ будущіе вѣки и времена.

Впрочемъ я, соображаясь съ высочайшими Ея Императорскаго Величества моей всемилостивѣйшей Государыни намѣреніями, а притомъ и собственнымъ своимъ движеніемъ къ вамъ склоннымъ будучи, останусь и впредь доброжелательнымъ и ко услугамъ готовымъ, пока ваша свѣтлость собственнымъ вашимъ благоповеденіемъ будете соотвѣтствовать вашему званію и справедливому ожиданію Монархини, толико милости оказавшей народамъ татарскимъ.

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

Проектъ не отправленнаго письма графа Н. И. Панина къ резиденту въ Крыму П. П. Веселицкому [1]).

(Приложено въ копіи къ рескрипту Императрицы къ кн. Долгорукову отъ 19 Августа 1774 г., съ помѣтой: «Копія съ заготовленнаго письма къ резиденту Веселицкому, но не отправленнаго по перемѣнившимся обстоятельствамъ, а здѣсь прилагаемаго на случай употребленія содержащихся въ немъ изъясненій»).

Государь мой Петръ Петровичъ. Прилагаю при семъ копію для извѣстія и употребленія вашего съ артикуловъ заключеннаго нынѣ съ Портою Оттоманскою вѣчнаго мира, кои имѣютъ отношеніе къ мѣсту вашего пребыванія и къ порученной вамъ должности, то есть: съ 3-го—о независимости татаръ и присвоенныхъ имъ земляхъ, о уступкѣ въ здѣшнее владѣніе крѣпостей Крымскихъ Еникаля и Керчи и объ остающейся въ турецкомъ владѣніи Очаковской крѣпости, съ 18-го—о уступкѣ въ здѣшнее жъ владѣніе замка Кинбурна съ довольнымъ округомъ и съ угломъ, который составляютъ степи, лежащія между рѣкъ Буга и Днѣпра, съ 19-го—опредѣляющаго уѣзды, принадлежащіе къ Еникалю и Керчи, съ 20-го—объ остающемся въ здѣшнемъ же владѣніи городѣ Азовѣ съ уѣздомъ его, прежде утвержденнымъ, и съ 21-го—о Кабардахъ, съ предоставленіемъ принадлежности ихъ Россіи въ волю хана Крымскаго съ совѣтомъ его и съ старшинами татарскими.

Сія выписка сообщается однако жъ вамъ для перваго только случая, а по размѣнѣ ратификацій на трактатъ, и весь онаго составъ къ вамъ присланъ быть имѣетъ, для приведенія васъ въ состояніе и въ совершенную удобность войти во всю связь и существо взаимныхъ здѣшней Имперіи съ Портою Оттоманскою обязательствъ.

Между тѣмъ, чѣмъ больше одержано нынѣ пользы и славы, тѣмъ паче Ея Императорское Величество изволитъ и принимать за систему настоящаго своего политическаго поведенія въ разсужденіи Порты—показывать ей во всѣхъ, до нея относительныхъ случаяхъ и дѣлахъ нашихъ всю возможную умѣренность и искреннее желаніе вяще и вяще утверждать возобновленный нынѣ вѣчный миръ чрезъ пристойныя кстати и ко времени снисхожденія къ ея справедливымъ требованіямъ, чрезъ уклоненіе отъ нашей стороны всякихъ и малѣйшихъ поводовъ къ какому-либо неудовольствію или же недовѣркѣ, а напослѣдокъ—чрезъ скорѣйшее заведеніе безпосредственной торговли между взаимными областями, дабы въ прибыткахъ оной учинить турецкихъ подданныхъ участниками, а въ семъ собственныя корысти качествѣ—и прямыми ревнителями о лучшемъ впредь сохраненіи драгоцѣннаго мира. А какъ сіи положенія вмѣщаютъ всю способность къ аппликаціи или къ обращенію исполненіемъ и на Крымскій полуостровъ и всѣхъ татаръ, составляющихъ теперь область свободную, по новости же сего состоянія и невѣжеству своему мало еще вникнувшихъ въ пользы сего доставленнаго имъ преимущества, то и будутъ оныя служить основаніемъ вашего во всякое время и съ сими

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 53—57.

народами поведенія; теперь же, при самыхъ первыхъ обстоятельствахъ, вотъ на что главнѣйше все ваше вниманіе обращено быть имѣетъ.

Увидите вы между другими изъ содержанія 3-го артикула мирнаго трактата, опредѣляющаго жребій Крымскаго хана и области татарской, что хотя татары со стороны Порты въ разсужденіи политическаго и гражданскаго ихъ состоянія и признаны совершенно свободными и ни отъ кого независимыми, но съ тѣмъ однако жъ, чтобъ они въ духовныхъ обрядахъ, какъ единовѣрные съ турками, въ разсужденіи султана, яко верховнаго калифа, сообразовались правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, но безъ малѣйшаго предосужденія утверждаемой для нихъ политической и гражданской вольности. По бывшимъ о сей духовной должности татаръ къ турецкому государю на Фокшанскомъ и Бухарестскомъ конгрессахъ разсмотрѣніямъ, имѣла она состоять въ томъ, чтобъ каждый новый ханъ Крымскій, добровольнымъ избраніемъ возводимый на сію степень по древнимъ татарскимъ обыкновеніямъ изъ Чингизскаго поколѣнія, возвѣщалъ о томъ Оттоманскому престолу грамотою своею чрезъ нарочную депутацію и требовалъ отъ онаго утвержденія или же благословенія на сіе свое достоинство, чтобъ судьи Крымскіе, послику судъ и расправа магометанская въ тѣсномъ соединеніи съ ихъ же закономъ состоятъ, снабдѣваемы были полною мочью отъ кади-лескера Константинопольскаго, а по крайней мѣрѣ, чтобъ при первомъ случаѣ, но единожды на все уже послѣдствіе времени, истребована была татарскимъ правительствомъ такая судей ихъ настоящихъ и будущихъ благословляющая бумага, и чтобъ впрочемъ въ Крымѣ и во всѣхъ татарскаго владѣнія мѣстахъ каждую пятницу въ мечетяхъ возносимо было въ молитвахъ имя султанское.

Безъ сумнѣнія Порта и не оставитъ стараться тотчасъ о приведеніи сихъ трехъ пунктовъ, касающихся до обряда магометанскаго закона, въ полное дѣйство и исполненіе со стороны татарской; напротивъ того, настоитъ опасность, чтобъ они по невѣжеству своему, суевѣрству и неограниченной къ туркамъ преданности не подвиглись и не склонились, буде оставить безъ престереженія, поступить далѣе, нежели совмѣстно быть можетъ съ настоящимъ ихъ независимымъ состояніемъ, отзываясь въ своихъ къ Портѣ Оттоманской и публичныхъ письмахъ паче словами подчиненія, нежели области свободной, которая почитать должна въ особѣ султана знаменитость только единовѣрнаго государя и духовную своего закона власть.

Пускай посему начинаютъ татары возглашать имя султанское въ своихъ мечетяхъ, нѣтъ нужды и пристойности входить намъ въ сіе обстоятельство, но коль скоро развѣдаете вы о намѣреніи ханскомъ и чинимыхъ приготовленіяхъ къ сношенію съ Портою, для возвѣщенія ей о своемъ начальствѣ и испрошенія на то ея подтвержденія, также и полной мочи для судей татарскихъ, можете тогда по праву возложенной на васъ довѣренности отъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества двора, какъ съ татарскою областію дружественнаго и союзнаго и какъ еще и такого, который, устроя своимъ стараніемъ вольность и независимость татарскую, остается въ необходимомъ обязательствѣ предупреждать всѣ предосудительныя тому слѣдствія и признаки, учинить домогательство и требованіе о сообщеніи вамъ отправляемыхъ къ Портѣ писемъ, яко первыхъ по свободѣ пріобрѣтенной и ея отреченіи, которыя буде найдете въ чемъ-либо несвойственными съ настоящимъ татаръ положеніемъ, стараться имѣете исправить вашими хану и правительству Крымскому изъясненіями, присовѣтывая и съ пристойностью одерживая, чтобъ онъ былъ учтивъ и благодаренъ за дарованную отъ

Порты свободу, щедръ въ обѣщаніяхъ сохранить память сего благодѣянія и, буде похочетъ сказать, и милости, и достойнымъ всегда съ своей стороны быть призрѣнія ея и покровительства, но не рабъ въ истребованіи полной для судей татарскихъ мочи, а собственный господинъ, дѣйствующій только по духовнымъ убѣжденіямъ и законамъ совѣсти, и чтобъ онъ и совсѣмъ султанскаго благословенія на свое ханское достоинство и спрашивать воздержался, какъ въ ханы во время войны избранный, и потому еще особливо, что на Фокшанскомъ конгрессѣ дѣйствительно уже условлено, чтобъ въ разсужденіи его по сему обстоятельству и подобный обрядъ оставленъ былъ.

Послѣ сего не неприлично здѣсь же предупредить васъ нѣкоторымъ образомъ моими примѣчаніями и по прочимъ до татаръ касающимся мирнаго трактата артикуламъ, почему если бы ханъ Крымскій съ тамошнимъ правительствомъ, видя силою 3-го артикула сего трактата присвоенную къ области татарской землю, лежащую между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ до Польской границы, вздумалъ нынѣ же перевесть и содержать тамъ нѣкоторое число татаръ, то напротивъ того, будучи, именно 9-мъ артикуломъ заключеннаго предъ симъ съ областью татарскою трактата союза и дружбы, именно положено и условлено, чтобъ Ногайскимъ и Буджакской ордамъ, состоя подъ властію хана Крымскаго, навсегда обитать на Кубанской сторонѣ, ни которая изъ сихъ ордъ къ тому и употреблена быть не можетъ, а въ разсужденіи Крымцевъ, буде бы восхотѣлось сдѣлать имъ отправленіе сухимъ путемъ, надобно прежде испросить здѣшнее позволеніе на прошествіе землями здѣшними, Крымъ отдѣляющими отъ той, лежащей за Днѣпромъ, степи принадлежности татарской. Округъ земли къ Еникалю и Керчи, будучи по тѣмъ же самымъ межамъ, о которыхъ уже прежде соглашенось съ Крымскимъ правительствомъ 7-мъ артикуломъ учиненнаго съ областью татарской непосредственнаго трактата, остается только съ стороны вашей попеченіе имѣть, чтобъ Крымцы, по содержанію того жъ самаго 7-го артикула изъ трактата съ татарской областью, могли для коммуникаціи съ живущими на Кубанской сторонѣ народами при Еникалѣ содержать со всею свободою перевозъ на собственныхъ своихъ судахъ у особой пристани и ловить рыбу въ Еникальскомъ и Керчинскомъ проливѣ. 21-мъ артикуломъ мирнаго съ Портою Оттоманскою трактата представляются Кабарды въ такомъ положеніи, какъ бы нужно еще было въ разсужденіи ихъ соглашаться съ ханомъ Крымскимъ; но будучи 3-мъ артикуломъ заключеннаго съ областью татарскою трактата формальное признаніе получено уже сего хана и правительства о подданствѣ большой и малой Кабарды Россійскому скипетру, нѣтъ теперь и нужды ни въ какихъ дальнѣйшихъ въ семъ случаѣ положеніяхъ.

Впрочемъ прилагаю при семъ же копіи съ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества рескриптовъ, отправленныхъ нынѣ къ князю Василію Михайловичу Долгорукову и къ Евдокиму Алексѣевичу Щербинину и съ грамотъ къ хану Крымскому и къ брату его Калгѣ-султану, по тому жъ благополучно воспослѣдовавшему обстоятельству наставшаго мира, и препоручаю вамъ надлежащее съ стороны вашей содѣйствіе по содержанію сихъ приложеній; особливо же при возвращеніи Калги-султана въ Крымъ нужно будетъ сыскать вамъ его довѣренность и войти съ нимъ, по испытанной уже благонамѣренности сего знаменитаго татарина, въ нѣкоторую тѣснѣйшую связь для взаимнаго подкрѣпленія. И пребываю къ вамъ съ особливымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 19 Августа 1774 г.

2543) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ХАНУ КРЫМСКОМУ САГИБЪ-ГИРЕЮ [1]).

(По титулѣ). Свѣтлѣйшему и славнѣйшему Крымскому хану Сагибъ-Гирею, купно же всѣмъ Крымскимъ и прочимъ татарскимъ народамъ, наша Императорская милость и поздравленіе.

Ваша свѣтлость хотя и можете уже быть въ сіе настоящее время извѣстны о заключенномъ благословеніемъ Всевышняго мирѣ между Всероссійскою Имперіею и Портою Оттоманскою, тѣмъ не меньше однако жъ за благо и за пристойно находимъ мы, въ показаніе нашего къ вамъ уваженія и благонамѣренности, и непосредственно съ нашей Императорской стороны сею грамотою увѣдомить вашу свѣтлость о семъ вожделѣнномъ и богоугодномъ происшествіи, и что такимъ образомъ не только продолжавшаяся съ немалаго времени война, а напослѣди, какъ извѣстно всему свѣту, главнѣйше за народы татарскіе, уступила мѣсто дружбѣ для обѣихъ Имперій полезной, но что притомъ и жребій татарскихъ народовъ на всѣ предбудущіе вѣки разрѣшеннымъ и утвержденнымъ остается съ прочностію образомъ наиторжественнѣйшимъ.

Изъ прилагаемой при семъ копіи съ постановленнаго въ мирномъ трактатѣ пункта о Крымскомъ полуостровѣ и всѣхъ народахъ татарскихъ, бывшихъ предъ симъ въ подданствѣ турецкомъ, симъ же пунктомъ не только съ стороны нашей Имперіи, но равнымъ образомъ и съ стороны Порты признанныхъ уже свободными и ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, независимыми и состоящими подъ собственнымъ своимъ верховнымъ правительствомъ, довольно явствуетъ, сколь благополучно есть и будетъ всегда состояніе Крыма и всѣхъ народовъ татарскихъ при такомъ обѣихъ Имперій взаимномъ соглашеніи на возвращеніе природной симъ народамъ вольности.

Теперь видите вы, свѣтлѣйшій ханъ, дѣйствительное событіе данныхъ нами впродолженіе бывшей войны обѣщаній и обнадеживаній о установленіи татарскихъ народовъ жребія и участи на твердомъ, прочномъ и полезномъ основаніи.

Мы съ равномѣрнымъ благодареніемъ признаемъ десницу Всевышняго, воспособствовавшую намъ какъ въ подвигѣ войны и въ пріобрѣтеніи славнаго и полезнаго мира для нашей Имперіи, такъ и въ томъ, что симъ же самымъ миромъ совершились и всѣ наши старанія, мѣры и предпріятія, кои мы изъ природнаго намъ человѣколюбія употребили понынѣ въ пользу народовъ татарскихъ и къ

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напечат. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 44—46.

возведенію ихъ на степень свободной и отъ посторонней власти независимой области.

Но когда по сему все то съ нашей стороны уже учинено, исполнено и самимъ воспослѣдованіемъ оправдалось, что только къ истинному существованію независимой области могло быть нужнымъ, то и да будетъ вашей свѣтлости все же сіе и удостовѣреніемъ наилучшимъ о продолженіи нашего къ вамъ и ко всѣмъ татарамъ во всякое и впредь время доброжелательства и покровительства, и что мы постановленныя въ мирномъ трактатѣ съ Оттоманскою Портою объ нихъ условія, такъ какъ и непосредственно предъ симъ съ областію татарскою учиненный трактатъ между вашей свѣтлостію и нашимъ полномочнымъ, со всею точностію хранить имѣемъ и совершенно къ тому склонными находимся.

Итакъ, съ удовольствіемъ привѣтствуя мы вашу свѣтлость на степени верховнаго въ свободной татарской области самовластительства, новую прочность получающаго обстоятельствомъ воспослѣдовавшаго примиренія, съ надѣяніемъ ожидаемъ, что вы, начиная теперь дѣйствительно пользоваться свойственною независимому владѣтелю знаменитостію, преимуществами и всѣми, къ тому принадлежащими правами съ безопасностью и съ стороны Порты, отдадите справедливую цѣну нашему попеченію, настоятельству и твердости, въ достиженіи сего вида оказанныхъ, и, обращаясь всегда въ разсужденіи Россійской Имперіи съ довѣренностію, сохраните рачительно толь нужную и толь полезную дружбу для васъ и для области татарской, бытіемъ своимъ нашему великодушію одолженной, и что и соблюденіе достоинства званія вашего и области свободной во всѣхъ пристойныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ будетъ также вашимъ упражненіемъ и заботою.

Впрочемъ, давъ мы уже повелѣніе нашему генералу-аншефу князю Долгорукову о испражненіи, по содержанію мирнаго трактата, Крымскаго полуострова отъ войскъ нашихъ, кромѣ Еникаля и Керчи, кои объ крѣпости остаются въ нашемъ владѣніи, по силѣ того же самаго трактата и прежде заключеннаго съ татарскою областью, восхотѣли и вашу свѣтлость чрезъ сіе же о томъ увѣдомить, особливо же и для того, чтобъ благоволили съ помянутымъ княземъ Долгоруковымъ учинить касающіяся до того соглашенія и оказать ему и способствованія, какія иногда при томъ вознадобятся.

При окончаніи же всего молимъ мы всемогущаго Творца, да содержитъ вашу свѣтлость со всею, подъ вашимъ начальствомъ состоящею, татарскою свободною областію въ своемъ божественномъ охраненіи.

Дана въ столичномъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, въ 19 день Августа мѣсяца, отъ Рождества Христова 1774 года, а государствованія нашего третьяго на десять лѣта.

(Подлинная грамота утверждена государственною печатью).

2544) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КАЛГѢ-СУЛТАНУ ШАГИНЪ-ГИРЕЮ [1]).

Сіятельному и знаменитому Шагинъ-Гирею, Калгѣ-султану Крымскому, наша Императорская милость.

О состоявшемся благословеніемъ и пособіемъ всемогущаго Творца вселенныя мирѣ между Всероссійскою Имперіею и Портою Оттоманскою, хотя и могли быть извѣщены вы, сіятельный Калга-султанъ Крымскій, намъ особливо извѣстный своимъ благоразуміемъ, ревностію и усердіемъ къ отечеству, со всѣмъ тѣмъ мы, признавая съ охотою ваши достоинства, отличающія васъ отъ прочихъ Крымскихъ султановъ, за справедливо почли, во изъявленіе монаршаго нашего къ вамъ особливаго благоволенія, и непосредственно съ нашей Императорской стороны сею грамотою дать вамъ знать, почтенный и намъ пріятный Калга-султанъ, о семъ вожделѣнномъ, великую часть свѣта умиряющемъ и потому слѣдовательно и богоугодномъ происшествіи, и что равное притомъ отъ насъ стараніе употреблено было какъ въ одержаніи для нашихъ подданныхъ пользы и безопасности, такъ не меньше и въ доставленіи татарскимъ народамъ прочности и твердости на всѣ будущіе вѣки въ той свободѣ, въ какой они себя почти при самомъ бывшей войны началѣ увидѣли постановленныхъ по нашему человѣколюбію и великодушію.

Благодареніе Всевышнему! Приложенная здѣсь копія съ постановленнаго въ мирномъ трактатѣ пункта о Крымскомъ полуостровѣ и всѣхъ народахъ татарскихъ извѣститъ васъ, почтенный Калга-султанъ, что съ коликою упорностью ни продолжалась война понынѣ за жребій народовъ татарскихъ, наконецъ представилось благополучное время, которое опредѣлило оный по нашему всегдашнему истинному о благоденствіи татарскихъ народовъ желанію, и Порта признала ихъ уже свободными, ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, независимыми и состоящими подъ собственнымъ своимъ верховнымъ правительствомъ. Удовольствіе наше теперь совершенное и полную мѣру пріобрѣтшее, когда мы видимъ толико судьбою Всевышняго благословеннымъ и совершившимся подвигъ нашъ, предвоспріятый изъ единственнаго чело-

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 46—49.

вѣколюбія и милосердія къ избавленію народовъ, въ естественной свободѣ рожденныхъ, впрочемъ славныхъ древними своими дѣяніями, потомъ несчастіемъ временъ послѣдовавшихъ и своими обстоятельствами приведенныхъ въ подчиненность, ихъ состоянію несвойственную, и наконецъ нынѣ нашимъ на нихъ обращеннымъ вниманіемъ отраду, избавленіе и древнюю знаменитость себѣ возвращающихъ.

Ставъ такимъ образомъ мы творительницею настоящаго бытія татарскихъ народовъ, находившихся въ самой невозможности что-либо помыслить, того меньше предпріять къ поправленію своей участи, но теперь въ сравненіи ужъ себя почитать могущими съ другими свободными и ни отъ кого независимыми областями, и пріобрѣтающихъ всѣ способы къ приведенію себя въ порядокъ, въ благочиніе, въ знаменитость и въ состояніе всѣми, дозволенными ихъ положенію и обстоятельствамъ, выгодностями и преимуществами пользоваться, коликое удовольствіе ощущаемъ, вы можете наибольше вообразить себѣ изъ татаръ, почтенный и благоразумный Калга-султанъ, по тому, извѣстному намъ, пронпцанію вашему, которое достаточно было представить вамъ въ прямомъ образѣ и впродолженіе самой войны безкорыствованіе наше въ разсужденіи татаръ и слѣдствія пользы продолжаемаго къ нимъ нашего покровительства и доброжелательства.

Мы, будучи склонны къ правосудію и къ признанію заслугъ и достоинствъ, гдѣ бъ и когда бъ они ни встрѣтились, за славу себѣ вмѣняемъ почитать дѣйствіями и пользами состоявшагося нынѣ мира согласно оказавшуюся судьбу Всевышняго съ нашими о татарахъ видами и намѣреніями, но притомъ и всю достойную цѣну и справедливость и вашему понятію отдать въ томъ, что вы нашлись въ состояніи и удобности всю непристойную для нашего высочайшаго степени удалить и отвергнуть отъ себя недовѣрчивость и, вникнувъ въ существо пользы, для татаръ представившейся, тому по всей вашей возможности содѣйствовать.

При обстоятельствахъ настоящихъ, то есть при продолжаемомъ отъ насъ къ татарамъ благоволеніи и покровительствѣ, несмотря на бывшія нѣкоторыхъ изъ нихъ превратности, и при учиненномъ наконецъ со стороны Порты и отреченіи, открывается вамъ, почтенный Калга-султанъ, обширное мѣсто прославить ваше къ отечеству усердіе не однимъ уже вашимъ собственнымъ благоповеденіемъ, но дѣяніями, во всю область татарскую свободную и ни отъ кого независимую распространяющимися. Новость сего состоянія требуетъ, чтобъ пріобрѣтена была отъ сосѣдственныхъ державъ довѣренность и надѣяніе, чтобъ при первомъ случаѣ достоинство свободы и независимости, какое принадлежитъ теперь татарской области, во всей пристойности и безъ предосужденія на послѣдующія времена сохранено было, чтобъ

установлено было и въ находящихся теперь на сторонѣ Кубанской Ногайскихъ народахъ благочиніе и благоповеденіе, здѣшнія границы въ безпечность отъ нихъ приводящія, и чтобъ наконецъ дружба, довѣренность и прибѣжность къ нашему Императорскому престолу, давшему татарамъ настоящее независимое бытіе, не только въ сей степени сохранились, но время отъ времени вяще и вяще умножались и татарамъ учинились свойственными и собственными къ толь вящему ихъ благоденствію, пользѣ и безопасности.

Мы, удовольствовавшись начертать вамъ сіи примѣчанія, отдаемъ однако же въ полное ваше благоизобрѣтеніе, какимъ наилучшимъ образомъ признаете быть себя въ состояніи онымъ, по долгу вашего званія и по мѣрѣ вашей прозорливости и истинной къ пользѣ татарскихъ народовъ ревности, содѣйствовать, то есть, оставаясь-ли далѣе на Кубани между Ногайскими народами, или, ускоряя у нихъ установить образъ правительства на нѣкоторомъ твердомъ и непреклонномъ основаніи, переѣхать самому въ Крымъ для присовѣтованій, нужныхъ брату вашему, хану Крымскому, который, буде когда, теперь наипаче отъ вашего съ нимъ сопребыванія пользу имѣть можетъ по разнообразности мыслей тѣхъ людей, кои составляютъ подъ нимъ Крымское начальство и, разными пристрастіями и убѣжденіями пореваясь (sic), требовать могутъ просвѣщеннаго руководства.

Сіе есть, что мы восхотѣли вамъ, знаменитый Калга-султанъ Крымскій, и намъ своимъ благоразумiемъ довольно извѣстный, дать знать, обнадеживая васъ впрочемъ, гдѣ бъ вы ни находились, продолженіемъ Императорской нашей милости и благоволенія.

Дана сія наша Императорская грамота въ столичномъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, въ 19 день Августа мѣсяца, отъ Рождества Христова 1774 года, а государствованія нашего третьяго на десять лѣта.

(Подлинная грамота утверждена государственною печатью).

2545) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

М. г. м. князь Василій Михаиловичъ. Въ то время, какъ на Крымскомъ полуостровѣ удалось туркамъ высадить дессантъ свой, предуспѣлъ съ другой стороны генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ принудить верховнаго визиря къ заключенію скораго, полезнаго и славнаго мира. Ваше с-во изволите уже давно быть извѣстны

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Переписка чиновниковъ Росс. министерства по Крымскимъ дѣламъ 1774 г.

какъ объ оном, такъ и о существѣ относительныхъ до татарской вольности артикуловъ. Я не сумнѣваюсь, чтобъ вы, милостивый государь мой, получа вдругъ курьеровъ и фельдмаршальскаго и визирскаго, не приняли безпосредственно сами собою всѣхъ нужныхъ и пристойныхъ мѣръ какъ для извѣщенія о мирѣ главнаго въ Крыму начальника турецкихъ войскъ, такъ и для согласнаго съ нимъ пресѣченія по всѣмъ мѣстамъ начавшихся непріятельскихъ дѣйствій. Изъ слѣдующаго нынѣ же именного рескрипта усмотрите ваше с-во преподаваемое вамъ отъ Ея Императорскаго Величества руководство о томъ, что вамъ теперь дѣлать надлежитъ. Излишне было бъ входить мнѣ здѣсь въ какія-либо разсужденія, когда уже оный всѣ подробности и на всѣ части бдѣнія вашего достаточныя предписанія въ себѣ заключаетъ. Я сокращаюсь потому въ изъявленіи вамъ единственно той нетерпѣливости, съ коею мы ожидаемъ видѣть послѣдствія возобновившихся въ Крыму военныхъ операцій и на какомъ основаніи прекратились оныя по полученіи вѣдомости о мирѣ. Всегда пребуду я и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 19 Августа 1774 г.

2546) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КАЛГѢ-СУЛТАНУ ШАГИНЪ-ГИРЕЮ [1]).

Сіятельный Калга-султанъ, мой почтенный пріятель.

Ея Императорскому Величеству Самодержицѣ Всероссійской, всемилостивѣйшей моей Государынѣ, угодно было, по благополучномъ окончаніи продолжавшейся понынѣ войны заключеннымъ съ Портою Оттоманскою вѣчнымъ миромъ, коимъ независимость татарской области навсегда утверждается и съ стороны уже Порты, оказать вамъ, достойный Калга-султанъ, отличный опытъ монаршей своей милости и благоволенія чрезъ отправленіе къ вамъ препровождаемой симъ мною высочайшей своей возвѣстительной о семъ важномъ происшествіи грамоты.

Все содержаніе сей грамоты Императорской есть славное и торжественное засвидѣтельствованіе бывшаго вашего благоповеденія и коль надежно великая Монархиня ожидать изволитъ, что вы, знаменитый Калга-султанъ, не меньше и при настоящихъ отечества вашего обстоятельствахъ, какъ и прежде, будете оному полезнымъ обращеніемъ вашихъ совѣтовъ и дѣйствій на то, чтобъ созданная великодушнымъ подвигомъ Ея Императорскаго Величества свободная и ни

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 49—50.

отъ кого независимая область татарская, получившая нынѣ и отъ Порты въ такомъ качествѣ совершенное признаніе, всегда достойною была и осталась дружбы и довѣренности Всероссійской Имперіи и высочайшаго Ея Императорскаго Величества покровительства и чтобъ равнымъ образомъ и Порта, отъ татаръ отрекшаяся, не возымѣла причинъ къ справедливому на нихъ негодованію.

Сіе есть упражненіе наиприличнѣйшее вашему званію и самое нужное и полезное и для начавшейся вновь области татарской, почему всемилостивѣйшая Государыня предварительно удостовѣрена быть изволитъ, что вы, почтенный Калга-султанъ, и будущими вашими поступками оправдать не оставите воспріятое Ея Величествомъ толь полезное объ васъ мнѣніе и толь великою мѣрою благоразумному вашему самолюбію удовлетворяющее. Я, имѣя впрочемъ истинное къ вамъ почтеніе, за долгъ поставляю принесть чрезъ сіе же вамъ, знаменитый Калга-султанъ, усердное поздравленіе по случаю воспослѣдовавшаго между обѣихъ Имперій примиренія, поелику начинается отъ сего важнаго происшествія и точная уже опредѣлительность жребія народовъ татарскихъ, достаточная къ успокоенію вашихъ мыслей и къ исполненію сердца вашего новымъ благодарности чувствованіемъ за оказанную въ семъ случаѣ отъ Ея Императорскаго Величества къ народамъ татарскимъ безприкладную милость, а я пребуду и впредь всегда къ вамъ доброжелательнымъ.

Ея Императорскаго Величества первенствующій министръ гр. Н. Панинъ.

Въ С.-Петербургѣ, 19 Августа 1774 г.

2547) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ДЖАНЪ-МАМБЕТЪ-БЕЮ, НАЧАЛЬНИКУ ЭДИССАНСКОЙ, БУДЖАКСКОЙ И ДЖЕМБУЙЛУКСКОЙ ОРДЪ, И КЪ СТАРѢЙШИНАМЪ ИХЪ [1]).

Сіятельный князь князей, рыцарь и владѣтель Джанъ-Мамбетъ-бей, трехъ благонамѣренныхъ Эдиссанской, Буджакской и Джембуйлукской ордъ главный начальникъ, купно съ прочими начальниками, мурзами, агами и со всѣмъ обществомъ Ногайскимъ.

Пріятная и благополучная вѣсть о состоявшемся мирѣ между Всероссійскою Имперіею и Блистательною Портою могла уже достигнуть до васъ, знаменитый Ногайскихъ ордъ начальникъ, а мой особливый пріятель. Но чтобъ однако же увѣдомлены вы были и всѣ

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 51—53.

орды Ногайскія и непосредственно съ стороны Высочайшаго Ея Императорскаго Величества, моей всемилостивѣйшей Государыни, двора о семъ вожделѣнномъ происшествіи и о всѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ, по содержанію заключеннаго между обѣихъ Имперій мирнаго трактата, Ногайскія орды съ Крымскимъ полуостровомъ находиться и навсегда остаться имѣютъ, прилагаю я здѣсь копію съ того пункта, который собственно касается до сихъ народовъ и ихъ правительства.

Вы усмотрите, почтенный начальникъ, съ истиннымъ удовольствіемъ изъ сего приложенія, что жребій Крыма и всѣхъ народовъ татарскихъ разрѣшенъ и утвержденъ теперь къ пользѣ и благодѣнствію ихъ образомъ наиторжественнѣйшимъ, когда не только съ стороны Всероссійской Имперіи, но равнымъ образомъ и съ стороны Порты Оттоманской, ханъ Крымскій дѣйствительно признанъ уже самовластнымъ, верховнымъ и ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, независимымъ владѣтелемъ, а народы Крымскіе и татарскіе—составляющими свободную и своими законами управляемую область.

Толь славная и толь полезная опредѣлительность состоянія народовъ татарскихъ, доставленная имъ великодушнымъ попеченіемъ и подвигомъ Ея Императорскаго Величества, оправдала теперь съ избыткомъ какъ данныя татарамъ впродолженіе войны бывшей всѣ отъ Россійскаго Императорскаго двора обнадеживанія, такъ не меньше и возложенное вами, почтенный начальникъ, неограниченное надѣяніе на справедливость и милость высочайшую Ея Императорскаго Величества. Особа ваша долженствуетъ быть для всѣхъ татарскихъ народовъ драгоцѣнна; благоразуміе ваше указало имъ путь къ отрадѣ и благоденствію снисканіемъ имъ въ такое время покровительства Ея Императорскаго Величества, въ какое они наименьше надѣяться могли по обстоятельству бывшаго своего Портѣ Оттоманской подданства; потомъ же ваша достохвальная твердость, содѣйствуя здѣшнимъ мѣрамъ, способствовала равнымъ образомъ и къ тому, что не всѣ изъ Ногайскихъ татаръ, а нѣкоторые только воспріимали наконецъ развратныя мысли, и что слѣдовательно не постигло всѣ Ногайскіе народы бѣдствіе возмездія, когда почти уже тухнуть начинало военное и между обѣихъ Имперій пламя,—словомъ, вы были первый и послѣдній за татаръ предстатель предъ престоломъ Ея Императорскаго Величества въ наисумнительнѣйшихъ и опаснѣйшихъ случаяхъ. Величайтесь и услаждайтесь теперь, достохвальный мужъ, принадлежащею вамъ справедливою славою за возведеніе милосердіемъ Ея Императорскаго Величества вашего отечества на степень области свободной и независимой и дѣйствительно совершившимся уже ожиданіемъ вашимъ толь выгодную для татаръ участь видѣть и на будущее ихъ потомство совершенно утвержденною.

Я, какъ истинный вашъ другъ, пріемля участіе во всемъ, что до васъ касаться можетъ, усердно поздравляю васъ, почтенный начальникъ, съ воспослѣдовавшимъ между двухъ Имперій примиреніемъ, толико для народовъ татарскихъ вообще полезнымъ.

Что же касается до исполненія съ стороны Россійскаго Императорскаго двора положенныхъ объ нихъ въ мирномъ трактатѣ условій, то когда всѣмъ прошедшимъ временемъ доказывается, коликое всегда по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію прилагалось стараніе въ пользу татаръ, нѣтъ и не можетъ уже быть сумнѣнія и въ томъ, чтобъ Россійскій Императорскій дворъ не сталъ содержать во всемъ разумѣніи и силѣ и оныхъ условій, равно какъ и заключеннаго и непосредственнаго еще предъ симъ трактата съ вольною и ни отъ кого независимою областью татарскою; желательно только, чтобъ татары, напротивъ того, присвоя всю достойную цѣну воспріятому для нихъ подвигу, слѣдствіями своими въ совершенствѣ благоуспѣшнымъ оказавшемуся, и прямо вникнувъ въ доставленныя имъ чрезъ то преимущества и выгодности, старались содержать себя всегда въ приличномъ настоящему своему состоянію благоустройствѣ, почитая продолженіе къ себѣ высочайшаго Ея Императорскаго Величества покровительства залогомъ и защитою счастливаго своего бытія, и въ чемъ во всемъ ихъ вразумлять вы, почтенный начальникъ, никогда конечно не оставите. Впрочемъ я и впредь пребуду къ вамъ и ко всѣмъ татарскимъ народамъ доброжелательнымъ.

Ея Императорскаго Величества первенствующій министръ гр. Н. Панинъ.

Въ С.-Петербургѣ, 19 Августа 1774 г.

2548) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

По случаю благополучно оконченной войны и одержаннаго славнаго и полезнаго мира съ утвержденіемъ независимости Крымскому полуострову и всѣмъ татарамъ, мы за пристойно и нужно почитаемъ, чтобъ ханъ Крымскій, какъ дѣйствительно теперь въ самовластномъ владѣніи себя видящій и находящій, по соглашенію нашему съ Портою Оттоманскою, при самомъ началѣ спокойнаго времени, могъ имѣть съ стороны нашей пристойную почесть и уваженіе къ настоящему его состоянію, и чтобъ и братъ его Калга-султанъ, во все продолженіе

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 34—36.

войны пребывши намъ преданнымъ и усерднымъ, несмотря на разныя между тѣмъ происходившія затруднительства, могъ имѣть съ стороны же нашей къ утѣшенію своему и полное засвидѣтельствованіе и признаніе трудовъ своихъ, въ прямую отечества своего пользу употребленныхъ: для того, повелѣвъ мы отправить къ хану грамоту нашу возвѣстительную о семъ важномъ происшествіи, съ препорученіемъ оной для дальнѣйшаго въ свое мѣсто доставленія на руки нашего генерала-аншефа князя Долгорукова, по данному ему нынѣ же рескрипту нашему, съ котораго здѣсь для вашего извѣстія и копія слѣдуетъ, такую же повелѣли и присемъ приложить и для Калги-султана, изъ которой вы между другимъ усмотрите, что по важности настоящаго упражненія Крымскаго начальства, и чтобъ оное въ первомъ своемъ поведеніи умѣло сохранить достоинство независимой области, Калгѣ дѣлается внушеніе и о переѣздѣ его въ Крымъ, въ томъ однако же разсужденіи, ежели не воспослѣдуетъ изъ отлученія его съ Кубани вящаго предосужденія, нежели пользы быть можетъ отъ его въ Крыму присутствія.

Но сей вопросъ не можетъ разсмотрѣнъ и разрѣшенъ быть въ точности, какъ мѣстнымъ обозрѣніемъ настоящихъ Ногайскихъ и прочихъ Кубанскихъ народовъ обстоятельствъ и ихъ съ Калгою соотвѣтствія, требуя они, по своей легкомысленности и поползновенію на все противное, или прямо дѣйствующаго собственнаго начальства для содержанія себя въ благоустройствѣ, или же затруднительныхъ на ближнихъ нашихъ къ нимъ границахъ осторожностей во всякое время, толь паче нынѣ, когда только слухъ до нихъ достигаетъ о воспослѣдовавшемъ мирѣ, а многіе между тѣмъ изъ нихъ были и еще находиться могутъ развращенными.

Мы, по продолжительной вашей службѣ и подъятымъ многимъ и разнообразнымъ трудамъ, легко воображаемъ, что истощено уже здоровье ваше и силы; но намъ не меньше извѣстна же и ревность ваша безпредѣльная къ пользѣ нашей и отечества. Итакъ мы надѣемся, что если не найдетесь при полученіи сего въ крайней невозможности, вы потщитесь показать намъ угодность самоличнымъ Калгѣ-султану доставленіемъ грамоты нашей, отправляясь для того къ нему на Кубань и получая чрезъ то случай и способъ сдѣлать ваши примѣчанія по начертанію, назначенному выше сего, а вслѣдствіе того и всѣ уже полезныя ему присовѣтованія подъ образомъ дружбы и откровенности, какъ въ разсужденіи Ногайцевъ, такъ и самаго Крыма, и по такимъ вашимъ близкимъ испытаніямъ, или удержать его и далѣе на Кубани, или же, въ случаѣ меньшей въ немъ тутъ нужды по достатку и безъ его участія собственнаго сихъ народовъ начальства къ содержанію ихъ въ порядкѣ при лучшемъ можетъ быть расположеніи ихъ склон-

ностей и мыслей относительно къ нашей сторонѣ, послѣ сдѣланнаго отъ нихъ отреченія Портою Оттоманскою, убѣдить его переѣхать и въ Крымъ какъ наискорѣе, для вступленія въ тамошнее правительство и пособствованія хану своему брату въ настоящихъ дѣлахъ, всей осторожности требующихъ.

Впрочемъ симъ же объявляемъ вамъ наше соизволеніе и объ отпускѣ аманатовъ Ногайскихъ, ежели бы оные отъ Калги или отъ начальниковъ сихъ ордъ потребованы были, не оставаясь теперь никакого предлога къ ихъ удержанію. И пребываемъ къ вамъ всегда нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 19 Августа 1774 года.

Екатерина.

2549) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. Сколько ни вхожу я, по искренней моей къ вашему прев-ву дружбѣ, въ настоящее ваше состояніе, раздѣляя душевно всю прискорбность онаго, однако жъ тѣмъ не меньше, по усердію къ самой службѣ и къ пользѣ интересовъ государственныхъ, долженъ васъ, любезнаго моего друга, просить, чтобъ вы, уступая нуждѣ момента и собственной вашей патріотической ревности, воспріяли на себя трудъ исполнить поручаемую вамъ нынѣ важную комиссію. Обстоятельства требуютъ того неотмѣнно сами по себѣ, и я въ разсужденіи сего смѣло къ вамъ адресуюсь, убѣждая васъ съ моей стороны персональною моею дружбою. Вѣрьте мнѣ, ваше прев-во, что я по сущей невозможности инако удовлетворить счастливому окончанію толь славнаго дѣла, каковымъ есть и пребудетъ навсегда одержаніе татарамъ вольности и независимости и въ которомъ вы донынѣ толико уже имѣли участія, не помышлялъ и не старался отводить отъ васъ сей комиссіи, удостовѣряясь тутъ, что вы, для общаго блага превозмогая собственную вашу гореcть, принесете ее оному въ полезную жертву. Въ то же время ставлю я въ пріятный себѣ долгъ совѣтовать здѣсь, чтобъ ваше прев-во для будущаго вашего съ Калгою-султаномъ свиданія предварительно съ нимъ снеслись о мѣстѣ онаго и учредились между собою такимъ образомъ, дабы вамъ обоимъ другъ къ другу навстрѣчу выѣхать. Мнѣ сердечно хочется выторговать чрезъ сіе для васъ половину дорожнаго труда, и я надѣюсь, что Калгѣ-султану въ томъ съ своей стороны возспособствовать можно будетъ, и не удаляясь много отъ того пункта, гдѣ ему для сохраненія безпрерывной корреспонденціи съ Крымомъ быть должно, ибо впрочемъ и для васъ, моего друга, нѣтъ пристойности заѣзжать далеко въ глубь Кубани для сысканія его.

Повторяя симъ въ заключеніе дружескую и персональную мою просьбу, увѣряю

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Переписка чиновниковъ Росс. министерства по дѣламъ Крымскимъ 1774 г.

я васъ, что снисхожденіе ваше увѣнчаетъ ревность и истинное усердіе долголѣтней вашей службы и что я никогда не перестану быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 19 Августа 1774 г.

PS. Въ отправляемомъ къ вамъ одномъ изъ рескриптовъ включена грамота Ея Императорскаго Величества къ Калгѣ-султану. Оную разсудилъ я препроводить къ нему собственнымъ моимъ здѣсь слѣдуемымъ письмомъ, съ котораго копію для извѣстія вашего здѣсь же прилагаю.

Благонамѣренность Джанъ-Мамбетъ-бея, кажется мнѣ, заслуживаетъ того, чтобъ я сдѣлалъ ему привѣтствіе по случаю нашего съ турками мира, почему и прилагаю я къ нему письмо мое, прося васъ, м. г. м., оное ему доставить; а для вашего извѣстія копію съ него включаю.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФРИДРИХУ II, КОРОЛЮ ПРУССКОМУ.

Царское Село, 20 Августа 1774 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 347—348.

КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ.

20 Августа 1774 г.—съ одобреніемъ его распоряженій по военнымъ дѣйствіямъ для усмиренія Пугачевскаго бунта. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 437.

2550) ИНСТРУКЦІЯ ДЛЯ ОТПРАВЛЯЮЩАГОСЯ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО КАМЕРГЕРА АЛЕКСѢЯ НАРЫШКИНА [1]).

Въ соотвѣтствіе присылки сюда отъ Шведскаго двора камергера Эренсверта съ обвѣщеніемъ о бракосочетаніи королевскаго брата герцога Зюдерманландскаго съ принцессою Голштинскою, Ея Императорское Величество соизволила повелѣть Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отправить въ Стокгольмъ васъ, господина камергера; вслѣдствіе сего Коллегія разсуждаетъ за благо снабдить васъ при отправленіи туда потребнымъ наставленіемъ, въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) По пріѣздѣ вашемъ въ Стокгольмъ имѣете вы адресоваться во-первыхъ къ находящемуся тамо нашему резиденту и истребовать отъ него совѣта, какъ въ представленіи себя министерству, такъ и въ разсужденіи тамошняго этикета; а чтобъ и резидентъ вамъ показывалъ всевозможное вспоможеніе, о томъ снабденъ надлежащимъ повелѣніемъ.

2) При первомъ свиданіи вашемъ съ Шведскимъ министерствомъ и по сообщеніи ему копіи съ приложенной при семъ купно съ оною

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 43.

грамоты Ея Императорскаго Величества къ Его Величеству королю, надлежитъ вамъ павѣдаться, не имѣетъ-ли министерство какихъ отъ короля повелѣній, чтобъ вы въ Стокгольмѣ ожидали возвращенія изъ Шконіи Его Величества, и если нѣтъ, то имѣете вы испросить у министерства совѣта и вспоможенія объ отправленіи вашемъ къ мѣсту пребыванія Его Величества, по прибытіи куда, когда по вашему испрошенію назначена будетъ у Его Величества аудіенція, имѣете вы на оной поднести означенную грамоту, препроводя пристойною рѣчью на французскомъ языкѣ, согласно съ намѣреніемъ отправленія вашего.

3) Какъ вы и всей королевской фамиліи представлены будете, то надлежитъ вамъ какъ вдовствующей королевѣ, такъ обоимъ герцогамъ, герцогинѣ и принцессѣ, отъ стороны Ея Императорскаго Величества сдѣлать приличное и съ настоящею вашею комиссіею сходственное привѣтствіе, увѣряя ихъ о имѣющейся къ нимъ Ея Императорскаго Величества дружбѣ.

4) По полученіи какъ у короля, такъ и у всей его фамиліи аудіенціи, имѣете вы обстоятельно донести ко двору Ея Императорскаго Величества, адресуя реляцію вашу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

5) Если во время пребыванія вашего въ Стокгольмѣ, или же на дорогѣ, отзываться къ вамъ будутъ о нынѣшнемъ положеніи политическихъ дѣлъ, то надобно вамъ стараться убѣгать отъ всякихъ по оному изъясненій, а о заключенномъ нашемъ съ турками мирѣ отзывы ваши учреждать сходственно съ выданнымъ объ ономъ въ публику извѣстіемъ.

6) Какія вы можете иногда сдѣлать новыя примѣчанія во время вашего пути, въ разсужденіи внутреннихъ военныхъ распоряженій Шведскаго двора, также и расположенія по землѣ духовъ по причинѣ перемѣнившейся формы правленія, словомъ о всемъ томъ, что здѣшнюю аттенцію заслуживать можетъ, о томъ имѣете вы донести по прибытіи вашемъ сюда особливою реляціею, наблюдая однако жъ всячески, чтобъ чинимыми отъ васъ въ пути развѣдываніями не навлечь на себя и самаго малѣйшаго подозрѣнія.

7) На проѣздъ вашъ въ оба пути опредѣлено вамъ отъ Ея Императорскаго Величества четыре тысячи рублей, которыя деньги и получите вы изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ вмѣстѣ съ надлежащимъ для проѣзда вашего паспортомъ. По возвращеніи же вашемъ сюда имѣете вы сію инструкцію возвратить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Дана въ С.-Петербургѣ, Августа 21-го дня 1774 г.

Гр. Н. Панинъ.

Кн. Александръ Голицынъ.

2551) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 9 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Къ крайнему усмотрѣли мы сожалѣнію, изъ реляціи вашей отъ 3-го Августа подъ № 20, о утвердившихся въ Крымскомъ полуостровѣ турецкихъ войскахъ и о предательствѣ ханомъ Крымскимъ бывшаго при немъ въ качествѣ нашего резидента статскаго совѣтника Веселицкаго въ руки сераскеръ-паши Гаджи-Али-бея, въ такое время, когда по обстоятельству заключеннаго между нашею Имперіею и Портою Оттоманскою мира подобныя приключенія вовсе ожидаемы быть не могли.

Прежде нежели достигло сюда столь непріятное извѣстіе, каковъ заготовленъ былъ рескриптъ нашъ въ наставленіе, мы однако жъ повелѣли оный со всѣми приложеніями отправить къ вамъ при семъ, но только не для точнаго исполненія по всему содержанію, которымъ предполагалось и въ части вашего вѣдомства свойственное дѣлъ состояніе съ слѣдствіями заключеннаго мира, а больше для извѣщенія вашего общихъ правилъ поведенія въ разсужденіи Порты Оттоманской и татарскихъ народовъ, въ ожиданіи поправленія случившихся замѣшательствъ, и еще и для того, чтобъ не имѣть нужды въ повтореніяхъ приведенныхъ въ ономъ разныхъ уваженій, на которыя мы ссылаться будемъ и въ семъ настоящемъ рескриптѣ.

Но не будучи мы еще отъ васъ въ подробности увѣдомлены и не зная потому, какимъ образомъ ханъ Крымскій могъ соединиться съ турецкими начальниками и осмѣлиться отдать имъ нашего резидента въ бытность вашу со всею предводительствуемою арміей посреди Крыма, слѣдовательно въ близости отъ него, хана, и при настояніи всѣхъ способовъ къ содержанію съ нимъ нужной связи и обсылки съ резидентомъ, и не зная такожде о дальнѣйшихъ ханскихъ поступкахъ и послѣ всеобщаго, въ Крымѣ распространившагося, свѣдѣнія о пресѣченіи войны, и что наконецъ положено на бывшемъ у него съ Крымскими начальниками совѣтѣ и о чемъ онъ, отвѣтствуя на ваше сообщеніе о воспослѣдовавшемъ примиреніи, обѣщалъ увѣдомить васъ въ свое время: мы находимся въ необходимости настоящія наши предписанія составить главнѣйше изъ общихъ примѣчаній, предоставляя ближайшими снабдить васъ наставленіями по полученіи точнѣйшихъ извѣстій о всемъ приключившемся, ежели бъ и еще въ чемъ было

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Концептъ, съ собственноручными поправками Императрицы, апробованный ею 20 Августа 1774 г., находится тамъ же, Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 252. Поправки Императрицы напечатаны курсивомъ. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс. 1872 г., кн. II, стр. 58—62.

нужно. Итакъ и не надлежитъ уже вамъ, при толь худыхъ оказательствахъ, съ стороны ханской бывшихъ, отправлять къ нему грамоты, посылаемой на ваши руки при вышеозначенномъ рескриптѣ, развѣ бы онъ между тѣмъ до полученія сего рескрипта уже сдѣлалъ формальное раскаяніе въ предательствѣ резидента съ нарушеніемъ правъ всенародныхъ и заключеннаго съ нашею Имперіею трактата и просилъ у васъ прощенія съ тѣмъ, чтобъ и начальники находящагося теперь въ Крымѣ турецкаго войска достаточное о томъ свѣдѣніе возымѣли, и ежели бы сверхъ того онъ же тѣмъ или другимъ образомъ, но прямо и искренно согласнымъ же представился въ разсужденіи и независимости татарской, трактатомъ положенной, и удостовѣреннымъ учинился о пользѣ и выгодности такой прежняго жребія ихъ перемѣны; безъ того же не достоинъ онъ совершенно сей, для него сперва назначенной, отличности, а довольно, что вы будете съ нимъ продолжать отъ собственнаго вашего лица надлежащее сношеніе и негоціацію для постановленія его въ положеніе, свойственное и соотвѣтствующее настоящему его званію владѣтеля независимаго.

Освобожденіе резидента, предательствомъ татарскимъ теперь находящагося у сераскеръ-паши Гаджи-Али-бея, несмотря, что онъ вамъ отказалъ въ томъ до полученія имъ непосредственнаго повелѣнія отъ Порты, имѣетъ однако же и еще вами требовано быть, но не по силѣ положеннаго въ мирномъ трактатѣ артикула о военноплѣнныхъ, а по точному содержанію 10-го артикула, приведеннаго собственными словами въ другомъ, здѣсь слѣдующемъ, рескриптѣ нашемъ, и коимъ всякіе успѣхи и пріобрѣтенія между подписанія мирныхъ трактатовъ именно уничтожаются, причемъ вы примѣтите пашѣ, что пока резидентъ въ неволѣ останется, вы и приступить не можете къ исполненію мирнаго трактата во всѣхъ онаго частяхъ, до васъ касающихся.

Въ самомъ дѣлѣ, о первѣйшемъ изъ того, то есть о испражненіи отъ войскъ нашихъ Крыма, при настоящихъ обстоятельствахъ и пока оныя не перемѣнятся въ сходственнѣйшія съ мирнымъ положеніемъ, отнюдь и не можно мыслить, почему вы не прежде начало тому сдѣлаете, какъ по оставленіи турками сего полуострова, а по крайней мѣрѣ по той части и степени одни войска послѣ другихъ выводить будете, какъ и турки съ своей стороны тамошнія мѣста оставлять имѣютъ; притомъ снабдѣніе Еникаля и Керчи достаточными гарнизонами и начальниками, сей стражи достойными, повелѣнное другимъ рескриптомъ, и симъ настоящимъ равнымъ образомъ подтверждается на случай, такого исправленія въ свое время требовать могущій.

Что касается до представленій вашихъ объ артиллеріи Перекопской крѣпости съ воинственными снарядами и о заготовленныхъ въ Крымѣ магазинахъ, то когда 3-мъ мирнаго трактата артикуломъ со-

глашенось и условленось всѣ Крымскія и Кубанскія крѣпости отдать во владѣніе татарское, кромѣ двухъ вышеозначенныхъ, не можетъ изъ того изъемлема быть и Перекопская, слѣдовательно и находящуюся въ ней нынѣ на лицо артиллерію надобно уступить татарамъ, *исключая нашу* [1]); а въ разсужденіи магазиновъ, при непредвидимости будущихъ происшествій, теперь ничего положительнаго сказать не можно, а лучше вы сами найдетесь въ состояніи на мѣстѣ разсмотрѣть и опредѣлить ихъ употребленіе; сверхъ того, какъ и еще довольное время тому остается, то и послѣ можно будетъ вамъ описаться, ежели нужда того востребуетъ.

Между тѣмъ, мы давно уже какъ отъ васъ, такъ и другими достовѣрными извѣстіями предупреждены были о дурныхъ качествахъ и особливо малой способности къ правительству настоящаго хана, но при томъ положеніи дѣлъ, въ какомъ мы въ разсужденіи Крыма и прочихъ народовъ татарскихъ находимся, нѣтъ пристойныхъ способовъ къ его низложенію, какъ по праву породы и добровольнымъ избраніемъ всего общества получившаго сіе достоинство, а особливо въ то время, когда оно рѣшилось отложиться отъ власти турецкой; а изъ сего уваженія мы за нужно и находимъ въ томъ его еще и защищать, ежели бъ и съ турецкой стороны воспріялось намѣреніе объ уничтоженіи его стараться; почему и повелѣваемъ вамъ, *если сіе дѣйствительно уже не исполнено* [2]), такія могущія быть отъ нихъ покушенія отвращать вашимъ участіемъ и потребными изъясненіями, но впрочемъ какъ съ турками, такъ и съ татарами, дабы не подано было съ стороны нашей ни малѣйшихъ поводовъ къ непріязнивости, поступать съ такою разборчивостью, чтобъ всегда отъ первыхъ задоровъ удаляться; однако жъ, ежели бъ тѣ или другіе начали дѣйствительно наступать вооруженною рукою, дѣлать имъ надобно будетъ тогда и отпоръ надлежащій по мѣрѣ ихъ наступленія.

Содержащіяся въ другомъ рескриптѣ предписанія о Кинбурнской крѣпости, о степи между Днѣпра и Буга лежащей, и о Дунайской флотиліи, какъ не требующія никакой отмѣны, здѣсь не изъясняются, а имѣютъ съ вашей стороны во всей ихъ силѣ исполнены быть въ надлежащее время.

Впрочемъ найдете вы здѣсь въ приложеніи копію съ отправленнаго нынѣ рескрипта нашего и къ генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву по поводу сихъ же у васъ въ Крыму неожиданнымъ образомъ происшедшихъ замѣшательствъ, изъ которой вы со всею точностію усмотрите, на что главнѣйше ваши примѣчанія и старанія обра-

---

[1]) Приписано Императрицею на поляхъ рескрипта.

[2]) Приписано Императрицею въ концептѣ рескрипта.

щены быть имѣютъ и коль потому нужно и полезно, дабы вы въ непрестанномъ съ нимъ сношеніи находились и заимствовали его совѣты, которые онъ вамъ будетъ подавать, для способствованія привесть дѣла вашей части въ желаемое установленіе, на основаніи своихъ соглашеній съ турецкимъ визиремъ и соображаясь со всеобщимъ нашихъ дѣлъ съ Портою положеніемъ.

Еще осталось вамъ сказать по вопросу вашему и о Калгѣ-султанѣ, на какомъ основаніи и гдѣ ему быть нынѣ по пресѣкшейся войнѣ; мы, не зная, въ какомъ расположеніи мыслей останутся Ногайскіе и Кубанскіе народы, не можемъ равнымъ образомъ ни объ немъ, ни о заведенныхъ на Кубани войскахъ ничего положительнаго опредѣлить, а довольствуемся вамъ только примѣтить, что когда Крымъ освободится отъ турецкихъ войскъ и тамошніе жители успокоятся, могло бъ быть полезно присутствіе его и тамъ, какъ такого человѣка, который вникъ въ пользу независимаго состоянія и къ искательству того со всѣмъ усердіемъ уже прилѣпился; но ежели бъ онъ однакоже похотѣлъ и впредь остаться при ордахъ Ногайскихъ, и сіе можно оставить на собственное его благоизобрѣтеніе, поколику онъ безъ сумнѣнія способствовать имѣетъ къ лучшему и сей стороны благоустройству, слѣдовательно и ко внутреннему обузданію самихъ Крымцевъ; а въ разсужденіи предъявляемаго имъ негодованія за то, что онъ отъ васъ удерживается поступать строгимъ образомъ съ своими подвластными, можете вы сыскать какой-либо случай къ нему между другихъ дѣлъ кстати отозваться, что совѣты ваши основаны были на одномъ человѣколюбіи, но что однако жъ и притомъ ничто ему не препятствуетъ по важности преступленій употреблять по своему усмотрѣнію и всю строгость, свойственную его власти и дозволенную ихъ обычаями, такъ какъ и каждая земля имѣетъ судъ и расправу въ сходственность со нравами и образомъ жизни своихъ обитателей; а чтобъ его, Калгу-султана, не употребляя ни въ Крымѣ, ни на Кубани, но по прежнему въ нашихъ границахъ содержать, сіе было бъ не только уже совсѣмъ излишне, но и конечно вредно въ нынѣшнее время, когда онъ толико полезнымъ образомъ и совсѣмъ безъ предосужденія мирному трактату въ Крымѣ и на Кубани упражненнымъ быть можетъ, *развѣ бы собственная его безопасность къ тому необходимо принудила* [1]).

И какъ Кубанская сторона по состоянію Ногайскихъ ордъ и прочихъ тамошнихъ народовъ всегда, толь паче нынѣ, при случившейся въ Крымѣ разстройкѣ, всего возможнаго вниманія требуетъ, то и находимъ мы за нужно, чтобъ генералъ-поручикъ Щербининъ продол-

[1]) Приписано Императрицею въ концептѣ рескрипта.

жалъ еще по прежнему тамошнія дѣла, и сносясь съ вами, пока вы предводительствовать будете нашею арміей, получалъ всѣ потребныя отъ васъ пособія.

Мы, повелѣвъ приложить при семъ для вашего извѣстія и исполненія копію съ нашего рескрипта, вслѣдствіе сего къ нему отправленнаго, наконецъ всего и войска, на Кубань заведенныя, когда можно будетъ возвратить къ нашимъ границамъ, удобное къ тому время назначить предоставляемъ вашему съ помянутымъ генераломъ-поручикомъ соглашенію и по расположенію нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева.

Впрочемъ мы совершенно надѣемся, что испытанная ваша ревность и усердіе будутъ вамъ лучшими руководителями въ исполненіи всего, что здѣсь предписуется [1]), и пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 22 Августа 1774 года.

Екатерина.

2552) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 20 Августа 1774 г.).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Слѣдующая здѣсь копія съ рескрипта нашего къ генералу-аншефу князю Долгорукову извѣститъ васъ съ подробностью, въ какихъ обстоятельствахъ находятся дѣла въ Крыму, по полученной здѣсь реляціи отъ онаго генерала отъ 3 Августа, и что можно было на первый случай предписать ему въ наставленіе. И какъ содержащіяся повелѣнія въ другомъ къ вамъ нашемъ рескриптѣ, нынѣ же отправляемомъ, до Калги-султана и Ногайскихъ ордъ касающіяся, происшедшими въ полуостровѣ Крымскомъ затруднительствами однако же не отмѣняются, то мы и восхотѣли вамъ чрезъ сіе подтвердить, чтобъ вы при развращенности Крымцевъ усугубили ваше бдѣніе и на народы Ногайскіе и, ускоря свиданіе ваше съ Калгою, воспріяли мѣры, какія по настоящему времени признаны быть лучшими и удобнѣйшими къ удержанію Ногайцевъ въ благоустройствѣ и къ пристойному чрезъ Калгу-султана возспособствованію, чтобъ и братъ его ханъ Крымскій

---

[1]) Приписано Императрицею въ концептѣ рескрипта.

[2]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 57—58.

прошедшее свое поведеніе поправилъ и не опорствовалъ пользѣ и благоденствію всего татарскаго общества. А между тѣмъ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ вы будете сноситься съ генераломъ княземъ Долгоруковымъ и поступать по общему вашему съ нимъ соглашенію. И пребываемъ впрочемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 22 Августа 1774 года.

Екатерина.

2553) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. Отправляя къ вашему прев-ву съ экспедиціею вручителя сего князя Кикичева, усмотрѣлъ я къ сожалѣнію, что при такомъ же нынѣ отправленіи курьера и къ его с-ву князю Василію Михайловичу Долгорукову позабылъ я за счетами приложить къ грамотѣ, для хана Крымскаго приготовленной, упомянутый въ оной артикулъ изъ мирнаго трактата о татарахъ, какое ваше прев-во изволите найти въ приложеніи при грамотѣ для Калги, на ваши руки при семъ случаѣ посылаемой. Хотя изъ нынѣшней экспедиціи изволите ваше прев-во усмотрѣть, что грамота хана можетъ быть и не тотчасъ по полученіи вручена будетъ, со всѣмъ тѣмъ надобно, чтобъ толь нужное приложеніе при оной находилось, дабы оттого не произошло остановки въ случаѣ наступающаго иногда употребленія. По такимъ обстоятельствамъ я, въ надѣяніи на особенную вашего прев-ва милость, прилагая здѣсь оный артикулъ о татарахъ, забытый отправить въ Крымъ къ кн. Василію Михайловичу, пріемлю смѣлость васъ, м. г. м., просить о скорѣйшей онаго въ назначенное мѣсто пересылкѣ, если возможно будетъ хотя и съ нарочнымъ курьеромъ, или и другими извѣстными вамъ способами, давъ притомъ знать съ вашей стороны князю Василію Михайловичу, что вы оный для того получили изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и со изъясненіемъ о забытіи вложить его при отправленной къ нему для хана грамотѣ.

Ваше прев-ство исполненіемъ сего моего прошенія окажете мнѣ нанчувствительнѣйшій опытъ вашего благонамѣренія и милости и тѣмъ избавите меня отъ нареканія, инакоже, если и кн. Василій Михайловичъ не получитъ приложенія вскорѣ послѣ полученія отправленной къ нему экспедиціи, онъ, несмотря на то, что, какъ выше сказано, въ грамотѣ теперь надобности пастоять не можетъ, не усумнится отписать сюда и къ самой Монаршей особѣ о семъ недостаткѣ и неисправности, что для меня очень чувствительно быть имѣетъ. Благодарность моя и признаніе будутъ посему къ вамъ, м. г. м., безконечныя за великодушное ваше предупрежденіе толь непріятнаго воспослѣдованія.

22 Августа 1774 г.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Переписка чиновниковъ Росс. министерства по Крымскимъ дѣламъ 1774 г.

2554) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [1]).

A Tsarskoé Sélo, ce 22 Août 1774. (Вручено графу Браницкому 23 Августа 1774 г.).

Monsieur mon frère. Je ne saurais laisser retourner à la cour de Votre Majesté le grand général comte Branicki, sans lui rendre le témoignage que mérite sa bonne conduite dans la commission, dont elle l'a chargé auprès de moi. Je suis tout-à-fait satisfaite de son zèle et de son empressement à me convaincre des sentiments de Votre Majesté et à cultiver les liens d'intérêt et d'amitié qui doivent subsister entre nous. C'est donc une justice que je lui rends, que de le recommander à Votre Majesté comme un serviteur fidèle et sincèrement attaché à sa personne. Comme il n'a pu se méprendre à mes dispositions sincères pour le bien et la tranquillité de Votre Majesté, je la prie d'ajouter foi au rapport qu'il ne manquera pas de lui en faire, et surtout aux assurances que je l'ai chargé de lui donner de la parfaite amitié, avec laquelle je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté etc.

2555) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

St.-Pétersbourg, ce 23 Août 1774.

Monsieur de Boscamp a pleinement justifié pendant son séjour ici, mon cher baron, tout le bien que vous m'en avez dit. J'ai trouvé en lui avec la capacité dans les affaires, pour laquelle j'étais déjà avantageusement prévenu, un attachement pour nos intérêts et nos vues qui me parait décidé. Je le regarde comme un homme sur lequel on peut compter et que nous devons chercher à mettre en passe de nous servir. Il sera bien dans le conseil permanent; c'est déjà votre intention de l'y faire entrer, et je vous prie de la suivre. Je vous demande même de faire en sorte, que le poste qu'il y aura à remplir soit analogue aux caractères, qu'il a eus autrefois et dont il est encore revêtu. Ceci est quant au titre et à la distinction, et pour ce qui est de l'utile, je vous prie de tâcher de lui faire tous les avantages possibles.

Comme sa considération dans son pays, qui doit nous servir à nous mêmes, tiendra beaucoup à votre façon d'être avec lui, je vous prie de

---

[1]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.
[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

ne point faire mystère, même vis-à-vis du Roi, que c'est un homme qui a gagné mon estime et mon amitié; faites le surtout sentir au comte Branicki et en général affectez pour lui en public un air de confiance décidée.

J'ai traité avec lui ici l'article de son emploi public en son temps au service de Sa Majesté Impériale, et il vous dira de bouche mes vues à ce sujet. Comme il a besoin pour ses affaires personnelles du grand chancelier, je vous prie de le recommander fortement à ce ministre et de le porter à le favoriser. En un mot je vous demande pour lui tous les bons offices et les services, que vous vous trouverez en état de lui rendre. Je suis avec la plus parfaite amitié etc.

2556) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ЕПИСКОПУ КУЯВСКОМУ МЛОДЗѢЕВСКОМУ [1]).

A St.-Pétersbourg, ce 23 Août 1774.

Monseigneur. Le départ de m-r Boscamp m'est une occasion de me renouveller dans le souvenir de Votre Eminence, dont je profite avec satisfaction. Je me persuade aussi, qu'elle ne sera point indifférente à la justice que j'ai à rendre à sa bonne conduite pendant son séjour ici. La connaissance approfondie des affaires et les sentiments honnêtes que j'ai trouvé en lui n'ont pu que lui acquérir mon estime, et je serai toujours charmé de lui en donner des preuves. C'en est déjà une que de le recommander, comme je fais, aux bonnes grâces de Votre Eminence. Comme il a eu commission de sa part de me parler sur le payement des fourrages encore arriéré, je la prie d'entendre de lui ce que nous sommes intentionnés de faire pour lui donner satisfaction sur cet objet. J'ai l'honneur d'être etc.

2557) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ МАРШАЛУ СЕЙМА КНЯЗЮ ПОНИНСКОМУ [2]).

A St.-Pétersbourg, ce 23 Août 1774.

Monseigneur. Je ne veux point laisser partir m-r Boscamp sans profiter de cette occasion de me renouveller au souvenir de V. E. et aussi sans faire parvenir jusqu'à elle les sentiments favorables que j'ai conçus pour lui pendant son séjour ici. Sa bonne conduite et ce que j'ai eu occasion de connaître de sa capacité et de son honnêteté lui assurent

[1]) М. Г. А. Польша, II, св. 5.
[2]) М. Г. А. Польша, II, св. 5.

mon estime, ainsi que l'intérêt particulier avec lequel je verrai s'accroître son bien-être. J'ai l'honneur, mon prince, de le recommander particulièrement à vos bonnes grâces et vous prie aussi de recevoir de lui les assurances de la considération très distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-АНШЕФУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

28 Августа 1774 г.—о причинахъ отправленія его въ армію гр. Румянцева. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 153—156.

2558) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Графъ Петръ Александровичъ. Понеже намѣренье мое есть отправить генерала князя Репнина во свое время чрезвычайнымъ посломъ къ Портѣ Оттоманской, и увидя изъ послѣднихъ вашихъ писемъ къ крайнему моему сожалѣнію и безпокойствію, что вы одержимы тяжкою болѣзнію, и для того приказала вышереченному генералу отправиться наискорѣе къ вамъ, дабы вы его употребить могли по лучшему вашему собственному усмотрѣнію вездѣ тутъ, гдѣ за благо усмотрите для службы моей. Моля Бога, да возстановитъ и укрѣпитъ наискорѣе силы ваши къ сущему моему удовольствію, пребываю навсегда къ вамъ отлично доброжелательна.

Екатерина.

Авг. 29 ч. 1774 г., изъ С.-Петерб.

2559) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [2]).

St.-Pétersbourg, ce 29 Août 1774.

L'Impératrice a fait choix de vous, M-r, pour remplacer à Stockholm le comte Ostermann, qu'elle vient de nommer membre du Collège des Affaires Etrangères. Vous y serez avec le même caractère et le même traitement que lui, et pour votre transport et votre établissement à ce nouveau poste Sa Majesté Impériale vous fait un don de 5000 roubles. M-r de Sacken, conseiller d'état, est nommé pour vous succéder à Copenhague. Ce changement au reste, M-r, n'en apporte aucun à la permission de prendre les eaux, dont vous usez actuellement et que vous

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 3.

[2]) М. Г. А. Данія, III, св. 11.

êtes le maître de continuer aussi longtemps que la saison y sera convenable. Vous reviendrez ensuite à Copenhague assister aux fêtes du mariage du prince Frédéric, si elles ont lieu pour le temps qu'on avait présumé, ensuite faire vos arrangements pour votre nouvelle destination et vous congédier en forme. Vous recevrez incessament du Collège vos lettres de rappel d'une cour et de créance pour l'autre, mais il ne sera pas besoin que vous régliez votre départ sur l'arrivée de votre successeur, à qui ses affaires ne permettront peut-être pas de faire diligence; et entre les deux postes, je préfère toujours que ce soit celui de Stockholm qui reste le moins vide.

Je me persuade, M-r, que vous trouverez vos convenances dans votre nouvel emploi. L'augmentation de traitement, comparé à celui dont vous avez joui, vous ôte un de vos plus grands embarras; je souhaite que celui de la mauvaise santé ait cédé aux remèdes dont vous avez fait usage et qu'il ne soit plus question entre vous et moi d'une résolution de quitter le service, dont je vous avoue que j'ai été peiné. J'ai l'honneur d'être etc.

2560) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 10 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 27 Августа 1774 г.).

St.-Pétersbourg, ce 30 Août 1774.

Vous savez, M-r, que le sujet de l'envoi du grand général comte Branicki à la cour de l'Impératrice a été de réclamer les bons offices de Sa Majesté Impériale auprès des cours de Vienne et de Berlin, afin d'obtenir d'elles des modifications dans la démarcation de leurs frontières avec la république. Sa Majesté Impériale, en écoutant la voix d'un sentiment généreux et d'une amitié désintéressée pour la Pologne, ne s'est point refusée aux démarches envers ses alliés, qu'elle a crues propres à lui procurer ce bienfait. Dans cette vue elle a écrit à l'Empereur, à l'Impératrice-Reine et au Roi de Prusse et ne leur a point caché, combien elle désirerait que le sens des conventions, quant aux limites, pût être interprêté plus favorablement pour la république. Mais les alliés de Sa Majesté Impériale, s'étant expliqués dans leurs réponses, qu'ils souhaitaient et se proposaient de porter cette affaire à une négociation immédiate avec la république, l'Impératrice n'a pu que déférer à une telle proposition, et j'ai été chargé par elle d'en informer le comte

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

Branicki, ce que j'ai fait par une note ministériale dont j'ai l'honneur de vous envoyer ci-joint la copie.

Dans cet état des choses je n'ai d'autre ordre à vous donner, M-r, de la part de Sa Majesté Impériale que de régler vos démarches ultérieures dans la négociation, qui va s'ouvrir où vous êtes, sur l'objet des limites, d'après les dispositions et le sentiment de Sa Majesté, tels qu'ils se trouvent exprimés dans la note que je viens de vous annoncer et de vous communiquer. Vous vous employerez donc à rapprocher les vues des deux parties par voie de conciliation. Vous exhorterez ceux de la part de la république à apporter dans la négociation un esprit de sagesse et de modération qui puisse en faciliter et accélérer le succès, et surtout vous leur représenterez, combien il serait préjudiciable à leur patrie de tenir en suspens pour le seul alignement de ses frontières l'arrangement de ses affaires intérieures et de prolonger sa situation actuelle sous une confédération, tandis qu'elle a une forme de gouvernement plus heureuse qui l'attend, mais qui ne peut recevoir sa sanction et son activité que de la dissolution de celle-là. Vous n'employerez pas de moindres instances auprès des ministres des deux cours alliées, en les disposant à se montrer justes, équitables et généreux, et leur mettant devant les yeux le principe d'égalité entre les acquisitions des trois puissances, qui est la base primitive de leur concert et qui leur a été si cher à toutes les trois, qu'elles lui ont expressèment subordonné même la justice rigoureuse de leurs prétentions. Il vous sera facile de leur faire envisager la durée de la confédération actuelle, qui sera la suite nécessaire de la suspension des affaires par la difficulté de convenir sur celle des frontières, comme laissant nécessairement dans un état d'incertitude et d'imperfection le système des trois puissances relativement à la Pologne; et ils reconnaîtront sans doute, que tel ne saurait être ni l'intérêt ni le désir des trois cours. En un mot, Sa Majesté Impériale attend de vous tout ce qu'un ministre capable et rempli de zèle peut contribuer de son chef à la résolution d'un point, auquel tous les autres sont si intimement liés. J'ai l'honneur d'être etc.

Къ настоящему письму приложенъ нижеслѣдующій

Отвѣтъ Россійскаго двора коронному гетману графу Браницкому [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 18 Августа 1774 г.).

Il est trop connu pour qu'il soit besoin de le répéter, que le concert des trois cours de St.-Pétersbourg, de Vienne et de Berlin par

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37, и Доклады, св. 11.

rapport à la Pologne n'a eu d'autre motif que l'état déplorable où s'est trouvé ce royaume. Ses dissensions intérieures qui lui faisaient éprouver depuis longtemps à lui-même toutes les calamités et les désordres de la guerre civile, commencèrent à embrasser dans ses malheurs les frontières de ses voisins, dont la sûreté fut plus d'une fois violée. La raison d'une défense légitime appelait ceux-ci à se mêler de ses troubles, mais ils sentirent que leurs intérêts à eux-mêmes, en se présentant à la fois dans le même champ, allaient se choquer et rendre précaire et chancelante l'amitié et la paix qu'il leur importe d'entretenir entre eux. C'est ce qu'on avait à craindre, si chacun d'eux s'employait à éloigner les troubles de ses frontières par des moyens particuliers et une politique séparée, mais surtout qu'il eût été impossible d'arrêter, si on laissait la violence et l'anarchie consommer l'acte de la destruction de la république. On chercha à parer à ces dangers, et ce ne put être qu'en convenant de s'employer en commun à pacifier la république et de fixer son gouvernement et l'étendue de ses possessions dans un état, qui la garantît elle et ses voisins de la position désastreuse dont on la tirait. On arrêta pour remplir cet objet que chacune des trois cours ferait valoir ses anciennes prétentions sur la république, mais en établissant pour règle l'égalité parfaite des acquisitions de chacune des trois puissances, combinée tant sur l'état politique de leurs frontières que sur le local, l'étendue et la valeur intrinsèque du pays, et non la valeur réelle de leurs prétentions. Telle fut la base de la convention conclue à St-Pétersbourg. Les trois cours ont fait part à la république de cet arrangement, chacune s'est mise en possession de sa part, s'est ensuivie après la négociation avec la république et le traité de cession conclu avec elle.

Sa Majesté Impériale n'a pu qu'être sensiblement affectée, en recevant ensuite les plaintes qui lui ont été portées de la part de la république, que les deux cours ses alliées, dans l'étendue du pays qu'elles ont fait occuper, ont excédé le sens littéral de la dite convention et du dit traité. Le désir d'apporter un adoucissement au sort de la république, pour laquelle l'Impératrice se plait toujours à écouter les mouvements de l'amitié la plus désintéressée, n'a pas permis à Sa Majesté Impériale de se refuser à des démarches envers ses alliés pour procurer à la république une démarcation plus favorable de leurs frontières, en les portant à interpréter le sens des conventions selon celui de ses réclamations.

Sa Majesté Impériale n'a pu voir qu'avec regret, que ses alliés continuaient à donner un sens plus favorable pour eux-mêmes à ces conventions et qu'ils lui ont témoigné souhaiter de porter à une négociation immédiate avec la république l'arrangement de cette affaire; et selon ce qu'ils ont fait connaître à Sa Majesté Impériale, leurs ministres à Varsovie sont déjà munis de toutes les instructions nécessaires à cet effet.

Sa Majesté Impériale est très persuadée que ses alliés agiront avec justice et équité dans cette négociation et sur le principe d'égalité posé pour base dans leur convention. De sa part, en déclarant à la république que quant à elle, elle se tient strictement aux traités de cession, conclus à Varsovie avec tous les trois voisins dans tout leur contenu, et au partage y dicté tel, que les limites en sont fixées par les dits traités, elle ne peut qu'exhorter la république à apporter dans la négociation, qui va se faire actuellement sur cet objet, l'esprit de sagesse et de conciliation qui puisse rapprocher plus facilement les intentions des deux parts; et rien ne lui ferait plus de peine, que s'il arrivait qu'une contestation sur un alignement de frontières, après des objets bien plus considérables heureusement terminés, reculât pour la république l'heureuse époque de l'accord de tous ses intérêts avec ses voisins et de l'achèvement de toutes ses affaires intérieures.

2561) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 11 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 30 Août 1774.

Jusqu'à présent, M-r, on a tenu en séquestre les biens d'une dame polonaise, Françoise Oskirkina, starostine de Mozirsk, faisant 1015 âmes et situés dans le gouvernement de Pleskow dans la province de Dwina. Elle vient de s'adresser par une lettre appuyée de la recommandation du chancelier de Lithuanie le pr. Czartoryski au gouverneur m-r Kretchetnikof, en s'excusant sur sa mauvaise santé de ce qu'elle n'est pas venue en personne prêter le serment de fidélité et de sujétion et demandant à être reçue à le prêter par procureur. Avant de pouvoir demander cette faveur pour elle à l'Impératrice, je voudrais savoir, s'il n'y a point quelque démérite en elle ou sa famille qui l'en exclue. Je vous serai donc obligé, M-r, si vous voulez bien prendre des informations sur ce qu'a été la conduite de cette dame et de ses parents dans toutes les affaires passées notamment contre les intérêts de la Russie et de me faire part de ce que vous en apprendrez de plus certain. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

2562) **ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ** [1]).

St.-Pétersbourg, ce 30 Août 1774.

Excusez moi, mon cher baron, si je ne suïs pas prêt jusqu'à ce moment avec les réponses à la communication de deux projets d'actes séparés, l'un sur le commerce et l'autre sur d'autres stipulations. La circonstance de la conclusion de notre paix et ce que j'ai eu de peines et de discussions avec le comte Branicki, pour finir avec lui et l'amener à des termes raisonnables, ont absolument absorbé tout mon temps. Je vous demande deux semaines de délai pour vous pourvoir des résolutions de l'Impératrice sur l'une et l'autre affaire. Même dès à présent je puis vous dire, que le traité de commerce ne souffrira aucune difficulté; si je suspends de vous autoriser à conclure, ce n'est que parce que je m'emploie à rendre la navigation sur la Dwina libre et franche de tous droits, ce qui selon moi voudra mieux encore, que cette réciprocité des droits sur laquelle insistent les polonais. Quand je vous parle encore de deux semaines pour vous instruire définitivement sur ces deux actes, vous jugez bien, que je comprends que toutes les autres affaires ne pourront pas être finies pour le terme de la limite et qu'il en faudra venir indispensablement à une nouvelle prolongation. Si cependant contre mon attente tout le reste était prêt et qu'il ne tînt qu'à vous seul pour conclure, je crois de vous à moi, que vous ne risquez rien de passer l'acte des diverses stipulations à l'exception de l'article VII et XII, que vous tâcherez d'esquiver, et de l'article VIII, qui a déjà été réglé ici entre le comte Branicki et moi, et aussi à l'article III — de réduire à trois ans seulement le terme de six à accorder à ceux qui voudront se transporter d'une domination à l'autre et vendre leurs biens sans payer les droits de traite foraine.

Je ne saurais ne pas vous parler ici, mon cher ami, de la lettre de ma part pour vous, dont le c-te Branicki est porteur. Je vous recommande encore et vous prie de faire tout ce qui sera en vous pour donner exécution à tous les points qui y sont spécifiés, autant qu'ils se trouveront conciliables avec le système général des affaires admis par les trois cours. Je vous recommande aussi de veiller de près le grand général, afin qu'il ne vous fasse aucun coup de sa tête.

Je prévois que l'affaire des frontières ne s'arrangera point entre la république et les deux autres cours. Vous avez donc à empêcher, mais par vos conseils seuls et vos représentations, que la république n'en vienne à une protestation forte et violente, qui jette les choses dans une

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

nouvelle crise, et aussi d'un autre côté voyez habilement, s'il ne serait point possible d'obtenir que le Roi de Prusse déclare à la république, qu'il se désiste de son extention, si la cour de Vienne aussi veut se désister de la sienne. Je vous confie de vous à moi, que c'est à amener ce prince à une pareille démarche que je m'emploie présentement avec le plus d'ardeur. Si on y parvenait par mes efforts ici et par les vôtres là où vous êtes, il vous tombe alors en charge, mais en y mettant tant de prudence et de circonspection, que la cour de Vienne ne puisse jamais s'en douter, de vous employer auprès de la diète pour qu'à cette cour la seule on n'accorde pas son extention, tandis qu'au Roi de Prusse on aura refusé la sienne ou que lui même s'en sera désisté. Autre position: si le Roi de Prusse n'est pas plus porté à rien céder que la cour de Vienne et que tous les deux pressent la république, alors en mettant les mêmes ménagements dans votre conduite par rapport à ces deux cours, tenez vous près de Branicki et de la république, et si l'on refuse également à l'un et à l'autre, nous ne saurions en être fâchés ici, mais en ceci guidez les de façon que le refus, de la manière dont il sera fait et constaté, ne puisse blesser et irriter les deux cours. Voici comme je crois que cela pourrait se faire et comme je m'en suis entretenu avec Branicki. Ce serait d'en laisser la charge entière aux commissaires polonais. Ceux-ci se trouvant en présence de ceux d'Autriche et de Prusse sur les lieux, après des débats et des discussions qui n'auraient amené à convenir de rien, marqueraient l'alignement de leurs frontières selon qu'ils jugent qu'elles doivent être d'après l'esprit et la lettre des conventions, en refusant de convenir de l'alignement que ceux-là proposeraient de leur côté et déclarant qu'ils n'ont ni ordre, ni pouvoir d'accorder rien de plus. Sur le compte qu'ils rendront ensuite de leur opération à la diète ou à la délégation, celles-ci avoueraient la conduite de leurs commissaires et arrêteraient d'envoyer donner connaissance de cet état par des ministres aux deux cours de Vienne et de Berlin et aussi à celle de St-Pétersbourg.

Je n'ai pas besoin de vous dire, mon cher ami, combien vous aurez besoin de vous observer dans toute cette conduite pour ne donner aucune prise sur vous, et qu'il ne puisse vous être rien imputé ni à vous, ni à votre cour, des démarches, des refus et des résolutions de la république. Je suis bien sûr que vous y mettrez tous les ménagements, la circonspection et la délicatesse dont vous êtes capable. Vous aurez aussi besoin de toute votre dextérité et de la plus grande application à ménager les esprits pour effectuer, que l'indécision sur cette affaire n'arrête point la conclusion des autres et qu'on parvienne enfin à donner une sanction à ce système tant intérieur qu'extérieur de la Pologne. Pour cet effet attachez vous à leur montrer, que l'affaire des limites peut en être sé-

parée sans aucun inconvénient ni aucun danger, que même elle n'en deviendra que plus facile à régler, quand tout le reste l'aura déjà été.

Vous ne sauriez croire, mon cher baron, combien je suis peiné en apprenant par votre dernière lettre, que je viens de recevoir, la perte que vous avez faite. C'est vainement qu'on emploie des consolations vis-à-vis d'un père; partager votre douleur, comme un ami, est tout ce que je puis, et aussi c'est ce que vous devez sentir que je fais sans réserve. Je suis avec la plus parfaite amitié etc.

2563) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce Août 1774.

A présent, mon cher baron, que le comte Branicki se trouve sur son départ et que nous avons arrangé tout ce que nous avions à débattre avec lui, je m'empresse à vous faire part des intentions et même des ordres de l'Impératrice à son sujet. Je vous ai déjà écrit de vous employer à lui faire avoir la survivance de la starostie de Bielacerkow, qu'a actuellement le comte Mniszek. Le désir de Sa Majesté Impériale, que je vous fais connaître plus expressèment ici, est que vous la lui fassiez avoir, et cela dans cette diète, non comme un bénéfice royal à vie, mais comme un bien héréditaire à lui accordé à titre de récompense de ses services; et comme il faudra que cela soit statué par une constitution, je vous envoie ci-joint un projet, selon lequel nous pensons que cet acte pourrait être rédigé. Vous travaillerez donc, mon cher ami, de tout votre pouvoir pour que cela ait son effet. Et même, quoiqu' il y ait nombre de points concernant le conseil permanent et autres affaires, qui ne pourront pas être définitivement réglés avant le retour du grand général chez vous, faites en sorte que cette constitution en sa faveur le soit, afin que vous puissiez le recevoir avec cela à son arrivée et l'en féliciter comme d'une chose faite et parfaite. Je suis avec la plus parfaite amitié etc.

(PS). Et en ami et en ministre, mon cher baron, je recommande cette affaire à votre dextérité.

Къ письму приложенъ нижеслѣдующій проектъ грамоты:

Récompense des services du grand général de la couronne comte Branicki.

En reconnaissance des services rendus et du zèle distingué que m-r le comte François-Xavier Branicki, grand général de la couronne, a

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

fait voir dans toutes les occasions pour le bien de l'état, commandant les troupes du Roi et de la république, exposant sa personne ainsi que ces biens, et nommèment dans son dernier voyage pour Pétersbourg, fait à ses propres frais et dépens, nous donnons au susdit comte Branicki et à ses descendants à perpétuité et comme terre héréditaire la starostie de Bielacerkow avec toutes les appartenances, que possède actuellement m-r le comte Mniszek, castellan de Cracovie, nommèment les villes et villages N. N., voulons et statuons que le susdit grand général de la couronne et ses descendants jouissent de ces terres jusqu'à présent royales, comme de terres héréditaires, sauf tous les droits de possession du comte Mniszek, ci-devant staroste de Bielacerkow, sa vie durant.

2564) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Хотя и думаемъ мы, что нашъ генералъ-аншефъ князь Долгоруковъ не оставилъ прямо отъ себя увѣдомить васъ о всѣхъ непріятныхъ происшествіяхъ въ Крыму, случившихся въ самое заключеніе мира, чрезъ появившійся въ ономъ полуостровѣ турецкій десантъ, однако для подробнѣйшаго вашего о томъ извѣстія, и чтобъ вы сами усмотрѣли степень нашего о томъ свѣдѣнія, равно какъ и чего еще недостаетъ къ оному, повелѣли мы приложить здѣсь копіи съ двухъ реляцій его, генерала князя Долгорукова. Излишне было бы описывать здѣсь всю представляющуюся намъ важность такого происшествія и слѣдствій онаго; ваше собственное проницаніе легко и то и другое постигнуть можетъ. Увѣрены мы и въ томъ, что вы, будучи увѣдомлены прямо-ли отъ него или же инако, уже не оставили, въ разсужденіи вашего настоящаго съ визиремъ положенія и переписки, сдѣлать все отъ васъ зависящее къ отвращенію тѣхъ вредныхъ слѣдствій, кои могли бъ потрясти основаніе мирнаго зданія, составляющаго блаженство Россіи и славу имени вашего, и что вы равномѣрно для сего толикія важности предмета не оставили уже и его, князя Долгорукова, облегчить совѣтами вашими въ извлеченіи его изъ толь великой чувствуемой заботы настоящаго его положенія [2]), но по-

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ гр. Румянцеву-Задунайскому 1768—1783 г.г.

[2]) Въ черновомъ отпускѣ конецъ читается такъ: «но подавъ вамъ чрезъ включеніе здѣсь помянутыхъ реляцій точнѣйшее и подробнѣйшее понятіе о происшедшемъ въ Крыму, поручаемъ вашему благоусмотрѣнію немедленно подать ваше руководствованіе и тѣмъ облегчить тяжесть его кондиціи. Съ нашей же стороны почитаемъ мы за нужно при ономъ сказать вамъ здѣсь нѣчто въ примѣчаніе и нѣчто во всемило-

давъ вамъ чрезъ включеніе здѣсь помянутыхъ реляцій способствованіе генералу князю Долгорукову, будетъ новою отъ васъ заслугою предъ отечествомъ, а мы, воспріявъ оную въ истинной цѣнѣ ея, пребудемъ, какъ и всегда, отличнѣйшею Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ Августа 1774 года.

2565) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Августа 1774 г.

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичъ. Ваше с-во изволите съ подробностью усмотрѣть изъ приложенныхъ копій при

стивѣйшее наше предписаніе къ исполненію вашему: въ примѣчаніе то, что, какъ вы и сами въ одной изъ тѣхъ реляцій усмотрите, онъ, генералъ кн. Долгоруковъ, объ освобожденіи резидента Веселицкаго отозвался письменно турецкому пашѣ, ссылаясь на артикулъ мирнаго трактата, касающагося до размѣна плѣнныхъ, слѣдственно совсѣмъ не свойственный настоящему казусу; паша, освободивъ одного только секретаря резидентскаго, отказалъ ему въ освобожденіи самого резидента, доколѣ не получитъ о томъ отъ Порты повелѣнія. Въ предписаніе же за благо разсуждаемъ вамъ сказать, что мы желаемъ и всемплостивѣйше вамъ повелѣваемъ, по настоящей вашей комиссіи съ визиремъ, отозваться къ сему верховному Оттоманскому министру о скорѣйшемъ возвращеніи резидента Веселицкаго, ссылаясь на артикулъ трактата, въ коемъ именно изъяснено, чтобъ все могущее произойти послѣ заключенія мира тамо, гдѣ о томъ еще не дошло о немъ извѣстія, не ставить никоторой сторонѣ въ авантажъ и не обращать того въ свою пользу, такъ равно, какъ бы никогда не случалось. Собственное ваше остроуміе преподастъ вамъ тѣ убѣдительные резоны, которыми можете вы убѣдить верховнаго визиря къ скорѣйшему освобожденію резидента. Сей есть первый пунктъ предписанія нашего, а затѣмъ, какъ разстояніе князя Долгорукова отъ насъ весьма велико и намъ невозможно такъ скоро преподавать ему нужныя наставленія, то препоручаемъ мы вашему благоразумію и ревности къ истинной пользѣ отечества войти ближе въ обстоятельства его, князя Долгорукова, и учредить съ нимъ тѣснѣйшее соединеніе чрезъ переписку, которою вы подавали бъ ему ваши совѣты къ выполненію всѣхъ тѣхъ артикуловъ мирнаго трактата, кои до Крымскаго полуострова касаются, и чтобъ для сохраненія неоцѣненной тишины, доставленной отечеству вашимъ служеніемъ, преподали вы ему откровеннымъ образомъ и всѣ примышляемые вами способы къ удобнѣйшему испражненію въ единое время войскъ обѣихъ Имперій какъ въ Крыму, такъ и на островѣ, и чтобъ разошелся онъ съ турецкимъ флотомъ сходственно съ мирнымъ условіемъ, дабы симъ способомъ внѣшняя безопасность Имперіи нашей скорѣе могла быть обезпечена. Такое ваше способствованіе генералу князю Долгорукову будетъ новою отъ васъ заслугою предъ отечествомъ, а мы, воспріявъ оную въ истинной цѣнѣ ея, пребудемъ, какъ и всегда, отличнѣйшею Императорскою нашею милостію благосклонны».

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ гр. Румянцеву-Задунайскому 1768—1783 г.г.

отправляемомъ нынѣ къ вамъ, милостивый государь мой, высочайшемъ рескриптѣ съ двухъ реляцій князя Василія Михайловича Долгорукова, въ какое замѣшательство въ Крыму приходили дѣла, тогда какъ вы съ стороны вашей пріобрѣтеніемъ славнаго и полезнаго для отечества мира насъ обрадовали.

При сихъ толико неожиданныхъ и толико непріятныхъ обстоятельствахъ, я долгомъ моимъ почелъ приняться за такой способъ къ поправленію, который показался мнѣ ближайшимъ и дѣйствительнѣйшимъ въ настоящемъ нашемъ положеніи, относя всѣ случившіяся въ части вѣдомства князя Василія Михайловича весьма некстати и не ко времени затруднительства на разрѣшеніе в. с-ва. Вотъ, милостивый мой другъ, новая для васъ забота, но по существу своему и по нуждѣ васъ достойная: сооруженное превосходными в. с-ва подвигами и искусствомъ таковымъ же зданіе мира ожидаетъ отъ васъ и своего подкрѣпленія.

Здѣсь я прилагаю для извѣстія в. с-ву копію съ отправляемаго нынѣ къ князю Василію Михайловичу рескрипта, которымъ ему предписано во всемъ поступать по руководству вашему.

Можетъ быть не безъ надобности было бъ и въ Крымъ тотчасъ послать отсюда нарочную особу для толь лучшаго соотвѣтствія пріемлемымъ съ стороны в. с-ва мѣрамъ и для мѣстныхъ поправленій, но по обстоятельствамъ свѣта нерѣдко лучшее оставляется и довольствоваться должно по необходимости, что въ обыкновенномъ теченіи скорѣе статься можетъ. Скажу однако же вамъ, милостивый мой другъ, въ откровенности, что я и всегда удостовѣреннымъ былъ о малой способности князя Василія Михайловича для того мѣста и исправленія, въ которыхъ онъ находится, почему въ разсужденіи всего и нынѣ напослѣди въ Крыму происшедшаго не можно его винить по справедливости умышленнымъ небреженіемъ, а все единственно и конечно случилось отъ недостатка его расторопности. Но какъ бы то уже ни было, когда вы, милостивый мой другъ, употребите вашъ трудъ и посредство къ изъятію изъ среды вкравшагося въ самомъ началѣ соблазна для вожделѣнной тишины, надежно, что вредныя онаго слѣдствія будутъ остановлены и далеко не распространятся, и въ чемъ я в. с-ву наилучшихъ успѣховъ желаю усердно, для усугубленія вашей славы и для нуждъ и пользы отечества, пребывая впрочемъ и проч.

2566) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ КИЗЛЯРСКОЙ СТОРОНѢ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ МЕДЕМУ [1]).

Нашему генералу-поручику Медему.

Благополучное возстановленіе мира между нашею Имперіею и Портою Оттоманскою долженствуетъ натуральнымъ образомъ пресѣчь дѣйствія злонамѣренности варварскихъ народовъ сосѣдства Кизлярскаго и освободить васъ отъ заботы защищенія состоящихъ подъ вашею стражею мѣстъ непрестанными ополченіями; но для сего при самомъ первомъ случаѣ надобно и нужно, чтобъ сколько возможно больше распространилось между всѣми горскими народами достовѣрное свѣдѣніе о учиненныхъ между обѣими Имперіями взаимныхъ постановленіяхъ въ разсужденіи Крымскаго полуострова и всѣхъ татаръ безъ изъятія, которымъ по большей части они въ своемъ поведеніи соображались понынѣ и оказывались нашей сторонѣ непріязненными.

Вы найдете здѣсь въ приложеніи копію на русскомъ и турецкомъ языкѣ съ артикула изъ мирнаго трактата, коимъ всѣ татарскіе народы, Крымскіе, Буджацкіе, Кубанскіе, Эдиссанцы, Джембуйлуки и Эдишкулы, признаны вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію хана Крымскаго, слѣдовательно въ состояніи, требующемъ отъ нихъ и одинакихъ уже уваженій какъ къ нашей Имперіи, такъ и къ Портѣ Оттоманской; а къ тому еще дается вамъ знать, что и въ самомъ Крымскомъ полуостровѣ по содержанію мирнаго жъ трактата двѣ крѣпости, Еникаль и Керчь, навсегда въ нашемъ владѣніи остаются, и сверхъ того намъ же уступлена и Кинбурнская крѣпость, на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ Очакова лежащая, такъ какъ и Азовъ равнымъ образомъ признанъ къ нашей Имперіи принадлежащимъ, и о чемъ о всемъ и разгласите вы во всѣхъ вашего мѣста окрестностяхъ, сообщая Кумыцкимъ и Кабардинскимъ владѣльцамъ точныя копіи съ помянутаго изъ мирнаго трактата артикула, жребій Крыма и народовъ татарскихъ по нашему соизволенію опредѣлившаго, дабы такимъ образомъ сіи варварскіе предводители, а отъ нихъ и другіе имъ подобные, удостовѣриться могли, что при настоящихъ обстоятельствахъ всякое ихъ противное при нашихъ границахъ покушеніе не можетъ уже касаться въ пользу и услугу Крыму, того меньше Портѣ Оттоманской, но что вмѣсто того сами по себѣ единственно будутъ уже они нашей сторонѣ отвѣтствовать за свое поведеніе.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Кабардинскія. Сношенія съ Коллегіей И. Д., рескрипты и указы къ Астраханскимъ губернаторамъ 1763—1777 г.г.

Послѣ сего сказать вамъ надобно еще и то, что и Кабардинцы, разумѣя жителей Большой и Малой Кабарды, въ нашемъ же подданствѣ остаться имѣютъ, основанія же къ тому слѣдующія: въ заключенномъ нынѣ съ Портою Оттоманскою трактатѣ, именно же 21-мъ онаго артикулѣ, говорится объ нихъ такъ: «Обѣ Кабарды, то есть Большая и Малая, по сосѣдству съ татарами большую связь имѣютъ съ ханами Крымскими, для чего принадлежность ихъ Императорскому Россійскому двору должна предоставлена быть на волю хана Крымскаго съ совѣтомъ его и съ старшинами, ханъ же Крымскій, предъ симъ заключеннымъ съ нашимъ полномочнымъ генераломъ-поручикомъ Щербининымъ Ноября 1-го дня 1772 года трактатомъ союза и дружбы, въ которомъ сверхъ хана участвовали повѣренные отъ Крымскаго и Ногайскаго обществъ, дѣйствительно уже призналъ принадлежность Кабардинцевъ нашему скипетру, сказавъ въ 3-мъ артикулѣ того заключеннаго съ областію татарскаго трактата именно и точно: что бывшіе до войны подъ властію его, хана, татарскіе и черкесскіе народы, Таманцы и Некрасовцы имѣютъ быть и впредь во власти его жъ ханской, но что напротивъ того Большая и Малая Кабарды состоятъ въ подданствѣ Россійской Имперіи».

Владѣльцы Кабардинскіе, какъ изъ всѣхъ ихъ края начальниковъ заботливѣйшіе о сохраненіи во всемъ пространствѣ вольности, въ какой они родились и понынѣ пребывали, безъ сомнѣнія и навѣдываются уже теперь о собственной своей участи, въ какомъ оная отношеніи къ нашей Имперіи быть можетъ; но чтобъ не были они предупреждены развратными внушеніями, или же по безразсудности своей и осторожности излишней не воспріяли и сами ложныхъ и опасныхъ о нашей сторонѣ мыслей, будучи влекомы къ Турецкой, или же по малой мѣрѣ къ Крымской, доброжелательствомъ, отъ единства закона, образа жизни, а нѣкоторымъ образомъ и самой природы происходящимъ, а отъ нашей всегда находившись въ отвращеніи, во время же бывшей войны не однажды и явными противниками оказавшись, для того, сообщая вы имъ, какъ выше сказано, артикулъ мирнаго трактата о татарахъ вообще, въ уничтоженіе ихъ, Кабардинцевъ, надѣянія на Крымцевъ и прочія орды, учините имъ также извѣстнымъ содержаніе и вышеприведенныхъ двухъ артикуловъ—21-го изъ мирнаго трактата, нынѣ съ Портою Оттоманскою заключеннаго, и 3-го, предъ симъ учиненнаго съ вольною татарскою областію, изъ коихъ однимъ Порта отреклась входить въ разсмотрѣніе, до Кабардинцевъ касающееся, а другимъ предъявляется уже цѣлымъ татарскимъ обществомъ совершенно утвержденною принадлежность ихъ къ нашей Имперіи, руководствуя такимъ образомъ имъ, Кабардинцамъ, и къ необходимой рѣшимости подвергнуться своей судьбѣ

съ покорностью, нежели сопротивленіемъ своимъ не ко времени и не кстати быть въ опасности наказанія.

Съ сихъ же обоихъ артикуловъ, дабы Кабардинскіе владѣльцы могли ихъ читать точными словами, въ трактатахъ употребленными, получите вы также при семъ и копіи на русскомъ и турецкомъ языкахъ. Но Кабардинцы, увидя себя отданныхъ въ здѣшнюю власть, могутъ еще не безъ основанія сомнѣваться въ разсужденіи оказанныхъ ими при здѣшнихъ границахъ впродолженіе войны разныхъ злодѣйствъ, чтобъ нынѣ не учинено было имъ за то возмездія, а въ разсужденіи пріобрѣтеннаго надъ ними права, образомъ толь торжественнымъ, чтобъ они время отъ времени больше стѣснены не были въ своей вольности, напротивъ чего вы нынѣ же и дадите имъ знать нашимъ именемъ и повелѣніемъ, что хотя мы и имѣли многія причины быть ими недовольными, и они по справедливости гнѣвъ нашъ заслуживали, но по обстоятельству воспослѣдовавшаго мира оставляемъ безъ взысканія, изъ природнаго намъ великодушія, въ томъ особливо надѣяніи, что они будущимъ своимъ спокойнымъ поведеніемъ удовлетворятъ за проступки прошедшіе, сохраняя должную къ намъ вѣрность по силѣ присяги, при началѣ войны минувшей учиненной, въ какомъ случаѣ и впредь пользоваться могутъ всею свободностію въ своемъ обращеніи и ни малѣйшаго въ томъ утѣсненія не опасаться, ибо впрочемъ и намѣреніе наше, что до нихъ Кабардинцевъ касается, единственно въ томъ состоитъ, чтобъ ихъ, какъ издревле еще въ нашей Имперіи присвоившихся предковъ своихъ добровольною приверженностію, и нынѣ въ числѣ нашихъ подданныхъ имѣть, безъ предосужденія однако жъ ихъ образу жизни, развѣ сами они, презря когда либо къ несчастію своему высочайшую нашу милость, принудятъ и употребить противъ себя строгость намъ несвойственную.

По тѣхъ же поръ, пока Кабардинцы и другіе окрестные Кизлярскаго края народы, успокоившись нынѣ, находиться будутъ въ такомъ расположеніи своихъ мыслей, въ какомъ они, какъ варвары и послѣдователи магометанскаго закона, могутъ быть съ нашей стороны терпимы, мы соизволяемъ и наиточнѣйше повелѣваемъ поступать съ ними и въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ случаяхъ со всею возможною умѣренностію, снисхожденіемъ и справедливостію и стараться чрезъ то пріобрѣсть ихъ надѣяніе, дабы, наконецъ, они не только по нуждѣ и необходимости были въ обязанности признавать нашу власть надъ собою, но, собственнымъ подвигомъ и охотою къ тому влекомы, и сущую для себя пользу находить могли въ такомъ своемъ состояніи.

Всякое и малѣйшее сего нашего повелѣнія упущеніе, кольми же паче нарушеніе умышленное, не найдетъ никакого извиненія, но будетъ строго взыскано, какъ сугубо вредное по существу своему и по-

слѣдствіямъ неудовольствія и разврата въ народахъ, кои и въ мирное время производить въ состояніи разныя на границахъ затруднительства.

Между тѣмъ, къ сожалѣнію усмотрѣно здѣсь изъ послѣдняго репорта Кизлярскаго коменданта полковника Штендера отъ 5-го Августа и о приключившейся смерти задержанному Хайдатскимъ владѣльцемъ Уцміемъ здѣшней Академіи Наукъ профессору Гмелину, и что тѣмъ горскимъ народамъ, особливо же заграничнымъ, и при настоящемъ общихъ нашихъ дѣлъ положеніи съ Портою и Крымомъ, поданъ соблазнъ о продолжающейся для нихъ и при томъ удобности къ собственной управѣ безопаснымъ образомъ.

Но дабы сей злодѣйствующій владѣлецъ въ раскаяніе приведенъ и по крайней мѣрѣ для будущаго времени успокоиться могъ, имѣете вы отписать съ жалобою къ сосѣднимъ ему горскимъ изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ, какъ къ шафкалу Тарковскому и Аварскому владѣльцу, и къ другимъ, коихъ по собственному вашему усмотрѣнію признаете къ сему намѣренію способными, а равнымъ образомъ и къ ближнимъ Персидскимъ начальникамъ, то есть къ Дербентскому и Кубинскому ханамъ, и изъяснить всѣмъ имъ непристойность и дерзость Уцміева поведенія, разсказывая для того, что онъ помянутаго профессора задержалъ съ нарушеніемъ не только должнаго уваженія къ нашему высочайшему двору, но и между самими горскими народами святѣйшимъ почитаемаго права гощенія и странноприимства, взявъ его въ неволю не на дорогѣ, но въ собственномъ своемъ жилищѣ, и куда профессоръ пріѣхалъ безъ всякой опасности, а въ надѣяніи найти еще и всякое пособіе; насильство же такое толь еще чувствительнѣе и толь досаднѣе, что со здѣшней напротивъ того стороны ему, Хайдатскому владѣльцу, никогда и причины подано не было къ какому-либо неудовольствію, почему, поползнувшись онъ сперва, какъ видно, изъ легкомыслія на дѣло одному разбойнику приличное, силился и прикрыть оное потомъ предлогомъ, изъ котораго еще и паче оказалось его сумасбродство и безразсудность крайняя, ибо затѣялъ при семъ случаѣ требовать, чтобъ Кумыцкіе владѣльцы принуждены были къ возвращенію ему жидовъ и такъ называемыхъ Теременскихъ татаръ, перешедшихъ изъ его вѣдомства еще въ давнихъ годахъ въ Кумыцкія жилища, и къ чему однако же сіи переселенцы по обыкновенію горскихъ народовъ и всю волю имѣть могли, да и онъ, Уцмій, предъ симъ никогда ихъ обратно отъ владѣльцевъ Кумыцкихъ не требовалъ, будучи ему сверхъ того совершенно извѣстно, что сіи владѣльцы, хотя и почитаются въ нашемъ подданствѣ, однако жъ во внутреннихъ своихъ распоряженіяхъ всю свободность имѣютъ, и что слѣдовательно и предоставалось ему

непосредственно съ ними разобраться; но онъ, несмотря на то, къ грубости присовокупилъ напослѣди и нахальство, отозвавшись къ Кизлярскому коменданту, чтобъ ему заплачено было 30.000 рублевъ, когда нѣтъ намѣренія принуждать Кумыкъ къ удовлетворенію требованія его прихотливаго; пребывши же такимъ образомъ упорнымъ, и довелъ до преждевременной смерти человѣка, который для общей пользы странствовалъ, трудившись въ обрѣтеніи и собраніи травъ лѣкарственныхъ, донынѣ еще неизвѣстныхъ, и потому достойнымъ былъ и призрѣнія всякаго, хотя бъ и безъ нашего покровительства такое производилъ предпріятіе.

Описавъ вы симъ порядкомъ основанія и силу вашей жалобы на Уцмія, будете отъ вышеупомянутыхъ владѣльцевъ и хановъ съ пристойностію требовать, чтобъ они, находясь въ сосѣдствѣ съ нашими границами и всѣ причитаясь къ Персіи, державѣ намъ дружественной, употребили добрыя средства къ вразумленію сего упрямца и грубіяна и къ исторженію изъ похитительскихъ его рукъ оставшихся послѣ профессора всѣхъ вещей безъ изъятія, равно какъ и тѣхъ, кои принадлежали бывшимъ при немъ людямъ, но по смерти его отъ Уцмія отпущеннымъ съ удержаніемъ всего, что они при себѣ ни имѣли, и чтобъ оные владѣльцы и ханы внушили ему, Уцмію, изъ доброжелательства и о возможности также со здѣшней стороны возмездія и вооруженною рукою при истощаемомъ терпѣніи.

А какъ и подлинно заслуживаетъ онъ по справедливости наказаніе за свою продерзость, то если при настоящемъ нынѣ для васъ досугѣ отъ Кабардинцевъ и Кубанцевъ найдетесь вы въ состояніи сдѣлать надъ нимъ воинскій поискъ, и въ чемъ чаятельно многіе и изъ горскихъ владѣльцевъ и начальниковъ, пользуясь подающеюся имъ удобностію къ отмщенію за свои собственныя дѣла и неудовольствія, въ какихъ они всегда одни противъ другихъ, какъ извѣстно, находятся, обще съ вами противъ его дѣйствовать не оставятъ, скорѣе всего тѣмъ и возстановлено быть могло бъ во всѣхъ горскихъ жителяхъ почтительное къ нашей сторонѣ мнѣніе; а ежели бъ однако же, по неблизкому жилища Уцміева отъ нашихъ границъ разстоянію и по другимъ уваженіямъ, кои здѣсь предвидимы быть не могутъ, настояли въ томъ и неопредолимыя препятства, мы оставляемъ ближайшему вашему разсмотрѣнію, и одни оказательства и въ наружности чинимыя приготовленія иногда не устрашатъ-ли сего продерзкаго владѣльца, и не только его сосѣдей, но и самыхъ подчиненныхъ не заставятъ-ли интересоваться въ предупрежденіе угрожаемаго бѣдствія, чтобъ онъ просилъ у васъ прощенія, съ обѣщаніемъ впредь воздержаться отъ всякихъ противныхъ покушеній, почему употребите вы и сей послѣдній способъ съ приданіемъ ему однако же вѣроятности въ самой

вышней степени, дабы прежде времени отнюдь никто проникнуть не могъ прямого вашего намѣренія. Доколѣ же не будетъ удостовѣренось, въ какомъ расположеніи мыслей останется Уцмій, конечно, отъ всякихъ мимо его жилища отправленій въ дѣлахъ нашихъ нарочныхъ надобно будетъ удержаться, равно какъ и для купечества сухимъ путемъ изъ Кизляра въ Персію никого не отпускать, кромѣ тѣхъ изъ иновѣрцевъ тамошнихъ, которые на свой страхъ перенимать станутъ такія поѣздки, почему, ежели бъ когда и необходимость потребовала и нарочнаго отправить въ Персидскія мѣста, несмотря ни на какія уваженія, лучше однако жъ къ тому употреблять изъ магометанъ, въ службѣ находящихся, а не христіанъ, чтобъ сіи послѣдніе подвержены не были хищничеству варварскому, имѣя напротивъ того первые больше тамъ знакомства и больше за себя и предстательства по единовѣрію, какъ то извѣстно изъ прежнихъ многихъ примѣровъ.

Не худо также было бъ, ежели бъ и Кумыцкіе владѣльцы безъ огорченія подвигнуты быть могли раздѣлаться съ Уцміемъ, судебнымъ-ли по ихъ обыкновенію порядкомъ, или же и взаимнымъ между собою соглашеніемъ, въ разсужденіи его требованія, дабы изъятъ былъ изъ среды поданный отъ нихъ Уцмію поводъ злодѣйствовать, а толь еще и паче въ томъ же на будущее время утвердиться, когда напротивъ того всѣ вышеозначенныя мѣры останутся недѣйствительными къ его усмиренію.

Имѣвъ участіе въ минувшей войнѣ и Грузинскіе владѣтели, Ираклій Карталинскій и Соломонъ Имеретійскій, извѣщаются они прилагаемыми здѣсь же грамотами нашими и о воспослѣдовавшемъ мирѣ и положенныхъ въ разсужденіи ихъ владѣній условій, которыя вы и отправите съ нарочнымъ способнымъ человѣкомъ, приказавъ ему вручить оныя для доставленія помянутымъ владѣльцамъ находящемуся въ Грузіи нашему повѣренному въ дѣлахъ капитану гвардіи Львову; а ежели бъ онъ въ сіе время уже выѣхалъ оттуда, въ такомъ случаѣ и самому отправляемому отъ васъ сему нарочному тѣ грамоты онымъ владѣтелямъ подать, примѣчая при всемъ томъ, сколько будетъ можно по краткости времени, въ какомъ состояніи, мысляхъ и упражненіяхъ Грузинцы вообще и оба ихъ владѣтеля и другіе начальники находиться будутъ.

Впрочемъ, по представленію вашему въ реляціи отъ 11 Іюня о недостаткѣ у васъ денегъ на чрезвычайные по вашему мѣсту расходы, мы нынѣ же дали повелѣніе отпустить къ вамъ на то, и взамѣнъ издержекъ, учиненныхъ вами изъ взятыхъ заимообразно изъ комиссаріатскаго вѣдомства, 5000 рублей изъ Астрахани изъ тамошнихъ доходовъ, а для васъ при томъ примѣчаемъ, что хотя для приласканія и нужныхъ развѣдываній въ народахъ горскихъ и всегда не можно бу-

детъ обойтись безъ издержекъ, но нынѣ по заключенномъ мирѣ вся уже настаетъ и удобность размѣривать каждое денегъ употребленіе съ его видомъ и пользою, дабы инако не повадить варваровъ и маловажныя свои услуги цѣнить очень дорого. И пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 5 Сентября 1774 года.

Екатерина.

2567) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ реляціи отъ 14 (25) Сентября 1774 г. за № 80 посланникъ въ Парижѣ кн. И. С. Барятинскій доносилъ гр. Панину, что состоящій при миссіи священникъ, прогуливаясь на-дняхъ въ саду, разговорился съ однимъ незнакомымъ французомъ, который назвалъ себя Ламеромъ; онъ разсказалъ, что жилъ въ Россіи старостой колонистовъ въ Каминской слободѣ, что лично зналъ Пугачева, который, по его словамъ, имѣлъ намѣреніе поднять возстаніе еще до начала войны съ Турціей и хотѣлъ къ тому склонить колонистовъ. Въ 1772 г. примкнулъ къ Пугачеву одинъ колонистъ, французъ Кара, который отправился во Францію съ меморіаломъ къ герцогу д'Эгильону; копію съ этого меморіала Кара передалъ Ламеру. На просьбу священника сообщить ему этотъ меморіалъ, послѣдній предложилъ ему только прочесть его вслухъ. На другой день Ламеръ пришелъ къ священнику и прочелъ ему меморіалъ, въ которомъ сказано было, что всѣ колонисты въ Россіи недовольны своимъ положеніемъ, что легко ихъ возмутить и собрать изъ нихъ армію въ 60000 человѣкъ; «притомъ предлагается, что какъ въ тѣхъ мѣстахъ сумнѣваются еще о кончинѣ Петра III, то и можно къ возмущенію употребить сей предлогъ; въ заключеніе проситъ Францію, дабы она употребила свое стараніе, чтобъ Турки прислали къ нему (Кара) чрезъ Грузію нѣсколько войска для его подкрѣпленія». Кн. Барятинскій просилъ священника познакомить его съ Ламеромъ, чтобъ достать у него копію съ помянутаго меморіала.

Все сіе суть враки сущаго авантюріе, а меморіаломъ у кого ни на есть деньги выманить вздумали.

(Писана краснымъ карандашомъ на поляхъ реляціи).

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ.

15 Сентября 1774 г. — о безпокойствѣ по случаю его болѣзни. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 443.

---

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 15.

2568) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Въ слѣдъ послѣдняго нашего къ вамъ рескрипта о состояніи Крымскихъ дѣлъ, поспѣшаемъ мы теперь и паки отправить къ вамъ новую генерала князя Долгорукова реляцію, извѣщающую насъ о совершенномъ уже ввѣренною ему арміею испражненіи Крымскаго полуострова. Не взирая на то, что турецкія войска съ своей стороны не только вида не показали къ равному поступку, но паче и больше начали распространяться и занимать всѣ тамошніе города, мы не перестаемъ однако жъ еще надѣяться, что посланные къ нему, князю Долгорукову, въ концѣ минувшаго Августа мѣсяца и вамъ тогда же въ копіяхъ сообщенные рескрипты могли его застать и на дорогѣ въ близости отъ Перекопа, и что, сообразуясь точнымъ предписаніямъ ихъ, по крайней мѣрѣ остановилъ онъ тутъ до времени и дальнѣйшій въ отечество походъ оставшихся при немъ за раздробленіемъ арміи войскъ, если уже не было совсѣмъ возможности обратиться съ ними вспять и занять попрежнему нѣкоторыя мѣста въ Крыму. Не скроемъ мы отъ васъ, что сіи неожиданныя явленія приводятъ насъ въ крайнюю заботу, разсматривая весь порядокъ времени, который вами толь осмотрительно предначертанъ былъ въ самомъ мирномъ трактатѣ и который толь нуженъ для обузданія Порты Оттоманской въ части ея обязательствъ; но какъ уже ошибка единожды сдѣлана, то и остается теперь только пріискивать къ лучшему ея поправленію удобнѣйшія и дѣйствительнѣйшія средства. Здѣсь находимъ мы таковымъ препорученіе вамъ въ полное и совершенное управленіе всѣхъ Крымскихъ дѣлъ, всемилостивѣйше дозволивъ генералу князю Долгорукову возвратиться въ отечество по собственной его просьбѣ, ради изнуреннаго его здоровья. Какимъ же образомъ оное отъ насъ распоряжено, усмотрите вы то въ полной подробности изъ слѣдующихъ при семъ въ копіяхъ рескриптовъ нашихъ, какъ къ нему, князю Долгорукову, такъ и къ генералу-поручику Щербинину, который извѣстнымъ образомъ давно уже употреблялся съ пользою при производствѣ политическихъ съ татарами дѣлъ и который равномѣрно теперь и отъ васъ по всякимъ съ ними сношеніямъ употребляемъ быть можетъ. Довольно и предовольно вѣдаемъ мы, колико вы и безъ того въ собственной вашей части обременены дѣлами, и что еще и въ крайней слабости здоровье ваше, о цѣлости и сохраненіи котораго

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ гр. Румянцеву-Задунайскому 1768—1783 гг. Напеч. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Р., 1872 г., кн. II, стр. 89—92.

молимъ благость пекущагося о Россіи Промысла Божія; но въ то же время увѣрены по испытанію, что вы въ мужественномъ вашемъ духѣ и въ собственномъ вашемъ патріотическомъ усердіи, къ счастію нашему и отечества, найдете достаточно силъ къ воспріятію на себя сего новаго бремени и къ напряженію всѣхъ удобовозможныхъ способовъ для возстановленія дѣлъ, до Крыма и всѣхъ вообще татаръ касающихся, въ положеніе сносное и непостыдное, исправляя лучшимъ образомъ то, что отъ недоразумѣнія въ оныхъ предосудительнаго случилось. Яко содѣлатель мира, ведущій по сю пору безпрестанное съ Портою Оттоманскою сношеніе, имѣете вы отверстыя двери ко всякимъ съ нею дружескимъ изъясненіямъ, слѣдовательно же и къ изъятію изъ среды возставшія нынѣ какія претыканія, размѣряя отзывы и поступки ваши въ дѣйствительномъ исполненіи частныхъ постановленій мирнаго трактата, а особливо въ испражненіи завоеванныхъ оружіемъ нашимъ земель и крѣпостей такимъ образомъ, чтобъ вынуждать оными отъ турокъ взаимное съ ихъ стороны при томъ (?) исполненіе всѣхъ мирныхъ договоровъ. Прозорливость ваша, толь великими и важными услугами предъ нами оправданная, да будетъ вамъ руководствомъ и въ настоящемъ критическомъ подвигѣ, который въ существѣ своемъ весьма интересуетъ самую цѣлость мира. Отнюдь не хотимъ мы связывать вамъ рукъ въ избраніи и употребленіи способовъ толь нужнаго поправленія, каковые вы по теченію времени и по аспектамъ турецкой политики сами на мѣстѣ съ большею удобностію придумывать можете, но примѣтимъ здѣсь единственно въ видѣ собственнаго нашего разсужденія, что доколѣ Кинбурнъ не будетъ намъ отданъ и турецкія войска не выйдутъ изъ Крымскаго полуострова, не для чего будетъ и намъ съ своей стороны уступать имъ завоеванныя земли и крѣпости, инако, какъ развѣ по усмотрѣнію вашему степенями взаимной ихъ податливости къ вашимъ требованіямъ, дабы симъ образомъ обѣ стороны единовременно и равными шагами шествовали и приближались къ заключенію. Открывая вамъ сію мысль, полагаемся мы, въ лучшемъ ея кстати и ко времени присвоеніи къ тому или другому какому нужному предмету, на дознанную вашу разборчивость и на вашу славою войны и мира запечатлѣнную вѣрность, да будемъ мы вамъ одолжены и за одержаніе въ цѣлости мира, равно какъ то были за самое доставленіе онаго. Для сего самаго въ настоящей нашей безъизвѣстности о послѣдствіяхъ между тѣмъ случившихся и воздержались мы дать командиру второй арміи какія-либо точныя предписанія, кромѣ одного съ стороны его къ турецкому въ Крыму начальнику чинимаго письменнаго отзыва, каковой найдете вы въ копіи при рескриптѣ къ генералу князю Долгорукову; таковой отзывъ сочли мы тѣмъ нужнѣйшимъ, что оный можетъ и будетъ для

переду служить вмѣсто формальной протестаціи, слѣдовательно же и для васъ самихъ такимъ основаніемъ, на которое вы, говоря именемъ нашимъ, сослаться можете. Впрочемъ, поруча въ безпосредственное ваше начальство и вторую нашу армію, отдаемъ мы въ то же время на собственную вашу волю и распоряжать всѣми ея движеніями такимъ образомъ, чтобъ оныя политическимъ вашимъ дѣяніямъ наилучше способствовать могли, а въ случаѣ нужды и усилить ее нѣкоторымъ числомъ войскъ отъ первой, если она сама въ себѣ, по причинѣ настоящаго ея въ разныя стороны раздробленія, не имѣла уже достаточныхъ силъ, или же оныя въ надлежащей скорости назадъ къ соединенію обращены быть не могли. Не меньше дозволяемъ мы вамъ, на мѣсто оставляемаго при сей арміи командира изъ бывшихъ при ней генералъ-поручиковъ, опредѣлить и отправленнаго недавно къ вамъ отсюда генерала-аншефа князя Репнина, если вы въ томъ особенную нужду признаете, для лучшаго поспѣшествованія поправленію разрушенныхъ дѣлъ той части, и если время въ разсужденіи его посольства не возбранитъ сіе, такъ, какъ намъ нынѣ то представляется, ибо, словомъ сказать, намѣреніе наше теперь къ тому одному идетъ, чтобъ вамъ собственно облегчить всѣ способы къ таковому поправленію и къ возстановленію дѣлъ, сколько можно, въ лучшее и непостыдное положеніе съ цѣлостію мира, который въ настоящихъ обстоятельствахъ толико нуженъ и толико драгоцѣненъ отечеству. Съ нетерпѣливостію будемъ мы ожидать вашихъ увѣдомленій, а между тѣмъ, какъ и всегда, пребываемъ вамъ отличнѣйшею нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 15 Сентября 1774 года.

Екатерина.

2569) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 10 КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1].

Нашему генералу князю Долгорукову.

Усматривая изъ реляціи вашей отъ 26 Августа съ одной стороны, что вы всѣ подъ предводительствомъ вашимъ войска изъ Крыма выводите и оныя по присланной къ вамъ изъ Военной Коллегіи репартиціи отпускаете во-свояси, а съ другой—увѣдомясь о слабомъ состояніи вашего здоровья и о представленіи вашемъ, чтобъ Крымскія и Кубанскія дѣла препоручены были кому другому, всемилостивѣйше

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 70—72.

дозволяемъ вамъ возвратиться въ Москву и поручить команду надъ нашими войсками старшему, находящемуся при васъ, генералу-поручику. Сей генералъ, поелику только возможно будетъ по настоящему положенію, въ которомъ армія наша тогда найдется, имѣетъ употребить все свое попеченіе, дабы, сколько ни есть, привести въ исполненіе данныя вамъ предписанія послѣднимъ нашимъ рескриптомъ отъ 22 минувшаго Августа, для чего какъ оный нашъ рескриптъ, такъ и сей оставить вамъ у него, объявя ему притомъ, чтобъ онъ о всѣхъ новыхъ происшествіяхъ доносилъ намъ реляціями, а о томъ же о всемъ писалъ и къ нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву и состоялъ подъ его повелѣніями, и чтобъ онъ же находился въ тѣсномъ сношеніи съ нашимъ генераломъ-поручикомъ Щербининымъ и по его требованіямъ поступалъ, котораго, по его долговременному знанію Крымскихъ и Кубанскихъ дѣлъ, мы при оныхъ вновь оставляемъ особеннымъ рескриптомъ, нынѣ же къ нему отправляемымъ. Что же касается до состоянія, въ какомъ остаются Крымскія дѣла, то мы видимъ съ одной стороны, что турецкія войска заняли уже или занимаютъ знатнѣйшія Крымскія мѣста, а съ другой—не вѣдаемъ еще, по содержанію рескрипта нашего отъ 22 Августа, къ вамъ при толь смущенныхъ обстоятельствахъ дошедшаго, какое могли вы учинить исполненіе, а еще меньше предусмотрѣть здѣсь можно, пособлено—ли тому, или еще и совсѣмъ нѣтъ, полученными иногда между тѣмъ и отъ нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева предложеніями и преподаннымъ вамъ отъ него руководствомъ: то мы, при толь маломъ достаткѣ свѣдѣнія о настоящемъ вашемъ положеніи, и предполагая, ежели бы дѣла вашего края въ прежнемъ затруднительствѣ были и вы еще не предуспѣли возвратить оныя по нашимъ предписаніямъ и совѣтамъ генерала-фельдмаршала графа Румянцева, сколько ни есть, на степень сходственнѣйшую съ договорами мира, мы и находимъ уже за нужно, чтобъ въ такомъ случаѣ имѣющій быть вамъ преемникъ, въ отвращеніе продолжающагося неудобства, отозвался къ командующему въ Крымѣ турецкими войсками сераскеру по слѣдующей здѣсь формѣ письма и представилъ ему непристойность его поведенія, требуя отъ него надлежащаго и немедленнаго въ томъ поправленія, и чтобъ притомъ и войска наши въ такомъ видѣ и состояніи находились, по которому бы совершенно и всячески оказывалось, что дѣла тамошнія не вовсе оставлены, но что нужная стража однако же продолжается. Сверхъ того, здѣсь же мы еще восхотѣли вамъ примѣтить, что и назначенные вами гарнизоны для Еникаля и Керчи для настоящаго времени видятся быть недостаточны, развѣ бы сіи оба мѣста по малости своей не могли помѣщать множайшаго числа, какъ равнымъ образомъ и для содержанія Кинбурна одного

батальона очень мало же, по всѣмъ до сего мѣста принадлежащимъ уваженіямъ, и потому мы вамъ повелѣваемъ, сколько будетъ возможно, не только Еникаль и Керчь, по силѣ предыдущаго рескрипта, снабдить довольнымъ гарнизономъ и комендантами, въ искуствѣ и расторопности испытанными, но и для Кинбурна приготовить отрядъ войска, соотвѣтствующій важности сего новаго пріобрѣтенія, опредѣляя и туда начальникомъ, по силѣ того же рескрипта, офицера знатнаго и искуснаго. И пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 15 Сентября 1774 года.

Екатерина.

Этотъ рескриптъ въ концептѣ [1]) былъ редактированъ и исправленъ собственноручно Императрицею слѣдующимъ образомъ:

Вмѣсто включеннаго въ рескриптъ начала первоначально написано было: «Получена здѣсь реляція ваша отъ 26 минувшаго Августа, изъ которой съ сожалѣніемъ усмотрѣно, что вы по присланной къ вамъ изъ Военной Коллегіи репартиціи о содержаніи войскъ нашихъ въ послѣдующее время, ускорили уже всѣ бывшія подъ вашимъ предводительствомъ не только выводить изъ Крыма, но и раздроблять оныя, прежде нежели надлежало бы то учинить по точной силѣ заключеннаго съ Портою Оттоманской трактата мирнаго. А какъ вы теперь могли уже получить послѣдній нашъ рескриптъ, отправленный къ вамъ отъ 22-го того жъ Августа, и изъ онаго видѣть всѣ наши намѣренія и данныя вамъ повелѣнія въ разсужденіи вашего поведенія, пока исполнено было бъ по тѣмъ положеніямъ, кои долженствовали предварить ваше съ арміею изъ Крымскаго полуострова отлученіе, то мы однако жъ и надѣемся, что вы, сколько ни осталось теперь войскъ нашихъ въ предводительствѣ вашемъ, не преминули тотчасъ обратить хотя оныя на пунктъ должной стражи, поелику только возможно было, или по послѣдней мѣрѣ остановить ихъ на походѣ, дабы не совсѣмъ вышли изъ удобности нужнаго употребленія. Между тѣмъ мы, всемилостивѣйше снисходя на прошеніе ваше о увольненіи васъ въ отечество по слабости вашего здоровья, и о чемъ вы также въ реляціи вашей упоминаете, повелѣваемъ вамъ команду надъ войсками, оставшимися въ вашемъ предводительствѣ, поручить старшему генералу-поручику, а ежели бъ ни одного изъ такихъ чиновъ не находилось уже при васъ, послать вслѣдъ и какъ наискорѣе возвратить ближайшаго, которому вы для его наставленія, и что онъ главнѣйше наблюдать имѣетъ, отдадите какъ сей нашъ настоящій рескриптъ, такъ и всѣ предыдущіе, вами полученные во время вашего предводительства, объявляя ему притомъ нашимъ именемъ и повелѣніемъ, чтобъ онъ о всѣхъ новыхъ происшествіяхъ своего мѣста и о всемъ касающемся до его положенія доносилъ реляціями ко двору нашему, а о томъ же о всемъ писалъ и къ нашему ген.-фельдмаршалу гр. Румянцеву и состоялъ подъ его повелѣніями, и чтобъ наконецъ онъ же находился въ тѣсномъ сношеніи и съ ген.-поручикомъ Щербининымъ и по требованіямъ и его поступалъ, ибо

[1]) М. Г. А. Имени. «указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 253.

такое наше есть соизволеніе, чтобъ и Щербининъ, имѣвъ понынѣ участіе въ Крымскихъ дѣлахъ по отношеніямъ политическимъ, и впредь при оныхъ оставался, и о чемъ нынѣ же ему и вновь дано наше повелѣніе».

Все предыдущее зачеркнуто Императрицею и вмѣсто того собственноручно ею написано:

«*Усматривая изъ реляціи вашей отъ 26 числа Августа съ одной стороны, что вы всѣ подъ предводительствомъ вашимъ войска изъ Крыма выводите и оныхъ, по присланной къ вамъ изъ Военной Коллегіи репартиціи, отпускаете во-свояси, а съ другой* (*видя изъ писемъ вашихъ* — зачеркнуто) *увѣдомясь о слабомъ здоровьѣ вашемъ состояніи* (sic), *всемилостивѣйше вамъ дозволяемъ возвратиться къ Москвѣ* [1]) *и поручить команду надъ войсками старшему при васъ находящемуся ген.-пор. Сей ген.-пор. имѣетъ привести въ исполненіе всѣ данныя вамъ повелѣнія послѣднимъ нашимъ рескр. отъ 24 ч. Авг., объявляя ему притомъ, чтобъ онъ о всѣхъ новыхъ происшествіяхъ доносилъ намъ реляціями, а о томъ же о всемъ писалъ и къ нашему ген.-фельдм. гр. Румян*[*цеву*] *и состоялъ подъ его повелѣніями, и чтобъ онъ же находился въ тѣсномъ сношеніи съ ген.-пор. Щерби*[*нинымъ*] *и по его требованіямъ поступалъ, которому по его знанію въ Крымскихъ дѣлахъ* (*сіи дѣла нынѣ*—зачеркнуто) *объ оныхъ нынѣ вновь повелѣнія дали. Что же касается до состоянія, въ какомъ оставите Крымскихъ дѣлъ* (sic), *то мы видимъ* съ одной стороны, что турецкія войска заняли уже или занимаютъ знатнѣйшія Крымскія мѣста, а съ другой—*не вѣдаемъ* еще [2]), по содержанію (вышеозначеннаго—зачеркнуто) рескрипта нашего отъ 22 Августа, къ вамъ при толь смущенныхъ обстоятельствахъ дошедшаго, какое могли вы учинить исполненіе, *а еще* меньше [3]) предусмотрѣть здѣсь можно»... и т. д., какъ внесено въ окончательную редакцію рескрипта. Въ дальнѣйшемъ текстѣ концепта нѣтъ исправленій Императрицы, а все предыдущее, написанное ею (набрано курсивомъ), редактировано графомъ Панинымъ въ той формѣ, какъ внесено въ рескриптъ.

Къ настоящему рескрипту приложена нижеслѣдующая

Форма письма къ командующему въ Крыму турецкими войсками сераскиру отъ имени преемника генерала-аншефа князя В. М. Долгорукова [4]).

Россійскій Императорскій дворъ съ удивленіемъ увѣдомился, что когда по праву войны въ Крымскомъ полуостровѣ находившіяся Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, моей всемилостивѣйшей Государыни, войска оставляютъ сей полуостровъ и бывшія въ занятіи всѣ мѣста, по силѣ заключеннаго между обѣими высокими Имперіями трактата, кромѣ двухъ выговоренныхъ крѣпостей, предваряя въ

---

[1]) Противъ этого мѣста на поляхъ было написано и зачеркнуто Императрицей: «*во-первыхъ повелѣваемъ вамъ нынѣ полки остановить, гдѣ который нынѣ*».

[2]) Было написано: «въ совершенномъ еще безъизвѣстіи находимся».

[3]) Было написано: «того меньше».

[4]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 72—73.

томъ к положенные онымъ сроки съ полною довѣренностію на добрую вѣру священныхъ обязательствъ, каковы суть артикулы мирнаго трактата, въ то время напротивъ того ваши войска совсѣмъ въ противность онаго же трактата, а именно 3-го изъ того пункта, по которому наиторжественнымъ образомъ признаны татары народомъ вольнымъ и ни отъ кого независимымъ, съ присвоеніемъ имъ полнаго и неограниченнаго владѣнія надъ Крымскими мѣстами, занимаютъ однако жъ наизнатнѣйшія изъ того, распространяясь по всему Крыму, который имъ равнымъ образомъ оставить надлежало, какъ то уже съ стороны Россійскихъ войскъ дѣйствительно и исполняется.

Я при такихъ обстоятельствахъ должностію моею и почелъ представить вамъ непристойность сего вашего поведенія, и что тѣмъ меньше что-либо подобное ожидаемо быть могло, поелику обѣ высокія Имперіи, прекратя къ благополучію обоюдныхъ подданныхъ продолжавшуюся войну, въ дружбу и довѣренность согласились на то со всею искренностію и истиннымъ желаніемъ въ точности исполнять всѣ положенные договоры мира, почему вы и предъ собственнымъ вашимъ дворомъ отвѣтствовать можете въ непріятныхъ слѣдствіяхъ такихъ вашихъ самовластныхъ распоряженій и предпріимчивостей, кои, въ самомъ основаніи нарушая одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ мирнаго трактата, суть нанудобнѣйшія къ произведенію между обѣихъ сторонъ новой остуды и новыхъ затруднительствъ, которыя да отвратитъ Всевышній.

Но по симъ толико справедливымъ основаніямъ и остается мнѣ ожидать отъ вашего благоразумія, свойственнаго вашему званію, что вы, соображаясь съ истинными намѣреніями обѣихъ высокихъ Имперій, не оставите принять въ достойное уваженіе мои необходимыя изъясненія и, слѣдовательно, впредь уже воздержитесь отъ всего, что не можетъ быть согласно съ настоящимъ взаимныхъ дѣлъ положеніемъ, сдѣлавъ и всему прошедшему надлежащее и удовольствительное поправленіе. Впрочемъ я есмь вамъ доброжелательнымъ и проч.

2570) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Каковъ отправленъ нынѣ нашъ рескриптъ къ генералу князю Долгорукову по случаю преждевременнаго его изъ Крыма съ войсками, находившимися въ его предводительствѣ, выступленія, съ онаго имѣетъ быть приложена при семъ копія для вашего извѣстія, и изъ которой вы усмотрите, что мы, дозволя оному генералу по прошенію его возвратиться въ отечество, съ препорученіемъ команды надъ войсками старшему изъ генералъ-поручиковъ, соизволяемъ при томъ, чтобъ и вы въ Крымскихъ дѣлахъ имѣли участіе во всемъ что можетъ касаться до приведенія ихъ въ порядокъ и установленіе, сходственное съ постановленіями мирнаго договора, и чтобъ для того воинскій начальникъ сносился съ вами и поступалъ по вашимъ требованіямъ.

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Щербинину 1770—1775 гг.

Мы, отдавая всю справедливость ревности вашей къ службѣ и пользѣ нашей и отечества и будучи уже многократными опытами удостовѣрены о вашей способности, въ полной надеждѣ остаемся, что вы, трудившись понынѣ съ успѣхомъ и къ нашему удовольствію въ дѣлахъ съ превратными татарскими народами, всему тому новыя подтвержденія и при семъ случаѣ подать намъ потщитесь.

Такимъ образомъ, способствуя вы преемнику въ воинскомъ начальствѣ князя Долгорукова всѣмъ вашимъ просвѣщеніемъ, пріобрѣтеннымъ отъ долговременнаго вашего упражненія, будете между тѣмъ и сюда доносить о тамошнихъ происшествіяхъ и пріемлемыхъ вами мѣрахъ, для извѣстія и снабдѣнія васъ дальнѣйшими наставленіями въ нужныхъ обстоятельствахъ.

Но какъ однако же отдаленность мѣста ни ваши сюда представленія, ни даваемыя напротивъ того вамъ повелѣнія наши въ такое время, въ какое желательно было бъ, не дозволитъ имѣть въ полученіи, сверхъ того, всѣ теперь и въ разсужденіи Крыма чинимыя распоряженія главнѣйше соображаемы быть долженствуютъ съ обращеніями нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева, то мы посему всемилостивѣйше и соизволяемъ еще, чтобъ вы находились въ частой и съ нимъ перепискѣ, и во всемъ до вашихъ исправленій принадлежащемъ поступали по его предписаніямъ. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 15 Сентября 1774 года.

Екатерина.

2571) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1])

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. Препровождая симъ къ вашему прев—ву рескриптъ, которымъ Ея Императорскому Величеству угодно было препоручить вамъ, любезный мой другъ, Крымскія дѣла, что до политической ихъ части касается, прилагаю при семъ и копію съ реляціи отъ 26 Августа князя Василія Михайловича, поводъ и случай къ тому подающей. Вы увидите изъ оной такія приключенія, какихъ послѣ заключенія мира совсѣмъ ожидать было не можно. По крайней мѣрѣ я надѣялся, что кн. Василій Михайловичъ, сдѣлавъ первыя ошибки, послѣдующимъ поведеніемъ потщится оныя поправить и научится наконецъ быть осторожнѣе, но вмѣсто того, къ чувствительному сожалѣнію, онъ, что далѣе, то хуже поступаетъ.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Переписка чиновниковъ Росс. министерства по Крымскимъ дѣламъ 1774 г. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс. 1872 г., кн. II, стр. 63—65.

Я при такихъ обстоятельствахъ, особливо же при неизвѣстности крайней, что случиться и еще могло, между тѣмъ, послѣ полученныхъ здѣсь послѣднихъ извѣстій, чистосердечно вашему прев—ву признаюсь, что съ моей стороны къ уничтоженію неудобствъ, въ важности своей и слѣдствіяхъ опасныхъ, ничего больше примыслить не могъ, какъ только, что въ приложенныхъ здѣсь же копіяхъ съ отправленнаго къ графу Петру Александровичу рескрипта и моего къ нему письма содержится.

Итакъ, прошу васъ, милостивый мой другъ, сколько возможно и какъ наискорѣе, ибо теперь и малѣйшее времени потеряніе дорого, сближтесь вы съ Крымскими дѣлами и, вошедши въ нихъ, постарайтесь находить же въ собственной вашей къ службѣ и пользѣ отечества ревности и въ извѣстномъ вашемъ проницаніи дополнительныя средства къ возвращенію тамошнихъ дѣлъ въ пристойное, хотя нѣкоторымъ образомъ, для насъ положеніе; а для всего того не надобно-ли будетъ уже и мѣстное ваше съ Крымомъ сближеніе и съ преемникомъ кн. Василія Михаиловича, оставляю собственному вашему разсмотрѣнію. Но чтобъ ваше прев—во со всею точностью вѣдать могли нынѣ же и о моихъ собственныхъ мнѣніяхъ, и какія намъ въ крайнемъ случаѣ предостается принять послѣднія мѣры для сохраненія на меньшій конецъ наружной пристойности и безъ постыдства предъ свѣтомъ, я сообщаю вамъ здѣсь же въ дружеской откровенности и постскриптъ мой къ графу Петру Александровичу, для предварительныхъ съ стороны вашей къ тому пріуготовленій.

Тутъ изволите вы усмотрѣть, что когда бъ уже Крымъ остался вовсе развращеннымъ и не хотѣлъ выйти изъ подчиненія Портѣ, намъ, по моему мнѣнію, при настоящемъ критическомъ состояніи нашихъ внутреннихъ дѣлъ и при совершенной невозможности къ возобновленію внѣшней войны, должно же будетъ по необходимости желать и удовольствоваться хотя тѣмъ, чтобъ находящіяся нынѣ на Кубанской сторонѣ Ногайскія орды остались съ раболѣпнымъ Крымомъ несогласными, но тому воспротивясь, сочинили изъ себя особенную свободную область съ собственнымъ верховнымъ правительствомъ, для равновѣсія Крымцамъ и ихъ обузданія. Къ произведенію сего намѣренія нанудобнѣйшій есть человѣкъ Калга-султанъ, въ разсужденіи своей природы, пріобрѣтеннаго имъ въ Ногайскихъ ордахъ почтенія, настоящаго въ ихъ властительствѣ участвованія и собственнаго его расположенія, что касается до независимости; только не раздраженъ-ли онъ нынѣ и не находится-ли огорченнымъ скоропостижнымъ кн. Василія Михайловича внушеніемъ учиненнымъ весьма не кстати по полученіи имъ извѣстія о прекратившейся войнѣ, чтобъ онъ покинулъ орды Ногайскія и возвратился въ наши границы, какъ будто въ мирное время онъ уже и не могъ тамъ быть и оставаться?

Обращая ваше прев—во все удобь возможное попеченіе къ симъ ордамъ для предохраненія ихъ отъ общей съ Крымомъ неполезновенности и разврата, пожалуйте, въ то жъ время постарайтесь пристойными изъясненіями вперить и Калгѣ-султану желаніе и мысли къ произведенію себя верховнымъ надъ ними начальникомъ, въ случаѣ больше впредь оказывающейся отчаянности нашей къ возвращенію Крымцевъ на степень области независимой, и содержите его между тѣмъ готовымъ орудіемъ къ ознаменованію и дѣйствительному исполненію въ свое время сихъ нашихъ послѣднихъ средствъ, чтобъ такимъ образомъ хотя половина изъ татаръ замѣнила своею вѣрностью отпаденіе другой, и не вовсе тщетными показались всѣ наши понынѣ бывшіе подвиги и усильныя раченія къ отторженію ихъ отъ Порты Оттоманской, и чтобъ Калга-султанъ

съ охотою и удовольствіемъ содѣйствовалъ всѣмъ нашимъ видамъ, а не вовлеченъ былъ въ оные какъ бы поневолѣ, по настоящему его за отзывъ кн. Василія Михайловича негодованію, которое и большое его къ нашей сторонѣ надѣяніе могло уже между тѣмъ иногда уменьшить. Кажется, напередъ всего и нужно, чтобъ ваше прев—во принялись его успокоить и обратить на прежнее расположеніе вашимъ благоразумнымъ посредствомъ, а потомъ уже и въ дальнѣйшія вошли съ нимъ изъясненія.

Всевышній да увѣнчаетъ сіи новые и усугубленные для васъ труды къ пользѣ отечества и къ толь вящему показанію вашихъ достоинствъ, чего я усердно желая, какъ ревностный патріотъ и какъ истинную къ вамъ дружбу имѣющій, пребуду и всегда съ особливымъ почтеніемъ и таковою же преданностію и проч.

P. S. Въ дружескую довѣренность сообщаю здѣсь копію съ послѣдней Долгорукова реляціи для единаго вашего свѣдѣнія.

Въ С.-Петербургѣ, 15 Сентября 1774 г.

2572) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St-Pétersbourg, ce 16 Septembre 1774.

J'ai déjà eu l'honneur de vous faire connaître, M-r, de quelle façon Sa Majesté Impériale souhaite que soit arrangée l'affaire entre le comte Oginski et le prince Sapieha. Je ne fais encore aujourd'hui que vous confirmer tout ce que je vous ai dit à ce sujet; mais, comme il vous est connu que le maréchal pr. Radziwill et autres parents et amis du c-te Oginski avaient écrit à l'Impératrice en sa faveur et m'avaient aussi prié d'appuyer ses intérêts, il me semble à propos de vous prévenir, que je viens de répondre à cela en termes généraux et en les renvoyant à vous. Pour cet effet je joins ici la copie de ma lettre. Je vous prie donc, en vous ouvrant à eux sur les mesures à prendre pour l'arrangement de cette affaire, de leur parler de telle sorte qu'ils ne puissent méconnaître nos intentions à leur égard et que nul autre motif ne nous fait agir que l'intérêt de leur patrie, qui n'est point équivoque dans le cas dont il s'agit. Surtout vous pouvez les assurer, que l'Impératrice ne conserve pas le moindre ressentiment de la conduite du c-te Oginski. J'ai l'honneur d'être etc.

2573) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ МИХАИЛУ РАДЗИВИЛУ, МАРШАЛУ КОНФЕДЕРАЦІИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО [2]).

(Приложено въ копіи къ предыдущему письму).

St.-Pétersbourg, ce 17 Septembre 1774.

Mon prince. J'ai l'honneur de vous renvoyer le courrier qui m'a apporté la lettre dont vous m'avez honoré, vous, mon prince, plusieurs

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

[2]) М. Г. А. Польша, II, св. 5, и III, св. 37.

membres de la délégation et autres parents et amis de m-r le comte Oginski, ensemble avec la lettre qui y était jointe pour l'Impératrice. Il est dû trop de justice aux sentiments de Sa Majesté Impériale pour que vous puissiez penser, mon prince, ni aucun de ceux qui prennent intérêt à cette affaire, que le moindre ressentiment personnel contre le c-te Oginski puisse entrer dans aucune de ses démarches. Elle ne saurait y considérer et n'y considérera effectivement que l'intérêt de la Pologne, et cela sous le point de vue même, sous lequel les faits l'ont placé. Il ne m'a point été prescrit d'autre règle dans les instructions que j'ai dû donner de sa part à son ministre, et c'est ce qu'on ne manquera pas de reconnaître aux ouvertures qu'il est chargé de faire, auxquelles je ne fais ici que me référer. Au reste j'ai à vous prier, mon prince, de m'acquitter auprès de ceux qui m'ont fait l'honneur de m'écrire conjointement avec vous, et pour cet effet vous voudrez bien que ma réponse leur soit commune. J'ai l'honneur d'être etc.

2574) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 21 Septembre 1774.

Monsieur mon frère. Le chambellan de Votre Majesté le baron d'Ernswärd m'a remis la lettre, par laquelle il lui a plu de me notifier la célébration du mariage de Son Altesse Royale le duc de Sudermanie, son frère, et de la princesse de Holstein. Tout ce qui était déjà connu à Votre Majesté de la satisfaction, avec laquelle j'ai vu se former et se conclure cette union entre deux branches de notre maison, l'a déjà prévenu sur celle, avec laquelle j'en apprends aujourd'hui l'heureux accomplissement. En faisant des voeux pour le bonheur des deux époux, j'en fais aussi de bien sincères pour le contentement personnel de Votre Majesté et la prospérité de sa maison. Je suis particulièrement flattée des sentiments pour moi, que cet événement intéressant dans sa famille a donné occasion à Votre Majesté de m'exprimer. Le baron d'Ernswärd n'a rien omis pour m'en faire connaître l'étendue et la sincérité, et c'est en lui rendant cette justice que je pense le recommander aux bonnes grâces de Votre Majesté. Je la prie aussi d'ajouter foi aux assurances qu'il lui donnera à son retour auprès d'elle de la haute considération et de la parfaite amitié, avec lesquelles je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine
Catherine.

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

2575) **ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ** [1]).

Sire. Rien ne pouvait m'être plus agréable que d'apprendre par la lettre, qu'il a plu à Votre Majesté de m'écrire, l'heureux accomplissement du mariage de mon cousin le duc de Sudermanie et de ma cousine madame la princesse de Holstein. Tous les motifs du sang et de l'amitié me font partager la joie d'un événement si intéressant pour notre maison. S'il m'est doux de faire des voeux pour le bonheur des deux époux et la prospérité de leur union, il ne m'est pas moins naturel de les rapporter, comme à leur premier objet, au contentement personnel de Votre Majesté. C'est le juste retour que je dois aux sentiments que son chambellan le baron d'Ernswärd a eu ordre de m'exprimer de sa part, ce dont il s'est acquitté à ma parfaite satisfaction. Je me persuade qu'à son retour auprès de Votre Majesté il lui rendra avec la même vérité les assurances, dont je l'ai chargé pour elle, du tendre attachement et de la haute considération, avec lesquels je suis, Sire,

de Votre Majesté
le très devoué parent
Paul.

St-Pétersbourg, ce 21 Septembre 1774.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

23 Сентября 1774 г.—съ препровожденіемъ отвѣта короля Прусскаго на письмо Императрицы. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 158.

2576) **ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ** [2]).

Ce n'est qu'à présent que je me trouve en état de répondre à la lettre d'office purement relative aux affaires de Holstein, que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire en date du 7 (18) Avril, la réponse à faire de la part des deux cours à la note, qui s'y trouvait jointe des demandes de la Chancellerie Impériale, ayant exigé un concert entre elles, et celle de Danemark n'ayant voulu s'avancer en rien sans avoir l'avis de la nôtre. Apres être donc convenu ensemble, j'ai l'honneur de vous adresser ci-joint, mon prince, une pièce allemande, en conformité de laquelle vous

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.
[2]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

et le ministre de Danemark, le comte de Bachoff, vous rédigerez votre réponse sur la dite note et la remettrez à la Chancellerie Impériale. Comme la plupart des points, auxquels on répond, sont absolument étrangers à la cour de Russie, Sa Majesté Impériale n'a fait à leur égard qu'admettre ce qui a été proposé par la cour de Danemark. Les seuls qui nous regardent, savoir les §§ 1, 4, 9 et 10, quoique déjà compris dans la pièce que j'ai aujourd'hui l'honneur de vous envoyer, me paraissent demander que j'entre encore en quelque explication à leur sujet.

Sur le 1-r §. Quoique vous ayez à faire des représentations sur l'inutilité de l'apposition du sceau de Son Altesse Impériale aux copies des actes produites à la Chancellerie Impériale, comme il pourrait arriver cependant qu'on n'y eût point d'égard, j'ai pourvu à ce que cette difficulté, qui ne nous parait qu'une minutie, ne cause aucun retard aux affaires, en vous envoyant joint à cette dépêche une copie, dans laquelle cette formalité se trouve remplie.

Sur le 4-me §, qui regarde la clause salvatoire, vous mettrez un peu plus d'intérêt dans vos représentations que sur le précédent, afin d'obtenir, qu'il ne soit point nommèment mentionné dans l'acte, que se sont les droits de la seconde ligne de Holstein qui sont réservés, mais plutôt qu'il soit fait emploi de l'expression générale *jura cujuscunque*. Si cependant vous voyez, qu'on y insiste assez pour vous faire craindre que l'affaire ne s'arrête à cette difficulté, vous pouvez passer la clause telle qu'elle est conçue, c'est-à-dire avec la réserve expresse des droits de la seconde branche de Holstein-Gottorp.

Sur le 9 §. Si les assurances verbales touchant les garanties dont il est question dans ce § ne suffisent pas, vous êtes autorisé, mon prince, à faire conjointement avec le ministre de Danemark telle déclaration par écrit, qui pourra convenir et satisfaire à la demande.

Sur le § 10. Vous êtes en droit de représenter, qu'il ne s'agit point de confirmer des traités, ni des actes séparés, et que conséquemment il serait superflu d'en faire mention dans l'acte de confirmation; mais si on s'obstine à vouloir y insérer expressèment qu'ils en sont exceptés, je ne vois pas qu'il y ait de l'inconvénient à laisser passer cela.

V. E. voit par tout ceci, qu'on ne se refuse à rien de ce qui a été demandé de la part de la cour Impériale et Royale, pour se conformer en tout point aux lois et aux usages de l'Empire Romain. On se flatte ici, qu'il ne sera plus mis en avant aucune difficulté nouvelle qui demande de nouveaux délais et de nouvelles explications, et j'ai ordre de recommander à V. E. de presser autant qu'il sera en elle la fin de cette affaire. Pour être en état de le faire, elle attend naturellement de moi une résolution sur le contingent de chacun des intéressés au payement des taxes de la Chancellerie, et c'est à quoi je viens maintenant.

Premièrement: Nous prenons pour règle, et c'est aussi ce que V. E. aura à maintenir vis-à-vis du ministre de Danemark le comte de Bachoff, ainsi que je fais ici vis-à-vis de m-r de Numsen, que les deux cours s'étant engagées à obtenir conjointement de la cour Impériale des Romains tous les actes sans exception dont il est besoin dans l'arrangement de l'affaire du Holstein, c'est une conséquence nécessaire de cet engagement, que toutes les deux et par parties égales acquittent les taxes, sans lesquelles ces actes ne peuvent être obtenus, puisque ce n'est que par l'obtention effective des actes, et non par de simples... [1]) des ministres pour y parvenir, que leurs obligations peuvent être remplies. Nous pensons donc, que la cour de Danemark doit et ne refusera pas de supporter la moitié des frais de tous les actes sans exception.

Secondement: Sa Majesté Impériale admet, que Son Altesse Impériale se trouve dans la même obligation que la cour de Danemark, mais que cette obligation soit remplie par Monseigneur le Grand Duc ou par le prince que Son Altesse Impériale a subrogé à ses droits. Ce doit être tout une chose tout-à-fait indifférente pour la cour de Danemark, et elle ne peut en déduire aucun droit de se dispenser de sa propre obligation.

Troisièmement: L'Impératrice trouvant juste, que le prince évêque de Lubeck ne soit tenu des obligations de Monseigneur le Grand Duc qu'a l'époque où il a été effectivement subrogé à ses droits, fera acquitter, au nom de Son Altesse Impériale, la moitié de la taxe pour l'échange et la cession, portée par la consignation à la somme de 89,200 florins 30 kr.

Quatrièmement: La moitié des frais pour l'élévation en duché des comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst, avec la transportation du suffrage, lesquels selon la consignation montent à 41,560 florins 30 kr., sera portée par le prince évêque de Lubeck à la décharge de Son Altesse Impériale.

Voilà, mon prince, comment nous désirons que la chose se fasse et sur quoi vous travaillerez à vous entendre, tant avec le ministre de Danemark, que le résident de l'évêque. Je n'imagine pas, qu'il soit besoin de faire mystère à celui-là de cette petite partie que l'évêque aura à payer, cet arrangement étranger à la cour de Danemark ne devant nullement empêcher que la nôtre ne soit considérée, comme faisant face en parfaite égalité avec elle à la totalité de la dépense. Comme d'autre part vous me donnez à connaître, mon prince, que la taxation n'est pas une chose si fixe et si invariable, qu'on ne puisse y obtenir quelque réduction, vous engagerez le ministre de Danemark et le résident de l'évêque à prendre sur eux les soins de cette petite négociation, sans que vous jugiez qu'il vous convienne d'y paraître. Mais vous ne manquerez pas,

[1]) Въ подлинникѣ одно слово пропущено.

*

je vous prie, de leur recommander de s'appuyer sur l'exemple de l'acte de confirmation du traité de 1751 entre la Suède et le Danemark. J'ai l'honneur d'être etc.

St.-Pétersbourg, ce 24 Septembre 1774.

2577) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА КНЯЗЯ А. М. ГОЛИЦЫНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНѢ [1]).

Je n'ai pas eu le temps mercredi passé, quand vos deux courriers repartaient d'ici, de vous informer d'une circonstance intéressante, qu'il importe d'autant plus à vous faire connaître qu'elle regarde directement les affaires de la cour de votre résidence. On nous mande de très bonne part la découverte, que la cour de Vienne avait chargé un certain colonel Seger, son commissaire des limites en Pologne, même a l'insu de son ministre à Varsovie, de faire ramasser dans les archives de la république dès matériaux pour une déduction de ses droits à la Moldavie et à la Valachie. On nous a communiqué même ces pièces, et on ajoute, que comme ce ne paraissait pas être un ouvrage de simple curiosité, mais plutôt une marque que la cour de Vienne ne voulait pas mettre des bornes à son aggrandissement, on s'y confirmait encore par un avis reçu du commandant de Kameniec, que les troupes autrichiennes entrées en Moldavie semblaient vouloir étendre les frontières de cet état du côté de la Pokutie et que le bruit s'y joignait encore, que l'on faisait la même chose vers la Valachie. Une telle circonstance devrait nous surprendre beaucoup, si nous n'avions pas aperçu déjà dans la conduite de la cour de Vienne un désir constant et suivi de satisfaire son ambition et d'accroître sa puissance. Quoiqu'il en soit, je ne puis pourtant pas croire qu'elle veuille s'approprier ces deux principautés en tout ou en partie, eu égard à tous les inconvénients qui pourraient en résulter à son préjudice. Cependant il ne faut pas oublier ici la circonstance, que la cour de Vienne n'a jamais voulu souffrir que ces pays fussent détachés de la domination Ottomanne, soit pour nous être cédés, soit à la Pologne, soit de les rendre indépendants d'aucune puissance. Cela fait croire qu'elle a en effet quelque point de vue. Accoutumé de ne vous laisser rien ignorer, M-r, j'ai cru qu'il ne serait pas inutile de vous communiquer ces avis, afin que sans faire semblant de rien, vous suiviez l'affaire et que vous attendiez une occasion favorable pour la verifier.

Впрочемъ всегда пребуду и проч.

Кн. А. Голицынъ.

Изъ С.-Петербурга, 26 Сентября 1774 г. (въ шифрахъ).

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

27 Сентября 1774 г.—о распоряженіяхъ въ Крыму и на Черномъ морѣ по случаю мира съ Турціей. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 445—446.

2578) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА КНЯЗЯ А. М. ГОЛИЦЫНА КЪ КНЯЗЮ И. С. БАРЯТИНСКОМУ ВЪ ПАРИЖЪ [1]).

Государь мой князь Иванъ Сергѣевичъ. J'ai reçu la lettre, dont vous m'avez honoré le 4 Septembre, avec autant de reconnaissance que je l'ai lue avec intérêt et je n'ai pas manqué de la mettre devant les yeux de l'Impératrice. Le ministre de Sardaigne a mieux raisonné dans son entretien avec vous que n'a fait ci-devant sa cour, lorsqu'il s'agissait d'une mission réciproque de ministres. Vous n'ignorez pas sans doute, qu'au commencement de cette guerre m-r le chambellan Narichkine a été envoyé à Turin pour sonder le terrain et pour voir, si cette cour voudrait recevoir et entretenir un ministre ici. Mais le feu Roi de Sardaigne a non seulement décliné la mission de sa part, mais même sous différents prétextes celle de m-r de Narichkine auprès de lui. Peut-être serait-ce par un malentendu, comme prétend à présent l'ambassadeur de Sardaigne, ou par la mauvaise façon dont m-r Narichkine s'y est pris, mais maintenant il parait être de la dignité de notre cour de voir celle de Turin revenir à elle, si elle juge à-propos d'établir une correspondance directe.

J'avoue, et vos réflexions sont très justes sur ce point, que plusieurs intérêts peuvent leur en donner le motif, principalement quand on fait attention d'une part à la grande influence de la nôtre dans les affaires générales et aux relations de commerce, dans lesquelles nous nous trouverons à l'avenir avec l'Italie, d'autre part—au peu de stabilité que parait avoir le pacte de famille, au changement de système qui pourrait arriver un jour entre les cours de Vienne et de Versailles, et à la face nouvelle que les choses prendraient alors en Italie. Cependant ce sera toujours à la cour de Turin à faire le premier pas pour effectuer l'envoi des ministres respectifs, en quoi elle a et aura toujours un plus grand intérêt que la nôtre. L'on ne serait que charmé d'y correspondre de notre côté, puisque l'on est intentionné d'entretenir des liaisons avec tous les pays, surtout avec ceux qui tirent la même corde avec l'Angleterre. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю и проч.

Кн. А. Голицынъ.

С.-Петербургъ, 29 Сентября 1774 г.
(въ шифрахъ).

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 15.

2579) ИНСТРУКЦІЯ БАРОНУ АССЕБУРГУ, ПОСЛАННИКУ ПРИ ИМПЕРСКОМЪ СЕЙМѢ ВЪ РЕГЕНСБУРГѢ [1]).

(Апробована Ея Императорскимъ Величествомъ 20 Сентября 1774 г.).

Instruction donnée par ordre spécial de Sa Majesté Impériale de la part de son ministère à monsieur le baron d'Assebourg, conseiller privé actuel de Sa Majesté Impériale et son ministre plénipotentiaire nommé à la Diète de l'Empire Romain.

Il est déjà connu à m-r le conseiller privé actuel, qu'il a plu à Sa Majesté Impériale de le nommer son ministre plénipotentiaire à la Diète de l'Empire à Ratisbonne. La lettre de créance de Sa Majesté Impériale, qui l'accrédite en cette qualité auprès des états de l'Empire, se trouve ci-jointe en langue russe avec une traduction latine selon l'usage, ainsi qu'une lettre particulière au prince de la Tour et Taxis, premier commissaire de l'Empereur, pour lui donner part de cette mission. Aussitôt que l'état de sa santé et ses propres affaires le lui permettront, l'intention de l'Impératrice est qu'il se rende à son poste et qu'il s'y légitime; en remettant dans la forme et l'étiquette, qui se pratique à la Diète et qui lui sont connues, la dite lettre de créance et la lettre au principal commissaire le prince de la Tour et Taxis, Sa Majesté Impériale est très persuadée, que dans cet acte et dans tous autres qui pourront avoir lieu pendant le cours de sa mission, m-r le ministre plénipotentiaire n'omettra rien de ce qui est dû à son caractère et peut intéresser la dignité de sa cour. Tout ce qui regarde le cérémonial vis-à-vis des ministres des membres de l'Empire assemblés en Diète se règle par des usages constants et uniformes. On sait les prétentions de ce corps, qui se regarde renfermant immédiatement en lui la souveraineté de l'Empire et refuse à ce titre toute réciprocité d'étiquette aux ministres accrédités près de lui. M-r le ministre plénipotentiaire se regardant comme étranger à un tel corps, recevra, comme attentions personnelles à lui, tout ce qui lui sera marqué d'égards et de politesse de sa part, et pour autant qu'il lui en serait refusé, il n'aura point à s'en formaliser, dès qu'il ne sera rien fait de plus vis-à-vis des ministres des autres têtes couronnées et nommèment de ceux de France et d'Angleterre, avec lesquels il veillera à ce qu'on le traite en toute égalité. Relativement aux ministres des cours étrangères résidant au même lieu, il n'y a pour toute observation qu'à faire connaître à m-r le conseiller privé actuel, que la règle fixe de Sa Majesté Impériale est de prétendre l'égalité avec toutes les têtes cou-

[1]) М. Г. А. Регенсбургъ, III, св. 16.

ronnées, en conséquence de ne céder à aucune ni d'exiger qu'aucune lui cède. Sur ces choses on ne peut mieux faire, que de s'en remettre à lui-même, comme à une personne qui a été longtemps et avec la plus grande distinction dans la carrière du ministère.

Ce premier point posé de son établissement et de sa légitimation à son poste, il tombe en charge au ministère de lui exposer, ainsi qu'il en a l'ordre de Sa Majesté Impériale, l'objet même de sa mission et la marche, selon laquelle il aura a concourir à l'avancement de ses intérêts et au bien de son service. Ses talents distingués et une expérience consommée dans les affaires ne laissent aucun doute à Sa Majesté Impériale qu'il ne réponde pleinement à ses vues dans le choix de sa personne pour un tel poste, et le ministère va s'efforcer de donner à son zèle les moyens de se développer avec sûreté et avec succès.

La direction d'un ministre devant embrasser non seulement les affaires propres de son poste, mais aussi toutes celles qui constituent le système général de sa cour, on divisera en deux parties ce qu'on va avoir l'honneur de lui dire. La première comprendra les connexions actuelles de la cour, son système, la manière dont il s'est formé et son état actuel. La seconde comprendra les vues de la cour dans la mission de m-r le ministre plénipotentiaire et les points dont elle lui confie et lui recommande l'exécution.

Première partie, contenant les connexions actuelles de la cour, son système, la manière dont il s'est formé et son état actuel[1]).

1.

Sa Majesté Impériale a les engagements les plus précis et les plus intimes avec le Roi de Prusse, en vertu desquels ce prince nous a donné le secours effectif d'un subside pendant tout le cours de la guerre de Turquie, que Sa Majesté Impériale vient de terminer par la paix la plus glorieuse à ses armes et la plus avantageuse à son Empire. Ces engagements, selon que les circonstances l'ont exigé, ont été graduellement étendus et plus appréciés de façon, qu'embrassant généralement toutes nos affaires, ils comprennent nommèment et en termes clairs, tant les soins, dont nous nous sommes chargés en Pologne, que nos mesures non moins prévoyantes contre l'usurpation que le Roi de Suède a faite d'une autorité presque illimitée dans sa patrie. Dans les premières le Roi de Prusse a pris et continue à prendre formellement part, et à l'égard

[1]) Въ этой части своей настоящая инструкція совпадаетъ во многихъ отношеніяхъ съ инструкціей посланнику въ Парижѣ кн. Барятинскому отъ 8 Августа 1773 г. (Сборникъ, т. CXVIII, стр. 447—456).

des dernières il a déjà reconnu, comme le cas de notre alliance avec lui, ce qui est arrivé en Suède. Enfin ce prince s'étant chargé conjointement avec la cour de Vienne d'employer ses bons offices dans notre négociation de paix avec la Porte, il n'a pas cessé jusqu'à la conclusion de cet ouvrage salutaire de nous donner toutes les preuves possibles d'affection et de prédilection à nos intérêts.

2.

Avec le Danemark nous avons pareillement des engagements précis et clairs et des conventions, que le gouvernement absurde, qui y a tenu pendant quelque temps le timon des affaires, n'a pas pu ébranler. Ces engagements fondés sur les principes du système du Nord, créé par l'Impératrice, se rapportent également à toutes nos affaires et principalement à la Suède, comme le voisin commun de deux puissances, qui par ses mouvements intérieurs devait attirer leur attention mutuelle et à présent doit doublement l'exciter après la révolution pernicieuse arrivée dans le gouvernement. A l'égard de notre guerre avec la Porte Ottomanne le Roi de Danemark aurait dû nous payer des subsides annuels; mais Sa Majesté Impériale dès la première année l'en a dispensé, afin d'alléger par ce moyen à la cour de Copenhague le moyen de faire des dispositions et des préparatifs plus vigoureux contre la Suède. Cette condescendance a eu ce bon effet d'une part, que la cour de Danemark, mettant année en année ses forces dans un état plus respectable, est parvenue au point de pouvoir en quelque sorte en imposer au génie inquiet du jeune Roi de Suède, et de l'autre — que dans ces préparatifs et ces arrangements elle a pu se retourner par ses propres ressources, sans trop charger ses sujets et conséquemment sans leur inspirer la moindre haine contre notre alliance. Il n'y a point à douter qu'une impression si avantageuse dans la nation Danoise ne s'accroisse considérablement, depuis que la négociation pour l'échange des états héréditaires de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc en Allemagne contre les comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst, en faveur de la ligne cadette de Holstein, a atteint son parfait accomplissement, si ardemment désiré par elle, et a enlevé la racine des contestations et causes de désunion qui existaient de temps à autre entre la Russie et le Danemark, en affranchissant ainsi pour toujours de toute dépendance étrangère l'accord naturel de nos intérêts d'états respectifs.

3.

Maintenant il ne subsiste entre nous et la Suède que le traité d'Abo, car l'alliance précédente de 1758 est expirée et n'a point été renouvellée. Il est vrai que de notre part il fut proposé en son temps de la renou-

veller; mais le sénat de Suède, pour lors composé de seules créatures de la France, le refusa pour plaire à la cour de Versailles. Par contre, depuis la révolution arrivée l'année dernière le Roi de Suède, tant de son chef, que par le canal de la dite cour, est venu plus d'une fois à la charge auprès de nous avec la proposition d'un nouveau traité d'alliance, proposition, qu'il a aussi faite plus d'une fois à la cour de Danemark, afin de surprendre là ou ici un consentement tacite à la révolution. La cour de Danemark, en rejetant toutes ces insinuations, a déclaré nettement à chaque occasion, que se trouvant dans des engagements formels avec la Russie, elle ne saurait entendre à aucune proposition à son exclusion; et de notre côté, en nous tenant à des compliments généraux sur l'amitié de l'Impératrice et son inclination pour l'alliance, on en a renvoyé toute proposition à un temps plus convenable, en posant pour principe, que les circonstances de la guerre, qui se continuait encore entre nous et les turcs, n'étaient pas telles qu'on pût accorder cette demande avec la dignité de Sa Majesté Impériale.

Nonobstant néanmoins cette tentative politique de Sa Majesté Suèdoise et ses intentions pacifiques publiées partout avec éclat, il y a bien des raisons de croire, que dans le fait il a eu intention de troubler la paix de ses voisins et de faire son premier essai sur les frontières de Norvège, dans le prejugé que de ce côté-là les Danois n'étaient pas préparés et que les Norvégiens seront charmés de l'occasion de secouer le joug du Danemark. Son but principal peut aussi avoir été d'affaiblir le mécontentement de la nation Suèdoise contre son entreprise illégale, en la mettant dans la nécessité de tourner son attention d'un autre côté et surtout contre un voisin, pour qui elle a une antipathie naturelle.

M-r le ministre plénipotentiaire sait, de quelle façon tout cela s'est passé, et les déclarations données de part et d'autre. C'est dans cet état indécis que sont restées jusqu'à present toutes les affaires dans le Nord, car le bruit qui s'était répandu partout, que Sa Majesté Suèdoise avait conclu un traité de subside avec la Porte par l'entremise de la cour de Versailles, selon toute apparence, n'a pas de réalité, et la raison assurément n'en est pas, que ce prince ne fût intérieurement porté à se montrer comme acteur sur le théatre du monde, mais plus vraisemblablement, c'est qu'il n'espère pas ou n'a pas trouvé moyen de vendre ses dispositions à un prix qui pût le mettre en état de redresser et compenser tous les besoins intérieurs de son état, à quoi ne suffisent pas à beaucoup près les secours ordinaires de la France et de l'Espagne.

4.

Nous avons deux traités avec la république de Pologne, le premier déjà dès l'an 1686 et le dernier sous le règne du Roi actuel. L'un et

l'autre, quoique renouvellés, ne seront en parfaite activité qu'après que toutes les affaires intérieures de ce royaume auront été définitivement réglées, à quoi on travaille actuellement en vertu du concert arrêté entre la cour de Russie et celles de Vienne et de Berlin; et voici les affaires qui ont donné lieu à ce concert.

Comme le naturel des têtes polonaises ne nous a pas permis d'établir et de consolider un premier plan que Sa Majesté Impériale avait formé relativement à la république, savoir—de lui donner sous le gouvernement d'un roi national et indépendant d'intérêts étrangers une sorte d'activité analogue aux intérêts de la Russie dans le système du Nord, et conséquemment dans toutes les affaires de l'Europe en qualité de puissance du second ordre, et cela ayant manqué uniquement par la faute du Roi et de la nation, cette cour-ci crut devoir admettre un autre plan que les circonstances de ce royaume, tant dans son intérieur qu'au dehors, lui présentèrent comme le plus convenable et le plus juste. La Pologne était depuis quelques années en proie à tous les maux d'une guerre civile, et Sa Majesté Impériale était obligée pour l'éteindre de distraire de sa propre défense contre un ennemi puissant des forces considérables. A cette situation déjà onéreuse à l'Empire de Russie se joignit de la part de l'Autriche l'occupation d'anciens domaines qu'elle réclamait de la république, et pour se maintenir dans cette occupation, cette puissance favorisait sous main les confédérés Polonais et leur laissait tirer de ses états tous les moyens de perpétuer les troubles de leur patrie. Il n'était question de rien moins que d'entrer en guerre ouverte avec elle, pour sauver cette partie des possessions de la Pologne déjà en ses mains. Mais autant la nation Polonaise était peu digne par sa conduite, que Sa Majesté Impériale fit sa cause personnelle de la sienne, autant répugnait-il aux premiers soins qu'elle doit au bonheur de ses peuples, qu'elle le chargeât d'un fardeau aussi pesant pour des intérêts étrangers. Il fut donc trouvé plus juste et plus expédient que les trois voisins de la Pologne s'entendissent entre eux, afin d'en faire cesser les troubles, et au lieu de s'opposer à la réclamation de la part de l'Autriche, que chacun des trois à son exemple fît valoir ses anciens droits sur la Pologne, et cela dans une proportion qui maintint entre eux-mêmes l'équilibre des puissances. Le concert fut formé sur ce principe: on arrêta, qu'on pacifierait la république, qu'on l'établirait dans un état de puissance médiocre, qui séparant les trois états l'un de l'autre, ne pût faire de côté ni d'autre de contrepoids sensible et surtout laissât à la Russie une liberté non troublée de passer sur son territoire (pour) conserver sa participation, et qu'on lui donnerait une forme de gouvernement proportionné à ce nouvel état et qui pût répondre d'y maintenir la tranquillité et le bon ordre. Tout cela se traite actuellement à Varsovie, et il est probable

que par notre seule influence et celle des deux cours co-agissantes avec nous, on le conduira bientôt à sa fin, à l'exclusion de toute participation étrangère, et surtout de la France, laquelle, selon ce qui parait, a cessé tout-à-fait en Pologne à l'extinction de la confédération de Bar et des autres formées sur le même modèle.

Avec la cour de Vienne la correspondance et la bonne union ont duré sans interruption quant au dehors; mais intérieurement cette cour, ou plutôt son premier ministre, le prince Kaunitz, a porté envie à l'influence supérieure que nous avons acquise. Il s'est montré jaloux de nos succès éclatants contre la Porte Ottomanne et surtout de notre étroite alliance avec son rival perpétuel le Roi de Prusse, jusque là, que de la part des Autrichiens, ainsi qu'il en est fait mention ci-dessus, il a été donné aux coufédérés Polonais, qui s'étaient élevés contre la Russie, un asyle ouvert avec la liberté de se fournir de toutes sortes de provisions. et qu'à la fin la cour de Vienne en est venue jusqu'à des armements et des démonstrations militaires sur ses frontières, d'autant plus équivoques que cela se faisait vers les endroits où la première armée de Sa Majesté Impériale avait ses quartiers et agissait contre les turcs. Très peu s'en fallut, que cette froideur ne se tournât en une rupture ouverte entre les deux cours, à quoi nous et le Roi de Prusse nous nous étions déjà presque tous préparés. Mais heureusement cette cour-ci a encore réussi par ses explications et ses démarches amicales à détourner ce malheur, et après, convenant avec la cour de Vienne sur le partage de la Pologne, à lui faire changer tout-à-fait de façon de penser. C'est ce que prouve évidemment la conduite subséquente de cette cour, et surtout l'emploi sincère de ses bons offices dans notre négociation de paix avec la Porte. Il est vrai qu'après la rupture du second congrès à Bucarest, le prince Kaunitz recommença dans ses explications verbales avec notre ministre à la cour de Vienne le pr. Galitsyne à marquer moins de bonne volonté et d'affection. Il n'est cependant pas à penser que ce changement en lui, si même il s'étendait jusqu'à toute la cour Impériale, nonobstant les dispositions à ce contraires de Leurs Majestés l'Empereur et l'Impératrice des Romains, eût pu aller jusqu'à embarrasser nos affaires et leur causer du préjudice, surtout à nos opérations militaires contre les turcs, aussi longtemps que le prince Kaunitz aurait été laissé et entretenu dans l'assurance, que nous ne penserions plus à nous approprier les deux principautés de Valachie et de Moldavie.

6.

La cour de Londres a avec nous un traité de commerce et en outre elle a presque partout les mêmes intérêts d'état, d'où les deux cours peuvent hardiment faire fond sur l'amitié l'une de l'autre, quoique

jusqu'à présent l'ancien traité d'alliance n'ait pas encore été renouvellé à cause des difficultés qui se sont rencontrées à faire consentir les Anglais à comprendre dans le cas de l'alliance notre guerre avec la Porte, non celle qui existe, comme antécédant à l'alliance, mais celles qui pourraient exister à l'avenir, ou au moins à donner au lieu de cette stipulation des subsides annuels à la Suède. Cette dernière demande naturellement avait été faite avant l'époque de la dernière révolution, afin de remplacer par l'argent de l'Angleterre les subsides de la France, dont celle-ci se servait comme d'un thermomètre vis-à-vis d'un gouvernement Suèdois, à proportion du plus ou moins de besoin qu'elle avait dans les différents temps et selon ses différentes vues. Car ce n'était que par le moyen de ces subsides de l'Angleterre, que pouvait être anéantie la domination française en Suède. Il avait été montré assez clairement de ce côté-ci au ministère d'Angleterre, que le maintien de ce point doit plus intéresser l'Angleterre elle-même que cette cour-ci, laquelle consentait à sacrifier au bien général un intérêt personnel aussi important que peut l'être l'admission de la guerre de Turquie dans le cas d'une alliance. Mais toutes ces représentations furent infructueuses, sous le prétexte de la règle immuable que s'est faite S. M. Britannique d'après le voeu de toute la nation, de ne donner à qui que ce soit des subsides en temps de paix et conséquemment l'impossibilité d'y faire consentir le parlement.

A présent, dans le nouvel état de la Suède, cette question ne peut plus avoir lieu; c'est pourquoi notre négociation même pour une alliance avec la cour de Londres reste dans le silence; mais cette cour ne nous a pas moins marqué, à l'occasion des armements qui se faisaient en Suède, que si le jeune Roi commençait les hostilités et que la France songeât à les appuyer de son côté, alors S. M. Britannique s'opposerait ouvertement à celle-ci et enverra en mer un nombre supérieur de ses vaisseaux.

7.

Avec l'Espagne se continue la correspondance d'amitié usitée entre les souverains. Mais en conséquence des engagements connus du pacte de famille de la maison de Bourbon, la cour de Madrid est partout et dans toutes les affaires l'ombre de la cour de Versailles, et sans rien examiner elle prend en toute occasion parti contre nous. D'ailleurs, il n'existe pas entre les deux cours d'intérêts qui puissent les unir immédiatement, puisque leur commerce respectif est encore dans l'enfance et que les premiers essais, qui y ont été faits depuis quelque temps, sont demeurés presque sans aucun fruit, faute de capitaux suffisants dans leur propre circulation, de même que de navigateurs.

8.

Nous continuons, ainsi que nous l'avons fait en tout temps, à être en bonne correspondance et amitié avec la république de Hollande, et il se fait un commerce avantageux entre les sujets des deux parts.

On entretient d'ici un chargé d'affaires à Venise, dont la présence y était nécessaire aussi longtemps qu'a duré la guerre; mais la république n'a pas encore répondu à cette démarche de cette cour-ci, et pour le reste, par timidité pour les turcs et peut-être aussi un peu par complaisance pour la maison de Bourbon, elle nous a marqué peu de bonne volonté; de plus elle n'a point d'intérêts directs de commerce avec la Russie. Il ne sera pas déplacé de faire mention ici des Rois de Sardaigne et de Portugal. Ces deux princes, par la position de leurs états, sont attachés aux intérêts de l'Angleterre et conséquemment, par la conformité de ceux-ci avec les nôtres, on peut penser que pour l'un et pour l'autre l'établissement d'une correspondance immédiate avec la Russie devrait être une chose agréable, comme le commencement d'un édifice politique, qui par la suite pourrait se convertir en une union directement avantageuse pour eux; mais d'un autre côté la crainte de tous les états de la maison de Bourbon, dont ils sont entourés, les retient jusqu'à présent de mettre à profit les propositions que nous leur avons faites sous main, d'entretenir des ministres accrédités de part et d'autre.

Enfin, il reste à ajouter un mot touchant deux états voisins, savoir la Perse et la Chine. Il y a longtemps que le premier n'a pas de chef, mais quoique par son état intérieur il se soit extrêmement affaibli, il présente encore quelques parties avantageuses pour le commerce; et avec le dernier, le commerce se fait avec succès.

En outre de cette description partielle de chaque état en Europe considéré relativement à nos intérêts, il reste encore, pour achever ce tableau politique, à déterminer leurs liaisons entre eux.

La direction des affaires générales se partage entre les grandes puissances, à proportion que chacune sait les attirer à elle. Jusqu'au règne de Catherine la Grande, la Russie, malgré tous ses succès dans la guerre de Prusse, ne jouait qu'un rôle secondaire, ne paraissant au dehors qu'à la suite de ses alliés. A l'avènement de l'Impératrice au trône il y avait deux partis en Europe. Dans l'un se trouvait la France et l'Autriche, et à leur suite l'Espagne et une partie considérable des princes de l'Empire; dans l'autre côté de la balance étaient l'Angleterre et le Roi de Prusse; à celle-là étaient joints le Portugal et quelques princes protestants de l'Empire. Et celui-ci, d'un ennemi qu'il avait, se fait subitement un allié intime dans la personne de l'Empereur Pierre III. La Russie changea alors de système politique, mais néanmoins restant

encore dans le rôle de puissance dépendante d'intérêts étrangers. Quoique les cours de Londres et de Berlin, qui avaient été quelques années de suite dans la plus étroite union, en fussent venues à un refroidissement ouvert même avant la fin de la guerre, dès que le ministre qui était à la tête des affaires en Angleterre, m-r Pitt, aujourd'hui lord Chatham, eût été éloigné des affaires par le c-te de Bute, cependant la supériorité qu'elles avaient acquises jusque là était si grande, que l'Angleterre força la maison de Bourbon à la paix à des conditions aussi avantageuses qu'honorables pour elle, avec la cession de conquêtes très importantes, et que le Roi de Prusse put se tirer d'affaire sans perte. Moins la Russie, par la raison du changement subit de système politique de Pierre III, put avoir d'influence sur ces négociations de paix qui fondaient la situation future de toute l'Europe, plus il devait naturellement lui être difficile de s'en faire une par la suite et de se l'approprier solidement. La sagesse et la fermeté de Sa Majesté Impériale surmontèrent cependant bientôt ces difficultés, et le monde vit avec étonnement que cette cour-ci commença à jouer un rôle, et un rôle égal aux premières puissances dans les affaires générales et supérieur dans le Nord. L'Angleterre, qui avait avec nous les mêmes intérêts d'état et d'ailleurs accoutumée par la position naturelle de son île à regarder indifféremment en temps de paix les affaires et les événements du continent, vit avec une satisfaction sensible ce changement dans la politique, par la raison qu'elle trouvait dans la Russie un nouveau rival de la France qui la déchargeait d'une partie de ses soins et de ses embarras. La maison d'Autriche et le Roi de Prusse se trouvaient si fatigués de la guerre et si épuisés, qu'au commencement ils pensèrent peu à étendre leur influence au—delà des bornes de l'Empire Romain, et après, quand ils virent que la Russie commençait à agir d'elle—même et d'après un système à elle, ils s'attachèrent à l'envi l'un de l'autre, selon leur rivalité naturelle, à rechercher son amitié et son alliance, mais avec cette différence que la cour de Vienne, selon son ancienne habitude de diriger la Russie selon ses vues propres, pensait à nous remettre dans la dépendance de sa politique, et le Roi de Prusse au contraire, en laissant à Sa Majesté Impériale la première place dans les affaires communes avec lui, ne cherchait qu'à acquérir son amitié et assurer par son alliance la sûreté à venir et l'intégrité de ses états, s'étant convaincu par l'expérience, combien la cour de Vienne est envenimée contre lui et que sans s'arrêter à toutes ses rénonciations, elle profitera de la première conjoncture favorable pour lui reprendre la Silésie. Il ne fut pas difficile à l'Impératrice de choisir, quel était le côté le plus avantageux et le plus utile à ses desseins, qui étaient la gloire et la dignité de son Empire, d'autant plus que la cour de Vienne se trouvait encore depuis la guerre précédente

dans la plus étroite union avec la France, dont l'influence diminuait partout et surtout s'opposait dans le Nord au rétablissement de celle de la Russie. La préférence donnée à l'alliance de Prusse ne pouvait pas être du goût de la cour de Vienne, aussi du moment qu'elle en eut connaissance positive, elle commença de tous côtés à favoriser les intrigues des français contre nos affaires, en gardant cependant une certaine modération et toutes les bienséances extérieures. La France au contraire fut doublement irritée, en voyant l'influence de la Russie s'élever et s'établir sur la diminution sensible de la sienne; et son ministre, le duc de Choiseul, y attachant de l'honneur personnel, s'accrocha à toutes sortes de moyens permis ou non; en sonnant le tocsin à toutes les cours alliées de la France, il répandit partout ses intrigues là, où elles pourraient croiser nos opérations qui toutes tendaient à l'affermissement de la paix générale. En Suède, en suivant à la piste la différence des opinions dans la nation, il cherchait par toutes sortes de moyens à renverser la liberté et par là de faire de cette couronne un voisin actif et dangereux pour nous. Il flattait le Danemark par les propositions les plus avantageuses, en lui insinuant directement que la Russie le tromperait dans l'espérance où elle le tenait d'un arrangement amiable touchant les états de Holstein, et quand cette arrangement fut réglé et signé, qu'elle n'effectuerait jamais ses promesses, afin de tenir cette cour dans une crainte continuelle. En Pologne il a semé le fanatisme parmi ces gens légers et superstitieux, et quand il lui vit jeter des flammes, il a assisté les perturbateurs qui avaient pris les armes contre nous, non seulement sous main, mais ouvertement, par des conseils, de l'argent et des hommes. Mais ses plus grands efforts furent auprès de la Porte Ottomanne, où les moyens les plus odieux furent épuisés pour l'entrainer à la guerre. Non content encore d'avoir réussi dans un point aussi important, il chercha les occasions de faire des chicanes et des outrages personnels à notre cour. A cela appartient la difficulté déplacée faite subitement par rapport au titre Impérial dans le corps des lettres du Roi à l'Impératrice, sans égard pour les exemples précédents, ainsi que la violence avec laquelle l'ambassadeur de France en Angleterre prit à celui de Russie la place qu'il occupait à un bal public à la cour.

L'Espagne, en suivant aveuglement les maximes de la cour de Versailles, suit aussi naturellement sa haine contre nous, mais par le peu de signifiance de cette cour dans les affaires générales ce n'est qu'un vain écho de la première. La Suède dans son état présent fait chorus avec la maison de Bourbon. Le Roi de Suède lui est redevable du pouvoir illégitime qu'il a usurpé sur sa patrie, et croit ne pouvoir l'affermir et l'assurer que par son alliance, ses subsides et sa protection.

Le Danemark au contraire se glorifie hautement de son alliance

avec Sa Majesté Impériale et y fait consister sa sûreté contre ses ennemis du dehors, et principalement contre le Roi de Suède qui par ses premiers essais de politique a mis à découvert devant le monde, que sa parole et sa promesse sont subordonnées à son ambition.

On ne saurait apprécier avec certitude, combien est étroite encore l'union de la cour de Vienne avec celle de Versailles. Assurèment celle-ci ne trouve pas de son goût la part que l'autre a prise dans le partage de la Pologne avec nous et le Roi de Prusse. Mais il peut facilement arriver que son ministre, faisant de nécessité vertu, ne touche point à cette corde-là, comme à une affaire déjà faite, afin de ne pas éloigner tout-à-fait d'elle le prince Kaunitz, et qu'il ne cherche qu'à faire revenir décidèment de son côté cet ambitieux ministre. Au reste le point capital de la politique de la cour de Vienne a pour objet le Roi de Prusse, et pour cela elle cherche par préférence à se faire des amis et des alliés dans l'intérieur de l'Empire Romain. Mais cet empressement la retient dans des bornes assez étroites pour toutes les autres affaires.

L'Angleterre n'a à présent d'alliance avec aucune autre puissance que le Portugal et la république de Hollande; et aussi le Roi de Sardaigne se tient très près d'elle, depuis que sa situation est devenue plus embarrassante que par le précédent par la réunion de la France avec la cour de Vienne, situation, dans laquelle se trouvent tous les états d'Italie, mais à différents degrés de liaison avec la Grande Bretagne. La politique propre de celle-ci est principalement dirigée contre la France et l'Espagne pour autant que ces deux puissances peuvent faire une figure considérable sur mer, et sinon, être sa rivale pour le commerce, du moins la gêner beaucoup, d'où on peut statuer que la cour de Londres en toute occasion, où seulement l'une ou l'autre des deux branches de la maison de Bourbon se montrera sur mer, aussitôt l'Angleterre la traversera avec un nombre supérieur de vaisseaux, et on ne tardera pas à en venir à des hostilités; au contraire, sur le continent, dans l'embarras où elle est par ses affaires de parlement, à peine se mèlera-t-elle de la moindre chose.

De ceci m-r le ministre plénipotentiaire se fera facilement un précis des degrés de l'influence de chaque cour dans les affaires, de leur connexion entre elles et avec la Russie, du système actuel et des alliances de celle-ci. On va passer maintenant à ce qui regarde sa mission.

Seconde partie. Vues de la cour dans l'envoi de m-r le ministre plénipotentiaire et les points dont elle lui confie et lui recommande l'exécution.

Dans le tableau politique ci-dessus il n'a point été fait état du corps Germanique, parce que tous les princes, divisés en autant d'intérêts par-

ticuliers que de têtes, s'attachent à telle ou telle partie qui pour un temps favorise ses intérêts, sauf à en changer selon les circonstances, et que si l'on en exempte quelques époques rares, il n'est presque jamais question de l'intérêt propre du corps Germanique considéré comme tel. Il en existe un cependant; c'est le maintien de la constitution qui fixe les droits des états et l'intérêt que chacun, surtout les plus faibles, ont que cette constitution soit la règle de la conduite des états plus puissants vis-à-vis d'eux.

Jusqu'à ce moment on ne s'est attaché du côté de la Russie, en tenant un ministre à Ratisbonne, qu'à la représentation et la dignité de l'Empire de Russie, sans en tirer aucun parti pour acquérir quelque influence réelle dans les affaires du corps Germanique. Il est cependant à considérer, dans quel état nous existons et avons toujours existé vis-à-vis de l'Empire Germanique. Aucun choc d'intérêt quelconque ne peut avoir lieu de nous à lui; nous n'avons vis-à-vis de lui aucunes prétentions, ni anciennes ni modernes, et les états intermédiaires, qui séparent nos possessions des siennes, ne laissent aucune prise à l'ambition et au désir de conquêtes d'une part, ni à la jalousie et la défiance de l'autre. Nous sommes donc dans la position la plus favorable à gagner la confiance des états; c'est ce qu'ils se sont toujours montrés enclins à nous accorder et que nous devons toujours chercher à cultiver. Aucune puissance même ne se trouve à leur égard dans une position aussi favorable. Il existe au milieu d'elles deux puissances qui partagent à peu près entre elles seules toute l'autorité et tous les suffrages dans l'Empire: c'est la cour de Vienne et le Roi de Prusse. Mais cela résulte plus d'un ancien partage de religion que d'une maxime politique. Ainsi en général le parti catholique tient à la cour de Vienne et le corps évangélique au Roi de Prusse; mais aussitôt que le motif de religion cesse, loin de se croire un appui solide dans l'un ou l'autre chef, on n'y trouve plus qu'un co-état, qui effraye par sa prépondérance. La dignité Impériale dans la maison d'Autriche et cette rivalité perpétuelle entre le chef et les membres de l'Empire empêchent, que le lien de la confiance ne resserre jamais les noeuds qui les unissent. L'état de puissance où est parvenue en peu de temps la maison de Brandebourg, les prétentions immenses de cette maison ne présentent non plus que des sujets d'inquiétude aux princes. La France et la Suède, aux efforts réunis desquelles l'Empire doit sa constitution, qui en sont garantes et qui en différents cas ont agi pour cette garantie, sont à la vérité des fantômes vers lesquels se tournent encore les yeux des états de l'Empire, mais aussi, combien de motifs les empêchent de recourir à ces appuis aussi souvent que le besoin l'exige. La Suède est presque nulle quant à la garantie. La diminution si sensible qu'elle a soufferte dans ses états en Allemagne et ses pertes

hors de l'Allemagne, l'état de faiblesse où elle est réduite depuis un demi-siècle, a presque anéanti sa voix dans l'Empire; d'ailleurs le titre qu'elle a acquis fut payé par des convenances qu'il fallut lui faire aux dépens d'autres états, qui ne pouvaient que s'en ressentir vivement et en conserver la mémoire. Avant donc qu'elle pût faire ou procurer quelque bien à l'Empire, il faudrait que l'Empire commençât à statuer que sa propre restitution dans un état plus avantageux en serait la récompense. La France est plutôt vis-à-vis de l'Empire un voisin à ménager ou à redouter qu'un arbitre, sur l'impartialité et le désintéressement duquel ou puisse compter. La position de ses états qui confrontent avec ceux de l'Empire, ces acquisitions de ce siècle et du précédent aux dépens de l'Empire, les prétentions qu'elle dérive de ces acquisitions et qu'elle réclama autrefois si hautement, tout éloigne le corps Germanique à placer sa confiance en elle, et si elle recourt à elle, ce n'est que l'impossibilité de faire autrement, à quoi il faut ajouter encore que ce recours est devenu impossible, ou au moins sera absolument sans effet, aussi longtemps que le nouveau système de l'union de la France avec l'Autriche subsistera. L'Angleterre a si peu d'attachement pour l'électorat d'Hannovre, qu'à peine s'aperçoit-on en Allemagne que c'est le chef d'une nation puissante et qui a tant à dire dans les affaires de l'Europe, qui en est le maître.

De cet état naissent les vrais principes de la conduite que m-r le ministre plénipotentiaire a à tenir vis-à-vis du corps Germanique; savoir, de cultiver en tout et partout ce penchant, que ce corps doit avoir à mettre sa confiance en la Russie; pour cet effet de témoigner la bonne volonté et l'affection de sa cour à tous ceux des princes qui l'entretiendront de leurs intérêts et droits personnels ou de leurs vues pour la perfection de l'état de l'Empire, et surtout à toutes les familles qui se trouvent alliées de la maison Impériale de Russie. On se fixe actuellement à lui faire une prescription de cette conduite générale; mais afin que l'on soit en état de le guider et de le munir d'instructions, tant sur l'effet qui pourra être donné par la suite à cette confiance qu'il va travailler à accroître dans le corps Germanique, que sur l'appui à donner aux intérêts particuliers de chacun des princes dont il pourrait s'agir, il est à propos que nous soyons instruits de l'état local des choses et des vues, des dispositions et des connexions de chacun des membres de l'Empire, soit au dedans, soit au dehors. A cet effet on attend et on requiert de sa sagacité et de son expérience consommée dans la politique en général, et en particulier—dans les affaires d'Allemagne, qu'il fera parvenir ici un tableau exact de l'intérieur actuel de l'Empire dans lequel il aura l'attention de spécifier: 1° quelles sont les affaires générales qui s'agitent actuellement dans l'Empire; 2° quelles sont les diffé-

rences des opinions et sur quels points; 3° quels sont les griefs, les appréhensions ou les espérances des membres du corps Germanique sur les différents points, qui intéressent la constitution et le maintien de chacun; 4° quels sont les états que la cour de Vienne s'attache et sur les secours desquels elle peut compter, quels sont ceux, auprès desquels elle est en pourparler ou en négociation pour des traités; 5° la même information par rapport au Roi de Prusse; 6° enfin ces deux puissances toujours rivales et dont le champ de bataille sur terre est toujours en Allemagne ou près de l'Allemagne, la France et l'Angleterre, quelles sont leurs alliances actuelles avec tel ou tel prince dans l'Allemagne, auprès de qui négocient-elles, l'une ou l'autre ou toutes les deux à la fois, et quel succès on entrevoit à ces négociations.

Pour parvenir à des informations exactes sur tous ces points, m-r le ministre plénipotentiaire s'attachera, selon la connaissance qu'il a de nos connexions politiques, à obtenir la confiance personnelle des ministres des cours avec lesquelles nous sommes ou alliées ou amies, et de leur montrer de la prédilection à proportion du degré d'intimité de cette alliance ou amitié. Mais comme cela peut se trouver encore insuffisant, il est non seulement remis à sa prudence et à sa sagacité d'entretenir des correspondances particulières là où il trouvera à-propos de le faire, mais encore il est laissé à sa discrétion de visiter telle ou telle cour à sa proximité, où il jugerait qu'il lui importerait d'être, soit pour voir par lui-même quelles en sont les dispositions, soit relativement à nos intérêts, pour y faire adroitement et sans paraître avoir aucune mission à cet effet telle insinuation utile à nos affaires, tendant à contrecarrer celles des puissances qui nous seraient contraires. A la suite de cette prescription générale, il se présente un seul fait sur lequel il est besoin de lui en donner une particulière.

Actuellement, ainsi qu'il est connu à m-r le ministre plénipotentiaire, nous sommes affranchis de tout lien direct avec l'Empire par l'échange du duché de Holstein contre les comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst et la cession de ceux-ci à la branche cadette de la maison de Holstein. Cette affaire vient d'être portée à l'Empereur et le sera à l'Empire pour en avoir la confirmation, et il se fera aussi une négociation pour que les deux comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst soient érigés en duchés et qu'il y soit placé un suffrage ou au moins transporté celui de Holstein. Le Danemark et le prince-évèque de Lubeck seront les premiers à solliciter cette affaire, mais m-r le ministre plénipotentiaire devra l'appuyer de ses bons offices et de son crédit comme ministre d'une cour qui y est directement intéressée. Au reste lorsqu'elle sera en état d'être portée à la Diéte, le ministre de Russie à Vienne, le prince Galitsyne, ne manquera pas de l'en prévenir et de le munir de toutes les informations,

*

qu'il lui importera d'avoir pour y prendre part selon que la cour l'y autorise ici. M-r le ministre plénipotentiaire observera qu'au moyen de cet échange, tout intérêt de possession cessant entre l'Empire de Russie et le corps Germanique, il sera d'autant plus facile de remontrer à celui-ci, quel ami et quel médiateur désintéressé et impartial il serait sûr de trouver en nous, toutes les fois qu'il nous appelerait à quelque participation à ses affaires.

Il ne reste plus qu'à ajouter ici quelques points proprement relatifs à son établissement intérieur de son poste.

1°.

Il y a actuellement à Ratisbonne le s-r Strube, qui depuis le changement de mission de m-r de Simoline, aujourd'hui ministre de l'Impératrice à Copenhague, y est chargé des affaires. C'est de lui que m-r le ministre plénipotentiaire recevra l'archive dont il dressera un inventaire qu'il enverra en cour.

2°.

Le dit s-r Strube et « » [1]) resterons auprès de lui et travaillerons dans sa chancellerie ainsi qu'il ont fait précédemment.

3°.

M-r le ministre plénipotentiaire prendra sous sa garde immédiate les chiffres et s'en servira pour les choses qui demandent du secret, tant avec la cour qu'avec le ministère et les ministres de l'Impératrice dans les différents cours de l'Europe.

4°.

Il entretiendra avec ceux-ci une correspondance suivie, autant que le besoin des affaires le demandra, en leur faisant part de tout ce qu'il jugera intéresser le service de Sa Majesté Impériale. Il leur a été recommandé d'en faire autant de leur côté vis-à-vis de lui, ainsi qu'il en sera informé par la traduction ci-jointe du rescrit circulaire qui leur a été adressé à cet effet.

5°.

L'Impératrice accorde à m-r le ministre plénipotentiaire 8,000 r. de gages annuels, dont la remise lui sera faite dans les termes usités du Collège des Affaires Etrangères. Elle lui fixe pareillement la somme de 400 r. pour les frais de la poste et elle lui accorde pour son équipage et son transport au lieu de sa résidence la somme de 5,000 r.

---

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

Au reste il n'est point douteux, qu'à proportion du zèle avec lequel m-r le ministre s'attachera dans l'étendue de son poste à procurer l'avancement et le bien du service de Sa Majesté Impériale, il n'ait droit de compter sur sa bienveillance et ses bonnes grâces, ce dont on a ordre de l'assurer.

Donné à St. Pétersbourg, le 30 Septembre 1774.

Par ordre spécial de Sa Majesté Impériale:

C-te N. Panine.

Pr. Alexandre Galitsyne.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ.

Сентябрь 1774 г.—объ отправленіи къ нему, по случаю его болѣзни, кн. Н. В. Репнина. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 443.

2580) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА КНЯЗЯ А. М. ГОЛИЦЫНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

На минувшей сюда пришедшей почтѣ я не имѣлъ чести получить писемъ в. с-ва.

Après vous avoir écrit la lettre du 26 de Septembre, il est venu à notre connaissance que m-r de Barko s'est adressé à m-r le feldmaréchal sous le sceau du profond secret, pour lui demander sa coopération dans l'intention, que sa cour a de s'approprier quelques districts de la Moldavie qui confinent à la Pokutie et à la Transilvanie. Il parait que l'appétit leur vient en mangeant et que plus ils acquièrent, plus ils ont d'envie d'acquérir. Peut-être que si la Porte garde le silence sur cette nouvelle acquisition, ils en voudront encore d'autres dans la Valachie, comme c'est arrivé en Pologne. Je suppose même que la cour de Vienne insiste si fortement sur la nouvelle démarcation en Pologne, pour mieux arrondir les possessions qu'elle veut avoir à présent en Moldavie. On prétend qu'elles renferment le plus beau pays de toute la principauté, où il se trouve des salines et même des mines d'or, et qu'un nombre des familles hongroises catholiques s'y sont établies pendant les troubles passés de la Hongrie. Comme la cour de Vienne veut faire mystère encore de son intention, je vous la fais savoir aussi dans le même sens et pour votre seule information. Au reste je ne puis finir la lettre sans faire cette réflexion, qu'elle n'a pas voulu que nous gardions ce que nous

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 26.

avions acquis par le droit des armes, pour s'en emparer après sans la moindre dépense. Où est donc cette équité tant vantée de la cour de votre résidence? Il parait même, que le jeune monarque ne met point de bornes à son aggrandissement, et que quand il sera maître de ses états, il pourra bien tailler de la besogne à ses voisins.

Приложенныя при семъ письма во Флоренцію и въ Регенсбургъ прошу вѣрно доставить и впрочемъ быть удостовѣрену, что я, какъ и всегда, непремѣнно пребуду и проч.

Изъ С.-Петербурга, 3 Октября 1774 г. (въ шифрахъ).

2581) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 6 Октября 1774 г.).

Съ истиннымъ удовольствіемъ познали мы, чрезъ послѣдняго вашего курьера отъ 15-го Сентября, что здоровье ваше начинало тогда оправляться. Мы желаемъ весьма, да и молимъ благость всемогущаго Промысла, чтобъ тѣлесныя ваши силы скоро возрастали и чтобъ сей рескриптъ засталъ уже васъ въ совершенномъ ихъ возстановленіи. А какъ генералъ кн. Репнинъ отправленъ былъ отсюда извѣстнымъ вамъ образомъ единственно въ облегченіе трудовъ вашихъ на то время, когда собственное ваше изнеможеніе не позволяло бы вамъ обременять себя тѣмъ попеченіемъ, коего нужда дѣлъ и польза службы въ настоящее время требуютъ и по обстоятельствамъ впредь еще требовать могли бъ, то теперь, въ надеждѣ, что здоровье ваше не возбраняетъ уже вамъ дать въ управленіи ихъ полное теченіе собственному вашему усердію, желаемъ мы, чтобъ оный генералъ обратно сюда отъ васъ присланъ былъ, если только не находите вы для себя особливой нужды въ дальнѣйшемъ его при васъ пребываніи [2]), и

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ гр. Румянцеву-Задунайскому 1768—1783 г.г.

[2]) Нижеслѣдующее въ отпускѣ рескрипта зачеркнуто: «ибо здѣсь надобенъ онъ, какъ для учиненія всѣхъ нужныхъ пріуготовленій къ назначенному его торжественному посольству въ Константинополь, такъ наипаче и для словесныхъ съ нимъ изъясненій о политическихъ дѣлахъ и интересахъ Россіи съ Портою Оттоманскою на будущія времена, коимъ коренная стезя во время его посольства тамъ положена быть долженствуетъ, потому что на сію важную часть нельзя будетъ способомъ инструкціи преподать ему къ руководству другого свѣта, кромѣ однихъ общественныхъ означеній. Тѣмъ не меньше повторяя однако жъ, что мы возвращеніе сюда ко двору нашему генерала князя Репнина не инако желаемъ, какъ въ такомъ только случаѣ, когда вы сами въ присутствіи его не будете имѣть особливой надобности»...

потому время его отъ васъ отъѣзда отдавая собственному вашему благоизволенію, пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 7 Октября 1774 года.

Екатерина.

2582) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 6 Октября 1774 г.).

По причинѣ случившагося въ нынѣшнемъ году худого урожая на хлѣбъ во многихъ провинціяхъ Имперіи, а притомъ и внутренняго въ нѣкоторой части оныхъ неустройства, посѣтившаго самые хлѣбороднѣйшіе уѣзды, находимъ мы за нужно изъ предосторожности, чтобъ безвременно не могла инако умножиться нужда въ хлѣбѣ, рекомендовать вамъ чрезъ сіе, дабы по совершенномъ въ концѣ сего года испражненіи турецкихъ теперь еще арміею предводительства вашего занимаемыхъ земель, не вдругъ вы всѣ корпусы оной отправили обратно въ отечество, но съ таковымъ одного по другомъ размѣромъ, который бы внутри государства чрезъ одновременное прибытіе полковъ въ свои квартиры не могъ произвесть чувствительной дороговизны, а, отъ чего Боже сохрани, и самаго недостатка въ пропитаніи; ибо теперь весьма еще мало заготовленныхъ магазиновъ. Для предупрежденія сей весьма предосудительной неудобности представляется намъ лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ, чтобъ, возвращая нѣкоторые корпуса въ Россію, и то мало по малу, да и разными дорогами, большую часть войскъ остановить на походѣ и расположить до времени, какъ въ обѣихъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ они въ случаѣ нужды и изъ земель республики Польской хлѣбъ взаимствовать могутъ, такъ и въ самыхъ Польскихъ, къ границамъ нашимъ ближайшихъ и къ пропитанію изобильнѣйшихъ мѣстахъ. Лучшее всего сего распоряженіе поручая извѣстному вашему искусству и патріотическому о службѣ раченію, будемъ мы только во свое время ожидать отъ васъ точнаго извѣстія, гдѣ и какъ распредѣлите вы войска на зимнія квартиры, и которымъ откуда получать свое пропитаніе; а между тѣмъ, на одну только вамъ спекуляцію хотимъ здѣсь примѣтить, что для содержанія второй арміи запасено было генераломъ княземъ Долгоруковымъ весьма знатное количество провіанта, который теперь въ

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ гр. Румянцеву-Задунайскому 1768—1783 г.г.

Крыму остался и весьма бы кстати послужилъ, еслибъ оттуда къ употребленію въ другихъ мѣстахъ взаимствованъ быть могъ, о чемъ вы, конечно, съ своей стороны не упустите возымѣть всего возможнаго вниманія. И пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 7 Октября 1774 года.

Екатерина.

2583) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ полномочнаго министра въ Митавѣ К. М. Симолина отъ 7/18 Октября 1774 г. послѣдній извѣщалъ графа Панина о томъ, что Курляндскіе земскіе чины, вопреки согласію герцога, выбрали делегатомъ къ Императрицѣ для принесенія ей поздравленій по случаю заключенія мира съ Турціей камергера Бера.

Отклоните нелѣпую сію присылку.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

8 Октября 1774 г.—о Крымскихъ дѣлахъ, о занятіи Австріей части Молдавіи, о болѣзни графа Румянцева и проч. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 158—159.

2584) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [2]).

Король Прусскій Фридрихъ II, въ письмѣ отъ 5 Октября 1774 г. къ графу Сольмсу, который это письмо сообщилъ гр. Панину, писалъ: «Vous serez surpris tout comme moi de la proposition singulière de la Porte, que renferme la dernière dépêche de mon ministre à Constantinople du 3 Septembre; je vous adresse ci-joint la copie de la note que la Porte m'a fait remettre. J'attendrai là-dessus la décision, que l'on jugera à-propos de prendre à la cour où vous êtes, mais vous aurez soin de communiquer cette pièce tout de suite au c-te de Panine et de le prier de ma part de m'instruire bientôt de la réponse que Sa Majesté l'Impératrice désire que je fasse parvenir à la Porte, et de me faire savoir en même temps, combien elle incline à faire intervenir l'Angleterre par rapport à la garantie. Pour moi, je me garderai bien de m'en mêler, à moins que ce ne soit de l'aveu exprès de mon alliée, l'Impératrice de Russie». Нота, о которой говорилось въ письмѣ короля, была вручена Прусскому посланнику при Портѣ Цегелину и содержала въ себѣ просьбу Порты смягчить нижеслѣдующія 5 статей мирнаго договора, которыя Турція считала слишкомъ для себя тяжелыми: 1-ую

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 1, и Курляндія, III, св. 12.

[2]) М. Г. А. Пруссія, IV, св. 1, и Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 4. См. ниже №№ 2585, 2592 и 2628.

статью—о независимости Крымскихъ татаръ, 2-ую—о судоходствѣ по Черному морю, 3-ю—объ освобожденіи на 2 года Молдавіи и острововъ Архипелага, занятыхъ русскими, отъ платежа повинностей Портѣ, 4-ую—объ уступкѣ Россіи Керчи, Еникале и Кинбурна, и 5-ую—объ уплатѣ Портою военной контрибуціи. По всѣмъ этимъ статьямъ Порта просила нѣкоторыхъ измѣненій въ мирномъ договорѣ, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что требованія Россіи на Бухарестскомъ конгрессѣ были значительно ниже.

Вы можете отвѣтствовать за вѣрно, что безъ новой войны нынѣшняго трактата ни единой строки не перемѣню, а лучше бы Портѣ оглянуться, что̀ у ней дѣлается въ сосѣдствѣ, нежели насъ ябедою отвратить отъ истиннаго съ ней согласія, которое я ненарушимо содержать намѣрена.

10 Октября 1774 г.

2585) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

(Около 10 Октября 1774 г.).

Графъ Никита Ивановичъ. Вчера пріѣхавъ домой поздно, отложила до сего дня отвѣтствовать на ваше письмо, изъ котораго усмотрѣла къ моему удовольствію, что сынъ мой здоровъ. На другой пунктъ вашего письма, о сдѣланномъ Портою откровеніи Прусскому министру, предоставляю себѣ съ вами переговорить завтра, слышать ваше мнѣніе и вамъ сказать, что я думаю. Сдѣланный вами отъ себя отвѣтъ графу Сольмсу весьма благоразуменъ и остороженъ и таковъ, каковъ въ толь важномъ дѣлѣ желать можно. Прощайте, желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Воскресеніе, въ три часа послѣ обѣда.

2586) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА КНЯЗЯ А. М. ГОЛИЦЫНА КЪ КНЯЗЮ И. С. БАРЯТИНСКОМУ ВЪ ПАРИЖЪ [2]).

Государь мой князь Иванъ Сергѣевичъ. Вашего с-ва письмо отъ 14 Сентября и при томъ копію съ отвѣта къ вамъ отъ графа Вержена получилъ я вчерашняго вечера исправно. Теперь я вамъ только сказать имѣю, что какъ объявили вы уже сему министру, что вы

---

[1]) Гос. Арх., разр. V, № 94. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Росс. 1863 г., кн. II,—«Письма и записки Имп. Екатерины къ гр. Н. Панину», стр. 149.

[2]) М. Г. А. Франція, III, св. 15.

тѣми же выгодами пользоваться желаете, какія имѣетъ здѣсь г. Дюранъ, то и держаться вамъ онаго надлежитъ, а мнѣ васъ съ моей стороны увѣдомить, въ чемъ состоятъ оныя. Г. Дюранъ, вслѣдствіе имяннаго указа 1772 года, на ряду съ прочими второго ранга министрами, не можетъ при первомъ его сюда пріѣздѣ выписывать для себя вещей безпошлинно болѣе, какъ на двѣ тысячи рублевъ. Слѣдовательно, и вамъ на равную только сумму требовать можно свободы отъ платежа пошлинъ, какъ вы о томъ сами графу Вержену уже объявили. Намѣреніе же наше предъ симъ было, чтобъ министры наши при иностранныхъ дворахъ такою же въ семъ случаѣ свободою пользовались, какая министрамъ другихъ державъ, у однихъ дворовъ вмѣстѣ съ ними резидующимъ, дозволена, и чтобъ въ разсужденіи ихъ персоны никакой предосудительной разницы не дѣлалось. Впрочемъ, хотя бы и вовсе свободы отъ платежа пошлинъ тамъ не было, лишь бы только наши министры безъ малѣйшей пестроты другими ихъ товарищами наравнѣ считались, ибо сіе равенство здѣсь въ разсужденіи всѣхъ находящихся при здѣшнемъ дворѣ иностранными министрами наблюдается. При окончаніи же сего письма получаю (прилагаю ?) я копію съ письма гр. Никиты Ивановича къ вамъ, написаннаго отъ 20 Декабря минувшаго года. Оное нахожу я достаточнымъ для руководства вашего и на которое не могу я иначе, какъ сослаться. Всегда пребуду и проч.

Изъ С.-Петербурга, 10 Октября 1774 г. (въ шифрахъ).

2587) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ХРИСТІАНУ VII, КОРОЛЮ ДАТСКОМУ [1]).

Monsieur mon frère. Rien ne saurait m'être un plus agréable témoignage de l'amitié sincère de Votre Majesté, que la part qu'elle veut bien prendre à ma paix avec la Porte. La lettre qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire à cette occasion, les expressions des sentiments de Votre Majesté que j'y trouve si vivement retracés et qui me sont si précieux de la part d'un allié, ne peuvent qu'augmenter ma satisfaction sur un événement aussi intéressant que celui qui assure la tranquillité de cet Empire, si intimement uni par sa position et ses intérêts aux états de

[1]) М. Г. А. Данія, I, св. 1.

Votre Majesté. Je la prie d'être assurée que mon empressement à lui marquer la réciprocité de mon amitié me fera saisir tous les instants, où je pourrai lui prouver par des preuves non équivoques la haute considération, avec laquelle je ne cesserai d'être, Monsieur mon frère,

de Votre Majesté

la bonne soeur et alliée

Catherine.

A St.-Pétersbourg, ce 13 Octobre 1774.

2588) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ РЕЗИДЕНТУ К. М. СИМОЛИНУ ВЪ МИТАВУ [1]).

13 Октября 1774 г.

Государь мой Карлъ Матвѣевичъ. Поведеніе Курляндскаго рыцарства и земства при избраніи делегата для принесенія Ея Императорскому Величеству поздравленія съ заключеннымъ миромъ въ персонѣ Саксонскаго камергера Бера, несмотря на герцогское въ томъ несогласіе, основывающееся на основательныя причины, явно доказываетъ умышленную склонность къ причиненію Его Свѣтлости возможной досады. Учиненныя при семъ случаѣ благоразумныя съ вашей стороны внушенія заслуживаютъ высочайшую Ея Императорскаго Величества апробацію, и вы, государь мой, не оставите въ случаѣ упорнаго отъ земства настоянія въ избраніи онаго Бера дать ему явственно выразумѣть всю непристойность подобнаго поступка, съ формальнымъ при томъ объявленіемъ, что тогда только делегація отъ нихъ принята будетъ, когда герцогъ на оную, равно какъ и на представляемую Его Свѣтлости къ тому персону, согласиться изволитъ. Не думаю я, чтобы г. Беръ, чрезъ посредство посторонней протекціи и минуя всего, покусился сюда пріѣхать въ качествѣ Курляндскаго делегата, не уважая герцогское несогласіе. Но на всякій случай можете вы его, черезъ кого вы заблагоразсудите, предувѣдомить велѣть о непріятныхъ слѣдствіяхъ такого безразсуднаго сюда пріѣзда. Отъ благоразумности и отъ ревности вашей въ точномъ исполненіи извѣстныхъ вамъ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества намѣреній ожидаю я, что вы употребите всевозможное стараніе о истребленіи или по крайней мѣрѣ объ отвращеніи въ вашемъ мѣстѣ, а тѣмъ больше отъ здѣшняго двора, подобныхъ непріятныхъ явленій, которыя намъ уже довольно наскучили. Я пребуду и проч.

---

[1]) М. Г. А. Курляндія, III, св. 12. См. выше № 2583.

2589) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕРЦОГУ КУРЛЯНДСКОМУ ПЕТРУ БИРОНУ [1]).

С.-Петербургъ, 13 Октября 1774 г. (Приложено къ копіи къ письму гр. Панина къ бар. Штакельбергу за № 14, отъ 11 Декабря 1774 г.).

Durch Ew. Hochfürstl. Durchl. gnädige Zuschrift vom 2-ten dieses und durch die aus Warschau an hochdieselben eingelangte Schreiben, bin ich von der gegenwärtigen Lage der bewussten Kettlerischen Forderungs Sache von 200,000 Rthl-r an den Sächsischen Hof benachrichtiget worden. Ew. Hochfürstl. Durchl. werden, wie ich zuversichtlich hoffe, von meinen auf hochdero persönliches Wohl und auf das Beste dero hochfürstl. Hauses allezeit abzielenden Bestrebungen sich gewiss zu versprechen geruhen, dass mir ein Vorfall nie gleichgültig sein könne, wo man hochdieselben um etwas rechtmässiges zu bringen suche. In eben dieser Betrachtung geschahe es auch schon A° 1768, dass bei denen damahligen gegenseitigen Renunciations zwischen Polen und Sachsen der Kettlerischen Forderung wegen, keine ausdrückliche Erwähnung gemacht worden, und es wäre zur Aufrechterhaltung derselben allerdings zuträglicher gewesen, selbige auch in der Folge mit Stillschweigen übergehen zu lassen. Die nachhero dem Fürsten Wolkonski, sowohl als auch dem Baron Stackelberg, in dieser Sache zugekommene Anweisungen haben eben diese Absicht zum Zweck gehabt, die auch gewiss durchgegangen wäre, wenn nicht die von Seiten Ew. Durchl. bei den Relations Gerichten angebrachte Bewegungen aufs neue alles rege gemacht und in Warschau die Veranlassung zu obigen Schreiben gegeben hätte. Zwar ergehet jetzt gleich an den Baron Stackelberg der Auftrag alles anzuwenden, um die ganze Sache nach wie vor liegen und den Sächsischen Hof glauben zu lassen, dass selbige in der allgemeinen Renunciation mitbegriffen seien. Gleichwohl aber muss ich Ew. Hochfürstl. Durchl. selbsteigenen tiefen Einsicht überlassen, inwiefern es nämlich hochdero gegenwärtigen persönlichen Verfassung mit dem Könige von Polen angemessen seie, der von S. Majestät verlangten förmlichen Renunciation auszuweichen, ohne denen anderweitigen Angelegenheiten dero hochfürstl. Hauses einigen Nachtheil zuzuziehen. Und, gesetzt Ew. Durchl. wären in dem Fall, unter zweien Übeln wählen zu müssen, so könnte ein grossmüthiges Nachgeben für jetzt, zur Beförderung einiger von der Republik noch nachzuholenden Verfügungen in hochdero Herzogthümern, vieles beitragen; hierunter gehört vorzüglich

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

die Instruction, die denen nach Mitau abzuschickenden Königl. Polnischen Commissariis von der Delegation auszufertigen ist, und worüber ebenfalls jetzt dem Baron Stackelberg die bündigste Anweisungen zukommen; die in gefolge dessen von selbigem einzusendende Auskunft wird mir zur Bewirkung des in Ew. Hochfürstl. Durchl. gnädigem Schreiben vom 20 August geaüsserten höchstbilligen Verlangens, damit nämlich hiesiger Seits eine betraute und unpartheyische Person gedachter Polnischen Commission in Betracht der dahin einschlagenden Liefländischen Grenz-und Zoll-Angelegenheiten zugeordnet werde, eine gegründete Veranlassung geben, von welcher ich, so wie von allen, was nur immer zu dero Zufriedenheit gereichen kann, dem dienlichsten und hochdero Interesse zuträglichsten Gebrauch zu machen befliessen sein werde. Ich beharre u. s. w.

2590) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ РЕЗИДЕНТУ К. М. СИМОЛИНУ ВЪ МИТАВУ [1]).

22 Октября 1774 г..

Государь мой Карлъ Матвѣевичъ. По отправленіи уже къ вамъ послѣдняго письма моего объ отвращеніи присылки сюда Саксонскаго камергера Бера, для принесенія Ея Императорскому Величеству со стороны Курляндскаго рыцарства и земства поздравленія съ заключеннымъ миромъ, дошла сюда депеша ваша отъ 7/18 сего мѣсяца, изъ которой усматривается упорство рыцарства и земства въ одностороннемъ отправленіи сюда делегата; и потому имѣю я вамъ, государю моему, въ дополненіе насланныхъ уже вамъ наставленій, нынѣ по точной волѣ Ея Императорскаго Величества объявить, чтобъ вы вовсе уже отклонили вознамѣряемое отъ рыцарства и земства сюда отправленіе делегата, ибо онъ, конечно, принятъ не будетъ. Съ крайнимъ неудовольствіемъ примѣчается здѣсь изъ каждаго отъ рыцарства къ герцогу представленія, что духъ безпокойства и персональнаго къ Его Свѣтлости недоброжелательства извѣстнаго камергера Бриггена, безпрерывно избираемаго ими на каждомъ сеймикѣ маршаломъ, руководствуетъ всѣми дѣлами. Не довольно того, что они не являютъ ни малѣйшаго повиновенія ко внушеніямъ законнаго своего герцога и что и не видно никакой податливости въ самыхъ маловажныхъ дѣлахъ, но и отличаются, напротивъ того, при каждомъ случаѣ, въ угодность своего любимца Бриггена, явнымъ упрямствомъ, оскорбляющимъ и самую уже благопристойность. Увѣрятся они тогда развѣ о развращенныхъ его поступкахъ, когда нанесенное чрезъ то всему корпусу дворянства зло уже поправить нельзя будетъ. Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду и проч.

[1]) М. Г. А. Курляндія, III, св. 12. См. № 2588.

2591) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

По поводу реляціи фельдмаршала графа П. А. Румянцева подъ № 27 отъ 10 Октября 1774 г. Въ этой реляціи гр. Румянцевъ доносилъ, что визирь согласился на обмѣнъ ратификацій до отправленія съ обѣихъ сторонъ посольствъ, но требовалъ взамѣнъ того уступки Тамани; на это Румянцевъ отвѣчалъ ему и Прусскому посланнику при Портѣ, что никакой уступки безъ нарушенія трактата сдѣлать нельзя. (См. Русскій Архивъ 1879 г., кн. 10, стр. 159—162).

Графъ Никита Ивановичъ. Если вы извѣстную ноту еще графу Сольмсу не отдали [2]), то напередъ весьма прошу сіе прочесть, прежде нежели вручите, ибо здѣсь еще есть новыя требованія, а отвѣтъ фельдмаршальскій столь твердъ и столь хорошъ, что его и держаться долженъ.

23 Октября 1774 г.

2592) НОТА ПРУССКОМУ ПОСЛАННИКУ ГРАФУ СОЛЬМСУ [3]).

(Апробована Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Октября 1774 г.; вручена графу Сольмсу 25 Октября. См. выше №№ 2584 и 2585 и ниже № 2628).

La Porte se plaint, que la paix n'a pas été conclue aux mêmes termes qui avaient été antérieurement en négociation, soit au congrès à Bucarest, soit entre le feld-maréchal comte Roumiantsof et le grand visir; de cela elle n'a à s'en prendre à nul autre qu'à elle même. Il n'est pas douteux, que plus elle a prolongé la guerre et l'a rendue onéreuse à la Russie, moins celle-ci s'est trouvée en état comme en disposition de se piquer pour elle de complaisance et de générosité. Mais avec cela, si elle veut de bonne foi n'écouter que ses vrais intérêts et non les insinuations sinistres qui l'avaient engagée dans la guerre et n'ont cessé depuis de l'exciter contre la Russie, elle ne saura regarder comme un poids pour elle une paix, qui n'apporte ni d'accroissement réel de puissance à la Russie, ni à elle de perte effective des possessions de sa monarchie, une paix, dont tout l'effet est d'écarter les causes prochaines de guerre entre les deux nations et d'établir pour elles des avantages communs,

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 2.

[2]) Подразумѣвается нота графу Сольмсу по поводу просьбы Порты смягчить нѣкоторыя статьи мирнаго договора, врученная 25 Октября 1774 г.; напеч. подъ № 2592.

[3]) М. Г. А. Пруссія, IV, св. 5.

qui leur fassent d'autant mieux sentir le prix de l'union et de l'amitié heureusement rétablie entre elles, mais qui n'a été que trop souvent et trop longtemps sacrifiée à des intérêts étrangers.

Les cinq articles, tels qu'ils sont énoncés dans l'extrait de la Porte, sont les mêmes que dans le traité.

Sur le 1-r. La Russie, qui s'est vue en état de conclure la paix plus tôt que la Porte ne s'y était attendue et qui ne pouvait plus se prêter à tous les délais et les discussions d'un congrès, a accordé la subsistance de l'intérêt religieux de la Porte. en stipulant que les tartares professant la religion mahométane reconnaîtront le Grand Seigneur comme chef de cette religion. Si elle n'a point spécifié tous les détails de l'exercice d'un pareil pouvoir religieux, tels que la prière dans les mosquées, la monnaie et autres, c'est qu'ils sont aussi inconnus qu'étrangers à elle et que c'est proprement aux tartares à en convenir et les permettre chez eux, pour autant qu'ils les trouveront fondés en règles de leur religion. Ce qui importe à Sa Majesté Impériale et ce qu'elle maintiendra fermement, c'est que l'absolue indépendance et entière liberté des tartares, tant civile que politique, ne soit ni compromise, ni lèsée ou troublée à l'occasion de ces pratiques de religion. Ce point fidèlement observé, le reste ne la touche point.

Sur le 2-me article. Le commerce est un avantage réciproque demandé par la Russie dès le principe de toute négociation; il n'y a eu que de l'équité à lui assurer toute la liberté et l'étendue, dont il est susceptible, et la Russie a assez témoigné, combien son intention, en établissant ce lien naturel entre les deux nations, est pure et loin de toute vue dangereuse.

Sur le 3-me article. Toutes les fois qu'il a été question entre les ministres respectifs au congrès de la restitution des îles, ainsi que de la Valachie et de la Moldavie, il a toujours été dit de la part de celui de Russie que cette restitution se ferait sous certaines conditions, et même on faisait entendre que ces conditions tendraient au soulagement des habitants. L'humanité en faisait une loi à la puissance qui les rendait, puisque ces pays ont été continuellement le théatre de la guerre et se sont épuisés pour subvenir, tant aux armées de leur propre souverain, que de la puissance qui les a conquises, et celle-ci, en renonçant au droit de conquête, a sans doute eu celui d'y mettre quelque condition, ce qui n'est nullement contre le droit ou l'usage des souverains.

Sur le 4-me. Kinbourn ne sert qu'à assurer le débouché d'un grand fleuve, le Dnieper, et par là à donner plus d'étendue et d'avantages au commerce que les deux nations vont faire entre elles. Si Sa Majesté Impériale avait pu leur épargner deux années de guerre, même une seule,

un avantage aurait compensé l'autre et elle aurait pu se désister de celui-ci. Mais puisque les maux de la guerre n'ont pu être empêchés, pourquoi se priver encore d'un des moyens de les réparer, et c'est ce qu'offre cet article.

Sur le 5-me. Puisque la Porte par son éloignement de la paix a fait plus fortement porter à la Russie le poids de sa guerre, il est juste que celle-ci en soit dédommagée. Il lui est bien permis de mettre des bornes à sa générosité, qui d'ailleurs ne pouvait s'entendre que des campagnes pour lors déjà faites, et non de cette année, qu'on l'a encore forcée de faire.

Ce qu'on vient d'avoir l'honneur d'exposer contient les vrais sentiments de Sa Majesté Impériale. Elle remet au Roi son allié et le prie, mais en son nom, comme en celui d'une puissance tierce et désintéressée à la chose, d'en faire tel usage qu'il trouvera bon à la Porte. Elle attend même de son amitié, qu'il ne se refusera point à aider à convaincre cette puissance, que l'Impératrice ne saurait rien admettre qui puisse lèser ou troubler l'indépendance absolue et la liberté entière des tartares, tant politique que civile; bien entendu qu'elle ne se formalisera point de ces détails d'autorité religieuse de la Porte sur ces peuples, qui laisseront l'un et l'autre point dans son intégrité, de même qu'elle ne saurait limiter l'article du commerce, se désister de l'adoucissement stipulé en faveur des pays et habitants rendus à la Porte, renoncer à la possession de Kinbourn, ni rien céder de la somme stipulée pour son dédommagement; en un mot qu'elle ne souffrira point, qu'il soit fait la moindre altération au traité de paix et sur quelque point que ce puisse être. Mais en même temps Sa Majesté Prussienne obligera sensiblement l'Impératrice, si elle veut bien s'ouvrir à la Porte, comme d'une chose dont elle a elle même la plus parfaite conviction, que Sa Majesté Impériale n'a rien de plus à coeur que de mantenir en paix et dans l'union la plus étroite les deux Empires; que la Porte n'éprouvera jamais de sa part que des effets de la plus sincère réconciliation, même d'affection et de bienveillance marquées; qu'elle peut se compter les mains parfaitement libres du côté de la Russie et pourvoir à sa défense là et de là façon qu'il lui importera, sans détourner ses regards vers elle.

Sa Majesté Prussienne sait, avec combien de délicatesse l'Impératrice a dû se conduire relativement à toute participation de l'Angleterre à sa paix, afin de ne point voir la France remuer ciel et terre pour y entrer. Les mêmes motifs subsistent dans toute leur force par rapport à la garantie, dont la proposition faite après coup et sans aucun concert préalable des parties a peut-être des vues qui ne se montrent pas au premier coup d'oeil. L'Impératrice est très sensible à la façon, dont le Roi lui-même en a jugé et s'en est expliqué. Dans l'union si intime et l'amitié parfaite qui subsistent entre Leurs Majestés, ce n'est pas d'occasions ou de prétextes étrangers qu'elles datent pour en resserrer les liens.

2593) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Состоявшій въ турецкую войну въ 1-й арміи подполковникъ Иванъ Христофовичъ Вильдъ въ виду слабости здоровья просилъ о перименованіи его статскимъ чиномъ и объ опредѣленіи къ иностраннымъ дѣламъ.

Опредѣлить по его желанію.

25 Октября 1774 г.

2594) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

При реляціи резидента въ Венеціи маркиза Маруцци отъ 27 Октября (7 Ноября) 1774 г. представленъ былъ имъ проектъ заведенія торговли въ Черномъ морѣ, предложенный ему лицомъ, проживающимъ въ Константинополѣ и знакомымъ съ положеніемъ Черноморской торговли. Проектъ заключался въ слѣдующемъ: Россіи предлагалось направить свою хлѣбную торговлю на Константинополь, откуда можно будетъ перевозить въ Западную Европу болѣе милліона турецкихъ кило ежегодно; предлагавшій это предпріятіе брался перевозить хлѣбъ на 30 русскихъ торговыхъ судахъ, требуя взамѣнъ того, чтобы ему уступлена была половина дохода и чтобы русское консульство въ Архипелагѣ учредило складочное мѣсто для товара на о-вѣ Паросѣ; онъ обязывался вмѣстѣ съ тѣмъ платить 6% ежегодно русскому правительству съ своего дохода. Для выполненія своего проекта онъ требовалъ учрежденія агентовъ по скупкѣ хлѣба въ Азовѣ, Керчи и другихъ портахъ Чернаго моря.

Refusez comme de raison.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ.

7 Ноября 1774 г.—о назначеніи воинской команды къ отправляемому въ Константинополь торжественному посольству. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 160—161.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

7 Ноября 1774 г.—о назначеніи князя Н. В. Репнина чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 159—160.

Къ указу [3]) приложены: реэстръ посольской свиты и примѣрное положеніе разныхъ суммъ на посольство. Въ концѣ реэстра свиты, послѣ списка военной команды, написано: «Сія команда вся можетъ снаряжена и вновь обмундирована быть при арміи. При посольствѣ гр. Румянцева подобной командѣ было выдано полуторное жалованье, а нынѣ, въ разсужденіи понесенной войсками, изъ которыхъ настоящая

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной Экспедиціи, № 357.
[2]) М. Г. А. Доклады, св. 5, и Венеція, III, св. 3.
[3]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., № 58.

составится, долголѣтней войны, предаются они монаршей щедротѣ». На это послѣдовала слѣдующая собственноручная резолюція Императрицы:

Двугодовое жалованье выдать и вновь обмундировать не въ срокъ, а въ срокъ тоже учинить.

Въ примѣрномъ положеніи разныхъ суммъ на посольство на поляхъ рукою Императрицы отмѣчено, изъ какихъ учрежденій должны быть выданы посольству тотъ или другой предметъ или сумма:

Противъ словъ: «Карета парадная съ цугомъ лошадей и шоръ—7000 руб. Двѣ другія кареты съ такою же упряжкой, каждая по 5000 р.—10000 р. Двѣнадцать верховыхъ лошадей съ парадными приборомъ, по примѣру посла Румянцева, каждая въ 700 р.—8400 р.»—отмѣчено Императрицею: *Изъ конюшни.* Таже помѣта находится противъ словъ: «Сверхъ сего, по примѣру посла Румянцева, надлежитъ имѣть ставку палатокъ и иноходцевъ съ приборами въ подарокъ отъ конюшни, слѣдовательно и подъ нихъ повозки, кои здѣсь не положены».

Противъ словъ: «Сервизъ серебряный, дессертъ, поваренную посуду, фарфоръ, стеклянную посуду, погребъ, также особливыя повозки подъ подарки—отъ двора»—отмѣчено Императрицею: *Отъ оберъ-маршала.*

Противъ словъ: «Нѣсколько мягкой рухляди и другихъ вещей въ подарки отъ посла по дорогѣ по примѣру посла Румянцева»—отмѣчено Императрицею: *Изъ камеръ-цалмейстерской.*

Кромѣ того, въ росписи различныхъ предметовъ Императрицею зачеркнуты слова: «Птицы, соколы и кречеты съ ихъ птичниками—отъ егермейстерской канцеляріи».

2595) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

(Послѣ 7 Ноября 1774 г.).

Графъ Никита Ивановичъ. Отправляя князя Репнина въ армію и оттуда посломъ чрезвычайнымъ въ Царьградъ, отнюдь однако не имѣю я намѣреніе его тамъ долго оставить; и для того весьма хорошо ему, какъ скоро возможно только, придать того человѣка, которому остаться въ Царѣградѣ послѣ него въ приличномъ качествѣ. А какъ мнѣ весьма нравится Стахіева образъ мыслей и письма, и для того отзовите его изъ Швеціи и велите ему ѣхать сюда, а отсель немѣшкотно его отправимъ вслѣдъ за Репнинымъ, дабы при немъ наглядѣлся теперешнему положенію дѣлъ. Пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

---

[1]) Гос. Арх., разр. V, № 94. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Росс. 1863 г., кн. II—«Письма и записки Имп. Екатерины къ гр. Н. И. Панину», стр. 116.

2596) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1].

Для взаимнаго съ республикою Польскою разведенія границъ нашихъ съ стороны обѣихъ новоприобрѣтенныхъ Бѣлорусскихъ губерній, вслѣдствіе заключеннаго нами въ Варшавѣ прошлаго 1773 года въ 7/18 день Сентября мѣсяца новаго трактата, и въ разсужденіи того, что Польскіе отъ настоящаго сейма назначенные комиссары дѣйствительно уже прибыли въ городъ Минскъ для произведенія сего, на мѣрѣ постановленнаго, общеполезнаго дѣла, симъ опредѣляемъ и назначиваемъ мы съ нашей стороны къ такому полюбовному разводу, на основаніи вышеупомянутаго трактата, полномочными комиссарами: нашего въ Псковской губерніи должность губернатора правящаго ген.-маіора Михаила Кречетникова, да находящагося въ Могилевской губерніи губернскаго совѣтника и полковника Василія Каховскаго, повелѣвая нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ снабдить ихъ какъ достаточными наставленіями, такъ и нужною полною мочью за подписаніемъ нашего министерства, примѣняясь къ тому, что Польскіе комиссары имѣютъ свою полную мочь за подписаніемъ президента и маршаловъ сейма и его делегаціи.

На исправленіе себя потребнымъ экипажемъ и на путевыя издержки жалуемъ мы ген.-маіору Кречетникову 3000 р., а полковнику Каховскому 2000 р., да сверхъ того столовыхъ денегъ помѣсячно: первому—250, а второму—200 р., доколѣ ихъ комиссія продолжаться будетъ.

Коллегія можетъ ген.-маіору Кречетникову по соизволенію нашему предписать, чтобъ онъ какъ всѣ сіи деньги, и себѣ, и полк. Каховскому, взялъ изъ наличныхъ въ его губерніи доходовъ, такъ и нужныхъ канцелярскихъ служителей употребилъ при комиссіи изъ своихъ же подчиненныхъ, взаимствуя таковыхъ же и отъ Могилевскаго губернатора, еслибъ однихъ Псковскихъ не довольно было, съ произвожденіемъ имъ чрезъ все время комиссіи двойного по окладамъ ихъ жалованья, вмѣсто прогоновъ и другихъ путевыхъ издержекъ, изъ тѣхъ мѣстъ, откуда они окладное свое получаютъ, а въ случаѣ недостатка тамъ денегъ — изъ наличныхъ же губернскихъ доходовъ.

Равномѣрно повелѣваемъ мы, чтобъ ген.-маіоръ Кречетниковъ взялъ съ собою изъ оныхъ доходовъ 25000 р., а именно—2000 р. на чрезвычайные по комиссіи расходы, а остальные для учиненія Польскимъ комиссарамъ именемъ нашимъ единовременнаго подарка по окончаніи возложеннаго на нихъ дѣла, въ удовлетвореніе того, что

[1] М. Г. А. Именные указы 1768—1777 гг., № 56.

они отъ скарба республики получили весьма небольшую подмогу, да и то чрезъ исходатайствованіе денегъ одного банкира министромъ нашимъ бар. Штакельбергомъ, на собственный его кредитъ, размѣряя однако жъ дачу денегъ частно каждому комиссару по его во время комиссіи поведенію, и отличая тутъ преимущественно двухъ главныхъ: воеводу Калишскаго Твардовскаго, да Литовскаго надворнаго маршала графа Гуровскаго, какъ людей состоянія знатнаго, да и впрочемъ извѣданной уже къ интересамъ нашимъ благонамѣренности.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, 7 Ноября 1774 года.

(Къ указу приложено примѣрное положеніе назначеннымъ къ разграниченію съ Польшею комиссарамъ).

2597) ИНСТРУКЦІЯ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ М. Н. КРЕЧЕТНИКОВУ И ПОЛКОВНИКУ В. В. КАХОВСКОМУ [1]).

Быть по сему.

(Апробована 7 Ноября 1774 г.).

Инструкція по именному Ея Императорскаго Величества указу господину генералъ-маіору, правящему въ Псковской губерніи должность губернатора, и кавалеру Кречетникову, да господину полковнику и Могилевскому губернскому совѣтнику Каховскому.

Какъ уже республика Польская дѣйствительно согласилась на вѣчную Имперіи Россійской уступку обѣихъ Бѣлорусскихъ губерній, а вслѣдствіе того заключенъ въ Варшавѣ 7/18 Сентября прошлаго 1773 года трактатъ, уничтожающій на будущія времена для обѣихъ сторонъ всѣ прежніе о земляхъ споры и претензіи, то и остается теперь въ окончательное онаго трактата исполненіе единственно приступить къ предписанному въ немъ разведенію и опредѣленію новой взаимной границы чрезъ нарочныхъ комиссаровъ.

Ея Императорское Величество, будучи довольно извѣстна какъ объ усердіи къ службѣ ея, такъ и о способности къ сему дѣлу г-на генералъ-маіора Кречетникова и г-на полковника Каховскаго, изволила Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ повелѣть отправить ихъ обоихъ вмѣстѣ въ качествѣ полномочныхъ комиссаровъ здѣшняго двора

---

[1]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 гг., № 57. Ср. Сборникъ, т. XIII, стр. 241—248—черновые наброски наказа и предположеній Имп. Екатерины II объ управленіи присоединенными отъ Польши областями (отнесены къ Маю 1772 г.).

для общаго съ Польскими полномочными же комиссарами разграниченія обѣихъ Бѣлорусскихъ губерній, и въ семъ качествѣ снабдить ихъ не только нужными наставленіями, но и пристойною отъ министерства полною мочью, примѣняясь къ тому, что Польскіе комиссары имѣютъ свою полную мочь за подписаніемъ президента и маршаловъ настоящаго республики сейма и делегаціи, опредѣленной отъ онаго къ трактованію съ иностранными державами о уступкѣ имъ нѣкоторыхъ провинцій Польскихъ и о другихъ публичныхъ дѣлахъ. Вслѣдствіе того, министерство считаетъ за нужно прежде всего сообщить имъ, господамъ генералъ-маіору и полковнику, для лучшаго ихъ просвѣщенія о истинномъ состояніи возложеннаго на нихъ дѣла во всемъ его съ начала до конца теченіи: 1) самый въ Варшавѣ 7/18 Сентября 1773 года заключенный трактатъ, потому что оный единожды навсегда признаетъ и утверждаетъ право собственности и владѣнія Ея Императорскаго Величества надъ присоединенными къ Россіи новыми губерніями; 2) предшествовавшую сему трактату здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ 25 Іюля прошлаго 1772 г. заключенную конвенцію съ Его Величествомъ королемъ Прусскимъ, для того, что на оную есть ссылка въ инструкціи, данной Польскимъ комиссарамъ; 3) сію самую инструкцію, дабы здѣшніе господа комиссары, зная силу и содержаніе ея, тѣмъ удобнѣе и надежнѣе въ разсужденіи Польскихъ отзывы и поступки свои располагать могли; 4) нѣкоторыя другія бумаги, могущія отчасти служить къ изъясненію подробностей.

По донесеніямъ пребывающаго въ Варшавѣ министра Ея Императорскаго Величества барона Штакельберга извѣстно уже, что Польскіе комиссары, между которыми изъ сената главные—воевода Калишскій Твардовскій и Литовскій надворный маршалъ графъ Гуровскій, оба испытанной благонамѣренности къ интересамъ Ея Императорскаго Величества, съ нѣкотораго времени находятся въ городѣ Минскѣ и тамъ ожидаютъ увѣдомленія какъ о назначеніи здѣшнихъ комиссаровъ, такъ и о дѣйствительномъ ихъ къ границѣ приближеніи, дабы затѣмъ между собою пристойнымъ образомъ согласиться о точномъ времени и мѣстѣ къ взаимному съѣзду, для начатія отъ одного пункта предлежащаго обѣимъ сторонамъ разграниченія. Хотя вслѣдствіе сего и не оставитъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ съ своей стороны заблаговременно увѣдомить полномочнаго въ Варшавѣ министра барона Штакельберга о дѣйствительномъ назначеніи здѣшнихъ комиссаровъ, для извѣщенія о томъ министерства Польскаго, однако же, для выиграніе времени, и сверхъ того еще симъ поручается господамъ генералъ-маіору и полковнику безпосредственно отъ себя отозваться какъ въ Варшаву къ помянутому министру, такъ и въ Минскъ къ Польскимъ комиссарамъ, о времени дѣйствительнаго ихъ отъѣзда

къ границѣ и о мѣстѣ, куда они по общему между собою согласію на первый часъ прибыть имѣютъ, отворяя себѣ такимъ образомъ путь къ кратчайшему съ Польскими комиссарами сношенію, слѣдовательно же и къ нужному съ ними условію, гдѣ и когда обѣимъ комиссіямъ съѣхаться и отъ котораго пункта начать имъ разграниченіе.

Здѣсь нужно примѣтить для руководства господъ комиссаровъ, въ разсужденіи первыхъ церемоніальныхъ обрядовъ, что въ публичныхъ трактованіяхъ и дѣлахъ всѣми націями принято за общее и непремѣнное правило наблюдать взаимно совершенное равенство, почему и имъ не должно будетъ входить въ требованіе или присвоеніе себѣ предъ Польскими какого-либо преимущества или же отличностей, а еще менѣе имъ въ таковыхъ попыткахъ уступать. Вступленіе въ прямое дѣло начинается обыкновенно взаимными визитами, которые начинаетъ дѣлать послѣдне прибывшій, но въ такомъ случаѣ оставляетъ уже онъ на мѣстѣ находящагося безъ всякаго о пріѣздѣ своемъ обвѣщенія, а инако, учиня отъ себя оному чрезъ секретаря формальное обвѣщеніе, ожидаетъ уже послѣдне прибывшій отъ него и первой визиты, которую однако жъ немедленно возвращаетъ. При самыхъ первыхъ свиданіяхъ надобно будетъ согласиться объ общихъ между собою собраніяхъ, которыя для изъятія всякихъ споровъ могутъ быть въ третьемъ мѣстѣ или же попеременно у обѣихъ сторонъ. Взаимная легитимація полномочныхъ дѣлается обыкновенно чрезъ обмѣнъ на обѣ стороны имѣющихся у каждой полныхъ мочей, по предварительному другъ другу сообщеніи копій съ оныхъ для освидѣтельствованія, не заключаютъ-ли въ себѣ чего невмѣстнаго или же инако предосудительнаго. На общихъ конференціяхъ держится отъ обѣихъ сторонъ чрезъ секретарей протоколъ, который въ сходствѣ опредѣленій взаимно повѣряется. Всѣ сіи обряды описаны здѣсь единственно въ запасъ на такой случай, когда бы Польскіе комиссары стали съ своей стороны дѣлать въ чемъ ни есть излишнія требованія или же затрудненія. Что впрочемъ принадлежитъ до положенія окончательныхъ актовъ разграниченія по объѣздѣ всей границы, въ оныхъ надобно будетъ непремѣнно наблюдать какъ совершенное на обѣ стороны согласованіе всѣхъ частей и всѣхъ подробностей, такъ и взаимное равенство титулатуры государей, такимъ образомъ, чтобъ въ нашемъ актѣ вездѣ о Ея Императорскомъ Величествѣ прежде Его Величества короля Польскаго упоминаемо было, оставляя Полякамъ на волю дѣлать то же самое въ разсужденіи короля въ ихъ собственномъ актѣ. Оные акты долженствуютъ симъ же самымъ порядкомъ и подписаны быть отъ взаимныхъ комиссаровъ, какъ о томъ ниже въ своемъ мѣстѣ обстоятельнѣе сказано будетъ.

По существу новыхъ здѣшнихъ границъ нельзя отнюдь ожидать, чтобъ при разведеніи ихъ могли встрѣтиться какія-либо затрудненія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣки Двина и Днѣпръ полагаютъ живую межу напротивъ чего могутъ иногда зайтить, да и то небольшіе, споры отъ пункта частной границы между воеводствъ Витебскаго и Полоцкаго до пункта вершины рѣки Дрюеца, гдѣ съ нашей стороны на всемъ пространствѣ до мѣстечка Толочина проведена прямая линія, вмѣсто того что ей, по точнымъ словамъ Санктъ-Петербургской конвенціи и Варшавскаго трактата, надлежало взять начало свое не отъ пункта частной границы между воеводствъ Витебскаго и Полоцкаго, откуда бы слѣдовать должно внизъ по сей частной границѣ до пункта, гдѣ соединяются такія же частныя границы воеводствъ Полоцкаго, Витебскаго и Минскаго, а отъ сего послѣдняго пункта, и то не до вышеупомянутаго мѣстечка Толочина, но до другого ниже лежащаго, называемаго Ордва. Таковое съ здѣшней стороны продленіе прямой линіи отъ рѣки Двины до вершины рѣки Дрюеца, вопреки начертанію трактата и конвенціи, не имѣетъ, конечно, источника своего въ корыстолюбіи, а взаимствовано единственно изъ локальной и на обѣ стороны, конечно, равной для переду удобности. Мѣстное Польскихъ комиссаровъ обозрѣніе сего нашего преложенія границы, если они его и усмотрятъ еще, покажетъ имъ въ существованіи своемъ, что здѣшній дворъ отнюдь не имѣлъ онымъ въ виду присвоить себѣ что-либо излишнее, ибо если вдоль частной границы воеводствъ Витебскаго и Полоцкаго нѣкоторые малые куски земли отошли по разнымъ мѣстамъ, чрезъ протяженіе тутъ прямой линіи, въ Россійскую сторону, то, конечно, въ другихъ уступлено онаго въ Польское владѣніе столько же, буде еще и не больше такой земли, которая бы по древней межѣ намъ принадлежать имѣла. Сими убѣжденіями и другими на мѣстѣ по состоянію людей и ихъ нравовъ подающимися способами надобно будетъ господамъ генералъ-маіору и полковнику тщательнѣйше стараться превозмочь всякое со стороны Польскихъ комиссаровъ въ семъ случаѣ оказываемое затрудненіе, а наипаче всего недреманнымъ окомъ престерегать, дабы они не отослали онаго на рѣшеніе самаго сейма, ибо тѣмъ, хотя и безъ всякой для республики пользы, изъ одного упрямства навлекли бы они намъ въ Варшавѣ новыя непріятныя хлопоты, въ каковыхъ тамъ дѣйствительно находятся дворы Вѣнскій и Берлинскій, но не для мелкихъ и ничего незначущихъ кусковъ пустой земли, а для цѣлыхъ округовъ, жителями и плодородіемъ изобильныхъ.

Еслибы изъ числа мелкихъ Польскихъ комиссаровъ одинъ или двое стали упорно вязаться и приводить несогласіемъ своимъ прочихъ въ развращеніе, въ такомъ случаѣ, по истощеніи всѣхъ другихъ средствъ,

дозволяетъ Ея Императорское Величество господамъ генералъ-маіору и полковнику употребить для преломленія ихъ упрямства и нѣкоторую умѣренную денежную дачу изъ повѣренной имъ на чрезвычайные расходы суммы. Всякая однако жъ полагается здѣсь надежда на испытанное доброжелательство обоихъ главныхъ Польскихъ комиссаровъ, что они нижнихъ своихъ товарищей не допустятъ до излишняго шума и до остановки разграниченія, которое для порубежныхъ жителей обѣихъ сторонъ равно нужно. Но ежели бъ сверхъ всякаго чаянія случились однако жъ какія-либо на мѣстѣ самими комиссарами неразрѣшимыя трудности или несогласія, объ оныхъ не оставятъ господа генералъ-маіоръ и полковникъ безъ потерянія времени извѣщать министерство Ея Императорскаго Величества, отъ котораго по высочайшей Ея Величества волѣ и будутъ уже снабдѣваемы новыми дополнительными наставленіями.

Для исправленія при будущей комиссіи дѣлъ, позволяется г-ну генералъ-маіору отъ Ея Императорскаго Величества взять нужныхъ людей изъ своей губерніи, а въ недостаткѣ тутъ оныхъ—взаимствовать и отъ Могилевскаго губернатора, которому о семъ повелѣніе дано чрезъ Бѣлорусскаго г-на генералъ-губернатора [1]). Всѣмъ при комиссіи будущимъ необходимо нужнымъ чинамъ жалуетъ Ея Императорское Величество на путевыя издержки двойное по окладамъ ихъ жалованье на все то время, доколѣ они при комиссіи находиться будутъ, изъ тѣхъ мѣстъ, откуда окладное свое нынѣ получаютъ, а въ недостаткѣ тамъ денегъ—изъ доходовъ Псковской губерніи.

По совершеніи объѣзда вдоль всей границы и по учиненіи оной обстоятельной, да и съ описью Польскихъ комиссаровъ повѣренной описи, послѣднее дѣло будетъ, къ благополучному окончанію всей комиссіи, написать окончательные акты разграниченія, употребляя для онаго съ нашей стороны языкъ россійскій, а Полякамъ не возбраняя употребить собственный свой или какой они сами захотятъ. По написаніи сихъ актовъ въ одинаковой формѣ и въ совершенномъ сходствѣ описанія границъ, имѣютъ оба экземпляра оныхъ отъ взаимныхъ комиссаровъ повѣрены, своеручно подписаны и печатьми ихъ гербовъ утверждены быть. При семъ подписаніи беретъ каждая сторона въ собственномъ своемъ инструментѣ первенство.

Въ продолженіе комиссіи не оставятъ г-да генералъ-маіоръ и полковникъ увѣдомлять отъ времени до времени министерство о успѣхахъ оной, также и о поведеніи по дѣламъ Польскихъ комиссаровъ, дабы по симъ ихъ увѣдомленіямъ послѣ назначенное тѣмъ комиссарамъ награжденіе по заслугамъ каждаго съ надлежащею осмо-

---

[1]) Графа З. Г. Чернышева.

трительностью распредѣлено быть могло, дабы инако казенныхъ денегъ тщетно не употребить. Между тѣмъ же именно поручается г-дамъ генералъ-маіору и полковнику всѣхъ Польскихъ комиссаровъ, а особливо главныхъ между ними, воеводу Калишскаго Твардовскаго и маршала надворнаго Гуровскаго, при самомъ первомъ съ ними свиданіи обнадежить высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію, внушая притомъ послѣднимъ отъ собственнаго ея высочайшаго имени, что Ея Величество, довольно испытавъ въ толь многихъ случаяхъ истинное ихъ усердіе къ интересамъ дѣлъ ея, также и патріотическія мысли объ истинномъ благѣ самой республики, отнюдь не изволитъ сомнѣваться, что они и въ настоящемъ случаѣ разграниченія оправдаютъ прежнюю свою благонамѣренность и тѣмъ заслужатъ себѣ отличное ея вниманіе и благоволеніе, коихъ конечно и дѣйствительные знаки вскорѣ ощутятъ.

На исправленіе себя къ комиссіи потребнымъ экипажемъ и на путевыя издержки всемилостивѣйше жалуетъ Ея Императорское Величество изъ доходовъ Псковской губерніи г-ну генералъ-маіору 3000 рублевъ, а г-ну полковнику—2000 рублевъ, да сверхъ того столовыхъ денегъ помѣсячно, первому—250, а второму—200 рублевъ, доколѣ комиссія ихъ продолжаться будетъ.

Сверхъ того, имѣетъ г. генералъ-маіоръ изъ доходовъ Псковской губерніи взять съ собою къ комиссіи 25000 рублевъ, а именно 2000 рублевъ на чрезвычайные по оной расходы, кои съ бережливостію и обыкновенною запискою въ расходъ употребляемы быть долженствуютъ, а остальные для учиненія Польскимъ комиссарамъ собственнымъ Ея Императорскаго Величества высочайшимъ именемъ единовременнаго подарка, по окончаніи возложеннаго на нихъ дѣла, въ удовлетвореніе того, что они отъ скарба республики получили весьма небольшую подмогу. Если же Польскіе комиссары въ теченіе еще комиссіи будутъ, по извѣстному ихъ лакомству, требовать у г-дъ генералъ-маіора и полковника денежной помочи, подъ предлогомъ, что имъ инако нечѣмъ жить и объѣхать границы, въ такомъ случаѣ надобно будетъ, принимая отзывы ихъ на одно доношеніе ко двору, въ самомъ дѣлѣ немедленно увѣдомлять объ оныхъ министерство.

Въ заключеніе, прилагая здѣсь полную мочь для г-дъ генералъ-маіора и полковника, ласкаетъ себя министерство несомнѣнною надеждою, что они возложенное на нихъ государственное дѣло потщатся какъ можно скорѣе и лучше исправить и тѣмъ самымъ учинить себя высочайшей Ея Императорскаго Величества милости и благоволенія вяще достойными.

Собою напослѣдокъ разумѣется, что всѣ до комиссіи касающіяся

бумаги долженствуютъ, по совершенномъ ея окончаніи, присланы быть въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, сообщая только въ обѣ Бѣлорусскія губерніи впредь для вѣдѣнія точныя копіи съ акта разграниченія.

2598) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2].

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Получена здѣсь реляція ваша отъ 12-го Октября, содержащая всѣ обстоятельства бывшаго вашего съ Калгой Шагинъ-Гирей-султаномъ свиданія и учиненныя вами на первый случай распоряженія въ разсужденіи ордъ Ногайскихъ, причемъ нашъ д. т. с. графъ Панинъ представилъ намъ и два къ нему ваши письма отъ того жъ числа, въ коихъ вы предъявили ваши разсужденія о способахъ и мѣрахъ, служить могущихъ къ довершенію и прочности на будущее время ищемой съ стороны нашей независимости народовъ татарскихъ.

Мы находимъ къ удовольствію нашему, какъ все уже вами исполненное и предпринятое, такъ и паче представляемый вами планъ къ удаленію татаръ отъ подверженности, несмотря на противное Крымцевъ стремительство, весьма сходствующимъ съ настоящимъ дѣлъ положеніемъ, и всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ и дѣйствительно къ исполненію онаго приступить, сказывая здѣсь же для дальнѣйшаго вашего въ семъ толико нужномъ и толико важномъ подвигѣ и точнѣйшія наши наставленія.

Орды Ногайскія, теперь на Кубанской сторонѣ находящіяся, превосходя далеко числомъ своимъ Крымскихъ жителей, коль долго съ Крымскимъ правительствомъ останутся несогласными, по тѣхъ поръ Крымцы сами по себѣ ничего значить не могутъ, и наконецъ всемѣрно и сами принуждены будутъ соображаться волѣ и поведенію Ногайцевъ; но для сего, чтобъ между тѣмъ соблазнъ Крымскій не превозмогъ надъ ними, какъ столько же грубыми и суевѣрными, сколько и Крымскіе татары, и надобно торопиться, по малой уже оставшейся надеждѣ къ обращенію настоящаго Крымскаго правительства на истинный путь и при оскудѣніи другихъ пристойнѣйшихъ способовъ, установить и утвердить напротивъ того особенное и отъ Крыма независимое въ Ногайскихъ ордахъ властительство въ лицѣ Калги-султана, къ нашей сторонѣ въ доброжелательствѣ испытаннаго и преспособнѣйшаго изъ татаръ, чтобъ не быть уловленнымъ подлыми внушеніями и развратами. Но какимъ образомъ сія негоціація съ Калгой-султаномъ,

---

[1]) М. Г. А. Архивъ Константинопольскаго посольства старый, св. 159. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс. 1872 г., кн. II, стр. 95—100.

которую вы тотчасъ по полученіи сего и начнете, съ наилучшимъ успѣхомъ произведена быть можетъ, и вся нужная присвоена прочность къ пріобрѣтаемому и пріемлемому имъ званію самовластнаго и независимаго надъ Ногайскими ордами начальника, все сіе оставляемъ мы собственному вашему разсмотрѣнію, въ полномъ удостовѣреніи къ вашему искусству и раченію къ нашей и отечества службѣ, а довольствуемся только примѣтить, что какъ случившаяся некстати и не ко времени ссора между имъ, Калгой-султаномъ, и главнымъ Эдиссанскимъ начальникомъ Джанъ-Мамбетъ-беемъ первый камень претыканія въ вашемъ шествіи полагаетъ, да и все дѣло остановить и испортить можетъ, то вы, въ начатомъ уже до сего стараніи вашемъ къ ихъ примиренію и изъятію чрезъ то изъ среды важнѣйшаго препятствія непремѣнно продолжаясь, тѣмъ или другимъ способомъ, а между тѣмъ, когда надобность усмотрите, и угобженіемъ престарѣлаго и лакомаго Джанъ-Мамбетъ-бея нѣкоторою пристойною съ настоящими обстоятельствами денежною дачею, доведете однако жъ, и коль скоро только возможно будетъ, его, Джанъ-Мамбетъ-бея, до соглашенія съ Калгой-султаномъ и взаимную между ними довѣренность возстановите, къ толь вящему и дѣйствительному подкрѣпленію одного другимъ при предстоящемъ всѣхъ ордъ Ногайскихъ наклоненіи къ поступку, слѣдствіями своими установить долженствующему будущіе жребіи народовъ татарскихъ.

Мы соглашаемся между тѣмъ на требованіе Калги-султана и ваше одинакое съ нимъ разсужденіе о опредѣленіи для сего вида и знатнаго иждивенія, и хотя бъ и до ста тысячъ рублевъ, въ которое число, поелику такая сумма будетъ въ расходъ идти по временамъ, и дозволяемъ вамъ изъ вступающихъ доходовъ ввѣренной вамъ Украинской Слободской губерніи, отдѣляя по нѣскольку, обращать на сіе употребленіе по соглашенію съ Калгой-султаномъ, но больше, а по крайней мѣрѣ уже сколько пристойное къ нему уваженіе допуститъ, основываясь однако жъ и на собственномъ вашемъ разсмотрѣніи, которое мы единственно и пріемлемъ надежнымъ залогомъ пользы, изъ того предполагаемой, а что каждая издержки нужда всегда и справедливую цѣну имѣть будетъ, поставляя мы въ таковой учиненное отъ васъ и нынѣ представленіе о пожалованіи ему, Калгѣ-султану, выданныхъ заимообразно трехъ тысячъ рублевъ, по случаю отправленныхъ отъ него въ Москву для покупокъ людей, о которыхъ деньгахъ и можете ему дать знать, что мы указали оныя упустить; а впрочемъ, всемилостивѣйше апробуемъ и соглашеніе ваше на его желаніе о построеніи для него дома въ степи при рѣкѣ Эи, причемъ, и чтобъ вашъ вопросъ рѣшить въ разсужденіи учиненнаго вамъ объявленія и отъ Эдиссанскихъ и Джембуйлуцкихъ мурзъ, о намѣ-

реніи ихъ поселиться около черныхъ лѣсовъ въ сосѣдствѣ Кабардинцевъ, и можно-ли на то согласиться, находимъ мы равнымъ образомъ и въ томъ пользу, надѣясь, по утвержденіи нѣкоторыми изъ нихъ постоянныхъ жилищъ на сихъ за нашими предѣлами лежащихъ мѣстахъ, что и другіе подражать имъ не преминутъ и что напослѣди, сдѣлавшись и всѣ Ногайцы поселенными и потерявъ чрезъ то настоящую свою поворотливость, навсегда и останутся на Кубанской сторонѣ и для нашихъ пограничныхъ жилищъ меньше будутъ опасными и тягостными.

Но возлагая мы такимъ образомъ на ваше попеченіе соединить Ногайскія орды въ единомысліе искуснымъ вашимъ настоятельствомъ, всѣхъ встрѣчающихся случаевъ проницательнымъ употребленіемъ и денежною приманкою, предоставляемъ сверхъ того достаточное вамъ пособіе и отъ войскъ нашихъ, будучи вслѣдствіе сего дано отъ нашей Военной Коллегіи повелѣніе бригадиру Бринку состоящій въ его вѣдомствѣ корпусъ расположить въ околичностяхъ Азова и крѣпости св. Димитрія Ростовскаго, почему и можете заимствоваться отъ близкой онаго къ татарамъ Ногайскимъ бытности, какъ за благо разсудите, по лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію, и какъ только можетъ быть совмѣстно съ обѣщанною съ нашей стороны для татаръ вольностью.

Послѣ же того, какъ вы предуспѣете, при благословеніи Всевышняго, пособствовавшемъ понынѣ предпріятіямъ нашимъ и трудамъ, къ пользѣ и славѣ Имперіи предпріемлемымъ, согласить Ногайскія орды на отреченіе ищемой нынѣ Крымцами подверженности и признать въ лицѣ Калги-султана верховнаго и независимаго своего правителя, предупреждая тѣмъ предосудительному Ногайцевъ съ Крымцами сложенію, слѣдовательно тѣмъ же самымъ предупреждая покушеніе и настоящаго Крымскаго противнаго правительства въ опредѣленіи къ Ногайцамъ столько же противнаго для нашихъ интересовъ и начальника, и какой, ежели бъ однако и нынѣ ускорилъ явить себя въ ордахъ, не долженствуетъ признанъ быть въ семъ достоинствѣ, но всячески въ томъ воспрепятствованъ, какъ получившій свое нареченіе безъ предыдущаго соизволенія ордъ Ногайскихъ, нужнаго по древнимъ ихъ обыкновеніямъ, да и въ такое еще время, когда Крымцы, нарушеніемъ постановленнаго торжественнымъ образомъ съ нашею Имперіею союза, Ногайскія орды, въ ономъ непреклонно пребывающія и нашимъ покровительствомъ пользующіяся, и почитать по справедливости не могутъ своими сопричастниками, но обществомъ особеннымъ, получившимъ уже собственное право пещись о своемъ благоденствіи и цѣлости, и что все при настояніи такого случая, ежели бъ оный начальникъ дѣйствительно присланъ былъ отъ Крым-

ского правительства, сказано быть имѣетъ Ногайскими татарами въ сторону Крымскую: итакъ, послѣ того, какъ ознаменованъ будетъ Калга-султанъ въ повѣряемой ему верховной власти отъ народа ни отъ кого независимаго, мы препоручаемъ вамъ склонить его со всѣми чиновниками, могущими быть его товарищами, а инако съ лучшими Ногайскими мурзами, чтобъ онъ обще съ ними далъ знать Крымскому хану и тамошнему правительству о составленіи сей особенной власти, по причинамъ и убѣжденіямъ, отъ настоящихъ Крымскихъ обстоятельствъ происшедшимъ, съ припамятованіемъ притомъ бывшей для татаръ всѣхъ вообще въ началѣ прошедшей войны опасности и продолжительнаго ихъ же всѣхъ, по улученіи съ стороны нашего двора обѣщанія объ оставленіи ихъ вольными, въ безвредности испытанія, сколь долго потомъ война ни настояла, и что они, Ногайцы, пріемля во всемъ уваженіи настоящее свое свободное состояніе и будучи приведены въ справедливое сумнѣніе и заботу, чтобъ Крымцы не вовлекли ихъ, Ногайцевъ, въ несчастіе и вредное неустройство страннымъ и никогда не ожиданнымъ своимъ упорствованіемъ даруемой татарамъ какъ отъ нашей Имперіи, такъ и отъ Порты Оттоманской независимости, долженствовали отъ нихъ отдѣлиться, требуя наконецъ, что ежели они, Крымцы, однако жъ не хотятъ видѣть ихъ, какъ своихъ единородныхъ и единовѣрныхъ, чуждающимися отъ себя, въ такомъ случаѣ пускай перемѣнятъ свое поведеніе, согласятся быть вольными и ни отъ кого независимыми и испросятъ у нашего двора формальное прощеніе въ сдѣланныхъ оному оскорбленіяхъ, а особливо въ предательствѣ резидента, которому по всенароднымъ правамъ и по самому татарскому обыкновенію безопасностью и безвредностью, несмотря ни на какія происшествія, всегда пользоваться надлежало.

Какое же бы дѣйствіе ни возымѣло сіе Ногайское Крымскому правительству извѣщеніе, вы, склонивъ на то Калгу-султана съ чиновниками Ногайскими, имѣете потомъ отъ нихъ домощись, чтобъ они равнымъ образомъ отозвались уже отъ себя непосредственно и къ Портѣ Оттоманской, представляя ей, какъ были они, Ногайцы, во время прошедшей войны въ опасности и въ покореніе приведены нашимъ оружіемъ, получили однако жъ съ стороны нашей, вопреки всякаго вѣроятнаго ожиданія, вольность и въ томъ послѣ и всегда оставлены, нынѣ же чувствительно обрадованы признаніемъ ихъ таковыми жъ и съ стороны ея, Порты, за что благодаря ее, просятъ и надѣятся, что она допуститъ ихъ, какъ своихъ единовѣрныхъ, и впредь пользоваться симъ отъ обѣихъ имперій оказаннымъ благодѣяніемъ, которое они всегда и будутъ признавать въ достойной цѣнѣ и поведеніемъ своимъ стараться снискать ея благоволеніе.

Послѣдующее время окажетъ, колико Калга-султанъ, получа фор-

мальное правительство въ отдѣляющемся отъ Крыма Ногайскомъ обществѣ, будетъ силенъ и любимъ сими татарами; но ежели бы онъ собственною своею расторопностью и пособіемъ ихъ нашелся въ состояніи и въ возможности произвесть себя ханомъ Крымскимъ, мы и на то, въ надѣяніи добраго съ его стороны и тогда соотвѣтствованія, взирать будемъ съ удовольствіемъ, только чтобъ сіе случиться могло безъ альтераціи нашего съ Портою Оттоманскою настоящаго положенія, и о чемъ вы нынѣ же его и предупредите, стараясь и съ вашей стороны по участію вашему и въ Крымскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе даннаго вамъ предъ симъ нашего повелѣнія, всѣми случаями, какіе представляться могутъ, пользоваться къ облегченію такого его предпріятія, однако жъ не инако, но съ крайнею и предосторожностью, чтобъ наши въ томъ происки явно оглашены не были, но всемѣрно и навсегда остались сокровенными.

Равнымъ образомъ поручается вамъ не оставаться безъ такого же искуснаго и отъ общаго свѣдѣнія удаляемаго старанія и попытки непосредственной, или же и чрезъ Калгу-султана, что бъ въ разсужденіи его самого со временемъ ни воспослѣдовало, къ склоненію еще и настоящаго Крымскаго хана съ правительствомъ тамошнимъ, сколько они теперь противными ни кажутся, признать свое заблужденіе и поступить на испрошеніе отъ насъ прощенія въ ихъ поступкахъ и въ нарушеніи заключеннаго съ областью татарскою трактата, что необходимо нужно, кромѣ другихъ уваженій, и для самой пристойности; и потому чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше было бы видѣть Крымцевъ сіе учиняющихъ, слѣдовательно и попеченіе ваше, коль скоро откроются нѣкоторыя приличныя удобности, и обращено будетъ на подвиженіе ихъ къ тому, хотя и прежде, нежели имѣютъ Ногайцы вамъ въ томъ явнымъ уже образомъ, что собственно до нихъ касается, содѣйствовать по учрежденіи особеннаго своего общества.

Наконецъ, повелѣваемъ вамъ бывшаго въ Крыму резидентомъ и теперь въ Полтавѣ находящагося ст. сов. Веселицкаго, для потребныхъ изъясненій по всѣмъ сего полуострова и тамошняго правительства обстоятельствамъ, отправить сюда, снабдя его на проѣздъ по настоящему его недостатку денежною дачею по вашему разсмотрѣнію.

Вотъ все, что мы въ разсужденіи Калги-султана, Ногайскихъ ордъ и самого Крыма въ резолюцію на ваши представленія за благо и за нужно изобрѣли вамъ предписать, повторяя же и при окончаніи надѣяніе наше къ вашимъ многократно испытаннымъ способностямъ и къ такому же усердію къ службѣ и пользѣ нашей и отечества. Пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 8 Ноября 1774 года.

Екатерина.

2599) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. Изъ слѣдующаго здѣсь высочайшаго рескрипта ваше прев-во усмотрѣть изволите, что сообщенныя мнѣ отъ васъ, мой любезный другъ, въ письмахъ вашихъ разсужденія о настоящихъ Крымскихъ и Ногайскихъ обстоятельствахъ удостоились совершенной отъ Ея Императорскаго Величества апробаціи, и что такимъ образомъ предостается вамъ теперь съ Божіею помощію вступить въ дѣло по стезѣ, назначенной отъ васъ самихъ, чтобъ сохранить и утвердить татарскую независимость, которая толико для насъ есть необходимо нужная по сущей своей пользѣ, да и по самой уже наружной пристойности, колико извѣстнѣе, что и всему военному усильствію свободное состояніе сихъ народовъ было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ и намѣреній здѣшнихъ, и что, наконецъ, и миромъ, заключеннымъ съ Портою, наше въ томъ искательство одержаннымъ быть видѣлось.

Я по истинной моей къ в. прев-ву дружбѣ и въ семъ новомъ вашемъ положеніи полнаго участія принимать не премину, пособствуя вамъ не только моими совѣтами съ охотою и удовольствіемъ, но и всѣмъ съ моей стороны возможнымъ, и для того предупредительно васъ прошу такъ сюда писать, чтобъ я, предъявляя ваши представленія и письма для исходатайствованія высочайшей резолюціи, тѣ, однакожъ, кои по вашимъ ко мнѣ особеннымъ изъясненіямъ требовали бы только моихъ отвѣтовъ и взаимнаго откровенія, могъ оставлять и въ собственномъ моемъ свѣдѣніи. И какъ я впрочемъ удостовѣреннымъ нахожусь, что вы, мой милостивый другъ, единожды навсегда постановя себѣ закономъ и должностію съ прямымъ усердіемъ служить пользѣ отечества, конечно, истощите и въ настоящемъ дѣлѣ все же ваше знаніе и трудъ, то я и присовокупляю къ тому искреннее только мое желаніе, да даруетъ вамъ провидѣніе Всевышняго успѣхи, какіе васъ достойны и для общаго блага полезны, и пребуду всегда и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 12 Ноября 1774 года.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

12 Ноября 1774 г.—о полученіи письма его и съ различными распоряженіями. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 103—105.

2600) РЕСКРИПТЪ КОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ КИЗЛЯРСКОЙ СТОРОНѢ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ МЕДЕМУ [2]).

Нашему генералу-поручику Медему.

Прежде нежели окончалась бывшая съ Портою Оттоманскою война, доносили вы сюда, реляціею вашею отъ 14 Апрѣля, о захваченіи въ

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ графа Панина къ Щербинину 1771—1775 г.г.

[2]) М. Г. А. Дѣла Кабардинскія. Сношенія съ Коллегіей Ин. Д., рескрипты и указы къ Астраханскимъ губернаторамъ 1763 — 1777 г.г. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 101—103.

Кабардинскихъ жилищахъ чрезъ маіора Криденера, посылаинаго отъ васъ подъ Кабарду съ деташементомъ для удержанія Кабардинцевъ въ спокойномъ положеніи, Крымскаго Ширина-кай мурзу съ тремя товарищами, бывшаго тамъ для разврата Кабардинцевъ, и еще Кабардинскаго владѣльца Атажуку Хаммурзина, которыхъ оный маіоръ привезъ и въ Кизляръ, отбивъ Кабардинцевъ, покушавшихся на дорогѣ ихъ выручить, а потомъ, по полученіи уже вами извѣстія о заключенномъ мирѣ, и спрашивали вы наставленія репортомъ вашимъ отъ 23 Сентября, въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ присланнымъ, какъ въ разсужденіи Крымскаго Ширина съ его товарищами, такъ и Кабардинскаго владѣльца, разсуждая при этомъ съ вашей стороны, что сего послѣдняго со взятьемъ отъ него аманата освободить можно, потому что онъ съ Крымскимъ Ширином сообщился по принужденію отца своего Хаммурзы Арсланбекова и другого Кабардинскаго владѣльца, Мисоста Баматова, но впрочемъ никакихъ противностей отъ него не происходило и содержаніемъ своимъ чрезъ немалое время подъ карауломъ довольно за то наказанъ. На что и объявляется симъ вамъ въ резолюцію: Изъ отправленнаго къ вамъ предъ симъ нашего рескрипта отъ 5-го Сентября, вамъ извѣстно быть имѣетъ о высочайшемъ нашемъ соизволеніи, чтобъ возможное всегда стараніе употребляемо было удаляться отъ задоровъ Кабардинцамъ и другимъ, въ сосѣдствѣ Кизлярскомъ живущимъ горскимъ народамъ, но сколько возможно и пристойно будетъ, имъ снисходить, для пріобрѣтенія ихъ приверженности въ настоящее время, когда по минованіи бывшей у насъ съ единовѣрною имъ державою Портою Оттоманскою войны, они уже никакого внѣшняго побужденія быть нашей сторонѣ противными имѣть не могутъ.

Не меньше извѣстно вамъ также и то, по собственному вашему испытанію, что содержаніе въ Кизлярѣ Кабардинскихъ аманатовъ служитъ только въ показаніе нашего въ семъ народѣ участія, но къ воздержанію ихъ почти нисколько, ибо во все продолженіе войны Кабардинцы, обращавшись неоднократно въ разныхъ противностяхъ и злодѣйствахъ, видно, что совсѣмъ о своихъ аманатахъ не сожалѣли, или, по крайней мѣрѣ, не опасались, чтобъ надъ ними какое-либо мщеніе предпріято было.

Такимъ образомъ мы, будучи съ вашимъ представленіемъ согласны, объ отпускѣ задержаннаго Кабардинскаго владѣльца въ домъ его, и предоставляемъ лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію, надобно-ли однако жъ будетъ настоять прежде, чтобъ онъ далъ въ аманаты сына своего, или полезнѣе быть имѣетъ и безъ того отпустить изъ нужной предосторожности, чтобъ, зачавъ требованіе, не оставить потомъ безъ исполненія по встрѣчающимся иногда затруднительствамъ, и Кабар-

динскихъ владѣльцевъ не огорчить и не взволновать въ такомъ обстоятельствѣ, которое по вышеприведенному изъясненію и разсужденію здѣшнему особенной пользы не обѣщаетъ; но ежели напротивъ того вы предварительно удостовѣрены быть можете, что требованіе аманата легко исполнится и что онъ къ нѣкоторому для прочихъ обязательству, а по крайней мѣрѣ для своего отца, несмотря и на прежніе подобные примѣры, однако жъ послужитъ, то вы и на то поступить можете, руководствуясь слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ даннымъ вамъ предыдущимъ нашимъ повелѣніемъ, чтобъ Кабардинцы и всѣ прочіе горскіе народы нынѣ сколько возможно больше имѣли убѣжденія къ нашей сторонѣ по доброй волѣ присвоиваться, а не отвращаться.

Но въ какихъ бы обстоятельствахъ задержанный Кабардинскій владѣлецъ ни былъ отпущенъ, вы объявите ему, да и прочихъ владѣльцевъ увѣдомите, что онъ, яко дѣйствительный нашъ подданный, за сообщеніе свое съ бывшимъ нашимъ непріятелемъ по справедливости заслуживалъ наказаніе, оставляется же оное ему изъ единственнаго нашего монаршаго великодушія и въ надеждѣ, что онъ послѣдующимъ своимъ поведеніемъ удовлетворитъ за свой проступокъ; инако же, ежели и впредь найдется иногда въ противностяхъ и потомъ въ здѣшнія руки залученъ будетъ, тогда бъ уже больше и никакой себѣ пощады не ожидалъ.

Что же касается до Крымскаго Ширина и его трехъ товарищей, то какъ Крымскія и всѣ вообще татарскія дѣла имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ нашъ генералъ-поручикъ Щербининъ, по даннымъ отъ насъ ему на то особеннымъ повелѣніямъ, для того вы и онаго Ширина и его товарищей за надлежащимъ присмотромъ, и снабдя въ дорогу всѣми нужными потребностями, отправите въ Харьковъ, въ мѣсто пребыванія онаго генерала-поручика, сообщая ему притомъ и всѣ о семъ татаринѣ извѣстія, чтобъ онъ могъ изъ того сдѣлать надлежащее употребленіе и самаго Ширина отпустить уже въ его отечество въ пристойное время по его усмотрѣнію; а и впредь что бъ важнаго въ сторонѣ вашей ни случилось, могущее имѣть какое-либо отношеніе къ Крыму же и къ Ногайскимъ ордамъ, о всемъ томъ увѣдомлять надлежитъ онаго же генерала-поручика. И пребываемъ впрочемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 12 Ноября 1774 года.

По Ея Императорскаго Величества указу подлинный подписанъ по сему:

Гр. Н. Панинъ.
Кн. А. Голицынъ.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

14 Ноября 1774 г.—о возвращеніи флота въ Россію. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 105—106.

2601) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [1]).

М. г. м. графъ Алексѣй Григорьевичъ. Принося чрезъ сіе должную мою благодарность за то письмо, которымъ ваше с-во меня отъ 29 Сентября почтить изволили, имѣю я честь во-первыхъ приложить копію съ отправляемой нынѣ къ маркизу Маруццію министерской моей депеши о немедленномъ вамъ возвращеніи порученныхъ ему консульскихъ патентовъ. Не можетъ теперь быть сумнѣнія, чтобъ сей повѣренный въ дѣлахъ не поспѣшилъ исполнить перваго о томъ приказанія в. с-ва, еслибъ иногда между тѣмъ самъ собою не упредилъ еще онаго.

Меморіалъ графа Войновича читалъ я со вниманіемъ и нахожу по оному, какъ и самъ всегда того мнѣнія былъ, что многія французскія жалобы весьма неосновательны, почему оныя всякій разъ на собственное вашего с-ва разсмотрѣніе и рѣшеніе отсюда и отсылаемы были, равно какъ и теперь ставлю я себѣ въ долгъ сообщить вамъ при семъ новую отъ французскаго здѣсь министра поданную записку съ домогательствомъ объ окончаніи не рѣшенныхъ по сю пору дѣлъ и жалобъ. Отсылая оныя къ вамъ, милостивый мой государь, довольствуюсь я препоручить ихъ вашему правосудію, прося только, чтобъ вы тѣмъ или другимъ образомъ развязали сіи хлопотливыя докуки, съ оказаніемъ къ домогательству Версальскаго двора всякаго справедливаго уваженія.

Конечно, воображаю я себѣ, что немалаго труда и безпокойства будетъ в. с-ву стоить возвратное въ Россію отправленіе и доставленіе всего въ Архипелагъ завезеннаго съ такими кораблями, изъ которыхъ большая часть сдѣлалась уже неспособною къ столь дальнему плаванію; но въ то же время ласкаю я себя надеждою, что вы сами въ себѣ найдете довольно пособій къ отвращенію встрѣчающихся неудобностей и къ замѣнѣ ихъ лучшими отъ мѣстнаго положенія взаимствуемыми мѣрами. Впрочемъ имѣю я честь быть и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 17 Ноября 1774 г.

P. S. Равно признательнѣйшее благодареніе приношу в. с-ву за оказанную довѣренность, съ которою мнѣ препоручать изволите господина Домашнева. Извольте быть увѣрены, милостивый мой государь, что я собою ничего не упущу, въ чемъ только найдусь въ состояніи поспѣшествовать его счастію.

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

2602) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ МАРКИЗУ МАРУЦЦИ ВЪ ВЕНЕЦІЮ [1]).

A St-Pétersbourg, ce 21 Novembre 1774.

Une lettre que je viens de recevoir du comte Alexis Orlof, à laquelle en était jointe une de votre part à ce général, nous a donné connaissance des difficultés que vous faites de lui renvoyer les patentes de consul, qu'il a déposées chez vous à l'ouverture de notre expédition dans l'Archipel et dont vous n'avez point dû disposer, puisque le comte Orlof vous a averti, que selon l'état des choses il n'était pas besoin de consuls dans ces endroits, où précédemment on avait pensé à en établir. Sur le rapport que j'ai dû faire d'un tel refus à Sa Majesté Impériale, elle m'a chargé de vous écrire, M-r, de renvoyer aussitôt toutes ces patentes soit ici, soit à m-r le comte Alexis Orlof. Je ne doute point que vous ne vous empressiez de satisfaire à cet ordre et que vous ne me mettiez bientôt en état d'en rendre compte à Sa Majesté Impériale. Je suis etc.

2603) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

St-Pétersbourg, ce 21 Novembre 1774.

Je dois avoir l'honneur de vous prévenir, M-r, afin que vous puissiez en faire part à la délégation, que les instructions pour nos commissaires nommés à la démarcation des frontières, m-rs le général-major Kretchetnikof et le colonel Kakhowsky, viennent de leur être envoyées par un courrier expédié d'ici le 16 de ce mois. Il leur est ordonné de mettre aussitôt la main à l'oeuvre pour procéder à l'accomplissement de leur commission. Ils ne manqueront pas, ainsi qu'il leur est recommandé, de vous donner avis, M-r, du jour de leur départ pour la frontière et de l'endroit où ils arriveront, et aussi de donner pareilles informations aux commissaires de la république que nous supposons toujours à Minsk, afin de convenir avec ceux-ci tant du jour et du lieu, que de la façon dont ils commenceront leur opération. Je n'ai pas besoin de vous recommander, M-r, qu'autant que les circonstances le demandront et que vous pourrez en être requis par nos commissaires, vous vouliez bien vous employer à faciliter leur besogne par tous les soins et les offices qui peuvent dépendre de vous. C'est déjà une chose comptée parmi les de-

---

[1]) М. Г. А. Венеція, III, св. 3.
[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

voirs de votre poste, et de plus nos frontières se trouvent si clairement désignées et par la nature et par les termes du traité, que je ne sais pas d'où il pourrait se trouver de la difficulté à la fixation qui va en être faite. J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. Les députés dont je vous parle dans ma lettre, M-r, sont les mêmes personnes qui se sont chargées de vous la rendre. Ils vont à Varsovie solliciter leurs affaires par votre entremise et votre assistance. Je vous prie de leur marquer la protection de l'Impératrice, selon que je m'en explique dans ma lettre et jusqu'où l'état des choses l'autorise.

2604) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1].

(Ноябрь 1774 г.).

Хотя съ настоящимъ курьеромъ и не отвѣтствуется отъ двора на послѣднюю вашего с-ва депешу отъ 10 Октября, однако жъ тѣмъ не меньше могу я вамъ, милостивый мой другъ, удостовѣрительно сказать, что Ея Императорское Величество сіи послѣднія ваши донесенія изволила принять съ крайнимъ удовольствіемъ и со всѣмъ тѣмъ монаршимъ благоволеніемъ, которое вамъ такъ давно уже въ полной мѣрѣ присвоено. Нынѣшнее отправленіе состоя въ одномъ до будущаго посольства касающемся рескриптѣ, хочу я по обыкновенію моему воспользоваться симъ случаемъ и войти съ вашимъ с-вомъ въ дружескую и откровенную по дѣламъ бесѣду, будучи удостовѣренъ, что вамъ чистосердечіе мое не противно.

Какъ сердечный вашего с-ва другъ, скажу я вамъ съ нелицемѣрною радостію, что ничто не можетъ быть осторожнѣе и благоразумнѣе, какъ всѣ ваши къ Портѣ Оттоманской съ заключенія мира явленные поступки и отзывы къ извлеченію насъ изъ тѣхъ посрамительныхъ хлопотъ, въ кои завелъ было князь Василій Михайловичъ безразсудною своею скоропостижностью. Я самъ себя весьма поздравляю, что имѣлъ дѣло съ вашимъ с-вомъ, ибо теперь одна ваша твердость, мудрымъ проницаніемъ руководствуемая, и при самомъ упадкѣ тѣлесныхъ вашихъ силъ, возстановляетъ испорченное въ прежнюю, вами проложенную, толь славную и полезную стезю; а дѣйствительный нынѣ во-свояси отъѣздъ командира второй арміи даетъ мнѣ несомнѣнную надежду, что и окончательная санкція мира нашего получитъ скорый и вожделѣнный конецъ, когда всѣ части дѣлъ пришли уже подъ безпосредственное управленіе вашего с-ва.

Къ отвѣту, учиненному вашимъ с-вомъ на странный отзывъ верховнаго визиря о уступкѣ Портѣ Оттоманской острова Тамани, нельзя

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

было, конечно, ничего лучшаго придумать, ибо вы, милостивый мой другъ, умѣли соединить съ приличною твердостью въ отказѣ и всю ту ласку, которая нужна къ увѣренію Порты о искренности нашего впредь къ ней дружелюбія. Не меньше искусно воспользовались ваше с-во и отзывомъ сего первенствующаго Оттоманскаго министра къ ближайшему предложенію о размѣнѣ взаимныхъ ратификацій. Сей пунктъ не перестаетъ быть для насъ великой важности, почему и я ваше с-во не перестаю просить о употребленіи всевозможнаго вашего старанія къ скорѣйшему одержанію онаго. Теперь, когда уже полковникъ Петерсонъ прибылъ въ Константинополь и могъ вступить самъ собою въ активитетъ Россійскаго министра, надѣюсь я, что вы, тѣмъ или другимъ образомъ, чрезъ направленіе поступковъ сего повѣреннаго въ дѣлахъ, предуспѣть изволите къ склоненію министерства Порты на предварительную до посольствъ размѣну ратификацій въ Константинополѣ, еслибъ паче чаянія нынѣ же не исполнено предложеніе ваше о таковой размѣнѣ въ Силистріи. Между тѣмъ, для доставленія вашему с-ву подарковъ, къ сему торжественному акту нужныхъ, будетъ къ вамъ вскорѣ за симъ отправленъ нарочный офицеръ съ довольнымъ числомъ хорошихъ вещей. Я скажу далѣе, что не худо, по моему мнѣнію, будетъ предписать полковнику Петерсону, чтобъ онъ, въ случаѣ усматриваемой имъ несклонности министерства турецкаго къ предварительной размѣнѣ ратификацій, приложилъ подъ рукою и самымъ искуснымъ образомъ удобь возможное стараніе свое переломить оную, хотя жертвованіемъ незнатной суммы денегъ.

Когда же теперь слово о полковникѣ Петерсонѣ, позвольте мнѣ, милостивый мой другъ, вопросить васъ для единственнаго моего свѣдѣнія, таковъ-ли сей офицеръ въ естественныхъ своихъ способностяхъ, чтобъ онъ могъ послѣ посольства оставленъ быть при Портѣ съ пользою постоянно резидующимъ министромъ, и станетъ-ли его природныхъ и пріобрѣтенныхъ дарованій на предостереженіе тамъ интересовъ отечества нашего. Я признаюсь вашему с-ву, что меня здѣсь выборъ человѣка, къ сему посту способнаго, гораздо озабочиваетъ, и что я желалъ бы найти въ г-нѣ Петерсонѣ такого, каковъ надобенъ. Теперь однако жъ настоитъ ему къ отличному въ томъ себя оказанію весьма удобный случай, если хорошо исполнитъ предписанія вашего с-ва, ему данныя, о внушеніи Портѣ, безъ компрометтированія себя и насъ предъ Вѣнскимъ дворомъ, что мы въ насильственномъ захваченіи симъ дворомъ толь знатныхъ частей княжествъ Молдавскаго и Волошскаго не имѣемъ никакого участія, а потому отнюдь и не намѣрены вмѣшиваться во взаимное ихъ тутъ дѣло, а еще менѣе жениpовать Порту въ ея мѣроположеніяхъ. Нѣжность и важность такового туркамъ внушенія требуетъ благоразумнаго и весьма осмотри-

тельнаго изворота, въ которомъ остается желать, чтобъ полковникъ Петерсонъ умѣлъ найтиться какъ для пользы дѣлъ, такъ и для собственной своей. Все, что ваше с-во мнѣ на сей вопросъ открыть изволите, пребудетъ навсегда въ одномъ моемъ знаніи.

Я не сумнѣваюсь, что князь Василій Михайловичъ не оставилъ предъ отъѣздомъ своимъ донести вашему с-ву какъ о дѣйствительномъ выступленіи Гаджи-Али-паши изъ Крыма со всѣми турецкими войсками, такъ какъ и объ ожидаемомъ въ Очаковѣ прибытіи султанскаго конюшаго для отдачи намъ Кинбурна. Симъ уже въ конецъ разрѣшатся всѣ, донынѣ настоящія, сомнѣнія, и татары увидятъ, что Порта оставляетъ ихъ по точнымъ словамъ мирнаго трактата въ полной отъ себя независимости.

Весьма, между тѣмъ, согласую я мнѣнію вашего с-ва, что едва-ли и надѣяться возможно въ скоромъ времени видѣть татаръ спокойными и прямо пользующимися жребіемъ вольности и независимости; также, что и всякій ханъ для насъ равенъ, только бы не былъ подвластенъ Портѣ и ею самопроизвольно возведенъ безъ собственнаго отъ татаръ выбора. Дѣло сіе, конечно, не такого свойства, чтобъ уже однимъ почеркомъ пера совсѣмъ постановлено было. Нѣтъ, милостивый мой другъ, съ самаго начала татарской негоціаціи почиталъ я, да и теперь неменьше почитаю, что опредѣленіе и узаконеніе татарскаго самовластнаго бытія въ мирномъ съ Портою трактатѣ не иное что есть, какъ одна основа огромному зданію, которое чрезъ долгое время тщательно сооружать надлежитъ, а со временемъ и совершенно уже воздвигнуть можно будетъ, если только мы въ семъ случаѣ, сдѣлавъ себѣ единожды разумную и свойственную систему, не перестанемъ оной продолжительно слѣдовать и руководствоваться до конца зданія одинакими, напередъ вѣрно измѣренными и свойству татаръ прямо присвоенными политическими правилами, а безъ того всѣ наши попеченія и труды останутся тщетны. Вотъ истинный образъ моихъ мыслей о татарахъ. Ваше с-во изволите, надѣюсь я, апробовать оный, а сего уже для меня довольно. Сколько силъ моихъ станетъ, буду я по возможности стараться о соблюденіи и укорененіи сего дѣла, на будущее время многую нашему отечеству пользу обѣщающаго.

Какія отсюда въ послѣдній разъ даны повелѣнія Евдокиму Алексѣевичу, относительныя къ сему намѣренію, а особливо къ вящему въ оное присвоеніе ордъ Ногайскихъ, изволите ваше с-во усмотрѣть изъ приложенной здѣсь копіи съ отправленнаго къ нему рескрипта. Я прошу и молю васъ, моего друга, сопрягая всю связь дѣлъ, преподавать отъ себя безпосредственно Евдокиму Алексѣевичу все то просвѣщеніе, которое къ руководству его нужно быть можетъ. Онъ, конечно, съ

радостью будетъ повиноваться наставленіямъ вашего с-ва. Всегда пребуду я и проч.

P. S. Вся сія экспедиція совсѣмъ уже готова была, какъ вчера по утру полученъ вашего с-ва курьеръ отъ 26-го Октября, по которому и надлежало бы мнѣ многое исключить изъ сего моего письма, яко претворившееся, такъ сказать, въ единое пустословіе; но, оставаясь увѣренъ, что по вашей ко мнѣ дружеской довѣренности вы не поставите себѣ въ большую тягость излишнее отъ меня чтеніе, и потому не перемѣняя ничего, прибавлю здѣсь только то, что благоразумныя ваши г-ну Петерсону наставленія и располагаемыя мѣры противу турецкихъ затѣй должны быть достаточными, если только турки заранѣе уже не рѣшились возобновить съ нами войну, чего однако же утвердительно мыслить еще невозможно, равно какъ и о томъ, чтобъ они предпочли одержаніе нѣкоторыхъ отъ насъ требованій въ поправленіе себѣ нашего мирнаго трактата тому, что цесарцы отъ нихъ теперь захватываютъ въ Валахіи и Молдавіи. Болѣе же мнѣ кажется, мой милостивый другъ, что они, будучи отъ посла французскаго подбиты на нескладныя противу насъ затѣи, прежде нежели мыслить могли о Вѣнскомъ поступкѣ, теперь не имѣли еще времени прямо образумиться и вывѣсить свое положеніе между нами и цесарцами, а между тѣмъ, сдѣлавъ первый поступокъ у короля Прусскаго, положили выигрывать время, пока получатъ какой отвѣтъ отъ сего государя. Но какъ бы то ни было, мнѣ видится, милостивый государь мой, что вы и по собственному вашему достоинству настоять съ твердостью можете, чтобы вамъ содержаніе ратификацій было въ точности извѣстно, прежде нежели оныя съ посольствомъ отправлены будутъ, ибо Порта сама обнажилась, что она изыскиваетъ перемѣны и смягченія трактата. Новыя инструкціи Цегелина и его по онымъ поступки откроютъ намъ ближе искренность его государя, слѣдовательно—и его самого. Между тѣмъ, мнѣ кажется, мой милостивый другъ, что онъ, по свойству своего умѣреннаго разсудка, больше еще не объемлетъ, какъ собственное одно желаніе какъ нибудь втереться быть ближе отъ насъ употреблену въ окончаніи дѣла. Я есмь и проч.

2605) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ ДАНЦИГѢ ГРАФУ И. А. ГОЛОВКИНУ, СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЮ ПОПРАВКОЮ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 1 Декабря 1774 г.).

Après la déclaration que vous avez faite, M-r, et le sursis mis à la médiation de l'Impératrice, Sa Majesté Impériale a voulu encore pa-

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 9, и Данцигъ, III, св. 1.

tienter pour voir, si la ville ne reviendrait point à elle et à ce que la saine raison et l'évidence lui montrent, comme le seul vrai intérêt qu'elle ait; et c'est pour cela seul qu'il ne vous a point été donné d'ordre de quitter votre poste. Comme il n'est plus à douter, que ce dernier ménagement est tout aussi infructueux que tous les moyens employés pour vaincre l'obstination de la ville, votre rappel ne doit plus être différé, et l'ordre de Sa Majesté Impériale, que j'ai l'honneur de vous tracer ici, est que vous quittiez aussitôt votre poste et que vous vous mettiez en route pour revenir ici sans vous arrêter, après la réception de cette lettre, que le temps qu'il faudra pour vos affaires personnelles et les arrangements de votre voyage. Vous informerez le magistrat, mais de bouche, de votre départ et des motifs qui vous y obligent, en lui ajoutant, que l'Impératrice a épuisé tous les moyens de rendre sa médiation efficace et sa protection utile à la ville; qu'elle lui a continué cette protection partout, où seulement il lui a été possible de la concilier avec sa dignité, mais que toutes bornes se trouvent franchies par la conduite de la ville, aussi imprudente pour elle-même que peu reconnaissante pour Sa Majesté Impériale; (que Sa Majesté Impériale retire donc d'elle sa protection et cesse tout intérêt qu'elle a pu prendre à ses affaires, et la laisse désormais à elle-même et à son propre sort).

A St-Pétersbourg, ce 2 Décembre 1774.

Заключенное въ скобки зачеркнуто Императрицею и на поляхъ концепта написано ея рукою:

За симъ, чтобъ король Прусскій городомъ Данцигомъ не завладѣлъ, чего я отнюдь не желаю, и для того перемѣнить сіе надлежитъ.

2606) НОТА, ВРУЧЕННАЯ ПОСЛАННИКОМЪ ВЪ ВѢНѢ КНЯЗЕМЪ Д. М. ГОЛИЦЫНЫМЪ АВСТРІИСКОМУ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ КНЯЗЮ КОЛЛОРЕДО [1]).

(Приложена въ копіи къ письму кн. Д. М. Голицына изъ Вѣны отъ $^{6}/_{17}$ Декабря 1774 г., за № 37).

La cour Impériale de Russie devant procéder de concert avec celle de Danemark dans tout ce qui regarde les affaires de Holstein, et la grande distance des lieux ayant considérablement retardé les dernières communications qu'elles s'en sont faites, ce n'est qu'aujourd'hui que le ministre plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies

[1]) М. Г. А. Голштинія, IX, св. 4. См. выше № 2576.

se trouve en état de répondre à la note de m-r le vice-chancelier prince de Colloredo, rendue déjà il y a quelque temps, concernant les mêmes affaires.

Il aura l'honneur de s'expliquer sur tous les articles de cette note qui intéressent les deux cours également, ou plus particulièrement la sienne, et abandonnera à m-r le compte de Bachoff de satisfaire à m-r le vice-chancelier sur ceux qui n'ont de rapport qu'à la cour de Copenhague seule.

En général le ministre plénipotentiaire est chargé de donner à connaître à m-r le vice-chancelier, que l'intention de Sa Majesté l'Impératrice de Russie et celle de Son Altesse Impériale le grand duc a été, en demandant à Sa Majesté l'Empereur des Romains la confirmation de l'échange du Holstein et de la cession des deux comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst ensemble avec l'élévation de ceux-ci en duché et la transportation du suffrage, de se conformer, eu égard à cette même demande, aux usages et constitutions de l'Empire d'Allemagne; c'était bien la preuve la moins convaincante qu'elles pouvaient donner à Sa Majesté l'Empereur de la reconnaissance sincère, avec laquelle elles envisagent d'avance les différentes faveurs qu'elles attendent de Sa Majesté. Mais d'un autre côté elles se flattent aussi que la chancellerie Impériale ne refusera point de se relâcher sur certaines formalités là, où des raisons alléguées paraîtront pouvoir exiger une pareille complaisance.

Pour ce qui regarde d'abord l'apposition des sceaux qu'on a désirée dans les pièces communiquées, le ministre plénipotentiaire doit observer qu'elle ne peut au plus concerner que les actes d'échange et de cession, qui seuls font l'objet de la confirmation Impériale à l'exclusion des traités, desquels cependant on a ajouté copie pour prouver la confiance plus intime que les deux cours professent pour la cour Impériale.

Cette assertion aura toute l'évidence possible, si l'on considère:

1°. Que le duché de Schleswig aussi bien que celui de Holstein est compris dans les dits traités tandis que notoirement le premier n'est dans aucune liaison avec l'Empire d'Allemagne et que toutes les conventions qui peuvent le concerner ne sauraient être assujetties à une confirmation étrangère.

2°. Que le traité provisionel de 1767 a proprement été arrêté et conclu entre la Russie et le Danemark, c'est-à-dire entre deux couronnes tout-à-fait indépendantes.

3°. Que le traité d'échange éventuel de 1750, conclu entre le Danemark et la Suède, n'a pas été confirmé non plus, et que dans la confirmation Impériale expédiée à ce sujet il n'a été inséré que le seul instrument de cession.

Ainsi, en admettant pour principe que les traités seront entièrement hors du ressort de la confirmation Impériale et qu'elle ne s'étendra qu'aux actes d'échange et de cession seuls, on a cru pouvoir aussi restreindre à ceux-ci l'apposition du sceau de Son Altesse Impériale le grand duc de Russie, et le ministre plénipotentiaire a l'honneur de joindre ces pièces ici, revêtues de cette nouvelle forme.

D'un autre côté il résulte du même principe que la confirmation Impériale, en faisant abstraction de tout le contenu des traités, ne portera plus que sur ce qui se trouve clairement dit et exprimé dans les actes d'échange et de cession, Par conséquent, qu'elle passera sous silence:

1°. les §§ 7 et 8 de la note, qui traitent de la coadjutorerie de l'évéché de Lubeck et de la conduite du chapitre lors de la dernière élection;

2°. la garantie des traités, dont il est fait mention dans le § 9;

3°. les articles secrets, qui selon le § 10 de la note devaient être nommèment exceptés dans la confirmation;—

quoiqu'eu égard à ces différents paragraphes, les deux cours puissent donner les plus fortes assurances à Sa Majesté l'Empereur d'un côté, qu'elles n'ont jamais songé à contracter entre elles des obligations contraires aux lois de l'Empire d'Allemagne, et de l'autre—qu'elles se seraient empressées ensemble avec Son Altesse Sérénissime le prince-évèque de Lubeck à disposer le chapitre de Lubeck à des démarches capables de convaincre Sa Majesté du plus parfait dévouement, dont celui-ci est pénétré pour le chef suprême de l'Empire, si ce corps n'y avait déjà songé de lui même en envoyant pour cet effet à Vienne le chanoine baron de Vrintz.

Il reste encore quatre §§, sur lesquels le ministre plénipotentiaire doit avoir l'honneur d'entretenir m-r le vice-chancelier.

Rien n'est plus juste que de laisser subsister dans toute sa vigueur l'arrêté du conseil aulique émané le 24 Mai 1707, concernant l'investiture de la ville et du pays de Budjading, ainsi que le § 6 de la note en avertit.

Le consentement légal des deux princes mineurs, fils du défunt prince George-Louis, que l'on a désiré dans le § 5, cesse quant à l'ainé de ces princes qui depuis a eu le malheur de périr dans la mer Baltique. Quant au cadet qui reste en vie, il est à remarquer: qu'il approche de sa 21-e année, âge qui selon le droit saxon, indubitablemeut reçu en Holstein, donne la majorité; qu'outre cela il est reconnu et traité comme tel par la cour Impériale de Russie et par Son Altesse Impériale le grand duc, gérant lui même ses affaires et administrant son propre bien; qu'en cette qualité il a formellement accédé au traité d'échange et de cession

et qu'il parait y avoir été d'autant plus autorisé que par cette même accession il avance visiblement ses propres intérêts.

Supposé néanmoins que la cour Impériale balançât à convenir de la légalité de ce consentement tel qu'il existe, les cours ne se refusent point à ce que les droits du jeune prince Pierre-Frédéric-Louis soient expressèment réservés dans l'acte de confirmation jusqu'à ce qu'ayant atteint l'âge de majorité complet, il puisse y renoncer par une accession aux traités plus authentique.

Celle de Son Altesse Sérénissime le prince-évèque de Lubeck ne saurait être sujette à aucune difficulté de sa part et pourra être rapportée dès qu'on le voudra.

Le § 4, qui contient la clause salvatoire qu'on pense insérer dans la confirmation Impériale, pour mettre à couvert les droits prétendus par la Suède, fixe essentiellement l'attention de la cour de Russie; et le ministre plénipotentiaire est chargé de représenter à ce sujet: que Sa Majesté l'Impératrice de Russie, ainsi que Son Altesse Impériale le grand duc, envisageraient comme une preuve d'attention et de complaisance toute particulière pour elles, si Sa Majesté l'Empereur des Romains, en donnant à la Suède un acte séparé sur cette même réservation de ses droits, voulait agréer que la dite clause salvatoire fût entièrement supprimée dans l'instrument de la confirmation, que si cependant Sa Majesté, pour des raisons connues à elle, ne croyait point pouvoir entrer là-dessus dans les idées de la cour de Russie, le ministre plénipotentiaire se flatte au moins d'obtenir qu'à la clause salvatoire conçue en ces termes: sauf les droits de la branche cadette de la maison de Holstein-Gottorp, „unbeschädigt deren von der zweitgebohrnen Herzoglich-Hollstein-Gottorpischen Linie bei der Sache eintreten mögenden gerechtsamen", il soit subtitué une autre qui excepterait en général les droits de quelconque, jura cuiuscunque.

Cette dernière énonciation, quoique pour le fond la même, ménagerait cependant un peu mieux la délicatesse de la cour de Russie, laquelle ne saurait qu'être blessée par la contradiction ouverte que forme la Suède contre un arrangement qui vise aussi directement à la splendeur et prospérité permanente de la branche cadette de Holstein-Gottorp, à laquelle le sang royal de Suède lui-même appartient.

Il est du devoir encore du ministre plénipotentiaire de témoigner à monsieur le vice-chancelier la parfaite sensibilité, dont sa cour a été pénétrée, eu égard à la facilité avec laquelle Sa Majesté l'Empereur a bien voulu se prêter à sa réquisition de convertir les deux comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst en duché, aussi bien que de consentir à la transportation du suffrage de Holstein sur ce nouveau duché; et elle

se constitue garante que Son Altesse Sérénissime le prince-évèque de Lubeck ne tardera pas de témoigner à son tour la reconnaissance qu'il en doit à Sa Majesté, en réglant incessamment l'affaire de l'investiture.

Finalement le ministre plénipotentiaire a l'honneur de requérir monsieur le vice-chancelier prince de Colloredo de vouloir employer ses bons offices auprès de Sa Majesté l'Empereur, afin que l'arrangement décisif des affaires de Holstein ne courre plus risque d'être exposé à de nouveaux délais. Il accompagne ses dernières instances des sentiments de la haute estime et de la considération la plus distinguée, qu'il professe pour la personne de monsieur le vice-chancelier.

2607) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. Дошла сюда жалоба отъ войска Донского по случаю начатаго Калгою-султаномъ торга Маноцкою и другою тамошней стороны солью чрезъ россійскихъ купцовъ, по имени Сидельниковыхъ, напротивъ чего оное войско представляетъ, что такой промыслъ издревле принадлежитъ одному войску Донскому, составляя собою подобающее за службу ихъ жалованье, и утвержденъ многими какъ изъ Правительствующаго Сената, такъ изъ Военной Коллегіи и главной надъ таможенными сборами канцеляріи указами, которыми право сіе дано съ тѣмъ, чтобъ довольствоваться оному войску безпошлинно только между собою, а въ великороссійскіе города и никуда, кромѣ предѣловъ своихъ, не отпускать и никому не продавать, въ чемъ учрежденными караулами и наблюдается; но помянутые купцы Сидельниковы въ противность всѣхъ тѣхъ узаконеній отправляютъ сей промыслъ въ обиду и подрывъ тому войску, чего издревле никогда дозволено не было, почему войско Донское и проситъ, чтобъ сіе древнее право оному сохранено было принятіемъ пристойныхъ мѣръ къ воспрепятствованію Калгѣ-султану въ производствѣ соляной торговли, слѣдующей къ ихъ подрыву, или бъ въ противномъ тому случаѣ опредѣлена была для нихъ такая сумма, которая бъ достаточна была сію потерю удовлетворить.

Сколько здѣсь всегда извѣстно было, да и по картѣ, присланной предъ недавнимъ временемъ отъ вашего прев-ва о Кубанскихъ мѣстоположеніяхъ, значитъ, что Маноцкія соляныя воды въ такомъ протекаютъ отъ рѣки Дона и отъ тамошнихъ казачьихъ жилищъ разстояніи и въ такой пустынѣ, что никогда съ здѣшней стороны ни нужды, ни способовъ не было принадлежность сихъ водъ Донскому войску присвавать утвердительнымъ образомъ и въ точную дачу, слѣдовательно, какъ Донскіе казаки для собственнаго своего употребленія тамошнею солью понынѣ пользовались, да и впредь пользоваться могутъ по единственной только удобности, такъ равнымъ образомъ нельзя воспретить, чтобъ и изъ степныхъ народовъ ближе другихъ къ онымъ водамъ кочующіе не собирали тамошней соли для собственнаго своего употребленія и для продажи своимъ единоплеменнымъ, но въ отдаленіи находящимся.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Переписка чиновниковъ Росс. министерства по Крымскимъ дѣламъ 1774 г.

Ежели жъ бы такимъ образомъ все дѣло въ томъ только состояло, чтобъ Калга-султанъ по примѣру Крымскому, гдѣ соляныя озера всегда на откупъ отдаются отъ тамошняго правительства, отдалъ и Маноцкія соляныя воды купцамъ Сидельниковымъ въ такое употребленіе, чтобъ они одни со исключеніемъ всѣхъ другихъ тамошнюю соль продавали Ногайскимъ и другимъ заграничнымъ татарамъ, сіе распоряженіе, сколько бъ ни стѣсняло Донскихъ казаковъ въ ихъ соляномъ промыслѣ, можетъ быть распространявшемся донынѣ и до Кубани, не имѣло бъ однако жъ никакого видимаго основанія къ учиненію ему прекословія, ибо учрежденіе оное касалось бы не до мѣста, откуда соль получается, но до народовъ, подъ властью его состоящихъ; и когда купцы Сидельниковы могли проискать у него подобную выгодность, пускай же другіе о томъ же стараются. Еще меньше могли бъ жаловаться Донскіе казаки, ежели бъ оные купцы коснулись съ солянымъ своимъ промысломъ до такихъ, хотя и пограничныхъ, жилищъ и селеній, которыя состоятъ подъ учрежденіями о продажѣ соли изъ казны; ибо былъ бы и въ семъ случаѣ для нѣкоторыхъ изъ казаковъ подрывъ, кои по смежности съ такими мѣстами и по неудобности престереженія иногда тайнымъ подвозомъ наживались; но промыслъ недозволенный, кто бъ въ ономъ ни участвовалъ, купецъ или казакъ, ни тому, ни другому однако жъ никакого права не даетъ и не относится до ихъ взаимства, а до начальства, долженствующаго предупреждать подобныя злоупотребленія.

Неизвѣстно также, не доставляютъ-ли Донскіе казаки Маноцкой соли и въ Малороссію, въ такія мѣста, гдѣ соль въ свободной продажѣ, а туда жъ нынѣ и Калга-султанъ могъ обратить промыслъ и отъ себя чрезъ купцовъ Сидельниковыхъ. Но, не будучи Маноцкія и другіе соляныя степныя воды, какъ выше сказано, принадлежащими Донскому войску въ собственность, долженствуютъ по сущей справедливости и открытыми быть для всѣхъ, кто оными похочетъ пользоваться, въ обстоятельствахъ, никакими узаконеніями не ограниченныхъ.

Напротивъ же того, ежели всѣ вышеписанныя положенія не существуютъ, или хотя бъ нѣкоторыя и были, но Калга-султанъ, не довольствуяся оными, обратилъ бы сверхъ того продажу Маноцкой соли чрезъ купцовъ Сидельниковыхъ и въ самые Донского войска жилища и предѣлы, и о чемъ въ наружности Донскіе казаки единственно и жалуются: то сія ихъ протестація весьма справедлива не только по состоянію сего войска и присвоеннымъ издавна способамъ къ содержанію онаго, но была бъ такою непремѣнно, кромѣ сего нужнаго уваженія, до казаковъ касающагося, и по силѣ купеческихъ обрядовъ и законовъ, не дозволяющихъ торговли ни въ какомъ мѣстѣ людямъ постороннимъ къ предосужденію природныхъ жителей.

Сказавъ все вашему прев-ву, что мнѣ пришло на мысль въ разсужденіи сего встрѣтившагося дѣла между Калги-султана и войска Донского, присовокупляю къ тому и прошеніе мое къ вамъ, милостивый мой другъ, чтобъ в. прев-во изволили по принадлежности къ порученной вашему производству татарской комиссіи принять на себя трудъ разсмотрѣть оное въ прямомъ существѣ и удовольствовать Донское войско во всемъ справедливомъ требованіи, по полученіи обстоятельнѣйшихъ къ тому изъясненій и извѣстій, какъ отъ сего войска, такъ и отъ другихъ въ томъ участныхъ. Но излишно было бъ уже впрочемъ всякое здѣсь съ моей стороны примѣчаніе о нуждѣ притомъ къ осторожности, чтобъ Калга-султанъ не возымѣлъ однако жъ повода къ какому-либо огорченію. Ваше прев-во сами вѣдаете предовольно, что онъ неизмѣнною своею къ Ея Императорскому Величеству преданностію заслуживаетъ особенное уваженіе; кольми паче необходимо въ на-

стоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ съ Портою Оттоманскою и съ Крымомъ отъ всего того удаляться, что его унылымъ учинить могло бъ, почему я въ полномъ надѣяніи и остаюсь къ свойственной вашему прев-ву прозорливости въ изобрѣтеніи способовъ не только пристойныхъ съ нынѣшнимъ временемъ, но совокупно, сколько возможно, и достаточныхъ къ совершенному Донского войска съ нимъ разведенію, безъ оскорбленія его и самолюбія. Всегда пребуду и проч..

Въ С.-Петербургѣ, 9 Декабря 1774 г.

2608) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 12 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

A St.-Pétersbourg, ce 11 Décembre 1774.
(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 2 Декабря 1774 г.).

J'ai l'honneur de vous renvoyer ci-joint, M-r, le projet d'acte séparé pour le commerce, sur lequel vous trouverez transcrites en marge toutes les additions que nous désirerions y faire entrer. Vous voudrez bien le délivrer en cet état à la délégation comme contre-projet et vous employer autant que vous le verrez possible à le faire admettre. Comme nous ne changeons rien à l'essentiel du projet et que tout ce que nous demandons au-delà porte une réciprocité parfaite d'avantages pour les deux parties, il ne paraîtrait pas que cette négociation dût rencontrer beaucoup de difficultés. Mais l'état de besoin de la république, qui lui fait chercher à se faire un revenu de tout, peut-être lui donnera trop d'éloignement pour ces franchises que nous établissons aux articles 3, 4 et 5. Si vous voyez trop de résistance et que cela dût ou empêcher la conclusion de l'affaire ou la reculer trop loin, je dois vous prévenir, M-r, qu'il ne vous est pas prescrit d'ici d'insister sur ces additions à toute rigueur. Après que vous aurez raisonnablement fait vos efforts pour les faire passer, si vous n'y réussissez pas, vous êtes autorisé au besoin à admettre le projet de la délégation tel qu'il est et à signer sur ce pied-là d'autant que ceci n'est pas le traité même de commerce, qui est réservé à d'autres temps, et que nous n'avons d'autre but que de porter par notre exemple les deux autres cours à faire leur traité de commerce avec la république, bien plus important pour elle que le nôtre. Quant à l'autre acte séparé contenant diverses stipulations, j'aurais désiré que le terme pour l'exemption de la traite foraine, fixé à 6 ans par l'article III, fût réduit à 3 ans, et aussi que les articles VII et XII eussent été omis. Cependant, M-r, les deux premiers points vous étant

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

communs avec vos deux collègues, il ne vous sera par possible de faire autrement qu'eux, et sur le troisième il est en quelque sorte indispensable que vous le passiez pour ne pas contredire les promesses, que vous avez dû donner sur la chose pendant le cours de votre négociation. Mais je ne puis m'empêcher de vous observer, que je crois à propos à l'article V de répéter la fixation ou terme pour l'exemption de traite foraine, ce qui se pourra faire en omettant ce mot toujours dans le corps de cet article V et en ajoutant à la fin les lignes ci-après soulignées: «bien entendu que l'exemption de traite foraine n'aura lieu que pour le terme de 3 années à compter du temps où sera ouvert le droit des intéressés».

Je dois aussi vous observer, que l'article VIII devra être omis comme ayant déjà eu son exécution. De cette façon vous voilà autorisé. M-r, sur l'un et l'autre acte séparé, et rien ne vous retiendra plus de mettre fin à cette négociation. J'ai l'honneur d'être etc.

Къ депешѣ приложенъ нижеслѣдующій проектъ сепаратнаго акта о торговлѣ между Россіей и Польшей. Все добавленное въ подлинникѣ на поляхъ заключено въ прямыя скобки.

Проектъ сепаратнаго акта относительно торговли между Россіей и Польшей.

Le 1-r acte séparé contenant tout ce qui regarde le commerce entre les deux états contractants.

Ayant stipulé par l'article du traité récemment conclu et signé le„ "Septembre 1773 de faire un acte séparé sur tout ce qui peut avoir rapport au commerce entre les habitants de l'Empire de Russie et de la république de Pologne, les mêmes plénipotentiaires nommés dans le corps du dit traité et autorisés pour cet effet, ont statué et conclu à cette fin les articles suivants qui doivent avoir la même force et valeur, comme s'ils étaient insérés mot pour mot dans le traité.

I.

Voulant encourager et protéger le commerce entre les habitants des deux états, les deux hautes parties contractantes confirment de la manière la plus solennelle tout ce qui a été jusqu'ici conclu entre eux par rapport au commerce réciproque, et nommément entre autres l'article XVIII du traité de 1686 et l'article VIII de celui de 1768, ainsi que les constitutions faites en faveur des marchands russes commerçants dans les états de la république de Pologne, et leur permettent de trafiquer librement et de demeurer librement dans leurs états pour les affaires de commerce, [ainsi que d'établir des consuls de part et d'autre, si le besoin le demande], en promettant de les protéger et favoriser en tout et partout autant qu'il sera possible, pour encourager et faire fleurir par là d'autant plus le commerce, comme cela se pratique par les autres nations amies et alliées; et les deux hautes parties contractantes se promettent en tout la plus parfaite réciprocité.

II.

Il y aura donc à l'avenir un commerce libre entre les habitants des deux états, de même qu'il a été jusqu'à présent. Et comme la république de Pologne, ne faisant que sortir d'une confusion aussi longue que générale et destructive, ne saurait à présent apercevoir avec justesse et régler tous les avantages de son commerce, les deux hautes parties contractantes se réservent de spécifier à l'avenir tout ce qui peut contribuer à ses avantages et à établir une réciprocité parfaite qui convienne entre les deux états voisins.

III.

Le commerce du sel de Riga dans le grand duché de Lithuanie en étant une branche principale et d'une nécessité indispensable, Sa Majesté le Roi et la république de Pologne promettent, qu'il sera toujours aussi libre qu'auparavant et declarent qu'ils ne promettront ni favoriseront et ne consentiront jamais à établir dans ce duché quelque dépôt de sel que cela soit, de quelque compagnie étrangère ou nationale, mais qu'au contraire ils ne souffriront jamais de monopole et feront confisquer toutes et tant de fois tout sel, qui y sera introduit pour cet effet ouvertement ou clandestinement. [Et réciproquement Sa Majesté Impériale de toutes les Russies voulant favoriser, selon que le voisinage de ses états le facilite, l'approvisionnement de sel nécessaire à la Pologne, déclare qu'il sera permis à tous les sujets de la république, lithuaniens ou polonais sans distinction, de venir se pourvoir de sel dans toute l'étendue du gouvernement de la Russie Blanche aux magazins de la couronne, où le sel leur sera délivré en tout temps et en telle quantité dont il sera besoin et au même prix qu'aux propres sujets de Sa Majesté Impériale; et il est convenu entre les deux puissances que le transport de toute sorte de sel ne payera aucun droit de sortie ou d'entrée, douane, péage, ou autres droits quelconques ni en Russie, ni en Pologne].

IV.

La rivière de Dvina faisant la frontière entre les deux états respectifs, la navigation sera commune aux deux puissances, [et leur intention étant de l'encourager et de la favoriser spécialement, elles déclarent que la navigation en allant à Riga ou en venant de cette ville, sera parfaitement libre et franche de tous droits pour les deux nations: savoir—les sujets de la Russie navigant des pays appartenant à cette puissance par la Dvina à Riga, ou de Riga par cette rivière aux dits pays, et transportant leurs productions, effets et toutes autres marchandises que ce puisse être, ne payeront aucun droit pour la dite navigation et le dit commerce ni à la Russie, ni à la Pologne, encore que sur les routes ils fussent obligés de toucher, ancrer, relâcher ou s'arrêter pour quelque cause que ce soit à la rive ou aux rives appartenantes à l'une ou l'autre puissance; et réciproquement les sujets de la république de Pologne jouiront de la même liberté et franchise de la part des deux puissances pour leur navigation et leur commerce par la Dvina avec Riga des pays appartenant à la république; et enfin, que cette franchise ne puisse donner lieu à des abus de part ou d'autre, il est convenu que les navigateurs sur la Dvina, tant russes que polonais, venant de Riga, s'y pourvoieront d'un certificat pour constater, que c'est de cet endroit et non d'un autre qu'ils sont partis]. Et elles observeront la réciprocité la plus parfaite dans les droits à percevoir des

bateaux, savoir la puissance à laquelle appartient la rive où ils aborderont percevra les droits, et le nombre ainsi que les emplacements des douanes seront réglés par les deux parties contractantes.

V.

Quoiqu'il soit déjà stipulé par les traités précédents et confirmé par le présent, que les douanes et péages des particuliers soient abolis, Sa Majesté le Roi et la république de Pologne promettent de le faire observer le plus strictement et de faire punir rigoureusement, en cas que quelqu'un osât y contrevenir. De même ils promettent que la justice aux marchands russes trafiquant en Pologne ou par la Pologne, en cas qu'ils seraient lèzés par les sujets polonais, sera toujours rendue sans aucun délai et sur le champ, afin que le commerce n'en soit interrompu ou retardé. Pareillement Sa Majesté Impériale de toutes les Russies promet la même chose de son côté aux marchands de Pologne trafiquant dans ses états. [En outre les deux puissances, désirant d'unir entre eux leurs sujets et de les faire jouir de tous les avantages d'un bon voisinage, déclarent qu'elles permettent et affranchissent de tout droit d'entrée et de sortie de douanes, péages, transit, et généralement de quelque droit que ce soit, l'achat et le transport des vivres de toute espèce dont les sujets de l'une trouveront à se pourvoir dans les états de l'autre].

VI.

Le commerce du grand duché de Lithuanie avec la ville de Riga sera libre sans aucun droit d'entrée sur les produits de la Pologne, ni de sortie sur les marchandises qu'elle reçoit de là en échange.

VII.

[Il sera libre et permis aux marchands et sujets des deux puissances, en cas de maladies, ou en quelque temps que ce soit auparavant ou même à l'article de la mort, de léguer par testament ou par quelque autre disposition que ce puisse être, ou de donner les marchandises, effets, argent, dettes à recevoir et tous biens meubles, qui leur appartiendront ou devront leur appartenir à l'heure de la mort, dans toute l'étendue de leurs états, et] s'il arrivait que quelque marchand russe venait à mourir en Pologne ou un marchand polonais en Russie, [soit qu'il ait testé ou non], leurs marchandises, effets et tout ce qu'il pourra laisser seront remis sans en rien détourner ou retenir, sur quittance à ses compagnons, parents, ou à celui qui se présentera pour les recueillir. [Bien entendu que les testaments ou le droit de succéder *ab intestat* seront prouvés selon les lois dans les lieux où la personne sera décédée et que sur tout ce qui sera transporté hors du pays, il sera payé un droit de dix pour cent de sa valeur].

VIII.

Comme pendant les derniers troubles de ce royaume plusieurs marchands russes ont été massacrés, pillés et réduits à la dernière misère par les sujets de la Pologne, Sa Majesté le Roi et la république promettent de faire examiner les dites pertes, de faire rendre la justice aux lèzés et de les dédommager de leurs pertes aux dépens des biens meubles et immeubles des coupables ou de leurs héritiers.

2609) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 13 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

A St.-Pétersbourg, ce 11 Décembre 1774.
(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 2 Декабря 1774 г.).

Vous vous trouvez déjà en butte, M-r, à des instances et des importunités de la délégation par rapport à la sortie de nos troupes. Ce n'est, selon que j'imagine, qu'une formalité de leur part pour se mettre en règle vis-à-vis des deux autres cours intéressées à la chose, à raison de la parfaite égalité de demarches qui doit subsister entre nous. Car il est impossible que sérieusement ils voulussent donner effet à nos promesses du terme de la signature de la paix. Ce n'est pas sa conclusion seule, mais la ratification des deux parts et l'exécution succesive des conditions, qui nous permet de faire replier graduellement nos armées et d'évacuer les pays, tant amis qu'ennemis, que nous avons occupés. Or ils voyent clairement par la marche des choses, que notre sortie de Pologne est la dernière en date de toutes ces opérations. Mais qu'ils soient bien tranquilles, nous n'y resterons plus que le temps que la plus évidente nécessité et avouée d'eux mêmes demandera.

Vous avez donné avis ici, que dans l'arrangement entre le Roi et le parti patriotique vous avez été obligé de promettre quelques pensions pour faciliter les choses, et nommèment vous recommandez l'évèque de Cujavie et le chancelier, comme ceux dont la Russie doit s'assurer pour l'avenir. Ces vues ont été approuvées par Sa Majesté Impériale, et vous pouvez faire état que vos engagements seront remplis. On entend cependant ici qu'ils ne commenceront avoir lieu que du moment où toutes les affaires actuelles seront terminées, puisque ce n'est qu'alors que nous aurons proprement un parti séparé à nous et que nous devrons commencer à le payer. Jusque là il faut tâcher que toutes les charges et les dépenses soient réparties aussi également qu'il sera possible entre les trois cours; rien n'est plus juste que cela.

Je ne sais, s'il n'y aura point de l'inconvénient à l'idée que vous proposez de ne pas dissoudre la diète après la conclusion des affaires intérieures, mais de la laisser reposer jusqu'à l'entière démarcation des limites. Toute cette machine là se démontera, si nous ne la soutenons pas perpétuellement, et de la façon dont pensent les deux autres cours, ce serait sur nous que porterait tout le fardeau. De plus sur l'affaire

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

même des limites, tant qu'une confédération et une diète subsistent, les polonais peuvent plus promptement se porter à quelque résolution et à des scènes qui causent une rupture avec l'une ou l'autre des deux cours, avec qui elles sont en contestation. Ne sera-t-il point plus avantageux et plus prudent, lorsque les actes séparés auront été signés et le conseil permanent installé dans ses fonctions, de dissoudre la diète et la confédération, en laissant ainsi la Pologne dans son nouveau gouvernement? Je remets au reste ce point à ce que vous en jugerez de concert avec vos collègues et vos vrais amis. J'ai l'honneur d'être etc.

2610) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 14 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 11 Décembre 1774.

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 2 Декабря 1774 г.).

Il est vrai que le duc de Courlande m'a communiqué les lettres qu'il a reçues du Roi et de vous, M-r, pour l'engager à donner sa renonciation formelle de sa prétention de deux cent milles écus sur la maison de Saxe. Sans le presser ni l'exhorter à cet acte de condescendance, puisque rien ne m'y autorise, j'ai cependant cherché à l'y disposer autant qu'il m'a paru convenir, en lui faisant entrevoir d'autres objets, sur lesquels la république est en état de le favoriser et qui pourraient compenser le sacrifice actuel qu'on lui demande. Je crois qu'il est à-propos que je vous communique, comme je fais ici, une copie de la lettre que je lui ai écrite à cet effet de l'approbation de Sa Majesté Impériale [2]). S'il donne la rénonciation formelle qui lui est demandée, cette affaire se trouve réglée au gré de tout le monde. Mais s'il s'y refuse, M-r, alors vous pouvez faire entendre où vous êtes, qu'il serait autant contre l'équité que contre la dignité de votre cour d'employer et de souffrir qu'il soit employé aucune voie d'autorité pour l'y astreindre. Vous leur remarquerez, que dans une pareille circonstance vous ne trouvez aucun autre parti que de remettre l'affaire dans l'état de silence et d'oubli, où elle a été déjà mise sous vos prédécesseurs et d'arrêter toute action présente de part ou d'autre, qui tende à la réveiller. Vous vous employerez même de toutes vos forces à amener la pluralité à cet avis. Mais une chose encore que j'ai à vous demander, M-r, c'est que vous vouliez bien rendre au duc de Courlande tous les bons offices qui dépendront de vous pour la commission dans ses duchés, ainsi que vous voyez que je m'en suis avancé vis-à-vis de lui dans ma lettre. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.
[2]) См. выше № 2589.

2611) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 15 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 11 Décembre 1774.
(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 11 Декабря 1774 г.).

Ce n'est qu'avec un juste étonnement qu'on a appris ici, M-r, par votre lettre d'office à moi...[2]), par pareille lettre de m-r de Simoline, ministre à Mitau, et enfin par les plaintes du duc de Courlande lui même, qu'il s'agite actuellement un projet à Varsovie d'imposer à la Courlande la levée et l'entretien perpétuel d'un régiment pour le service de la république, lequel serait joint et incorporé à l'armée de Lithuanie. Quelque soit l'enthousiasme actuel des polonais ou au moins de partie d'eux pour l'augmentation et l'établissement sur un meilleur pied de leur militaire, on ne leur prêtera point d'être venus par combinaison et par espérance d'utilité à un expédient aussi absurde que celui-là. Il n'est que trop visible, que la passion toujours subsistante contre le duc de Courlande et qui saisit avidement toute occasion ou tout prétexte de le mortifier et de lui susciter des embarras, a seule enfanté une pareille découverte. Quoiqu'il en soit, de pareilles choses ne doivent point se passer devant vous, M-r, sans que vous donniez à connaître, que rien ne vous est indifférent de ce qui touche aux relations de la république avec la Courlande et avec le duc. Vous ferez vos justes représentations pour qu'on renonce à un projet, dont l'arbitraire n'aurait pu passer même dans des siècles où on ne connaissait d'autre ordre et d'autre équité que la rigueur du droit féodal, et qui surtout est expressèment rejeté par les pactes de sujétion et la forme de gouvernement de la Courlande; et afin qu'on ne s'obstine pas sur une prétention si étrange et si irrégulière, vous insisterez autant qu'il en sera besoin sur l'obligation comme sur l'intérêt, qui existe pour Sa Majesté Impériale de ne point laisser enfreindre et anéantir les privilèges d'un pays d'une si grande considération pour son Empire, soit par sa situation, soit par l'indépendance de son gouvernement.

Rien ne prouve mieux encore que ce ne sont nullement des vues de bien-être pour la république qui ont fait éclore ce projet, que l'idée dont en même temps on s'occupe et à qui on attache tout autant d'importance, d'entretenir permanemment un ministre à Mitau. Deux choses si différentes quant à l'intérêt qui en peut résulter pour la république,

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.
[2]) Пропускъ въ подлинникѣ.

se le disputent aux yeux des polonais pour l'objet de causer plus de désagrément au duc. Une pareille mission, dès lors nuisible en ce qu'elle est une nouveauté dont il n'y a point d'exemple et dont il n'y a aucun fruit à se promettre, s'annonce comme bien plus dangereuse, quand on voit qu'on choisit pour la remplir l'homme déclaré le plus ouvertement l'ennemi du duc, et qu'on se démasque par là qu'on veut fortifier le parti opposé à ce prince de toute l'autorisation du pouvoir suzerain, dont le ministre sera toujours un interprête à la dévotion de l'intrigue et de la malignité.

Il ne sera point déplacé que vous fassiez sentir aussi, que l'envie de chicaner les affaires propres de la Russie en Courlande peut fort bien être entrée dans la vue d'une telle mission, et que l'Impératrice a d'autant plus de droit de demander au Roi par vous de ne point pousser cette affaire. Vous devez en outre par toute l'influence qui est en votre main vous opposer à ce qu'elle ne puisse avoir son effet. J'ai l'honneur d'être etc.

2612) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 16 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 11 Décembre 1774.
(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 11 Декабря 1774 г.).

Vous savez, M-r, que l'affaire de Dantzig reste toujours dans le même état d'indécision. Le commissaire de l'Impératrice le comte Golowkine fit il y a quelque temps une déclaration portant menace de mettre fin à sa commission et de partir. L'ordre vient de lui être envoyé de réaliser ces avances, et il revient ici. Il n'est que trop évident, que les Dantzicois ne se roidissent contre toute raison et toute justice et contre leur intérêt le plus clair, que parce qu'ils sont soufflés et que l'idée, qu'enfin il y aura de la mésintelligence entre les trois cours, leur tourne la tête. Ce n'est pas à la cour où vous êtes, que cette chimère là du renversement de notre concert est le moins en crédit et qu'on travaille le moins à la faire admettre aux autres et surtout aux Dantzicois. A présent que vous êtes rentré en de bons termes avec le Roi, engagez ce prince à donner tout un autre cours à son influence sur Dantzig, et réellement ce sera pour lui travailler au bonheur de cette ville que de la porter à s'arranger avec le Roi de Prusse. Qui perd faute de cet arrangement? Le Roi est nanti, il perçoit tous les droits, il reçoit plus que si

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

l'accord était fait, et la ville manque de tout, est dans des entraves et des alarmes continuelles. Enfin, M-r, montez cette affaire sous la face la plus propre à faire impression et voyez, si de votre poste vous ne pourriez pas écarter des obstacles plus de prévention, de chicanes et de mauvaise volonté, que d'autres choses qui ont tenu contre tous les moyens que nous y avons employés sur les lieux. J'ai l'honneur d'être etc.

2613) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 17 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 11 Décembre 1774.

J'eus dernièrement l'honneur de vous prévenir, M-r, que nos commissaires pour la démarcation des frontières allaient d'abord se rendre aux lieux où se doit faire leur opération et que leurs instructions leur venaient d'être envoyées. Aujourd'hui j'ai l'honneur de vous envoyer une traduction en français de ces instructions, que j'ai fait faire pour votre information. Je n'ai pas besoin au reste de vous observer que cette communication n'est que pour vous seul; le style de la pièce vous annoncera déjà, qu'elle doit rester dans le secret de nos chancelleries. J'ai l'honneur d'être etc.

2614) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2])

St.-Pétersbourg, ce 11 Décembre 1774.

Par la dernière lettre confidentielle que je viens de recevoir de vous, mon cher ami, je vois que le dernier terme pour l'arrangement de l'affaire des dissidents vient encore d'être changé. Il n'est plus question de cet engagement que vous présumiez qu'on vous demanderait, que la cour n'employerait jamais la force pour les faire élire, lequel, pour vous le dire en passant, me paraissait inconciliable avec la dignité de l'Impératrice et le respect dû à sa bonne foi. Car dès qu'il n'existerait point de loi qui statuât la nécessité d'élire un certain nombre de dissidents, de quel droit l'Impératrice voudrait-elle procurer de force une telle élection et comment lui proposer décemment, qu'elle déclare s'abstenir d'une chose qu'elle ne pourrait faire avec justice? Mais ce n'est plus là où nous en sommes. Vous me demandez mon sentiment sur l'arternative suivante: si l'espérance quoique chimérique de la légis-

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.
[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 37.

lation intéresse la dignité de notre cour, alors la chose reste sur le pied stipulé d'abord; ou si, abandonnant une prérogative qui restera toujours sur le papier, vous devez obtenir pour eux des lois positives, qu'il y aura toujours des dissidents dans l'assessorerie de tous les tribunaux et tous les dicastéres quelconques. Il n'y a pas de doute, que ma façon de penser est et a toujours été, que s'il n'en résultait point une secousse trop violente pour le reste des affaires, le mieux serait de couper court à toute négociation par rapport aux dissidents et de s'en tenir au traité de 1768. Cependant nous nous sommes embarqués dans l'arrangement de cette affaire, et il faut en sortir de quelque façon que ce soit. Par raison d'état et par humanité, j'aimerais mieux, tout dur qu'il est, passer le second membre de votre alternative, que de remettre les choses dans leur première confusion; mais ce point, vous le savez, est tel, que nous ne le prendrons point sur nous, ni vous, ni moi. Ecrivez moi donc une lettre d'office, mon cher ami, et couchez y votre alternative, mais après vous être assuré auparavant là où vous êtes, que la chose sera faite et finie, si vous obtenez la résolution de votre cour, et que nous n'aurons pas à suivre plus loin les polonais dans le dédale de leurs chicanes, et aussi en produisant à la cour par quelque mémoire, lettre ou autre papier des dissidents ou au moins des plus signifiants de leur communauté, que cette résolution leur sera plus avantageuse et plus sûre, que si on s'obstinait à les maintenir dans le droit aux places de nonce. Pour ce qui est de l'expédient que vous m'avez proposé sur la question de l'exclusion des princes étrangers, je m'avencerai à vous dire, que vous pouvez la passer et vous contenter du mot de Piaste, sans le terme exprès de l'exclusion des princes étrangers qui peut choquer, et sans qu'il soit besoin de réchauffer cette affaire à la cour. Après qu'elle aura été ainsi réglée, s'entend d'un parfait accord avec vos deux collègues, vous en ferez rapport comme d'une chose terminée et vous omettrez même de faire mention, que la façon dont elle l'aura été soit une modification à votre plan, et dans le fait ce n'est qu'une question de mots.

Autre chose, mais d'une autre nature que celle-là, que je vous prie de me proposer dans une lettre d'office, c'est le présent que vous voulez que j'obtienne pour m-r Glaire. La chose aura lieu, je n'en doute point, du moins j'appuyerai fortement votre représentation, je trouve en moi le même fond d'intérêt et d'estime que vous avez pour ce galant homme.

A présent je viens à vous personnellement, mon cher baron. Soyez, je vous prie, bien tranquille pour votre caractère d'ambassadeur, c'est une chose sûre que vous le serez aussitôt que nos affaires particulières seront terminées. N'ayez point peur, ni que cela manque, ni qu'on vous

fasse attendre après. Je tire parti, comme je le dois, de votre représentation et de vos fêtes. Il m'a paru qu'on vous savait gré de votre illumination. Je chercherai, de façon ou d'autre, à vous bonifier cela. Laissez venir l'occasion; ma bonne volonté est là pour en profiter. Adieu, mon cher baron.

Ceci écrit, j'ai reçu encore votre lettre d'office, ainsi que la lettre particulière qui la suivait, du $^{5}/_{16}$ Novembre. Je vous réponds par mon expédition de ce jour à tous les points que vous avez demandé et dont vous avez joint la note. Entre autres vous aurez une lettre d'office sur la façon de répondre aux instances, qui vous sont faites pour la sortie de nos troupes. J'y ajoute encore ici de ma part et à titre d'ami, qui fait cause commune avec vous dans votre direction des affaires, qui est, que vous vous communiquiez avec le général Romanius et que vous le portiez à consentir à la taxation des livraisons actuelles à nos troupes aux prix courants, et cela en lui représentant que le temps de troubles qui avait motivé et autorisé la première taxation n'existant plus, nous n'avons aucun droit de refuser de payer au prix courant des gens, chez lesquels nous sommes censés rester actuellement pour nos propres affaires et non pour les leurs, et qu'en agissant autrement, on aura raison de crier contre nous et de nous chicaner sur d'autres affaires. Après que vous aurez réglé ce point, en donnant avis ici, vous y exposerez les mêmes raisons ci-dessus, et je n'ai nul doute que cela ne soit alloué. Adieu donc, mon cher baron, je suis etc.

2615) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 11 Декабря 1774 г.).

A St.-Pétersbourg, ce 12 Décembre 1774.

Je vois par la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, M-r, et aussi par ce que m'a dit m-r de Numsen, que l'on n'est pas trop disposé où vous êtes à partager les frais, que coûtera l'expédition de tous les actes de notre affaire de Holstein. En vérité je ne sais pas, sur quoi peut se fonder l'exemption, en laquelle la cour de Danemark se prétend être de cette contribution. Commençons par convenir de bonne foi qu'il n'y a qu'une seule affaire, qui est l'échange, et que tout le reste n'est que des accessoires qui y tiennent immédiatement. Pourra-t-on regarder comme indifférent aux vues de fermer toutes les portes à des

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 11, и Голштинія, IX, св. 1.

altercations entre la Russie et le Danemark, que la première ne garde pas en sa main les objets échangés, qu'elle renonce à sa voix parmi les princes de l'Empire, enfin qu'elle veuille ôter d'elle tout prétexte, tout moyen qui pût réveiller en elle l'idée de ces anciennes contestations? Je ne le crois pas; ainsi il y a équité à la chose et de plus il y a droit, de la façon dont les stipulations ont été rédigées. N'est-ce-pas un principe qui ne saurait être rejeté, que dès que les deux cours se sont engagées à obtenir conjointement de la cour Impériale des Romains tous les actes sans exception, nécessaires à l'arrangement de l'affaire du Holstein, elles doivent toutes les deux et par parties égales acquitter les taxes sans lesquelles les actes ne s'obtiendront jamais, puisqu'il est vrai de dire, que ce n'est qu'après l'obtention effective des actes seulement que finit l'obligation des deux cours, et non après des démarches et sollicitations de leurs ministres, comme l'annoncerait le sentiment présent de la cour de Danemark? Je vous prie, M-r, de faire des représentations et des instances à ce sujet où vous êtes; la cause ne peut que gagner à être approfondie, et s'il fallait encore ajouter à la justice qu'elle porte avec soi, je ne vous cacherai point que dans un état d'union aussi parfaite que celle qui subsiste entre les deux cours, la bonne foi, où peut se trouver l'une sur la valeur de telle ou telle condition, ne peut manquer d'influer sur la résolution de l'autre. Aussi je mets quelque confiance, et même beaucoup, en ce qui vous a été fait entendre à la fin, que cela s'arrangera. C'est à quoi je vous prie de vouloir bien vous employer, et je vous avoue que ce serait une peine de ce côté-ci, que cela souffrît des lenteurs et des explications. J'ai l'honneur d'être etc.

2616) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ И. С. БАРЯТИНСКОМУ ВЪ ПАРИЖЪ [1]).

Государь мой князь Иванъ Сергѣевичъ. По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію отправляется нынѣ инженеръ-капитанъ Корсаковъ для осмотрѣнія имѣющихся въ Англіи, Франціи, Голландіи и Прусскихъ земляхъ водяныхъ сообщеній и полученія нужныхъ свѣдѣній къ производству подобныхъ въ отечествѣ нашемъ; а съ нимъ для вспоможенія и обученія посылается инженернаго корпуса капралъ князь Бабичевъ. Теперь выдано имъ здѣсь на проѣздъ до Англіи обоимъ четыреста червонныхъ, да на содержаніе ихъ, считая съ 1-го сего Декабря впредь на годъ, первому—тысяча двѣсти, а другому—шестьсотъ рублей. По истеченіи сего времени то опредѣленное имъ жалованье получать они имѣютъ отъ находящихся въ тѣхъ мѣстахъ,

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 15. Такого же содержанія письма отправлены къ посланникамъ въ Лондонъ, Гагу и Берлинъ; апробованы Императрицей 16 Декабря 1774 г. (М. Г. А. Доклады, св. 3—Англія).

гдѣ они будутъ, министровъ Ея Императорскаго Величества, отъ коихъ предписано реченному капитану требовать также и потребныя имъ между тѣмъ на переѣздъ отъ одного мѣста до другого деньги. Итакъ, увѣдомляя в. с-во о сей высочайшей волѣ всемилостивѣйшей Государыни нашей, поручаю ихъ въ покровительство ваше и прошу васъ доставить имъ, въ бытность ихъ у васъ во Франціи, всевозможное вспоможеніе и способы къ исполненію порученнаго имъ дѣла и доносить о успѣхахъ онаго въ отправляемыхъ вами сюда депешахъ, а на выдаваемыя имъ деньги присылать на мое имя векселя. Сколько же когда выдадите вы имъ жалованья, о томъ не излишне будетъ вамъ сообщать и другимъ министрамъ для ихъ извѣстія. Я уповаю, что вы исполните сіе во всей точности и имѣю честь быть съ особливымъ почтеніемъ и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 16 Декабря 1774 г.

2617) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

По учиненной между любезнѣйшимъ сыномъ нашимъ Цесаревичемъ и Его Величествомъ Королемъ Датскимъ сдѣлкѣ, остается навсегда въ Голштиніи, а именно въ городѣ Килѣ, Россійская церковь для подданныхъ нашихъ, производящихъ свободную торговлю въ земляхъ герцогствъ Голштинскаго и Шлезвигскаго. Мы опредѣляемъ на содержаніе оной церкви въ годъ 1,300 рублевъ, а именно: священнику по 600 р., тремъ дьячкамъ каждому по 200 р. и на церковныя потребности по 100 р. въ годъ, считая съ 1 Генваря сего года, и повелѣваемъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ каждый годъ требовать сію сумму 1,300 р. изъ нашей Коллегіи Экономіи и, получа, доставлять къ нашему при королевскомъ Датскомъ дворѣ министру, подъ вѣдомствомъ котораго та церковь состоять имѣетъ.

Екатерина.

С.-Петербургъ, 16 Декабря 1774 г.

2618) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Мы всемилостивѣйше апробуемъ нужнымъ признанное вами, по отзыву къ вамъ нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева, удержаніе въ дѣйствительномъ исполненіи, до точнѣйшихъ повелѣній нашихъ, плана о учрежденіи въ Ногайскихъ ордахъ особенной и независимой власти, присланнаго сюда къ разсмотрѣнію при послѣдней вашей депешѣ отъ 30 Ноября, и который, будучи располо-

---

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной экспедиціи, № 358.

[2]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Щербинину 1770—1775 г.г.

женъ, будто бы вещественно уже и явнымъ образомъ настало Крымское соединеніе съ Портою Оттоманскою, нынѣ, напротивъ того, когда еще дѣла паки находиться начали только что въ сумнѣніи, и подлинно весьма отложенъ быть можетъ въ ожиданіи вящей достовѣрности. Но, какъ видите вы изъ сего, что мы еще подлинныхъ однако же извѣстій не имѣемъ, въ какомъ положеніи Порта Крымцевъ, наконецъ, оставить похочетъ, чая съ вѣроятностію противныхъ съ ея стороны происковъ и далѣе, и по тому уже обстоятельству, что она отправленныхъ къ ней изъ Крыма депутатовъ съ прошеніемъ о принятіи татарскаго общества попрежнему въ ея подданство маня, при себѣ удерживаетъ и медлитъ имъ отказать и дать отвѣтъ, сходственный съ постановленіями и обязательствами мирнаго трактата: то и требуетъ благоразумная политика, чтобъ мы въ такое время и при такихъ явленіяхъ не сидѣли, такъ сказать, и съ нашей стороны поджавъ руки въ безпечномъ ожиданіи утвержденія татарскихъ народовъ жребія единственно отъ литеральныхъ разумѣній нашего объ нихъ съ Портою, хотя и торжественнаго, соглашенія, но всѣ мѣры и способы употребили, какіе только удобны и возможны суть, не предосуждая состоявшемуся миру и происходимымъ изъ того уваженіямъ, къ предупрежденію рушимости снисканной нашими трудами и подвигами для народовъ татарскихъ свободы, дѣлая всякое на то и тайное покушеніе труднымъ, или и вовсе невозможнымъ.

Сколько бы Крымцы ни были Портою поощрены и обнадежены въ настоящемъ своемъ развратномъ поведеніи, но если найдемся мы въ состояніи всѣ Ногайскія орды, находящіяся на Кубанской сторонѣ, совокупить въ единомысліе, и чему, кажется, неминуемо и должно воспослѣдовать, въ такомъ случаѣ, когда всѣ онѣ и впредь на Кубани остаться имѣютъ, дѣйствительность ихъ на Крымскій полуостровъ инфлуэнціи достаточна и будетъ уничтожить всѣ вредныя слѣдствія отвращенія тамошняго правительства отъ независимости, равно какъ, ежели бъ нѣкоторыя и изъ ордъ Ногайскихъ, утвердясь въ противныхъ обольщеніяхъ, и до нихъ уже коснувшихся, согласились изъ нынѣшнихъ своихъ мѣстъ перейти въ Крымъ, тогда взаимнымъ образомъ и послѣдніе изъ Ногайцевъ долженствовали бы уже соображаться Крымскому же произволенію.

Сіе разсужденіе, при продолжающейся смятности въ дѣлахъ татарскихъ, и пока извѣстнѣе не учинится, чего съ подлинностью ожидать будетъ можно отъ оказываемаго Портою потворства Крымской къ рабству суевѣрной ревнительности, и составляетъ съ нашей стороны заботу главнѣйшую теперь въ томъ, чтобъ со всѣмъ возможнымъ раченіемъ искать усладить и въ наилучшей пріятности дать восчувствовать Ногайцамъ пребываніе ихъ на Кубани, и тѣмъ предо-

храняя ихъ отъ разсѣянія, толико для нашихъ видовъ вреднаго, присвоить татарскому свободному состоянію, въ большей сего народа части, твердость, не преодолимую силами меньшей эломысленной, несмотря на тайное сихъ послѣднихъ Портою подкрѣпленіе, и къ чему такимъ образомъ и вы не оставите безъ употребленія всѣхъ пристойныхъ способовъ, мѣръ и подвиговъ, какіе только проницаніе ваше представить вамъ можетъ, въ настоящей народовъ татарскихъ обоюдности и при сумнительствѣ ихъ склонностей.

По здѣшнему жъ разсужденію первое и лучшее основаніе податься можетъ къ симъ искательствамъ ускореніемъ примиренія Калги-султана съ Эдиссанскимъ начальникомъ Джанъ-Мамбетъ-беемъ, а единогласіе сихъ Ногайскими татарами почитаемыхъ особъ и долженствуетъ потомъ облегчить ваше въ разсужденіи и прочихъ ихъ начальниковъ упражненіе. Вы, продолжая для того съ усугубленіемъ ваши старанія убѣдить какъ наискорѣе Калгу-султана на примиреніе съ Джанъ-Мамбетомъ, имѣете ему въ дружеской довѣренности изъяснить, что при колебленности татаръ Крымскихъ, и при распространившемся уже соблазнѣ и до Ногайскихъ, собственная его безопасность и сохраненіе, да и самая слава требуютъ, чтобъ былъ онъ съ такимъ сильнымъ въ Ногайцахъ человѣкомъ, каковъ Джанъ-Мамбетъ, въ согласіи и во взаимномъ соотвѣтствіи, для предваренія всякихъ противъ себя подысковъ и для удержанія татаръ и отъ подверженности, уничтожающей какъ всѣ съ нашей стороны оказанныя имъ благодѣянія, такъ и собственные его въ томъ подъятые труды, за которые онъ, буде Крымское зломысліе и въ Ногайцахъ превозможетъ, заплаченъ будетъ уже вообще и отъ всѣхъ татаръ крайнею неблагодарностью, а сверхъ того подверженъ быть можетъ и явной напасти, увидя себя, можетъ быть, преданнымъ на произволеніе Порты, которая по навѣтамъ Крымскимъ безъ сумнѣнія почитаетъ его своимъ оскорбителемъ; слѣдовательно теперь не такое время настоитъ, чтобы тщетно оное провождать въ распряхъ внутреннихъ, открывающихъ пути разврату, но чтобъ совокупно и единодушно дѣйствовать и подвизаться, пользуясь всѣми возможными способами къ утвержденію татаръ въ настоящемъ свободномъ состояніи на всѣ вѣки послѣдующіе.

Все жъ сіе можетъ равнымъ образомъ внушено и сказано быть и Джанъ-Мамбету, сходнѣйшими только словами съ его обстоятельствами, то есть, что онъ, употребивъ себя первымъ орудіемъ къ освобожденію татаръ отъ несвойственнаго имъ подчиненія и къ пріобрѣтенію нашего покровительства, долженъ мыслить, что тѣмъ себя и противнымъ Портѣ учинилъ, которая, буде залучитъ его когда въ свои руки, дастъ ему восчувствовать въ превосходной мѣрѣ и мести все свое огорченіе, и что потому не только собственная его знатность,

но и безопасность самая зависятъ отъ сохраненія ордъ Ногайскихъ въ томъ положеніи, въ какое приведены были оныя имъ, Джанъ-Мамбетомъ, по отреченіи отъ подданства турецкаго, но что, напротивъ того, происшедшая между имъ и Калгой-султаномъ ссора все то, что понынѣ предпріято и учинено было въ пользу и въ прочность свободы народовъ татарскихъ, можетъ разрушить и привесть въ уничтоженіе, не допуская ихъ обоихъ совокупно и единомысленно дѣйствовать и производя между единоплеменными Ногайцами раздѣленіе въ такое время, въ какое начальникамъ ихъ наипаче согласными, а народамъ самимъ наипаче совокупными быть надлежало, въ предупрежденіе всякихъ неполезновенностей отъ невѣжества и застарѣлыхъ предубѣжденій, пока всѣ татары самымъ продолженіемъ и самыми опытами не удостовѣрятся о преимуществахъ и выгодностяхъ настоящаго своего состоянія предъ прежнимъ рабскимъ, и что всѣ сіи уваженія собственной его и народовъ Ногайскихъ пользы и убѣждаютъ его, Джанъ-Мамбета, искать согласія съ Калгой-султаномъ и тѣмъ вновь показать свое благоразуміе и истинное къ своему отечеству усердіе.

По совершеніи между Джанъ-Мамбетомъ и Калгой-султаномъ примиренія, прострете вы стараніе ваше и до другихъ Ногайскихъ начальниковъ въ томъ же выше сего сказанномъ видѣ сугубомъ, касающемся до расположенія Ногайцевъ ко всегдашнему на Кубани пребыванію и до утвержденія ихъ вновь желать быть въ независимости отъ власти посторонней и инородной, и въ чемъ во всемъ вы имѣете однако жъ дѣйствовать съ совѣта и соглашенія съ Калгой-султаномъ и Джанъ-Мамбетомъ и въ наружности больше оставлять имъ, нежели на себя перенимать, дабы ваше въ томъ посредство, хотя оное и будетъ непротивное состоявшемуся съ Портою мирному трактату, но содержанію его еще и свойственное, какъ пособствующее дѣйствительному исполненію положенныхъ о татарахъ условій, не могло татарскихъ начальниковъ, суевѣрныхъ и подозрительныхъ, отвратить отъ прилежнаго вниманія чинимыхъ имъ предложеній.

А что вы, по домогательству Калги-султана и въ разсужденіи происшедшей опасности Джембуйлукамъ и Эдиссанцамъ отъ жителей Кубанскихъ, для подбѣговъ скопившихся, дозволили симъ Ногайцамъ нынѣшнею зимою взять свое пребываніе при нашихъ границахъ по рѣчкамъ Манычамъ, Кагальнику и Салу, донося притомъ по увѣдомленію Калги-султана о данномъ Крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ всей горской сволочи, также и Эдишкульскимъ Ногайцамъ, фирманѣ, чтобъ раззоряли Эдиссанцевъ и Джембуйлуковъ грабительствомъ, какъ противомысленныхъ Крымскому правительству, и испрашивая потому вы резолюціи, не надобно-ли будетъ къ обѣимъ онымъ ордамъ опредѣлить приставовъ съ нѣкоторыми войскъ отрядами, подъ

предлогомъ ихъ охраненія, но въ самомъ дѣлѣ для вящей удобности въ содержаніи ихъ въ непреклонности къ Крымскимъ мыслямъ, и въ случаѣ умножающихся за Кубанью скопищъ почитая также за нужно, чтобъ бригадиръ Бринкъ, яко находящійся на границѣ съ войсками начальникъ, отозвался къ Кубанскимъ народамъ съ подтвержденіемъ, дабы они здѣшнихъ предѣловъ, въ сосѣдство ихъ простирающихся, не касались, или же инако спокойнымъ окомъ со здѣшней стороны взираемо не будетъ, и о чемъ вы, увѣдомя нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева, предали на его опредѣленіе: и мы на все сіе даемъ вамъ знать, что соглашеніе ваше на требованіе Калги-султана приближиться благонамѣреннымъ изъ Ногайцевъ къ нашимъ границамъ, по постигшей ихъ въ томъ нуждѣ, сходствуя уже въ предваренін даваемымъ вамъ чрезъ сіе повелѣніямъ нашимъ о привязаніи ордъ Ногайскихъ къ Кубанской сторонѣ, совершенно заслуживаетъ нашу апробацію; опредѣленіе же къ нимъ приставовъ съ пристойными отрядами военныхъ людей, хотя и можетъ имѣть также свою пользу, но дабы сохранить всю внѣшность, до ближайшихъ откровеній пріемлемыхъ Портою намѣреній, нашего безучаствованія по внутреннимъ народовъ татарскихъ распоряженіямъ, имѣете вы на то поступить не инако, какъ по искусномъ наклоненіи Ногайскихъ начальниковъ, чтобъ они письменно къ вамъ отозвались и сами о томъ васъ просили, при чемъ вы и число военныхъ людей назначите такое, которое, хотя и достаточно было бъ къ собственной безопасности приставовъ и ко внушенію почтенія противомышленнымъ изъ Ногайцевъ и изъ другихъ тамошнихъ народовъ, развратному Крыму поборствующихъ, для воздержанія ихъ отъ противной прикосновенности и къ Ногайцамъ, нашимъ покровительствомъ пользующимся, но чтобъ съ другой стороны сіи отряды однако жъ не знаменовали и войска, собственною своею силою между Ногайцевъ находящагося и содержащаго въ принужденіи ихъ волю и поведеніе. Равнымъ образомъ, по той же самой предосторожности, чтобъ сколько возможно удаляться отъ наведенія Порты и Крыма на новыя подозрительныя примѣчанія въ настоящемъ нашемъ съ ними положеніи, почитаемъ мы и протестацію именемъ бригадира Бринка къ Кубанскимъ народамъ излишнею, ибо притомъ нужно было бъ, по учиненному отъ васъ такой явкѣ начертанію, входить во изъясненіе совсѣмъ для Кубанскихъ народовъ невмѣстительное и о положеніи нашихъ границъ въ ихъ сосѣдствѣ, въ которомъ они, видя пустыню одну, едвали понынѣ и мыслили о принадлежности оной къ нашей сторонѣ, слѣдовательно же и лучше, въ случаѣ ихъ набѣговъ къ нашимъ жилищамъ, стараться на мѣстѣ ихъ злодѣйствъ дѣлать надъ

ними поиски, нежели невѣжеству ихъ давать поводъ въ устрашеніи своемъ новой прибѣжности къ пособію Порты и Крыма.

Мы, оставляя въ полной силѣ могущія быть къ вамъ въ семъ дѣлѣ предписанія отъ нашего генерала-фельдмаршала, когда оныя будутъ основаны на какихъ-либо новыхъ его усмотрѣніяхъ и новыхъ иногда случающихся въ дѣлахъ оборотахъ, повелѣваемъ вамъ въ дополненіе того, ежели бъ въ настоящихъ обстоятельствахъ никакой отмѣны не произошло, а набѣги къ благонамѣреннымъ Ногайцамъ отъ Кубанскихъ народовъ не только не пресѣклись, но еще и умножились бы, внушить Калгѣ-султану, чтобъ онъ, какъ уже и нынѣ нѣкоторымъ образомъ въ Ногайскихъ ордахъ начальствующій, отъ собственнаго своего лица отозвался къ Кубанцамъ и требовалъ воздержаться отъ набѣговъ, а прочихъ Ногайскихъ начальниковъ вы въ тожъ время склоните, чтобъ принесли они на Кубанцевъ же жалобу хану Крымскому и тамошнему правительству по принадлежности ихъ къ Крыму, и составляя и сами они, Ногайцы, часть устроившейся во время прошедшей войны и мирнымъ трактатомъ подтвержденной области татарской подъ независимымъ сего хана правительствомъ, и такъ и просили бы они у него, какъ у верховнаго своего и всѣхъ Кубанскихъ народовъ владѣтеля, впрочемъ же ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, независимаго, отъ чинимыхъ имъ обидъ защищенія и управы, изъясняясь притомъ кстати, что они въ твердомъ намѣреніи находятся пріобрѣтенную ими свободу отъ власти иноплеменнической и впредь навсегда предохранять съ преданіемъ и на свое потомство, и что съ Ногайской стороны предъявлено быть долженствуетъ Крыму и тогда однако жъ, ежели бъ въ вышеозначенной на Кубанцевъ жалобѣ дѣйствительной и нужды не произошло, а коль скоро только по вашему старанію въ толикомъ числѣ Ногайскихъ татаръ согласіе и единомысліе установится, коликое достойно было бъ уже уваженія отъ правительства Крымскаго.

Въ заключеніе же всего мы и еще вамъ повторяемъ, что по тѣхъ поръ, пока стачка Крымцевъ съ Портою продолжаться будетъ въ прикровенности, и шизма (схизма) ихъ или отщетительность отъ учиненныхъ съ нашею стороною обязательствъ и отъ самаго въ мирномъ трактатѣ положеннаго рѣшенія ихъ участи, наружнымъ Порты признаніемъ и провозглашеніемъ безсумнительно еще не подтвердится, весь вашъ подвигъ къ тому обращенъ быть имѣетъ, чтобъ приводить Ногайскія орды въ состояніе, могущее въ разсужденіи ихъ многочисленности Крымскому ухищренію и турецкому потворству заставить и навсегда остаться во мрачности, а въ случаѣ явнаго событія толь противнаго поступка со стороны Порты, чтобъ они, Ногайцы, готовы и наклонны были и дѣйствительно приступить къ установленію у себя

въ лицѣ Калги-султана власти отъ Крыма независимой, но о чемъ однако же никому, ниже самому Калгѣ-султану, преждевременно открываться не надобно, а довольно будетъ, когда вы ему, именемъ и повелѣніемъ нашимъ поощряя содѣйствовать въ порученныхъ вамъ настоящихъ исправленіяхъ, объявите, что мы, будучи удостовѣрены о его къ намъ преданности и о его къ отечеству своему истинной ревности, никогда не оставимъ оказывать ему нашего покровительства и пособія, почему съ удовольствіемъ взирать будемъ и на умноженіе его счастія, иногда изъ новыхъ обстоятельствъ въ дѣлахъ татарскихъ представляющагося, оставаясь между тѣмъ въ справедливомъ надѣяніи, что онъ и впредь по нашему соизволенію ко всему, что̀ можетъ касаться до вящаго подкрѣпленія жребія народовъ татарскихъ въ независимости, трудиться имѣетъ съ охотою и бодростію, вѣдая довольно по многократнымъ испытаніямъ, что все съ нашей стороны предпріемлемое въ истинномъ существѣ къ тому единственно и клонится.

Впрочемъ предоставляемъ мы, по нуждѣ и по важности получаемыхъ въ послѣдующее время новыхъ извѣстій о Портѣ и Крымѣ, снабдѣвать васъ точными жъ и на тогдашніе случаи наставленіями, и повелѣвъ и сей нашъ рескриптъ сообщить нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву, дабы онъ толь лучше вамъ руководствовать могъ и съ своей стороны по тѣмъ же происшествіямъ новымъ, настоящее положеніе отмѣняющимъ, пребываемъ между тѣмъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 19 Декабря 1774 года.

Екатерина.

2619) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ И. И. МЕСТМАХЕРУ ВЪ ЭЙТИНЪ [1]).

(Отправлено 22 Декабря 1774 г.).

Государь мой Иванъ Ивановичъ. Прилагая при семъ отвѣтное мое къ его свѣтлости герцогу-епископу письмо касательно до учрежденія съ датской стороны въ Голштиніи національныхъ войскъ, сообщаю я вамъ съ онаго копію для извѣстія и руководства вашего [2]), въ отвѣтъ на ваше по сему дѣлу ко мнѣ письмо подъ № 4 отъ 27 Октября (7 Ноября), содержащее въ себѣ весьма основательное, какъ о самомъ дѣлѣ, такъ и о г-нѣ Гольмерѣ разсужденіе. Нельзя, конечно, почесть новымъ налогомъ распоряженіе объ учрежденіи національныхъ войскъ.

---

[1]) М. Г. А. Голштинія, III, св. 1.

[2]) При отпускѣ письма этой копіи не имѣется.

Участвующіе въ доставляемой имъ оборонѣ должны по справедливости способствовать и составленію, и сохраненію оной. На учиненное съ датской стороны со многимъ менажементомъ требованіе о присылкѣ депутата со стороны фидеи-комиссныхъ деревень для общаго совѣтованія о потребномъ росписаніи, отвѣтствовано съ Эйтинской стороны затрудненіями, которыя должны тѣмъ чувствительнѣе быть Датскому двору, чѣмъ податливѣе его свѣтлость къ тому съ начала казался. Видно по всему, что дѣйствуетъ въ семъ дѣлѣ сродный Гольмеровой фамиліи духъ преданности къ Швеціи подъ видомъ сохраненія правостей младшей линіи. Не обѣщаетъ министерство г-на Гольмера полезныхъ для Эйтинскаго дома услугъ, когда начинаетъ оное развратною политикою, затрудняющею всѣ дѣла, смущающею доброе съ Датскимъ дворомъ согласіе и наносящею намъ напрасныя хлопоты. Являются уже и слѣдствія того въ дѣлѣ платежа въ Вѣнѣ издержекъ за конфирмацію уступки его свѣтлости графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго и возвышенія оныхъ въ княжество. Отговоркамъ Датскаго двора въ соучастваніи оныхъ издержекъ ничто иное причиною, какъ неудовольствіе о поведеніи Эйтинскаго. Въ такомъ положеніи дѣлъ ожидаю я уже отъ благоразумія и усердія вашего, чтобъ вы изъясняли его свѣтлости самому всю неудобность податливаго и довѣренность являющаго съ его стороны поведенія къ Датскому двору, и удобнѣйшими и на правилахъ извѣстной вамъ системы нашей основывающимися представленіями отвращали, чтобъ между двумя, по свойству и по связи интересовъ толь близко соединенными домами не вкоренилась холодность и недовѣрка. Г-ну тайному совѣтнику Гольмеру надобно вамъ, государь мой, чинить сходныя всему тому внушенія, объявляя ему чистосердечно, что какъ успѣхъ представленій вашихъ его свѣтлости зависитъ частію отъ искренняго содѣйствія его, то одна только ревность его въ томъ и можетъ насъ увѣрить о прямыхъ его сентиментахъ. Излишнее же съ его стороны угожденіе къ прихотямъ Шведскаго двора не принесетъ ни сущей пользы его свѣтлости, ниже наградитъ неудовольствія нашего и королевскаго Датскаго дворовъ.

По письму вашему подъ № 5 отъ 30 Октября (10 Ноября) оставляетъ его свѣтлость на здѣшнее разсмотрѣніе отправить отъ себя персону въ Вѣну для принятія инвеституры. Но какъ подобные церемоніалы подвержены разнымъ обрядамъ, имѣющимъ силу узаконеній, то весьма хорошо сдѣлали вы, что требовали отъ князя Дмитрія Михайловича Голицына изъясненіе, которое и должно рѣшить сіе дѣло. По моему совѣту, имѣющему предметомъ единственную только пользу его свѣтлости, предпочтителенъ тотъ способъ, который облегчаетъ издержки. Г. Гольмеръ, по званію управляющаго министра, главнѣйше

о томъ помышлять долженъ, слѣдовательно, и желаніе его быть употребленнымъ къ оной комиссіи, когда епископскій въ Вѣнѣ резидентъ оную исправить можетъ, не сходствуетъ съ правилами ревнительнаго домоводца. Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду и проч.

2620) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ И. И. МЕСТМАХЕРУ ВЪ ЭЙТИНЪ [1].

(Отправлено 22 Декабря 1774 г.)

Государь мой Иванъ Ивановичъ. Его свѣтлость герцогъ-епископъ, оставляя по письму вашему № 2 назначеніе апанажа принцу Голштинскому Петру на рѣшеніе здѣшняго двора, столько же доказываетъ чрезъ то свою къ всемилостивѣйшей Государынѣ и къ Его Императорскому Высочеству преданность, сколько и великодушное о племянникѣ своемъ попеченіе. Приложенная при семъ отвѣтная къ герцогу-епископу грамота, съ копіею для извѣстія вашего [2], изъявляетъ, сколь угоденъ Ея Императорскому Величеству поступокъ его свѣтлости. Вы, государь мой, не оставите препроводить тутъ же и съ стороны Государя Цесаревича комплиментъ и увѣреніе, что Его Высочество, по особливому къ принцу Петру благоволенію, съ истиннымъ удовольствіемъ увѣдомиться изволилъ о доставленныхъ ему дядею выгодахъ. Весьма пріятно также Ея Императорскому Величеству и Государю Цесаревичу, что принцу-коадъютору отъ родителей назначена супругою принцесса Гессенъ-Дармштадтскаго дома, о чемъ вы ихъ свѣтлостей и увѣрить можете, съ тѣмъ, что по истинному въ благосостояніи сего дома участію, здѣсь желаютъ объ успѣхѣ въ томъ имѣть подлинныя извѣстія. Я пребуду навсегда и проч.

2621) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [3].

Извѣстясь отъ генерала-поручика Щербинина о томъ, что онъ по преподаннымъ ему отъ васъ наставленіямъ, остановился въ дѣйствительномъ исполненіи, до точнѣйшихъ повелѣній нашихъ, плана о учрежденіи въ Ногайскихъ ордахъ особенной и независимой власти, весьма апробуемъ мы ваше ему въ семъ случаѣ остереженіе, ибо не настоитъ еще тотъ случай дѣйствительнаго соединенія Крыма съ Портою Оттоманскою, на который въ запасъ только признанъ отъ насъ

[1] М. Г. А. Голштинія, III, св. 1.

[2] При отпускѣ письма этой грамоты не имѣется.

[3] М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ г. Румянцеву-Задунайскому, 1768—1783 гг.

нужнымъ таковой къ Ногайскимъ ордамъ относительный планъ. Вслѣдствіе того не оставили мы и отсюда учинить помянутому генералу-поручику, къ дальнѣйшему его до времени руководству, согласныя вашему мнѣнію предписанія, кои мы здѣсь для вашего свѣдѣнія въ копіи съ отправленнаго къ нему рескрипта нашего приложить повелѣли. И пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 22 Декабря 1774 года.

Екатерина.

2622) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

(До 23 Декабря 1774 г.).

О французскомъ нахальствѣ, въ разсужденіи предсѣданія, прошу завтра со мною переговорить.

Что же касается до Волошскаго господаря, то лишь бы онъ намъ далъ вѣрныя извѣстія, то излишняго не много. Князю Голицыну важно очень показалось. Увидимъ успѣхъ, а актуаріуса [2]) конфирмовать уже должно.

2623) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [3]).

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. Симъ имѣю честь препроводить къ вашему прев—ву высочайшій рескриптъ, опредѣляющій въ точности поведеніе ваше въ разсужденіи Ногайскихъ татаръ на все время, пока достигнуто не будетъ до совершенной достовѣрности, какое Порта воспріиметъ съ своей стороны намѣреніе о Крымскомъ полуостровѣ, долженствующемъ быть по содержанію мирнаго трактата областью свободною и ни отъ кого независимою, но къ удивленію собственнымъ однако же подвигомъ прежняго рабства проискивающемъ.

---

[1]) Гос. Арх., разр. V, № 94. Напеч. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1863 г., кн. II — «Письма и записки Имп. Екатерины къ гр. Н. И. Панину», стр. 131.

[2]) Подразумѣвается актуаріусъ Ѳедоръ Мигай, назначенный состоять при Волошскомъ господарѣ.

[3]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Переписка чиновниковъ Росс. министерства по Крымскимъ дѣламъ, 1774 г.

Ваше прев—во изъ настоящихъ предписаній изволите усмотрѣть, что отложенное вами по совѣту графа Петра Александровича употребленіе въ явныхъ дѣйствіяхъ и ознаменованіяхъ предыдущимъ рескриптомъ назначенныхъ мѣръ, имѣетъ напротивъ того замѣнено быть продолжаемымъ со стороны вашей искуснымъ стараніемъ къ пріуготовленію и содержанію Ногайскихъ татаръ и при такихъ обстоятельствахъ въ положеніи, могущемъ подавать полную на нихъ надежду не только въ непреклонности развратному Крыму, но и въ томъ не меньше, если, когда востребуетъ нужда, они и совсѣмъ отъ правительства тамошняго отстать не отрекутся.

Способъ къ сему двоякому виду, сверхъ примѣченныхъ въ рескриптѣ, представитъ вашему прев—ву собственное ваше въ дѣлахъ сихъ народовъ многолѣтнее испытаніе, почему мнѣ остается только желать вамъ, мой любезный другъ, достатка въ силахъ къ снесенію налагаемыхъ на васъ въ пользу отечества трудовъ и удостовѣрить васъ впрочемъ, что я всегда пребуду и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 23 Декабря 1774 г.

2624) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ АССЕБУРГУ ВЪ РЕГЕНСБУРГЪ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 23 Décembre 1774.

J'ai mis sous les yeux de l'Impératrice la lettre d'office de V. E. faisant rapport que la cour de Darmstadt désire vous faire don, M-r, des 20 mille florins destinés pour la dot de Son Altesse Impériale Madame la Grande Duchesse; sur quoi vous me priez de vous faire savoir les intentions de Sa Majesté Impériale. J'ai l'honneur de vous faire part en réponse, que Sa Majesté approuve que vous acceptiez cette donation, qu'elle vous y autorise et que sa satisfaction de vos services dans la négociation du mariage de Son Altesse Impériale est encore accrue par celle que vous marque la cour de Darmstadt pour le même sujet. J'ai l'honneur d'être etc.

2625) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [2]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Декабря 1774 г. Секретнѣйшій).

Я считаю за нужно увѣдомить ваше с-во, что извѣстный актуаріусъ Мигай, котораго вы сами къ господарю Григорію Гикѣ предъ

[1]) М. Г. А. Регенсбургъ, III, св. 16.

[2]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., приложеніе къ № 59, лит. Е.

симъ отправили, имѣетъ и нынѣ при немъ же, господарѣ, въ Яссахъ оставаться. Для лучшаго закрытія связи его съ нами данъ ему нынѣ наружно совершенный изъ службы Е. И. В. абшидъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Онъ просилъ у меня позволенія адресовать иногда письма свои къ вашему с-ву, независимо отъ назначеннаго ему въ Кіевѣ главнаго канала, потому что изъ Яссъ часто случаются вѣрные случаи въ Вѣну, въ чемъ ему къ вящему обезпеченію можетъ удобно служить тотъ цыфирный ключъ, которымъ онъ отъ васъ самихъ снабденъ былъ. Временно станетъ онъ подписываться именемъ Томаса Софича, дабы всѣми удобовозможными образами обезпечивать свое въ Яссахъ пребываніе. Излишне было бы мнѣ рекомендовать вашему с-ву наблюденіе въ канцеляріи вашей непроницаемаго секрета, ибо я въ томъ единожды навсегда совершенно удостовѣренъ, и для того довольствуюсь, изъясня самое дѣло, коротко увѣрить васъ, что никогда не престану быть и проч.

Въ С.-Петербургѣ, « » Декабря 1774 г.

2626) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ КІЕВСКОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ ГЕНЕРАЛУ-АНШЕФУ Ѳ. М. ВОЕЙКОВУ [1]).

(Ея Императорскимъ Величествомъ апробованъ 23 Декабря 1774 г.).

(Секретнѣйшій).

Для пользы дѣлъ и службы нашей признали мы за нужно содержать отнынѣ впредь при настоящемъ Молдавскомъ господарѣ Григоріи Гикѣ человѣка, въ нашей дѣйствительной службѣ находящагося, который бы, живучи въ Яссахъ, могъ благовременно преподавать сюда достовѣрныя извѣстія о всѣхъ тамошнихъ обращеніяхъ, ибо извѣстно, что Яссы составляютъ центръ, откуда Порта Оттоманская почерпаетъ большую часть своихъ политическихъ свѣдѣній. Испытавъ довольно благонамѣреніе и преданность къ интересамъ двора нашего господаря Гики, не имѣемъ мы причины опасаться, чтобъ онъ когда-либо перемѣнилъ образъ своихъ мыслей, слѣдовательно же и предалъ туркамъ въ жертву опредѣляемаго къ нему повѣреннаго человѣка, тѣмъ паче, что собственная его безопасность въ семъ случаѣ весьма тѣсно сопряжена съ непроницаемымъ сокрытіемъ тайны, ибо онъ самъ сдѣлалъ первое предложеніе. Къ исправленію сей деликатной комиссіи отправляется въ Яссы вручитель сего

[1]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., приложеніе къ № 59, лит. Д.

нашего рескрипта, Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ титулярный совѣтникъ Ѳедоръ Мигай, который и безъ того уже нѣсколько лѣтъ сряду находился при господарѣ въ партикулярной его службѣ секретаремъ и учителемъ россійскаго языка, бывъ къ нему подъ симъ предлогомъ присланъ изъ Вѣны отъ нашего тамъ полномочнаго министра князя Голицына, а въ то же время обязанъ дѣйствительною его намъ службою при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Мигай, хотя и нашего православнаго исповѣданія, но родомъ Полякъ изъ города Ржечицы, а посему самому и можетъ казаться меньше сумнительнымъ, нежели бы природный Россіянинъ; для лучшаго же маскированія употребленія его въ нашей службѣ, данъ ему нынѣ публичный изъ оной абшидъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Изъ даннаго ему отъ нашего министерства наставленія, которое мы здѣсь въ копіи приложить повелѣли, усмотрите вы обстоятельнѣе, какія ему въ разсужденіи его поведенія и политическихъ примѣчаній правила здѣсь предписаны. По удобности мѣстоположенія велѣно ему производить корреспонденцію свою отчасти чрезъ Вѣну, а главнѣйше въ Кіевъ, и именно съ вами одними, для лучшаго соблюденія секрета, употребляя по востребованію нужды цыфирный ключъ, который ему здѣсь данъ и съ котораго для васъ равномѣрно копія у сего приложена. Къ умноженію толико нужной осторожности не худо будетъ, чтобъ вы съ Мигаемъ нынѣ благовременно согласились: 1) какимъ образомъ доставлять ему изъ Кіева не по третямъ, но въ одинъ разъ повсягодно опредѣленное ему окладное жалованье 600 рублевъ, которое теперь на первый случай здѣсь впередъ ему выдано по 1-е Января будущаго 1776 года, и которое впредь повсягодно изъ Кіевскихъ доходовъ брано быть имѣетъ, подъ названіемъ отпускаемыхъ въ диспозицію нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 600 рублевъ по указу нашего Сената? 2) Чрезъ какое посредство и чрезъ какихъ людей отправлять на обѣ стороны съ наивящею безпечностію взаимныя письма, изъ которыхъ адресуемыя отъ Мигая безпосредственно къ министерству можете вы, распечатывая, прочитывать для вашего свѣдѣнія и потомъ уже по важности матеріи присылать сюда по почтѣ или съ курьерами? 3) Чтобъ, употребляя взаимно по обстоятельствамъ чужія имена въ перепискѣ, употреблять еще для лучшаго закрытія въ заглавіяхъ, въ окончаніяхъ и въ адресахъ шифрованныхъ писемъ, также въ сообщеніи отъ Мигая публичныхъ вѣдомостей, какъ бы отъ пріятеля къ пріятелю, польскій, а не россійскій языкъ, дабы, въ случаѣ перехваченія какого-либо письма, нельзя было познать изъ сихъ мелочей имѣющейся нашей въ Яссахъ связи. Мы увѣрены пребываемъ, что вы, сверхъ сихъ нашихъ предписаній, не оставите еще подать Мигаю отъ себя къ лучшему его руководству всѣ тѣ наставленія, кои пребываніе ваше въ пограничномъ городѣ и

собственное ваше проницаніе нужными изобрѣсти могутъ для поспѣшествованія возложенному на него дѣлу, кое, впрочемъ, требуетъ по существу своему ограниченія секрета сколько можно въ меньшемъ числѣ людей. Мы пребываемъ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, „ “ Декабря 1774 года.

2627) НАСТАВЛЕНІЕ ТИТУЛЯРНОМУ СОВѢТНИКУ Ѳ. МИГАЮ, НАЗНАЧЕННОМУ СОСТОЯТЬ ПРИ МОЛДАВСКОМЪ ГОСПОДАРѢ [1]).

(Ея Императорскимъ Величествомъ апробовано 23 Декабря 1774 г.).

(Секретнѣйшее).

Наставленіе титулярному совѣтнику Ѳедору Мигаю.

Какъ онъ, титулярный совѣтникъ, имѣетъ отнынѣ впредь оставаться при господарѣ Молдавскомъ въ сугубомъ качествѣ, то есть: наружно—въ партикулярной его службѣ находящимся учителемъ, а существительно—повѣреннымъ отъ министерства Ея Императорскаго Величества человѣкомъ, то и надобно ему будетъ умѣть какъ для собственной своей безопасности, такъ и для лучшаго успѣха въ повѣренномъ ему дѣлѣ, коего искусное и рачительное производство доставитъ ему несумнѣнно новыя награжденія и выгоды личныя, умѣть всею въ таковомъ нужномъ положеніи нужною скромностію и осмотрительностію соединять оба такимъ образомъ, чтобъ, пользуясь всѣми свободностями перваго, то есть партикулярной службы у господаря, обращать оныя въ пользу другого безъ малѣйшаго въ ономъ когда-либо и предъ кѣмъ обнаженія себя и тайны своей, дабы инако самому ему напасти послѣдовать не могло. Такое съ его стороны осторожное поведеніе можетъ тѣмъ удобнѣе сохраняемо быть, что онъ съ здѣшней стороны всячески менажируемъ будетъ, а съ своей собственной не обязанъ вдавать себя опасности чрезъ частую переписку, а особливо чрезъ употребленіе ненадежныхъ и въ вѣрности не испытанныхъ людей къ пересылкѣ своихъ доношеній, кои здѣсь тогда только нужны и полезны быть могутъ, когда онъ будетъ имѣть довольно важныя и значущія свѣдѣнія. Для полученія таковыхъ свѣдѣній будетъ онъ, титулярный совѣтникъ, имѣть два хорошія и достаточныя средства, а именно—

[1]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г. Приложеніе къ № 59, лит. С. Тутъ же приложены апробованные Императрицею 23 Декабря 1774 г. указъ объ отставкѣ Ѳ. Мигая, реверсъ и клятвенное обѣщаніе его.

персональную къ нему довѣренность самого господаря и всегдашній обычай Порты Оттоманской почерпать чрезъ Яссы большую часть политическихъ своихъ свѣдѣній; кромѣ того, фамиліарное въ Яссахъ обхожденіе съ тамошними боярами и чиновными людьми, а иногда и съ бывающими въ семъ городѣ турками, можетъ также немало способствовать къ важнымъ и для здѣшняго двора нужнымъ примѣчаніямъ, ибо въ туркахъ часто большія дѣла, а иногда и самая война съ сосѣдями, берутъ начало свое отъ черни и ея волненія, которое однако же всегда имѣетъ свои сокровенныя пружины. Долгъ вѣрности и усердія его, Ѳедора Мигая, будетъ, бдѣтельно и рачительно внимая подобнымъ сему подробностямъ, заранѣе доносить сюда объ оныхъ, употребляя по мѣрѣ нужды въ пересылку писемъ своихъ и нарочныхъ людей на казенный счетъ. Не худо также будетъ извѣщать сюда отъ времени до времени о состояніи самого господаря и всего тамошняго края, о разговорахъ и разсужденіяхъ его по дѣламъ, также и другихъ людей, а особливо находящихся въ Яссахъ турокъ, о проѣзжающихъ чрезъ Яссы въ Константинополь и оттуда въ другія мѣста иностранцахъ, кромѣ истинныхъ для промысла своего разъѣзжающихъ купцовъ, о присылаемыхъ въ Яссы къ господарю изъ Польши курьерахъ отъ коронныхъ гетмановъ, кои издавна сіе обыкновеніе имѣютъ, а болѣе всего—о существѣ присылаемыхъ съ ними писемъ, также и чинимыхъ на оныя отвѣтовъ, различая именно въ донесеніяхъ своихъ, на что господарь самъ собою отповѣдь далъ и о чемъ опять доносилъ Портѣ для истребованія ея указовъ. Вотъ все то, что ему, титулярному совѣтнику, недреманнымъ окомъ вообще наблюдать надлежитъ, ибо впрочемъ собою уже разумѣется, что онъ предпочтительно и какъ можно въ самой скорости доносить имѣетъ: 1) настоящее Австрійскихъ войскъ вступленіе въ границы княжествъ Молдавскаго и Волошскаго коликой важности можетъ быть въ разсужденіи земскихъ доходовъ, числа жителей и пространства земли; 2) какую импрессію сей Вѣнскаго двора поступокъ производитъ теперь, да и впредь еще иногда производить будетъ въ жителяхъ обоихъ княжествъ, а особливо въ самомъ господарѣ, и какія его и другихъ хорошихъ людей будутъ объ ономъ разсужденія; 3) еслибъ движенія турецкихъ войскъ случились; 4) еслибъ отъ Порты приказано было починивать дороги и мосты, а особливо при Исакчѣ, гдѣ обыкновенно турецкая армія чрезъ Дунай переходитъ, также и заготовлять вдругъ въ разныхъ мѣстахъ и въ великомъ количествѣ хлѣбные и фуражные магазины; 5) еслибъ онъ могъ проникнуть какія-либо у турокъ съ Крымскими или Ногайскими ордами письменныя сношенія или пересылку нарочныхъ, стараясь въ семъ случаѣ сколько можно съ вящею достовѣрностью развѣдывать, кто именно изъ татаръ съ Портою переписывается, въ чемъ

оная переписка состоитъ, какіе люди именно употребляются въ пересылку и какою больше ѣздятъ они дорогою; а напослѣдокъ 6) если что можетъ познать о употребленіи отъ котораго-либо Европейскаго двора тайныхъ каналовъ и эмиссаровъ къ распаленію по какому-либо дѣлу или же случаю турецкой черни противу Россіи или которой ни есть другой сосѣдственной области. Сіи теперь начертанныя статьи долженствуютъ обращать на себя вящее вниманіе его, титулярнаго совѣтника, какъ вѣрнаго, честнаго и усерднаго раба Ея Императорскаго Величества.

Для обезпеченія его переписки дается ему при семъ цыфирный ключъ, съ котораго копія послана къ Кіевскому господину генералъ-губернатору Воейкову для того, что ему по близости мѣстъ поручено производить съ нимъ всегдашнюю переписку, чѣмъ однако жъ у него, титулярнаго совѣтника, не отнимается свобода адресовать иногда доношенія свои письмами прямо къ министерству Ея Императорскаго Величества, а особливо по дѣламъ большой важности; а какъ изъ Яссъ бываютъ также часто хорошіе случаи къ пересылкѣ писемъ въ Вѣну, то не возбраняется ему адресовать иногда, по обстоятельствамъ и по надежности ѣздоковъ, письма свои туда къ полномочному министру князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, тѣмъ паче, что онъ имѣетъ уже особливый свой съ нимъ, титулярнымъ совѣтникомъ, цыфирный ключъ, а сверхъ того впредь ему будетъ сообщенъ и настоящій. Какимъ же образомъ извѣщенъ вслѣдствіе сего Кіевскій генералъ-губернаторъ и помянутый полномочный министръ, о томъ извѣстится онъ здѣсь изъ прочтенія отправляемыхъ къ нимъ обоимъ депешей. Въ сихъ бумагахъ увидитъ онъ и всѣ здѣсь примышленныя осторожности къ закрытію и остереженію его въ Яссахъ бытности, также и производимой имъ переписки. Въ проѣздъ же свой чрезъ Кіевъ получитъ онъ случай, увидѣвшись самолично съ генералъ-губернаторомъ, ближае и точнѣе еще съ нимъ условиться о всѣхъ тѣхъ осторожностяхъ, кои въ его пользу служить могутъ, и о лучшихъ, удобнѣйшихъ и безопаснѣйшихъ средствахъ къ пересылкѣ взаимныхъ писемъ, а не меньше и къ полученію имъ, Мигаемъ, опредѣленнаго ему всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества жалованья по 600 рублевъ на годъ вдругъ при началѣ каждаго года, такимъ искуснымъ и постороннимъ образомъ, чтобъ чрезъ то зависимость его отъ здѣшняго двора открыться не могла. Министерство Ея Императорскаго Величества, полагаясь на вѣрность, усердіе, честность и клятвенное предъ Богомъ обѣщаніе титулярнаго совѣтника Ѳедора Мигая, несумнѣнно ожидаетъ, что онъ въ порученномъ ему дѣлѣ будетъ по крайней возможности и лучшему уразумѣнію стараться

исполнять оное, во взаимство чего увѣряетъ оно его праведнымъ по достоинству и заслугамъ въ свое время награжденіемъ изъ высочайшей милости Ея Императорскаго Величества.

2628) НОТА, ВРУЧЕННАЯ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТѢ ПРУССКИМЪ ПОСЛАННИКОМЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ ЦЕГЕЛИНОМЪ [1]).

(Приложена въ копіи къ донесенію графа Румянцева Императрицѣ отъ 6 Января 1775 г. изъ Могилева).

Mémoire, qui contient la réponse de la cour de Russie sur les 5 articles que contenait la note de la Porte pour adoucir quelques articles de la paix.

Le soussigné, ministre de S. M. le Roi de Prusse, a l'honneur de faire connaître à la Sublime Porte, que le Roi son maître, ayant reçu la note que la Sublime Porte lui a fait parvenir par rapport à l'adoucissement de quelques articles de la dernière paix, il a encore voulu à cette occasion donner une preuve de son amitié sincère à la Subline Porte, et en conséquence il a donné ses ordres là-dessus à son ministre qui réside à la cour de St.-Pétersbourg, lequel après avoir conféré là-dessus avec le ministère russien, et que celui-ci, ayant délibéré sur cette note, lui a fait entendre:

Qu'on ne devait pas s'étonner, que les conditions de la dernière paix avaient été en quelque façon plus avantageuses que celles du congrès de Bucarest; que c'était une suite naturelle de ce congrès rompu et de la prolongation de la guerre, et dont la Sublime Porte elle-même devait s'accuser, qui alors avait rejeté les articles sur lesquels la Russie avait voulu conclure la paix. Et comme par la suite de la guerre, la Russie avait été obligée de faire de nouvelles dépenses, il n'était que juste, qu'elle avait profité du succès de ses armes pour se dédommager en quelque manière de ses dépenses.

Mais que si la Porte voulait envisager son propre intérêt, sans se faire faire illusion des impressions que d'autres lui ont donné, elle devait considérer que par cette paix elle n'avait pas à se plaindre d'avoir fait une perte réelle de ses provinces et possessions, ni d'avoir perdu quelque chose de ses forces, ni de sa considération; mais qu'au contraire, elle devait plutôt être convaincue, que par cette paix on a levé tous les obstacles, qui jusqu'à présent avaient toujours occasionné une rupture entre les deux Empires, puisque les Tartares ne pouvaient plus mainte-

[1]) М. Г. А. Польша, X, св. 3. См. выше №№ 2584, 2585, 2591 и 2592.

nant faire des incursions sur les terres de leurs voisins et brouiller par là les deux Empires, qui par conséquent devaient se flatter, que cette paix serait d'une éternelle durée.

Que la cour de Russie, si elle avait voulu profiter des circonstances, aurait pu insister sur des conditions encore beaucoup plus onéreuses pour la Porte, et rien n'aurait pu l'empêcher de mettre le Danube pour frontière des deux Empires; mais qu'elle avait agi avec beaucoup de modération, et dont la S. Porte elle même devait être convaincue, si elle voulait regarder les choses d'un oeil impartial; que la cour de Russie donnerait par la suite à la Porte des preuves de son amitié sincère, pour lui ôter tout ombrage comme si elle cherchait à s'aggrandir de son coté, et que la Porte ne doit avoir aucun sujet de jalousie sur cet article contre la Russie, qui trouvera conjointement avec la Porte un intérêt naturel d'entretenir une bonne et constante harmonie entre les deux Empires.

Quant au 1-r article de la note, qui regarde les Tartares, la Russie n'exige pour eux que l'entière indépendance et liberté civile et politique; mais pour tout ce qui regarde l'influence du Sultan, comme chef de la religion mahométane, sur eux, elle ne s'oppose point qu'ils y restent attachés; elle n'en saurait déterminer les détails, mais si la prière dans les mosquées, la monnaie et autres appartiennent à cette reconnaissance de supériorité spirituelle, la Russie ne s'oppose pas, que la Porte s'arrange là-dessus avec les Tartares, pourvu que cela ne touche à leur indépendance et liberté temporelle, que la Russie ne peut leur laisser enlever.

Pour le 2-me article, qui regarde la navigation, la Russie en a demandé la liberté dès le commencement des premières négociations. L'équité et l'intérêt réciproque doivent la lui assurer dans toute son étendue, et elle conserve les sentiments qu'elle a toujours témoignés, d'être éloignée de toute vue dangereuse pour la Porte.

Quant au 3-me article, il a été toujours dit, toutes les fois qu'on a entamé des négociations, que la Moldavie, Valachie et les îles seraient rendues à de certaines conditions, qui ne pouvaient être entendues, que de voir tourner au soulagement de ses habitants. L'humanité exige d'en accorder de la part des deux cours à des nations, qui ont tant souffert par la guerre; elle en fait une loi à la puissance qui les rend, d'autant plus qu'elles sont chrétiennes comme elle. La conscience et la religion l'obligent à s'intéresser pour eux, tout comme la Porte le fait pour toutes les nations mahométanes. D'ailleurs l'exemption pour deux ans parait un très médiocre soulagement.

Quant au 4-me article, qui regarde Kinbourn, la Russie avait demandé cet endroit à l'embouchure du Dnieper uniquement pour la sûreté et le commerce mutuel des sujets des deux Empires, et si la paix

eût été conclue l'année précédente, la Russie n'aurait pas insisté de l'avoir; mais maintenant l'on ne pouvait pas le lui prendre en mauvaise part qu'elle avait encore demandé cet avantage; et pour ce qui regarde à la fin le 5-me article du dédommagement, que la Russie a stipulé en sus de ses prétentions précédentes, il en est de même que de l'article de Kinbourn, et la Porte ne peut s'en prendre qu'à elle-même de n'avoir pas accepté la paix, lorsqu'on la lui offrit à des conditions plus modérées. La Russie pour l'obtenir ayant été obligée de courir des risques et d'augmenter sa dépense, tant par terre que par mer, il est naturel que, se trouvant dans l'avantage, qu'elle en ait profité, et il est bien certain, que si la Porte avait eu la supériorité, elle n'aurait pas tenu certainement la Russie quitte à si bon marché.

Voici la réponse que la cour de Russie a donnée à S. M. le Roi sur la note de la S. Porte, et j'ai été chargé en même temps du Roi mon très gracieux maître de faire connaître à la S. Porte, qu'il espérait qu'elle lui rendrait justice de ses sentiments amicals envers elle, et d'être persuadée qu'ils avaient été toujours sincères, pour prévenir tout ce qui pouvait être dangereux pour la Porte; qu'elle devait se souvenir, qu'encore avant la guerre S. M. avait donné des conseils amiables et avait fait tout son possible pour empêcher la rupture; qu'ensuite pendant la guerre elle avait par ses bons offices employé tous les moyens imaginables pour rétablir une prompte paix; que la Russie, sur les représentations du Roi seul, s'était désistée alors de la possession de la Moldavie et Valachie, ce que la S. Porte probablement ne pouvait pas ignorer, et que peut-être la Russie n'aurait jamais fait, si elle aurait pu prévoir ce qui est arrivé à présent; que par tout ceci la S. Porte devait être convaincue, que S. M. avait agi envers elle comme un vrai ami, et dans cette qualité elle ne pouvait faire autre chose, que de lui conseiller d'exécuter le traité de paix conclu avec la Russie, d'autant plus que S. M. était très positivement informée que la cour de Russie était intentionnée de son côté de remplir en plein toutes les conditions et de vivre dorénavant avec la S. Porte dans la plus parfaite harmonie.

Pour cet effet S. M. lui devait encore faire connaître, qu'elle avait lieu de croire que la Russie n'admettrait pas facilement des cours étrangères pour la garantie de cette paix; car comme elle avait fait la guerre seule et sans intervention d'une puissance étrangère, et qu'ensuite la paix avait été conclue entre les chefs des deux armées, il ne serait pas convenable, ni pour l'un ni pour l'autre, de faire mêler d'autres puissances dans leurs affaires, et qui pourraient plutôt causer des mésintelligences entre les deux Empires et provoquer même une nouvelle guerre, et que par conséquent il serait de la dignité des deux parties de remplir sans garantie le traité de paix, d'autant plus que cela ne laisserait

pas de donner de la jalousie à d'autres puissances, que peut-être ni la Porte, ni la Russie ne seraient pas bien aises d'y admettre.

Constantinople, ce 28 Décembre 1774.

2629) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

Графъ Никита Ивановичъ. При семъ прилагаю мое письмо къ королю Шведскому; перешлите его какъ хотите, но напишите къ Стахіеву, чтобъ онъ сказалъ, буде король Шведской захотѣлъ бы ѣхать къ Москвѣ, что тамо жить негдѣ, ибо городъ выгорѣлъ прошлаго году, и что для сего я и принцу Генриху отказала въ его желаніи быть на Москвѣ.

(На оборотѣ: Получено. . . 1774 г.).

[1]) Гос. Арх., разр. V, № 94.

1775 годъ.

КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ.

4 Января 1775 г.—о пріѣздѣ его въ Москву. Напеч. въ Сборникѣ, т. XXVII, стр. 22.

2630) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [1]).

[С.-Петербургъ, 5 Января 1775 г.].

Monsieur mon frère et cousin. Mes affaires m'appelant à Moscou pour un an, je ne saurais partir d'ici sans en faire part à Votre Majesté, puisqu'il lui a plu l'été passé de me dire dans une de ses lettres, que son intention de venir à Pétersbourg n'était différée que jusqu'au printemps de la présente année. Je me trouve dans la dure nécessité par mon voyage de Moscou, devenu indispensable, de rendre à Votre Majesté la parole qu'elle a bien voulu me donner et de la prier de remettre cette entrevue, toujours infiniment agréable pour moi, à tel autre temps qu'elle jugera à-propos de déterminer. En attendant je ne négligerai aucune occasion, où je pourrai prouver à Votre Majesté les sentiments de la haute considération et de l'amitié inaltérable, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

de Votre Majesté
la bonne soeur, amie, cousine et voisine
Catherine.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

5 Января 1775 г. — о пріѣздѣ его въ Москву вмѣстѣ съ контръ-адмираломъ В. Я. Чичаговымъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XXVII, стр. 24.

2631) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [2]).

Вслѣдствіе нашего указа, даннаго оной Коллегіи въ 13 день Августа прошлаго 1767 г. о всемилостивѣйшемъ опредѣленіи на наемъ квартиры бывшему здѣсь Королевско-Польскому резиденту Псарскому

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.
[2]) М. Г. А. Именные указы по Публичной экспедиціи, № 359.

по 200 р. на мѣсяцъ, высочайше чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобъ оныя деньги производимы были по 100 р. на мѣсяцъ со дня отъѣзда отсюда помянутаго резидента находящемуся здѣсь Польскому повѣренному въ дѣлахъ Де-Боли, которыя Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ и имѣетъ требовать по прежнему по третямъ года изъ Статсъ-Конторы.

Екатерина.

С.-Петербургъ, 5 Генваря 1775 г.

2632) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 5 Января 1775 г.).

J'ai mis sous les yeux de l'Impératrice la lettre, que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le $\frac{21 \text{ Mars}}{1 \text{ Avril}}$ relativement aux affaires de Holstein. Sa Majesté Impériale a approuvé le ton et la manière de vos démarches dans la demande de la réduction sur la taxation des actes, ainsi que l'accord fait pour ces frais à 100 mille florins entre vous, mon prince, et le vice-chancelier prince Colloredo. La part que l'Impératrice a consenti de payer pour Son Altesse Impériale montant, déduction faite de ce que payera le prince-évèque, à 35 mille florins, indépendamment de quelques petits frais d'expédition et présents de chancellerie d'usage, j'ai ordre de Sa Majesté Impériale d'autoriser V. E. à prendre chez son banquier la somme totale de 36 mille florins, qu'elle a demandée, et elle en tracera le remboursement par des assignations sur le Collège des Affaires Etrangéres à mon adresse.

Je ne doute point que le comte de Bachoff, reconnaissant du service que vous lui avez rendu, mon prince, et à sa cour, en tirant cette affaire de l'embrouillement où il l'avait mise, ne se soit d'autant plus pressé d'accélérer les remises, dont il a besoin de son côté; je n'en ai pas moins engagé m-r de Numsen à en écrire à sa cour et à demander très expressément, que la remise soit de 50 mille florins, afin que vous ne soyez dans aucun embarras et aussi pour qu'on sache, que nous ne varions point dans notre sentiment, que le Danemark doit décidément la moitié des frais. V. E. aura aussi pourvu, je n'en ai nul doute, par le canal de son résident, à ce que l'argent de l'évèque ne se fasse point attendre. Je présume donc que cette affaire va être enfin terminée et les actes remis aux parties. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 27.

2633) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 5 Января 1775 г.).

Il vous est connu, que le pr. Lobkovitz nous quitte en conséquence d'une permission qu'il a eue d'aller pour quelque temps à sa cour. Je ne veux pas vous laisser ignorer, mon prince, dans quels sentiments nous voyons partir un ministre qui a fixé l'estime et la bienveillance de l'Impératrice, aussi bien que la confiance et l'amitié du ministère, par la conduite la plus mesurée et le zèle le plus persévérant dans les intérêts communs des deux cours. Personnellement je quitte en lui un ami, qui m'a toujours marqué le plus sincère attachement. Il nous est naturel de désirer et nous apprendrions avec une parfaite satisfaction, que son retour à sa cour fût marqué par quelque avantage décisif pour sa fortune. Mais s'il ne plaisait point encore à Leurs Majestés Impériales et Royales de le fixer dans l'intérieur à quelqu'un des postes, dont il est susceptible et par son rang et par ses services, ce serait avec le plus grand plaisir qu'on le verrait revenir continuer son ministère à notre cour, et c'est un sentiment, sur lequel vous êtes autorisé, mon prince, à ne point garder le silence. J'ai l'honneur d'être etc.

St.-Pétersbourg, ce 6 Janvier 1775.

2634) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ АССЕБУРГУ ВЪ РЕГЕНСБУРГЪ [2]).

St.-Pétersbourg, ce 6 Janvier 1775.

Je concourrai autant qu'il est en moi à lever les difficultés que trouve V. E. à son admission à la diète. Lorsqu'il lui est proposé dans ses instructions de se modeler sur le cérémonial observé à l'égard des ministres de même rang de France et d'Angleterre, il ne lui est imposé d'obligation que d'insister sur les honneurs qui leur ont été accordés, et non de se faire une loi d'obtenir ceux qui leur ont été refusés. Il est d'ailleurs plus que probable que l'on n'y réussirait pas, et le refus fait à la Russie, en renouvellant celui déjà fait aux deux cours ci-dessus nommées, ne ferait que confirmer les états dans leur prétendu droit. Au

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 27.

[2]) М. Г. А. Регенсбургъ, III, св. 17.

défaut donc et à l'impossibilité absolue de faire résoudre la difficulté à l'avantage des couronnes, le meilleur parti selon moi est de l'esquiver le mieux qu'il sera possible, de regarder ce qui a été fait à l'égard de la France et de l'Angleterre ou comme des contestations, qui nous sont inconnues, ou comme une façon d'apercevoir et de juger la chose de la part de ces cours différente de la nôtre. Mon avis, que je confie à V. E. comme à un ami et d'après lequel je remets à elle de se conduire, si elle l'approuve, est de se retrancher entièrement sur l'indécision et l'indépendance d'étiquette du caractère de ministre; de faire entendre et même de le déclarer avec autant de formalité d'appareil que vous le trouverez faisable, que votre Souveraine vous ayant donné un caractère qui ne porte aucune étiquette, ni aucun cérémonial propre, sa dignité ne saura être intéressée à toute étiquette ou cérémonial qui s'observera à votre égard, et que vous ne le considérerez que comme attentions et politesses personnelles pour vous et pour votre cour; que c'est ainsi qu'ont été jugées à votre cour les distinctions dont a joui m-r le comte Keyserling, lorsqu'il résidait auprès des états avec le même caractère dont vous êtes revêtu, et toujours sur ce principe que c'est à votre personne comme homme de rang et de confiance de votre cour, et non au caractère dont elle vous a revêtu, lequel n'a rien d'apprécié dans l'étiquette générale reçue entre les puissances, que devra se rapporter toute distinction qui vous serait faite. Vous vous attacherez, M-r, à assimiler autant qu'il sera possible les agréments de votre résidence à ceux, dont le comte Keyserling à joui. Je jugerais cette tournure propre à faire prendre le change sur la question et à nous sauver du reproche de l'avoir décidée par notre exemple, et je désire fort que mes idées se rencontrassent en cela avec celles de V. E.; rien ne s'oppose plus à sa légitimation.

C'est une chose déjà convenue et arrangée dans notre correspondance que V. E. pourra s'absenter aux vacances à toute autre rémission, et en général en toute occasion, où elle jugera que sa présence ne sera pas nécessaire à la diète; elle est la maîtresse ainsi de régler ses séjours; c'est une permission qui lui est donnée pour toujours, sans qu'à chaque occasion elle ait besoin de la demander préalablement; il suffira seulement qu'elle informe ici de son départ de la diète, ainsi que de son retour, quand elle y sera revenue. L'embarras de notre départ pour Moscou, qui a lieu un de ces jours-ci, ne me permet pas de rien effectuer pour m. de Hertzogenstern pour ce moment. Je ne perdrai point de vue vos représentations en sa faveur et j'aurai l'honneur en temps et lieu de les remettre sous les yeux de l'Impératrice. J'ai l'honneur d'être etc.

2635) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ А. С. МУСИНЪ-ПУШКИНУ ВЪ ЛОНДОНЪ [1]).

С.-Петербургъ, 6 Января 1775 г.

Государь мой Алексѣй Семеновичъ. По письму вашему отъ $^{15}/_{26}$ прошедшаго Августа имѣлъ я честь докладывать Ея Императорскому Величеству, и спѣшу съ особливымъ удовольствіемъ васъ увѣдомить, что всемилостивѣйшая Государыня соизволяетъ на пріѣздъ вашъ въ отечество по возвращеніи флота нашего изъ Средиземнаго моря, такъ какъ вы сами оказали къ тому твердое ваше желаніе; и вы можете отправиться сюда по прошествіи онаго мимо Англіи тогда, когда вы заблагоразсудите.

По искренней моей къ вамъ, государь мой, дружбѣ, пріемлю я сердечное участіе въ семъ новомъ знакѣ монаршаго къ вамъ благоволенія и милости, и поздравляя васъ отъ всего моего сердца онымъ, ставлю за долгъ званія моего рекомендовать вамъ, чтобъ вы при отправленіи своемъ изъ Лондона представили Англійскому министерству въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ титул. совѣтника Лизакевича, который возвратится къ тому времени въ мѣсто вашего пребыванія, и препоручили ему какъ предостереженіе интересовъ службы Ея Величества, такъ и министерскую вашу архиву съ цыфирными ключами, снабдя его нужными наставленіями къ дальнѣйшему руководству. Что касается до дѣйствительнаго возвращенія его къ вамъ, то я пишу о семъ на сегодняшней же почтѣ къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, при которомъ онъ теперь находится, и прошу его, чтобъ онъ отпустилъ его къ вамъ какъ наискорѣе, о чемъ вы можете и сами къ нему отозваться и назначить время, къ которому г. Лизакевичъ долженъ къ вамъ пріѣхать. Я прилагаю сіе мое письмо здѣсь и прошу васъ покорно о вѣрномъ и неукоснительномъ онаго до рукъ его доставленіи въ то мѣсто, гдѣ онъ нынѣ обрѣтается, что вамъ, конечно, безъизвѣстно быть не можетъ. Впрочемъ имѣю я честь быть и проч.

2636) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

A St.-Pétersbourg, ce 7 Janvier 1775.

Vous avez été prévenu, mon cher ami, par mon précédent courrier, qui vous a porté toutes les résolutions, que vous n'attendiez qu'avec votre Krudener. Tout ce qu'il y avait à ajouter, c'était de vous autoriser d'office à finir la diète, et c'est ce que vous trouverez dans ma lettre d'office de ce jour. Travaillez de votre mieux pour qu'à la fin nous soyons débarrassés de tout ce train, tâchez adroitement et sans donner prise sur vous à nous tirer du jeu, en finissant et faisant finir par la diète même notre propre démarcation; mais modérez aussi autant qu'il sera en vous les esprits vis-à-vis des deux autres cours, afin que ce

[1]) М. Г. А. Англія, III, св. 29.
[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

soit un procès en suspens et non une guerre déclarée,, qui reste entre elles et la république.

Lobkovitz part d'ici aujourd'hui, je ne le reverrai plus, je ne pourrai plus autant vous servir que je le voudrais, et aussi vous savez, que la fixation des limites est une affaire sur laquelle ont échoué des représentations personnelles de l'Impératrice, et renvoyée de son consentement à une négociation avec la république, je ne puis qu'en discourir et non lui donner une marche ministériale. Vous, qui vous trouvez là où elle s'agite, vous êtes bien en droit de vous en mêler, du moins quant à ses effets sur le reste des affaires. Tâchez donc à faire la chose par vos propres moyens.

La conduite du prince Sulkowski a été trop constante dans le bien pour que vous ayez le moindre doute sur le payement de ce qui lui revient d'après les liquidations. Vous pouvez lui donner toute assurance à ce sujet, et nos affaires ne seront pas plus tôt finies, qu'on en viendra aux effets avec lui.

Les présents usités aux ministres ne manqueront pas, lorsque nos affaires personnelles seront finies et nos actes séparés signés.

Pour m-r Boscamp continuez à lui donner bonne espérance, et pour la soutenir, lâchez lui modérément quelque argent de votre caisse de dépenses extraordinaires.

Je vous renvoie donc m-r Krudener; soyez assuré, que je le ferai conseiller d'ambassade, mais c'est une chose qui ne peut encore avoir lieu; en attendant je ne vous en enverrai pas d'autre, qui lui barre le chemin.

Je vous envoie, mon cher baron, une lettre du palatin de Minsk, notre très fameux comte Hulsen, et aussi ma réponse. Voyez ce que vous pourrez et voudrez faire avec lui. Je suis avec la plus parfaite amitié etc.

P. S. Votre Glair aura un présent, mais difficilement une boîte avec le portrait; on le croit trop fort pour un tel personnage.

2637) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ ГЮЛЬЗЕНУ, ВОЕВОДѢ МИНСКОМУ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 7 Janvier 1775.

Monseigneur. J'ai reçu la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'envoyer par un exprès, que je renvoie aussitôt vers elle, en l'accompagnant de celle-ci. On ne peut être plus sensible que je le suis aux compliments de nouvel an, qu'elle a la bonté de me faire. Je lui offre en retour les souhaits les plus sincères pour son parfait contentement.

[1]) М. Г. А. Польша, II, св. 5.

Aux demandes qu'elle me fait relativement à son état, j'aurai l'honneur de répondre par l'assurance générale, mais très vraie, que nous la comptons toujours parmi les plus zèlés patriotes et les plus décidés pour l'union des intérêts de sa patrie avec les vues et les sentiments de l'Impératrice. J'écrirai au baron de Stackelberg, ministre de Sa Majesté Impériale, de vous favoriser, Monseigneur, dans les choses que pourront admettre et l'état des affaires, et l'établissement du gouvernement actuel; et je vous prie personnellement d'être persuadé, que je me fais en tout un plaisir de vous témoigner la parfaite considération, avec laquelle je suis etc.

2638) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 8 Января 1775 г.).

Je réponds, M-r, à vos lettres d'office №№ 146, 147, 148 et 149, que m'a apportées m-r de Krudener, expédié en courrier. Il n'y a proprement que la seconde qui demande une résolution, les trois autres ne sont que des rapports, la dernière accompagne l'état de vos dépenses extraordinaires.

Vous aurez déjà vu, M-r, à la réception de mon dernier courrier que mon idée personnelle était de finir la diète et dans les mêmes vues que vous proposez. A présent sur la représentation que vous en avez faite d'office, j'ai pris les ordres de Sa Majesté Impériale, et en conséquence j'ai l'honneur de vous marquer, que vous êtes autorisé à mettre fin à la diète, à sa limitation prochaine, en commettant au conseil permanent la négociation des limites. Vous vous employerez donc avec votre activité ordinaire à préparer les esprits à ce que les choses se réglent de cette façon là et surtout vous tâcherez d'y faire entrer vos collègues. J'en ai parlé ici au pr. Lobkovitz et au c-te Solms, qui appuyeront cette intention auprès de leurs cours. On désire sincèrement de notre part qu'elle s'effectue et que le nouveau gouvernement entre en activité au lieu de cette diète, qui fait souffrir et crier la nation, et où plus on prolonge les choses, plus elles se dénaturent et deviennent difficultueuses.

Je n'omets point ici de vous observer, que comme notre démarcation a déjà commencé, qu'elle ne souffre presqu'aucune difficulté, qu'ainsi il y a quelque apparence qu'elle finira avant le terme de la limitation. Il serait fort heureux qu'il n'en fût plus question dans le renvoi de l'affaire des limites au conseil permanent, qui dans ce cas

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

n'aurait à faire qu'aux deux autres cours. Je remets bien à vous, si la chose peut réussir, d'user de toute l'habileté et toute la prudence que cette situation admettra, pour parer à une sensation trop vive de cette différence de nous à nos alliés, surtout pour empêcher, que le prétendu enthousiasme patriotique ne se porte à des excès et des bravades vis-à-vis des deux autres cours, dont les polonais ne tarderaient pas à être sévérement chatiés. J'ai l'honneur d'être etc.

St.-Pétersbourg, ce 7 Janvier 1775.

2639) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Какъ нынѣ приближается время къ размѣнѣ военноплѣнныхъ турецкихъ, то мы всемилостивѣйше повелѣваемъ оной Коллегіи отправить для того въ Кіевъ и находящихся здѣсь сераскеровъ Бендерскаго и Кафинскаго, со всѣми къ нимъ принадлежащими людьми, принявъ на такое употребленіе по представленному намъ исчисленію 28094 р. 85 коп. изъ денегъ, въ храненіи имѣющихся у нашего д. тайн. сов. графа Панина.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, въ 8 д. Генваря 1775 г.

(При семъ приложены: исчисленіе на отправленіе турецкихъ сераскеровъ въ Кіевъ и записка о приставахъ и прочихъ чинахъ, находящихся при нихъ; оба документа возвращены отъ высочайшей апробаціи 23 Декабря 1774 г.).

2640) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [2]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 7 Января 1775 г.).

Съ особливымъ благоволеніемъ усматриваемъ мы изъ послѣднихъ вашихъ экспедицій отъ 8-го и 17-го Декабря, что вы отъ времени до времени предуспѣваете приводить Порту Оттоманскую, хотя по частямъ, на совершенное выполненіе заключеннаго съ нею мирнаго трактата. Мы потому всемилостивѣйше апробуемъ всѣ ваши какъ верховному визирю безпосредственно учиненные отзывы и изъясненія, такъ и данныя полковнику Петерсону предписанія. Весьма желательно

[1]) М. Г. А. Именные указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 254.

[2]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ гр. Румянцеву-Задунайскому 1768 — 1783 г.г. Напечатано Н. О. Дубровинымъ въ книгѣ «Присоединеніе Крыма къ Россіи», т. I, стр. 1—4.

теперь, чтобъ поданная вамъ отъ него надежда въ размѣнѣ ратификацій въ Константинополѣ скоро и дѣйствительно исполниться могла для запечатлѣнія мира и для приведенія насъ въ состояніе дать уже въ полной мѣрѣ ощущать отечеству славные и драгоцѣнные плоды онаго. Между тѣмъ на всякій случай, если бы сія надежда нынѣ не сбылась, а предоставлена была Портою до отправленія взаимныхъ посольствъ, находимъ мы за нужно здѣсь подтвердить, что ни малѣйшая перемѣна въ текстѣ трактата Портѣ отъ насъ дозволена быть не можетъ, какъ вы и сами то благоразумно предписали полковнику Петерсону, чего ради и должно ей остеречься, чтобъ послѣ за симъ резономъ не послѣдовало остановки въ самой размѣнѣ посольствъ. Дайте турецкому министерству благовременно знать о сей нашей твердой и непремѣнной резолюціи, дабы инако тщетными своими попытками не навлекло оное себѣ новыхъ и безконечныхъ хлопотъ, вопреки истинному нашему желанію пребывать отнынѣ съ Портою въ доброй и на обѣ стороны полезной дружбѣ. Мы съ своей стороны, оказавъ уже толико опытовъ оной испражненіемъ на срокъ всѣхъ оружіемъ нашимъ занятыхъ земель, не взирая на то, что турки съ своей стороны толико медлятъ въ отдачѣ намъ Кинбурна, хотимъ и далѣе показывать султану всевозможныя и мирныхъ договоровъ не повреждающія угодности.

Вслѣдствіе того, подъ рукою дозволяя, чтобъ освобожденіе плѣнныхъ грузинокъ не распространялось далѣе тѣхъ, кои добровольно въ домъ министра нашего прибѣгать будутъ, не будемъ мы еще возбранять, чтобъ Порта Оттоманская согласилась съ татарами и ханомъ Крымскимъ, какъ націею и государемъ совершенно свободными и ни отъ кого независимыми, въ обрядахъ магометанской вѣры, поколику оные ихъ въ новомъ политическомъ бытіи обязывать долженствуютъ, въ разсужденіи обще всѣми магометанами признаваемаго калифства въ особѣ султана турецкаго, только бы сіи духовныя обязательства не составили связи, разрушающей дарованныя мирнымъ трактатомъ вольность и независимость націи татарской въ политическихъ и гражданскихъ ея дѣлахъ. Противное сему требованіе Порты Оттоманской, чтобъ мы однимъ или другимъ образомъ вошли безпосредственно въ опредѣленіе на будущія времена духовныхъ ея съ татарами обрядовъ, есть совсѣмъ невмѣстное въ разсужденіи нашего достоинства, ибо какъ могутъ быть намъ свѣдомы преданія ихъ вѣры, ниже сообразимы съ собственнымъ интересомъ и благопристойностью Порты, въ допущеніи, чтобъ иновѣрная держава опредѣлила мѣру духовнаго сопряженія между двумя магометанскими областями. Сіе знаменовало бы предъ свѣтомъ большее самой Порты подчиненіе Россіи, нежели какого она сама ищетъ надъ татарами въ пунктѣ сего сопряженія. Удивительно, что турецкіе министры не ощутятъ сего осязательнаго неудобства, въ которомъ бы,

конечно, преемники ихъ за нихъ стыдиться стали. Не слѣдуетъ ли же изъ сего естественнымъ заключеніемъ, что Порта намъ наипаче благодарить должна за то, что мы отказываемся принять участіе въ дѣлѣ, единственно къ вѣрѣ магометанской относящемся, а оставляемъ оное на собственное ея съ татарами полюбовное соглашеніе, въ коемъ сіи послѣдніе никакъ уже отрещись не могутъ въ томъ, къ чему ихъ законъ существительно обязывать можетъ? Предъявляя и толкуя Портѣ удобными путями сіи наши справедливыя и рѣшительныя разсужденія, не худо при томъ будетъ отозваться къ ней совокупно, что она въ упорствѣ своемъ напрасно ссылается на собственныя просьбы татаръ въ нежеланіи ихъ быть вольными на основаніи трактата, потому что если Крымцы учинили ей таковыя просьбы, мы по крайней мѣрѣ съ другой стороны весьма достовѣрно знаемъ, что Ногайскія толь многочисленныя орды совсѣмъ инако мыслятъ и ни мало не причастны тому развращенію, которое въ нѣкоторой части Крымскаго полуострова удалось поселить бывшему тамъ чрезъ короткое время Девлетъ-Гирей-хану, что потому неправо присвояетъ турецкое министерство всѣмъ татарамъ поступки и просьбы нѣкоторой изъ нихъ части, и что напослѣдокъ сумнѣнія настоять не можетъ о совершенномъ всѣхъ татаръ успокоеніи, сколь скоро Порта разрѣшитъ всѣ донынѣ настоящія трудности размѣною ратификацій и тѣмъ торжественно уже поставитъ націю татарскую въ новомъ ея единожды признанномъ политическомъ бытіи, безъ коего самый миръ устоять не можетъ.

Лучше бы между тѣмъ было, чтобъ Порта, не шиканируя болѣе въ совершенномъ съ ея стороны выполненіи такого трактата, который извлекъ ее изъ самаго бѣдственнаго положенія и который навсегда пріобрѣтаетъ ей истинную и полезную дружбу двора нашего, безъ всякаго почти ущерба въ собственныхъ ея владѣніяхъ, обратила вниманіе свое на слѣдствія секретной своей конвенціи съ Вѣнскимъ дворомъ и постаралась отвратить потерю похищаемыхъ у нея посреди мира земель, подъ тѣнію имѣвшагося къ цѣлости оныхъ усердія, которое еще за собственныя ея деньги толь дорогою цѣною куплено было.

Что съ другой стороны безпосредственно принадлежитъ до Австрійскаго въ семъ случаѣ самовластнаго поступка, поколику оный теперь вниманіе наше возбуждать и интересовать можетъ, довольно сказать здѣсь къ вашему просвѣщенію, что мы оный почитаемъ слѣдствіемъ тѣхъ ложныхъ правилъ, по которымъ князь Кауницъ устроилъ политику двора своего съ самаго начала войны нашей съ Портою: что сей министръ предположилъ въ высокомѣріи своемъ раздѣлаться съ Портою безъ всякаго въ томъ посторонняго соучастія, ласкаясь воспользоваться настоящею турецкаго правленія слабостію; что относительно къ нашимъ дѣламъ сіе обстоятельство больше пользы, нежели

вреда, принести можетъ побужденіемъ Порты къ вящей податливости, и что впрочемъ намѣрены мы при ономъ оставаться индиферентными зрителями, въ ожиданіи тѣхъ мѣръ, которыя турки примутъ или къ отраженію насильства, или же къ безмолвному снесенію толь чувствительной имъ обиды.

Впрочемъ, что ни случится, но мы, повторяя здѣсь, что въ корпусѣ трактата никакая отмѣна мѣста имѣть не можетъ, заключимъ сей рескриптъ рѣшительнымъ вамъ повелѣніемъ, чтобъ крѣпостей Бендерской и Хотинской отнюдь прежде не отдавать туркамъ, пока они не уступятъ намъ по трактату Кинбурна съ довольнымъ округомъ и со всею степью, къ оному присвоенною. И пребываемъ вамъ непремѣнно Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 8 Января 1775 года.

Екатерина.

2641) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. С. СТАХІЕВУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

С.-Петербургъ, 9 Января 1775 г.

Государь мой Александръ Стахіевичъ. Прилагая здѣсь копію съ собственноручнаго письма всемилостивѣйшей Государыни къ королю Шведскому, считаю я за нужно сказать вамъ, что оное заключаетъ возвращеніе даннаго королевскаго слова къ пріѣзду въ будущемъ лѣтѣ ко двору Ея Величества, по причинѣ поѣздки Московской. Впрочемъ я оставляю вамъ на соглашеніе съ тамошнимъ министерствомъ, какимъ образомъ имѣетъ оное письмо королю вручено быть, безпосредственно-ли чрезъ васъ самихъ или же чрезъ графа Шеффера [2]), и пребываю и проч.

---

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 44. См. выше №№ 2629 и 2630.

[2]) Въ черновомъ отпускѣ далѣе зачеркнуто: «Но въ томъ и другомъ случаѣ надобно будетъ, еслибъ король Шведскій захотѣлъ ѣхать въ Москву, упредительно сказать, что тамъ жить негдѣ, ибо предъ нѣкоторымъ временемъ знатная часть города совсѣмъ выгорѣла, и что по сей самой причинѣ изволила Ея Императорское Величество отказать и королевскому Прусскому принцу Генриху въ желаніи его посѣтить Ея Величество въ Москвѣ. Я буду ожидать вашего увѣдомленія о всемъ у васъ по сему происходящемъ, а между тѣмъ пребываю и проч.». Въ другомъ черновомъ отпускѣ письма гр. Панина, безъ даты, „въ шифрахъ“, предписывается то же самое Стахіеву, но въ нѣсколько иной формѣ: „По поводу отправленнаго къ вамъ на сегодняшней почтѣ письма моего нахожу я за нужно сдѣлать вамъ, по точной волѣ Ея Имп. Величества, слѣдующее къ руководству вашему въ толь нѣжномъ дѣлѣ предписаніе. Если вы примѣтите изъ рѣчей королевскихъ и окружающихъ его особъ, или же и изъ отзывовъ къ вамъ и самого министерства, что король Шведскій имѣетъ дѣйствительно намѣреніе посѣтить всемилостивѣйшую Государыню будущимъ лѣтомъ въ Москвѣ, то въ такомъ случаѣ извольте необиновенно и безъ всякихъ дальнѣйшихъ

2642) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 7 Января 1775 г.).

Три уже недѣли тому, какъ я имѣлъ честь писать къ вашему сіятельству и отправить экстрактъ изъ депеши князя Кауница къ князю Лобковичу, который мнѣ сей послѣдній сообщилъ министеріальнымъ образомъ. Какъ изъ сего экстракта могли вы, милостивый мой другъ, усмотрѣть тотъ чудной и странный оборотъ, каковой Австрійская политика предъявила намъ въ своемъ самовластномъ поступкѣ, такъ и письмо мое, съ онымъ отправленное, долженствовало уже съ другой стороны открыть, что первое наше намѣреніе было, оставаясь до времени въ молчаніи, обождать прежде всего, какія Порта Оттоманская съ своей стороны приметъ мѣры для возвращенія себѣ похищеннаго, между тѣмъ довольствоваться вяще и вяще обращать вниманіе ея къ сему пункту, непримѣтнымъ образомъ и не компрометтируя себя. Надобно, чтобъ теперь сіе мое письмо было уже въ рукахъ вашихъ, слѣдовательно же, чтобъ и забота, которую вы въ послѣднихъ вашихъ депешахъ оказать изволили, между тѣмъ нѣсколько уменьшилась.

А какъ нынѣ дошло уже отъ стороны Вѣнскаго двора до безпосредственнаго туркамъ чрезъ господина Тугута предъявленія оправдательныхъ и побудительныхъ его причинъ въ самовластномъ захваченіи частей княжествъ Молдавскаго и Волошскаго, на основаніи заключенной имъ съ Портою въ 6 день Іюля 1771 года секретной конвенціи, которая нынѣ во многихъ публичныхъ вѣдомостяхъ напечатана полнымъ своимъ содержаніемъ, то и является тутъ очевидное прекословіе въ образѣ мыслей и въ мѣрахъ сего двора. Онъ обязался именно въ 5-мъ артикулѣ той конвенціи слѣдующими словами: «à délivrer des mains de la Russie par la voie de la négociation, ou par la voie des armes, et à faire restituer, comme ci-devant, à la Sublime Porte les forteresses, possessions et territoires, qui, se trouvant dans la

---

околичностей, будто изъ собственнаго своего подвига, сдѣлать внушеніе, что вамъ извѣстно, что въ Москвѣ жить негдѣ“ ... и т. д., какъ выше. Въ концѣ письма: „Впрочемъ буду я ожидать отъ васъ извѣщеній, какое произведетъ дѣйствіе внушеніе такого существа, если къ оному случай настоять будетъ въ мѣстѣ пребыванія вашего, и не станутъ-ли наши недоброжелатели чинить какихъ-нибудь предосудительныхъ о семъ толковъ, а между тѣмъ пребываю“ и проч.).

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Письма гр. Панина и гр. Остермана къ гр. Румянцеву, 1775—1779 г.г. Напечатано Н. Ѳ. Дубровинымъ въ книгѣ «Присоединеніе Крыма къ Россіи», т. I, с. 4—11.

possession de la Sublime Porte, ont été envahis par les Russes, depuis le commencement de la guerre qui s'est élevée entre l'Empire Ottoman et la Russie, sans que l'indépendance et les libertés de la République de Pologne, sujet de la présente guerre, souffrent la moindre altération». Послѣ же, согласившись съ нами и съ королемъ Прусскимъ въ подѣленіи земель сей самой республики, вздумалъ еще не только производить отъ оныхъ претензію на часть владѣнія союзника своего, Порты Оттоманской, но и дѣйствительно захватить по оной какъ сію часть въ Молдавіи, такъ и другую весьма знатную изъ княжества Волошскаго, вслѣдствіе вышеупомянутой конвенціи, несмотря на то, что Вѣнскій дворъ самъ ее сугубо нарушилъ и подѣленіемъ Польши, и неисполненіемъ въ разсужденіи насъ великолѣпныхъ, но тѣмъ больше тщетныхъ своихъ Портѣ обѣтовъ.

Представляю вашему с-ву сіе мое разсужденіе съ тѣмъ, что не найдете-ли вы за благо преподать оное господину Петерсону, для учиненія Портѣ кстати и ко времени отъ себя сходственнаго внушенія, пользуясь первымъ ея къ тому удобнымъ отзывомъ, или же и самъ изыскивая къ таковому внушенію приличный случай, къ чему самое публикованіе конвенціи ея въ газетахъ безъ всякой аффектаціи наилучше послужить можетъ. Излишне было бы упоминать здѣсь о предписаніи господину Петерсону всей тутъ нужной и нѣжной осмотрительности, ибо я вижу изъ депешъ вашего с-ва ко двору, что вы ему оную при всякомъ случаѣ рекомендовать изволите.

Доколѣ аспекты между Вѣнскимъ дворомъ и Портою Оттоманскою больше не объяснятся, что первый собственно себѣ предоставилъ по словамъ Кауницовой депеши, до тѣхъ поръ надобно намъ оставаться непремѣнно при первой нашей резолюціи, тѣмъ паче, что наставшее прекословіе интересовъ Турецкихъ съ Австрійскими можетъ естественнымъ оборотомъ болѣе способствовать, нежели препятствовать, совершенному окончанію нашихъ съ Портою дѣлъ, какъ размѣною ратификацій, такъ и отдачею Кинбурна, ибо съ разсудительною вѣроятностію предполагать нельзя, чтобъ Турецкое правленіе захотѣло имѣть вдругъ двойныя хлопоты, съ двумя толь сильными сосѣдями. Для вящаго оному въ семъ случаѣ поощренія, небезполезно будетъ продолжительно внушать Портѣ, что медленность ея въ размѣнѣ ратификацій и въ отдачѣ Кинбурна, дѣлая намъ нѣкоторое отягощеніе въ содержаніи при Днѣстрѣ всей вашего с-ва арміи въ полномъ и готовомъ ея ополченіи, обращается напротивъ существительно ей одной и во вредъ и въ конечное безславіе: во вредъ потому, что она, не отдавъ намъ Кинбурна, не получитъ обратно въ свои руки Бендеръ и Хотина, на который Австрійцы оказали уже

свои виды, а въ конечное безславіе потому, что вся ея знатность и уваженіе предъ свѣтомъ въ конецъ исчезнутъ, если она попуститъ безвозбранно похитить у себя въ мирное время и подъ тѣнію мнимаго союза небезважные куски земель своихъ, кои гораздо превосходятъ учиненную намъ по толь несчастливой войнѣ уступку одного малаго замка съ угломъ пустой степи; что все нынѣшнее правленіе Порты Оттоманской, состоя изъ людей новыхъ, имѣетъ для себя весьма удобное время всѣ минувшія несчастія отнести къ своимъ предмѣстникамъ, изъ утвержденія же мира, который оно нашло совсѣмъ сдѣланнымъ безъ содѣйствія другихъ державъ, присвоить себѣ собственно знаменитую услугу, а потомъ съ свободными уже руками кончить и настоящія свои хлопоты съ Вѣнскимъ дворомъ безъ всякаго посторонняго помѣшательства; что хотя оно само по себѣ и не знаетъ, съ какою искренностію поступали мы въ разсужденіи Порты отъ самаго начала Польскихъ дѣлъ, кои по наущеніямъ и происканъ завистниковъ взаимно нашего благосостоянія, воспричинствовали напослѣдокъ счастливо оконченную нынѣ войну, однако жъ изъ дѣлъ тогдашняго времени въ сей истинѣ точно увѣриться можетъ, равно какъ отнынѣ и впредь безъ ошибки же изъ самыхъ дѣлъ познавать истинное наше желаніе жить съ нею въ непрерывномъ мирѣ, котораго законные и взаимные плоды весьма предпочитаемъ мы всѣмъ завоеваніямъ оружія и всякимъ другимъ изъ обстоятельствъ вынуждаемымъ прибыткамъ, и что напослѣдокъ отъ Порты единственно зависитъ, развязывая всѣ донынѣ въ довершеніи мира затѣянныя препоны и затрудненія, освободить себя отъ всѣхъ съ нашей стороны заботъ и присвоить себѣ навсегда дружбу Россіи, которая обыкла обязательства свои точно и свято хранить.

Съ нетерпѣливостью ожидаю я теперь извѣстія, предъуспѣетъ-ли г. Петерсонъ въ размѣнѣ актовъ ратификаціи, вслѣдствіе той надежды, которую онъ вашему с-ву репортомъ своимъ отъ 28 Ноября преподалъ, и вслѣдствіе начертанныхъ ему отъ васъ правилъ. Въ пріятный тутъ долгъ вмѣняю я себѣ сказать вамъ чистосердечно, милостивый мой другъ, что всѣ ваши ему данныя предписанія во всѣхъ своихъ статьяхъ встрѣтились съ моими разсужденіями, и что я съ моей стороны, слѣдуя неограниченной моей къ вамъ откровенности, отнюдь ничего не нахожу въ себѣ къ дополненію оныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ трактатъ въ корпусѣ своемъ не можетъ сносить перемѣны и одного слова, а напротивъ того, ничто не возбраняетъ попустить туркамъ, чтобы они въ заглавіи ратификаціи своей возвеличали, сколько имъ угодно, титулъ Султана, только бы то было безъ директнаго предосужденія высочайшему Ея Императорскаго Величества достоинству. Примѣчанія, вашимъ с-вомъ въ семъ случаѣ

уже учиненныя, могутъ насъ совершенно обезпечивать, что и тутъ не будетъ ничего проронено, еслибъ размѣна ратификацій и совершилась по желанію въ Царьградѣ; но когда сего нынѣ предварительно отправленію посольствъ за чѣмъ-либо не воспослѣдуетъ, въ такомъ случаѣ прошу я ваше с-во по крайней мѣрѣ употребить ваше стараніе къ тому, чтобъ взаимные послы опредѣлены были къ размѣнѣ ратификацій на самомъ мѣстѣ взаимной ихъ на обѣ стороны размѣны, и чтобъ для сей причины имѣли они съ собою для поднесенія на первыхъ аудіенціяхъ особливыя отъ государя къ государю кредитивныя по обыкновенію грамоты, съ генеральными въ нихъ по пристойности случая увѣреніями о взаимной дружбѣ и о твердомъ намѣреніи сохранять ненарушимо блаженный миръ.

При таковомъ съ Портою соглашеніи о размѣнѣ ратификацій послами на мѣстѣ ихъ встрѣчи, не меньше надобно ей, не обинуясь, объявить, что и тутъ оные акты долженствуютъ быть свидѣтельствованы въ точномъ и литеральномъ ихъ согласованіи съ артикулами заключеннаго мира и что впрочемъ, если въ нихъ малѣйшая отмѣна усмотрится, посольства принуждены будутъ затѣмъ остановиться и ожидать присылки отъ Порты новаго акта, безъ всякой уже и малѣйшей въ текстѣ трактата отмѣны.

Съ другой стороны, не для чего упорно въ томъ стоять, чтобъ въ ратификаціи султана на сепаратный артикулъ именно о наслѣдникахъ его упомянуто было, ибо въ артикулахъ, не заключающихъ въ себѣ обязательства на вѣчное время, нѣтъ въ такомъ упоминовеніи нужды, да и необыкновенно оно между Европейскими державами тамъ, гдѣ написанъ срокъ.

Отвѣтъ г. Петерсона на внушеніе о гарантіи нашей на княжества Молдавское и Волошское толь благоразуменъ и приличенъ обстоятельствамъ, что при ономъ и впредь вездѣ оставаться должно въ вящее туркамъ убѣжденіе, что мы не имѣемъ привычки, какъ другіе дворы, мѣшаться въ постороннія дѣла тамъ, гдѣ нѣтъ на то или точныхъ обязательствъ, или же побужденія отъ истинной дружбы, каковой Порта отъ насъ при всей нашей склонности къ одолженію ея отнюдь ожидать не можетъ, доколѣ сама не изыметъ изъ среды камня претыканія въ рѣшительномъ исполненіи всѣхъ безъ изъятія частей мирнаго трактата.

Что собственно принадлежитъ до татарскихъ дѣлъ, въ оныхъ изволили вы достаточно и совершенно повстрѣчать высочайшія Ея Императорскаго Величества намѣренія, какъ то и въ слѣдующемъ съ сею экспедиціею рескриптѣ явствуетъ. Благопристойность не перестаетъ взыскивать отъ насъ, чтобы мы отнюдь не входили по сему пункту ни въ какія съ Портою безпосредственныя постановленія, но

всякое тутъ соглашеніе отсылали на собственную ея негоціацію съ татарами и ханомъ Крымскимъ, яко націею и государемъ независимыми и по закону своему подробно знать долженствующими, въ чемъ и къ чему ихъ можетъ обязывать единовѣріе относительно къ духовному начальству султана въ качествѣ первосвященника и калифа магометанскаго. Довольно и того, что мы въ сію негоціацію ни мало вступаться не хотимъ и не будемъ, ежели только ограничится оное въ установленіи однихъ духовныхъ обрядовъ магометанской вѣры, безъ всякаго и малѣйшаго предосужденія вольности и независимости Татаръ въ гражданскихъ и политическихъ ихъ дѣлахъ, ибо сіи одни заслуживаютъ упражнять и интересовать бдѣніе и стражу нашу въ храненіи мирнаго договора.

Когда Турки сами ссылаются на примѣръ Могола, признающаго калифство въ особѣ султана, то бъ мы весьма не прочь были, чтобъ съ ханами Крымскими не болѣе духовнаго сопряженія заведено было, какъ сколько можетъ настоять у Порты съ Моголомъ Индѣйскимъ.

О происходящемъ со стороны Персидскаго векиля Керимъ-хана и Узбекскаго хана не болѣе по сю пору имѣемъ мы свѣдѣнія, какъ только что тамъ аспекты становятся смутны и безпокойны. Сіе обстоятельство, раздѣляя вниманіе турецкаго правительства на толь дальнюю сторону, гдѣ оно еще по слухамъ обнажено всякой защиты, не можетъ повидимому не способствовать совершенію нашихъ дѣлъ.

Вотъ теперь наступило еще время и къ новому искушенію доброй вѣры мусульмановъ по первому сроку постановленнаго въ трактатѣ платежа первыхъ 5.000 мѣшковъ. Я пребываю удостовѣренъ, что ваше с-во изволили уже дать полковнику Петерсону повелѣніе ваше требовать сихъ денегъ, равно какъ ему предъ тѣмъ позволено было обратить часть оныхъ на скорѣйшее полученіе турецкой ратификаціи.

За симъ остается мнѣ еще сдѣлать примѣчаніе о свойственномъ Портѣ высокомѣріи въ данномъ отъ визиря повелѣніи отправленному комиссару для сдачи намъ Кинбурна, ибо тамъ, кромѣ ошибки въ срокѣ, говорится о врученіи намъ Кинбурна, какъ бы кондиціональномъ, по возвращеніи отъ насъ Бендеръ и Хотина, когда напротивъ того возвращеніе сихъ крѣпостей оговорено въ трактатѣ кондиціею врученія намъ Кинбурна; но что намъ дѣла до сей турецкой суетной и внутренней ухватки, если только самое дѣло совершится по надлежащему, и комиссаръ Порты не будетъ дѣлать затрудненія въ отдачѣ помянутаго замка, безъ предварительнаго съ нашей стороны очищенія остающихся въ залогѣ крѣпостей? Въ противномъ же случаѣ ваше с-во найдете, конечно, довольно мотивовъ къ преломленію такого невмѣстнаго требованія однимъ или другимъ образомъ.

Довольно на сей разъ утрудилъ я ваше с-во моею бесѣдою. Я прошу въ томъ дружескаго вашего извиненія, представляя за себя въ оправданіе ту нелицемѣрную преданность и то совершеннѣйшее высокопочитаніе, съ коими я непоколебимо имѣю честь быть и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 9 Января 1775 г.

2643) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. Полученіе послѣдней вашего прев-ва депеши отъ 17 минувшаго Декабря случилось здѣсь въ такое время, кое, занято будучи предстоящимъ отсюда въ Москву отъѣздомъ, едва дозволяетъ мнѣ отвѣтствовать вамъ, милостивый мой другъ, собственнымъ моимъ письмомъ.

Но прежде всего отдамъ я съ истиннымъ удовольствіемъ должную справедливость раченію в. прев-ва въ предуспѣтомъ въ неожиданную краткость времени примиреніи Калги-султана съ Эдиссанскимъ начальникомъ Джанъ-Мамбетомъ и въ пріобрѣтеніи почти уже отъ всѣхъ ордъ Ногайскихъ соглашенія и на начальство надъ ними его жъ, Калги-султана, какъ всему тому обстоятельное описаніе содержится въ помянутой вашей депешѣ и въ предварившей оную отъ 12 того жъ Декабря.

Теперь, при такомъ Ногайскаго общества единомысліи, подлинно нужно в. прев-ву со всею точностію знать и какъ наискоряе, которому вы въ дальнѣйшихъ вашихъ предпріятіяхъ изъ отправленныхъ къ вамъ напослѣди двухъ высочайшихъ рескриптовъ, отъ 8 Ноября и отъ 19 Декабря, наипаче слѣдовать должны, и изъ коихъ первымъ предписано было о установленіи надъ Ногайцами независимой отъ Крыма власти, а другимъ—о искусномъ и непримѣтномъ ихъ къ тому только пріуготовленіи съ тѣмъ, чтобъ они навсегда на Кубанской сторонѣ остаться вознамѣрились.

По полученнымъ здѣсь послѣднимъ извѣстіямъ отъ находящагося въ Константинополѣ повѣреннаго въ дѣлахъ полковника Петерсона, Крымскіе депутаты и понынѣ еще тамъ живутъ, а сверхъ того предъ нѣкоторымъ временемъ получилъ визирь письмо и отъ настоящаго Крымскаго хана Сагибъ-Гирея, въ которомъ онъ, написавъ, что чинъ Калги-султана уже давно никѣмъ не занятъ, просилъ визиря, чтобъ присланъ былъ къ нему Бахты-Гирей-султанъ и чтобъ Порта дала ему на оный чинъ отъ себя берать, то есть патентъ; но г-нъ Петерсонъ, провѣдавши, что она хотѣла удовольствовать хана, представилъ ей, что сей поступокъ почтенъ будетъ за противный независимости и самодержавію хана, если она, Порта, будетъ давать патенты на чины въ Крымѣ, но что визирь, прибавилъ онъ, г. Петерсонъ, къ тому, сокращая могущія быть съ Портою затруднительства и по невѣдѣнію можетъ быть нашихъ намѣреній о настоящемъ Калгѣ-султанѣ, можетъ вмѣсто того словесно или письменно увѣдомить Бахты-Гирея о милостивомъ намѣреніи хана и съ своей стороны одолжить его полъферманомъ или подорожною. Но Порта напротивъ того ни того, ни другого не сдѣлала, а велѣла только словесно сказать Бахты-Гирею, что онъ можетъ ѣхать, если

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Щербинину 1771—1775 г.г. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Р., 1872 г., кн. II, стр. 103—106.

только хочетъ. По моему мнѣнію, для предупрежденія сего Крымскаго покушенія въ дѣйствительномъ совершеніи, а по крайней мѣрѣ, когда не можно уже будетъ сохранить для благонамѣреннаго къ нашей сторонѣ Калги-султана сего достоинства въ бытность его при Ногайскихъ ордахъ, то для вящей къ нему снхъ ордъ привязанности, и чтобъ онъ для насъ полезнымъ остался, одно средство, пока и Крымъ не кажется однако жъ еще въ наружности отторгшимся отъ учиненныхъ объ немъ положеній, и Порта — еще не принявшею его въ свое подданство: чтобъ Ногайцы нынѣ же безъ отлагательства формально и препоручили начальство надъ собою сему къ намъ благонамѣренному Калгѣ-султану, но не отступая и при томъ до времени, до лучшаго въ дѣлахъ объясненія, отъ принадлежности къ Крыму, долженствующему составлять обще съ ними свободную и независимую область татарскую, и для того и ознаменовали бъ такое свое дѣяніе хану Крымскому, съ прошеніемъ, чтобъ избранный ими начальникъ и въ достоинствѣ Калги-султана по прежнему былъ оставленъ, при чемъ могутъ какъ бы кстати заявить въ Крымскую сторону, по содержанію учиненнаго в. прев-ву послѣднимъ рескриптомъ отъ 19-го Декабря предписанія, что они, Ногайцы, въ твердомъ намѣреніи находятся и пріобрѣтенную ими свободу отъ власти иноплеменнической и впредь навсегда предохранять. Правительство Крымское, сколь оно ни противомышленно, и увидитъ, кажется, себя въ нуждѣ возымѣть къ Калгѣ-султану, Ногайскими ордами подкрѣпленному, лучшее уваженіе, а они въ семъ случаѣ, имѣвъ и напредь сего всегда волю избирать и принимать въ свои начальники по собственному разсмотрѣнію, ничего однако жъ не сдѣлаютъ чрезвычайнаго, ниже въ существѣ противнаго состоявшемуся съ Портою мирному трактату, оставляющему татаръ въ независимости и въ свободномъ распоряженіи всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлъ; а между тѣмъ и Калга-султанъ въ своихъ желаніяхъ достаточно будетъ же удовольствованъ, получа властительство надъ толь многочисленными народами и увидя себя въ нарочитой отъ злобы Крымской безопасности. Впрочемъ, будущее время покажетъ, какія и далѣе съ нашей стороны по тогдашнимъ обстоятельствамъ употреблены быть могутъ приличныя мѣры къ сохраненію татаръ отъ пагубной подверженности, буде бы и еще опасность въ томъ не прекратилась, а для настоящаго, изъявя уже къ употребленію и руководству вашему тѣ, кои теперь наиболѣе мнѣ сходствовать видятся съ состояніемъ нашихъ дѣлъ, всеохотно присовокупляю къ тому вамъ же, любезный мой другъ, и удостовѣреніе и для самого меня пріятное, что я никогда быть не перестану и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 10 Генваря 1775 г.

2644) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПРИНЦУ-ЕПИСКОПУ ЛЮБЕКСКОМУ [1].

St-Pétersbourg, ce 13 Janvier 1775.

Monseigneur. J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à Volte Altesse Sérénissime les réponses de Sa Majesté et de Son Altesse Impériale [2] aux lettres que vous avez bien voulu m'adresser pour elles. Vous verrez,

[1] М. Г. А. Голштинія, IX, св. 2.

[2] Этихъ писемъ въ дѣлахъ по сношеніямъ съ Голштиніей не оказалось.

Monseigneur, par leur contenu la satisfaction qu'elles ressentent du choix que le prince votre fils a fait de votre aveu. Qu'il me soit permis aussi de témoigner à Votre Altesse le vif intérêt que je prends à un événement, dont elle ne peut se promettre que toute sorte de bonheur et de contentement. Tels sont du moins les voeux que me dicte l'attachement constant et respectueux, avec lequel je suis, Monseigneur, etc.

2645) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St-Pétersbourg, ce 20 Janvier 1775.

Quoique prêt à partir, M-r, je ne veux pas différer de répondre à votre lettre d'office № 1, à laquelle vous avez joint la note que vous a remise le ministère Polonais. Il est bien malheureux, que toutes les démarches que sa fausse politique lui suggère, soyent caractérisées par cet esprit d'inquiétude et de précipitation, qui n'est propre qu'à l'éloigner du but auquel il aspire. De bonne foi ce ministère peut-il croire qu'un renversement de système, produit par une guerre et des troubles intestins, peut être remis par une bravade telle qu'il se propose à l'occasion du passage de l'ambassade turque, qui doit se rendre dans ce pays-ci? Elle serait d'autant plus mal placée, que c'est un général russe qui conduira cette ambassade à travers les troupes de l'Impératrice, et cet acte ne déroge en rien à la dignité de l'état. S'il y a quelque chose qui peut la blesser, c'est le peu de circonspection avec laquelle on la met en avant. L'effet de l'intérêt et de l'amitié, que notre cour a témoigné au Roi et à la république en plusieurs rencontres et qu'on réclame dans la note en question, leur sera beacoup plus utile, s'il est employé à remettre les choses sur le pied du traité de Carlovitz, et c'est à quoi Sa Majesté Impériale, par un pur mouvement de ces deux motifs, n'a pas laissé de penser, sans attendre de leur part aucune réclamation. Cet article entrera donc essentiellement dans les points d'instructions, dont notre futur ambassadeur à la Porte sera muni. Ayez la bonté, M-r, d'en instruire le Roi et ses ministres et de les persuader de se reposer de ce soin sur les bonnes dispositions de notre cour à cet égard et d'en attendre tranquillement le résultat, qui selon toutes les apparences ne peut être que favorable. J'ai l'honneur d'être etc.

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

*

2646) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА КНЯЗЯ А. М. ГОЛИЦЫНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Вице-канцлеръ получилъ 28 Января 1775 г. нижеслѣдующую не подписанную записку, посланную къ нему по повелѣнію Императрицы: „Ея Императорское Величество приказать изволила, чтобъ в. с-во о состояніи сей г-жи Завойской и ея фамиліи чрезъ г. барона Штакельберга навѣдаться изволили“ [2]). Вслѣдствіе этого повелѣнія имъ написано было нижеслѣдующее письмо къ барону Штакельбергу:

Moscou, le 29 Janvier 1775.

Monsieur. Il a été adressé à Sa Majesté Impériale une supplique par une dame polonaise demeurant à Vienne, nommée Marie-Christine Zawoiski. Elle y déplore la situation malheureuse où elle est réduite par une ruine totale des terres de son père, Charles Zawoiski, que les circonstances du temps, dit-elle, avaient forcé de prendre les armes contre nos troupes. Elle dit avoir perdu jusqu'à la dot et au trousseau de sa mère et réclame la clémence de Sa Majesté pour en obtenir quelque dédommagement. L'Impératrice, désirant être instruite de l'état de cette demoiselle et de sa famille, m'a chargé, M-r, de vous en demander des informations, que vous voudrez bien me communiquer au plus tôt pour en faire mon rapport à Sa Majesté. J'ai l'honneur d'être etc.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ.

Январь 1775 г. — съ предупрежденіемъ о происках австрійцевъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XXVII, стр. 29.

2647) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [3]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 21 Февраля 1775 г.).

Послѣднія ваши три экспедиціи, отъ 6 и 24 Января да 4 Февраля, читали мы съ обыкновеннымъ нашимъ къ вамъ благоволеніемъ, а особливо изъ новѣйшей, отъ 4 Февраля, усмотрѣли съ превеликимъ удовольствіемъ, что труды ваши и посреди мира столько же послужили къ славѣ и пользѣ нашей и отечества, колико вы во время

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

[2]) Подлинная записка—въ Гос. Арх., разр. X, № 70, л. 30.

[3]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ гр. Румянцеву-Задунайскому, 1768—1783 г.г.

войны прославили оружіе онаго многими знаменитыми побѣдами, чрезъ доставленіе отъ Порты толь желанной султанской ратификаціи, для совершеннаго и торжественнаго запечатлѣнія сего собственныхъ же вашихъ рукъ дѣла. Сіе происшествіе удивитъ, конечно, Европу, ибо донынѣ всѣ дворы колебались еще въ сумнѣніяхъ о самой твердости мира, а потому и располагали отчасти свои политическіе обороты въ разсужденіи насъ; но теперь долженствуютъ уже оные обратиться въ стезю, выгоднымъ нашимъ обстоятельствамъ и времени гораздо свойственнѣйшую. Отдавая потому съ охотою всю справедливость бдѣнію и службѣ вашей, всемилостивѣйше апробуемъ мы все вами устроенное и учиненное къ одержанію ратификацій, а въ то же время увѣряемъ еще васъ, что оныя всегда пребудутъ въ нашей памяти неложнымъ и непоколебимымъ залогомъ нашей къ вамъ милости и благоволенія. Равномѣрно поручаемъ мы вамъ чрезъ сіе объявить нашимъ именемъ употребленному отъ васъ полковнику и кавалеру Петерсону нашу Императорскую апробацію и наше благоволеніе за его въ произведенной имъ негоціаціи ревностные и искренніе труды, по точной силѣ вашихъ ему отъ времени до времени преподаванныхъ благоразумныхъ и прозорливыхъ наставленій. А какъ теперь съ размѣною ратификацій кончились уже всѣ сумнѣнія о прочности мира и не представляется болѣе по дѣламъ никакихъ новыхъ предметовъ, требующихъ здѣшняго руководства, то и имѣютъ натурально всѣ прочія, оставаться могущія, подробности относиться къ прежнимъ нашимъ повелѣніямъ, изъ которыхъ вамъ воля и желанія наши достаточно свѣдомы быть могутъ, находя на сей разъ то одно прибавить, что когда турки начали уже дѣйствительно платить должныя по трактату деньги, мы желаемъ, дабы безъ потерянія времени большая оныхъ часть настоящаго пріема, а именно до милліона рублевъ, доставлена была въ Амстердамъ въ нашу диспозицію въ руки извѣстнаго тамошняго купеческаго дома *Théodore Smeth et Compagnie*, переводя ее по такимъ частямъ, каковыя знатность сей суммы сносить будетъ. Вы не оставите вслѣдствіе сего предписать полковнику и кавалеру Петерсону, чтобъ онъ, условясь съ банкиромъ своимъ въ Константинополѣ, началъ и производилъ съ поспѣшностію такіе въ Амстердамъ переводы на помянутую контору, предваряя ее и нашего въ Гагѣ находящагося министра заблаговременно, какъ отъ себя, такъ и чрезъ банкира своего, о доставленіи ей денегъ до милліона рублевъ въ собственную нашу диспозицію. Мы пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 24 Февраля 1775 года.

Екатерина.

2648) НОТА ШВЕДСКОМУ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ НОЛЬКЕНУ [1]).

Sa Majesté le Roi de Suède depuis son avènement au trône n'a employé que des lettres de la main pour notifier à l'Impératrice les événements de famille ou autres dont elle jugeait à-propos de lui faire part, ou pour s'entretenir confidemment avec elle sur chaque objet, qui pourrait les intéresser mutuellement. Sa Majesté Impériale a toujours reçu ces lettres avec satisfaction et y a répondu avec autant d'empressement. Son penchant à aller au devant de tout ce qui peut resserrer l'amitié personnelle entre elle et un prince son proche parent, et servir à entretenir la bonne union de leurs monarchies, n'a pu que lui faire goûter une correspondance d'autant plus propre à ce dessein, que ses sentiments et ceux du Roi son cousin y trouvent occasion de se manifester plus librement et de se communiquer avec plus de confiance. Sa Majesté Impériale a déféré à cette considération jusque là même, que m-r le baron de Nolcken, s'étant présenté à sa cour avec une lettre du Roi dans cette forme de lettre de la main, elle ne fit point difficulté de l'admettre à l'audience et d'agréer sa mission. Une pareille omission de formalité parut s'être glissée sans conséquence dans l'habitude d'une correspondance personnelle. Le ministère Impérial de Russie parla sur ce ton à m-r le baron de Nolcken. Ce n'a pu être sans étonnement qu'on a vu encore arriver dans cette même forme de lettre de la main la lettre de récréance du comte Ostermann, qui est la réponse à une lettre de cérémonie de la cour Impériale de Russie, où la forme et l'étiquette constamment pratiquées entre les deux cours a été ponctuellement suivie, Sa Majesté Impériale, dans les termes de l'amitié sincère et d'étroite union de famille qui subsistent entre elle et le Roi, n'a pas voulu refuser cette lettre pour un malentendu qu'elle juge toujours facile à éclaircir et à redresser. Mais le ministère ne se voit pas moins obligé d'en faire, comme il est juste, la remarque à m-r l'envoyé extraordinaire et il le prie, ainsi qu'il en a l'ordre de sa Souveraine, de vouloir bien faire en sorte, qu'à la chancellerie de sa cour on donne à cet objet l'attention qu'il mérite et qu'à l'avenir, sans préjudice de la correspondance personnelle des deux souverains, que leur amitié et les liens du sang les portent à entretenir entre eux, et qui sera toujours chère à l'Impératrice, néanmoins lorsqu'il est question d'actes aussi publics et aussi assujettis aux formes que les lettres de créance et de récréance de ministres et autres de même nature, il soit maintenu la même forme et étiquette,

---

[1]) М. Г. А. Швеція, IV, св. 2.

qui a constamment eu lieu entre les deux cours, et dont la dignité des couronnes et leurs égards l'une pour l'autre ne leur permettent pas de se départir.

Fait à Moscou, ce 24 Février 1775.

2649) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ къ графу Н. И. Панину отъ 25 Февраля (6 Марта) 1775 г. посланникъ въ Варшавѣ баронъ Штакельбергъ писалъ, что къ нему обратился Австрійскій посланникъ въ Польшѣ баронъ Ревицкій съ просьбой исходатайствовать у русскаго правительства разрѣшеніе на покупку лошадей для Австрійской кавалеріи въ Малороссіи, Новороссійскомъ краѣ и Донской области.

Refusez; tous les chevaux sont morts.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-АНШЕФУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

4 Марта 1775 г. — по поводу прошенія д. с. с. князя Кантакузина. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 169.

2650) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Въ поднесенной Императрицѣ „выпискѣ о Бухарскомъ посланцѣ муллѣ Ирназарѣ Максютовѣ“ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ доносила, что названный посланецъ явился къ Астраханскому губернатору ген.-маіору Кречетникову въ Сентябрѣ 1774 г. съ грамотой отъ Бухарскаго хана къ Императрицѣ, подарками отъ хана и свитой въ 52 человѣка. Коллегія предписала Кречетникову склонить посланца къ убавкѣ его свиты по возможности. Въ Январѣ 1775 г. присланы были къ высочайшему двору отъ названнаго посланца разные Бухарскіе фрукты и грамота, въ которой онъ извѣщалъ, что посланъ былъ ханомъ Бухарскимъ къ Императрицѣ для возвращенія ей оказавшихся въ Бухаріи 20 русскихъ плѣнниковъ, просилъ отпустить его изъ Астрахани къ высочайшему двору и не взимать съ него, какъ съ посланника, пошлинъ за привезенные имъ подарки. Съ своей стороны г.-м. Кречетниковъ доносилъ, что посланецъ не согласенъ уменьшить свою свиту и требуетъ прибавки кормовыхъ денегъ на содержаніе посольства; впрочемъ согласился наконецъ ѣхать впередъ одинъ, а свиту отправить вслѣдъ за собою. Кромѣ того губернаторъ дозволилъ ему провезти безпошлинно товара въ Россію лишь на 2000 рублей, а не весь. Въ случаѣ же несогласія посланца заплатить пошлину за весь товаръ, исключая разрѣшенный ему къ провозу на 2000 р., губернаторъ постановилъ наложить на весь остальной товаръ секвестръ.

Пропустить сего Бухарца, не бравъ съ него пошлины.

(Помѣта: Получено въ Коллегіи 12 Марта 1775 г.).

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 40.

[2]) М. Г. А. Именные указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 255.

2651) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 11 Марта 1774 г.).

Вслѣдствіе мирнаго трактата, повелѣли мы предъ нѣкоторымъ временемъ какъ бывшихъ въ С.-Петербургѣ при дворѣ нашемъ сераскеровъ съ ихъ свитами отправить въ Кіевъ, такъ и всѣхъ вообще по Имперіи разсѣянныхъ турецкихъ плѣнниковъ собрать въ ближнія къ границамъ мѣста, для удобнѣйшей ихъ оттуда отсылки во-свояси, ко времени ожиданной еще тогда размѣны формальныхъ ратификацій. А какъ теперь и сей послѣдній торжественный обрядъ счастливо уже исполненъ, слѣдовательно же и насталъ въ самомъ дѣлѣ назначенный въ трактатѣ срокъ взаимнаго освобожденія плѣнныхъ, то и поручаемъ мы вамъ чрезъ сіе распорядить, по лучшему вашему усмотрѣнію мѣстныхъ способностей, дѣйствительный отпускъ въ турецкія области всѣхъ въ здѣшнемъ полону бывшихъ Турковъ, снабжая ихъ въ случаѣ нужды всею тою помощью, каковой человѣчество и возстановленная съ Портою дружба требовать могутъ, дабы ихъ съ другой стороны, въ сбереженіе нашей казны, какъ можно скорѣе съ рукъ сбыть. Для вѣрнѣйшаго въ семъ отпускѣ устроенія мѣръ вашихъ, получите вы отъ нашего Сената точное и обстоятельное свѣдѣніе, въ которыхъ мѣстахъ именно назначены сборища для турецкихъ плѣнниковъ, равно какъ не будетъ отъ онаго же оставлено снабдить и всѣ тамошнія правительства надлежащими указами о немедленномъ въ свое время исполненіи по вашимъ предписаніямъ. Мы пребываемъ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, Марта 13 числа 1775 года.

Екатерина.

2652) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2]).

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. Препровождая симъ высочайшій Е. И. В. рескриптъ въ резолюцію и въ руководство по всѣмъ полученнымъ здѣсь представленіямъ вашего прев—ва, за должное нахожу препоручить вашему же, м. г. м., попеченію и происшедшую здѣсь отъ войска Донского жалобу о притѣсненіи ихъ въ принадлежа-

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ гр. Румянцеву-Задунайскому, 1768—1783 г.г.

[2]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Щербинину, 1771—1775 г.г.

щихъ имъ разныхъ угодьяхъ татарами Ногайскими, по случаю настоящаго ихъ къ границамъ нашимъ приближенія, почему многіе изъ нихъ, даннымъ на то дозволеніемъ пользуясь, уже и самаго Дона коснулись, а нѣкоторые перешли уже и за сію рѣку. Я надѣюсь, что ваше прев—во не оставите въ томъ скораго поправленія учинить употребленіемъ пристойныхъ способовъ и о томъ меня увѣдомить. Впрочемъ, прилагая здѣсь по требованію вашему для извѣстія и надлежащаго употребленія копію съ конвенціи, учиненной въ 1704 г. о границѣ отъ Азова въ Кубанскую сторону, упоминаемой и въ настоящемъ съ Портою Оттоманскою мирномъ трактатѣ, всегда пребуду и проч.

Въ Москвѣ, 13 Марта 1775 г.

2653) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Отправляющемуся въ Константинополь нашимъ полномочнымъ посломъ генералу князю Репнину повелѣваемъ изъ оной Коллегіи на покупку столоваго бѣлья и прочей посуды выдать, въ число должной оною Коллегіею Придворной Конторѣ за отпущенный въ 1749 г. бывшему въ Вѣнѣ посломъ, покойному графу Бестужеву-Рюмину, сервизъ, десять тысячъ рублей изъ субсидныхъ денегъ.

Екатерина.

13 Марта 1775 г., Москва.

2654) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2]).

Разсмотрѣвъ мы депеши ваши отъ 31 Декабря минувшаго года и настоящаго отъ 6 и 10 Января и отъ 9 и 17 Февраля о нуждѣ продолжаемаго съ стороны нашей старанія, чтобъ татары не уловлены были тайными Порты Оттоманской коварствами въ прежнее порабощеніе, но чтобъ противъ Крыма, въ развратъ впадшаго, многочисленность Ногайскихъ ордъ, руководимая благонамѣреннымъ къ намъ Калгою Шагинъ-Гирей-султаномъ, употреблена была, какъ наискорѣе, въ способъ и въ предъудержаніе самихъ Ногайцевъ отъ соблазна и Крымскаго правительства отъ вящихъ поползновенностей противныхъ, и чтобъ наконецъ для того Ногайцы не были больше удерживаны въ формальномъ ознаменованіи намѣреній своихъ въ разсужденіи независимости, а Калга искуснымъ образомъ разрѣшенъ и въ занятіи Таманской крѣпости, для пріуготовленія себѣ пути и къ

---

[1]) М. Г. А. Именн. указы 1768—1777 г.г.

[2]) М. Г. А. Дѣла Крымскія, рескрипты къ Щербинину, кн. Прозоровскому и гр. Румянцеву 1775 г., и архивъ Константинопольскаго посольства старый, св. 159.

самому ханству, находимъ всѣ такія ваши представленія, и при одержанной нынѣ отъ Порты ратификаціи на заключенный съ нею трактатъ мира, однако жъ уваженіе заслуживающими по сумнительству, и тѣмъ не пресѣкшемуся, о распространяемомъ иногда безъ сихъ мѣръ вредномъ Крыма властительствѣ и надъ ордами Ногайскими чрезъ опредѣленіе къ нимъ, пока можетъ почитать ихъ себѣ повинующимися безъ изъятія и во всѣхъ обстоятельствахъ, котораго-либо изъ султановъ, Портѣ и своему развратy особливо преданныхъ.

Вслѣдствіе всего сего и въ удовлетвореніе требованія Калги-султана, желавшаго имѣть непосредственный отзывъ, колико дворъ нашъ быть можетъ согласенъ съ его намѣреніями о крѣпости Таманской и о исключеніи ордъ Ногайскихъ отъ Крымскаго правительства, и будутъ-ли ему съ стороны нашей какія-либо и тому пособія, пошлется къ вамъ при семъ для дальнѣйшаго къ нему, Калгѣ, доставленія письмо отъ нашего д. т. с. графа Панина, содержащее въ себѣ общія побужденія, чтобъ онъ данную татарамъ вольность, сколько возможно, утверждать старался, и такія же и обнадеживанія, коимъ образомъ всякое и представляющееся ему счастіе будетъ намъ пріятно, заслуживая онъ по справедливости полное отъ своего отечества признаніе, а что ни получитъ, безъ сумнѣнія будетъ стараться получить безъ предосужденія положенныхъ въ мирномъ трактатѣ о татарскихъ народахъ условій и собственныхъ ихъ древнихъ правъ и обыкновеній, какъ о всемъ томъ вы больше усмотрите изъ копіи, съ того письма сообщаемой.

Въ самомъ дѣлѣ, занятіе Калгою Тамани можетъ хана Крымскаго съ тамошнимъ правительствомъ устрашить и вовсе неудобнымъ учинить ихъ въ ордахъ Ногайскихъ покушенія, а притомъ и самому ему, Калгѣ, ближайшіе преподать способы къ возвращенію въ Крымъ, съ честью, или же и съ ханскимъ достоинствомъ; но о семъ дѣлѣ, какъ отнюдь ни съ какимъ постороннимъ участвованіемъ несовмѣстномъ, а принадлежащемъ собственно и единственно до самихъ татаръ и ихъ внутреннихъ обстоятельствъ, переписываться съ нимъ нашимъ именемъ и повелѣніемъ нѣтъ пристойности, равно какъ и о томъ, надобно-ли теперь, чтобъ Ногайцы явнымъ образомъ предъявили себя отдѣлившимися отъ Крыма, и какія основанія къ тому употреблены быть могутъ; а дополненіе всему тому вы сдѣлаете отъ себя чрезъ посылку къ нему нарочнаго.

Такимъ образомъ, во-первыхъ, и имѣете вы домогаться, какъ отъ него, Калги, такъ по предварительному съ нимъ соглашенію и отъ другихъ татарскихъ начальниковъ, чтобъ отъ имени всѣхъ ордъ Ногайскихъ нынѣ при продолжаемомъ отъ Крымскаго правительства упорствѣ въ принятіи и употребленіи дозволенной татарамъ мирнымъ

трактатомъ вольности, а по совершеніи уже съ стороны Порты всего еще недостававшаго формалитета, отправлено было къ ней, по содержанію даннаго вамъ отъ 8 Ноября прошлаго года рескрипта, непосредственное представленіе въ засвидѣтельствованіе, будто по приличію, благодарности ихъ, Ногайцевъ, за соглашеніе ея на ихъ независимость и со изъясненіемъ ихъ удовольствія и намѣренія навсегда оставаться вольными, и что всякое стараніе съ ихъ стороны приложено будетъ сіе оказанное имъ благодѣяніе содержать въ памяти и спокойнымъ обращеніемъ оное заслуживать.

Въ сіе же настоящее время можетъ уже, по силѣ того жъ отъ 8 Ноября рескрипта, сдѣланъ быть отзывъ отъ Ногайцевъ и Крымскому правительству о дозволенной ими надъ собою власти Калгѣ-султану и о желаніи ихъ навсегда остаться въ свободѣ и независимости, съ присовокупленнымъ къ тому увѣщаніемъ оному правительству, чтобъ не противилось толь благополучному для татаръ жребію, или же инако не почитало больше ихъ, Ногайцевъ, принадлежащими къ своему Крымскому обществу, отъ котораго, пока видятъ оное въ развратныхъ мысляхъ, долженствуютъ по необходимости содержать себя въ отдѣленіи и осторожности.

Желательно было бы, чтобъ и Эдишкульская орда, о которой вы доносили, что ей одной осталось только согласиться на Калгу-султана, будучи прочія три, Эдиссанская, Буджацкая и Джембуйлуцкая, къ тому уже дѣйствительно наклонены, но что и сія послѣдняя Эдишкульская однако жъ не весьма удаленною находилась отъ такого поступка, равнымъ образомъ дѣйствительное возымѣла участіе въ чинимыхъ отъ Ногайцевъ Портѣ и Крыму предъявленіяхъ о принятомъ ими намѣреніи сохранить навсегда пріобрѣтенную ими вольность; но ежели бы оттого произойти могло замедленіе, въ такомъ случаѣ довольно, кажется, будетъ и трехъ вышеозначенныхъ ордъ, особливо же если притомъ, по сообщенію хотя нѣкоторой изъ Эдишкульцевъ части, и имя сей орды со всею вѣроятностью употреблено быть можетъ.

Между тѣмъ, внушите вы Калгѣ-султану секретнѣйшимъ образомъ въ разрѣшеніе заданныхъ отъ него вопросовъ, что не только можетъ онъ для обузданія злонамѣренныхъ Крымцевъ поступить на занятіе Тамани, но ежели бы открылись ему способы съ честью и безопасностью постановить себя и въ Крымѣ въ настоящемъ своемъ званіи или и съ умноженнымъ достоинствомъ, двору нашему все то будетъ касаться къ особливому удовольствію, по испытанной уже многократно ревности его къ истинной пользѣ народовъ татарскихъ,

только чтобъ поведеніе его всегда распоряжаемо было не въ противность и нарушеніе древнихъ татарскихъ правъ и принятыхъ обыкновеній и со всею возможною осторожностью и отъ наведенія новыхъ хлопотъ и затруднительствъ между нашею Имперіей и Портою Оттоманскою, давая притомъ ему знать, что по мѣрѣ и важности представляющихся надобностей при сихъ его искательствахъ онъ и пособіемъ съ нашей стороны, состоящимъ въ денежныхъ снабдѣніяхъ, поелику никакого другого въ настоящемъ положеніи дѣлать не можно, оставленъ не будетъ, какъ и дѣйствительно надлежитъ вамъ, по силѣ прежде даннаго вамъ отъ насъ повелѣнія отъ 8 Ноября, разсматривая нѣкоторымъ образомъ каждое его требованіе по видамъ и слѣдствіямъ, иногда, при настояніи съ его стороны достаточныхъ къ тому основаній, исполнять безъ изъятія, иногда же, при оказывающемся излишествѣ, содержать его, но безъ огорченія и въ умѣренности, дружественными и довѣренными изъясненіями, дабы, по его извѣстной расточительности и корыстолюбію татарскому, великія иждивенія напрасно и безъ пользы, имъ соотвѣтствующей, разсѣяны быть не могли и во время короткое; а въ толь вящее подтвержденіе его, Калги-султана, въ надѣяніи къ нашей сторонѣ и для разведенія его съ Донскими казаками, по случаю отданной имъ соли въ озерахъ на Кубанской степи на откупъ купцу Седельникову за 6,576 рублевъ, напередъ имъ отъ сего купца полученные, и происшедшаго оттого помѣшательства и подрыва въ принадлежащей Донскимъ казакамъ продажѣ соли въ собственныхъ ихъ жилищахъ, можете вы оную сумму нынѣ ему, Калгѣ, подарить, взявъ къ тому поводъ изъ учиненнаго имъ отзыва, что онъ на такое распоряженіе будто долженъ былъ поступить по необходимости, употребя полученныя отъ купца деньги на приласканіе разнаго состоянія татаръ.

Соизволяемъ мы также и на проѣздъ вашъ сюда ко двору нашему для подробнѣйшихъ изъясненій по врученной вамъ татарской комиссіи и полученія скорѣйшихъ резолюцій, повелѣвая при отлученіи вашемъ изъ настоящаго мѣста не только находящагося при Калгѣ-султанѣ бригадира Бринка снабдить достаточнымъ наставленіемъ на всякій случай и время по обстоятельствамъ настоящимъ, но и такія принять мѣры и распоряженія, чтобъ переписка ваша съ нимъ во всей осталась удобности; а впрочемъ пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 13 Марта 1775 года.

Екатерина.

2655) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

М. г. м. Евдокимъ Алексѣевичъ. По поводу учиненнаго мнѣ отъ вашего прев—ва вопроса, благосклоннымъ вашимъ письмомъ отъ 9 Февраля, можно-ли и надобно-ли Калгѣ-султану отпустить назначиваемое имъ число до 50.000 рублевъ для употребленія на подчиненіе Эдишкульской орды и на занятіе Тамана, симъ служу вамъ, милостивый мой другъ, отвѣтомъ, что по собственному моему мнѣнію, кажется, сія сумма при первомъ случаѣ была бъ очень велика для обоихъ сихъ видовъ. Мы теперь въ разсужденіи Крыма и народовъ татарскихъ въ такихъ обстоятельствахъ находимся, что еще долго можетъ быть надобно будетъ трудиться и держать деньги, пока въ состояніи себя увидимъ руководствовать ихъ произволеніями и достигнуть до безпечности въ разсужденіи присваиваемой имъ свободы и прочности ея; но ежели въ началѣ, такъ сказать, дѣла щедрость наша не будетъ имѣть предѣловъ, кольми паче впредь въ необходимости нашлись бы удовлетворять всѣ прихоти корыстолюбивыхъ татаръ, или же инако и на конецъ всего видѣть ихъ огорченными въ случаѣ всякаго и справедливаго отказа. Но съ другой стороны, когда ваше прев—во удостовѣрены быть можете, что преклоненіе Эдишкуловъ и занятіе Тамана безъ употребленія одновременно означенной суммы не учинится, и что слѣдствія сихъ двухъ происшествій довольно важныя и полезныя будутъ для усмиренія Крыма и приведенія его въ желаемое положеніе, пускай исполнится въ такомъ извѣстномъ и нужномъ случаѣ желаніе Калги-султана; а безъ того останется вашему прев—ву дружескими и откровенными изъясненіями отъ излишнихъ запросовъ и расточенія стараться его, Калгу-султана, отклонить, или же, дабы безопаснѣе поступить, не касаясь къ его и самолюбію, хотя и можете будто оказывать ему податность, но притомъ и разныя вѣроятныя препятствія примышлять, для выиграніе времени и полученія потребныхъ свѣдѣній о назначеніи имъ сихъ денегъ, дабы издержку оныхъ предварило совершенное удостовѣреніе достаточной пользы, изъ того быть имѣющей; и что все сказавъ вашему прев—ву въ дружескій совѣтъ, съ удовольствіемъ ожидаю впрочемъ часа, въ который непосредственно возымѣю способъ повторить вамъ, любезный мой другъ, пріятныя для меня самого обнадеживанія о истинномъ почтеніи и такой же преданности, съ каковыми всегда пребуду и проч.

Въ Москвѣ, 13 Марта 1775 г.

2656) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КАЛГѢ-СУЛТАНУ ШАГИНЪ-ГИРЕЮ [2]).

Сіятельный Калга-султанъ, мой почтенный пріятель. Сообщено уже вашему сіятельству отъ г. генерала-поручика Щербинина о дѣйствительно исполнившейся размѣнѣ взаимныхъ ратификацій на мир-

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Щербинину, 1771—1775 гг. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Р., 1872 г., кн. II, стр. 106—107.

[2]) М. Г. А. Дѣла Крымскія 1775 г. Напеч. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс., 1872 г., кн. II, стр. 107—110.

ный трактатъ, между Всероссійскою Имперіей и Портою Оттоманскою заключенный, и что такимъ образомъ сіе знаменитое и богоугодное дѣло воспріяло, наконецъ, совершеніе полное.

Я все то изъ особливаго къ вамъ, мой почтенный пріятель, уваженія съ удовольствіемъ и чрезъ сіе повторяя, за нужно нахожу къ тому только примѣтить, что по содержанію онаго трактата, теперь торжественнымъ образомъ подтвержденнаго, народы татарскіе въ качествѣ свободной и независимой области съ стороны самой Порты, державы ими владычествовавшей, признаны уже съ наилучшею достовѣрностью, и которая всячески отъ нихъ отреклась, предоставя единственно, по верховному Оттоманскаго престола государей въ послѣдователяхъ магометанскаго закона калифству, возношеніе ихъ имени въ молитвахъ и еще, что только съ законными обрядами соединено быть можетъ, безъ предосужденія однако жъ всѣмъ тѣмъ политической татарскаго общества независимости. Но татары, напротивъ того, сами къ сожалѣнію, и при сихъ суще полезныхъ для нихъ обстоятельствахъ, еще нужду имѣютъ во внутреннемъ благоустройствѣ и согласіи духовъ своихъ, чтобъ признать во всей цѣнѣ, что они пріобрѣтаютъ, и чтобъ перестать противиться собственнымъ желаніемъ и подвигомъ своему и потомства своего благоденствію, не могущему ни въ чемъ толико быть и оказаться, какъ въ прочности дозволеннаго имъ свободнаго и независимаго состоянія.

Могу я къ похвалѣ вашего с—ва сказать, что и въ такое время, когда вы меньше знали и удостовѣрены были о справедливыхъ правилахъ поведенія Россійскаго Императорскаго двора, когда войска россійскія повсюду торжествовали и получали успѣхи за успѣхами, и когда слѣдовательно вся была возможность предписывать наистрожайшіе законы татарамъ, отъ ужаса трепетавшимъ, и тогда уже проницаніе ваше достаточно было представить вамъ въ истинности великодушные и человѣколюбивые виды Ея Императорскаго Величества моей всемилостивѣйшей Государыни, воспріятые о сихъ въ постороннемъ порабощеніи бывшихъ народахъ: кольми паче нынѣ, по усугубленіи вашего испытанія въ разныхъ обращеніяхъ дѣлъ, вы, мой истинный пріятель, въ томъ полное подтвержденіе имѣть могли, и коль уже напротивъ того, по сему же вашихъ дарованій избытку, всякое на вольность татарскую лукавое покушеніе всегда будетъ вамъ видимо и чувствительно во вредныхъ своихъ слѣдствіяхъ, и трудно будетъ васъ въ томъ кому-либо провести.

Польза вашего отечества ожидаетъ отъ благоразумія вашего и усердія къ единоплеменнымъ вамъ народамъ, чтобъ вы, сіятельный и знаменитый Калга-султанъ, происходя изъ владѣтельной сими народами фамиліи, будучи изъ мусульмановъ просвѣщеннѣйшій и въ со-

стоянiи истинное существо закона отличить отъ напрасныхъ предубѣжденiй, которыя никакого сопряженiя съ закономъ имѣть не могутъ, и не щадивъ понынѣ никакихъ вашихъ трудовъ и подвиговъ къ вразумленiю и соглашенiю народовъ татарскихъ узнать даръ неоцѣненной вольности, данной имъ свыше отъ милосердой судьбы Всевышняго великодушнымъ пособiемъ и содѣйствiемъ Ея Императорскаго Величества моей всемилостивѣйшей Государыни, — не оставили и далѣе вашего старанiя продолжать, къ предупрежденiю паденiя ихъ въ прежнее порабощенiе или же по крайней мѣрѣ всего того, что можетъ быть противно политической ихъ свободѣ и независимости, опредѣленной какъ состоявшимся уже предъ симъ особеннымъ у Имперiи Всероссiйской съ областью ихъ татарскою трактатомъ союза и дружбы, такъ напослѣди и самымъ трактатомъ мирнымъ, который взаимно отъ обоихъ Императорскихъ дворовъ нынѣ уже во всѣхъ своихъ положенiяхъ подтвержденнымъ есть образомъ наиторжественнѣйшимъ, и чтобъ для того ваше с—во ускорили всѣми возможными способами, по вашему состоянiю и обстоятельствамъ и сколько подается вамъ права по древнимъ татарскимъ обыкновенiямъ, соединить всѣ орды Ногайскiя въ единомыслiе и вашу власть надъ ними утвердить, а потомъ приступите и къ тому, чтобъ освобожденiемъ брата вашего Сагибъ-Гирей, хана Крымскаго, и тамошняго правительства отъ настоящей ихъ слѣпоты и безчувственности, поревающей ихъ въ очевидную погибель собственнымъ рабства исканiемъ, а въ случаѣ встрѣчающейся въ томъ невозможности, и какъ-либо и инако, но только сходно и не въ противность положеннымъ въ мирномъ трактатѣ о татарскихъ народахъ условiямъ и собственнымъ вашимъ правамъ татарскимъ и издревле бывшимъ употребленiямъ, согласился наконецъ и Крымъ быть и остаться въ одномъ обществѣ съ Ногайскими народами и исполнить намѣренiе и содержанiе обоихъ трактатовъ, то есть мирнаго и особенно съ татарами заключеннаго, дѣяніями, свойственными для области свободной и, кромѣ единаго Бога, ни отъ какой посторонней власти независимой, дабы всѣмъ тѣмъ въ полной мѣрѣ оказаться могла надъ народами татарскими благость судьбы Всевышняго, возбудившая великую Всероссiйскую Монархиню явить имъ милость и помочь, и возвращающая ихъ со всѣмъ будущимъ потомствомъ ко древней славѣ и почтенiю.

Между тѣмъ я, удостовѣряя васъ, знаменитый Калга-султанъ, высочайшимъ именемъ и повелѣнiемъ Ея Императорскаго Величества моей всемилостивѣйшей Государыни, что если при такихъ вашихъ достохвальныхъ подвигахъ природа ваша и способности откроютъ вамъ пути къ умноженiю вашей знатности и достоинства, Ея Императорское Величество изволитъ все то принять къ особливому удовольствiю, въ

томъ достаточномъ удостовѣреніи, что вы, по вашей истинной къ отечеству вашему ревности, заслуживаете съ стороны его совершенную благодарность, и что всѣ ваши мѣры и предпріятія будутъ въ его пользу и въ прочность настоящаго независимаго жребія и всегда расположены и соображены съ основаніями вашихъ татарскихъ правъ и законовъ и съ должнымъ уваженіемъ къ утвержденнымъ о татарахъ постановленіямъ между Всероссійскою Имперіей и Портою Оттоманскою, равно какъ и къ тѣмъ, кои предъ симъ уже и съ самою татарскою областью свободною дѣйствительно же состоялись.

Впрочемъ я, единожды воспріявъ къ вашему с—ву довѣренность и дружбу, и впредь всегда пребуду къ вамъ доброжелательнымъ и готовымъ ко всѣмъ возможнымъ угодностямъ и пособіямъ.

Въ Москвѣ, 13 Марта 1775 г.

2657) ПРОЕКТЪ МАНИФЕСТА ПО СЛУЧАЮ МИРА СЪ ТУРЦІЕЙ, СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ПОПРАВКАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Манифестъ подписанъ былъ въ Москвѣ 17 Марта 1775 г. Онъ напечатанъ въ первомъ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XX, № 14275. Въ концептѣ его сдѣланы Императрицею нижеслѣдующія исправленія: вмѣсто слова «величествомъ» («Сіе намѣреніе, яко богоугодное и Его человѣколюбію сообразное, желаемыми успѣхами всегда было Имъ увѣнчаваемо, что мы предъ Его *величествомъ*... и исповѣдуемъ») написано Императрицею: «*престоломъ*». Въ фразѣ: «Находимъ, что все то было дѣйствіемъ видимыхъ чудесъ *Бога, любящихъ Его прославляющаго*»—зачеркнуты послѣднія слова и написано: «*Его*». Вм. слова «Бога» («Толикія чувствуя мы возложенныя на совѣсть нашу отъ благодѣтельствующаго намъ Бога»...) написано: «*Творца*». Въ фразѣ: «Изъ приложенныхъ при семъ и пзъясненныхъ даруемыхъ народу нашему милостей всякъ видѣть можетъ, *сколько мы къ благодѣянію Божіему чувствительными себя признаемъ и* коликая есть матерняя наша... любовь»—напечатанное курсивомъ зачеркнуто Императрицею. Въ статьѣ 43-й (перечисленія даруемыхъ по случаю мира съ турками милостей): «Повелѣваемъ какъ по казеннымъ, такъ и по партикулярнымъ долгамъ болѣе 5 лѣтъ въ тюрьмѣ содержащихся людей, *кои дѣйствительно найдутся не въ состояніи платить*, освободить» — напечатанное курсивомъ приписано Императрицею. Въ статьѣ 45-й: «Всѣмъ вообще бѣглымъ, какъ государственнымъ, или дворцовымъ, или экономическимъ, или *заводскимъ*, *также помѣщичьимъ* крестьянамъ... объявляемъ всемилостивѣйшее прощеніе»... вм. «заводскимъ» написано Императрицею: «*приписнымъ къ заводамъ*», а слова: «также и помѣщичьимъ» зачеркнуты ею. На отдѣльномъ листкѣ написано Императрицею: «*44 ст(атью) можно написать тако, буде разумительно покажется: Всякаго рода преступленія, коимъ десять лѣтъ прошло и черезъ таковое*

[1]) Гос. Архивъ, разр. X, № 80.

долгое время и пр.»; въ первоначальной редакціи статья эта читалась такъ: «Дѣла всякаго рода, касающіяся до лицъ, коимъ 10 лѣтъ прошло, и чрезъ таковое долгое время они не сдѣлались гласными... предать... вѣчному забвенію»...

2658) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Графъ Петръ Александровичъ. Запорожцы столько причинили обидъ и раззоренія жителямъ Новороссійской губерніи, что превосходитъ всякое терпѣніе. Предпишите секретно генералъ-поручику князю Прозоровскому, чтобъ онъ весьма внималъ ихъ поступки и смотрѣлъ бы, нѣту-ли у нихъ какихъ сношеній съ татарами. Смирить ихъ конечно должно, и я непремѣнно то дѣлать намѣрена. Для того и открываю вамъ мое желаніе, чтобъ вы при возвращеніи полковъ въ Россію назначили чрезъ ихъ жилища маршъ такому числу полковъ, чтобъ было довольно ради обузданія сихъ безпутниковъ. Имѣйте сіе въ тайнѣ, никому не проницаемой. Вамъ весьма доброжелательна.

Екатерина.

Марта 22 ч. 1775 г., изъ Москвы.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

23 Марта 1775 г.—объ албанскомъ дѣлѣ, о Керчи и Еникале и проч. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 106.

2659) ВЫСОЧАЙШАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ЗА СОБСТВЕННОРУЧНЫМЪ ПОДПИСАНІЕМЪ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ представляла, что при отставкѣ за старостью въ 1764 г. почтдиректора барона Аша, она требовала отъ него счетовъ и вѣдомостей по почтовымъ расходамъ съ 1747 года, но онъ ихъ подъ разными отговорками не представилъ, вслѣдствіе чего Коллегія приступила къ разбору его бумагъ и обнаружила доимку на немъ въ 83.150 рублей. Баронъ Ашъ объяснилъ, что счета запущены были имъ не по нерадѣнію, а вслѣдствіе возлагавшихся на него съ 1747 г. канцлеромъ гр. Бестужевымъ-Рюминымъ многочисленныхъ секретныхъ работъ по перлюстраціи, надъ которыми онъ принужденъ былъ денно и нощно трудиться, почему и не могъ вести самъ счетовъ по почтовой части; сверхъ жалованья онъ ни единой копѣйки себѣ не бралъ и никогда не предполагалъ, что на немъ будетъ какой-либо начетъ. Баронъ Ашъ умеръ въ Декабрѣ 1773 г. Коллегія пред-

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 3.

[2]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной экспедиціи, № 360.

ставляла, что не имѣетъ прямого подозрѣнія на бар. Аша, а считаетъ, что доимка произошла отъ непорядка и упущенія въ расчетахъ и утраты многихъ документовъ. Представляя списокъ наслѣдниковъ бар. Аша и роспись оставшагося послѣ него имущества, Коллегія повергаетъ все дѣло на разсмотрѣніе Императрицы.

Гдѣ ничего нѣтъ, тутъ и право исчезаетъ. Домъ секвестрованный возвратить наслѣдникамъ.

Екатерина [1]).

23 Марта 1775 г. Москва.

2660) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [2]).

(До 31 Марта 1775 г.).

Monsieur. J'ai fait mon rapport à l'Impératrice de la réclamation que la régence de Zerbst a fait de vos bons offices auprès de la cour où vous êtes, pour procurer le renvoi des sujets de la principauté, qui sont au service de Saxe. Sa Majesté Impériale ne trouve point à propos, M-r, que vous fassiez aucune démarche à ce sujet. Elle ne voit dans l'effet d'une telle demande aucun avantage réel pour le prince son frère, ni pour son état. Au contraire, comme il est d'expérience, qu'un soldat accoutumé à une vie libre et paresseuse, est incapable d'autre profession que celle des armes, il arrivera que ces gens resteront inutiles et à charge au pays ou ne serviront qu'à augmenter les troupes du prince, ce qui est un autre inconvénient. Sa Majesté Impériale voudrait même, que vous insinuassiez à la régence de Zerbst, que le trop grand nombre de troupes que le prince entretient lui est à charge, qu'en faisant une réforme utile et ne gardant de troupes que ce qui est indispensable pour sa dignité, il serait plus riche et son pays plus heureux. Vous pouvez donner, M-r, cette réflexion comme de votre part, mais en appuyant sur la satisfaction que la cour aurait, que le prince agreât ces vues d'économie. Je suis etc.

2661) РЕСКРИПТЪ ВНОВЬ НАЗНАЧЕННОМУ ПОСЛАННИКОМЪ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ И. М. СИМОЛИНУ [3]).

Мы разсудили за потребно отозвать васъ отъ королевскаго Датскаго двора и опредѣлить въ равномъ же характерѣ къ коро-

[1]) Одна подпись Императрицы собственноручна; резолюція писана неизвѣстною рукою на поляхъ доклада.

[2]) М. Г. А. Данія, III, св. 13.

[3]) М. Г. А. Швеція, III, св. 44.

левско-Шведскому для престереженія тамо интересовъ нашихъ; почему посылаемъ при семъ къ вамъ какъ отзывную нашу грамоту къ королю Датскому, такъ и кредитивную къ королю Шведскому, съ копіями съ оныхъ для извѣстія вашего. По прибытіи назначеннаго отъ насъ на мѣсто ваше статскаго совѣтника Сакена, имѣете вы подать ему полное свѣдѣніе о всѣхъ тамошнихъ обстоятельствахъ и о политической тамо связи, поруча ему весь министерскій архивъ по описи и всѣхъ канцелярскихъ служителей, и взявъ отпускную аудіенцію, отправиться въ Стокгольмъ къ новоназначенной вамъ должности. По прибытіи вашемъ туда надлежитъ вамъ, сколь скоро возможно будетъ, аккредитовать себя у тамошняго двора въ характерѣ полномочнаго нашего министра и чрезвычайнаго посланника, поступая при томъ сходственно съ этикетомъ тамошнимъ; а пребывающему тамо нашему канцеляріи совѣтнику и резиденту Стахіеву мы повелѣли уже весь тамошній министерскій архивъ и всѣхъ канцелярскихъ служителей отдать вамъ, увѣдомляя притомъ васъ и о всѣхъ тамошнихъ обстоятельствахъ, не дошедшихъ иногда еще до свѣдѣнія вашего. По вашей извѣстной намъ ревности къ службѣ нашей и по пріобрѣтенному вами знанію въ политическихъ дѣлахъ, ожидаемъ мы отъ васъ, что вы, во время сего новаго министерства вашего, усугубите старанія и труды ваши въ престереженіи интересовъ нашихъ и въ отвращеніи всякаго, иногда случиться могущаго предосужденія онымъ, донося почасту о всякихъ тамошнихъ происхожденіяхъ намъ и нашему министерству, на что и резолюціями неукоснительно снабдѣваемы будете.

Во время тамошняго пребыванія вашего опредѣлили мы вамъ то же содержаніе, какое имѣлъ предмѣстникъ вашъ графъ Остерманъ, а на подъемъ и на заведеніе дома всемилостивѣйше пожаловали вамъ пять тысячъ рублей. И пребываемъ къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, Марта 31 дня 1775 года.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.

2662) РЕСКРИПТЪ ВНОВЬ НАЗНАЧЕННОМУ ПОСЛАННИКОМЪ ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ К. И. САКЕНУ [1]).

Опредѣля находившагося понынѣ при королевскомъ Датскомъ дворѣ нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Симолина къ

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 13.

*

королевскому Шведскому двору въ томъ же характерѣ, разсудили мы за благо испражнившееся чрезъ то министерское мѣсто при Датскомъ дворѣ занять назначеніемъ и опредѣленіемъ къ тому васъ, будучи увѣрены о ревности вашей къ нашей службѣ и о способности вашей къ дѣламъ министерскимъ. Почему прилагается при семъ грамота наша къ Его Величеству королю Датскому кредитивная для васъ на характеръ нашего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, съ копіями для извѣстія вашего. По прибытіи вашемъ въ Копенгагенъ имѣете вы адресоваться къ помянутому министру нашему Симолину, которому повелѣли уже мы подать вамъ полное свѣдѣніе о тамошнихъ обстоятельствахъ и о политической связи, поручая при томъ вамъ весь тамошній министерскій архивъ и всѣхъ канцелярскихъ служителей. Вступя въ должность министра нашего при Датскомъ дворѣ, имѣете вы поступки ваши учреждать по посланнымъ къ предмѣстнику вашему наставленіямъ отъ министерства нашего, наблюдая интересы наши недреманнымъ окомъ и отвращая всякія, могущія происходить противныя онымъ происшествія. Главнѣйшее попеченіе и стараніе ваше должно о томъ простираться, чтобъ о всякихъ тамо случающихся происшествіяхъ, какъ во внутреннихъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ, почасту доносить съ подробностью намъ и министерству нашему, на что и потребными наставленіями вы отъ времени до времени снабжаемы будете. Съ министрами нашими, при другихъ чужестранныхъ дворахъ пребывающими, имѣете вы равномѣрно же завести и содержать корреспонденцію, поколику того интересы наши востребовать могутъ, а имъ уже о опредѣленіи вашемъ знать дано изъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Во время пребыванія вашего въ Копенгагенѣ имѣете вы жалованья нашего получать столько же, сколько получалъ и предмѣстникъ вашъ, а именно, по восьми тысячъ рублей, да почтовыхъ по четыреста рублей въ годъ. На подъемъ же и на заведеніе дома всемилостивѣйше пожаловано вамъ пять тысячъ рублей, кои вы уже и получили изъ помянутой Коллегіи, изъ которой и окладное жалованье по временамъ къ вамъ переводимо будетъ. И пребываемъ вамъ впрочемъ и проч.

Данъ въ Москвѣ, Марта 31 дня 1775 года.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

2 Апрѣля 1775 г. — о прибытіи Константинопольскаго патріарха. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 107.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

2 Апрѣля 1775 г.—о распоряженіяхъ по Азовской флотиліи вслѣдствіе возстановленія мира. Напеч. въ Сборникѣ, т. XXVII, стр. 34—35.

2663) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

Moscou, ce 3 Avril 1775.

Voici le temps qui s'approche, M-r, où vous avez compté d'être en état de vous rendre à votre nouvelle destination. En conséquence je ne remets pas plus loin à vous faire parvenir, tant vos lettres de rappel de la cour de Copenhague, que vos lettres de créance pour celle de Stockholm. Vous n'avez pas besoin d'être guidé, M-r, dans les assurances que vous devez réitérer à la première, en vous congédiant d'auprès d'elle, de la sincère amitié de l'Impératrice et de la parfaite égalité de príncipes avec les vôtres, sur laquelle travaillera votre successeur à cultiver l'intime union entre la Russie et le Danemark. Je remets pareillement à votre zèle de faire parvenir à m-r de Sacken les conseils et les informations, qui peuvent lui être utiles pour saisir d'abord le fil des affaires de son poste et succéder d'autant plus vite à la juste confiance, dont vous avez joui pendant votre mission. Je me borne donc à vous souhaiter un heureux voyage et à vous assurer, que je m'empresserai de contribuer à vous succès et à votre agrèment dans votre nouveau ministère avec cette affection si ancienne et si vraie, avec laquelle je suis etc.

2664) ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ РЕЗОЛЮЦІЯМИ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

1) Изъ первѣйшихъ книжества Молдавскаго чиновъ великій постельникъ Аргирій, при первомъ вступленіи войскъ Вашего Имп. Величества въ Яссы, когда всѣ чиновные, опасаясь частію гоненія турокъ, частію же по недоброжелательству къ войскамъ нашимъ, оставя впустѣ домы свои, удалились въ Трансильванію, явясь самъ къ командѣ нашей, не токмо при всѣхъ дѣйствіяхъ второй кампаніи безотлучно находясь, доставлялъ чрезъ преданныхъ ему людей вѣрнѣйшія о слѣдахъ непріятельскихъ извѣстія, но и признательнымъ образомъ содѣйствовалъ во многихъ со стороны нашей предпріятіяхъ, какъ въ первой арміи, такъ и во второй подъ Бендерами, будучи

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 13.

[2]) Гос. Архивъ, разр. X, № 90—дѣло о награжденіи Молдавскихъ и Валахскихъ бояръ.

сверхъ того озабоченъ доставленіемъ провіанта; котораго истину утверждаютъ данные ему отъ предводителей обѣихъ армій аттестаты.

800 душъ

штат: сов. [1]).

По исполненіи чрезъ всю минувшую войну похвальной своей ревности и усердія, прибывъ сюда и повергая все оное предъ освященнымъ престоломъ вашимъ, проситъ, чтобъ по принятіи въ правосудное уваженіе трудовъ его, удостоить все семейство и съ зятемъ его, того же княжества баномъ Палладіемъ, милосердаго Вашего Имп. Величества покрова, которому посвящая остатокъ дней своихъ, желаетъ основать домъ его въ Россійской Имперіи.

400 душъ

колле: сов. [2]).

(По сей запискѣ указъ въ Сенатъ посланъ 3 Апрѣля 1775 г.).

2) Волошскаго княжества Фокшанскій архимандритъ Варлаамъ, котораго оказанное чрезъ всю минувшую войну отличное къ войскамъ нашимъ усердіе и наипризнательнѣйшія во всѣхъ случаяхъ услуги столь знамениты, что все войско предъ освященнымъ Вашего Имп. Величества престоломъ свидѣтельствовать обязано, повергая себя и похвальную свою службу къ высочайшимъ стопамъ вашимъ и спѣша отъѣздомъ своимъ въ Валахію, чтобъ до приближающагося по заключенному трактату срока ускорить переселеніемъ себя и родственниковъ своихъ оттуда, проситъ по великости души вашей за труды свои надежнаго убѣжища.

Выдать ему на переѣздъ 2.000 р., а на содержанье въ годъ 1.000 р.

(По сей запискѣ указъ въ Коллегію Экономіи посланъ 3 Апрѣля 1775 г.).

2665) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [3]).

Всемилостивѣйше повелѣваемъ оной Коллегіи пріѣхавшему ко двору нашему отъ Бухарскаго хана посланцу съ свитою его производить кормовыхъ денегъ по 200 рублевъ на мѣсяцъ, начиная такую дачу съ 1 Сентября прошлаго 1774 года, то есть со дня пріѣзда его въ Астрахань, и на что потребныя деньги имѣетъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ требовать отъ Статсъ-Конторы.

Екатерина.

Москва, 7 Апрѣля 1775 г.

---

[1]) Т. е. чинъ статскаго совѣтника.

[2]) Т. е. чинъ коллежскаго совѣтника.

[3]) Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 256.

2666) ПИСЬМО КАНЦЕЛЯРІИ СОВѢТНИКА КРОКА КЪ МИНИСТРУ И. И. МЕСТМАХЕРУ ВЪ ЭЙТИНЪ [1]).

(Писано въ цыфрахъ по приказанію его с-ва гр. Никиты Ивановича и отправлено въ 14 день Апрѣля 1775 г.).

Hochwohlgeborner Herr, hochgeehrtester Herr Canzelley-Rath und Ministre. Auf ausdrückliches Verlangen unseres erlauchten Chefs, des Grafen von Panin, habe ich Ew. Hochwohlgeb. in Antwort auf die, seit der letztern, denenselben aus St-Petersburg unter dem 21 December zugekommenen Depeche, von Ihnen erhaltene Berichte an den Grafen und Briefe an mich, hiemit vorläufig in Seiner Erlaucht Namen zuerkennen zu geben, dasz Hochdieselben mit der Art und Weise, wie Ew. Hochwohlgeb. sich des in der hiesigen Depeche Ihnen ertheilten Auftrags entlediget und die Vorstellungen eingerichtet haben, die Sie des Herzogs Bischofs Durchl. in Betracht dessen wenigen Willfährigkeit gegen die Aufträge des Königl. Dänischen Hofes, und der den hiesigen Grundsätzen so wenig angemessenen Politik und ganzen Führung des Hr. Geheimen Raths v. Holmer zu machen gehabt haben, vollkommen zufrieden sind. S. Erlaucht finden nichts dagegen einzuwenden, dasz Ew. Hochwohlgeb. von denen, dem dortigen Hofe zu machenden Vorstellungen mehrerer Deutlichkeit halber, einen schriftlichen Aufsatz in Form eines Auszugs aus Ihren Depeches abgegeben haben, so wie Hochdieselben es vollkommen approbiren, dasz Sie der Ihnen zugemutheten Uberreichung schiftlicher Beschwerden wider den Hr. v. Holmer ausgewichen sind. Es steht Ew. Hochwohlgeb. allerdings frei, nach Erfordern der Umstände schriftliche Auszüge aus Ihren Depeches mitzutheilen; allein wegen jeder Sache nach dem Willkühr des dortigen Hofes eine schriftliche Vorstellung einzugeben, ist nach dem Gewicht, welches jeder ihrer mündlichen Aufträge von dem Ihnen mitgegebenen Kaiserl. Creditiv ohnehin erhält, ebenso unnöthig, als der Würde unseres Hofes entgegen, welches Ew. Hochwohlgeb. bei einer schicklichen Gelegenheit auf eine anständige Art fühlend machen können. Es ist hier allerdings unangenehm, dasz der Anfang der Oldenburgischen Regierung sich durch so befremdliche Auftritte auszeichnet. Unterdessen haben selbige, nach dem Urtheil unseres erlauchten Chefs, ihren Ursprung nicht so wohl in einem premeditirten und unserem, so wohl als dem Dänischen Interesse mit Vorbedacht entgegengesetzten Plan, als vielmehr darin, dasz der dortige Hof selbst, und hauptsächlich der neue Ministre desselben, sich in die neue Ver-

[1]) М. Г. А. Голштинія, III, св. 1.

fassung noch nicht zu finden wissen und dahero auf Abwege verleitet werden. Es ist freilich zu vermuthen, dasz Saldern in Spiel ist und bei seinem zu Räncken immer aufgelegten Geiste alles irre und sich geltend zu machen sucht. Diesem Übel hoffen aber S. Erlaucht balde ein Ende zu machen, indem Sie nunmehro die Ausfertigung seines Abschiedes beschleunigen werden. Sie glauben, dasz dadurch dem Einfluss desselben ehender Einhalt geschehen könne, als durch das von Ew. Hochwohlgeb. an die Hand gegebene Schreiben Seiner Kayserlichen Hoheit der Grossfürstin an die Coadjutorin, wozu die Veranlassung zu weit hergeholt scheint; dahingegen dadurch, dasz dem Hr. v. Saldern von Ihro Kaiserl. Majestät, so wohl als von des Grossfürsten Kaiserl. Hoheit der förmliche Abschied ertheilt wird, notwendig die Vermuthung, dasz er hieselbst noch einige Connexions habe, von selbst wegfallen und die dem dortigen Hofe durch Ew. Hochwohlgeb. seinetwegen gemachte vertraute An . . . . . gen (?) eine neue Bestätigung gewinnen müssen. S. Erlaucht verlassen sich darauf, dasz Ew. Hochwohlgeb. beprüfte Einsicht, Ihre Kenntniss von dem persönlichen Caractere der fürstlichen Personen und derer, die einiges Ascendant über selbige haben, so wie der Nachdruck Ihrer nach Zeit und Umständen bei S. Durchlaucht dem Bischofe, so wohl als dessen Ministre, bald sanft, bald ernstlich fortzusetzenden Insinuations, die dortige, der Neuigkeit halber annoch nicht entwickelte Sachen balde in ihre rechte Gleise bringen, alle sich etwa einschleichende persönliche Empfindlichkeiten, die auch zwischen dem Hr. v. Holmer und dem Grafen Moltke vorhanden zu sein und durch selbigen sich auch bis auf den Grafen Bernstorff zu erstrecken scheinen, vereitlen und ein gemeinschaftliches gutes Vernehmen gewiss wieder herstellen werden, worüber S. Erlaucht dero Berichten, die immerfort den vollkommensten Beifall finden, entgegen sehen.

2667) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ЕЯ ПОПРАВКАМИ [1]).

(Возвращенъ въ Коллегію 3 Апрѣля 1775 г.).

Извѣстно уже вамъ, что отъ Порты Оттоманской назначенъ ко двору нашему чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ Румелійскій беглеръ-бей Абдулъ Керимъ, который изъ Константинополя въ путь свой и отправился. Для препровожденія онаго посла до столицы избрали мы генерала-маіора, въ командѣ вашей находящагося, барона Игельстрома, которому имѣете вы о семъ нашемъ соизволеніи объявить,

[1]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., № 60.

вручая ему и особливую при семъ посылаемую инструкцію, какимъ образомъ ему поступать при провожденіи къ нашему двору онаго Турецкаго посла.

Кромѣ генерала-маіора Игельстрома, яко пристава, разсудили мы за потребно, по послѣднему въ 1740 г. бывшему примѣру, опредѣлить полномочнымъ комиссаромъ для размѣны обоюдныхъ пословъ нашего генерала-аншефа и Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова, которому также дано отъ насъ особливое повелѣніе.

Объявя вамъ о семъ нашемъ опредѣленіи, всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ обоихъ сихъ генераловъ снабдить достаточною воинскою конною командою и, сверхъ того, потребнымъ числомъ штабъ и оберъ-офицеровъ и другихъ чиновъ, коихъ способными къ тому найдете; сія команда размѣряема быть должна по числу той, которая съ Турецкимъ посломъ будетъ, и о которой вы въ надближеніе его свѣдать можете, почему мы здѣсь точнаго числа ей и не полагаемъ; а *предписуемъ* [1]) вамъ только, чтобъ люди были *во всей военной исправности* [2]), офицеры же ихъ и штабы извѣданнаго *добраго поведенія* [3]). И понеже размѣна обоюдныхъ пословъ воспослѣдовать имѣетъ подъ крѣпостью Хотинскою, куда слѣдовательно и нашъ полномочный и чрезвычайный посолъ генералъ-аншефъ кн. Репнинъ вмѣстѣ съ помянутыми двумя генералами въ уреченное время прибыть имѣютъ, то надобно вамъ распоряженіе сдѣлать, дабы назначиваемыя къ нимъ воинскія команды и другіе чины заблаговременно въ близости Хотина находиться могли.

На содержаніе и препровожденіе посла Турецкаго съ его свитою, также на прогоны и на наемъ подводъ, опредѣляемъ мы 40.000 р. [4]), да генералу-маіору Игельстрому на исправленіе издержекъ его 3.000 р. [5]), и оныя всѣ деньги имѣете вы приказать выдавать изъ приготовленной въ Кіевѣ для сего Турецкаго посольства суммы, 150.000 рублевъ составляющей, которую для того и поручаемъ въ вашу диспозицію, пребывая впрочемъ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, Апрѣля 15 дня 1775 года.

Екатерина.

---

[1]) Исправлено Императрицей, вмѣсто: «рекомендуемъ».

[2]) Тоже, вмѣсто: «доброконные и порядочно обмундированные».

[3]) Тоже, вмѣсто: «извѣданной исправности».

[4]) Противъ этого мѣста на поляхъ находится слѣдующее замѣчаніе. Отправленному въ 1740 г. изъ С.-Петербурга для пріему на границѣ Турецкаго посла г. м. Румянцеву на содержаніе того посла и на прочіе расходы дано 20.000 р. (Далѣе—рукою гр. Н. И. Панина:) «Отъ Совѣта представляется 40.000 р.».

[5]) Противъ этого мѣста на поляхъ написано: «Да ему на экипажъ 1.500 р.» (Далѣе—рукою гр. Н. И. Панина:) «Отъ Совѣта представляется 3.000 р.».

2668) ИНСТРУКЦІЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ПОСЛУ ПРИ ПОРТѢ ОТТОМАНСКОЙ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ [1]).

Инструкція нашему генералу-аншефу и къ Портѣ Оттоманской назначенному чрезвычайному и полномочному послу князю Репнину.

Въ первомъ нынѣ вамъ данномъ рескриптѣ въ качествѣ нашего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Портѣ Оттоманской снабдены уже вы достаточно всѣми тѣми пособіями и свѣдѣніями, кои потребны быть могутъ къ внѣшнему отправленію сей вамъ ввѣренной комиссіи. Здѣсь потому предлежитъ войти съ вами въ подробныя изъясненія о внутренней части ея, то есть, о престереженіи дѣлъ и интересовъ Имперіи, какъ существующихъ, такъ и повстрѣчаться еще могущихъ по естественному теченію вещей. Окончивъ толь славно и толь счастливо войну тягостную, положили мы отнынѣ впредь непоколебимымъ правиломъ государственной нашей политики упреждать и отвращать по крайней возможности всѣ поводы и причины къ повреждению мира и добраго согласія со всѣми окрестными державами, а особливо съ Портою Оттоманскою, какъ тою изъ нихъ, коея интересы возстановленнымъ нынѣ миромъ болѣе другихъ развязаны съ россійскими во всякомъ между собою соперничествѣ, слѣдовательно же и поставлены тѣмъ самымъ въ положеніе взаимно и безпосредственно на обѣ стороны нужное, полезное и драгоцѣнное. Мы поручаемъ вамъ именно и точно изъяснять при всякомъ случаѣ министерству турецкому сіе наше политическое правило, а изъ онаго предпочтительную нашу склонность не только пребывать съ Портою въ лучшемъ согласіи и сосѣдствѣ, но и показывать ей по обстоятельствамъ всѣ возможныя угодности въ запечатлѣніе той искренности и того доброжелательства, съ коими прекратили мы невольную войну и съ коими хотимъ впредь пользоваться равно съ нею богатыми плодами блаженнаго мира къ взаимной и ощутительной пользѣ обоюдныхъ подданныхъ, доколѣ она, Порта, будетъ сама сообразовать поступки свои мирнымъ постановленіямъ.

Мы имѣемъ причину думать, что она по сю пору научилась уже познавать истинную цѣну прежнихъ своихъ мнимыхъ друзей; пускай же теперь начнетъ испытывать на дѣлѣ наши къ ней мнѣнія. Время, да и короткое, можетъ ее затѣмъ лучше всего удостовѣрить, что Россія отнюдь и ни въ чемъ не желаетъ ущерба ея интересамъ, ея знатности и ея владѣніямъ, ибо система политическаго нашего поведенія не имѣетъ сама по себѣ нужды въ подчиненіи ей инфлюэнціи

---

[1]) М. Г. А. Архивъ Константинопол. посольства старый, св. 159, и Турція, III, св. 21.

другихъ дворовъ, въ чемъ напротивъ того Франція, всегда безпрестанно работая, сдѣлала себѣ не искореняемую уже ничѣмъ привычку ссорить между собою разныя державы, дабы чрезъ то на всѣ стороны быть нужною и искомою. Не удались, правда, Версальскому двору коварные его виды при возбужденіи счастливо нынѣ конченной войны въ томъ, чтобъ жребій мира достать въ свои руки; но съ другой стороны, и то не меньше истинно, что неосторожность султана Мустафы весьма дорого стала Имперіи Турецкой. Если же оная, искусясь толь бѣдственнымъ опытомъ, не затворитъ отнынѣ конечно уха своего ко всякимъ подобнымъ ухищреніямъ помянутаго двора, то должна и впредь неминуемо опасаться одинаковыхъ послѣдствій. Мы съ нашей стороны не оставили при заключеніи мирнаго трактата принять и узаконить въ ономъ, вопреки ихъ, всѣ удобь возможныя и предохранительныя мѣры, дабы по крайней мѣрѣ въ разсужденіи Россіи вывесть Порту изъ всякой на будущія времена поползновенности. Для сего то самаго не переставали мы требовать до дѣйствительнаго одержанія: 1-е, свободы и независимости Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ въ гражданскомъ и политическомъ ихъ положеніи: 2-е, безпрепятственнаго для торговли кораблеплаванія по Черному морю и другимъ водамъ турецкаго владѣнія; 3-е, разрѣшенія на обѣ стороны въ произвольномъ на границахъ строеніи городовъ, крѣпостей и всякихъ селеній.

Кто всѣ сіи три пункта станетъ разсматривать окомъ безпристрастнымъ, тотъ всемѣрно и увѣрится, что всѣ они Портѣ не только не тягостны, но и полезны еще, ибо: 1-е, вольность и независимость татарскія освобождаютъ ее навсегда отъ всякихъ съ нами и Польшею ссоръ и остудъ, кои предъ симъ неоднократно самую войну причинствовали; 2-е, свобода кораблеплаванія произведетъ на обѣ стороны новую и безпосредственную связь между взаимными подданными, открывая имъ разные источники прибыточной торговли и ближайшаго между собою сношенія, которое впредь храненіе мира драгоцѣннѣйшимъ дѣлать будетъ обѣихъ сторонъ правительствамъ; 3-е, разрѣшеніе въ произвольномъ на границахъ строеніи городовъ, крѣпостей и всякихъ селеній отниметъ или, свойственнѣе сказать, будетъ вовсе упреждать недовѣрку и сумнѣніе, прежде не одинъ разъ отъ сего корня происходившія и весьма далеко простиравшіяся по злостнымъ навѣтамъ и толкамъ завистниковъ обѣихъ Имперій.

На первое изъ сихъ общественныхъ и при Портѣ часто твердимыхъ разсужденій станутъ, можетъ быть, въ Константинополѣ возражать, что татары сами не желаютъ быть вольными и что для сего присылали они туда депутатовъ съ просьбою о принятіи ихъ въ прежнее подданство. Не оспаривая сего предъявленія въ истинѣ его, надобно будетъ съ нашей стороны утвердительно отвѣтствовать и всегда говорить,

что хотя нѣкоторая часть татаръ по невѣжеству своему и не чувствуетъ цѣны дарованной имъ вольности, но что мы вопреки знаемъ, что большее число ихъ тѣмъ не меньше признаетъ новое свое политическое бытіе въ независимости драгоцѣннымъ даромъ обѣихъ Имперій; что потому, не мѣшаясь ни какимъ образомъ въ дѣла татарскія, надлежитъ предоставить времени произвесть въ нихъ полное удостовѣреніе о собственномъ ихъ благѣ, и что впрочемъ намъ и Портѣ въ томъ теперь только главнѣйшая нужда, чтобъ совокупно воздвигнутое нами блаженное мирное дѣло сохраняло безъ всякаго прикосновенія положенныя ему три начальныя основанія, изъ коихъ преобразованіе татаръ въ націю вольную и по себѣ существующую изъ состоянія самаго дикаго, необузданнаго и опаснаго для сосѣднихъ державъ, ограждаетъ уже Россію и Порту навсегда отъ всякихъ впредь между собою безпосредственныхъ споровъ и хлопотъ.

По участію, которое вы имѣли какъ въ самомъ замиреніи, такъ и въ послѣдовавшихъ за онымъ дѣлахъ, не можетъ вамъ быть безизвѣстнымъ, что̀ донынѣ въ разсужденіи татаръ при Портѣ происходило и какія опять отъ насъ повелѣнія даваны были нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву. Способствовавшись ими, предъуспѣлъ уже онъ извѣстнымъ образомъ къ удовольствію нашему добиться отъ турокъ и размѣны ратификацій. По сему случаю надобно бы уже полагать, что не будетъ болѣе у васъ съ Портою и вопроса настоять о новой формѣ татарскаго правленія; но на всякій случай однако жъ хотимъ мы вамъ здѣсь, ссылаясь на приложенныя въ копіяхъ рескрипты къ генералу-поручику Щербинину (коему поручено отъ насъ безпосредственное сношеніе съ Крымомъ и всѣми Ногайскими ордами), коротко предписать на основаніи оныхъ, чтобъ вы при всякомъ случаѣ возглашали большинство татаръ желающихъ вольности, а чинимыя отъ Ногайскихъ татаръ по внушеніямъ помянутаго генерала-поручика отзывы и поступки къ Крымскимъ, больше къ Портѣ наклоняющимся, неложнымъ и публичнымъ тому доказательствомъ, домогаясь всемѣрно, дабы Порта не входила болѣе во внутреннія татарскія дѣла и тѣмъ сама себѣ доставила способъ увѣриться чрезъ время дѣйствительными опытами, что отдѣленіе татаръ освободило ее отъ многихъ прежде съ ихъ подчиненностью связанныхъ безпокойствъ и расходовъ, а въ то же время и присвоило ей навсегда истинную дружбу и доброжелательство Россіи.

Къ вящему отвлеченію вниманія и сумнительствъ Порты отъ дѣлъ татарскихъ, можетъ нынѣ болѣе всего служить обращеніе оныхъ съ другой стороны на самовластное захваченіе Австрійскимъ дворомъ знатныхъ кусковъ возвращенныхъ ей миромъ въ полной цѣлости княжествъ Молдавскаго и Волошскаго. Тутъ отверста дверь проница-

нію и искусству вашимъ вселять бодрость и твердость въ унылый духъ сераля, не компрометтируя однако жъ себя предъ Вѣнскимъ дворомъ, дабы намъ инако не придти съ онымъ въ явную остуду безъ нужды и безъ пользы. Вы не оставите потому размѣрять отзывовъ вашихъ при Портѣ Оттоманской по мѣрѣ обрѣтаемыхъ въ ней больше или меньше выгодныхъ склонностей, внушая пристойными каналами, или же и безпосредственно, кстати и ко времени, что Порта имѣла случай испытать со вредомъ своимъ цѣну Австрійской дружбы и тѣхъ великолѣпныхъ обѣтовъ, кои сей дворъ продалъ ей при началѣ нашей войны за весьма дорогую цѣну; что всѣ удивляются безмолвному терпѣнію ея въ толь чувствительной обидѣ, каково есть самовластное овладѣніе земель ея посреди мира и подъ маскою тѣснѣйшей дружбы; что, правда, Имперія Оттоманская гораздо поистощилась въ минувшую войну и потому, можетъ быть, опасаясь вящаго себѣ изнуренія въ сущемъ уже истощеніи, убѣгаетъ оказать справедливое свое восчувствованіе, дабы тѣмъ самымъ не быть втянутою въ новую войну; но что сіе ея опасеніе едвали можетъ почитаемо быть справедливымъ, когда съ одной стороны взять въ разсужденіе коренныя ея силы, требующія только обновленія бодрости въ духѣ правителей, а съ другой—критическую позицію Вѣнскаго двора между нами и союзникомъ нашимъ королемъ Прусскимъ, обуздывающую его со всѣхъ почти сторонъ въ самой внутренности его владѣній; что происходящая отъ онаго основательная недовѣрка можетъ въ пользу Порты замѣнять дѣйствительную цесарцамъ диверсію, и какъ ихъ содержать на всѣ стороны въ тревогѣ и готовыхъ силахъ на всякій нечаянный случай, такъ взаимно туркамъ облегчать ихъ дѣйствія или же одни, иногда достаточными быть могущія, наружныя оказательства, и что напослѣдокъ Порта Оттоманская, примирившись единожды съ нами на такихъ началахъ, кои мы сами прочнѣйшими и полезнѣйшими опредѣлили на будущія времена, можетъ уже отъ Имперіи нашей быть и оставаться навсегда въ совершенной безпечности и безопасности, ибо теперь интересы ея во многихъ частяхъ стали таковыми, что мы онымъ охотно способствовать хотимъ и будемъ. Дѣлая вамъ сіе короткое начертаніе, отнюдь не мнимъ мы, чтобъ вы оному во всей точности и послѣдовали, но паче оставляемъ собственной вашей дознанной уже прозорливости руководствоваться къ поспѣшествованію интересовъ отечества усматриваемыми на мѣстѣ удобностями и пріобрѣтаемыми тамъ надежными свѣдѣніями о внутреннемъ положеніи сераля, ожидая несомнѣнно, что вы сами по себѣ будете достаточно умѣть соглашать живость внушеній вашихъ съ пристойностью, съ пользою службы и съ тѣми уваженіями, кои одинъ дворъ къ другому предъ публикою сохранять долженъ.

По второму изъ вышепомянутыхъ общественныхъ разсужденій не можемъ мы оставить безъ примѣчанія, что завистники мира нашего съ Портою, слѣдовательно и взаимнаго нашего благосостоянія, начали уже при ней явно и тайно работать въ полученіи дозволенія свободнаго же по Черному морю кораблеплаванія. Виды Франціи тутъ, независимо отъ прибытковъ новой и по всей вѣроятности изобильной торговли, идутъ не меньше какъ къ поселенію съ сей стороны вредной своей инфлюэнціи въ сѣверѣ, когда въ ономъ прежняя ея безпосредственная до конца нами потрясена и совсѣмъ ниспровергнута, кромѣ одной Швеціи, гдѣ нынѣ владычество ея вновь возстаетъ на развалинахъ прежней ограниченной формы правительства. Она мыслитъ конечно сдѣлаться противу воли нашей центромъ связи нашей съ Портою Оттоманской, производя перѣломъ въ цвѣтущей и натуральной нашей коммерціи по Балтійскому морю съ главнымъ ея соперникомъ, Англіею, а чрезъ то самое и обезпечить любимца своего, короля Шведскаго, отъ всякаго опасенія съ стороны Россіи и Даніи, какъ державы, тѣснѣйшимъ союзомъ и одинаковыми интересами съ нами соединенной. Для сего то, вѣдаемъ уже мы, принялъ намѣреніе Французскій дворъ искать съ нами сближенія своего; но какъ мы за себя отвѣтствовать можемъ, что не предъуспѣетъ оный у насъ въ коварныхъ своихъ происках, такъ съ другой стороны желательно, дабы и Порта не допустила себя уловить лестными онаго предложеніями мнимой прибыли для нея отъ допущенія французовъ до кораблеплаванія въ Черномъ морѣ. Мы поручаемъ вамъ черезъ сіе употреблять всевозможныя средства и убѣжденія къ воспрепятствованію въ семъ случаѣ исканію Французскаго двора. Между другими резонами можете вы представлять турецкому министерству, не обинуясь, и сей, яко важнѣйшій и самый осязательный, что Порта чрезъ допущеніе другихъ державъ подданныхъ до безпосредственнаго кораблеплаванія по Черному морю не только лишитъ собственныхъ своихъ и нашихъ всей той прибыли, которую взаимная ихъ торговля имъ дать можетъ и изобильно обѣщаетъ, въ единую награду за толь многіе ими во время войны понесенные убытки и тягости, но что тѣмъ самымъ разрушитъ еще она и одно изъ лучшихъ основаній нашего съ нею мира, взаимной дружбы и основаннаго нынѣ единогласія въ политическихъ обѣихъ Имперій интересахъ и намѣреніяхъ, ибо тогда долженствовали бы изъ всеобщей коммерціи родиться совсѣмъ новыя связи, новые виды и новые интересы, чего ни намъ, ни Портѣ для взаимной нашей пользы и безопасности на будущія времена отнюдь желать нельзя. Всѣ сіи неудобства еще бы болѣе возрасли, еслибъ Портѣ, сверхъ всякаго чаянія, вздумалось дозволить однимъ французамъ исключительную торговлю по Черному морю. Вредная ея инфлюэнція, испытанная

турками въ неоднократныхъ злоключеніяхъ, получила бы тогда прямой корень и стала бы уже сама по себѣ довольно сильно возмущать по своимъ прихотямъ взаимное наше доброе сосѣдство, а иногда и самый миръ; не согласится, конечно, сама Порта подчинить себя толь опасному и тягостному игу, если только всѣ сіи разсужденія будутъ находить въ совѣтахъ ея мѣсто, а въ семъ то уже и долженствуетъ состоять преимущественный вѣнія вашего долгъ.

Равнымъ образомъ стараются Лондонскій и Вѣнскій дворы о заведеніи торговли по Черному морю. Первый, взаимствуя всю свою силу и знатность отъ кораблеплаванія, ищетъ потому натурально распространять оное всячески. Англійскій въ Константинополѣ посолъ дѣлалъ или соглашался дѣлать съ Французскимъ посломъ общія о томъ представленія. Вы чувствуете, конечно, сами, что и Англія въ разсужденіи свободнаго по Черному морю кораблеплаванія находится для насъ точно въ томъ же казусѣ, какъ и Франція, съ тою только разницею, что операціи ея при одержаніи такой свободы не стали бы выходить за черту видовъ коммерческихъ, вмѣсто того, что Франція, какъ и выше сказано кроетъ тутъ политическіе и прямо противу насъ напряженные. Для сего и видится быть пристойнѣе, чтобъ вы при настояніи англійскихъ при Портѣ домогательствъ, если оныя будутъ единовременны съ французскими, относили всѣ ваши вопреки отзывы и представленія къ симъ послѣднимъ, въ противномъ же случаѣ сокращались только въ общественныхъ внушеніяхъ, что всякое отъ Порты дозволеніе другимъ націямъ можетъ въ конецъ подорвать рождающуюся между нашими и ея подданными новую торговлю и тѣмъ разрушить одно изъ лучшихъ основаній мира. Что здѣсь сказано объ Англіи, то самое можетъ при случаѣ относимо быть на Голландію и другія области. Вѣнскій дворъ не дѣлалъ еще при Портѣ никакого подвига о свободѣ кораблеплаванія и торговли по Черному морю, а вмѣсто того адресовался къ намъ съ предложеніемъ о томъ, которое здѣсь прилагается единственно для вашего свѣдѣнія [1]). Мы не имѣли еще времени войти въ разсмотрѣніе оной (онаго), слѣдовательно же и опредѣлить, колико виды его съ интересами собственной нашей коммерціи сходствовать могутъ.

О третьемъ изъ общественныхъ разсужденій упомянемъ мы здѣсь на тотъ только случай, еслибъ Порта, по развратнымъ навѣтамъ постороннихъ, или же по доношеніямъ своихъ пограничныхъ командировъ, стала изъявлять безпокойство свое о многихъ въ Имперіи нашей по границамъ производимыхъ строеніяхъ городовъ и крѣпостей. Вы имѣете ей, при усмотрѣніи ея безпокойства, подать точное увѣреніе,

---

[1]) Напечатано ниже въ приложеніи къ настоящей инструкціи.

что вновь у насъ ничего не начинается, въ твердомъ упованіи на миръ, а приводятся только къ окончанію начатыя во время войны строенія и селенія, на кои тогда немалое иждивеніе употреблено было, и что впрочемъ оныя, хотя посреди войны учрежденныя, тѣмъ не меньше, по ихъ естественному мѣстоположенію, тогда же предназначиваемы были къ составленію вдоль границы полезной цѣпи для заведенія новой коммерціи, для которой равномѣрно старались мы одержать и уступленныя намъ на берегахъ Чернаго моря города Керчь, Еникаль и Кинбурнъ, дабы имѣть на ономъ собственныя свои пристани, когда прежнія наши въ Азовѣ и Таганрогѣ стали отъ мелководія совсѣмъ неудобными. *Сверхъ того, трактатъ дозволяетъ строенія всякія вновь заводить* [1]).

Въ сихъ и другихъ, нужныхъ при Портѣ, изъясненіяхъ и внушеніяхъ не возбраняемъ мы вамъ употреблять по лучшему вашему усмотрѣнію и посредство находящихся въ Константинополѣ иностранныхъ министровъ, когда уже персонально узнаете вы ихъ нравы, ихъ связь и мѣру довѣренности, въ каковой они находятся у министерства турецкаго, разбирая только съ свойственною вамъ прозорливостью, котораго къ чему, въ чемъ и сколько интересовать можно, сообразуясь выгодамъ или же индифферентности собственнаго его двора. Вы найдете тамъ наипаче дѣйствующими пословъ Французскаго, Англійскаго и Венеціанскаго, да министровъ Вѣнскаго, Германскаго и отчасти Шведскаго. По имѣющимъ вашимъ свѣдѣніямъ о генеральномъ положеніи политическихъ нашихъ дѣлъ и интересовъ, нѣтъ нужды подробно вамъ здѣсь изъяснять, въ какомъ частно находимся мы съ каждою изъ сихъ державъ и какимъ образомъ долженствуете вы учреждать поведеніе ваше съ министрами ихъ. Предполагая сохраненіе во всякомъ случаѣ благопристойности и того равенства, которое мы въ разсужденіи всѣхъ коронованныхъ главъ единожды навсегда за правило себѣ поставили, требуемъ мы только отъ васъ, чтобъ вы всячески старались проникать тайну и всю цѣпь французскихъ и австрійскихъ при Портѣ подвиговъ, также и уничтожать, какъ наискорѣе, все въ нихъ кроющееся и для Россіи вредное, а особливо хитрые происки Версальскаго двора, къ утвержденію при Портѣ пагубной его инфлюэнціи и къ распространенію оной до сѣверныхъ странъ способомъ кораблеплаванія и торговли по Черному морю. Настоящій кризисъ Австрійскаго двора съ Портою можетъ не безъ пользы вами употребляемъ быть къ вселенію у турокъ недовѣрки и подозрѣнія къ Версальскому, или же къ безпосредственному ихъ

[1]) Напечатанное курсивомъ вписано Императрицею собственноручно въ подлинной инструкціи.

обоихъ между собою затрудненію въ угодность туркамъ. Нѣтъ возможности опредѣлять здѣсь по сему пункту что-либо точное, ибо въ оном надобно, какъ и во всѣхъ другихъ политическихъ предпріятіяхъ, болѣе всего примѣняться ко времени и обстоятельствамъ, на мѣстѣ негоціаціи усматриваемымъ и схватываемымъ. Министръ союзника нашего короля Прусскаго не будетъ, конечно, удаляться отъ содѣйствія во всякомъ такомъ дѣлѣ и случаѣ, гдѣ вопросъ настоять будетъ о переченіи видамъ и интересамъ дворовъ Вѣнскаго и Версальскаго. Равнаго можно съ довѣренностью ожидать и отъ Англійскаго посла, поколику соперничество двора его можетъ только нѣкоторымъ образомъ причастно быть. Шведскіе при Портѣ интересы были всегда зависимыми отъ французской инфлюэнціи; итакъ, не оставите вы обращать примѣчанія вашего и на поведеніе посланника Цельзинга, если только оно въ чемъ ни есть окажется активнымъ. Отъ Венеціанскаго посла, по исканію республики его завести съ Имперіею нашею безпосредственную чрезъ Константинополь коммерцію, могутъ нынѣ болѣе прежняго нѣкоторыя услуги и свѣдѣнія не безъ пользы взаимствованы быть.

Вамъ самимъ весьма извѣстно, что республика Польская и Порта Оттоманская находятся между собою въ одномъ естественномъ положеніи съ той поры, какъ сія послѣдняя объявила всесвѣтно при началѣ войны съ нами, что Карловицкій трактатъ почитаетъ совсѣмъ уничтоженнымъ. Донынѣ не произошло еще въ семъ объявленіи никакой отмѣны, почему поляки и почитаютъ оное неотмѣнно настоящимъ, а въ семъ мнѣніи дворъ Варшавскій, извѣстясь, что посолъ турецкій повезенъ будетъ отъ Хотина чрезъ Польшу, адресовался формальною запискою къ нашему о избраніи для него другой дороги. Мы повелѣли нашему министру барону Штакельбергу отвѣтствовать на сей отзывъ, что проѣздъ посла турецкаго съ нашимъ конвоемъ чрезъ такую часть земель республики, которая обнята нашими войсками, не можетъ нимало предосуждать ея чести и достоинству, и что впрочемъ мы изъ дружбы къ ней не оставимъ употребить всего приличнаго старанія къ склоненію Порты на то, чтобъ она вновь признала торжественнымъ образомъ дѣйствительность и настояніе Карловицкаго трактата. Подробность обоюдныхъ въ семъ случаѣ изъясненій усмотрите вы изъ двухъ здѣсь приложенныхъ депешей нашего д. т. с. графа Панина и вышепомянутаго барона Штакельберга. На основаніи первой изъ оныхъ, повелѣваемъ мы вамъ чрезъ сіе въ самомъ дѣлѣ учинить Портѣ пристойное представленіе о возобновленіи съ республикою Польскою безпосредственной ея корреспонденціи и добраго сосѣдства, внушая ей дружескимъ нашимъ совѣтомъ, что того требуетъ собственное ея достоинство, ибо когда самая война съ нами счастливо

прекращена и всѣ происходившія непріятельства преданы вѣчному забвенію, побочныя изъ нея родившіяся и на третью совсѣмъ постороннюю державу распространившіяся слѣдствія тѣмъ паче долженствуютъ быть оставлены въ совершенномъ молчаніи, и что для явнаго въ томъ оказательства имѣетъ Порта весьма приличный способъ чрезъ соотвѣтствованіе съ своей стороны той обсылкѣ характеризованнаго министра, коего она понынѣ еще должна нынѣшнему королю Польскому, обвѣстившему султану Мустафѣ избраніе свое на престолъ чрезъ нарочнаго министра. Мы оставляемъ на лучшее ваше на мѣстѣ усмотрѣніе времени и образа, когда и какъ начать вамъ дѣйствовать въ семъ дѣлѣ, желая только, чтобъ вы въ ономъ, если только удобности настоять будутъ, какъ можно скорѣе предъуспѣть могли для выведенія Польши изъ всей ея заботы съ стороны турокъ. Къ вящему убѣжденію министерства ихъ можетъ иногда послужить и обстоятельство воспествія на престолъ новаго султана. Порта имѣла предъ симъ обыкновеніе обвѣщать Польшѣ всякую у себя въ правительствѣ перемѣну чрезъ нарочныхъ посланниковъ; для чего же ей и нынѣ того не учинить, когда ее къ тому долженствуютъ еще побуждать и сугубыя побужденія взаимственнаго соотвѣтствія и возстановленія пресѣкшейся корреспонденціи, которая ей самой временемъ не безполезна быть можетъ? Мы не знаемъ, есть ли теперь какой миссіонеръ короля Польскаго въ Константинополѣ, но буде есть, или же послѣ кто прибудетъ и къ вамъ явится, оному имѣете вы подавать всякую помочь и руководство, подкрѣпляя притомъ наилучше безпосредственнымъ вашимъ ходатайствомъ партикулярныя его исканія и не переставая въ бытность вашу въ Константинополѣ трудиться до того, чтобъ Порта, по которому нибудь изъ вышеозначенныхъ мотивовъ, дѣйствительно отправила въ Польшу посланника своего.

Впрочемъ, поручая вообще патріотическому вашему усердію конечное съ стороны Порты исполненіе всѣхъ артикуловъ вѣчнаго мира, не можемъ мы обойтиться, чтобъ именно вамъ не предписать о точномъ вездѣ наблюденіи, дабы единовѣрные наши нигдѣ утѣсняемы не были по причинѣ ихъ исповѣданія, и чтобъ вы во всякомъ случаѣ ходатайствовали за оное и за православныя церкви при Портѣ, вслѣдствіе мирныхъ артикуловъ 8, 14, 16 и 17, требуя скораго поправленія въ происходящихъ безпорядкахъ, также и строжайшаго, гдѣ надобно, подтвержденія, чтобъ впредь подобныхъ обидъ нигдѣ послѣдовать не могло. Равнымъ образомъ не оставите по 16-му артикулу дозволять протекцію и заступленіе ваше будущимъ при Портѣ повѣреннымъ обоихъ господарей Молдавскаго и Волошскаго въ ихъ справедливыхъ нуждахъ и просьбахъ.

Изъ приложенной здѣсь записки нашего д. с. с. князя Канта-

кузина усмотрите вы, что онъ проситъ о исходатайствованіи ему отъ Порты: 1-е, возвращенія издержанныхъ имъ денегъ по приказанію господарей, на которыя онъ и векселя ихъ имѣетъ; 2-е, султанскаго указа на его и братьевъ его деревни въ такой силѣ, чтобъ они остались во владѣніи ихъ безъ опредѣленнаго срока, до произвольной, кому захотятъ, продажи или же инаковой по волѣ ихъ сдѣлки. Нѣтъ права требовать того и другого отъ Порты по трактату, и для того имѣете вы представить ей объ просьбы князя Кантакузина съ однимъ только нашимъ заступленіемъ, употребляя съ другой стороны всѣ пристойные способы къ одержанію на оные султанскаго соизволенія въ знакъ дѣйствительнаго опыта дружбы его и снисхожденія къ нашему ходатайству, въ чемъ мы ему сами всегда и при всякомъ случаѣ соотвѣтствовать не отречемся.

Еще находимъ мы за нужно рекомендовать вамъ чрезъ сіе, чтобъ вы, ревнуя поспѣшествованію государственной пользы, употребили время бытности вашей въ Константинополѣ на познаніе тамошней торговли во всѣхъ ея частяхъ, на испытаніе свойственныхъ ей при новомъ учрежденіи коммерческихъ началъ, на взаимное между собою соображеніе турецкихъ продуктовъ съ россійскими, поколику которые изъ нихъ той или другой сторонѣ надобны и удобнѣе взаимствованы быть могутъ, нежели какъ то донынѣ происходило чрезъ третьи или четвертыя руки, на изысканіе выгоднѣйшаго образа, какъ бы и куда именно нашу коммерцію сначала отворить, а послѣ и далѣе распространять, примѣчая особливо, не лучше-ли будетъ для скорѣйшаго и надежнѣйшаго успѣха присвоить къ оной находящихся въ Царьградѣ иностранцевъ, а по крайней мѣрѣ грековъ, армянъ и другихъ подданныхъ турецкихъ, а напослѣдокъ въ семъ намѣреніи—на познаніе нынѣшнихъ въ семъ городѣ купечественныхъ конторъ, ихъ знатности, кредита, оборотовъ и связей, также и домовыхъ шефовъ и ихъ способностей, дабы по получаемымъ отъ васъ изъясненіямъ можно было установить сей новой и по себѣ конечно изобильной торговлѣ полезное и прочное основаніе, отъ котораго бы она послѣ сама, отъ времени до времени размножаясь, способно процвѣтать уже стала. Исполненіе въ семъ пунктѣ воли нашей примемъ мы отъ васъ за важную услугу, ибо польза отъ нея можетъ быть великая и обширная на всѣ части отечества.

Мы заключимъ сіе увѣреніемъ, что довѣренность наша къ вашему искусству, къ вашему усердію и къ вашему проницанію рѣшили нашъ выборъ на персону вашу въ толь важномъ и знаменитомъ посольствѣ; что мы несомнѣнно ожидаемъ отъ оныхъ счастливаго успѣха во всемъ, вамъ порученномъ, купно же и неприкосновеннаго сохраненія во всей цѣлости представляемаго вами высочайшаго нашего достоинства, и

что служба ваша будетъ нами всегда съ благоволеніемъ и милостію признаваема.

Дана въ Москвѣ, 24 Апрѣля 1775 года.

Екатерина.

Къ инструкціи князю Н. В. Репнину приложена нижеслѣдующая нота Вѣнскаго двора.

Mémoire.

La paix glorieuse, que la cour de Pétersbourg vient de conclure avec la Porte Ottomanne, en même temps qu'elle produit un changement considérable dans la situation politique de l'extrémité orientale de l'Europe, y introduit spécialement un nouvel ordre de rapports, une nouvelle combinaison d'intérêts par rapport au commerce. Elle prépare enfin et achemine l'époque aussi mémorable qu'intéressante pour les monarchies Autrichienne et Russe, où les états de ces deux puissances, séparés par de vastes distances, se verront liés et réunis par le canal d'un commerce immédiat et réciproque.

En effet, tandis que déjà d'une part le traité de Passarowitz permet expressèment aux sujets autrichiens la navigation franche du Danube jusqu'à son embouchure en la mer Noire, la liberté que vient d'obtenir de son côté la Russie de naviguer et de commercer non seulement dans cette mer et dans toutes celles, qui mouillent les provinces de la Turquie, mais aussi sur le Danube et les autres fleuves qui arrosent cet Empire, réalise la possibilité d'un pareil commerce et fait concevoir l'apparition du pavillon russe sur la rive de Semlin comme un événement ni plus chimérique, ni plus guère éloigné. Cette heureuse conjoncture, qui ne peut que de plus en plus rapprocher les intérêts et resserrer les liens qui unissent les deux cours Impériales, les invite sans doute à s'empresser d'en profiter. Mais avant tout il s'agit d'en préparer et hâter le développement, d'éloigner tous les obstacles qui pourraient s'y opposer, et d'en meurir (?) les fruits désirables. Un concert amiable entre les deux puissances est, ce semble, le seul moyen pour y reussir; et ce sont entre autres les objets suivants qui paraissent à cet égard devoir fixer principalement leur attention.

Il est premièrement connu, que l'ambassadeur de France à Constantinople m-r de St-Priest invita peu de temps après la conclusion de la dernière paix les ministres d'Angleterre, de Venise et de quelques autres cours étrangères, de faire cause commune et de demander tous de concert avec lui, pour leurs cours respectives, la navigation libre de la mer Noire à la Porte, sous prétexte que l'ayant accordé à la Russie, il ne subsistait plus aucun motif apparent pour ne pas la permettre éga-

lement à d'autres cours amies. Les ministres invités à cette démarche ne firent pas difficulté de leur côté de s'y prêter, à l'exception de l'internonce de la cour de Vienne m-r le baron Thugut, qui s'excusa sur le défaut d'instructions à cet égard, pressentant bien la délicatesse de l'objet. Il est vrai, que la Porte n'a donné qu'une réponse dilatoire sur cette réquisition, en déclarant qu'il était à-propos de remettre une pareille concession à des circonstances plus favorables, mais il est aisé de prévoir que les susdits ministres ne manqueront pas de revenir à la charge et ne cesseront de poursuivre cette affaire qu'ils n'en soyent enfin venus à bout.

Quant aux deux cours Impériales, un moment de réflexion suffit pour se convaincre, qu'il est bien évidemment de leur intérêt mutuel de mettre en oeuvre, non pas à la vérité directement, mais dessous main, les moyens les plus efficaces pour en empêcher la réussite. La Russie sans concurrent actuellement sur la mer Noire a tout l'intérêt de se maintenir en cette position, qui lui procure le débouché par le canal du Bosphore dans l'Archipel, où ses vaisseaux peuvent aller quérir les productions du Levant. La cour de Vienne, à qui le manque absolu de port sur cette mer ne permet pas de songer à y établir une navigation étendue, peut voir cette navigation entre les mains des sujets russes avec d'autant moins de jalousie, qu'elle pourra avantageusement se servir de leurs vaisseaux pour y entretenir un commerce immédiat, auquel ses états sont à même de fournir différents articles de productions soit naturelles, soit d'industrie, qui se trouvent même de nature à ne pouvoir faire objet de concurrence avec ceux de la Russie.

Un second point non moins important, si l'on veut espérer que cet objet parvienne à une consistance solide, c'est que les deux cours Impériales ayent soin de détourner ou de diminuer au moins la jalousie des puissances étrangères, en évitant tout éclat propre à l'exciter. Il parait convenir à cet effet que sans revêtir l'arrangement, dont ils conviendront, de la forme d'un traité de commerce, elles se bornent simplement à une concertation amiable, tendante à favoriser et à faciliter mutuellement le commerce et la navigation l'une de l'autre. Fondée sur une convenance et sur une utilité réciproque, qui git dans la nature des choses et des circonstances, cette concertation portera sur une base assez solide, pour n'avoir besoin de l'appui de formalités plus solennelles.

Cette base sera d'autant mieux affermie que les intérêts réciproques auront été plus également pesés et compensés. C'est dans cet esprit, qu'en troisième lieu il s'agira de concerter avec franchise les mesures et les précautions nécessaires, afin d'assurer d'une part le bénéfice du frêt aux navires russes et afin de maintenir de l'autre les sujets autrichiens dans le choix libre des navires qu'ils voudront frêter, en leur

facilitant en même temps les contrats et engagements qui peuvent y être relatifs.

C'est quatrièmement par une suite du même principe que les sujets autrichiens devront obtenir la permission d'établir, soit à Kertsch, soit à Ienikale, soit dans les deux endroits à la fois, des maisons de commerce, des factories, des magazins, des entrepôts, ainsi que l'exige la nature d'un commerce actif et passif avec les sujets russes et avec les autres nations qui habitent les côtes de la mer Noire, comme aussi liberté de trafiquer avec les denrées et marchandises qu'ils y feront passer pour leur compte.

Concernant cinquièmement les droits et douanes à y percevoir, il est à désirer que dans l'arrangement qui sera pris à cet égard, on ait à tâche d'en charger le commerce de la mer Nuire aussi peu que les circonstances pourront le permettre.

Enfin, il serait à souhaiter que pour hâter et faciliter le concert proposé les deux cours Impériales de Vienne et de Pétersbourg conviennent et se déclarent préliminairement en faveur des articles qu'on vient d'exposer, et qu'ensuite elles nomment incessamment des commissaires autorisés de part et d'autre pour en conclure l'arrangement ultérieur et définitif.

Къ инструкціи князю Н. В. Репнину приложена нижеслѣдующая нота Варшавскаго двора, присланная при письмѣ бар. Штакельберга къ гр. Н. И. Панину отъ $^{5}/_{16}$ Января 1775 г.

Note.

Dans l'acte par lequel la Porte Ottomanne a déclaré la guerre en 1768 à l'Empire de Russie la Porte ayant déclaré aussi, qu'elle regardait les engagements de la paix de Carlovitz comme ne subsistant plus entre elle et la Pologne, et des hostilités effectives s'en étant ensuivies de la part de la Porte contre la Pologne, les deux états se trouvent dans une position qui n'est pas celle de la bonne harmonie et des procédés qui en découlent.

La république ne pourrait donc, sans se manquer à elle même, dissimuler cette situation et donner passage amical sur ses terres à l'ambassade turque qui doit se rendre à Pétersbourg, à moins que préliminairement la Porte n'eût manifesté des dispositions, qui ramènent et fixent la bonne intelligence respective; mais comme elle n'a rien fait jusqu'ici d'analogue et que peut-être ses mesures et ses résolutions sont encore éloignées, les soussignés ont ordre de rappeler les faits ci-dessus à son ex-ce m-r le baron de Stackelberg et de réclamer pour la circonstance délicate qui en résulte l'effet de l'intérêt et de l'amitié, que sa cour a témoigné en diverses rencontres au Roi et à la république, en sorte qu'elle

veuille bien indiquer à l'ambassade turque une route, qui l'éloigne pour le moment présent des domaines de la Pologne et épargne à celle-ci les embarras et les inconvénients des démarches, auxquelles elle se verrait obligée, si la susdite ambassade se présentait sans son aveu sur ses frontières.

Mlodziejowsky, évêque de Posen, grand chancelier de Pologne.
Le pr. Czartorysky, grand chancelier de Lithuanie.
Jean de Borch, chancelier du royaume.
Joachim Chreptowicz, chancelier de Lithuanie.

Varsovie, le 13 Janvier 1775.

2669) ЛИСТЪ ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ [1]).

(Присланъ въ Коллегію 20 Апрѣля 1775 г.).

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій, Блистательной Оттоманской Порты верховный и славнѣйшій визирь, господине, господине препочтеннѣйшій.

При настоящемъ благопріятномъ случаѣ отправленія отъ Ея Императорскаго Величества, моей августѣйшей, самодержавнѣйшей и всемилостивѣйшей Императрицы и Государыни, къ Его Султанову Величеству торжественнаго посольства, въ персонѣ отъ арміи Ея Императорскаго Величества генерала полнаго, лейбъ-гвардіи подполковника, орденовъ святого Георгія большого креста, святого Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго святыя Анны кавалера, высокоблагороднаго, превосходительнаго и высокопочтеннаго господина князя Николая Репнина, въ характерѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, не хотѣлъ я оставить, чтобъ ваше сіятельство не увѣрить о моемъ совершенномъ почтеніи, и что Ея Императорскаго Величества истинное намѣреніе есть къ твердому и ненарушимому содержанію свято поставленнаго и торжественно ратификаціями подтвержденнаго между Ея Императорскимъ Величествомъ и Его Султановымъ Величествомъ и обѣими Имперіями вѣчнаго мирнаго трактата, о чемъ помянутый чрезвычайный и полномочный посолъ имѣетъ всемилостивѣйшее отъ Ея Императорскаго Величества повелѣніе Его Султанову Величеству, при поданіи Императорской грамоты, вящее обнадеживаніе учинить и вашему сіятельству при всѣхъ случаяхъ оное подтвердить.

---

[1]) М. Г. А. Турція, II, св. 1.

Почему я, онаго чрезвычайнаго и полномочнаго посла рекомендуя вашему с-ву, дружебно прошу благопріятно соблаговолить исходатайствовать въ непродолжительномъ времени у Его Султанова Величества ему, послу, благосклонную ауденцію и во всемъ прочемъ оному, въ порученныхъ ему отъ Ея Императорскаго Величества при Блистательной Портѣ дѣлахъ, всякое съ вашей стороны по имѣющемуся при ней верховному правленію благоволеніе и вспоможеніе показнвать, имѣя причину я надежно уповать, что ваше с-во, по своему извѣстному доброжелательному намѣренію къ твердѣйшему сохраненію подъ мудрымъ вашимъ управленіемъ совершившагося вѣчнаго мира, все то сдѣлать изволите, еже къ оному и къ распространенію между обѣими Имперіями возстановленной доброй дружбы и согласія послужить возможетъ, состоя прямо въ томъ истинное благополучіе сихъ двухъ Имперій и блаженство ихъ подданныхъ. О мнѣ же ваше с-во можете быть благонадежны, что я всегда чистосердечное попеченіе прилагать потщусь, дабы сей Богу угодный миръ и совершенное между обоихъ высокихъ дворовъ согласіе непоколебимо навсегда содержаны были, и никакая бъ причина къ повреждению того у оныхъ произойти не могла. Впрочемъ, желаю я вашему с-ву отъ всемогущаго Господа Бога долголѣтняго здравія и всякаго благополучія, пребывая всегда со всякимъ почтеніемъ вашего с-ва доброжелательнѣйшій и ко услугамъ готовый.

Въ Москвѣ, Апрѣля 24 дня 1775 г.

ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-АНШЕФУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

24 Апрѣля 1775 г.—о порученіи повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ полковнику Петерсону приготовить кн. Репнину встрѣчу при прибытіи его въ Царьградъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 171—172.

2670) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ КИЗЛЯРСКОЙ СТОРОНѢ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ МЕДЕМУ [1]).

Нашему генералу-поручику Медему.

Усмотрѣли мы изъ реляціи вашей отъ 24 декабря прошлаго 1774 г., что вы за нужно нашли требовать прибавки къ находящемуся въ вашей командѣ корпусу, для исполненія нашего рескрипта, даннаго вамъ отъ 5 сентября того-жъ года, коимъ вамъ между дру-

[1]) М. Г. А. Дѣла Персидскія (Кубинскаго ханства 1774—1800 г.г.), № 470.

тимъ препоручено было въ случаѣ удобности учинить поискъ надъ Хайдатскимъ владѣльцемъ въ возмездіе за удержаніе имъ профессора Гмелина, или же по крайней мѣрѣ чинимыми только въ наружности къ тому оказательствами довести его, чтобъ онъ оставшія въ его рукахъ по смерти сего профессора вещи назадъ возвратилъ и лучшее къ здѣшней сторонѣ возымѣлъ уваженіе.

Но какъ по содержанію онаго рескрипта тому и другому распоряженію предоставлено точно условіе совершенной удобности въ зависимыхъ единственно отъ васъ способахъ безъ заимствованія отдаленныхъ отъ вашего мѣста средствъ, кои не могутъ быть безъ затрудни-тельства и кои сверхъ того, какъ уже несовмѣстныя съ краткостью времени, каково только можетъ свойствовать съ подобною малою экспедиціею, подали бы при нынѣшнихъ спокойныхъ обстоятельствахъ видъ войны на нашихъ съ Персіею границахъ, то мы для всего того предупреждаемъ васъ чрезъ сіе, подтверждая вамъ остеречься отъ всѣхъ въ разсужденіи Хайдатскаго владѣльца мѣръ, могущихъ утихшее дѣло возобновить и распространить къ напрасной заботѣ и безпокойству, а имѣете напротивъ того ожидать уже впредь отъ времени, не сыщутся-ли легкія средства задержаніемъ его людей или вещей, иногда находимыхъ въ нашихъ предѣлахъ, отмстить ему за его злость и безчиніе, и о чемъ вы и Кизлярскому коменданту для его исполненія сообщите. А впрочемъ пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 26 Апрѣля 1775 года.

Екатерина.

2671) ОТВѢТНАЯ НОТА АВСТРІЙСКОМУ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ БАРОНУ ЗЕДДЕЛЕРУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 30 Апрѣля 1775 г. Вручена Цесарскому повѣренному въ дѣлахъ Зедделеру 9 Мая 1775 г.).

Réponse verbale à l'insinuation faite dans la même forme par le chargé d'affaires de la cour Impériale et Royale.

Les difficultés anciennes et toujours subsistantes sur la fixation des frontières Autrichiennes avec la république de Pologne forment une position, à laquelle Sa Majesté Impériale s'est montrée et continue à être très sensible. Soit qu'elle considère l'intérêt du concert, dans lequel elle se trouve avec Leurs Majestés Impériales et Royales, et la sincère

[1]) М. Г. А. Австрія, IV, св. 4.

amitié qui l'unit à elles, ou qu'elle écoute tous les motifs d'humanité, d'affection et de bienveillance, qui l'intéressent au sort de la Pologne, tout concourt à lui faire désirer, qu'il s'offre enfin quelque voie de terminer amiablement la contestation et d'une manière satisfaisante pour les deux parties.

Mais l'Impératrice ne saurait cacher à LL. MM. II. et RR., qu'il ne lui parait point que le cas de la médiation puisse exister ni dans la nature de la question, ni après les discussions qu'elle a déjà subies. A peine fut-on informé à St-Pétersbourg, que la cour de Vienne se proposait le Sbrucz pour borne à ses recouvrements en Pologne, qu'on ne lui cacha point les craintes qu'on avait sur les suites de cette interprétation du Podorze. Effectivement, la sensation fut vive chez les Polonais et ne parut pas devoir s'effacer facilement, jusque là que le comte Branicki fut envoyé à la cour de l'Impératrice nommèment pour réclamer ses bons offices dans une affaire, où les sentiments des deux parts étaient diamétralement opposés. Sa Majesté Impériale écrivit à l'Impératrice-Reine et à l'Empereur, elle insinua avec le ménagement d'une alliée son sentiment sur la contestation et pria, intercéda même en faveur des Polonais, mais elle ne put rien sur le parti pris dans le conseil de Leurs Majestés, qui lui témoignèrent désirer que l'affaire fût renvoyée à la négociation des commissaires à Varsovie. Sa Majesté Impériale fit donner part au c-te Branicki de cette réponse de Leurs Majestés, en y faisant ajouter les insinuations les plus propres à faciliter du côté des Polonais la négociation qui allait s'entamer avec eux. Il fut donné en tout son contenu communication au ministre de Leurs Majestés à St-Pétersbourg de la note remise à cette occasion à l'envoyé de la république. De tout cela il résulte, que le sentiment de l'Impératrice sur la question est connu de Leurs Majestés et qu'il ne saurait être non plus un mystère pour la Pologne, ne dût-elle en juger que par la réclamation et les instances qui en furent l'effet. Or, dans cette situation, et l'estime des autres, et sa propre estime ne fait-elle pas une loi à l'Impératrice de se refuser à une médiation, où sa conviction d'une part et de l'autre—le désir d'avancer le bien de la chose seraient en une perpétuelle opposition?

Leurs Majestés Impériales et Royales ne se méprendront point à ce que de telles circonstances ont d'embarrassant et de délicat pour Sa Majesté Impériale, et elles sont trop justes pour ne pas reconnaître, qu'elle ne saurait rien faire de plus équitable, de plus convenable à sa position et en même temps de plus conforme à la sincère amitié qu'elle porte à LL. MM. II. et RR., que de se retrancher, ainsi qu'elle le fait, depuis que ses efforts pour résoudre la difficulté se sont montrés si infructueux et si impuissants, dans le concours et les bons offices se-

crets de son ministre à Varsovie, au moins pour diminuer l'aigreur des esprits et les entretenir, autant qu'il sera possible, dans les voies de la conciliation.

2672) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 30 Апрѣля 1775 г.).

Effectivement le chargé d'affaires de la cour où vous êtes, mon prince, m'a remis, sous le titre d'insinuation verbale, la même pièce que V. E. m'a fait l'honneur de m'envoyer, jointe à ses lettres d'offices №№ 6 et 7. Sa Majesté Impériale m'a autorisé d'y répondre aussi verbalement de la manière que vous le verrez, M-r, dans le papier que j'ai l'honneur de joindre ici. V. E. est dans le cas de se féliciter avec justice sur la sagesse de ses réponses au prince-ministre, puisque ce n'est que le propre sentiment de sa cour, qu'elle lui faisait connaître par anticipation, et que ses présomptions se sont parfaitement réalisées. Au reste, comme cette pièce passera à sa destination par la voie du chargé d'affaires ici, la copie que j'envoie à V. E. ne lui servira que pour fournir aux entretiens qu'elle pourra encore avoir sur cette matière avec le pr. Kaunitz.

Je dois encore vous répondre, mon prince, sur une seconde pièce que vous m'avez adressée à moi personnellement, dans les mêmes lettres, qui est un mémoire sur un commerce direct à établir entre la Hongrie et autres états de Leurs Majestés et nos provinces méridionales par le Danube. Comme il s'agit d'avoir mon sentiment, je prie V. E. de vouloir bien faire connaître à m-r le pr. Kaunitz, qu'il n'y a certainement qu'une même façon de penser entre sa cour et la mienne, quant au désir et à l'opinion d'utilité de former de nouveaux liens entre les états respectifs par un commerce immédiat. Mais, mon prince, la chose est encore si neuve pour nous, que non seulement nous n'avons encore apprécié aucune idée, mais même que nous n'avons pas eu le temps d'en former aucune. Il faut tout créer, et nous en sommes encore à en trouver les moyens. Dans cet état et pour le moment présent il serait aussi inutile qu'impossible d'arrêter quoi que ce soit entre nous sur le commerce. Il faut au moins que nos gens de part et d'autre commencent à se connaître. A mesure qu'il s'en établira des nôtres dans les ports ou villes, par lesquels les Hongrois et autres sujets de Leurs Majestés Impériales et Royales feraient quelques spéculations, qu'ils s'adressent à eux, qu'ils

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 27.

s'adressent même ici à ceux qui sont reconnus pour nos plus forts capitalistes et qui probablement auront quelque chose à dire à notre nouveau commerce, respectivement nos gens en feront autant et les affaires se lieront ainsi. Quant à la façon respective de traiter chez soi les commerçants de l'un et de l'autre état, elle est réglée tout naturellement par l'amitié, l'union permanente et les intérêts naturels des deux monarchies, ce qui parait suffir pour un premier moment, où d'ailleurs on ne peut pas faire mieux. Outre que ceci est mon sentiment, mon prince, je ne dois pas vous cacher, qu'ayant eu l'honneur de lire à l'Impératrice le mémoire, ce sont les observations et le raisonnement que j'ai entendu de la bouche de Sa Majesté Impériale, et il vous est libre de le laisser apercevoir. J'ai l'honneur d'être etc.

Moscou, ce 9 Mai 1775.

2673) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КНЯЗЮ ЛОБКОВИЧУ ВЪ ВѢНУ [1]).

Moscou, ce 9 Mai 1775.

Mon prince. C'est avec une vraie satisfaction que j'ai reçu les deux lettres que Votre Altesse m'a fait l'honneur de m'écrire depuis son départ de chez nous. Mon amitié, mon prince, vous suivait dans toute votre route. J'en ai partagé tous les désagréments; j'ai été infiniment peiné d'apprendre, combien d'incommodités et de retardements vous avez eu à essuyer; mais aussi c'est avec bien du plaisir que j'ai appris ensuite la justice que Leurs Majestés ont rendu à vos services par l'accueil gracieux, que vous en avez reçu. Ce que le pr. Galitsyne m'en a écrit m'a infiniment satisfait. Je désire et j'attends encore mieux pour l'avenir. Au sujet du courrier de chez vous, qui vient de nous arriver et qui repart d'abord, qui sera aussi chargé de cette lettre, je ne vous dirai que ce qui vous est connu et sur quoi vous pouvez toujours statuer avec toute sûreté. Avec la conviction où vous devez être et où vous êtes assurèment de l'intégrité toujours inaltérable du sentiment de Sa Majesté Impériale pour ses alliés, de son désir et de son attention à concilier tout ce qu'elle doit à ce motif avec ce qu'elle peut, sans se trouver en contradiction avec elle-même, avec la connaissance acquise depuis si longtemps, mon prince, de la conduite de son ministère en conséquence de ces principes, enfin après la confiance sans bornes et la franchise, avec laquelle je vous ai toujours parlé sur ces affaires, toutes les fois qu'il nous a fallu les agiter entre nous, V. A. se sera dit

[1]) М. Г. А. Австрія, IV, св. 4.

d'avance la substance et les termes de notre réponse à ce courrier. Et une chose surtout à laquelle elle ne se méprendra pas, c'est qu'un cas où la nécessité des circonstances nous lie les mains, ne saurait tirer à conséquence, ni être interprêté de quelque manière que ce soit contre cette intégrité de sentiments, dont je viens de l'entretenir, contre l'attachement si vrai de l'Impératrice pour Leurs Majestés Impériales et Royales. Mais c'est assez de politique pour une lettre, qui la trouvera toute occupée de fonctions militaires. Je vous désire dans vos voyages et vos occupations présentes, mon prince, autant de santé que d'agrément et un prompt retour à votre cour. Il me tarde d'apprendre une décision que je souhaite bien, qui soit à votre avantage sur votre destination ultérieure. Vous savez, combien j'y ai de part, par cette amitié et cette confiance, qui nous est également chère à tous les deux, et que j'aurai toujours autant d'empressement à cultiver, qu'à ne vous laisser jamais douter de l'attachement inviolable, avec lequel j'ai l'honneur d'être etc.

2674) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(До 12 Мая 1775 г.).

Сдѣлайте сего Лидсъ-Буда консуломъ въ Гибралтарѣ, онъ о семъ давно домогается.

2675) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

На переводѣ съ письма къ гр. Панину отъ Россійскаго агента въ Гибралтарѣ Лидсъ-Бута (Leeds-Booth) отъ 13 (2) Марта 1775 г. Въ этомъ письмѣ агентъ, обращавшійся къ гр. А. Г. Орлову съ просьбой выхлопотать ему консульскій патентъ и направленный имъ къ гр. Панину, проситъ послѣдняго не отказать ему въ выдачѣ патента.

Дайте ему консульскій патентъ.

(Вслѣдствіе сего повелѣнія приказано графомъ Панинымъ изготовить въ Коллегіи консульскій патентъ для Лидсъ-Бута 12 Мая 1775 г.).

2676) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА П. В. ЗАВАДОВСКАГО КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [3]).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Ея Императорское Величество повелѣла препроводить къ вашему с—ву реляцію графа Петра Александровича, вчера

---

[1]) М. Г. А. Англія, V, св. 2.

[2]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 гг., № 61.

[3]) М. Г. А. Архивъ Константинопольск. посольства старый, св. 154.

полученную, и напомянуть о присылкѣ переводовъ турецкихъ писемъ, отъ князя Н. В. Репнина доставленныхъ, чтобъ узнать и сличить ихъ содержаніе съ тѣмъ, что говорятъ въ Крыму. Со всеглубочайшею преданностью я пребуду и проч.

Петръ Завадовскій.

13 Мая 1775 г.

2677) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ [1].

(Послѣ 13 Мая 1775 г.).

Двѣ экспедиціи вашего с—ва изъ Кіева и изъ мѣстечка Ходорова отъ 6 и 13 Мая получены здѣсь одна послѣ другой исправно. Привезшаго первую изъ нихъ курьера отправляю я къ вамъ обратно съ г. барономъ Биленстейномъ изъ жалости и человѣколюбія къ бѣдственному его состоянію. Онъ, забравъ своихъ дѣтей, поѣхалъ отсюда опять въ Волохію, дабы окончать послѣдніе дни свои въ объятіяхъ молодой своей жены. Я не писалъ съ нимъ для того, что намѣренъ былъ послать къ вамъ вручителя сего г-на Плещеева, который, будучи опредѣленъ въ свиту вашу кавалеромъ посольства и оставаясь за приключившеюся ему болѣзнію до совершеннаго своего выздоровленія въ С.-Петербургѣ, спѣшитъ теперь догнать васъ прежде, нежели вы выѣдете изъ предѣловъ своего отечества. Я отправляю къ вамъ съ нимъ и другого курьера изъ находящихся при Коллегіи для посылокъ гвардіи унтеръ-офицеровъ, дабы онъ могъ довесть къ вамъ съ столь большею безопасностью посылаемые при семъ къ вамъ въ обшитомъ черною клеенкою ящичкѣ, въ число опредѣленной по высочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества на чрезвычайныя по посту вашему издержки суммы, 5207 червонцевъ. Они препровождаются къ вамъ включеннымъ здѣсь особливымъ письмомъ отъ князя Александра Алексѣевича Вяземскаго съ приложеніемъ слѣдующаго къ вамъ именного Ея Величества указа.

Что же касается до отзыва вашего ко мнѣ въ письмѣ вашемъ отъ 6 Мая о скорѣйшемъ отправленіи къ вамъ оставленныхъ здѣсь мѣховъ и чаю, то они посланы уже къ вамъ предъ симъ съ нарочнымъ курьеромъ прямо отъ Адама Васильевича Олсуфьева, и я надѣюсь, что вы получили ихъ теперь конечно. Впрочемъ пребываю и проч.

2678) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [2].

Moscou, ce 20 Mai 1775.

Monsieur mon frère. J'ai reçu la lettre qu'il a plu à Votre Majesté de m'écrire sur la conclusion heureuse et si longtemps désirée des affaires. C'est avec bien de la satisfaction que je vois enfin l'ordre et la paix rétablis dans son royaume et assurés par un gouvernement plus conve-

[1]) М. Г. А. Турція, III, св. 20.

[2]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.

nable à sa constitution. De même je n'ai pas un médiocre contentement, et je le regarde comme un des meilleurs présages de la durée d'un ouvrage si salutaire, que l'achèvement s'en soit fait dans des termes de concert et de bonne intelligence avec Votre Majesté. C'était là l'état des choses sans doute le plus désirable pour elle relativement à tous les voisins, et quant à moi il subsistera invariablement, dès que Votre Majesté persistera dans les principes auxquels je me réjouis de la voir revenue, d'écarter d'elle toute vue, tout conseil, toute insinuation propre à la détourner de ses liaisons naturelles avec mon Empire, et de donner par préférence à mon ministre la confiance que la droiture de sa conduite et l'équité des ordres dont il a été muni, lui ont constamment méritée. Rien ne pourra mieux qu'un tel accord me mettre en état de prouver à Votre Majesté la parfaite estime et la sincère amitié, avec laquelle je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, amie et voisine.

ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

Москва, 20 Мая 1775 г.—о разсужденіяхъ въ Совѣтѣ по поводу реляцій кн. Репнина, о Запорожцахъ, о татарскихъ дѣлахъ, о запискѣ Императрицы къ графу Панину, о графѣ Румянцевѣ и проч. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 185—187.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

21 Мая 1775 г. — о распоряженіяхъ относительно доставленныхъ въ Ростовъ на Дону турецкихъ плѣнныхъ и проч. Напеч. въ Сборникѣ, т. XXVII, стр. 40—41.

2679) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

Графъ Никита Ивановичъ. Сего утра получила я письмо ваше отъ 22 ч. и присланныя отъ васъ депеши. Дѣла польскія паки получаютъ весьма конфузный видъ; препозиціи французскія въ Царѣградѣ очень похожи на истину, но надѣяться можно, что сей Шуазельскій планъ, а не чей иной, не получитъ свое совершенство по причинѣ турецкаго изнеможенія. Прикажите Штакельберговъ вексель заплатить изъ субсидныхъ денегъ, его же, Штакельберга, назовите посломъ и пошлите къ нему въ знакъ моего удовольствія о совершеніи заботливаго сейма ленту святаго Александра Невскаго. Я удивляюсь поступ-

[1]) Гос. Арх., разр. V, № 94.

камъ короля Прусскаго, и желательно бъ было, чтобъ онъ удержался отъ подобныхъ репрезаильныхъ присягъ, ибо чаю, что сіе сдѣлано по причинѣ Австрійскихъ подобныхъ поступковъ; но все сіе умножаетъ критическихъ положеній (sic). Погода такова, что болѣе на глубокую осень похожа, нежели на весну; я пальцы загибать не могу отъ стужи и почти писать не могу. Пожалуй, дайте мнѣ знать, Англійскій министръ вѣдаетъ-ли о тучѣ, имъ грозящей, или они въ обыкновенной своей секюритé. Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Село Братов(щина), Мая 23 ч. 1775 г.

О путешествіи четырехъ министровъ не упоминаю, ибо почитаю сіе рѣшеннымъ дѣломъ.

2680) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Moscou, ce 24 Mai 1775.

Il vient de me parvenir, M-r, une lettre avec un mémoire de la part du comte de Hulsen, palatin de Minsk, dont j'ai l'honneur de vous envoyer les copies. Je vous prie de prendre connaissance de son affaire et de voir, quels services vous serez en état de lui rendre. Vous avez toujours rendu bon témoignage, vous et vos prédécesseurs, à sa conduite tranquille et patriotique pendant tous les troubles et les différentes affaires, qui ont si longtemps agité la Pologne, et en conséquence vous avez été autorisé à le faire jouir de la protection de l'Impératrice. Je vous prie de lui en faire ressentir encore les effets dans le cas dont il s'agit. S'il ne vous est pas possible d'obtenir une des trois alternatives que demande le c-te Hulsen, qui sont de casser la commission, de la réformer ou enfin de la suspendre, pour lesquelles cependant vous voudrez bien vous intéresser autant que vous le pourrez, sans violence et sans blesser l'ordre des lois, je vous prie, M-r, au moins de tenir la main à ce que la commission procède légalement et qu'un membre de l'état, toujours compté parmi nos amis et qui n'a rien fait qui le rende indigne de ce titre, ne se voie point en butte à des injustices et des persécutions. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

2681) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ ГЮЛЬЗЕНУ, ВОЕВОДѢ МИНСКОМУ [1]).

Moscou, ce 24 Mai 1775.

Monseigneur. J'ai reçu la lettre et le mémoire que V. E. m'a fait l'honneur de m'envoyer. Je les adresse au ministre de l'Impératrice à Varsovie dans la lettre ci-incluse, dont je joins la copie pour l'information de V. E. Vous aurez la bonté, Monseigneur, de lui faire parvenir ce paquet et de vous entendre avec lui sur les moyens les plus propres à employer pour la réussite de votre affaire. Il n'y a point de doute, qu'il n'entre dans tous ceux que l'ordre et l'équité pourront admettre, et qu'il ne prenne à coeur de vous garantir de toute vexation, comme jouissant de la protection de Sa Majesté Impériale que vous avez constamment méritée. J'ai l'honneur d'être etc.

2682) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [2]).

Графъ Никита Ивановичъ. Увѣдомилась я изъ письма вашего отъ 26 числа сего мѣсяца о пріѣздѣ короля Шведскаго въ Финляндію. Велите Выборгскому губернатору по обыкновенію съ чиновными людьми ѣхать на поклонъ къ королю, а по прибытіи графа Левенгувуда [3]) и я означу, кому ѣхать отъ меня съ поздравленіемъ. Впрочемъ пребываю доброжелательна.

Екатерина.

Мая 25 ч. 1775 г.

Буде королева Матильда заподлинно умерла, то съ симъ Датчанъ поздравить можно, ибо одного гвоздя въ тѣлѣ у нихъ убудетъ.

2683) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ [4]).

Всемилостивѣйшая Государыня. Во исполненіе высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества я еще вчерашняго числа отправилъ стафету къ Выборгскому губернатору съ указомъ Вашего Величества, чтобъ онъ въ пріѣздъ Его Шведскаго Величества на границу представился на поклонѣ отъ себя, съ нѣсколькими знатными военными особами.

[1]) М. Г. А. Польша, II, св. 5.
[2]) Гос. Арх., разр. V, № 94.
[3]) Т. е. Левенгаупта.
[4]) М. Г. А. Секретныя мнѣнія Министерства, часть 15.

Уважая нужду въ неупущеніи долгаго времени по Крымскимъ новымъ происшествіямъ, и спознавъ предъ отъѣздомъ отсюда Вашего Императорскаго Величества высочайшія ваши намѣренія и мысли по оному, я по многимъ совѣтамъ и разсужденіямъ съ генераломъ-поручикомъ Щербининымъ поставилъ на мѣрѣ, какимъ образомъ сходнѣе съ достоинствомъ Вашего Величества и выгоднѣе впередъ свободнѣйшему избранію дальнѣйшихъ резолюцій отозваться теперь съ здѣшней стороны къ Крымскому хану и правительству, такъ, какъ и обратить Кубанскую сторону къ сему же предмету. Въ письмахъ отъ лицъ генераловъ-поручиковъ князя Прозоровскаго и Щербинина я включилъ новаго хана по той причинѣ, что генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ въ своемъ послѣднемъ къ визирю отвѣтѣ призналъ неоспоримое право Татарской области избирать и перемѣнять своихъ хановъ. Симъ же образомъ, всемилостивѣйшая Государыня, и съ высочайшей стороны Вашего Императорскаго Величества Оттоманская Порта съ Крымомъ также спознаютъ здѣшній образъ мыслей и усмотрѣній въ ихъ дѣлахъ, какъ визирь въ своемъ письмѣ къ графу Румянцеву искалъ однимъ историческимъ описаніемъ оныя намъ представить и тѣмъ предъуготовить себѣ путь къ заведенію насъ въ новую негоціацію по пункту Татарской вольности; высочайшее же достоинство и интересъ Вашего Величества требуютъ предпочтительнѣе обратить сіи дѣла такимъ образомъ, дабы вамъ разрѣшить неустройство и развратъ между Татарами, яко особенною областію, а не переговорами объ нихъ съ Оттоманскою Портою. Заготовленныя мною на сихъ правилахъ разныя бумаги я здѣсь подношу на высочайшее усмотрѣніе и апробацію и пребываю со всеглубочайшимъ подобострастіемъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій рабъ

Гр. Н. Панинъ.

Москва, 27 Мая 1775 г.

2684) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

Графъ Никита Ивановичъ. Заготовленныя бумаги по Крымскимъ дѣламъ я читала и не нахожу въ нихъ чего перемѣнить; основаны онѣ какъ на драгоцѣнпаго мирнаго трактата, такъ какъ и на татарскаго (sic). Съ удовольствіемъ же вижу, что стараетеся подкрѣпить усерднаго Калга-султана дачею денегъ. Право, его твердость заслуживаетъ

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Переписка чиновъ Россійскаго министерства съ Крымскимъ ханомъ и чиновниками его 1765—1782 г.г.

того, чтобъ и мы его твердо подкрѣпили же и не оставили его быть un jouet des événements. Пребываю доброжелательна.

Екатерина.

Село Здвиженское [1]), Мая 28 ч. 1775 г.

Славный Парижъ чернью управляемъ былъ двои сутки, такъ какъ безпорядочная Москва въ 1771 году; разница только та, что въ Парижѣ сіе случилось посреди народнаго благополучія и золотыхъ дней, а на Москвѣ во время народнаго отчаянья и пагубной язвы.

2685) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [2]).

Сенатъ представлялъ намъ объ отпускѣ въ оную Коллегію на не положенные въ штатѣ расходы 50.851 р. 72 коп. изъ Статсъ-Конторы. Но мы повелѣваемъ Коллегіи оную сумму употребить изъ субсидныхъ денегъ.

Екатерина.

28 Мая 1775 г. Село Воздвиженское.

2686) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ АССЕБУРГУ ВЪ РЕГЕНСБУРГЪ [3]).

Monsieur. Dans la lettre que j'eus l'honneur d'ecrire à V. E. le 6 Janvier, je m'efforçai autant qu'il était en moi d'écarter les obstacles qui s'opposaient à sa légitimation, en lui détaillant de quelle façon je croyais possible d'esquiver la contestation du cérémonial, en maintenant l'indépendance de toute étiquette du caractère de ministre plénipotentiaire. Elle désire par addition, dans la réponse qu'elle m'a faite à cette lettre, que je lui dise mon sentiment personnel sur l'expédient qu'elle imagine, de ne déployer au commencement aucun caractère. J'ai donc l'honneur de vous répondre, M-r, que je ne trouve rien qui s'oppose à cette idée ni par rapport aux affaires dont vous êtes chargé, ni par rapport à la question même, qui donnerait lieu à cette suspension, si ce n'est peut-être, que n'obtenant rien des états pendant ce délai et étant obligé à la fin d'en venir au développement de votre caractère, le ton d'indifférence sur l'étiquette d'où nous voulons partir, ne paraîtra ni aussi sincère ni aussi décidé, que s'il avait été annoncé d'abord à votre arrivée à la diète

[1]) Воздвиженское, невдалекѣ отъ Троице-Сергіевой Лавры.
[2]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г.
[3]) М. Г. А. Регенсбургъ III, св. 17. См. выше № 2634.

*

A ceci cependant je n'attache aucune importance, qui doive arrêter V. E., et je me rangerai sans contradiction du parti qu'elle aura embrassé, comme le plus sage et le plus praticable. Mais au milieu de cela, je reviens encore à l'observation que j'avais l'honneur de lui faire dans ma susdite lettre du 6 Janvier, c'est de s'attacher autant qu'il sera possible à assimiler les agréments de sa résidence à ceux dont le comte Kayserling a joui. C'est un exemple que vous ne manquerez pas, M-r, de faire valoir, autant que les disputes subséquentes lui auront laissé de force, et peut-être après quelques pourparlers les états consentiraient-ils tacitement à vous traiter sur le même pied, surtout lorsque vous même vous leur aurez fait connaître, que vous ne l'exigez point comme un droit du caractère dont vous êtes revêtu, mais que vous le recevrez comme un honneur, fait au rang que vous tenez dans le service de votre cour et à la confiance dont elle vous honore. J'ai l'honneur d'être etc.

Moscou, ce „ " Mai 1775.

2687) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

Графъ Никита Ивановичъ. Ваши письма отъ 31 Мая я получила вчерашній день; присемъ къ вамъ возвращаю министерскія реляціи и посылаю письма посла князя Репнина, которыя я здѣсь получила. Ему о Волошскомъ господарѣ болѣе предписать нечего, какъ чтобъ поступалъ съ ихъ просьбами въ силѣ мирныхъ договоровъ. Шведскому шталмейстеру аудіенцію дамъ въ будущее Воскресеніе на Москвѣ, а въ Коломенское буду въ четвергъ къ обѣду. Мы здѣсь запраздновали, и ваши министры веселехоньки. Желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Троицы Лавры, Іюня 2 ч. 1775 г.

2688) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Россійскій консулъ въ Портъ-Магонѣ Ѳедоръ Алексіано реляціей отъ 4/15 Іюня 1775 г. доносилъ графу Панину о вооруженіяхъ, предпринимаемыхъ Испаніей противъ Англіи. Въ виду этого генералъ-губернаторъ о-ва Магона Муррей рѣшилъ вооружить фортъ св. Филиппа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился къ консулу съ просьбой вывезти изъ упомянутаго форта 1281 боченокъ русскаго пороха, сложеннаго здѣсь 3 года назадъ адмираломъ Спиридовымъ. Консулъ тщетно просилъ генералъ-губернатора помѣстить этотъ порохъ въ англійскихъ складахъ; вслѣдствіе отказа послѣдняго, онъ рѣшилъ задержать одинъ фрегатъ для нагрузки на него пороха и вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Гос. Арх., разр. V, № 94.

[2]) М. Г. А. Испанія, V, св. 1.

отправить въ Ливорно къ графу А. Г. Орлову небольшое судно, для полученія его инструкцій по этому предмету.

Напишите ему, чтобъ порохъ продать старался.

(Писана карандашомъ на поляхъ реляціи).

2689) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

По случаю полученныхъ отъ васъ извѣщеній, какъ о перемѣнѣ въ Крыму хана, такъ и о послѣдовавшихъ къ вамъ по оной отъ Порты Оттоманской изъясненіяхъ, признали мы за нужно сдѣлать какъ къ новому хану, такъ и ко всему Крымскому правительству письменный и формальный отзывъ отъ лицъ нашихъ генералъ-поручиковъ Щербинина и князя Прозоровскаго, дабы чрезъ сей способъ и того и другого привесть въ необходимость къ точному намъ объявленію настоящаго образа ихъ мыслей. Для свѣдѣнія вашего повелѣли мы приложить здѣсь копіи съ нашихъ тѣмъ обоимъ генералъ-поручикамъ данныхъ рескриптовъ, а вамъ, какъ главному донынѣ устроителю всѣхъ дѣлъ тамошняго края, поручаемъ еще особливо снабдить ихъ отъ себя нужными наставленіями, еслибъ въ теченіе времени открылись новые какіе-либо аспекты сверхъ тѣхъ, на коихъ мы нынѣ основывали здѣсь положенія наши. Въ рескриптѣ къ генералу-поручику Щербинину усмотрите вы далѣе и опредѣленное нынѣ нами на первый часъ политическое по татарскимъ дѣламъ поведеніе относительно къ Портѣ Оттоманской; присвояя собственно вамъ самимъ все тамъ по сей матеріи сказанное, желаемъ мы, чтобъ вы сообразно инструировали полковника Петерсона, предписывая ему притомъ недреманное и рачительнѣйшее наблюденіе за всѣми поступками, движеніями и происками министерства турецкаго, дабы съ здѣшней стороны размѣрять по онымъ наши вопреки мѣры и сопротивленія, ежели бъ паче чаянія покушенія Порты стали выходить за предѣлы мирнаго трактата, или же по крайней мѣрѣ до пункта сущей опасности новому татарскому политическому бытію, въ которомъ мы не перестанемъ никогда полагать неподвижнымъ началомъ собственный нашъ съ ними безпосредственный договоръ.

Полагаясь впрочемъ съ несумнѣнною надеждою на ваше усердіе и на вашу прозорливость, кои толико разъ брали верхъ надъ хитрою политикою оттомановъ, пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 6 Іюня 1775 года.

Екатерина.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія, рескрипты къ Щербинину, кн. Прозоровскому и гр. Румянцеву 1775 г., и архивъ Константинопольскаго посольства старый, св. 147. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р. 1872 г., кн. II, стр. 110—111.

2690) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Новыя Крымскаго полуострова явленія въ низложеніи хана Сагибъ-Гирея и въ возведеніи на его мѣсто извѣстнаго Девлетъ-Гирея открываютъ теперь совсѣмъ новыя нужды и обороты въ дѣлахъ тамошняго края. Государственная наша политика требуетъ, чтобъ мы въ семъ случаѣ не остались безмолвными, какъ въ разсужденіи Порты Оттоманской, такъ особливо и самыхъ татаръ, ибо инако и та, и другіе могли бы съ вѣроятностью возмнить, что мы не радѣемъ болѣе о дѣлѣ собственныхъ нашихъ рукъ и что потому могутъ они невозбранно входить между собою въ безпосредственныя мимо насъ соглашенія и постановленія о будущемъ жребіи татарской области, слѣдовательно же, и превратить ее вновь мало по малу и нечувствительнымъ образомъ въ прежнее Портѣ Оттоманской неограниченное подчиненіе изъ того свободнаго и независимаго состоянія, въ которое она нами и миромъ нашимъ приведена, такъ сказать, вопреки собственныхъ ея склонностей. Для сего признаемъ мы за нужно соотвѣтствовать министерству турецкому относительно самовластнаго нѣкоторою только частью Крымскихъ старшинъ учиненнаго избранія въ ханы Девлетъ-Гирея, тѣмъ же самымъ языкомъ, каковымъ оное начало съ своей стороны отзываться къ намъ, то есть довольствоваться до времени одними увѣреніями о неучаствованіи нашемъ въ Крымскихъ дѣлахъ, доколѣ сама Порта въ нихъ мѣшаться не будетъ, а между тѣмъ съ сугубымъ по нѣжности момента вниманіемъ примѣчать всѣ ея внутреннія и сокровенныя движенія и происки, дабы онымъ во свое время толь удобнѣе и дѣйствительнѣе противустоять. Для свѣдѣнія вашего повелѣли мы приложить здѣсь въ копіяхъ всѣ къ нашему генералу-фельдмаршалу отъ верховнаго визиря присланныя письма, также и данныя нынѣ отъ насъ сему военачальнику предписанія.

Что принадлежитъ собственно до татаръ, тутъ представляются къ уваженію слѣдующіе два предмета: 1-е, что выборъ Девлетъ-Гирея сдѣланъ только одними Крымцами безъ соучастія Ногайскихъ ордъ, кои равно съ ними корпусъ вольной и независимой области татарской составлять долженствуютъ; 2-е, что Девлетъ-Гирей, въ обвѣщеніяхъ своихъ ближнимъ нашимъ военнымъ командирамъ о избраніи его въ ханское достоинство, ни словомъ не упоминаетъ о заключенномъ съ татарами безпосредственномъ трактатѣ, который сначала рѣ-

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Рескрипты къ Щербинину, кн. Прозоровскому и гр. Румянцеву, 1775 г. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1872 г., кн. II, стр. 111—116.

шилъ и основалъ настоящее ихъ бытіе, а увѣряетъ только содержать и хранить постановленный съ Портою Оттоманскою миръ, чѣмъ онъ безмолвно и являетъ уже себя единственно отъ оной зависящимъ, а отнюдь не въ качествѣ вольнаго, независимаго и самовластнаго владѣтеля.

Чѣмъ противнѣе сей лукавый изворотъ существительнымъ интересамъ отечества и собственному нашему достоинству, тѣмъ вяще и надобно намъ стараться о всеконечномъ его въ самомъ началѣ разрушеніи, инако же бы турки и татары стали изъ попущенія нашего въ настоящемъ случаѣ далѣе и далѣе плодить и распространять покушенія свои ко взаимному между собою сопряженію.

Въ семъ намѣреніи изготовлены здѣсь одинаковаго содержанія два письма отъ лица вашего и отъ командующаго на границахъ генерала-поручика князя Прозоровскаго къ нынѣшнему хану Девлетъ-Гирею и ко всему Крымскому правительству. Здѣсь слѣдуетъ то, которое собственно для васъ служить имѣетъ и съ учиненнымъ въ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ татарскимъ переводомъ онаго. Изъ прочтенія сей бумаги усмотрите вы самое намѣреніе чинимаго къ Девлетъ-Гирею и къ Крымцамъ отзыва, почему, не вступая въ напрасныя повторенія, и поручаемъ мы вамъ отправить оное къ нимъ съ нарочнымъ и такимъ человѣкомъ, который бы, будучи на мѣстѣ, могъ достаточно проникнуть настоящее въ мысляхъ расположеніе Крымскихъ татаръ, ихъ духовенства, лучшихъ мурзъ и ихъ хана, не окруженъ-ли оный какими турками, и буде имѣетъ при себѣ, то какого сорта людьми, нѣтъ-ли также въ Кафѣ и другихъ Крымскихъ мѣстахъ какихъ-либо турецкихъ начальниковъ, а съ ними и умноженія турокъ, совокупно же и то дѣйствіе, которое въ нихъ частно и общественно производить будетъ письмо ваше, которое впрочемъ можетъ и другими дорогами, чаятельно не безъ пользы, между татарами разсѣеваемо быть, дабы вниманіе ихъ какъ можно болѣе притянуть къ зрѣлому уваженію даваемой чрезъ васъ собственно двору нашему рѣшительной отповѣди, а особливо по пункту храненія и исполненія безпосредственныхъ, всею татарскою областью съ нами принятыхъ, торжественныхъ обязательствъ.

Съ другой стороны, не меньше можетъ послужить къ достиженію нашей цѣли, которая по всему вышесказанному клонится на первый случай не столько къ опороченію выбора Девлетъ-Гирея въ ханское достоинство, сколько къ приведенію Крымскихъ татаръ въ признаніе, что они одни сами по себѣ, безъ содѣйствія Ногайскихъ ордъ, не составляютъ цѣлой татарской области и что при томъ вмѣстѣ съ ними долженствуютъ еще почитать свой съ нами безпосредственный трактатъ сущимъ началомъ и основаніемъ всего своего настоящаго

политическаго бытія, чтобъ Ногайскія орды, если можно всѣ, а по крайней уже мѣрѣ хотя и нѣкоторою частью, были благоразумными вашими стараніями и попеченіемъ наклонены въ единомысленность, а въ оной и къ учиненію правительству Крымскому отзыва, по поводу дошедшихъ до нихъ тѣмъ или другимъ образомъ извѣстій о выборѣ въ ханы Девлетъ-Гирея, въ слѣдующей силѣ: что оныя орды, составляя равно съ Крымцами корпусъ татарской области, не понимаютъ, по какому праву сіи послѣдніе одни сами собою и безъ ихъ свѣдѣнія поступили на перемѣну хана, избраннаго предъ тѣмъ общественными вольными голосами, что они потому, бывъ отъ земляковъ своихъ обижены въ лучшемъ и драгоцѣннѣйшемъ ихъ преимуществѣ, принуждены отъ нихъ требовать изъясненія и увѣренія, что впредь подобнаго самовластія отъ одной части націи къ другой показывано не будетъ, и что до тѣхъ поръ находятъ себя въ необходимости не признавать Крымской власти въ одностороннемъ избраніи новаго хана, слѣдовательно же и не подчинять себя оному, развѣ ихъ справедливое требованіе отъ него самого и отъ всего Крымскаго правительства надлежаще удовлетворено будетъ, съ точнымъ и яснымъ имъ всѣмъ показаніемъ и увѣреніемъ, что новый ханъ во все время властительства своего не оставитъ пещись о сохраненіи на вѣкъ безъ всякаго умаленія или поврежденія вольности и независимости, всему татарскому обществу нераздѣльно дарованныхъ; что они, Ногайцы, непремѣнно и навсегда останутся при всѣхъ своихъ обрядахъ, обычаяхъ и правахъ, какъ древнихъ, такъ и вновь пріобрѣтенныхъ, и что напослѣдокъ всѣ артикулы до единаго, положенные въ обоихъ трактатахъ, то есть въ безпосредственномъ Россіи съ вольною татарскою областью и въ мирномъ оныя съ Портою Оттоманскою, свято и точно исполняемы будутъ безъ малѣйшаго нарушенія. Не некстати будетъ присовокупить еще ко всему сему отъ Ногайскихъ ордъ вопросъ, увѣдомили-ль Крымцы вслѣдствіе трактата дворъ нашъ о выборѣ новаго хана, ибо имъ то знать нужно, дабы не быть инако въ сумнѣніи о прочности и надежности настоящаго ихъ вольнаго и счастливаго состоянія, которое предъ окончаніемъ войны ханомъ Сагибъ-Гиреемъ весьма потрясено и угнетено было, къ чувствительному предосужденію и раззоренію Ногайскихъ ордъ, почему оныя теперь отъ преемника его всю возможную осторожность благовременно имѣть хотятъ.

Довольно сего на первый случай; теченіе времени преподастъ вскорѣ вящій свѣтъ, и тогда уже и можно будетъ съ надежностью предположить другія, ближе къ обстоятельствамъ присвояемыя мѣры. Вы сами можете имъ много воспособствовать скорымъ намъ доставленіемъ точныхъ свѣдѣній о всемъ томъ, что и по дѣламъ комиссіи вашей въ Крыму и между Ногайцами происходить будетъ.

Въ будущей до тѣхъ поръ неизвѣстности не можемъ мы однако жъ оставить безъ препорученія вамъ, чтобъ вы всячески старались удерживать настоящаго Калгу-султана какъ въ хорошемъ его расположеніи къ интересамъ двора нашего, такъ и въ знатности, кредитѣ и почтеніи между Ногайскими ордами, дабы его на всякій случай имѣть готовымъ и надежнымъ орудіемъ къ преградѣ совокупнымъ происканъ Порты Оттоманской и хана Крымскаго, а для сего и надобно его, Калгу, привесть въ такое положеніе, чтобъ онъ Девлетъ-Гиреемъ настоящаго своего начальства надъ Ногайцами лишенъ быть не могъ. Нѣтъ нужды возбранять ему и въ томъ, чтобъ въ пользу его, Калги-султана, отъ Ногайскихъ ордъ нынѣ же къ Крымскому правительству формальный отзывъ учиненъ былъ, что онѣ непремѣнно желаютъ его имѣть у себя внутреннимъ начальникомъ, какъ такого общества своего члена, который болѣе другихъ трудился и участіе имѣлъ въ самомъ его составленіи и который потому о прочности и утвержденіи его наипаче пещись интересованъ, основываясь въ семъ своемъ желаніи на древнихъ примѣрахъ самопроизвольнаго отъ Ногайцевъ избранія частныхъ своихъ начальниковъ.

По извѣстнымъ склонностямъ Калги-султана нельзя, кажется, имѣть сумнѣнія, чтобъ онъ по низложеніи брата его не имѣлъ теперь сугубаго желанія остаться начальникомъ при Ногайскихъ ордахъ, а какъ сіе въ немъ предполагаемое желаніе весьма согласуется съ пользою дѣлъ нашихъ, то и надобно, примѣняясь къ вышесказанному, всячески ободрять оное представленіемъ ему въ будущемъ времени самой перспективы ханства, если онъ только будетъ умѣть сохранить къ себѣ довѣренность и любовь подвластныхъ ему Ногайскихъ ордъ, въ чемъ мы ему, зная его благонамѣренность къ отечеству своему, къ случаю и кстати охотно возспоспобствуемъ, и теперь, для приведенія его въ состояніе вяще и вяще въ томъ предуспѣвать, повелѣли вамъ выдать ему разомъ достальныя деньги въ число прежде назначенныхъ пятидесяти тысячъ рублевъ, сверхъ опредѣленной ему обыкновенной дачи по тысячѣ рублевъ на мѣсяцъ. Преподаваніе Калгѣ-султану всѣхъ сихъ внушеній, равно какъ и дѣйствительное ему доставленіе нынѣ опредѣленныхъ денегъ поручаемъ мы чрезъ сіе испытанному вашему искусству и собственному вашему лучшему распоряженію.

Въ заключеніе остается упомянуть о слѣдующихъ двухъ, до свѣдѣнія нашего дошедшихъ, обстоятельствахъ: 1-е—что въ Крыму находится нѣсколько бѣжавшихъ туда сообщниковъ злодѣя Пугачева; 2-е—что Бѣлогородскіе татары начали большими партіями переходить изъ Крыма въ Бессарабію, землю, туркамъ подвластную, и что въ разсужденіи оныхъ выходцевъ новый ханъ просилъ уже находящагося въ

Кинбурнѣ генералъ-маіора Кохіуса о не пропускѣ изъ татаръ никого, кромѣ тѣхъ только, кои его собственные билеты имѣть будутъ.

Мы повелѣваемъ вамъ по первому изъ сихъ двухъ пунктовъ употребить всевозможное ваше стараніе къ полученію въ руки укрывшихся въ Крымъ Пугачевскихъ сообщниковъ, съ жертвованіемъ на то, если инако нельзя обойтись, нѣкоторой суммы денегъ. Отъ усердія вашего къ службѣ нашей, способствуемаго въ семъ случаѣ достаточнымъ свѣдѣніемъ локальныхъ способностей, ожидаемъ мы несумнѣнно исполненія воли нашей въ полной мѣрѣ. По другому пункту считаемъ мы за нужно и вовсе уже велѣть пресѣчь пропускъ всякимъ изъ Крыма выходцамъ въ Бессарабію, несмотря и на то, если которые изъ нихъ будутъ имѣть собственно отъ хана позволительные билеты, объявляя въ резонъ, что какъ теперь настоитъ въ татарской области внутреннее неустройство и несогласіе, то пограничные посты не смѣютъ дозволять собою прохода выходцамъ, тѣмъ паче, что войска, въ Кинбурнѣ и около онаго находящіяся, сами имѣютъ недостатокъ въ травѣ, и что потому оные выходцы, если не желаютъ оставаться въ Крыму, могутъ идти въ соединеніе къ соотчичамъ своимъ на Кубань и жительствовать тамъ по точной силѣ заключеннаго съ Россіей трактата.

Мы пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, Іюня 6 дня 1775 года.

Екатерина.

Къ настоящему рескрипту приложена нижеслѣдующая форма письма отъ Щербинина къ Крымскому хану и правительству:

Форма письма отъ генерала-поручика Е. А. Щербинина къ Крымскому хану Девлетъ-Гирею и правительству Крымскому [1]).

Свѣтлѣйшій Девлетъ-Гирей-ханъ и почтенное правительство Крымское. По высочайшему повелѣнію Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, моей всемилостивѣйшей и всеавгустѣйшей Государыни, имѣя честь находиться при производствѣ пограничныхъ дѣлъ съ сосѣдственною къ Россійской Имперіи татарскою свободною областію, увѣдомленъ я предъ нѣкоторымъ временемъ отъ Керченскаго коменданта г-на полковника Ступишина о полученныхъ имъ письмахъ отъ васъ, свѣтлѣйшій Девлетъ-Гирей-ханъ, и отъ васъ, Крымскаго полуострова правительство составляющихъ начальниковъ,

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ графа Панина къ Щербинину, 1771—1775 г.г. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Древн. Р., 1872 г., кн. II, стр. 126—129.

изъ коихъ ваша свѣтлость присланнымъ отъ себя дали знать помянутому полковнику о случившемся отрѣшеніи предмѣстника вашего Сагибъ-Гирея-хана отъ власти сего достоинства и о избраніи на мѣсто его васъ, съ присовокупленнымъ къ тому удостовѣреніемъ, что и при такихъ обстоятельствахъ трактатныя положенія соблюдаемы быть имѣютъ, а вы, Крымскаго правительства начальники, съ своей стороны удовольствовались предъявить, что всякое и отъ васъ равнымъ образомъ стараніе употребится къ тому же самому, чтобъ всѣ противные случаи заключенному между Россійскимъ Императорскимъ дворомъ и Портою Оттоманскою трактату отвращаемы были.

И хотя съ одной стороны, въ разсужденіи пограничной тишины и спокойствія, и заслуживаютъ вѣроятіе и такіе общіе отзывы, но съ другой, не заключая въ себѣ оные ни малѣйшихъ изъясненій о причинахъ толь важнаго происшествія, каково есть низложеніе одного хана и возстановленіе другого, да и съ какими намѣреніями сія перемѣна предпріята, что касается до начальныхъ основаній, существо и бытность татарской области опредѣлившихъ, и подаютъ по симъ справедливымъ уваженіямъ поводъ не только къ сумнѣнію, но и къ подозрѣніямъ самымъ. Всѣмъ татарамъ не можетъ быть неизвѣстно:

1) Что Россійскій Императорскій дворъ въ самое теченіе войны и въ такое время, въ которое они, татары, еще оному непріятелями были, принялъ ихъ въ свою дружбу не инако, но подъ условіемъ точнымъ, чтобъ остались навсегда свободными и въ совершенной, кромѣ единаго Бога, независимости отъ всякой посторонней власти, а подъ собственнымъ только верховнымъ начальствомъ; напротивъ того, въ настоящихъ отзывахъ совсѣмъ не упоминается о расположеніи Крымскаго правительства относительно къ сему первому положенію, отъ котораго, какъ главнѣйшаго и существеннѣйшаго, область татарская начало свое воспріяла.

2) Въ тѣхъ же отзывахъ единственно все обязательство съ стороны Крымской видится выводимымъ изъ содержанія только мирнаго трактата, между Россійскимъ Императорскимъ дворомъ и Портою Оттоманскою заключеннаго, а о томъ, который еще во время продолженія войны въ залогъ дружбы и союза съ Имперіею Россійскою у области татарской о независимости ея учиненъ въ надлежащей формѣ и порядкѣ чрезъ предмѣстника вашей свѣтлости Сагибъ-Гирей-хана и всѣхъ къ тому уполномоченныхъ отъ народовъ татарскихъ, умалчивается совершенно, хотя сей непосредственно съ татарскою областію состоявшійся трактатъ есть дѣйствительнымъ основаніемъ свободы и независимости татаръ, а воспослѣдовавшій потомъ съ Портою Оттоманскою мирный—оному только слѣдствіемъ и подтвержденіемъ. А въ томъ между Имперіею Россійскою и свободною областію татарскою

учиненномъ трактатѣ союза и дружбы со всею точностію положено, чтобъ сія область не изъ однихъ жителей Крымскаго полуострова состояла, но и изъ всѣхъ ордъ Ногайскихъ, слѣдовательно, и сіи орды, какъ члены оной, неоспоримое уже имѣютъ право участвовать своимъ соглашеніемъ и дѣйствіемъ во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ; но неизвѣстно отнюдь, на случившееся низложеніе Сагибъ-Гирея-хана и возведенія вашей свѣтлости пріобрѣтено-ли было на то предварительно какое-либо отъ ордъ Ногайскихъ соизволеніе.

3) Поднятіе Крымцами оружія противъ войскъ Россійскихъ предъ заключеніемъ съ Портою Оттоманскою мира, хотя и не можетъ ничѣмъ оправдано быть, ибо татары по своему независимому состоянію, и отрекшись единожды отъ подданства турецкаго формальнымъ образомъ, не долженствовали больше въ пользу Порты и въ ея пособіе мѣшаться въ военныя приключенія, но какъ однако же, по силѣ мирнаго у Россійской Имперіи съ нею, Портою, заключеннаго трактата, всѣ оказанныя въ такое время той и другой сторонѣ непріязни и противности имѣютъ уже преданы быть вѣчному забвенію, то пускай и сія Крымскихъ татаръ толь неожиданная поползновенность прикроется симъ общимъ для обыкновенныхъ преступленій прощеніемъ; но учиненное непосредственно оскорбленіе Россійскому Императорскому двору съ стороны Крымскаго правительства въ лицѣ резидента, насильнымъ до него касательствомъ и преданіемъ въ плѣнъ съ расхищеніемъ его дома и съ умерщвленіемъ почти всѣхъ въ свитѣ его бывшихъ людей здѣшнихъ разныхъ чиновъ, въ наглую противность и нарушеніе всенародныхъ правъ, во всемъ свѣтѣ почитаемыхъ, понынѣ остается безъ всякаго удовлетворенія, а неизвѣстно однако жъ равнымъ образомъ, чего отъ вашей свѣтлости и отъ настоящаго Крымскаго правительства и по сему обстоятельству ожидать можно; и наконецъ:

4) Не повторяются здѣсь всѣ противности, какія татарами Крымскими по состояніи уже мира въ разныхъ мѣстахъ и во времена разныя учинены въ разсужденіи здѣшнихъ подданныхъ, особливо же военныхъ людей, въ Крымѣ находящихся, потому что полковникъ Ступишинъ съ подробностью о всемъ томъ къ вашей свѣтлости уже писалъ.

Итакъ я, по долгу званія моего, за нужно нашедъ войти въ точныя изъясненія по случаю вступленія вашей свѣтлости въ дѣйствіе ханскаго достоинства въ сосѣдственномъ полуостровѣ Крымскомъ, пристойно требую отъ васъ, свѣтлѣйшаго хана, и отъ васъ, начальниковъ, тамошнему правительству нынѣ причастныхъ, чтобъ мнѣ возвѣщено было о вашихъ разсужденіяхъ и образѣ вашихъ мыслей по всѣмъ вышеозначеннымъ примѣчаніямъ при настоящемъ положеніи

дѣлъ, когда толь великія Имперіи, каковы Россійская и Порта Оттоманская, дѣйствительно согласились и утвердили, чтобъ всѣ народы татарскіе остались и были навсегда свободными и независимыми, кромѣ единаго Бога, отъ всякой посторонней власти, но подъ собственнымъ своимъ верховнымъ начальствомъ, и составляли единую особенную область, и когда еще, по необходимому изъ сего слѣдствію, и Россійской Императорскій дворъ достаточное уже право имѣетъ предостерегать и наблюдать, чтобъ ничего и ни отъ кого въ противность и въ предосужденіе торжественнымъ образомъ установленнаго бытія сей свободной области учинено не было.

Впрочемъ же, желая вашей свѣтлости всякаго благополучія, пребываю къ вамъ и ко всему правительству Крымскому доброжелательнымъ.

2691) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ [1]).

Какія по поводу новыхъ въ Крымскомъ полуостровѣ явленій разсудили мы дать наставленія нашему генералу-поручику Щербинину, съ оныхъ повелѣли мы приложить здѣсь копію для вашего свѣдѣнія и точнаго въ тѣхъ частяхъ исполненія, которыя собственно до васъ относиться могутъ, какъ главнаго на границахъ военнаго командира. Въ семъ же качествѣ имѣете вы отправить и отъ себя безъ укосненія къ новому хану и всему Крымскому правительству въ слѣдующей при семъ формѣ письмо, отправляя оное съ такимъ же человѣкомъ, о каковомъ предписано генералу-поручику Щербинину, дабы обоими вашими посланными порознь и не въ одно можетъ быть время собираемыя свѣдѣнія и примѣчанія тѣмъ больше свѣту подать могли, кои вы также и другъ другу сообщать не оставите. И пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 6 Іюня 1775 года.

Екатерина.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Рескрипты Щербинину, кн. Прозоровскому и гр. Румянцеву 1775 г. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р. 1872 г., кн. II, стр. 129.

Къ настоящему рескрипту приложена нижеслѣдующая форма письма отъ кн. Прозоровскаго къ Крымскому хану и правительству:

Форма письма отъ генерала-поручика князя А. А. Прозоровскаго къ хану Девлетъ-Гирею и правительству Крымскому [1]).

Свѣтлѣйшій Девлетъ-Гирей-ханъ и почтенное правительство Крымское. По высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, моей всемилостивѣйшей Государыни, находясь я начальствующимъ надъ войсками, расположенными по ближнимъ границамъ къ сосѣдственному полуострову Крымскому, получилъ недавно извѣстіе по принадлежности званія моего отъ Керченскаго коменданта г. полковника Ступишина о низложеніи предмѣстника вашей свѣтлости Сагибъ-Гирей-хана и о постановленіи вмѣсто его васъ, и что вы, увѣдомя онаго полковника о семъ происшествіи присланнымъ къ нему письмомъ, вмѣстили тутъ же и удостовѣреніе о сохраненіи трактатныхъ положеній, равно какъ и вы, Крымскіе начальники тамошняго правительства, особеннымъ вашимъ письмомъ предъявили о имѣющемъ быть и отъ васъ стараніи къ отвращенію всѣхъ противныхъ случаевъ заключенному между моимъ высочайшимъ дворомъ и Портою Оттоманскою трактату мирному.

Я хочу вѣрить, что такіе ваши отзывы обѣщаютъ въ самомъ дѣлѣ пограничную тишину и спокойство, но мнѣ видится однако же въ тожъ время, что самая ихъ краткость при обстоятельствахъ, которыя достойны и требуютъ подробныхъ изъясненій въ здѣшнюю сторону, предоставляетъ не только сумнѣніе, но и самую подозрительность въ разсужденіи всего для татарскихъ народовъ понынѣ учиненнаго съ утвержденіемъ торжественнѣйшими обязательствами.

Извѣстно, что всѣ Крымскіе обитатели и Ногайскія орды во время теченія самой войны получили отъ Россійскаго Императорскаго двора пощаду и удостоены союза его и дружбы по собственному ихъ домогательству и съ отреченіемъ отъ подданства Порты Оттоманской, и чтобъ навсегда быть и остаться свободными и въ независимости, кромѣ единаго Бога, отъ всякой посторонней власти, но подъ собственнымъ верховнымъ начальствомъ. Все сіе содержится не только въ данныхъ при первомъ случаѣ отъ Крымскаго правительства и Ногайскихъ ордъ обязательствахъ, но и въ трактатѣ, заключенномъ между Россійскою Имперіею и свободною и независимою областью татарскою, а не меньше наконецъ и въ мирномъ у Россійскаго Императорскаго двора съ Портою Оттоманскою состоявшемся. Но сіе толико

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Грамоты Императрицы и письма министровъ и генераловъ къ хану Крымскому и друг. лицамъ 1774 г.

важное положеніе, жребій татаръ на все будущее время опредѣлившее и снискавшее имъ пристойное уваженіе отъ Россійскаго Императорскаго двора, совсѣмъ въ настоящихъ вашихъ отзывахъ умалчивается, почему теперь отнюдь и неизвѣстно, въ какихъ намѣреніяхъ ваша свѣтлость и вы, начальники настоящаго правительства Крымскаго, находитесь въ разсужденіи свободы и независимости народовъ татарскихъ.

По содержанію и точной силѣ онаго жъ трактата союза и дружбы, заключеннаго между Россійскою Имперіей и свободной областью татарской, равно какъ и состоявшагося потомъ мирнаго съ Портою Оттоманскою, долженствуютъ составлять сію область не одни Крымскіе жители, но столько же народы Ногайскіе; напротивъ того, не сказывается съ стороны вашей, при случаѣ настоящей нынѣ перемѣны главнаго въ Крымѣ правителя отрѣшеніемъ Сагибъ-Гирей-хана и препорученіемъ власти его вашей свѣтлости, орды Ногайскія, какъ члены татарской области, неоспоримое право имѣющія участвовать въ толь важныхъ предпріятіяхъ, подали-ли однако жъ свое на то соглашеніе и было-ль оное отъ нихъ и требовано.

По необходимому слѣдствію упоминая о обязательствахъ, происходящихъ отъ постановленій, учиненныхъ состоявшимся между Россійскимъ Императорскимъ дворомъ и Портою Оттоманскою мирнымъ трактатомъ, надлежало бъ еще и паче не пропустить означеннаго выше сего трактата союза и дружбы, заключеннаго между Россійскою Имперіей и свободною областью татарскою чрезъ предмѣстника вашей свѣтлости Сагибъ-Гирей-хана съ соучаствованіемъ въ томъ и всѣхъ родовъ Крымскихъ и Ногайскихъ чрезъ своихъ повѣренныхъ чиновниковъ, потому что сей трактатъ существеннымъ есть основаніемъ свободы и независимости татарской, а мирный съ Портою Оттоманскою оному только подтвержденіемъ; но сего однако же по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ не учинено. Соглашеніе моего высочайшаго двора съ Портою Оттоманскою, чтобъ простить всѣ во время войны противности и преступленія, той или другой сторонѣ оказанныя, можетъ и Крымскихъ жителей оставить безъ взысканія за поднятое ими оружіе противъ войскъ россійскихъ предъ самымъ заключеніемъ мира; но учиненное самымъ вѣроломнымъ образомъ непосредственное моему двору отъ Крымскаго правительства оскорбленіе въ лицѣ здѣшняго резидента, который въ противность всенародныхъ правъ, во всемъ свѣтѣ почитаемыхъ, претерпѣлъ отъ онаго правительства всякое ругательство и насильство и преданъ въ плѣнъ съ расхищеніемъ его дома и съ убивствомъ почти всѣхъ бывшихъ при немъ людей, понынѣ остается безъ удовлетворенія, и кажется, что и заботы о томъ нѣтъ ни малой.

Впрочемъ умалчиваю я здѣсь о всемъ, что по состояніи мира при разныхъ случаяхъ оказано Крымскими жителями противнаго и обиднаго въ разсужденіи здѣшнихъ подданныхъ, особливо же военныхъ людей, ибо ваша свѣтлость уже увѣдомлены о всѣхъ подробностяхъ такихъ злодѣйствъ отъ г. полковника Ступишина. По сему видите вы, свѣтлѣйшій ханъ, и вы, Крымское правительство составляющіе начальники, что я не могу удовольствоваться краткими и ничего незначущими вашими отзывами, какъ несвойственными съ настоящимъ дѣлъ положеніемъ, но пристойно требую ближайшихъ изъясненій по вышеприведеннымъ примѣчаніямъ, то есть, по какимъ основаніямъ и при какихъ мѣрахъ произошло препорученіе въ Крымскомъ полуостровѣ ханской власти вашей свѣтлости, и въ какихъ намѣреніяхъ вы и съ правительствомъ тамошнимъ остаетесь относительно къ тѣмъ положеніямъ, на которыхъ существо, свобода и независимость, кромѣ единаго Бога, области татарской устроились, и въ чемъ сверхъ того и объ великія Имперіи, какова Россійская и Порта Оттоманская, совершенно и дѣйствительно уже согласились, дабы я, какъ главнокомандующій здѣшняго края, могъ по такимъ вашимъ изъясненіямъ новыя наставленія исходатайствовать отъ высочайшаго моего двора, какимъ образомъ съ вами поступать и обращаться.

Между тѣмъ, желая вашей свѣтлости всякаго благополучія, пребываю къ вамъ и ко всему правительству Крымскому доброжелательнымъ.

2692) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА Г. А. ПОТЕМКИНА КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ[1]).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Ея Императорское Величество приказать мнѣ изволила, чтобъ я сообщилъ в. с-ву высочайшую ея волю объ отправленіи графа Андрея Петровича Шувалова въ Швецію, во взаимство графу Левенгаупту. Я съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью и проч.

Г. Потемкинъ.

10 Іюня 1775 г.
Коломенское.

2693) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [2]).

A Kolomensky, ce 11 Juin 1775.

Monsieur mon frère et cousin. J'ai reçu des mains de m-r le comte de Loewenhaupt, premier écuyer de Votre Majesté et commandeur grand-maître des cérémonies de tous ses ordres, la lettre qu'il a plu à Votre

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 46.
[2]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1.

Majesté de m'écrire, lors de son débarquement en Finlande, et par laquelle elle veut bien me faire part de la proximité où elle se trouve des confins de mon Empire. En félicitant Votre Majesté sur son heureuse arrivée dans cette province, je ne puis que lui témoigner réciproquement mes regrets de ce que mon voyage à Moscou m'ait privé de l'honneur et du plaisir de voir Votre Majesté à St-Pétersbourg et de lui renouveller de bouche les assurances de la haute considération et de l'amitié sincère, avec lesquelles je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine
Catherine.

2694) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 14 Іюня 1775 г.).
Moscou, ce 14 Juin 1775.

Nos commissaires et ceux de la république sont déjà parvenus, M-r, à convenir de la démarcation de la frontière respective depuis la Dwina jusqu'au point, où commence notre fossé. Ils se sont attachés à alligner cette frontière aussi droit que le local a pu le permettre, ce qui est un avantage visible de part et d'autre, mais aussi ce qui n'a pu se faire sans que quelques enclaves du palatinat de Witebsk, qui doit nous appartenir en entier par le traité, soient restées sous la domination de la république, et respectivement, qu'il soit passé de notre côté quelques terrains de peu d'importance du palatinat de Polotzk, qui dans leur valeur réelle ne compensent point ce que nous cédons dans celui de Witebsk. Le général Kretschetnikof vous communiquera une copie de la carte de cet allignement, telle qu'elle a été arrêtée et signée par lui et les commissaires polonais, et vous déduira toutes les raisons qu'il vous importera de savoir pour établir la nécessité comme la justice et l'utilité commune de cette opération. Vous vous en servirez, M-r, tant auprès du Roi et du ministère que de tous autres, qui auront à dire à cette affaire, pour que la conduite des commissaires polonais soit approuvée et la fixation de la frontière définitivement admise et confirmée par la république ainsi qu'elle l'est déjà par Sa Majesté Impériale. Je dois vous observer, que comme il avait été particulièrement enjoint aux commissaires polo-

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

nais de n'entendre à aucun échange sans avoir préalablement reçu sur cela les ordres et les instructions de leur cour, ils évitent de faire mention d'aucun échange dans la carte et les rapports qu'ils envoyent à Varsovie, et conséquemment — qu'il sera besoin que toutes vos insinuations et vos instances soient combinées d'après une telle réserve, en quoi je me référe à la dépêche du général Kretschetnikof, dans laquelle cette lettre sera incluse. Mais j'ai expressèment ordre de Sa Majesté Impériale de vous recommander, M-r, de travailler de tout votre pouvoir à ce que la chose ainsi conclue sorte absolument son effet. J'ai l'honneur d'être etc.

2695) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Moscou, ce 14 Juin 1775.

Vous savez, mon cher baron, combien nous avons d'obligations pour nos affaires au c-te Gourovski. Vous n'avez jamais eu que les témoignages les plus avantageux à rendre à son zèle pour notre service et à son dévouement à nos intérêts. Quoiqu'il lui ait été donné successivement quelque marque de reconnaissance, je désirerais fort, qu'il se trouvât pour lui même mieux qu'il n'est dans sa patrie, et pour nous—plus en passe de nous servir à l'avenir. Il a été déjà question pour lui de la place de vice-chancelier de Lithuanie, mais les circonstances, et peut-être son attachement seul à nous, l'en ont éloigné. A présent que nous nous trouvons dans le meilleur accord avec le Roi de Pologne, je vous prie de faire en sorte que ce poste ne puisse lui manquer à la première vacance, et obtenez lui en l'assurance. Faites pour cela auprès du Roi et de tout autre qu'il appartiendra, telles instances dont il sera besoin, et montrez vous décidé, pour qu'absolument nul autre ne lui soit préféré. Je suis avec autant de considération que d'amitié etc.

2696) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [2]).

Повелѣвъ мы отозвать находящагося при королевскомъ Шведскомъ дворѣ нашего резидента Стахіева, всемилостивѣйше опредѣляемъ на обратное его возвращеніе въ отечество *двѣ тысячи* [3])

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

[2]) М. Г. А. Имени. указы по Публичной экспедиціи, № 361.

[3]) Вписано Императрицею собственноручно.

рублевъ, кои Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ и имѣетъ требовать изъ нашей Статсъ-Конторы для доставленія къ нему въ Стокгольмъ.

Екатерина.

Въ Москвѣ, Іюня 15 дня 1775 г.

КОПІЯ СЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

15 Іюня 1775 г.—съ резолюціями на 6 пунктовъ, на которые кн. Репнинъ испрашивалъ рѣшенія. Напеч. въ Сборникѣ, т. V, стр. 211—214.

2697) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ ПОСЛАННИКУ К. И. САКЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

Moscou, ce 16 Juin 1775.

J'ai vu, M-r, par la copie que votre prédécesseur a fait parvenir ici d'une lettre qui lui a été adressée par m-r le comte Bernstorf, et aussi par les entretiens que j'ai eus ici sur la même matière avec m-r de Numsen, que nos sentiments et ceux de la cour où vous êtes ne se réunissent point encore sur sa côtepart à la taxation des actes de notre échange de Holstein. On se défend toujours du côté du Danemark d'entrer pour une moitié dans les actes de l'érection en duché et de la transportation du suffrage, et l'unique raison sur laquelle parait fondé ce refus, c'est que dans le traité l'obligation sur ces deux actes ne se trouve pas exprimée dans les mêmes termes, que celles sur les actes d'échange et de la cession. A cela il parait aisé de répondre, et peut-être même suffirait-il des raisonnements suivants, que vous verrez sortir tout naturellement du traité même.

Premièrement: toutes les stipulations relatives au consentement à obtenir de l'Empereur et des états de l'Empire sont liées ensemble et ne présentent que des conséquences l'une de l'autre, quoique à la vérité autre soit l'expression sur l'échange, autre sur la cession, autre encore sur l'érection en duché et la transportation du suffrage. La différence n'est que de style, la force est la même dans toutes, l'obligation des deux cours parfaitement égale, et l'obtention effective de tous les actes leur fait commun.

Secondement: il ne faut jamais faire perdre à l'érection en duché et à la transportation de suffrage, sur quoi roule la principale difficulté, le caractère qui leur est propre, qui est d'avoir été originairement dans l'échange un besoin de la réciprocité entre les objets échangés. Dans le

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 13.

*

traité provisoire, article XXX, le Roi de Danemark s'engage à faire tous les efforts seulement imaginables, pour que la dite érection et transportation de suffrage ait lieu dès que la chose serait désirée par Son Altesse Impériale. A cette expression: tous les efforts imaginables quelles autres bornes peut-on naturellement mettre, qu'une opposition invincible de la part des états dont il faut obtenir le consentement, que des circonstances politiques, dont toute la bonne volonté et le désir de remplir ses engagements de la cour de Danemark ne pourraient pas triompher? Mais ne lui ferait-on pas une offense, autant qu'on atténuerait l'expression de ses engagements, que de croire qu'ils ne s'étendraient pas même jusqu'à l'acquit d'une somme modique?

Troisièmement: de cet article XXX du traité provisoire il eût été naturel d'inférer, que la cour de Danemark avait seule à supporter la peine et la dépense de l'érection et de la transportation de suffrage, comme d'un état à donner par elle aux comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst, que sur cela Son Altesse Impériale n'avait qu'à désirer; mais cette présomption se trouve éclaircie à l'avantage du Danemark par l'article XV du traité définitif, où l'article XXX du traité provisoire se trouve rappelé, puisque dans cet article Son Altesse Impériale parle en commun avec le Roi de Danemark et s'oblige également d'employer tous les efforts imaginables pour l'obtention des deux objets désirés. Il a été observé, combien il est peu compatible avec la force de l'expression: tous les efforts imaginables, qu'une somme modique n'y soit pas nécessairement comprise. Présentement donc l'obligation de Son Altesse Impériale, faite dans les mêmes termes que celle du Roi de Danemark, emportera la moitié des peines et de la dépense.

Quatrièmement: on voit que l'obligation a commencé et existe dans toute sa force dès le traité provisoire, conséquemment avant que le prince-évêque ait été connu comme donataire des comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst; or aucune clause dans l'acte de donation ne le substituant à cette obligation-là, il doit s'en croire d'autant plus libre, que dans les titres et avantages à affecter aux comtés dont il est maintenant possesseur, il n'est entré aucun regard personnel pour lui, et que la chose devait être ainsi, soit que Son Altesse Impériale les gardât en sa main, soit qu'il en gratifiât quelque autre prince que l'évêque.

Cinquièmement: si de ce qu'il y a eu variation entre les stipulations du traité provisoire et celles du traité définitif (là le Roi de Danemark étant seul obligé, et ici le Grand Duc l'étant en commun avec lui), si de là, dis-je, on prétendait tirer quelque induction au préjudice du sentiment que nous soutenons, il sera tout naturel de dire, que Son Altesse Impériale pour l'intérêt d'un autre n'a pas dû exiger tout ce qu'il était en droit d'exiger pour lui même, surtout rien n'étant plus sou-

vent répété ni mieux manifesté dans le traité, que son désir d'assurer à la branche cadette de sa maison la protection et la bienveillance de Sa Majesté le Roi de Danemark.

Sixièmement: à cela j'ajouterai seulement, comme une observation que vous même vous ne devez faire, M-r, qu'en passant et avec délicatesse à m-r Bernstorf, c'est que je ne comprends pas, comment dans sa lettre on nous fait une espèce de reproche de n'avoir ni consulté la cour de Danemark, ni pris son consentement sur la cession, au lieu que les articles XXVII du traité provisoire et XII du traité définitif ont exprimé ce consentement et en ont fait une stipulation et un engagement pour le Roi et ses successeurs.

J'ai mis ces raisons en avant, M-r, pour montrer, que nous ne fuyons point la discussion sur l'objet dont il s'agit et que ce n'est ni faveur ni partialité de notre part, qui nous fait considérer le prince-évèque comme devant être exempt de la taxe. Vous vous en servirez auprès du ministère pour procurer le plus tôt qu'il sera possible une résolution favorable de la cour, et pour en assurer d'autant plus le succés vous ne manquerez pas d'y joindre tous les motifs de faveur qui peuvent venir à leur appui, et nommèment, que dans le plan des deux cours et de Son Altesse Impériale de faire le bien-être solide de la branche cadette de la maison de Holstein-Gottorp, plus la bonne volonté du Danemark à y concourir de sa part sera marquée, plus Sa Majesté et Son Altesse Impériales en auront elles mêmes de contentement.

Et personellement je vous prie de dire à m-r de Bernstorf, M-r, qu'après avoir terminé un objet aussi essentiel que l'acte même de l'échange, qui fait la base de l'union permanente de deux puissances considérables, il paraîtra incompréhensible au dehors, que nous balancions à nous entendre sur un point d'exécution de si peu de valeur; que ce n'est ni à l'inclination si manifeste de nos souverains, ni à la connexion si naturelle de nos intérêts, qu'on osera s'attaquer sur un malentendu de cette nature, mais à la confiance et à la condescendance mutuelle des deux ministres l'un pour l'autre, et c'est sur quoi le moindre soupçon m'offenserait, ayant à traiter avec lui. Accessoirement je vous dirai, qu'il m'est revenu des plaintes de la conduite de la cour d'Eutin, qui plus que toute autre chose influent sur cet éloignement de la cour de Danemark à se prêter à une chose, dont l'avantage doit revenir à cette cour. Je me flatte que ces plaintes cesseront bientôt, du moins le ministre de l'Impératrice n'aura point d'occupation plus sérieuse et qui lui soit mieux recommandée d'ici, que d'entretenir le prince-évèque dans les sentiments que les deux cours sont en droit d'attendre de lui. J'ai l'honneur d'être etc.

PS. Ma lettre était écrite, M-r, lorsque j'en ai reçu une du pr. Ga-

litsyne, qui me marque qu'il a obtenu une réduction de 31 mille florins sur nos actes en question et que du consentement de m-r Bachoff il a accordé en bloc tous les frais à 100 mille florins de l'Empire. Voilà donc 50000 florins à payer pour chacune des deux cours. J'ai déjà fait les fonds au pr. Galitsyne, pour ce qui nous regarde. Pressez où vous êtes, M-r, pour qu'on ne soit point en arrière. Ce serait un affront, que les actes restassent, quelque petit que fût l'intervalle, ainsi prêts et expédiés et non levés faute de payement par les parties, et un plus grand encore, que ce fût faute de s'entendre entre deux cours, qui en sont aux termes où en sont les nôtres. Représentez cela fortement, M-r, à m-r le comte de Bernstorf; montrez lui, qu'il serait aussi difficile que minutieux de vouloir faire une répartition des frais, quand l'accord est fait pour le tout à une seule somme; et même je vous prie de lui dire, que je ne puis pas comprendre, comment, ainsi que s'en explique leur ministre à Vienne, ils consentent à payer pour la transportation de suffrage et veulent s'en dispenser pour l'érection en duché. Les deux objets ne font qu'un seul et même acte dans l'expédition, comme ils n'ont fait non plus qu'une seule et même stipulation dans les traités; comment prétendre qu'il y ait obligation pour l'un et point pour l'autre? En vérité j'ignore, quelle couleur donner à une pareille assertion. Finissez, je vous prie, cette affaire; que l'argent, les 50000 florins, et pas moins, soient envoyés, et que quelque envie qu'on ait de marquer du ressentiment pour la cour d'Eutin, on la remette à une autre occasion, où il ne s'agira point ni de la dignité des deux cours, ni des égards dûs à leur union.

2698) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ [1]).

Всемилостивѣйшая Государыня. По высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества имѣю счастіе здѣсь поднесть составленный мною на апробацію манифестъ о Запорожскихъ бывшихъ козакахъ. Я, не знавъ точно, къ какому вѣдомству угодно будетъ Вашему Величеству ихъ приписать, оставилъ тому въ проектѣ манифеста мѣсто порожнее; а здѣсь принимаю смѣлость всеподданнѣйше представить, не соизволите-ли Ваше Императорское Величество для твердѣйшаго успокоенія того края впередъ указать приписывать къ тѣмъ провинціямъ, къ которымъ которое изъ ихъ селеній ближе прилежитъ; симъ

[1]) Гос. Арх., разр. V, № 94.

же образомъ, мнѣ видится, еще доскональнѣе разрушено быть можетъ застарѣлое въ нихъ развратное единомыслiе.

Впрочемъ съ глубочайшимъ подобострастiемъ пребываю Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшiй рабъ

Гр. Н. Панинъ.

Москва, 20 Iюня 1775 г.

2699) РЕСКРИПТЪ ПОСЛАННИКУ А. С. МУСИНЪ-ПУШКИНУ ВЪ ЛОНДОНЪ [1]).

Имѣя попеченiе о лучшемъ основанiи и утвержденiи начинающагося отсюда безпосредственнаго мореплаванiя и торговли изъ Имперiи нашей въ порты Средиземнаго моря, разсудили мы за потребно учредить въ городѣ Гибралтарѣ россiйскаго консула и избрали къ тому за способнаго Великобританскаго уроженца и въ томъ городѣ жительствующаго Лидсъ-Бута, которому изготовлена здѣсь надлежащая инструкцiя и патентъ на консульскiй его характеръ, и все оное купно съ копiями для вашего извѣстiя прилагается при семъ. Вы имѣете о семъ консульскомъ учрежденiи предварительно сообщить тамошнему двору чрезъ министерство и доставить оному консулу означенную инструкцiю и патентъ на консульское его достоинство, стараясь притомъ, чтобъ онъ по тамошнему обыкновенiю отъ Великобританскаго двора въ семъ званiи признанъ, и всѣ тѣ вольности ему дозволены были, какiя и другимъ въ англiйскихъ портахъ находящимся консуламъ дозволяются, въ чемъ мы сколь меньше сумнѣваться можемъ, ибо заведенiе и основанiе безпосредственной коммерцiи между нашею Имперiею и Великобританскими областями служитъ ко взаимной пользѣ обоюдныхъ подданныхъ и, слѣдовательно, къ неменьшей выгодѣ и обоихъ государствъ.

Впрочемъ мы прилежно рекомендуемъ вамъ оному консулу нашему, равно какъ и всѣмъ здѣшнимъ подданнымъ, во всѣхъ случающихся нуждахъ и обстоятельствахъ, показывать ваше вспоможенiе, прилагая возможное стараніе какъ у министерства, такъ и въ прочихъ англiйскихъ департаментахъ, чтобъ имъ всякая справедливостъ и правосудiе оказываны были. И пребываемъ вамъ и проч.

Данъ въ Москвѣ, Iюня 20 дня 1775 года.

По Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.

Гр. Иванъ Остерманъ.

---

[1]) М. Г. А. Англiя, III, св. 29.

2700) ИНСТРУКЦІЯ КОНСУЛУ ВЪ ГИБРАЛТАРѢ ЛИДСЪ-БУТУ [1]).

(Копія съ инструкціи сообщена посланнику въ Лондонѣ А. С. Мусинъ-Пушкину при рескриптѣ отъ 20 Іюня 1775 г. и при промеморіи въ Коммерцъ-Коллегію отъ того же числа).

Инструкція изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ опредѣленному въ г. Гибралтаръ консулу Лидсъ-Буту.

Ея Императорское Величество Самодержица Всероссійская, имѣя всегдашнее попеченіе о лучшемъ основаніи и утвержденіи заводимой безпосредственной изъ портовъ ея торговли въ Средиземное море, высочайше соизволила повелѣть въ городѣ Гибралтарѣ, по желанію и способности вашей, учредить васъ консуломъ и снабдить васъ потребнымъ наставленіемъ ко исправленію той консульской должности. Вслѣдствіе сего высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, прилагается при семъ на россійскомъ языкѣ за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ и за государственною большою печатью патентъ, съ переводами онаго на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, которымъ вы отъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества имени россійскимъ консуломъ въ вышепомянутомъ городѣ Гибралтарѣ и въ другихъ, принадлежащихъ ко оному мѣстахъ, владѣнія Его Величества короля Великобританскаго, назначаетесь, а притомъ въ наставленіе, что до департамента Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и собственной вашей персоны принадлежитъ, объявляется вамъ слѣдующее:

1) По полученіи вами на сей чинъ патента, имѣете вы, будучи уже тамъ на мѣстѣ, пристойнымъ по тамошнему обычаю образомъ аккредитовать себя у тамошнихъ начальниковъ, наблюдая въ церемоніалѣ все то, что въ подобныхъ случаяхъ другихъ націй консулы, при Великобританскихъ портахъ находящіеся, наблюдаютъ, не требуя однако жъ при томъ для себя ничего излишняго. А чтобъ между тѣмъ Лондонскій дворъ предъуготовленъ былъ къ признанію васъ въ качествѣ россійскаго консула и чтобъ всѣ тѣ вольности вамъ дозволены были, какія и другимъ въ англійскихъ портахъ находящимся консуламъ дозволяются, то писано уже въ рескриптѣ Ея Императорскаго Величества къ здѣшнему въ Лондонѣ пребывающему министру, статскому совѣтнику Мусинъ-Пушкину, чтобы онъ о томъ Лондонскому двору чрезъ министерство предварительно сообщилъ, а притомъ прилежно рекомендовано ему, дабы онъ съ своей стороны какъ вамъ, такъ

[1]) М. Г. А. Англія, V, св. 2. См. выше №№ 2674, 2675 и 2699.

и всѣмъ россійскимъ подданнымъ, во всѣхъ случающихся нуждахъ и обстоятельствахъ показывалъ всякое вспоможеніе, какъ то обстоятельнѣе усмотрите вы изъ приложенной при семъ для извѣстія вашего копіи съ помянутаго рескрипта.

2) Когда же вы въ консульскомъ достоинствѣ себя аккредитуете, то какимъ образомъ оное учинится, имѣете въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ обстоятельно донести и вышеупомянутаго въ Лондонѣ находящагося здѣшняго министра увѣдомить, равно какъ и впредь всегда о принадлежащемъ до его свѣдѣнія увѣдомлять, требуя, въ чемъ потребно, его вспоможенія и наставленія и съ своей стороны послѣдуя онымъ.

3) Во время пребыванія вашего въ Гибралтарѣ въ качествѣ россійскаго консула, какимъ образомъ надлежитъ вамъ поступать въ дѣлахъ торговыхъ и купеческихъ, о томъ получите вы особливую инструкцію по принадлежности отъ Коммерцъ-Коллегіи, въ которую и о всѣхъ торговыхъ и купеческихъ обращеніяхъ обстоятельные репорты присылать имѣете. Коллегія же Иностранныхъ Дѣлъ съ своей стороны предписываетъ вамъ въ наставленіе единственно то, что служить можетъ къ лучшему способствованію вышеозначеннаго Ея Императорскаго Величества намѣренія и въ предосторожность, собственно до васъ принадлежащую, а именно; что вы по аккредитованіи себя въ Гибралтарѣ отъ двора Ея Императорскаго Величества консуломъ, и пося потому на себѣ нѣкоторымъ образомъ публичный характеръ, должны стараться вести себя такимъ образомъ, чтобъ поведеніе ваше всемѣрно согласовало съ честію и достоинствомъ высочайшаго Россійскаго Императорскаго двора и пожалованнымъ вамъ консульскимъ чиномъ, а отнюдь бы никогда къ предосужденію россійской націи и къ нарушенію и уничтоженію предпринятаго намѣренія ни малѣйшаго случая подано не было.

4) А какъ съ надежностію уповается здѣсь, что со стороны Великобританскаго двора немалаго уже затрудненія оказано не будетъ въ принятіи и признаніи васъ тамо здѣшнимъ консуломъ, слѣдовательно вы, какъ аккредитованный въ семъ качествѣ отъ двора Ея Императорскаго Величества, имѣете во время пребыванія своего въ Гибралтарѣ пользоваться наравнѣ со всѣми другими консулами покровительствомъ всенародныхъ правъ. Здѣсь же по новости возстановляемой теперь въ Средиземное море торговли и учрежденія васъ консуломъ, необходимо нужно вѣдать, поколику тамъ распространяются и присвояются народныя правы персонально къ консуламъ, къ ихъ домамъ и къ производимому иногда ими собственному торгу, такъ какъ и о всемъ, что касаться можетъ до коммерческихъ дѣлъ, поколику оныя съ статскими сопряженіе имѣть могутъ, то рекомендуется вамъ, о

томъ обстоятельно развѣдывая, отъ времени до времени доносить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

5) А дабы и прочіе здѣшніе при иностранныхъ дворахъ находящіеся министры о учрежденіи васъ въ Гибралтарѣ консуломъ свѣдомы были и въ случающихся нуждахъ имѣли съ вами переписку и по требованіямъ вашимъ показывали возможное удовольствіе, то какова къ онымъ министрамъ циркулярная канцелярская цыдула отправлена, съ оной прилагается при семъ для вашего извѣстія и равномѣрнаго при случаяхъ исполненія копія.

Гр. Н. Панинъ.
Гр. Иванъ Остерманъ.

Въ Москвѣ, 20 Іюня 1775 г.

2701) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Во взаимность учиненной ко двору нашему отъ короля Шведскаго нарочной присылки оберъ-шталмейстера своего графа Левенгаупта съ комплиментомъ, повелѣваемъ отправить съ нашей стороны въ Стокгольмъ нашего тайнаго совѣтника и дѣйствительнаго камергера графа Андрея Шувалова, котораго Министерство имѣетъ снабдить потребнымъ по сему случаю наставленіемъ. А на проѣздъ его въ оба пути опредѣляемъ ему *четыре тысячи* [2]) рублевъ, которые Коллегія имѣетъ по сему нашему указу истребовать изъ Статсъ-Конторы.

Екатерина.

Въ Коломенскомъ, 21 Іюня 1775 г.

2702) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [3]).

Какъ польза дѣлъ нашихъ требуетъ, чтобъ отнынѣ содержана была отъ насъ при Варшавскомъ дворѣ персона, облеченная посольскимъ характеромъ, то всемилостивѣйше чрезъ сіе и повелѣваемъ переименовать находящагося тамъ дѣйствительнаго нашего камергера и полномочнаго министра барона Штакельберга чрезвычайнымъ и полномочнымъ нашимъ посломъ, вслѣдствіе чего и кредитивную грамоту на сіе новое для него качество изготовя, представить къ нашему подписанію. По примѣрамъ же его предмѣстниковъ, высочайше опредѣляемъ ему жалованья по 20,000 рублевъ на годъ, да столовыхъ по 2,000 рублевъ на мѣсяцъ, равно какъ и жалуемъ ему на заведеніе экипажа и

---

[1]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., № 62.
[2]) Вписано Императрицею собственноручно.
[3]) М. Г. А. Имен. указы по Публичной экспедиціи, № 362.

дома, сходственныхъ съ его характеромъ, къ прежде пожалованнымъ ему отъ насъ, при отправленіи его въ прошломъ 1772 году въ Варшаву въ качествѣ полномочнаго министра на дорогу 7,000 рублямъ, 13,000 рублевъ, дабы сіи обѣ дачи составили сумму 20,000 рублевъ, которая обыкновенно на проѣздъ и экипажъ жалуема была отъ насъ всѣмъ отправляющимся въ Варшаву нашимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посламъ. Всѣ сіи деньги Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ и имѣетъ требовать и получать по обыкновеннымъ срокамъ отъ нашей Статсъ-Конторы для доставленія къ нему въ Варшаву.

Въ Москвѣ, Іюня 23 дня 1775 года.

Екатерина.

2703) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГУСТАВУ III, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 21 Іюня 1775 г.).

Moscou, ce 23 Juin 1775.

Monsieur mon frère et cousin. J'ai déjà témoigné à Votre Majesté dans ma réponse à la lettre, que le comte de Loewenhaupt m'a apportée de sa part, avec combien de satisfaction j'ai appris, que Votre Majesté était heureusement arrivée dans ses provinces limitrophes de mon Empire. Aujourd'hui j'envoie exprès vers elle mon conseiller privé et chambellan actuel le comte de Schouvalof, pour la féliciter sur ce voyage et lui dire, combien je désire qu'elle l'ait accompli en parfaite santé et avec tous les agréments qu'elle a pu s'en promettre. Si je remplis par cette mission un usage constamment observé entre nos monarchies, je ne suis pas moins ce que m'inspirent et les sentiments personnels, et les liens de parenté qui m'unissent à Votre Majesté. Ma lettre a pour but l'un et l'autre objet. Le comte de Schouvalof, chargé de vous la remettre, vous exprimera mes justes regrets de ce que mon éloignement de ma résidence m'a privé de la satisfaction d'y voir Votre Majesté; surtout il ne négligera rien pour vous assurer de la haute considération et de la sincère amitié, avec lesquelles je suis,

Monsieur mon frère et cousin,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine
Catherine.

---

[1]) М. Г. А. Швеція, I, св. 1, и III, св. 46.

2704) ЗАПИСКА ДЛЯ БУХАРСКАГО ПОСЛАНЦА ИРНЕЗЕРА (ИРНАЗАРА) МАКСЮТОВА [1]).

Въ грамотѣ, поданной при Россійскомъ Императорскомъ дворѣ посланцемъ Бухарскимъ, предъявляется главнѣйшимъ намѣреніемъ съ стороны хана и области Бухарской въ отправленіи его, посланца, сюда, чтобъ средства сыскать къ лучшему и надежнѣйшему производству взаимной торговли, которая хотя въ самомъ дѣлѣ издавна началась, но часто по разнымъ обстоятельствамъ подвергается затруднительствамъ, а иногда и самую терпитъ остановку. Не можетъ быть неизвѣстно и самому посланцу, что при всемъ употребляемомъ стараніи къ доставленію купцамъ безопасныхъ проѣздовъ къ Оренбургу, который городъ учрежденъ по большей части въ надѣяніи присвоить азіатской торговлѣ больше удобности, нежели въ какой она прежде быть могла, когда съ Астраханью чрезъ море Каспійское производилась, своевольные и продерзкіе Киргизъ-Кайсаки, кочуя по степямъ, за Оренбургомъ простирающимся, не могли однако же понынѣ къ тому доведены быть, чтобъ они навсегда воздержались отъ грабежа каравановъ; напротивъ же того, и дорога въ Астрахань также имѣетъ свои трудности по причинѣ расположенія на супротивномъ берегу моря Каспійскаго Трухменцевъ, которые, будучи таковы жъ дики, какъ и Киргизъ-Кайсаки, причиняютъ опасность здѣшнимъ судамъ во время ихъ стоянія, сверхъ того, по многократнымъ испытаніямъ и отъ бурь пристанищъ надежныхъ тамъ не сыскано, ниже воды довольной; и такъ азіатскіе купцы и принуждены часто бываютъ весьма долго дожидаться, пока переѣхать могутъ съ онаго берега въ Астрахань на судахъ, по другимъ случаямъ и на короткое время въ тамошней сторонѣ являющихся, вмѣсто того, что при вящей удобности можно было бъ и нарочныя тамъ для нихъ содержать во времена уреченныя. Но всѣ сіи обстоятельства представляются здѣсь таковыми единственно по здѣшнимъ свѣдѣніямъ, а можетъ быть посланцу Бухарскому, какъ собственно въ сей торговлѣ участіе имѣвшему и достаточно знающему всѣ тамошнія и мѣстоположенія, и образъ жизни народовъ тамошнихъ, и нужныя въ томъ поправленія содѣйствіемъ и пособіемъ съ стороны Бухарской области и ея владѣтеля, однако жъ возможными видятся, почему и будетъ отъ него ожидаемо подробныхъ въ семъ полезномъ дѣлѣ изъясненій, а для того и надобно будетъ ему министерству Ея Императорскаго Величества письменно представить:

1. Въ какомъ состояніи нынѣ Бухарская область находится, то есть коль велика и пространна ея собственность, коликое число городовъ, жителей и войска, какое въ ней правительство, самовластное-ли въ одномъ лицѣ или же какими-либо законами ограниченное, и владѣтели тамошніе правомъ-ли наслѣдства вступаютъ въ правленіе или же производятся избраніемъ, и не состоятъ-ли въ протекціи и нѣкоторой зависимости отъ какой ни есть державы посторонней?

2. Какіе и въ прочемъ сосѣдствѣ Бухаріи народы и въ какомъ сія область съ ними соотвѣтствіи?

3. Въ чемъ состоятъ ея товары, съ показаніемъ собственнаго своего произращенія и рукодѣлія и получаемыхъ и отъ другихъ народовъ, и какіе изъ здѣшнихъ товаровъ для Бухарцевъ надобны?

---

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ.

4. Коль велико разстояніе отъ Бухары до Оренбурга и до Каспійскаго моря, напримѣръ, до мыса, называемаго Мангишлатскимъ, отъ котораго по большей части азіатскіе купцы въ Астрахань переѣзжаютъ?

5. Буде въ разсужденіи учиненныхъ только отъ Трухменцевъ препятствій не найдено понынѣ на ихъ берегу хорошей и достаточной воды, не могутъ-ли они посредствомъ Бухарскаго владѣтеля склониться на показаніе таимыхъ ими иногда по напраснымъ сомнительствамъ источниковъ, и еще и къ тому доведены быть, чтобъ и суда здѣшнія во всякомъ отъ бурь безопасномъ мѣстѣ равномѣрную и отъ нихъ безопасность имѣли, и такимъ образомъ азіатскіе купцы, сидя на берегу пустомъ, не оставались въ долгомъ ожиданіи?

6. Киргизъ-Кайсаки, будучи со здѣшней стороны руководствуемы къ лучшему благоустройству, сколько краткость времени со вступленія ихъ въ здѣшнее подданство, а потому и дикое еще ихъ состояніе и малая власть собственныхъ ихъ начальниковъ дозволяетъ, могутъ равнымъ образомъ и съ Бухарской стороны къ тому особливо, чтобъ безопасность между ними установилась въ разсужденіи каравановъ, приводимы быть возможными для Бухарской области средствами по здѣшнему соглашенію, и для того, буде есть какія, имѣетъ посланецъ объ нихъ объявить для разсмотрѣнія.

7. Но ежели не находится ни малѣйшихъ ни въ разсужденіи Киргизъ-Кайсакъ, ниже въ разсужденіи Трухменцевъ, по силѣ предваряющаго 5-го пункта, относительно содержанія здѣшнихъ судовъ при ихъ берегахъ, въ такомъ случаѣ пускай посланецъ Бухарскій скажетъ еще свое мнѣніе, коль безопасно и впрочемъ удобно быть можетъ азіатскимъ купцамъ, держась ближе къ морю, слѣдовательно оставляя въ сторонѣ Киргизъ-Кайсакъ, а касаясь только Трухменцевъ, кои съ ними больше знакомы, проѣзжать на рѣку Эмбу, выше Мангишлатскаго мыса въ Каспійское море впадающую, и которая посему и почитается отчасти не неудобною къ учрежденію порядочнаго торговаго мѣста, когда только разстояніе отъ Бухаріи, о которомъ онъ также съ точностью покажетъ, въ томъ для Бухарской стороны трудности не сдѣлаетъ.

Вотъ все, о чемъ желается знать съ подлинностію отъ него, Бухарскаго посланца, а онъ безъ сомнѣнія такъ, какъ снабженный отъ владѣтеля своею полною довѣренностію и собственнымъ искусствомъ знающій, коль полезно для Бухаріи и для другихъ ей подобныхъ азіатскихъ областей свободное производство торговли при здѣшнихъ границахъ, и не оставитъ изъясниться, какъ наискорѣе, со всею искренностію и по крайнему своему разумѣнію по всѣмъ вышеозначеннымъ вопросамъ въ соотвѣтствіе оказываемаго отъ министерства Ея Императорскаго Величества къ нему надѣянія, и чтобъ для отечества своего и дѣйствительно воспользоваться обращеннымъ нынѣ на предметъ его сюда присылки толь великимъ вниманіемъ.

Въ Москвѣ, 25 Іюня 1775 г.

2705) ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ПО ПОВОДУ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ БУХАРСКАГО ПОСЛАНЦА ИРНЕЗЕРА (ИРНАЗАРА) МАКСЮТОВА [1]).

(Послѣ 25 Іюня 1775 г.).

Всенижайше подносятся присемъ, для высочайшаго Вашего Императорскаго Величества усмотрѣнія, два представленія находящагося здѣсь Бухарскаго посланца Ирнезера

[1]) М. Г. А. Имени. указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 258.

Максютова, изъ которыхъ первымъ домогается онъ по повелѣнію своего хана о возвращеніи съ Киргизъ-Кайсакъ разграбленныхъ ими по его объявленію за 12 лѣтъ Бухарскихъ каравановъ и о удовлетвореніи побитыхъ въ бывшее въ Оренбургской сторонѣ неустройство Бухарскихъ купцовъ наслѣдникамъ, за расхищенные притомъ товары въ знатномъ количествѣ, равно какъ и тѣмъ изъ Бухарцевъ, кои, въ случившееся отъ мятежнической толпы городу Оренбургу обложеніе, были въ ономъ, а, наконецъ, и о уменьшеніи съ Бухарцевъ пошлины; другимъ же, отвѣтствуя на учиненные ему вопросы о настоящемъ Бухарской области и тамошняго правительства состояніи и о способахъ, служащихъ къ безопасности въ проѣздахъ азіатскимъ купцамъ къ здѣшнимъ границамъ, сей для коммерціи важный предметъ почитаетъ единственно зависимымъ отъ приведенія Киргизъ-Кайсакъ въ лучшее повиновеніе, нежели въ какомъ они нынѣ находятся.

Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ пріемлетъ смѣлость Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить свое мнѣніе по всѣмъ симъ, учиненнымъ отъ посланца отзывамъ, руководствуясь въ томъ самымъ дѣлъ до сего касающихся производствомъ и пріобрѣтенными опытами.

Итакъ, что принадлежитъ до требованія его о возвращеніи съ Киргизъ-Кайсакъ расхищенныхъ ими каравановъ, которымъ грабежъ случился въ 1764-мъ году, то по краткомъ послѣ того времени онъ, посланецъ, будучи въ Санктъ-Петербургѣ въ купеческомъ званіи для собственнаго своего торговаго промысла, поданною Вашему Императорскому Величеству челобитною не только о управѣ на Киргизъ-Кайсакъ просилъ, но при томъ не оставилъ сдѣлать нареканія и на генерала-поручика Лачинова, который тогда въ Оренбургѣ управлялъ должностію губернаторскою, приписывая ему послабленіе и понаровку въ разсужденіи Киргизъ-Кайсакъ. Но такое его обвиненіе, по послѣдующимъ точнымъ освѣдомленіямъ, оказалось совсѣмъ неосновательное, ибо онъ отъ генерала-поручика Лачинова тотчасъ послѣ случившагося грабежа требовалъ, чтобъ многіе изъ бывшихъ тогда на торгу въ Оренбургѣ Киргизъ-Кайсакъ задержаны были, а генералъ-поручикъ Лачиновъ долженъ былъ напротивъ того обождать прежде возвращенія назадъ посланнаго между тѣмъ изъ Оренбурга въ семъ самомъ дѣлѣ къ хану Киргизъ-Кайсацкому нарочнаго переводчика, который бы инако въ ордѣ Киргизъ-Кайсацкой въ отмщеніе за то пропасть могъ; онъ же, Ирназаръ, еще требовалъ, чтобъ Киргизъ-Кайсакамъ запрещено было въ Оренбургѣ и всякіе бывшіе въ то время въ ихъ рукахъ Бухарскіе и другіе азіатскіе товары продавать, какъ будто бы они имѣть оныхъ не могли, кромѣ что изъ разграбленныхъ каравановъ, несмотря на то, что Киргизъ-Кайсаки, гоняя на мѣну ежегодно въ Хиву и Бухарію множество скота своего, и въ дозволенныхъ уже способахъ по такому купеческому своему обращенію не оскудѣваютъ къ полученію тамошнихъ товаровъ, почему генералъ-поручикъ Лачиновъ и возымѣлъ справедливое сомнѣніе поступить собою на его Ирназарово требованіе, опасаясь, чтобъ тѣмъ не сдѣлать помѣшательства или самой остановки въ происходившей тогда въ Оренбургѣ годовой ярмаркѣ.

Потомъ же, хотя и отправлены были грамоты отъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества имени къ Нурали-хану Киргизъ-Кайсацкому и къ братьямъ его Эрали и Айчувакъ-солтанамъ, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ о удовольствованіи Бухарцевъ, грабежъ претерпѣвшихъ, сверхъ того, губернаторомъ Оренбургскимъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Путятинымъ по показанію оныхъ Бухарцевъ и нѣкоторые изъ Кир-

гизъ-Кайсакъ, какъ въ Оренбургѣ, такъ и въ Троицкой крѣпости, и задержаны были, а затѣмъ и непрестанныя еще по здѣшнему предписанію чинилъ онъ домогательства у начальниковъ Киргизъ-Кайсацкихъ, коль скоро по какому-либо приличію вновь пристать къ нимъ получалъ случай, но со всѣмъ тѣмъ, ежели Киргизъ-Кайсаки ни къ чему принуждены быть не могли воспріятыми съ стороны Бухарскаго общества непосредственными мѣрами, поелику нѣкоторые изъ нихъ тогда жъ и въ Бухаріи задержаны были, то слѣдствіемъ всего здѣшняго старанія и подвига, при многократныхъ обѣщаніяхъ хана Киргизъ-Кайсацкаго и братьевъ его, не больше было, какъ только одно учиненное, и то отчасти, воздаяніе здѣшнимъ подданнымъ армянамъ и татарамъ, въ расхищенныхъ караванахъ участіе имѣвшимъ, и нѣкоторымъ изъ Бухарцевъ, а прочіе принуждены были возвратиться въ свое отечество, предоставя уже тамъ съ Киргизъ-Кайсаками совершенно раздѣлаться; а губернаторъ и разсудилъ уже за нужно задержанныхъ въ здѣшней сторонѣ Киргизъ-Кайсакъ почти по прошествіи года, отпустить, будучи къ тому убѣжденъ сугубымъ уваженіемъ, что однородцы ихъ начинали приходить оттого въ колебленность и опасались имѣть пріѣздъ въ Оренбургъ для торгу.

По прошествіи толикихъ лѣтъ, послѣ поданной Вашему Императорскому Величеству челобитной тогдашнимъ Бухарскимъ купцомъ, а нынѣшнимъ посланцемъ, Бухарцы, хотя ежегодно въ Оренбургъ пріѣзжали, никогда по нынѣшнее время, сколько изъ дѣлъ прошедшихъ по Оренбургской губерніи видно, больше прошенія и настоятельства не возобновляли о взысканіи здѣшнимъ пособіемъ съ Киргизъ-Кайсакъ тѣхъ разграбленныхъ каравановъ, а начальникамъ Оренбургскимъ и толь еще меньше было уже нужды заботиться о томъ, чѣмъ напротивъ того вящія изъ году въ годъ начали открываться затруднительства и собственно въ здѣшнихъ дѣлахъ съ Киргизъ-Кайсаками, по причинѣ производимыхъ ими исковъ въ отгонѣ Калмыками невѣроятнаго числа лошадей, ибо Киргизъ-Кайсаки утвердились между тѣмъ и въ привычкѣ къ рѣкѣ Уралу приближаться, и не оставаясь на степной сторонѣ, переходить стали и на внутреннюю, въ сосѣдство къ Калмыкамъ, начавъ тогда же частыя приносить жалобы также и на Башкирцевъ въ разныхъ обидахъ, и за все то мстить всякими при здѣшнихъ линіяхъ злодѣйствами, почему губернаторы Оренбургскіе и долженствовали главнѣйшее свое вниманіе обращеннымъ имѣть на обезпечиваніе границъ и выручение попадающихся въ плѣнъ къ Киргизъ-Кайсакамъ здѣшнихъ людей, поставя за правило поведенія своего съ симъ необузданнымъ людствомъ часто другія, меньше нужныя и меньше важныя, требованія откладывать или и совсѣмъ оставлять, для лучшаго пріобрѣтенія успѣховъ въ тѣхъ, кои толико необходимы для пользы и безопасности всего тамошняго края.

Кажется, и самъ посланецъ Бухарскій, вѣдая довольно о состояніи Киргизъ-Кайсацкаго народа и маломъ онаго къ своимъ начальникамъ послушаніи, и что оный же только именемъ, а не сущимъ дѣломъ, и здѣшній подданный, не можетъ быть не удостовѣреннымъ о невозможности въ принужденіи ихъ нынѣ съ здѣшней стороны къ заплатѣ давно разграбленныхъ ими каравановъ, и о которыхъ чаятельно уже они и позабыли, но онъ въ семъ случаѣ, хотя и можетъ имѣть оправданіе отъ содержанія грамоты хана своего, здѣсь имъ поданной, вслѣдствіе которой такое представленіе учинилъ, домогаясь по силѣ другой ханской же грамоты и о удовлетворенін за разграбленные Бухарскіе товары мятежниками, но къ тому не удержавшись и отъ себя при-

бавить, чтобъ равнымъ образомъ воздано было и за издержки, претерпѣнныя тѣми изъ Бухарцевъ, кои въ Оренбургѣ случились во время бывшаго обложенія, и чтобъ еще съ Бухарскихъ купцовъ и пошлина была убавлена, видится быть съ умыслу умножившимъ требованія, чтобъ по крайней мѣрѣ предуспѣть въ нѣкоторыхъ.

А какъ всѣ оныя такого свойства, что въ исполненіи своемъ дѣйствительномъ не только затруднительны, но и совсѣмъ неудобны, будучи не обязано никакое въ свѣтѣ правительство за несчастливыя приключенія частнымъ людямъ встрѣчающіяся во время повсемѣстнаго въ цѣломъ краю замѣшательства отвѣтствовать, равно какъ за кораблекрушеніе съ грузомъ купеческимъ отъ бурь внезапныхъ, а и Бухарцы, въ Оренбургѣ сидѣвшіе, ничего больше не сдѣлали, какъ что имъ надлежало предпріять для спасенія собственной своей жизни, умноженіе же и убавленіе пошлинъ есть дѣло зависимое отъ соображенія всѣхъ торговли источниковъ и пользы оной въ томъ и другомъ положеніи, а не отъ одного или двухъ мѣстъ, въ какомъ только состояніи и находится еще производимая понынѣ съ Бухарцами, которые потому изъ общихъ правилъ изъятія никакъ и не заслуживаютъ: то по симъ всѣмъ основаніемъ и не будетъ-ли Вашему Императорскому Величеству высочайше угодно повелѣть въ отвѣтъ хану Бухарскому на его грамоты пристойнымъ образомъ дать знать, также и посланцу его при отпускѣ объявить, о тѣхъ препятствіяхъ, кои, при всемъ Вашего Императорскаго Величества монаршемъ къ обществу Бухарскому и къ владѣтелю его благоволеніи, изъ самаго однако жъ существа и обстоятельствъ ихъ требованій происходятъ и дѣлаютъ ихъ невозможными?

Приступая Коллегія къ разсмотрѣнію другого представленія посланца, касающагося до присвоенія лучшихъ удобностей торговлѣ, производимой въ Оренбургѣ Бухарскими и другихъ въ великой Татаріи лежащихъ областей купцами, должна напередъ всего опредѣлить, сколько имѣютъ вѣроятности вмѣщенныя въ сіе его представленіе обвиненія всѣхъ бывшихъ въ Оренбургѣ губернаторовъ послѣ д. т. с. Неплюева и товарища его генерала-маіора Тевкелева, въ маломъ раченіи къ отнятію поводовъ, раздражающихъ Киргизъ-Кайсакъ и дѣлающихъ имъ какъ бы принужденіе препятствовать проѣзду каравановъ и по здѣшнимъ линіямъ предпринимать разныя злодѣйства, а хана Киргизъ-Кайсацкаго—въ пособствованіи и съ его стороны къ содержанію сихъ варваровъ въ непрестанномъ развратѣ.

Отдавая справедливость покойному д. т. с. Неплюеву и товарищу его генералу-маіору Тевкелеву въ искусствѣ ихъ по дѣламъ Киргизъ-Кайсацкимъ, надобно съ посланцемъ согласиться, что въ ихъ время меньше было колебленности въ народѣ Киргизъ-Касайцкомъ, или по крайней мѣрѣ они рѣже при здѣшнихъ линіяхъ производили злодѣйства, нежели потомъ. Но позвольте, всемилостивѣйшая Государыня, примѣтить, что сіе сколько могло зависѣть отъ ихъ, Неплюева и Тевкелева, расторопности и долговременнаго испытанія, а послѣдній, то есть генералъ-маіоръ Тевкелевъ, сверхъ того и по однозаконію съ ними, какъ и самъ въ магометанскомъ законѣ былъ, преимущественное отъ нихъ имѣлъ къ себѣ надѣяніе и довѣренность, но содержаніе по всѣмъ Оренбургскаго вѣдомства линіямъ безопасности и порядка въ ихъ тамо бытность столько же, или еще и больше однако же причитаться можетъ и тому распоряженію, что изъ нихъ д. т. с. Неплюевъ имѣлъ въ точномъ своемъ вѣдомствѣ и начальствѣ особенный корпусъ изъ ландмилицкихъ полковъ, сверхъ того и всѣхъ казаковъ Оренбургской губерніи, въ томъ числѣ и Уральскихъ, слѣдовательно, не описываясь ни съ кѣмъ,

но данною собственно ему властію, разные наряды и движенія ко внушенію въ Киргизъ-Кайсакъ почтенія и страха, а иногда и для дѣйствительныхъ поисковъ производить могъ, вмѣсто того, что послѣдующіе по немъ губернаторы во всякой необыкновенной нуждѣ, до войскъ относительной, заимствуются пособіями, опредѣляемыми по ихъ требованіямъ отъ военныхъ ближнихъ начальниковъ, а чтобъ всѣ они были, какъ посланецъ Бухарскій увѣрить старается, незнающими въ дѣлахъ и не старались по линіямъ наблюдать порядка, сія есть такая укоризна, которая ни малѣйшаго правдоподобія имѣть не можетъ; выпрашивающіеся у форпостныхъ командировъ Башкирцы за линіи для звѣриной ловли, укравши лошадей у Киргизъ-Кайсакъ, никогда не осмѣлятся, какъ посланецъ увѣрить хочетъ, пригонять ихъ въ Оренбургъ и предъявлять губернатору, а ежели получаемыя иногда отъ Киргизъ-Кайсакъ чрезъ Башкирцевъ лошади и другой скотъ въ здѣшніе иски замѣняются, то, конечно, такія, кои, будучи отобраны отъ Башкирцевъ, обличающихся въ подбѣгахъ подъ Киргизъ-Кайсацкіе улусы, въ удовлетвореніе здѣшнихъ людей, отъ Киргизъ-Кайсакъ обиженныхъ грабежемъ и разбоемъ, отдаются по потерянной уже надеждѣ, чтобъ Киргизъ-Кайсаки обидчики могли когда-либо приведены быть къ воздаянію причиненнаго ими вреда; къ чему еще въ дополненіе донесть остается, что такія распоряженія въ разсужденіи исковъ не во всякое время и употребляются, но только когда Киргизъ-Кайсаки спокойны, инако же и все имъ принадлежащее и отыскиваемое не только возвращается назадъ, но тѣмъ сколько возможно и ускоряется для утушенія ихъ противныхъ замысловъ, буде нѣкоторые къ тому признаки появятся; по крайней мѣрѣ, все сіе въ доношеніяхъ Оренбургскихъ значится, да трудно бы, кажется, было всегда иное писать и иное дѣлать, особливо же въ отправленіяхъ главнѣйшей заботы по тамошнему краю, слѣдовательно и можно съ довольнымъ удостовѣреніемъ полагать, что если когда прямыя причины получають Киргизъ-Кайсаки жаловаться на Башкирцевъ, а удовольствія въ томъ не имѣютъ съ стороны губернаторской, и оттого развращаются и сами на мщеніе поступаютъ, то тутъ не стараніе губернаторское оскудѣваетъ, но способы удержать по обширности линій прокрадывающихся Башкирцевъ и потомъ сыскать виноватыхъ и отпоръ дать повсюду злодѣйствующимъ Киргизъ-Кайсакамъ, коихъ обыкновенно первая удача къ вящимъ продерзостямъ поощряетъ.

Описаніе, какое учинилъ посланецъ Бухарскій и Нурали-хану Киргизъ-Кайсацкому, также не совсѣмъ отъ клеветы свободно. Онъ представляетъ, что ханъ прежде давалъ въ Оренбургъ въ аманаты дѣтей своихъ, но потомъ пересталъ, и что онъ, утаивая Вашего Императорскаго Величества милости отъ главныхъ старшинъ, навлекъ на себя отъ нихъ вражду и ненависть и тѣмъ возбудилъ ихъ на грабительство каравановъ. Въ самомъ дѣлѣ нынѣ больше въ Оренбургѣ отъ хана не находится аманата, но сіе случилось по нѣкоторой необходимости; предъ тѣмъ двое изъ его дѣтей, будучи въ Оренбургѣ, умерли оспою, почему, возымѣвъ онъ опасность, чтобъ и съ послѣдующими того же не случилось, началъ въ дачѣ аманата затрудняться и для того требовалъ, чтобъ напередъ Киргизъ-Кайсаки удовольствованы были въ ихъ искахъ на Калмыкахъ и Башкирцахъ, и хотя всѣхъ лошадей, которыя по строжайшимъ изслѣдованіямъ найтись могли, они, Киргизъ-Кайсаки, тогда жъ получили, но иски свои безмѣрные однако же продолжали почитать не оконченными, и хану оставалась отговорка; онъ же и въ такое время, когда въ Оренбургѣ аманата своего имѣлъ, по безсилію въ народѣ и по несообразимости Киргизъ-Кайсакъ, унимать ихъ не могъ отъ злодѣйства, а для сего и

введенное обыкновеніе въ началѣ принятія въ здѣшнее подданство сего народа, чтобъ содержать аманата въ знакъ ихъ принадлежности, привыкнувъ въ продолженіе времени и всѣ вообще они, Киргизъ-Кайсаки, даже до излишества здѣшнихъ границъ держаться, не весьма нужнымъ показалось, то и отдано было на волю его, хана, прислать вновь въ Оренбургъ аманата или и безъ того остаться, съ такимъ ему внушеніемъ, что въ томъ только его собственная честь, а не здѣшняя обращается надобность; но онъ, уклонясь отъ того, пребылъ однако же таковымъ же, каковъ былъ, то есть въ народѣ своемъ безсиленъ, старается всегда Киргизъ-Кайсакъ оправдать или извинять, обѣщаетъ много въ показаніе своего могущества, но весьма мало, какъ и прежде, исполняетъ по непослушанію народа, отъ здѣшнихъ границъ не удаляется, а иногда сообщаетъ и заблаговременно о пріемлемыхъ Киргизъ-Кайсаками злыхъ умыслахъ. Другое Бухарскаго посланца обвиненіе еще меньше основательно: ханъ, по его объявленію, чинимыя ему награжденія отъ старшинъ своихъ утанваетъ; но онъ принужденъ такимъ образомъ поступать, получая въ годъ жалованья Вашего Императорскаго Величества только по 600 рублей, и рублей на 100, или отчасти больше, выпрашивая, и то не ежегодно, разныхъ вещей отъ Оренбургскихъ губернаторовъ, что все и можетъ только пользовать его съ собственною многочисленною семьею, а для раздачи и закупки Киргизъ-Кайсакъ отнюдь недостаточно, которые толь алчны и толь корыстолюбивы, что буде бы онъ щедрымъ хотѣлъ быть, изъ сего своего малаго пріобрѣтенія долженъ бы былъ и для себя уже ничего не оставлять. Все сіе не могло укрыться отъ свѣдѣнія и Бухарскаго посланца, но онъ, будучи повидимому на хана сердитъ, старается его представить недоброжелательнымъ; причина же тому кажется сія, что ханъ, неоднократно соглашавшись съ губернаторами Оренбургскими о перенятіи на себя безопаснаго каравановъ препровожденія, требовалъ, чтобъ заблаговременно даваемо было ему знать, для учиненія нужныхъ распоряженій, и о чемъ случающимся въ Оренбургѣ въ пріѣздѣ Бухарскимъ и Хивинскимъ купцамъ возвѣщалось неоднократно, но они и послѣ того, обходя хана и братьевъ его, которымъ надобно было дорого платить за препровожденіе, предъизбираютъ имѣть себѣ проводниковъ, по большей части изъ Киргизъ-Кайсакъ подлаго состоянія, и прежде съ ними на пути другихъ встрѣчающихся; а ханъ и братья его, лишаясь въ семъ случаѣ прибытковъ, ежели иногда Киргизъ-Кайсакъ изъ мщенія не возбуждаютъ на разбой, то по крайней мѣрѣ имъ въ томъ попускаютъ и совсѣмъ уже не заботятся о вырученіи расхищеннаго.

Коллегія, воображая такимъ образомъ малую пользу отъ бывшаго въ Оренбургѣ содержанія ханскихъ дѣтей въ аманатахъ, не безъ основанія сомнѣніе имѣетъ, чтобъ признаваемый Бухарскимъ посланцемъ единственный способъ достаточнымъ къ проложенію безопасной купеческимъ караванамъ дороги, и состоящій въ залученіи отъ хана и восьми главныхъ старшинъ, изъ коихъ пятеро кочуютъ по дорогѣ къ Оренбургу, а трое къ Гурьеву городку, дѣтей ихъ въ аманаты, дѣйствительно соотвѣтствовалъ намѣренію, будучи и въ первомъ своемъ исполненіи подверженъ трудностямъ, ибо испытано было уже и напредъ сего многократно, что ханъ Киргизъ-Кайсацкій, какъ настоящій, такъ и отецъ его, давая дѣтей своихъ въ аманаты, и должны бывъ и старшинскихъ дѣтей при нихъ присылать по точнымъ обязательствамъ, почти никогда однако жъ настоящихъ старшинъ къ тому убѣдить не могли, а присылали подъ именемъ тѣмъ ребятъ такихъ бѣдныхъ отцовъ, кои въ услугахъ ихъ находились и въ народѣ никакой силы не имѣли; а чтобъ для успѣха и подкрѣпленія сего вновь нынѣ начи-

наемаго требованія, пока ханъ и старшины на оное не согласятся, Киргизъ-Кайсакамъ, которыхъ Бухарскій посланецъ называетъ безчисленными, какъ и въ самомъ дѣлѣ ихъ великое множество, объемля они своимъ расположеніемъ всѣ здѣшнія границы отъ Каспійскаго моря даже до Китайскаго владѣнія, никакого снисхожденія не показывать, несмотря на то, что они для содержанія скота своего, умножившагося въ безконечность, имѣютъ нужду не отлучаться отъ здѣшнихъ границъ, то если малыя неудовольствія, часто и неосновательныя, въ сихъ варварахъ причиняютъ ропотъ, огорченіе и поощряютъ ихъ на злодѣйства, кольми паче въ дѣлѣ, до всего ихъ общества касающемся, то есть въ случаѣ приведенія ихъ въ заботу о скотѣ и въ опасность оный потерять, изъ самой уже ихъ отчаянности ожидать будетъ надобно крайнихъ стремительствъ на противности при всѣхъ здѣшнихъ границахъ и вредной перемѣны настоящей ихъ несообразимости въ единомысліе, по убѣжденіямъ, до всѣхъ вообще и до каждаго изъ нихъ особенно распространяющимся, въ разсужденіи ихъ состоянія и образа жизни, и коль бы напротивъ того возрасли въ важность и въ великость нужныя мѣры осторожности и дѣйствительныхъ противъ ихъ подвиговъ по обширнымъ мѣстамъ ихъ сосѣдства.

Можно съ нѣкоторою вѣроятностію помыслить, что и сей проектъ Бухарскаго посланца, не сходственный съ его свѣдѣніемъ, не столько въ видѣ истинной взаимной пользы имъ предлагается, сколько иногда для того, чтобъ найти въ томъ собственный свой счетъ, прослывъ съ удостовѣреніемъ въ отечествѣ своемъ и въ Киргизъ-Кайсацкомъ народѣ человѣкомъ великой поступи и кредита при высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества дворѣ; а къ такимъ замысламъ онъ по кичливости своей и по свойственному ему пронырству, по прежнему его купеческому состоянію, не неспособнымъ видится.

Но сдѣланное имъ словесное къ тому дополненіе, чтобъ дозволено было, когда здѣсь стараніе воспримется о полученіи отъ Киргизъ-Кайсакъ по его мыслямъ аманатовъ, и въ Бухарскую сторону взять отъ нихъ человѣкъ до 5-ти въ такой же залогъ, нѣкоторую и пользу чаятельно однако жъ имѣть можетъ, потому что какъ содержанныя въ Оренбургѣ ханскія дѣти ему въ обязательство не служили, а хотя бъ предуспѣто было и нынѣ сверхъ ханскаго аманата получить и отъ старшинъ, едвали тѣмъ проѣзду купцовъ пособлено быть можетъ, будучи Киргизъ-Кайсакамъ извѣстно, что за преступленія отцовъ дѣти здѣсь не терпятъ и надъ ними мести не дѣлается, такъ напротивъ того тѣ, кои уже въ Бухаріи находиться будутъ, всякій разъ увидятъ себя въ опасности и самой, можетъ быть, жизни, если отцами ихъ окажется Бухарцамъ какое-либо неудовольствіе. При всемъ томъ, если бы заблагоразсудилось требовать отъ хана и отъ старшинъ и въ здѣшнюю сторону аманатовъ, на удачу только могущей быть изъ того иногда пользы, пристойнѣе быть къ тому видятся мѣры не съ поспѣшностью и съ точнымъ объявленіемъ Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, какъ посланецъ Бухарскій разсуждаетъ, происходя изъ затруднительства и отказа хана и старшинъ огласка, къ явному всѣхъ ихъ непослушанію пріучающая, или же нужда противъ воли ихъ къ тому убѣждать, но довольно будетъ поручить Оренбургскому губернатору, чтобъ онъ, сыскавъ приличный предлогъ, послалъ къ хану нарочнаго и какъ бы отъ себя старался его склонить, чтобъ онъ желаемый здѣсь поступокъ учинилъ, а потомъ такимъ же образомъ принялся и за старшинъ, начиная съ кочующихъ по дорогѣ къ Гурьеву городу, которую посланецъ признаваетъ для Бухарцевъ способнѣйшею; при чемъ губернаторъ для склоненія ихъ къ тому не только все, что онъ примыслить можетъ по

*

состоянію тамошнихъ дѣлъ, къ ихъ убѣжденію предпишетъ въ наставленіе употребляемымъ къ сему людямъ, но, буде по усмотрѣнію его надобно, имѣетъ и подарками небольшими упрямство ихъ стараться преодолѣвать; а что изъ сего перваго испытанія произойдетъ, и будетъ служить къ откровенію еще ближайшихъ способовъ, коль тщательно и какъ можетъ въ семъ искательствѣ еще поступлено быть, или же по встрѣчающимся затруднительствамъ и совсѣмъ оное оставлено, какъ и дѣйствительнымъ своимъ исполненіемъ ничего подлиннаго не обѣщающее.

Еще и въ томъ состоитъ домогательство Бухарскаго посланца, чтобы Нурали-хана Киргизъ-Кайсацкаго сыну, по имени Пирали-султану, который надъ Трухменцами, живущими при Каспійскомъ морѣ у Мангишлатскаго мыса, учинился ханомъ, воспрещено было повелѣніемъ же Вашего Императорскаго Величества, къ отцу его посылаемымъ, собирать пошлину съ Бухарскихъ купцовъ, отъ сего мыса въ Астрахань отправляющихся, отяготивъ уже онъ и дѣйствительно бывшихъ нынѣ тамъ взысканіемъ съ каждаго вьюка по 7 рублей. Но мнится напротивъ того, что едвали и въ семъ случаѣ за Бухарцевъ съ нѣкоторою точностью вступиться можно. Трухменцы—народъ, къ державѣ Вашего Императорскаго Величества не принадлежащій; иногда многіе изъ Киргизъ-Кайсацкихъ солтановъ берутся и въ Хиву на ханство, въ которомъ званіи, сколько извѣстно, нѣкоторые уже были и изъ дѣтей хана Киргизъ-Кайсацкаго; пока же они тамъ остаются до своего изгнанія, ибо Хивинцы недолго терпятъ у себя одного хана, не могутъ уже причитаемы быть къ здѣшней зависимости, то не инако, какъ въ равномѣрномъ положеніи теперь находится и ханъ Трухменскаго свободнаго народа, хотя онъ сынъ и такого отца, который Вашему Императорскому Величеству подданный, почему, не огорчая ихъ обоихъ, не больше кажется и учинить удобно, какъ поручить Оренбургскому и Астраханскому губернаторамъ будто отъ себя отписать первому къ Киргизъ-Кайсацкому, а другому—къ Трухменскому ханамъ, и увѣщевать ихъ, одного—къ умѣренности въ подобныхъ сборахъ по уваженіямъ общей пользы отъ купечества, а другого—чтобъ онъ пристойные далъ въ томъ сыну совѣты и что сіе будетъ и Вашему Императорскому Величеству благоугодно.

Сіе есть, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ въ высочайшее Вашего Императорскаго Величества разсмотрѣніе представить почла за долгъ необходимый по всѣмъ Бухарскаго посланца мнѣніямъ и отзывамъ, къ чему она изъ подвига ревности къ споспѣшествованію пользы отечества, и сообразуясь въ томъ неутомимому Вашего Величества попеченію, присовокупляетъ и собственное свое разсужденіе. Коммерція, производимая нынѣ съ Бухарцами и Хивинцами въ Оренбургѣ и въ Астрахани, по тѣхъ поръ въ надлежащее свое теченіе придти и дорогихъ избытковъ и произведеній обильной Азіи въ здѣшнія границы, хотя къ тому сіи оба купествующіе народа по близкому своему къ восточной Индіи положенію всю удобность имѣютъ, сообщать не можетъ, пока оная подверженною останется своенравію и дикости Киргизъ-Кайсакъ во время проѣздовъ купцовъ въ помянутые два города, куда они отправляясь и зависятъ единственно отъ удачи счастія, слѣдовательно же коль нужно, толь и полезно никогда не оставлять стараться о изобрѣтеніи и опредѣленіи способовъ, совершенно освобождающихъ такія карамановъ отправленія отъ расхищенія варваровъ Киргизъ-Кайсакъ, во всякомъ добромъ дѣлѣ и собственнымъ своимъ начальникамъ непослушныхъ, въ какомъ бы уже расположеніи они когда ни нашлись въ разсужденіи здѣшней стороны и областей азіатскихъ.

Вслѣдствіе сего, хотя и принималось прежде намѣреніе о построеніи на супротивномъ отъ Астрахани берегу Каспійскаго моря крѣпости, въ которую Бухарскимъ и Хивинскимъ купцамъ, минуя Киргизъ-Кайсацкое кочевье, пріѣзжать и тутъ торговать, или на судахъ и въ Астрахань отправляться было бъ можно, но по многократнымъ обыскамъ ни удобныхъ мѣстъ для крѣпости и содержанія судовъ, ни довольной воды нигдѣ тамъ не оказалось, что нынѣ и Бухарскій посланецъ также подтвердилъ равнымъ образомъ, будучи онъ спрашиванъ, не можетъ-ли подана быть нѣкоторая къ тому удобность учрежденіемъ крѣпости и торгу на устьѣ рѣки Эмбы, въ Каспійское море ниже рѣки Урала впадающей, ни въ семъ распоряженіи не находитъ онъ пользы, предъявляя рѣку Эмбу въ теченіи своемъ скудною, а устье ея еще больше отъ Бухаріи и Хивы удаленнымъ, нежели Оренбургъ, почему и не оставлено было наконецъ внушить ему, на основаніи собственнаго его показанія, что караванамъ одинъ только мѣсяцъ надобенъ для совершенія пути отъ Бухаріи въ Оренбургъ, о учиненіи съ правительствомъ Бухарскимъ постановленія и формальнаго обязательства въ томъ, чтобъ на средину дороги въ уреченныя времена съ обѣихъ сторонъ высылать для препровожденія каравановъ нарочные отряды войскъ, при чемъ сказано было ему и то, что тамъ для пристанища сихъ войскъ и отдохновенія каравановъ и небольшая крѣпостца построена быть могла бъ. Но посланецъ о войскахъ отозвался опасностью отъ Киргизъ-Кайсакъ во время и самихъ ихъ по степямъ слѣдованія, видно въ самомъ дѣлѣ не надѣясь, чтобъ со стороны его области была къ тому возможность въ разсужденіи внутренняго ея состоянія, а что напротивъ того касается до здѣшнихъ войскъ, то многократно уже извѣдано было, что Киргизъ-Кайсаки и на малое число оныхъ, когда только въ порядкѣ и въ готовности къ отпору видятъ, нападать не осмѣливаются; а въ разсужденіи крѣпости посланецъ и прямо открылся, что построеніе оной въ такомъ къ Бухаріи и къ Хивѣ приближеніи можетъ имъ подать подозрѣніе.

Но какъ бы то ни было, кажется однако жъ сіе одно и средство, дѣйствительную и надежную для будущаго времени пользу обѣщающее, чтобъ сократить настоящее азіатскихъ торговыхъ областей къ здѣшнимъ границамъ разстояніе. Подлинно могутъ они сначала возымѣть сомнѣніе, но увидя изъ продолженія времени, что ничего въ разсужденіи вольности ихъ не предпріято, паки успокоиться не оставятъ и съ торгомъ своимъ обратиться; а Киргизъ-Кайсаки потому, что они не будутъ при томъ въ опасности потерянія скота своего, что ихъ главное имущество составляетъ, да и заложеніемъ одной крѣпости не утѣснятся въ ихъ расположеніяхъ, можетъ быть и совсѣмъ на сіе спокойнымъ окомъ воззрятъ, или же по крайней мѣрѣ, не участвуя въ томъ всѣ безъ изъятія, и общаго сопротивленія не учинятъ; сверхъ того, лучше употребить трудъ и ижденіе на дѣло прочное и извѣстное, нежели навсегда быть въ положеніи снисходить и изнаровлять варварамъ, не пріобрѣтая однако жъ тѣмъ ничего въ прямомъ существѣ пользы. Почему, если достойно быть имѣетъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества вниманія представленіе сіе, не изволите-ли всемилостивѣйше повелѣть изъясниться и ближе въ томъ съ Оренбургскимъ губернаторомъ, поручая ему между тѣмъ всѣ нужныя и достовѣрныя свѣдѣнія о урочищахъ, лежащихъ на пути, и ихъ удобностяхъ собрать чрезъ непримѣтную нарочныхъ посылку; а впрочемъ, монаршая Вашего Императорскаго Величества прозорливость, будучи для Имперіи во всѣхъ новыхъ предпріятіяхъ руководствомъ, подастъ лучшія и въ семъ настоящемъ дѣлѣ, до азіатской

коммерціи касающемся, наставленія, котораго симъ Коллегія всенижайше и спрашиваетъ.

Гр. Н. Панинъ.
Графъ Иванъ Остерманъ.

2706) РЕСКРИПТЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 21 Іюня 1775 г.).

Его Шведское Величество, по случаю прибытія своего въ Финляндію, прислалъ ко двору нашему съ комплиментомъ своего оберъ-шталмейстера графа Левенгаупта. Во взаимство сего отправили мы въ Стокгольмъ нашего тайнаго совѣтника и дѣйствительнаго камергера графа Шувалова. Съ нимъ послано отъ насъ и собственноручное къ Его Величеству письмо наше, которое имѣетъ онъ поднесть на испрашиваемой аудіенціи. Относительно до сей комиссіи снабденъ онъ, графъ Шуваловъ, здѣсь надлежащимъ наставленіемъ, а вамъ повелѣваемъ способствовать ему по всей вашей возможности во всемъ томъ, что онъ по существу своего отправленія отъ васъ требовать будетъ, и открываться ему въ разсужденіи положенія Шведскаго двора со всею отличною довѣренностію. Съ вышеозначеннаго къ королю собственноручнаго письма прилагается для извѣстія вашего копія. Впрочемъ пребываемъ мы къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 26 Іюня 1775 года.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.
Гр. И. Остерманъ.

2707) ИНСТРУКЦІЯ ОТПРАВЛЯЮЩЕМУСЯ ВЪ ШВЕЦІЮ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ И КАМЕРГЕРУ ГРАФУ А. П. ШУВАЛОВУ [2]).

(Апробована Ея Императорскимъ Величествомъ 21 Іюня 1775 г.).

Его Шведское Величество по случаю прибытія своего въ Финляндію прислалъ ко двору нашему съ комплиментомъ своего оберъ-шталмейстера графа Левенгаупта. Во взаимство сего, по именному Ея

---

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 44.
[2]) М. Г. А. Доклады, св. 18, и Швеція, III, св. 46.

Императорскаго Величества указу, отправляетесь вы къ королю Шведскому съ собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества письмомъ, которое при семъ прилагается, и съ копіею съ него для извѣстія вашего; вслѣдствіе же высочайшаго повелѣнія, даннаго министерству о снабдѣніи васъ надлежащимъ по сему случаю наставленіемъ, находитъ оно предписать вамъ слѣдующіе пункты:

1.

По прибытіи вашемъ въ Стокгольмъ имѣете вы снестись съ находящимся тамъ министромъ Ея Императорскаго Величества Симолинымъ въ разсужденіи тамошняго этикета относительно аудіенціи вашей у короля и у королевской фамиліи. Здѣсь прилагается рескриптъ къ помянутому министру, которымъ повелѣно ему дѣлать вамъ по комиссіи вашей все отъ него зависящее вспоможеніе и открываться вамъ съ совершенною и отличною довѣренностію въ разсужденіи настоящаго положенія Шведскаго двора.

2.

По испрошеніи назначенія вамъ у короля аудіенціи, имѣете вы на оной вручить Его Величеству собственноручное Ея Императорскаго Величества письмо, препроводя оное рѣчью, согласною съ намѣреніемъ отправленія вашего. При представленіи же вашемъ королевской фамиліи надлежитъ вамъ, какъ вдовствующей королевѣ, такъ герцогамъ, герцогинѣ и принцессѣ отъ имени Ея Императорскаго Величества сдѣлать приличное съ настоящею комиссіею вашею привѣтствіе; а по полученіи сихъ аудіенцій имѣете вы обстоятельно донести ко двору Ея Императорскаго Величества, адресуя реляцію вашу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

3.

Должно ожидать, что по знатности, которую вы у двора нашего имѣете, стараться станутъ по политическимъ дѣламъ и о настоящей нашей системѣ вступать съ вами въ разговоры; въ такомъ случаѣ Ея Императорское Величество благонадежна пребывать изволитъ на собственное ваше благоразуміе, что вы будете умѣть примѣчать и разбирать тѣ матеріи, о коихъ съ вами случайно говорено будетъ, и отвѣты ваши размѣрять со всею приличною скромностью, ограничиваясь въ предметѣ возложенной на васъ комиссіи. Въ разсужденіи же познанія вами Шведскаго двора для расположенія вашихъ тамъ обращеній нѣтъ сомнѣнія, что министръ нашъ Симолинъ не оставитъ вамъ открываться со всею ему предписанною къ вамъ довѣренностію.

4.

О всемъ томъ, что во время пути вашего и въ самое пребываніе ваше въ Стокгольмѣ найдете вы достойнымъ здѣшняго вниманія, имѣете вы донести по прибытіи вашемъ сюда особою въ Коллегію реляціею.

5.

На проѣздъ вашъ въ оба пути опредѣлено отъ Ея Императорскаго Величества 4,000 рублевъ, которыя деньги слѣдуютъ здѣсь и съ паспортомъ для проѣзда вашего. По возвращеніи же вашемъ сюда имѣете вы сію инструкцію возвратить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Гр. Н. Панинъ.
Гр. Иванъ Остерманъ.

Въ Москвѣ, 26 Іюня 1775 г.

2708) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Moscou, ce 27 Juin 1775.

Voilà, mon cher baron, vos lettres de créance d'ambassadeur, que je vous envoie ensemble avec les marques de votre ordre et le rescrit, par lequel cette distinction vous est conférée. Je ne vous ferai aucune remarque sur la façon, dont vous déployerez votre nouveau caractère. Vous y observerez la même étiquette, qui a été suivie par vos prédécesseurs, sur quoi vous trouverez des renseignements sûrs dans votre archive. Je crois toutefois, que vous ferez bien d'en retrancher tout appareil coûteux, autant qu'il sera possible. Vous n'avez pas besoin de mettre à cet acte la même solennité que le comte Kayserling et le prince Repnine, qui, si je ne me trompe, l'ont portée jusqu'à une entrée publique. Les circonstances présentes ne demandent plus cela, et selon moi les exemples du pr. Wolkonski et de Saldern sont ceux que vous avez à suivre. Pour l'ordre, il n'y a point d'autre formalité que vous en revêtir vous-même.

Votre dernier courrier, arrivé le 23, m'a apporté les originaux des actes séparés avec toutes les dépêches qui les accompagnaient. En attendant que je vous écrive d'office sur tout cela et sur ce qui a précédé, je vous dirai votre direction dans le point le plus essentiel de votre position actuelle, savoir la médiation qui nous est demandée par la république dans l'affaire des limites avec les deux autres cours, que Sa Majesté Impériale ayant été verbalement requise par la cour de Vienne

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

de se charger de cette médiation, démarche à laquelle le Roi de Prusse avait refusé de participer, elle l'a déclinée par la raison que ses bons offices dans la même affaire avaient déjà été infructueux, que la négociation avait été renvoyée à Varsovie sur la demande expresse de la cour de Vienne, et qu'enfin l'office de médiateur serait en contradiction avec les démarches antérieures de Sa Majesté Impériale, ainsi que vous le verrez plus amplement par les copies ci-jointes des notes remises de part et d'autre à ce sujet. De ceci vous vous servirez pour éluder de même toute instance ultérieure sur cet objet, mais sans entrer dans aucune explication, qui puisse appuyer les chimères des polonais, que nous devons prendre fait et cause pour eux et nous brouiller avec nos alliés, ce qui n'est nullement notre intention. Notre terme est d'amener par la persuasion nos alliés à se désister de leurs extensions, et c'est à quoi je travaille encore à présent.

Pour ce qui est des nombreuses plaintes et prétentions des polonais dont vous venez d'envoyer les notes, j'appuyerai et je tâcherai d'effectuer autant qu'il sera possible tout ce qui est de droit; mais ce qui ne sera que faveur et condescendance, je ne m'y employerai pas avec la même chaleur. Il vous est bien connu par toute la marche de la négociation, que l'article des grâces du côté de la Russie a été moins ménagé que de celui des deux autres cours, et que tant la cour de Varsovie que les particuliers ont trouvé une différence sensible dans les procédés de l'une et de l'autre part. Il est bon d'entretenir la balance de notre côté, mais il ne faut pas aussi que trop de facilité nous expose à des importunités sans fin.

Le comte Branicki est ici et ne me parle d'aucune affaire; je l'ai reçu et le traite de la façon que vous m'avez recommandé, et aussi selon que m'y a porté ma propre inclination d'après toutes ses inconséquences. S'il ne retourne pas chez vous dans une assiette plus tranquille et plus réfléchie, croyez qu'il n'y aura pas de ma faute. Adieu, mon cher baron, je suis invariablemant avec tout l'attachement etc.

2709) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ АССЕБУРГУ ВЪ РЕГЕНСБУРГЪ [1]).

Tous les ministres de Russie au poste où se trouve V. E. ayant constamment été en bonne correspondance et communication amicale et confidentielle avec le ministre électoral de Saxe à la diète, et nulle raison d'état (ne) demandant, que nous nous écartions de la prescription qui leur en avait été faite, je viens de recevoir l'ordre de Sa Majesté Impé-

[1]) М. Г. А. Регенсбургъ, III, св. 17.

riale, en conséquence d'une insinuation faite ici par le ministre de Saxe, de vous autoriser, M-r, à vivre dans les mêmes termes avec m-r de Ponickau, ministre de conférence, et de vous communiquer amicalement et confidemment avec lui, tant sur les affaires générales de l'Empire, que sur celles qui concernent particulièrement le corps évangelique; et ce point, V. E. le regardera, comme faisant partie de ses instructions. J'ai l'honneur d'être etc.

Moscou, ce „ " Juin 1775.

2710) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. С. СТАХІЕВУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1].

Москва, 2 Іюля 1775 г.

Вслѣдствіе предувѣдомленія, поданнаго вамъ въ письмѣ моемъ отъ 9 числа прошедшаго Генваря, о всемилостивѣйшемъ соизволеніи Ея Императорскаго Величества, чтобъ отозвать васъ изъ Стокгольма для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, включаю я здѣсь рескриптъ, препровождающій къ вамъ отзывную о васъ грамоту къ Его Шведскому Величеству, которую и рекомендую я вамъ, какъ скоро Его Величество король изъ своего путешествія возвратиться изволитъ, соображаясь съ извѣстнымъ вамъ во всемъ своемъ пространствѣ, по долговременной вашей въ Швеціи бытности, тамошняго двора этикетомъ, согласясь съ И. М. Симолинымъ и условясь съ Шведскимъ министерствомъ, поднесть Его Шведскому Величеству, и по полученіи отпускныхъ вашихъ аудіенцій какъ у короля, такъ и у всей королевской фамиліи, отправиться въ путь вашъ во-свояси. На возвращеніе же вамъ сюда всемилостивѣйшая Государыня жалуетъ вамъ 2.000 р., на кои первые и вторые векселя и будутъ къ вамъ отправлены изъ Коллегіи на будущей почтѣ. Что жъ касается до представленія вашего, изображеннаго въ письмѣ вашемъ отъ 10/21 Іюня, которое я получилъ съ присланнымъ отъ Ивана Матвѣевича курьеромъ капитаномъ Герценбергомъ, о выдачѣ вамъ столовыхъ денегъ по 150 р. на мѣсяцъ со дня отъѣзда изъ Стокгольма гр. И. А. Остермана изъ имѣющихся въ мѣстѣ вашемъ казенныхъ денегъ, то я велѣлъ по оному заготовить въ Коллегіи рескриптъ къ И. М. Симолину, дабы онъ выдалъ ихъ столько, сколько ихъ получить вамъ доведется по день вашего изъ Стокгольма выѣзда; а о переводѣ къ вамъ заслуженнаго жалованья приказано также отъ меня Коллегіи, чтобъ она отправила къ вамъ какъ наискорѣе на оное векселя. Впрочемъ, желая васъ увидѣть здѣсь скорѣе и въ добромъ здравіи, пребываю и проч.

КОПІЯ СЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

11 Іюля 1775 г.—о переводѣ въ Амстердамъ денегъ изъ Константинополя въ уплату турецкой контрибуціи. Напеч. въ Сборникѣ, т. VI, стр. 312.

---

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 44.

2711) ЧЕРНОВОЕ СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПОСЛУ КН. Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [1]).

(11 Іюля 1775 г.).

Monsieur l'ambassadeur prince Repnine. Je vous prie instamment de tourner [2]) une partie de votre attention vers cet argent, que la Porte nous a payé [3]) selon le traité, et vers celui qu'elle nous payera encore, afin que la somme, qui ne sera pas employée aux frais de l'ambassade, soit remise le plus tôt que faire se pourra à Amsterdam. J'ai chargé de ces remises Frederiks, et à cet effet j'ai signé une lettre pour vous, que vous recevrez en même temps avec celle-ci [4]). Vous connaissez le soin que j'ai des payements en général, et que pendant mon règne cet art chez nous est parvenu à un point où il n'a jamais été, et qui outre le crédit qu'il nous donne chez l'étranger, outre cela est encore un sujet d'étonnement pour eux. Je dois aux Hollandais [5]) une somme assez considérable; j'ai fort à coeur que pour l'augmentation de notre crédit une partie telle quelle de cet emprunt soit payée le plus tôt que faire se pourra; j'ai destiné à cela, comme vous le savez, ce qui nous reviendra de l'argent de la Porte, les frais de votre ambassade là-bas payés. Vous m'obligerez infiniment, en veillant aussi attentivement à cette partie de mes intérêts, qu'à ceux de la politique. Adieu, portez vous bien.

2712) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПОВЕЛѢНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ [6]).

Неаполитанской службы ген.-пору. Карафа—орденъ свя. Алек. Нев.

(Писано на клочкѣ бумаги, на оборотѣ котораго находится помѣта: „Прислано отъ его с-ва вице-канцлера въ Коллегію для храненія 17 Іюля 1775 г.").

---

[1]) Гос. Архивъ, разр. X, № 69, л. 369. Ср. выше рескриптъ гр. Румянцеву отъ 24 Февраля 1775 г., № 2647. Это же письмо, но въ измѣненной редакціи, напечатано въ Сборникѣ, т. VI, стр. 312—313.

[2]) Было написано: donner.

[3]) Вся эта фраза была первоначально редактирована такъ: „d'avoir à coeur la remise de l'argent que la Porte nous a payé et celui"...

[4]) Слова „que vous recevrez"... прибавлены на другой страницѣ черновика.

[5]) Было написано: en Hollande.

[6]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г.

2713) КОПІЯ СЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 17 Іюля 1775 г. Отданъ генералу графу Орлову въ Москвѣ 7 Сентября 1775 г.).

Принявъ въ уваженіе учиненное намъ отъ васъ представленіе о показанныхъ отъ Неаполитанскаго генерала-поручика графа Карафы услугахъ во время пребыванія флота нашего въ Архипелагѣ, пожаловали мы ему знаки нашего ордена св. Александра Невскаго, которые повелѣли мы здѣсь приложить, поручая вамъ дальнѣйшее ему, графу Карафѣ, доставленіе оныхъ съ пристойнымъ засвидѣтельствованіемъ нашего къ нему благоволенія. И пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, « » Іюля 1775 года.

2714) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ И. И. МЕСТМАХЕРУ ВЪ ЭЙТИНЪ [2]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 27 Іюля 1775 г.).

Москва, 27 Іюля 1775 г.

Государь мой Иванъ Ивановичъ. Письмо ваше подъ № 17 отъ 20 Іюня не могло инако, какъ чувствительно оскорбить великодушное сердце всемилостивѣйшей нашей Государыни, по причинѣ тѣхъ дурныхъ обстоятельствъ, въ коихъ находится по оному его свѣтлость епископъ Любскій. Ея Императорское Величество, учинивъ толико для возвышенія его дома и для постановленія онаго въ такое состояніе, которое бы высочайшему ея родству прилично было, принуждена теперь опасаться, что сіе щедрости ея великолѣпное зданіе можетъ обратиться въ весьма дурную сторону, если странное поведеніе и фанатическій умыселъ коадъютора Любскаго, сына его свѣтлости, въ принятіи римской вѣры, какъ нынѣ заблаговременно упреждены, такъ и на будущее время достаточно ограждены не будутъ. Какое безславіе для дома его свѣтлости, слѣдовательно же и для здѣшняго Императорскаго двора, какое зло для подданныхъ тѣхъ земель, кои Государыня Импе-

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 5.

[2]) М. Г. А. Голштинія, III, св. 1, и Доклады, св. 7.

ратрица *доставила* [1]) герцогу епископу, какое замѣшательство въ дѣлахъ и интересахъ протестантскаго корпуса въ Имперіи Римской, а потому и для нея самой, и какое напослѣдокъ торжество для папежскаго стула къ стыду и униженію прочихъ христіанскихъ исповѣданій, могутъ неминуемо послѣдовать изъ событія фанатическаго умысла принца-коадъютора,—о томъ нѣтъ нужды здѣсь распространяться, ибо всѣ сіи сами по себѣ ощутительныя уваженія, интересуя Эйтинскій дворъ безпосредственнымъ образомъ, долженствуютъ ему представляться гораздо ближае и живѣе, нежели нашему двору, по единому родству и покровительству къ нему въ нихъ участвующему.

Я буду теперь съ нетерпѣливостію ожидать привозимыхъ г. Гольмеромъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, а по онымъ и вашего подробнаго извѣщенія, дабы по обстоятельствамъ снабдѣвать васъ точными кстати и ко времени наставленіями, а между тѣмъ на первый случай имѣю я объявить вамъ чрезъ сіе:

1) Что Ея Императорское Величество изволитъ почитать за лучшее и сходственнѣйшее съ благопристойностью и достоинствомъ Эйтинскаго двора совсѣмъ оставить бракъ, на мѣрѣ положенный, принца-коадъютора, нежели принцессу, въ оный избранную, повергать видимой опасности сущаго несчастія на всю жизнь [2]).

2) Что всемилостивѣйшая Государыня отъ благоразумія и твердости его свѣтлости епископа Любскаго несумнѣнно ожидаетъ и требуетъ, дабы принцъ-коадъюторъ немедленно во-свояси возвращенъ и тамъ по крайней возможности остерегаемъ былъ отъ исполненія фанатическаго его умысла въ разсужденіи перемѣны вѣры, который не можетъ разсудительнымъ образомъ другому источнику приписываемъ быть, какъ дѣйствительному и совершенному поврежденію молодого принца въ умѣ, употребляя притомъ рачительнѣйшее попеченіе прямо познать, откуда сія его странная прихоть истинное свое начало имѣетъ, въ надеждѣ иногда, что изъятіемъ оной изъ среды, если паче чаянія по сю пору существуетъ, мракъ и обольщеніе зараженной юности исправлены быть могутъ.

3) Что впрочемъ, если всѣ средства увѣщанія и кротости недостаточны будутъ къ выведенію принца-коадъютора изъ заблужденія и

---

[1]) Исправлено Императрицею собственноручно вмѣсто стоявшаго раньше слова: «даровала».

[2]) Далѣе въ концептѣ рукою гр. Панина было вписано: «въ чемъ Его Императорское Высочество и по своей особенной свойственнической любви къ свѣтлѣйшему Дармштадтскому дому совершенно согласуется къ высочайшимъ мыслямъ Государыни своей матери». Во второмъ, перебѣленномъ концептѣ эти слова были вычеркнуты, вѣроятно—Императрицею.

къ приведенію его въ познаніе самого себя и всего того, чѣмъ онъ долженъ намъ, родителямъ своимъ, достоинству своему, благосостоянію и пользѣ подданныхъ княжескаго своего дома, также и свѣту, въ такомъ случаѣ не можетъ Ея Императорское Величество обойтиться совѣтовать его свѣтлости епископу (сколь ни прискорбенъ сей совѣтъ собственному ея сердцу и имѣющей къ нему искренней дружбѣ) принять немедленно всѣ, въ законахъ Имперіи Римской и герцогскаго Голштинскаго дома опредѣленныя мѣры къ объявленію принца-коадъютора неспособнымъ къ наслѣдству, дабы инако, слѣдуя слѣпой родительской любви, не пожертвовать ей всѣми своими политическими интересами, а наипаче и благосостояніемъ многихъ тысячъ подданныхъ, кои теперь обрадованы новымъ правленіемъ его свѣтлости.

Изъясняя высочайшія Ея Императорскаго Величества мысли, долженъ я въ въ то же время рекомендовать вамъ, чтобъ вы руководствовались оными по мѣрѣ открываемыхъ нуждъ и дѣлали его свѣтлости герцогу собственно при всякомъ случаѣ пристойныя высочайшимъ именемъ представленія, менажируя по возможности нѣжность родителя, но не ослабѣвая однако жъ и противу оной тамъ, гдѣ необходимость скорыхъ и претительныхъ мѣръ требовать будетъ, ибо всякое принцу-коадъютору попущеніе въ фанатическомъ его умыслѣ изволитъ Ея Императорское Величество почесть за чувствительнѣйшее себѣ и достоинству ея оскорбленіе.

[1]) Ко всему вышесказанному нужно и то присовокупить, что Его Императорское Высочество имѣетъ совершенно равныя мысли во всемъ ономъ съ Государынею его матерью, и для того извольте вы при вашихъ отзывахъ къ его свѣтлости епископу утвердительно давать знать, что и Его Императорскому Высочеству, яко шефу Голштинскаго дома, весьма будетъ оскорбительно, если какимъ-либо попущеніемъ его столь ближняго родственника ко исполненію фанатическаго разврата не только его свѣтлѣйшій домъ подвергнется безславію, но и области, его великодушіемъ и щедростью сему колѣну доставленныя, претерпятъ тогда неустройство неизбѣжное.

Повторяя о нетерпѣливости моей знать какъ наискорѣе успѣхъ поѣздки г. Гольмера, увѣряю я васъ, что всегда пребуду и проч.

2715) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ О. А. ИГЕЛЬСТРОМУ [2]).

Нашему генералу-поручику Игельштрому. Хотя и не было понынѣ примѣра, чтобъ послы турецкіе во время приближенія

[1]) Нижеслѣдующее до новой строки приписано въ концептѣ письма графомъ Панинымъ собственноручно.

[2]) М. Г. А. Архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147 (письма гр. Панина къ кн. Репнину).

ихъ къ границамъ нашей Имперіи выдерживали карантины въ полной мѣрѣ предписаннаго времени, съ строгимъ наблюденіемъ всѣхъ правилъ нужной предосторожности, почему и препровождаемое вами посольство ко всѣмъ испытаніямъ приневолено быть не можетъ, тѣмъ не меньше однако жъ всѣ человѣческія уваженія требуютъ по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, употребленія такихъ способовъ, на кои самъ посолъ, по собственному о ихъ нуждѣ удостовѣренію, соглашенъ быть можетъ, или же безпримѣтно съ стороны вашей удобными встрѣтятся къ исполненію, а однако жъ не недостаточны быть имѣютъ къ отвращенію сумнительства, безъ того необходимаго. Провѣтриваніе и выкуриваніе вещей во время дней отдохновенія, удаленіе отъ себя людей, при малѣйшемъ о которомъ-либо изъ нихъ подозрѣніи о прилипчивости болѣзни, и препровожденіе нѣкотораго достаточнаго времени на одномъ мѣстѣ, чтобъ себя обезпечить въ разсужденіи слѣдствій вреда, суть распоряженія въ существѣ карантинныхъ предосторожностей съ ними почти одинакія, но непріятной ихъ наружности не имѣющія.

Такимъ образомъ мы всемилостивѣйше препоручаемъ вамъ въ слѣдованіе ваше съ посломъ искуснымъ образомъ внушить и дать ему уразумѣть, но однако жъ безъ всякаго огорченія, чтобъ онъ предпріялъ соображаться симъ, на самомъ искусствѣ и опытахъ основаннымъ правиламъ и для человѣчества спасительнымъ. Вы скажете ему съ видомъ полной съ стороны вашей довѣренности, что вы тѣмъ вящаго ожидаете отъ него въ семъ случаѣ снисхожденія, поелику и собственное его благоразуміе и проницательность не могутъ быть съ вашими представленіями несогласны, и что сей его поступокъ пріимется и при высочайшемъ дворѣ нашемъ въ особливую угодность и въ неложное доказательство персональныхъ его достоинствъ, и что, наконецъ, онъ, тѣмъ же предупреждая всякія непріятныя воображенія при случаѣ своего къ нашей столицѣ приближенія, исполнитъ и существенный долгъ своего званія.

Нашъ генералъ-аншефъ и Кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ будетъ вамъ, по посланному къ нему нынѣ же повелѣнію нашему, въ сихъ домогательствахъ, пока съ посломъ видѣться можетъ, содѣйствовать и приводить его такъ, какъ и вамъ симъ предписывается, чтобъ онъ будто бы собственнымъ своимъ подвигомъ и расположеніемъ рѣшился на употребленіе осторожностей. А между тѣмъ, предъ успѣете-ли вы въ томъ сколько или нѣтъ, но ежели бы во время продолженія вашего пути оказались въ свитѣ посольской или между вашими людьми и малѣйшіе признаки прилипчивой болѣзни, тогда вы имѣете стараться, хотя бы турокъ и торопиться хотѣлъ, изобрѣсть въ собственныхъ вашихъ средствахъ вѣроятную причину къ промед-

ленію такому, которое достаточно было бъ уничтожить опасность. Впрочемъ же пребываемъ мы къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 27 Іюля 1775 года.

Екатерина.

2716) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КІЕВСКОМУ ГЕНЕРАЛУ-ГУБЕРНАТОРУ Ѳ. М. ВОЕЙКОВУ [1]).

Нашему Кіевскому генералу-губернатору Воейкову.

Какъ во время пріѣздовъ къ границѣ нашей Имперіи посольствъ турецкихъ не было понынѣ примѣра, чтобъ оныя когда-либо подвержены были карантиннымъ уставамъ и правиламъ въ полной ихъ строгости, такъ съ другой стороны всѣ человѣческія уваженія не меньше однако же требуютъ возможной предосторожности отъ яда прилипчивости при случаѣ настоящемъ ожидаемаго посла.

Мы, въ сей необходимой заботѣ будучи, восхотѣли вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше препоручить, чтобъ вы въ дальнѣйшемъ пути посла до вашего мѣста постарались ему искуснымъ образомъ, но со всѣмъ тѣмъ не подавая же ни малѣйшаго и огорченія, внушить о нуждѣ собственнаго его подвига и расположенія къ слѣдованію изобрѣтеннымъ и съ пользою уже испытаннымъ способамъ противъ заразы въ провѣриваніи и выкуриваніи вещей и въ удаленіи отъ себя людей, при малѣйшемъ о которомъ-либо изъ нихъ сумнѣніи, и по взятіи тогда и времени достаточнаго, чтобъ обезпечиться о себѣ самомъ и о своей прочей свитѣ, и что вы съ тѣмъ большимъ надѣяніемъ отъ его благоразумія и свойственной его званію проницательности всей въ такихъ обстоятельствахъ податности ожидаете, чѣмъ оная, упреждая непріятныя воображенія о его къ нашей столицѣ приближеніи, и послужитъ необходимымъ образомъ предшествующимъ для него одобреніемъ и достоинствъ его залогомъ и доказательствомъ при высочайшемъ дворѣ нашемъ, поелику онъ въ семъ случаѣ будетъ примѣняться ко нравамъ и обыкновеніямъ нашей Имперіи; однимъ словомъ, мы желаемъ, чтобъ всѣ пристойныя мѣры и предохраненія воспріяты были, но не по принужденію однако жъ, а по доброму самого посла соглашенію и какъ бы по слѣдствію собственной его догадки и удостовѣренія въ нужныхъ мѣрахъ въ предметѣ, толь важномъ для человѣчества и для его поступи во время посольства не безполезномъ, а потому и ни малѣйшаго

---

[1]) М. Г. А. Архивъ Константинопольск. посольства старый, св. 147 (письма гр. Панина къ кн. Репнину).

сумнѣнія не осталось, при частомъ повтореніи провѣтриванія и выкуриванія и сообщеніи людей нашихъ съ турками, и о скрытыхъ сѣменахъ яда. Итакъ, препоручивъ мы равномѣрное стараніе о семъ же возымѣть и приставу его, нашему генералу-поручику Игельштрому, остаемся на общій вашъ трудъ и взаимное содѣйствіе благонадежными въ успѣхѣ, пребывая впрочемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 27 Іюля 1775 года.

Екатерина.

2717) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

(Апробованъ Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Іюля 1775 г.).

Понеже по особливому нашему усмотрѣнію вашей ревности, радѣнія и вѣрности во всѣхъ на васъ возлагаемыхъ дѣлахъ службы нашей, мы за благо разсудили приказать вамъ присутствовать въ Сенатѣ нашемъ, а сіе присутствіе отлучаетъ васъ совсѣмъ отъ того края, котораго внѣшнія дѣла вамъ особенно отъ насъ поручены были, того ради всемилостивѣйше симъ повелѣваемъ имѣющуюся у васъ комиссію Татарской негоціаціи со всѣми принадлежащими къ ней людьми и насланными къ вамъ по оной нашими именными рескриптами и другими бумагами, до оной касающимися, сдать нынѣ нашему генералу-фельдмаршалу и Малороссійскому генералу-губернатору графу Румянцеву-Задунайскому. И пребываемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 27 Іюля 1775 года.

Екатерина.

2718) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ О. А. ИГЕЛЬСТРОМУ [2]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Іюля 1775 г.).

Милостивый мой государь Осипъ Андреевичъ. Препровождаемый симъ мною высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ содержитъ въ подробности правила поведенія вашего прев-ва съ посломъ турецкимъ въ разсужденіи нужныхъ предосто-

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Щербинину 1770—1775 гг.
[2]) М. Г. А. Турція, II, св. 1.

рожностей отъ прилипчивости. Не имѣю я нужды къ тому присовокупить, кромѣ одного примѣчанія о предписанномъ медленіи въ дорогѣ въ случаѣ оказывающихся сумнительныхъ признаковъ въ семъ обстоятельствѣ. Подлинно общая безопасность будетъ неминуемо того требовать; но сохрани насъ милосердая судьба отъ такого вреднаго приключенія; а чтобъ ваше прев-во, однако жъ, сколько возможно и пристойно будетъ, не торопились въ дорогѣ, въ томъ и теперь есть не безъ надобности и для выиграния времени къ приготовленію въ здѣшней столицѣ вмѣстилища людству вашего препровожденія, почему я и прошу васъ употребить въ дѣло сіе мое увѣдомленіе; а со стороны вашей я при первомъ случаѣ ожидаю росписи всей свиты, дабы по оной, узнавъ какъ о числѣ, такъ и о состояніи всѣхъ, къ тому принадлежащихъ, толь лучше можно было сдѣлать распоряженіе въ квартирахъ. Впрочемъ же я всегда пребуду и проч.

Въ Москвѣ, 28 Іюля 1775 г.

2719) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 27 Іюля 1775 г.).

Moscou, ce 28 Juillet 1775.

Après bien des débats entre moi et le ministre de Danemark sur la côte-part de cette cour aux frais de nos actes de Holstein, je viens enfin d'obtenir une résolution définitive par laquelle le Roi consent à en payer la moitié, ainsi que j'ai toujours soutenu qu'il y était obligé par les traités. M-r de Numsen, qui vient de me le déclarer, m'a assuré qu'en conséquence les ordres et l'argent vont être envoyés à leur ministre le comte de Bachoff. L'affaire ainsi réglée de ce côté-là, il ne s'agit plus que de ce qui nous concerne personnellement, et c'est à quoi je vais pourvoir par cette lettre. Dans celles que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire successivement et que j'ai mises sous les yeux de l'Impératrice, vous m'avez informé, mon prince, de l'accord fait entre vous et le prince Colloredo pour tous ces frais à 100 mille florins d'Empire, savoir:

pour l'échange—45 mille florins;

pour la cession des comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst à la branche cadette de Holstein—25 mille florins;

et enfin, pour l'érection en duché de ces deux comtés—30 mille florins.

De tout les trois articles sans exception le Danemark paye la moitié, c'est-à-dire 50 mille florins, et le prince-évèque la moitié du dernier

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 27.

article, c'est-à-dire 15 mille. Reste ainsi à la charge de notre cour 35 mille florins. Mais comme V. E. a représenté, qu'il se trouverait en sus quelques centaines de florins pour l'expédition de la chancellerie et quelques menus présents d'usage à des subalternes, elle a demandé, qu'il lui fût fait en général la remise de 36 mille florins, s'offrant à tenir compte du surplus et laissant l'alternative ou de lui envoyer des lettres de change, ou de l'autoriser à prendre ladite somme chez son banquier contre des assignations sur le Collège des Affaires Etrangères. Sur cela je viens de prendre les ordres de Sa Majesté Impériale, et elle m'a chargé d'autoriser V. E. à prendre ladite somme de 36 mille florins d'Empire chez son banquier et d'en assigner le remboursement de la manière qu'elle l'a proposé. Rien ne retardera donc plus la remise des actes aux parties, et cette affaire sera absolument terminée. J'ai l'honneur d'être etc.

2720) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ КИЗЛЯРСКОЙ СТОРОНѢ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ МЕДЕМУ [1]).

Изъ реляціи вашей отъ 24 Мая мы со всею подробностію увѣдомились о обстоятельствахъ удачно произведеннаго вами поиска надъ продерзкимъ Хайдатскимъ владѣльцемъ Уцміемъ, и по какимъ причинамъ и убѣжденіямъ вы за нужно нашли войти притомъ въ пересылку и сообщеніе съ Дербентскимъ и Кубинскимъ ханомъ и, приближась къ Дербенту со всѣмъ подъ предводительствомъ вашимъ состоящимъ корпусомъ, не только принять предложенія сего хана о дозволеніи ему нашего покровительства, но при возвращеніи вашемъ оставить при немъ въ Дербентѣ для стражи сего мѣста и нѣкоторый изъ нашихъ войскъ отрядъ. Потомъ другою реляціею отъ 29 Іюня доносили вы, что вслѣдствіе того вашего въ разсужденіи Хайдатскаго владѣльца бывшаго предпріятія и учиненнаго городу Дербенту занятія, и два Дагестанскіе владѣльца изъ знатнѣйшихъ, шефкалъ Тарковскій и братъ его, начальникъ Буйнацкій, возжелали нашего же покровительства, и что Грузинскій владѣтель Ираклій нарочно присланнымъ къ вамъ письмомъ просилъ и приглашалъ васъ съ стороны Дербентской приближиться въ сосѣдство къ нему для покоренія смежныхъ къ Грузіи и ни отъ кого не зависимыхъ народовъ, и на что на все испрашивая вы нашего повелѣнія, представляете, что по крайней мѣрѣ шефкалъ Тарковскій, какъ въ близости нашей границы пребываніе имѣющій, не безнужнымъ видится.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Персидскія (Кубинскаго ханства, 1774—1800 г.г.), № 470.

Мы восхотѣли вамъ на сіе объявить Высочайшее наше соизволеніе въ слѣдующихъ предписаніяхъ:

Наказаніе, сдѣланное вами Уцмію за удержаніе имъ профессора Гмелина и оказанную къ сторонѣ нашей грубость и непочтительность, исполня уже сугубое свое намѣреніе, съ какимъ опредѣлено было, то есть, чтобъ сей варваръ не остался безъ возмездія достойнаго и чтобъ особливо дагестанскіе жители не подтвердились въ соблазнѣ своевольства и противнаго касательства, и дѣлаетъ теперь совершенно ненужнымъ всякое дальнѣйшее въ тамошнемъ краѣ войскъ нашихъ явленіе и дѣйствіе, ибо напередъ съ удостовѣреніемъ извѣстно, что по состоянію заграничныхъ горскихъ народовъ имѣло бъ то послужить къ напрасному ихъ развращенію и ко внушенію сверхъ того Персіи и Портѣ Оттоманской, сосѣдственнымъ намъ державамъ, неменьше тщетнаго относительно къ поведенію нашему и сумнительства, но пользы ни малѣйшей, напротивъ того, изъ продолженія всѣхъ усилій, обращаемыхъ на сихъ горскихъ и дикихъ жителей, отнюдь не воспослѣдовало бъ, требуя они для своего обузданія больше, нежели могутъ удовлетворить за то всею покорностію, качествомъ для нихъ несвойственнымъ и только принужденіемъ вымогаемымъ, и нежели что пріобрѣсть будетъ отъ нихъ удобно по ихъ бѣдности.

Нужная при границахъ предосторожность отъ противныхъ покушеній ближайшихъ изъ нихъ и разборчивое по состоянію всякаго времени предупрежденіе способовъ и за нашими границами живущимъ, въ собственной по большей части волѣ, къ произведенію и въ самыхъ ихъ мѣстахъ мстительности надъ здѣшними людьми, какъ то и случилось къ сожалѣнію въ разсужденіи профессора Гмелина, осмѣлившагося со всѣмъ предварительнымъ свѣдѣніемъ о своевольствѣ Уцмія ѣхать однако жъ чрезъ его владѣніе, хотя и могъ съ удобностью возвратиться изъ Персіи моремъ, суть тѣ пристойнѣйшія мѣры, которыхъ употребленіе достаточно будетъ къ содержанію сего своевольнаго и варварскаго людства къ нашей сторонѣ въ почтеніи, а по послѣдней мѣрѣ никогда нужды настоять не можетъ при такихъ распоряженіяхъ находиться въ затруднительной наказанія и смиренія ихъ заботѣ.

Между тѣмъ вы сами безъ сумнѣнія представите себѣ, что когда дальнѣйшіе поиски противъ Хайдатскаго владѣльца не были бы при настоящихъ обстоятельствахъ и для того ко времени, что могла бъ чрезъ то подозрительная огласка далеко проникнуть и распространиться, тѣмъ еще меньше можемъ мы въ нашемъ покровительствѣ имѣть и удержать городъ Дербентъ, дѣйствительно и безъ всякаго прекословія принадлежащій къ Персіи, почему мы, хотя всемилостивѣйше пріемлемъ за благо учиненное вами Дербентскому хану защищеніе отъ превозможенія Уцмія и его сообщниковъ, какъ въ самомъ

производствѣ вашихъ надъ нимъ поисковъ нужнымъ оказавшееся, но въ поступкѣ вашемъ, ободрившемъ онаго пограничнаго начальника персидскаго въ его нашей протекціи искательствѣ, и что вы у него въ городѣ и часть нашихъ войскъ оставили, превзошли вы мѣру порученной вамъ экспедиціи, долженствовавшей окончаться пораженіемъ Уцмія.

Такимъ образомъ, повелѣвъ мы отправленнаго по дозволенію вашему отъ хана Дербентскаго нарочнаго допустить ко двору нашему единственно въ томъ намѣреніи, чтобъ сего хана и непосредственно удостовѣрить, для содержанія и впредь только къ нашей сторонѣ въ доброжелательствѣ, о присвоенной здѣсь достойной цѣнѣ къ его желанію, несмотря на то, что онъ по своему мѣсту принадлежитъ къ Персіи и потому безъ предосужденія настоящему нашему съ сею державою положенію дѣлъ отторгнуть отъ нея быть не можетъ, даемъ и вамъ наше повелѣніе же и предупредительно тожъ самое по полученіи сего ему сообщить отъ себя, при чемъ вы будете совѣтовать, чтобъ онъ какъ наискоряе съ Уцміемъ помириться старался, пользуясь настоящею нашихъ войскъ въ его мѣстѣ бытностію, которыя до зимы при немъ вамъ въ его подкрѣпленіе содержать позволено, какъ и въ самомъ дѣлѣ надобно вамъ будетъ оставленный въ Дербентѣ гарнизонъ въ приближеніе сего годового времени безопасными средствами къ себѣ возвратить, что бъ уже ни произошло между ханомъ Дербентскимъ и Уцміемъ, людьми совсѣмъ для насъ посторонними; а при такомъ образѣ нашихъ мыслей мы поставляемъ предпрепятствіемъ снизойти и на желаніе шефкала Тарковскаго и Буйнацкаго владѣльца въ дозволеніи и имъ нашего же покровительства, какъ за нашими же границами живущимъ и землями своими всегда къ Персіи же принадлежавшимъ, особливо же, что они при всей своей непрочности возмнили бы имѣть только право требовать жалованья и другихъ награжденій, чему доказательствомъ служатъ и близко живущіе при нашихъ границахъ Кумыки, которые, хотя издавна подданными нашему скипетру называются, но нерѣдко оказываются въ непослушаніяхъ и злодѣйствахъ, а тогда будто нѣкоторымъ образомъ присваиваются и прибѣжными притворяются, когда какой случай настоитъ къ полученію имъ для себя выгодностей, или же примѣтятъ пріемлемыя противъ себя строгія мѣры.

Вы и можете посему, дѣлая обоимъ онымъ Дагестанскимъ владѣльцамъ возможныя по ихъ состоянію, а для васъ пристойныя угодности и пособія для удержанія ихъ и впредь въ благонамѣренности, всегда однако жъ уклоняться отъ точнаго съ ними изъясненія о искательствѣ ихъ нашего покровительства; но что касается до требованія Грузинскаго владѣтеля, чтобъ вы съ корпусомъ вашимъ приблизились

къ нему, то будучи оное такое, которое во всей ясности представляетъ, что онъ и понынѣ продолжаетъ искать способовъ здѣшнимъ пособіемъ, но собственному своему властолюбію услужить, какъ то отчасти открывалось въ бытность нашихъ войскъ въ Грузіи, и не заслуживаетъ никакого уже вниманія, для чего и останетесь вы въ молчаніи до другого его отзыва, а въ случаѣ онаго увѣдомите его, что сіе дѣло совсѣмъ невозможное, и буде онъ хочетъ, пускай собственными силами новыя производитъ завоеванія и пріобрѣтенія.

Впрочемъ же мы все вами учиненное причитая подвигу вашего къ службѣ нашей усердія, убѣдившаго васъ не пропустить никакихъ авантажей, на пути вашемъ представшихъ, а потому и повелѣваемъ вамъ всѣмъ отличившимся при вашей экспедиціи штабъ и оберъ-офицерамъ объявить наше монаршее благоволеніе, а войску похвалу, и пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 28 Іюля 1775 года.

Екатерина.

2721) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

31 Juillet 1775.

Je vois avec bien de la peine, M-r, par votre lettre du 26 Juin (7 Juillet), que vous renoncez presque à l'espérance de recouvrer votre santé et que vous croyez devoir attribuer même au climat le commencement des maux dont vous êtes affligé. Mais j'aime cependant à me flatter qu'ils passeront, quand vous serez plus accoutumé au même climat.

La conduite de la cour de Suède et la manière de se prendre, à l'occasion de vos premières audiences, ne m'est aucunèment nouvelle. On ne saurait se méprendre sur le principe qui l'a fait agir, dès qu'on est instruit de la basse condescendance que le Roi a eue pour la cour de Vienne, et de l'étiquette humiliante à laquelle son ministre s'est assujeti en recevant l'investiture pour la Poméranie. On ne manquera assurèment pas de colorer cet incident par rapport aux audiences aussi bien que possible, et comme m-r de Scheffer a tâché de le faire d'abord au commencement, on appuyera surtout sur ce que le secrétaire du pr. Kaunitz aura devancé le vôtre pour demander l'heure de la commodité du c-te Scheffer. Enfin, quoiqu'il en soit, votre conduite, M-r, et vos me-

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 44.

sures prises à cette occasion vous garantissent les suffrages de notre cour, et on a été ici bien aise d'apprendre, que vous avez pris le parti de vous mettre au—dessus de cette inattention et de lever par là des difficultés qu'on aurait vu avec peine naître d'abord au commencement de votre mission à la cour de Suède.

L'apostille à votre lettre d'office m'instruit de l'éloignement dont vous paraissez vous appercevoir du côté de nos anciens amis. N'en prenez point d'ombrage, M-r. Le nombre de ceux qui sont présents à Stockholm n'est pas grand; les meilleurs et sur lesquels on peut compter le plus sont dispersés dans les provinces et affecteront même un air de tranquillité, tant qu'ils voyent qu'on ne se prépare d'aucun côté à des démarches vigoureuses. Je les connais trop et suis trop assuré de leur zèle pour pouvoir jamais y mettre quelque doute. C'est pourquoi je vous prie, M-r, de m'envoyer à la première occasion sûre la liste numérotée de toutes les personnes que m-r Stakhieff vous a recommandées, afin que je puisse vous marquer, s'il vous a indiqué celles d'une fidélité éprouvée et d'un zèle reconnu. Tant l'intérêt du service, que l'amitié particulière que je vous porte me feront sentir le plaisir le plus sensible, lorsque je serai à même de vous fournir des éclaircissements propres à faciliter le succès de vos négociations et de constater par là les sentiments de cette considération distinguée etc.

2722) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(Іюль 1775 г.).

Monsieur. J'ai à pourvoir de résolution V. E. sur sa dépêche № 68 du 24 Juin (5 Juillet), à laquelle était jointe la note du conseil permanent, pour vous demander que vu l'établissement d'une douane générale sur toutes espèces de marchandises, importées dans les états du Roi et de la république, vous ne prétendissiez point pour vous-même d'exemption pour les choses que vous faites venir du dehors. La règle à suivre à cet égard, M-r, se trouve tracée dans les principes adoptés une fois pour toutes par Sa Majesté Impériale, qui sont de prétendre pour ses ministres une parfaite égalité avec les ministres des autres cours résidant au même lieu qu'eux. Et conséquemment de là, dès que la loi de la douane à Varsovie est générale pour tous les ministres étrangers, V. E. n'aura ni à s'en plaindre, ni à s'en dispenser. Il importe peu à la question, qu'en quelques cours on accorde la franchise en entier et en

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

d'autres—en partie seulement, comme en Russie, où Sa Majesté Impériale à chaque ministre à son arrivée fait remise de la douane jusqu'à concurrence d'une certaine somme selon son caractère. Il n'y a point sur cela une étiquette uniforme à toutes les cours, chacune établit chez soi les douanes qu'elle veut et en dispense ou seulement les modère, selon qu'elle le trouve bon. Aucune ainsi n'est en droit de prétendre que sur le fait de la douane son ministre soit traité selon la loi de la réciprocité de ce qu'elle fait elle-même chez soi, mais bien que son ministre à telle ou telle cour y soit traité sur le même pied que tous les autres ministres qui y résident et dans une parfaite égalité avec eux, et cela a toujours été le sentiment de l'Impératrice. J'ai l'honneur d'être etc.

2723) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ[1]).

(Іюль—Августъ 1775 г.).

Мы повелѣли для собственнаго и единственнаго вашего свѣдѣнія сообщить вамъ здѣсь въ приложеніи копіи съ отправленныхъ нынѣ нашихъ Императорскихъ рескриптовъ, какъ къ находящемуся при Калгѣ Шагинъ-Гирей-султанѣ бригадиру Бринку, такъ и къ Керченскому и Еникальскому оберъ-коменданту генералу-маіору Борзову, по всѣмъ настоящимъ обстоятельствамъ дѣлъ татарскихъ и происшедшему въ нихъ повсемственному неустройству. Вы увидите изъ сихъ копій ту систему, которой рѣшились мы слѣдовать для возвращенія дѣлъ татарскихъ въ пристойное положеніе и утвержденіе ихъ независимости. А между тѣмъ, пока нужныя къ тому мѣры въ своихъ дѣйствіяхъ еще и не оказываются, вы, однако жъ, соображаясь съ повелѣніями нашими, данными Борзову и Бринку, не оставите подавать имъ съ вашей стороны и до того уже времени всѣ зависимые отъ васъ способы, кои иногда бъ могли касаться до исправленія слѣдующаго каждому изъ нихъ. Впрочемъ мы надѣемся, что вы нужную въ семъ дѣлѣ тайну напрачительнѣйше сохраните, такъ, чтобъ ни малѣйшаго повода подано не было къ предосудительной и преждевременной нашихъ намѣреній догадкѣ. И пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Проекты рескриптовъ къ начальствующимъ въ Крыму 1774—1775 гг.

2724) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА КЕРЧЕНСКОМУ И ЕНИКАЛЬСКОМУ ОБЕРЪ-КОМЕНДАНТУ ГЕНЕРАЛУ-МАІОРУ БОРЗОВУ [1]).

(Іюль—Августъ 1775 г.; приложенъ къ рескрипту кн. Прозоровскому).

Дѣла наши съ Крымскимъ полуостровомъ дошли до такого затруднительства и неустройства, что мы для сохраненія достоинства и славы нашей Имперіи за нужно находимъ въ поправленіе всего того предпріять и произвесть въ дѣйство будущею осенью мѣры и способы, кои были бъ достаточны возвратить оныя въ пристойное положеніе. Сказывается вамъ о семъ въ собственное и единственное ваше извѣстіе для благовременнаго васъ въ томъ предупрежденія и еще для того, чтобъ вы во время ознаменованія здѣшнихъ дѣйствій могли тому и сообразоваться, сколько будетъ съ вашей стороны возможно по тогдашнимъ обстоятельствамъ; а между тѣмъ поручается вамъ:

1-е. Недреманное око и всю осторожность имѣть противъ всякаго рода внезапныхъ непріятельскихъ нападеній, стараясь содержать себя въ такомъ оборонительномъ состояніи, чтобъ ни тайно, ни явно, никакія покушенія и предпріятія къ исторженію изъ вашихъ рукъ ввѣренныхъ вашей стражѣ мѣстъ ни малѣйшей удачи имѣть не могли, но со вредомъ и съ уономъ отражены были.

2-е. Стараться вамъ, сколько дозволитъ вамъ удобность вашего пребыванія и пріискиваемые способы, съ достовѣрностью развѣдать и въ здѣшнюю сторону донесть въ ближайшее отъ васъ мѣсто и по такой дорогѣ, которая меньше будетъ для васъ затруднительна, сколько со времени заключеннаго съ Портою Оттоманскою мира переправлено въ Крымъ турецкихъ войскъ и сколько нынѣ оныхъ тамъ дѣйствительно, и гдѣ именно находится, причемъ вы и впредь сюда доносить будете, ежели до времени здѣшнихъ противъ Крыма дѣйствій и еще пріѣзды въ Крымъ турецкихъ военныхъ людей иногда оказались бы, съ пріобщеніемъ равнымъ образомъ числа и состоянія каждаго новаго прибавленія.

3-е. Давно здѣсь извѣстно, что одно изъ крымскихъ поколѣній, называемое Мансурское, во всѣхъ противныхъ предпріятіяхъ тамошняго правительства и другихъ родовъ мало соглашалось и всегда было склоннымъ къ Калгѣ Шагинъ-Гирей-султану, почему въ настоящемъ положеніи дѣлъ татарскихъ весьма полезно быть имѣетъ, если

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Проекты рескриптовъ къ начальствующимъ въ Крыму 1774—1775 гг.

вы найдете случай искуснымъ образомъ войти въ сношеніе и связь съ лучшими и надежнѣйшими изъ начальниковъ сего поколѣнія, а до какой въ семъ случаѣ достигнете вы у нихъ довѣренности и какого содѣйствія можно будетъ отъ нихъ ожидать въ пользу ищемой нами Крыму и всѣмъ татарамъ независимости, о томъ будете вы сообщать бригадиру Бринку, находящемуся на стражѣ противъ Кубанской стороны при ономъ Калгѣ-султанѣ по отношенію надобности и употребленія извѣстій о всякихъ въ Крымѣ разногласіяхъ и происшествіяхъ новыхъ къ дѣламъ кочующихъ на Кубани ордъ Ногайскихъ.

Впрочемъ пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

2725) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА НАХОДЯЩЕМУСЯ ПРИ КАЛГѢ-СУЛТАНѢ ШАГИНЪ-ГИРЕѢ БРИГАДИРУ БРИНКУ [1]).

(Іюль—Августъ 1775 г.; приложенъ къ рескрипту кн. Прозоровскому).

Представлены были намъ репорты ваши отъ 27 и 28 Мая, полученные нашимъ генераломъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, изъ которыхъ мы видѣли распространеніе разврата и до тѣхъ уже Ногайскихъ татаръ, которые понынѣ придерживались Калги Шагинъ-Гирей-султана и повидимому ему преданными казались, и что такимъ образомъ Эдиссанцы лѣваго поколѣнія, а съ ними и нѣкоторые изъ Ногайцевъ, произведя съ здѣшними пикетами драку, отошли къ Кубани, а и прочіе оставшіеся при Калгѣ Эдиссанцы праваго поколѣнія и еще Джембуйлуки въ подозрѣніи общаго и единогласнаго съ отступившими заговора и къ послѣдованію имъ склонными находятся, будучи удерживаны только на первый случай преградой учиненнаго вами кордона, и что при сихъ обстоятельствахъ Калга-султанъ, воображая порчу своихъ дѣлъ и всѣхъ своихъ подвиговъ въ вышнемъ степени и какъ бы отчаяннымъ являясь, полагаетъ единственное средство къ нѣкоторому поправленію, чтобъ учинить для того погоню и поиски надъ бѣглецами силами не разбѣжавшихся еще отъ него татаръ при подкрѣпленіи здѣшнихъ войскъ, которыхъ онъ отъ васъ и требовалъ, а видя въ томъ вашу неподатность, пріемлетъ намѣреніе и безъ здѣшней обороны, но съ одними татарами, на то поступить и отважиться, совсѣмъ не уважая, если ему при томъ какое и несчастіе случится.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Проекты рескриптовъ къ начальствующимъ въ Крыму 1774—1775 гг.

Недостаетъ хотя еще въ сихъ первыхъ, отъ васъ дошедшихъ сюда извѣстіяхъ всѣхъ подробностей и слѣдствій ознаменовавшагося предательства, для точнаго опредѣленія мѣры, сколько вновь оказавшіеся противники больше или меньше привели тѣмъ раскаяніе свое въ затруднительство и умножили неустройства въ сторонѣ Кубанской, но между тѣмъ снабдены уже вы нужными распоряженіями отъ помянутаго генерала-фельдмаршала на случай продолженія отъ нихъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ покушеній, и какое вамъ въ разсужденіи Калги-султана имѣть обращеніе при сей случившейся въ бывшемъ его положеніи перемѣнѣ, а сверхъ того для вашего руководства и учрежденія вашихъ поступокъ по всей возложенной на васъ должности въ толикой внезапности, мы въ пополненіе данныхъ вамъ предписаній симъ за нужно нашли объявить вамъ и нашу монаршую волю въ слѣдующемъ:

Дѣла наши съ Крымскимъ полуостровомъ до такой уже крайности дошли и нетерпимости, что мы для сохраненія достоинства и славы нашей Имперіи въ должности себя видимъ употребить и предпріять противъ того мѣры сильныя и достаточныя; намѣреніе же сіе при помощи Всевышняго и окажется въ своихъ дѣйствіяхъ еще приходящею осенью, а между тѣмъ, для возбужденія татарскаго вниманія, и нынѣ уже тому начало сдѣлано въ наружной демонстраціи учрежденными въ извѣстныхъ вамъ мѣстахъ лагерями; то въ ожиданіи того и когда устрашеніе и обузданіе Крымцевъ долженствуетъ служить примѣромъ и для прочихъ развратившихся татаръ, нѣтъ и нужды продолжать подобныя съ стороны нашей старанія и усилія, какія понынѣ были употреблены на пріобрѣтеніе доброжелательства и преданности всѣхъ Ногайскихъ татаръ безъ изъятія, а довольно быть имѣетъ, когда нѣкоторая только изъ нихъ часть будетъ Калги-султана держаться и останется ему приверженною до самаго того времени, какъ здѣшнія относительно къ Крыму мѣры означатся и воспріимутъ свое дѣйствіе.

Итакъ, буде при полученіи сего Калга-султанъ, по наилучшему вашему примѣчанію и удостовѣренію, такихъ же въ расположеніи своемъ и въ образѣ мыслей, въ какихъ онъ былъ и всегда находился въ разсужденіи нашихъ видовъ, касающихся до вольности и независимости татарской, не перемѣнился по поводу новаго отъ него отступленія татаръ и удаленнымъ еще пребываетъ отъ поползновенности сдѣлаться преклоннымъ и прислужнымъ Крымской сторонѣ, а потому и Портѣ Оттоманской, для прекращенія своей заботы и своего состоянія, которое могло бъ иногда воображаться уже ему не только сумнительнымъ, но въ слѣдствіяхъ своихъ и бѣдственнымъ, въ такомъ случаѣ имѣете вы, свидѣвшись съ нимъ наединѣ, во-первыхъ, обнаде-

жить его продолженіемъ Императорскаго нашего покровительства и никогда не выходящаго изъ нашихъ видовъ старанія къ утвержденію его жребія на прочномъ основаніи и въ полной независимости, а потомъ сообщить ему о пріемлемыхъ нами въ разсужденіи Крыма намѣреніяхъ для возвращенія вообще всѣхъ дѣлъ татарскихъ въ пристойное положеніе. А дабы и онъ, Калга-султанъ, столько, сколько можно и нужно, тѣмъ нашимъ мѣрамъ содѣйствовалъ, для того мы всемилостивѣйше жалуемъ ему пятьдесятъ тысячъ рублевъ, изъ которыхъ вы и будете къ нему чинить отпускъ по его требованію; но о всемъ томъ скажете ему не инако, какъ пріуготовя и утвердя его къ сохраненію крайняго и отнюдь никакъ и никѣмъ непроницаемаго секрета, завися отъ того успѣхъ дѣла и собственная его польза; а деньги, коими онъ снабдѣвается, здѣсь желательно, чтобъ онъ обратилъ на сіи три нижеписанныя употребленія:

1-е. Когда не всѣ еще татары отъ него отстали, а нѣкоторые при немъ находятся для тѣхъ же мѣръ, кои въ надлежащее время окажутся въ своихъ дѣйствіяхъ, только и нужно, какъ выше сказано, чтобъ хотя нѣкоторая изъ Ногайскихъ татаръ часть видѣлась не отщетившеюся, но съ нимъ единогласною, то пускай онъ ищетъ способомъ закупки и задобренія сохранить оныхъ, кои отъ него не разбѣжались, и тѣмъ дѣйствіе соблазна, послѣдними отщепенцами поданнаго, предупредить.

2-е. Буде можетъ, чрезъ братьевъ-ли своихъ, между горскими народами живущихъ, или какъ инако, имѣетъ онъ обратить благовременно стараніе свое на пріуготовленіе наймомъ и рядою нѣкотораго числа войскъ изъ оныхъ горскихъ жителей въ свою услугу и употребленіе, такимъ образомъ, чтобъ, когда будетъ нужно и востребуется, по его повелѣніямъ съ нимъ соединиться и дѣйствовать могло. И наконецъ:

3-е. Полезно бъ было, чтобъ онъ искалъ пріобрѣсть и быть въ коннекціи и связи съ людьми, живущими въ Крымскомъ полуостровѣ и тамъ что-нибудь значущими, отворяя себѣ путь къ довѣренному съ ними отношенію денежнымъ же употребленіемъ кстати по мѣсту, по лицамъ и по времени.

Вы, давая знать ему, Калгѣ-султану, о сихъ назначеніяхъ въ расходъ и употребленіе отпускаемыхъ нынѣ къ нему денегъ, присовокупите къ тому же, что всѣ требуемыя и ожидаемыя отъ него распоряженія и запасныя пріуготовленія будутъ имѣть единственно ту цѣль и событіе совершительное, чтобъ въ одно и то же время, когда здѣшнія противъ развратившагося Крыма пріемлемыя мѣры въ своихъ дѣйствіяхъ окажутся съ успѣхомъ и по желанію, онъ, Калга-султанъ, могъ тогда же объявленъ и обнародованъ быть здѣшнимъ пособіемъ

съ тѣмъ большимъ уваженіемъ, чѣмъ больше предуспѣетъ вышеписанными тремя искательствами представить себя важнымъ понятію народовъ татарскихъ, самовластнымъ и ни отъ кого независимымъ орды Ногайскихъ ханомъ, съ предположеніемъ ищемаго признанія въ такомъ его верховномъ достоинствѣ отъ обѣихъ Имперій, то-есть Всероссійской и Оттоманской.

Изъ всего сказаннаго довольно видно, что, до времени явнѣйшаго ознаменованія здѣшнихъ видовъ, дѣло ваше въ томъ состоять имѣетъ, чтобъ сохранить пограничную безопасность, удержать Калгу-султана новымъ въ немъ возбужденіемъ ослабляющагося надѣянія при нашей сторонѣ съ первымъ неотмѣннымъ доброжелательствомъ и убѣдить его къ соображенію съ видами нашими, вновь ему открываемыми, и къ сокрытію всего того въ глубочайшей скромности. Но ежели бъ, несмотря на все такое вновь оказываемое ему къ нашей сторонѣ толь тѣсное присвоеніе, онъ, оставаясь въ непремѣнной къ намъ преданности, но влекомъ однако жъ и притомъ будучи къ возмездію и мстительности татарамъ, отъ него отступившимъ, имѣлъ непреоборимую склонность и рвеніе гнаться за ними съ одними еще не отступившими отъ него людьми, несмотря на всѣ ваши отсовѣтованія, вы тогда, хотя и можете отдать на собственный его произволъ и разсмотрѣніе поступить, какъ самъ заблагоразсудитъ, но, по крайней мѣрѣ, будете уже стараться нуждою собственной его безопасности склонить его, чтобъ онъ, отправляясь въ походъ и поискъ съ толпою толико ненадежною, оставилъ женъ и дѣтей ихъ и все имущество за здѣшнимъ кордономъ, и въ томъ самъ какъ татарамъ далъ повелѣніе, такъ и все исполненіе своимъ надежнымъ людямъ препоручилъ.

Каковы же отправлены по симъ же настоящимъ въ татарскихъ дѣлахъ обстоятельствамъ наши высочайшіе указы къ Керченскому оберъ-коменданту генералу-маіору Борзову и къ находящемуся противъ Крыма при войскахъ генералу-поручику князю Прозоровскому, со оныхъ прилагаются при семъ копіи для вашего извѣстія и отношенія особеннаго вашего упражненія къ общему и цѣлому устроенію всего предположенія.

Впрочемъ, собственное ваше проницаніе безъ сумнѣнія вамъ представитъ, что порученіе въ ваше управленіе толикой важности дѣла требуетъ отъ васъ всѣхъ возможныхъ усилій вашего къ службѣ и пользѣ нашей и отечества усердія, и что еще не довольно будетъ того, когда вы сами по себѣ ввѣряемый вамъ залогъ тайны свято и ненарушимо сохраните, но не меньше надобно и вашего жъ подвига есть дѣло и то, чтобъ сердце и мысли Калги-султана наистрожайшимъ образомъ къ тому же расположить и малѣйшія оказательства преждевременнаго самохвальства изобразить ему несвойственными его

жить его продолженіемъ Императорскаго нашего покровительства и никогда не выходящаго изъ нашихъ видовъ старанія къ утвержденію его жребія на прочномъ основаніи и въ полной независимости, а потомъ сообщить ему о пріемлемыхъ нами въ разсужденіи Крыма намѣреніяхъ для возвращенія вообще всѣхъ дѣлъ татарскихъ въ пристойное положеніе. А дабы и онъ, Калга-султанъ, столько, сколько можно и нужно, тѣмъ нашимъ мѣрамъ содѣйствовалъ, для того мы всемилостивѣйше жалуемъ ему пятьдесятъ тысячъ рублевъ, изъ которыхъ вы и будете къ нему чинить отпускъ по его требованію; но о всемъ томъ скажете ему не инако, какъ пріуготовя и утвердя его къ сохраненію крайняго и отнюдь никакъ и никѣмъ непроницаемаго секрета, завися отъ того успѣхъ дѣла и собственная его польза; а деньги, коими онъ снабдѣвается, здѣсь желательно, чтобъ онъ обратилъ на сіи три нижеписанныя употребленія:

1-е. Когда не всѣ еще татары отъ него отстали, а нѣкоторые при немъ находятся для тѣхъ же мѣръ, кои въ надлежащее время окажутся въ своихъ дѣйствіяхъ, только и нужно, какъ выше сказано, чтобъ хотя нѣкоторая изъ Ногайскихъ татаръ часть видѣлась не отщетившеюся, но съ нимъ единогласною, то пускай онъ ищетъ способомъ закупки и задобренія сохранить оныхъ, кои отъ него не разбѣжались, и тѣмъ дѣйствіе соблазна, послѣдними отщепенцами поданнаго, предупредить.

2-е. Буде можетъ, чрезъ братьевъ-ли своихъ, между горскими народами живущихъ, или какъ инако, имѣетъ онъ обратить благовременно стараніе свое на пріуготовленіе наймомъ и рядою нѣкотораго числа войскъ изъ оныхъ горскихъ жителей въ свою услугу и употребленіе, такимъ образомъ, чтобъ, когда будетъ нужно и востребуется, по его повелѣніямъ съ нимъ соединиться и дѣйствовать могло. И наконецъ:

3-е. Полезно бъ было, чтобъ онъ искалъ пріобрѣсть и быть въ коннекціи и связи съ людьми, живущими въ Крымскомъ полуостровѣ и тамъ что-нибудь значущими, отворяя себѣ путь къ довѣренному съ ними отношенію денежнымъ же употребленіемъ кстати по мѣсту, по лицамъ и по времени.

Вы, давая знать ему, Калгѣ-султану, о сихъ назначеніяхъ въ расходъ и употребленіе отпускаемыхъ нынѣ къ нему денегъ, присовокупите къ тому же, что всѣ требуемыя и ожидаемыя отъ него распоряженія и запасныя пріуготовленія будутъ имѣть единственно ту цѣль и событіе совершительное, чтобъ въ одно и то же время, когда здѣшнія противъ развратившагося Крыма пріемлемыя мѣры въ своихъ дѣйствіяхъ окажутся съ успѣхомъ и по желанію, онъ, Калга-султанъ, могъ тогда же объявленъ и обнародованъ быть здѣшнимъ пособіемъ

съ тѣмъ большимъ уваженіемъ, чѣмъ больше предуспѣетъ вышеписанными тремя искательствами представить себя важнымъ понятію народовъ татарскихъ, самовластнымъ и ни отъ кого независимымъ ордъ Ногайскихъ ханомъ, съ предположеніемъ ищемаго признанія въ такомъ его верховномъ достоинствѣ отъ обѣихъ Имперій, то-есть Всероссійской и Оттоманской.

Изъ всего сказаннаго довольно видно, что, до времени явнѣйшаго ознаменованія здѣшнихъ видовъ, дѣло ваше въ томъ состоять имѣетъ, чтобъ сохранить пограничную безопасность, удержать Калгу-султана новымъ въ немъ возбужденіемъ ослабляющагося надѣянія при нашей сторонѣ съ первымъ неотмѣннымъ доброжелательствомъ и убѣдить его къ соображенію съ видами нашими, вновь ему открываемыми, и къ сокрытію всего того въ глубочайшей скромности. Но ежели бъ, несмотря на все такое вновь оказываемое ему къ нашей сторонѣ толь тѣсное присвоеніе, онъ, оставаясь въ непремѣнной къ намъ преданности, но влекомъ однако жъ и притомъ будучи къ возмездію и мстительности татарамъ, отъ него отступившимъ, имѣлъ непреоборимую склонность и рвеніе гнаться за ними съ одними еще не отступившими отъ него людьми, несмотря на всѣ ваши отсовѣтованія, вы тогда, хотя и можете отдать на собственный его произволъ и разсмотрѣніе поступить, какъ самъ заблагоразсудитъ, но, по крайней мѣрѣ, будете уже стараться нуждою собственной его безопасности склонить его, чтобъ онъ, отправляясь въ походъ и поискъ съ толпою толико ненадежною, оставилъ женъ и дѣтей ихъ и все имущество за здѣшнимъ кордономъ, и въ томъ самъ какъ татарамъ далъ повелѣніе, такъ и все исполненіе своимъ надежнымъ людямъ препоручилъ.

Каковы же отправлены по симъ же настоящимъ въ татарскихъ дѣлахъ обстоятельствамъ наши высочайшіе указы къ Керченскому оберъ-коменданту генералу-маіору Борзову и къ находящемуся противъ Крыма при войскахъ генералу-поручику князю Прозоровскому, со оныхъ прилагаются при семъ копіи для вашего извѣстія и отношенія особеннаго вашего упражненія къ общему и цѣлому устроенію всего предположенія.

Впрочемъ, собственное ваше проницаніе безъ сумнѣнія вамъ представитъ, что порученіе въ ваше управленіе толикой важности дѣла требуетъ отъ васъ всѣхъ возможныхъ усилій вашего къ службѣ и пользѣ нашей и отечества усердія, и что еще не довольно будетъ того, когда вы сами по себѣ ввѣряемый вамъ залогъ тайны свято и ненарушимо сохраните, но не меньше надобно и вашего жъ подвига есть дѣло и то, чтобъ сердце и мысли Калги-султана наистрожайшимъ образомъ къ тому же расположить и малѣйшія оказательства преждевременнаго самохвальства изобразить ему несвойственными его

благоразумію и разсудку и вредными успѣху и отъ сущаго предательства почти не разнствующими. И въ чемъ во всемъ полагаясь мы на ваше раченіе и неусыпные труды, пребываемъ между тѣмъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

2726) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПРИНЦУ-ЕПИСКОПУ ЛЮБЕКСКОМУ [1])

(Раньше Августа 1775 г.).

La confiance dont Votre Altesse Sérénissime m'honore m'a toujours autorisé d'entrer dans tout ce que j'ai cru être du bien de son service. C'est sur ce titre que je me fonde dans la proposition que je veux avoir l'honneur de lui faire.

A la suite du traité définitif de l'échange du Holstein qui vient d'être ratifié par Son Altesse Impériale et le Roi de Danemark, la cession formelle des pays échangés va être faite par Son Altesse Impériale en faveur de Votre Altesse Sérénissime, et cet objet ouvrira une négociation à Vienne pour donner à cet acte et à toutes les dispositions qui en dépendent la sanction des lois de l'Empire. Je me suis trouvé sous la main un homme très capable de ménager des intérêts de cette nature et à qui nombre de considérations me feraient donner la préférence sur tout autre. C'est m-r de Koch, dont la conduite et le travail me sont connus pour avoir été pendant quatre ans attaché à l'ambassade de Russie à Vienne, homme très versé dans les affaires et qui a fait une étude particulière du droit public d'Allemagne. M-r de Saldern connait aussi son mérite et sa capacité. De concert avec lui et m-r le vice-chancelier je suis entré vis-à-vis de m-r de Koch dans quelques propositions que je soumets, Monseigneur, à votre approbation et dont m-r de Saldern vous rendra compte. Jusqu'ici je n'ai qu'établi la capacité et les talents du sujet. Je dois m'ouvrir sur les motifs de préférence qui me déterminent en sa faveur. M-r de Koch possède toutes les bontés, la confiance et l'amitié du prince Galitsyne, ministre de l'Impératrice à la cour de Vienne, et de là j'envisage de grandes facilités à la commission dont il vous plairait de le charger par un concours intime de ce ministre à ses opérations, considération, qui me parait de quelque poids.

Je ne dois point d'autre part cacher à Votre Altesse Sérénissime, qu'il ne nous est pas indifférent pour les affaires de notre cour d'avoir dans la personne qui sera accréditée à Vienne de sa part, un homme qui ait fait preuve de quelque attachement à nos intérêts et sur qui on

[1]) М. Г. А. Голштинія, IX, св. 2.

puisse compter dans l'occurence, et tel sera pour le prince Galitsyne celui que je propose.

Il me reste à ajouter, que par une liaison naturelle avec toutes ces considérations je souhaiterais que Votre Altesse Sérénissime, après avoir fixé son choix sur m-r de Koch, l'accréditât en qualité de résident, parce qu'outre l'agrément personnel, tout titre inférieur comporte moins d'avantage pour la chose même. Mais je ne m'ingérerai point à rien spécifier par rapport au traitement dont il lui plaira de le faire jouir, me bornant à désirer qu'il soit un peu distingué et proportionné à la dignité et au besoin de l'objet. D'ailleurs, comme je me suis entendu ici amplement avec m-r de Saldern sur toutes les parties de cette ouverture que je viens d'avoir l'honneur de faire à Votre Altesse Sérénissime, elle me permettra de me référer à tout ce qu'il aura l'honneur de lui en dire de bouche, très flatté, si elle approuve ce qui m'a inspiré mon empressement à la servir. J'ai l'honneur d'être etc.

2727) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ реляціи отъ 4 Августа 1775 г. изъ мѣстечка Паволочь генералъ-поручикъ О. А. Игельстромъ доносилъ Императрицѣ, что турецкій посолъ долго не соглашался останавливаться въ пути для карантина, желая прибыть въ Москву до начала магометанскаго рамазана, т. е. до 14 Октября; бар. Игельстромъ предлагаетъ задержать его въ пути такъ, чтобы къ началу рамазана прибыть въ Серпуховъ, гдѣ онъ и останется до окончанія рамазана.

Не замай, пріѣдетъ въ Сентябрѣ, или какъ успѣетъ.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

5 Августа 1775 г.—о подаркахъ отъ султана, о переселеніи татаръ въ Молдавію и Молдавцевъ въ Крымъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. VI, стр. 334.

2728) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [2])

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 5 Августа 1775 г.).

Monsieur mon frère. Je ne laisserai point retourner le grand général comte Branicki auprès de Votre Majesté, sans vous témoigner ma satisfaction de la lettre qu'il m'a apportée de votre part. Je ne puis voir

[1]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., № 66.

[2]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.

qu'avec reconnaissance l'intérêt que vous prenez à ma gloire et vos voeux pour ma prospérité. L'application du comte Branicki à me confirmer et me rendre dans toute leur étendue ces sentiments, en même temps qu'elle lui est un titre à ma bienveillance, le rend digne de mon attention. Je me persuade qu'il vous fera un récit tout aussi fidèle de mes dispositions pour le maintien de la bonne intelligence entre nous, pour la paix de votre royaume et votre bonheur personnel. Il dira à Votre Majesté, que ces objets, que j'ai sincèrement à coeur, je travaillerai toujours à en assurer l'intégrité et qu'en toute occasion elle reconnaîtra la sincérité de l'amitié avec laquelle je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté etc.

2729) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 5 Августа 1775 г.).

Monsieur mon frère. Parmi les grandes affaires qui viennent d'être réglées dans les états de Votre Majesté, celle des dissidents par son importance, par les débats malheureux qu'elle a produit, et conséquemment par l'influence qu'elle ne peut manquer d'avoir à l'avenir sur la paix et la prospérité de la république, mérite une considération toute particulière. Plus je me félicite que les deux partis ayent trouvé des termes de conciliation respectivement satisfaisants, plus il m'est naturel de désirer, qu'un accord aussi salutaire et qui a reçu la sanction de la loi sorte pleinement son effet. C'est à ce mouvement que je défère, aussi bien qu'à l'intérêt constant que je prends à la satisfaction de Votre Majesté, en recommandant à ses bontés, à ses soins vigilants et à sa protection efficace cette partie de ses sujets, citoyens de l'état. Je la prie de faire usage en leur faveur de l'autorité et des prérogatives de sa couronne, pour les mettre en possession et leur procurer la jouissance effective de l'état et des droits, qui leur sont assurés par les décrets de la république et garantis par le concours des puissances voisines. Votre Majesté en sent la justice, autant qu'elle en connait l'utilité. Celle-ci se montre évidemment dans l'intérêt et le système actuel de la république, et sur cela je n'ai qu'à me reposer avec confiance sur ses propres lumières. Mais aussi, comme je sais que la précipitation sur cet objet, gênante

[1]) М. Г. А. Польша, I, св. 1. Приложено также въ копіи къ письму гр. Панина къ бар. Штакельбергу отъ 12 Августа 1775 г. (М. Г. А. Польша, III, св. 39).

pour Votre Majesté, ne serait pas moins nuisible à la chose même, je laisse à sa sagesse à amener la possibilité et à en choisir les gradations. Toutefois je lui recommande instamment cette affaire et ne veux point lui cacher, combien la réussite m'en sera agréable. C'est au reste avec bien de la satisfaction que je lui réitère les assurances de la parfaite estime et de la sincère amitié, avec lesquelles je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, amie et voisine.

2730) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Послѣ 5 Августа 1775 г.).

1) Въ какомъ [2]) состояніи обороны наши крѣпости Яникулы, Керчь и Кинбурнъ, разумѣя ихъ укрѣпленіе и гарнизонъ?

2) Не подвергаются-ли оныя внезапному захваченію отъ Татаръ съ подкрѣпленіемъ, хотя еще и въ маломъ числѣ, пребывающихъ между ними Турокъ?

3) Въ случаѣ открытія на оныя непріятельскихъ дѣйствій, какъ скоро и каковую мы можемъ нашимъ гарнизонамъ подать иногда помощь сухимъ путемъ и водою, и положены-ли изъ осторожности каковыя-либо къ тому мѣры?

4) Привезенные Албанцы не дѣлаютъ-ли болѣе замѣшательства, нежели добра, тѣмъ мѣстамъ?

5) По разрушеніи Сѣчи Запо[рожской] взяты-ли осторожности къ пресѣченію сообщеній сей сволочи съ Татарами?

6) Дѣла на Кубанской сторонѣ требуютъ вниманіе, и потребно объ нихъ разсуждать.

(Запорожская Сѣчь уничтожена въ 1775 г.; манифестъ о томъ подписанъ 5 Августа 1775 г. О привезенныхъ въ Керчь албанцахъ въ Іюлѣ-Августѣ 1775 г.—см. Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. I, стр. 355).

2731) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ [3]).

Всемилостивѣйшая Государыня. По высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, я внесъ въ апробованный рескриптъ къ князю Репнину особенный параграфъ о испытаніи способовъ чрезъ

[1]) Гос. Арх., разр. X, № 69, л. 368.

[2]) Зачеркнуто: нынѣ.

[3]) Госуд. Арх., разр. V, № 94.

тамошнихъ пословъ къ выгоднѣйшему доставленію турецкихъ денегъ, какъ то Ваше Величество усмотрѣть изволите изъ подносимаго здѣсь набѣло къ подписанію того рескрипта; я въ ономъ держался тѣхъ Высочайшихъ разсужденій, которыя слышалъ я самъ отъ Вашего Императорскаго Величества, а осмѣлился присовокупить къ тому осторожность въ разсужденіи пословъ Голландскаго и Венеціанскаго, для того что обыкновенно повсюду рѣдко находятся такіе министры тѣхъ двухъ республикъ, на дискрецію которыхъ въ постороннихъ дѣлахъ полагаться было можно. Засимъ слѣдуетъ второй рескриптъ къ послу Репнину, о написаніи котораго получилъ я повелѣніе Вашего Императорскаго Величества чрезъ графа Потемкина. И подвергая себя къ монаршимъ стопамъ, пребываю со всеглубочайшимъ подобострастіемъ и проч.

Гр. Н. Панинъ.

Москва, 8 Августа 1775 г.

(На слѣд. страницѣ находится надпись: Присланные съ симъ два рескрипта 9 Августа подписаны Ея Императорскимъ Величествомъ въ селѣ Царицынѣ и того-жъ числа отосланы къ графу Панину).

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

9 Августа 1775 г.—о Крымскихъ и Ногайскихъ дѣлахъ, объ осмотрѣ въ Константинополѣ русскихъ судовъ, идущихъ изъ Архипелага въ Черное море съ поселенцами, о размѣнѣ плѣнныхъ, о деньгахъ на чрезвычайные расходы и о переводѣ турецкой контрибуціи въ Амстердамъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. VI, стр. 335—340. Въ апробованномъ Императрицею 5 Августа 1775 г. концептѣ этого рескрипта (М. Г. А., Турція, III, св. 21) находится на поляхъ слѣдующее собственноручное замѣчаніе Императрицы: противъ словъ: „Мы желаемъ посему только имѣть отъ васъ частное извѣщеніе, сколько денегъ будетъ вами по временамъ переводимо въ назначиваемыя мѣста“ и проч. (Сборникъ, т. VI, стр. 339)—Императрица написала: „*Здѣсь упоминать надлежитъ и о переводѣ денегъ въ Амстердамъ чрезъ пословъ Англійскаго и Голландскаго; чаю, что и Венеціанскаго къ сему употребить не излишно*“. Вслѣдствіе этого замѣчанія въ окончательную редакцію рескрипта вставленъ былъ гр. Панинымъ (см. выше № 2731) абзацъ со словъ: „Говоря теперь вообще“... и кончая словами: „обѣщанную намъ денежную сумму“. (Сборникъ, т. VI, стр. 339—340).

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

9 Августа 1775 г.—о требованіи у Порты выѣзда турецкихъ военныхъ людей изъ Крыма. Напеч. въ Сборникѣ, т. VI, стр. 334—335.

2732) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [1]).

Москва, 9 Августа 1775 г.

Въ слѣдующемъ здѣсь имянномъ рескриптѣ найдете ваше сіятельство достаточное разрѣшеніе на всѣ ваши по дѣламъ представленія. Я, съ моей стороны, истощивъ въ оныхъ все нужное, не нахожу теперь ничего къ особенному съ вами по дѣламъ бесѣдованію, а удовольствуюсь только приложить у сего для вашего свѣдѣнія три копіи съ рескриптовъ къ генералу-поручику Щербинину, къ Кіевскому генералу-губернатору и къ генералу-поручику барону Игельстрому; изъ перваго усмотрите вы, что производство татарскихъ дѣлъ, по назначеніи Евдокима Алексѣевича сенаторомъ, поручено его с-ву графу Петру Александровичу, а изъ другихъ—какое распоряженіе учинено въ разсужденіи пропуска турецкаго посла безъ карантина въ границы наши. По свойству сихъ бумагъ ваше с-во и опредѣлите уже сами, къ какому онѣ у васъ употребленію по обстоятельствамъ годны быть могутъ.

2733) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ СТАРШИНАМЪ ДИССИДЕНТОВЪ [2]).

Messieurs les anciens des dissidents. Le colonel Zelenski, votre député, m'a apporté votre lettre de remerciement pour la part que j'ai eue au rétablissement de votre communauté dans ses droits et prérogatives. Cet acte de gratitude et les nouvelles assurances de votre attachement à ma personne n'ont pu que m'être très agréables. La bienveillance que je vous porte et le bien de votre patrie, dans lequel je place, comme il est juste, votre conservation et la jouissance de votre état, vous assurent encore pour l'avenir de ma protection. Sur ce je prie Dieu, qu'il vous ait, messieurs les anciens des dissidents, en sa sainte et digne garde.

Catherine.

Moscou, ce 11 Août 1776.

---

[1]) М. Г. А. Турція, III, св. 20, и архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147.

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 39 (въ приложеніи къ письму гр. Панина къ бар. Штакельбергу отъ 12 Августа 1775 г.; см. ниже № 2735).

*

2734) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ СТАРШИНАМЪ ДИССИДЕНТОВЪ [1].

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 5 Августа 1775 г.).

Messieurs. Le colonel Zelenski, votre député, m'a remis la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire. Je me suis fait un plaisir de le présenter à la cour et de l'écouter dans les choses, qu'il a été chargé de me dire de votre part. La lettre de Sa Majesté Impériale, avec laquelle il retourne auprès de vous, messieurs, contient des assurances de la continuation de sa bienveillance et de sa protection. Vous voudrez bien ne pas douter, que je ne cherche à vous en faire ressentir les effets dans ce qui pourra dépendre de mon ministère et que je n'aie à coeur de vous prouver les sentiments d'attachement, avec lesquels je suis, messieurs, etc.

Moscou, ce 11 Août 1775.

2735) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2].

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 5 Августа 1775 г.).

Monsieur. Le député des dissidents, le colonel Zelenski, retourne à Varsovie et c'est lui qui sera porteur de cette dépêche. Sa Majesté Impériale l'a accueilli avec bonté et l'a muni d'une lettre pour sa communauté, en réponse à celle qu'il a eu l'honneur de lui apporter de sa part. J'ai l'honneur d'en envoyer ci-joint la copie à V. E. et de la faire suivre de la copie de celle, que j'ai moi-même écrite à ces messieurs.

A la sollicitation des dissidents, Sa Majesté Impériale s'est portée à écrire au Roi pour demander à ce prince de les mettre en possession de leur état. Vous serez informé, M-r, dans quels termes il a plu à l'Impératrice de faire cette réclamation par la copie de sa lettre, que j'ai encore l'honneur de vous envoyer ci-joint [3]. De plus, j'ai ordre de Sa Majesté de marquer à V. E., qu'elle suive avec soin cette affaire et qu'elle ne laisse échapper aucune circonstance favorable pour procurer aux dissidents la jouissance effective des choses, auxquelles leurs droits ont été authentiquement reconnus et consignés tant dans les constitu-

---

[1]) М. Г. А. Польша, II, св. 5, и III, св. 39 (въ приложеніи къ письму гр. Панина къ бар. Штакельбергу отъ 12 Августа 1775 г.; см. ниже № 2735).

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

[3]) См. № 2729.

tions de l'état, que dans ses engagements avec les étrangers. Vous reconnaîtrez par une partie de la lettre de Sa Majesté, qu'elle a tous les égards qu'on peut exiger pour la position connue du Roi; mais d'autre part, la paix de la Pologne à l'avenir, sa tranquillité avec ses voisins et plus particulièrement la gloire de notre cour, après les restrictions au traité de 1768, auxquelles elle a consenti en faveur du bien général, demandent que les stipulations, qui fixent les droits de cette partie des sujets de la Pologne, ne restent point vaines et illusoires. Le moyen donc de satisfaire à ces deux objets est que Sa Majesté Polonaise s'entende avec vous et qu'à la faveur de son droit de nommer aux vacances dans l'intervalle des diètes elle convienne avec vous des places, où les dissidents, sans causer trop d'ombrage et nuire trop évidemment à sa tranquillité personnelle, pourront entrer, et qu'elle les y nomme effectivement. C'est à obtenir ce point du Roi, que V. E. a à travailler et ensuite à le faire exécuter de manière qu'à la prochaine diète vous ayez déjà quelques dissidents dans des places, d'où on puisse les tirer pour le conseil permanent. Je me persuade, que vous apporterez tous vos soins à réaliser sur cela les désirs de Sa Majesté et que vous y réussirez par cette activité et cette intelligence, que vous mettez dans toutes les affaires. J'ai l'honneur d'être etc.

Moscou, ce 12 Août 1775.

2736) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

Monsieur. Le colonel Zelenski a une promesse du Roi d'acquitter pour lui mille ducats au banquier Tepper. C'est le besoin seul d'être plus promptement quitte de cette dette qui l'engage à vous faire prier par moi, M-r, d'obtenir de Sa Majesté, qu'il lui plaise le plus tôt qu'il sera possible d'ordonner le remboursement de cette somme. Le motif de cette promesse du Roi a été de dédommager le colonel Zelenski des pertes, que les troupes du Roi lui ont causées dans ses forêts, et aussi vous lui avez obtenu pour le même objet une pension viagère du Roi de 400 ducats. Aujourd'hui le colonel Zelenski désirerait instamment, qu'au lieu de cette pension Sa Majesté eût pour agréable de lui donner en possession la terre royale nommée Proszowiec. Les circonstances de la fortune de cet officier, la faveur d'un dédommagement reconnu juste, enfin le désir d'obliger un galant homme, tout m'engage à vous prier de vouloir bien appuyer cette demande, et je serai très aise, si vous pouvez la faire réussir. J'ai l'honneur d'être etc.

Moscou, ce 12 Août 1775.

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

2737) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ РЕЗИДЕНТУ ПРИНЦА-ЕПИСКОПА ЛЮБЕКСКАГО ВЪ ВѢНѢ КОХУ [1]).

Moscou, le 12 Août 1775.

C'est avec bien de la satisfaction, M-r, que j'ai appris par la lettre que vous avez bien voulu m'écrire, que le prince-évèque de Lubeck vous a nommé son conseiller d'état actuel et son ministre plénipotentiaire pour recevoir l'investiture de ses nouveaux états. L'intérêt que j'ai pris à votre établissement a été une suite trop naturelle des sentiments que vous m'avez inspirés pour qu'il ne soit pas durable et que je ne cherche pas à vous le faire recounaître dans toutes les occasions qu'il s'agira de vous être utile. Je recevrai dans ces dispositions tout ce que m-r le prince de Galitsyne sera en état de me dire de votre zèle pour le service de la cour, et vous pourrez toujours joindre à l'assurance que vous avez de son amitié celle de la parfaite estime, avec laquelle je suis etc.

2738) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ АССЕБУРГУ ВЪ РЕГЕНСБУРГЪ [2]).

Moscou, ce 13 Août 1775.

Je me trouve à la veille d'un voyage de trois à quatre semaines sur mes terres, lorsque je reçois la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le $^{6}/_{17}$ Juillet. Je ne veux pas différer jusqu'à mon retour à lui donner les nouvelles qu'elle désire de moi, surtout à lui renouveller l'assurance de mon inviolable attachement pour elle. Nous avons ici, M-r, la plus grande confiance en vos lumières et votre expérience sur ce qui concerne votre légitimation à la diète, et le délai que vous avez jugé à-propos d'y apporter ne causant aucune sorte de préjudice aux affaires, votre conduite à cet égard ne peut qu'être approuvée. D'ici à la fin des vacances je m'entendrai plus positivement avec V. E. sur ce qu'il y aura à faire ultérieurement; qu'elle veuille seulement agréer pour aujourd'hui mes voeux pour sa santé et les sentiments distingués de considération et de vraie d'amitié, avec lesquels je ne cesserai jamais d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Голштинія, IX, св. 2. Ср. № 2726.

[2]) М. Г. А. Регенсбургъ, III, св. 17.

2739) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КОНСУЛУ Ѳ. АЛЕКСІАНО ВЪ ПОРТЪ-МАГОНЪ [1]).

(По именному повелѣнію, изображенному на письмѣ Алексіано отъ 4/15 Іюня 1775 г. См. выше № 2688).

Moscou, ce 13 Août 1775.

En réponse à la lettre que vous avez trouvé bon de m'écrire, M-r, le 4/15 du mois de Juin dernier, j'ai à vous notifier les ordres de l'Impératrice sur le fait des 1281 barils de poudre commis à votre garde, qui sont, que vous travailliez à procurer la vente de cette poudre au prix le plus avantageux que vous pourrez pour la couronne. Pour cet effet vous commencerez par l'offrir au gouverneur de la place où vous êtes, en lui disant que nous lui donnons la préférence, et s'il en a besoin, vous vous en arrangerez avec lui; mais s'il ne veut point en faire l'achat pour le compte du Roi son maître, vous vous adresserez dans les ports à votre proximité, où vous pourrez plutôt en avoir le débit. Je suis avec une parfaite estime etc.

2740) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПРИНЦУ ГОЛЬШТИНСКОМУ ПЕТРУ-ФРИДРИХУ-ЛЮДВИГУ [2]).

(Expédié le 13 Août 1775).

Monseigneur. J'ai reçu avec autant de satisfaction que de reconnaissance les deux lettres que Votre Altesse m'a fait l'honneur de m'écrire depuis son départ de St-Pétersbourg. Les deux lettres jointes à la première pour Sa Majesté et Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc leur ont été présentées et ont été reçues avec de nouveaux témoignages de bonté et de bienveillance. J'ai ensuite fait l'usage que vous m'avez paru désirer, Monseigneur, de la proposition qui vous a été faite à votre sejour à Darmstadt. On a été satisfait de votre conduite et on n'y a trouvé qu'une preuve de sagesse et de circonspection. Je ne vous entretiendrai point des tristes circonstances où se trouve a présent cette négociation de mariage; vous les aurez malheureusement apprises et peut-être les avez vous vu commencer.

---

[1]) М. Г. А. Испанія, V, св. 1.

[2]) М. Г. А. Гольштинія, II, св. 1. О принцѣ Петрѣ Гольштинскомъ — см. Сборникъ, т. XIII, стр. 413 и 438, т. XXVII, стр. 23, 30, 32.

J'ai la plus grande confiance dans l'utilité que retirera Votre Altesse de ses voyages par l'application et le désir de s'instruire, qui la guident et qui trouvent en elle un fonds si heureusement disposé. Je ne fais que des voeux pour votre santé, et si je ne vous écris pas, Monseigneur, aussi souvent que je le dois et que je le désire, croyez qu'il n'en est pas moins vrai, que c'est avec le plus vif intérêt que je vous suis dans tous vos voyages. J'ai l'honneur d'être avec un respectueux attachement, Monseigneur, de Votre Altesse etc.

2741) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ МАРКИЗУ МАРУЦЦИ ВЪ ВЕНЕЦІЮ [1]).

(Expédié ce 27 Août 1775).

Après le long séjour qu'a fait chez vous le prince Radziwill, il est possible, M-r, qu'on y sache qu'est ce que c'était au vrai que l'aventurière, qu'il a eue avec lui et sur la naissance de laquelle il avait composé la fable qui vous est connue. Je vous prie de voir, si en vous faufilant un peu avec les personnes, que vous saurez qui ont le plus fréquenté sa maison, qui ont eu quelque habitude avec ses gens et tous les polonais de sa bande, vous ne pourriez point savoir le vrai nom de cette femme-là, son pays sa naissance et sa vie avant la comédie qu'on lui a fait jouer. Vous voudrez bien aller à la découverte de toute cette histoire, et ce que vous en apprendrez qui vous paraitra le plus certain, vous aurez la bonté de m'en faire part. Vous sentirez vous-même, M-r, qu'il ne sera pas indifférent ici, que vous puissiez me donner les informations que je vous demande. J'ai l'honneur d'être etc.

2742) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

(Августъ 1775 г.).

Monsieur. Le c-te Panine étant absent, comme j'ai l'honneur de le marquer à V. E. dans une autre lettre de même date que celle-ci, je me fais un plaisir de répondre pour lui, M-r, à la lettre d'office № 78 que vous lui avez adressée. Je dois faire part à V. E., que l'Impératrice a eu égard à ses représentations et à celles du général Kretchetnikoff sur la cession demandée par les polonais de 129 paysans. Le général est autorisé à consentir cet article, et de cette façon l'importante affaire de la

[1]) М. Г. А. Венеція, III, св. 3.
[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

démarcation se trouve entièrement terminée à la satisfaction des deux parties. Cette condescendance de l'Impératrice vous fournira, M-r, un nouveau sujet de faire remarquer à la république le désintéressement de Sa Majesté Impériale et son attention scrupuleuse à ne point s'écarter des engagements précis des traités. J'ai l'honneur d'être etc.

КОПІЯ СЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

2 Сентября 1775 г.—о дозволеніи грекамъ употреблять на судахъ русскій флагъ, о движеніи русскаго отряда къ Дербенту, о татарскихъ дѣлахъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. VI, стр. 350—353.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ.

Безъ даты (до 3 Сентября 1775 г.)—о внушеніи Шведскому посланнику барону Нолькену по поводу холоднаго пріема, оказаннаго графу А. П. Шувалову въ Стокгольмѣ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XV, стр. 609. См. ниже № 2746.

2743) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 31 Августа 1775 г.).

Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, изъ истиннаго моего къ вамъ доброжелательства и дружбы, открыться вамъ, милостивый государь мой, о сдѣланномъ здѣсь примѣчаніи по поводу находящагося въ послѣдней вашей депешѣ отъ 11 Августа обстоятельства въ разсужденіи Запорожскихъ казаковъ. Ваше с-во изволили между другимъ повѣренному въ дѣлахъ г. Петерсону предписать, въ опроверженіе производимой въ Константинополѣ татарскою чернью предосудительной молвы о воспослѣдовавшей судьбѣ съ продерзкими оными казаками, предъявлять въ числѣ преступленій, вынудившихъ ихъ уничтоженіе, и то, что отъ нихъ же произошло разбойническое раззореніе татарской слободы Балты предъ прошедшею войною, и то, что таковые же неоднократные были отъ нихъ поступки и въ Польшѣ. Напротивъ того, здѣсь разсуждается, что лучше было бъ о сихъ приключеніяхъ совсѣмъ остаться въ молчаніи, какъ о давнопрошедшихъ,

[1]) М. Г. А. Турція, III, св. 20, и архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147.

тѣмъ больше, что въ старое время ни то ни другое на счетъ однихъ Запорожцевъ не перенималось; ибо въ самомъ дѣлѣ не одни тутъ они были, но сволочь разбойниковъ, кои не въ здѣшнихъ границахъ, а въ Польшѣ всегда и собирались для произведенія своихъ злодѣйствъ, сходственно чему и въ самомъ манифестѣ о бывшей войнѣ не больше было сказано, но что между злодѣями, Балту раззорившими, нѣкоторые только нашлись изъ Запорожцевъ, которые и подвержены были тотчасъ на границѣ дѣйствительному наказанію, по мѣрѣ ихъ преступленія. Итакъ, чтобъ единожды предъявленное оставалось въ своей силѣ и чтобъ Порта не учинила иногда соображенія прежнихъ отзывовъ съ настоящимъ, и видится быть нужно удаляться и нынѣ отъ всякаго оныхъ распространенія; и о чемъ я, почтя за долгъ ваше с-во безъ отлагательства увѣдомить, прошу принять сіе слѣдствіемъ истиннаго моего почтенія и проч.

Москва, 3 Сентября 1775 г.

2744) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 29 Августа, отправлено 3 Сентября 1775 г.).

La lettre d'office de V. E. au comte Panine № 84 est arrivée ici, lorsqu'il était déjà parti pour une de ses terres, où l'Impératrice lui a permis de passer 3 à 4 semaines. En son absence j'ai cru devoir, M-r, mettre cette lettre sous les yeux de Sa Majesté Impériale, qui m'a ordonné de vous informer qu'elle approuve que vous acceptiez le diplôme de comte de l'Empire Romain, par lequel la cour de Vienne a voulu vous marquer sa satisfaction de vos services dans une cause, à laquelle elle même se trouvait directement intéressée. Après avoir ainsi eu l'honneur de vous notifier l'intention de l'Impératrice, je prie V. E. d'agréer mon compliment personnel sur une distinction si flatteuse et si bien méritée, et de trouver bon que j'y joigne les assurances de la part que je prendrai toujours à ses succès et à sa satisfaction.

J'ai encore à vous informer, M-r, que l'Impératrice vous autorise à recevoir le présent de 6000 r., qui vous a été offert par m-r le baron de Rewitzki; et afin de satisfaire à la réciprocité de notre part, j'ai l'honneur de faire passer à V. E. une lettre de change ci-incluse de 12 mille r.; six mille pourront être d'abord échangés par elle contre le présent offert par le ministre de Vienne, mais les autres six mille, destinés pour le

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

ministre de Prusse, resteront en attente chez elle, jusqu'à ce que celui-ci se trouve en état de lui offrir un présent pareil de la part du Roi son maître. C'est une formalité sur laquelle j'ai dû la prévenir. Au reste j'ai l'honneur d'être etc.

2745) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

3 Septembre 1775.

Comme il est question de faire passer une lettre de change à V. E., la chose m'a paru demander que je lui expédie un courrier, et c'est un des siens qui se trouvait ici en attente depuis quelque temps, le cornette Bacmeister, que j'ai profité de cette occasion de lui renvoyer. Je suis très satisfait, M-r, d'avoir pu vous procurer sitôt une résolution sur les deux points que vous m'avez fait l'honneur de me recommander dans votre lettre particulière du $^{4}/_{15}$ Août. La permission d'accepter le diplôme de comte a été donnée d'aussi bonne grâce que vous ayez pu le souhaiter. Mais l'affaire des présents aux ministres vos collègues exige quelques observations, qui sans doute n'échapperont pas à V. E. à la simple lecture de ma lettre d'office. D'abord elle sentira bien, que la somme ronde de 12 mille roubles que porte la lettre de change pour les deux présents, à raison de six mille roubles chacun, a été résolue d'après l'offre de six mille roubles, qui lui a été faite par le b-n de Rewitzki et dont elle a fait rapport en cour; et comme elle n'a point spécifié, si les mille roubles d'usage pour la chancellerie étaient compris ou non dans cette offre de six mille roubles de la cour de Vienne, on a supposé ici l'affirmative et on pense que la chose s'entendra de même pour les deux contre-présents. Du moins trouvé-je nécessaire de faire entrevoir à V. E., qu'il n'y a point d'apparence d'un supplément à attendre d'ici. J'aurai ensuite l'honneur de vous dire, M-r, qu'on a remarqué que le ministre de Vienne est le seul qui a offert le présent, et c'est ce qui a motivé ce que j'ai dû vous écrire au sujet de la réciprocité. Vous aurez donc la bonté de vous arranger de la manière que vous trouverez convenable avec m-r de Benoît, pour qu'il se mette de son côté en état de faire face à votre présent, et jusque là vous le garderez chez vous.

Au reste j'ai cru devoir me borner pendant l'absence du c-te Panine à ces deux seuls objets. Toutes les autres grâces que vous demandez

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

sont le prix de services qu'il a vus à leur naissance, qu'il a suivis dans tous leurs développements et qu'il est conséquemment plus en état que personne de présenter sous le jour qui leur convient à chacun. Peut-être n'aurais-je fait que l'embarrasser et mettre de l'empêchement aux vues qu'il peut avoir, si j'avais entamé la chose et tenté de la faire décider sans lui. C'est là la considération qui m'a retenu. Mais je vous promets, M-r, que c'est une affaire que je lui rappellerai d'abord à son retour et que je concourrai autant qu'il dépendra de moi à en accélérer la résolution. J'ai l'honneur d'être etc.

PS. Je reçois encore avant le départ du courrier, M-r, la lettre particulière que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le $^{17}/_{28}$ Août. J'aurai l'honneur de l'informer que ses deux lettres d'office au c-te Panine №№ 85 et 86 étaient pareillement arrivées. Le point important qu'elle représente dans celle-ci et qu'elle me prie d'appuyer, l'évacuation absolue de la Pologne par nos troupes, même par le corps du général Romanius, tient selon moi à tant de considérations, que j'ai cru ne devoir point précipiter une résolution à ce sujet, mais plutôt attendre le retour du c-te de Panine pour en conférer avec lui. Mon avis, préalablement à ce que j'entendrai de lui, que je ne veux conséquemment vous donner ici, M-r, que comme mon sentiment particulier, dont je reviendrai toujours dès qu'on me démontrera la nécessité d'en avoir un autre, serait de faire toutes les démonstrations de l'évacuation pour se conformer au traité, de diminuer effectivement le nombre de nos troupes afin de diminuer en proportion le fardeau de la Pologne, et pour celles qui y resteraient encore, outre la discipline qui doit être la plus exacte, de payer leur subsistance, mais de ne point se hâter encore de les faire sortir toutes et surtout à la fois. La moindre fermentation intérieure, et cela n'est peut-être pas si éloigné, puisque vous aurez à présent des avis du pr. Bariatinsky, que Krasinski et d'autres confédérés se sont mis en route pour la Pologne avec de nouveaux desseins, exigera la rentrée de nos troupes, et ce sera alors une opération fort critique. Nos deux alliés auront le même droit et pas moins d'empressement que nous de courir au feu, et qui peut alors en prévoir les suites? C'est une perspective qui probablement se réalisera tôt ou tard, mais qu'il me parait au moins prudent d'éloigner autant qu'il sera possible, et je n'en imagine pas pour le présent d'autre moyen que de tenir pied où nous l'avons. Tâchons de fermer la bouche aux polonais, en les traitant bien sur l'article de leurs livraisons, et pour nos alliés ils ne romperont pas avec nous pour faire sortir quelques milliers d'hommes que nous conserverons en Pologne; surtout dans ces premiers temps nous trouverons assez d'excuses pour les contenter. Voilà ce que je pense, sauf une plus ample discussion de

l'objet avec le comte Panine, à qui la nature et la marche de ces choses polonaises sont plus connues qu'à moi et conséquemment le calcul des événements plus facile. Mais je le répète, je ne donne ici que mon sentiment particulier à V. E. Je la prie de n'en faire aucun usage que ce puisse être, et que cela ne la gène en rien ni dans ses opérations, ni dans ses représentations.

Les bruits qui se répandent à Varsovie d'une nouvelle extension du Roi de Prusse, bruits que le chargé d'affaires le s-r Deboli donne ici pour des réalités fort importantes et qui, selon qu'il s'en est expliqué à moi, ont déjà fait résoudre à Varsovie l'envoi de quelques détachements de leurs troupes vers les frontières prussiennes et autrichiennes (celles-ci pour observer une sorte de parité envers les deux cours), ces bruits, dis-je, M-r, feraient encore selon moi pour ce que je viens d'avoir l'honneur de vous dire. Mais je ne leur donne au reste que l'importance qu'ils méritent sur le premier rapport de V. E. Elle ne manquera pas de nous marquer tout ce qui se sera trouvé vrai de ces nouvelles appréhensions des polonais, et c'est alors seulement qu'il pourra être pris sur cela quelque résolution.

Ce n'est encore que par la même lettre particulière de V. E., sur laquelle j'ai l'honneur de m'entretenir ici avec elle, que j'ai eu connaissance de la permission qu'elle a démandé de venir passer deux mois à Moscou. Comme vous me faites l'honneur en même temps de me prévenir, M-r, que vous en avez écrit précédemment au comte Panine, vous vous justifierez à vous-même le besoin que j'ai de savoir sur cela son sentiment, et vous ne désapprouverez point que je remette à en parler jusqu'à son retour. S'il ne s'y rencontre point d'obstacle, je négligerai d'autant moins de concourrir à vous procurer cette satisfaction, que c'en serait une personnellement pour moi d'avoir cette occasion de me lier plus intimement avec V. E. Je me trouve déjà dans des termes d'obligations vis-à-vis d'elle, par les peines qu'elle se donne pour me procurer les éclaircissements que je lui ai demandés sur mes terres, et j'attends d'elle qu'elle aura la bonté de me les faire passer aussitôt qu'elle les aura reçus. J'ai l'honneur etc.

Apostille.

J'ai expressèment choisi le cornette Bacmeister pour être porteur de l'expédition que j'ai l'honneur de faire aujourd'hui à V. E., afin de diminuer le nombre des courriers qui se trouvent ici. Si elle n'en a plus besoin, je crois qu'il pourra être renvoyé à son régiment.

2746) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 3 Сентября 1775 г.).

7 Сентября 1775 г.

Tous vos rapports n'étaient déjà remplis que des froideurs marquées que vous avez à essuyer à votre poste, lorsque vous avez dû, en même temps que m-r le comte Schouvalof, rendre compte à la cour de l'étrange réception, qui lui a été faite dans la commission qu'il a exécutée de la part de l'Impératrice auprès du Roi. M-r de Schouvalof, arrivé ici lui même, a confirmé de bouche tout ce que l'un et l'autre vous en avez écrit, en y ajoutant des détails qui ne pouvaient que rendre plus désagréable ce peu d'égards de Sa Majesté Suèdoise à une marque d'attention et d'amitié de notre cour. Sa Majesté Impériale, qui d'ailleurs ne veut opposer qu'un juste mépris à de pareilles petitesses, a cependant trouvé bon qu'on fit appercevoir, que rien ne lui échappe de ce qu'on ose se permettre d'irrégulier à son égard, et elle m'a nommèment ordonné de faire ressentir au ministre de Suède le baron de Nolcken cette singulière réception du comte Schouvalof. J'aurai l'honneur de vous mettre au fait, M-r, de la manière dont j'ai rempli les ordres de l'Impératrice, en vous transcrivant ici le précis de mon entretien avec lui.

M-r de Nolcken se rendit chez moi mercredi dernier l'après-midi; c'est le jour que j'ai fixé aux ministres étrangers pour conférer avec eux en l'absence de m-r le comte Panine; ainsi il n'y avait point eu d'invitation expresse, et il n'en était pas besoin, mais deux jours auparavant dans une partie de campagne à une des maisons de plaisance de Sa Majesté Impériale, à laquelle lui avec tous les autres ministres étrangers avaient été invités et ont eu l'honneur de diner avec l'Impératrice et de passer la journée dans sa société, j'avais glissé dans la conversation à m-r de Nolcken que je me flattais de le voir chez moi le mercredi suivant, et cela d'une façon à lui faire entendre que je désirais de lui parler.

J'ouvris la conversation par lui demander, s'il n'avait point de nouvelles de chez lui, et sur ce qu'il me répondait qu'il n'avait rien de particulier, je lui demandai, s'il ne lui avait été rien écrit touchant la commission de m-r de Schouvalof à sa cour; il me dit qu'on ne lui avait marqué rien autre chose, sinon qu'il avait eu ses audiences et qu'il ne

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 44. См. Сборникъ, т. XV, стр. 609.

doutait pas que les choses ne se fussent passées dans l'ordre accoutumé. Je poursuivis et lui demandai, si la commission, ainsi que la personne qui en avait éte chargée, avaient été agréables au Roi; il me répondit qu'il n'en doutait nullement. Pourquoi donc, continuai-je, M-r, a-t-on fait une réception si étrange à m-r de Schouvalof et si differente de celle qui a été faite aux cavaliers envoyés par l'Impératrice vers le Roi avec de pareilles commissions? Le jour de son arrivée le ministre de Russie demande pour lui l'audience, et on la lui fait attendre huit jours; au lieu de lui donner audience en ville, ou bien là où le Roi se trouve avec sa cour, le Roi vient à Ulricsdahl et le mande là pour lui donner audience. M-r de Schouvalof demande l'audience auprès de la famille royale et il ne l'obtient point, on prétexte le cas d'une indisposition pour la Reine-mère et pour la Duchesse de Sudermanie—de sa grossesse, mais pour la Reine régnante on ne prend pas même la peine de lui donner d'autre prétexte, si ce n'est qu'elle était absente. Son audience de congé lui est donnée à Carlsberg dans une maison de campagne qui n'est qu'à une demi lieue de la ville et où le Roi ne fait aucune demeure, et il doit repartir sans avoir vu ni la cour du Roi, ni aucune personne de la famille royale, pour laquelle cependant il avait ordre de s'acquitter d'un compliment de la part de l'Impératrice. M-r de Nolcken me répondit, qu'il était indifférent, en quel endroit le Roi donnait audience, pourvu que ce fût un château royal, et qu'il ne croyait point cette circonstance telle à pouvoir être remarquée; qu'il savait très bien que tous les cavaliers qui avaient été envoyés de la part de ma cour, avaient reçu toutes sortes de distinctions à la sienne et même plus qu'il n'en est fait ici, puisqu'ils ont souvent eu l'honneur d'être invités aux soupers du Roi. Sur cela je lui fis observer que chaque cour avait son étiquette, que Sa Majesté Suèdoise étant dans l'usage d'inviter de ses sujets même de grades très subalternes, il ne pouvait pas passer pour une distinction extraordinaire qu'elle y invitât aussi un cavalier étranger, constitué en rang et dignité et chargé d'une commission relevée auprés d'elle, d'autant plus que la même distinction se fait aussi à des cavaliers étrangers et qu'ils n'y sont admis que sur le même pied que les personnes du pays; mais que je le priais d'observer, que ce n'était pas sur ce point d'une distinction personnelle que portait ma remarque, puisque cela ne dépendait absolument que du plus ou du moins d'agrément que le Roi trouvait à la personne; que ce que j'avais l'honneur de lui dire touchait uniquement la réception formelle de m-r de Schouvalof; que je ne voulais point lui contester qu'il dépendait du bon plaisir du Roi de donner audience où il voulait et qu'aussi m-r de Schouvalof s'y était conformé, mais qu'il ne devait pas paraître moins étrange que le Roi eût quitté sa demeure, le lieu où il tient sa cour exprès pour venir donner cette audience, et c'est cela que je croyais

devoir lui remarquer; que du moins lui conviendra que cela ne pouvait pas être regardé comme une distinction pour m-r de Schouvalof, puisqu'il sait que de coutume tant les ministres étrangers que les cavaliers chargés de commissions à sa cour, lorsqu'ils sont mandés à quelqu'une des maisons de campagne du Roi, ont l'honneur de manger avec Sa Majesté; qu'à ma cour la réception faite aux cavaliers, qui y étaient venus de la sienne, avait toujours été la même, à l'exception des agréments personnels qui ont dépendu du plus ou moins de séjour qu'ils y ont fait: témoin celle qui venait d'être faite au comte de Loewenhaupt. Si son audience a été différée, c'est que l'Impératrice était alors en pélerinage, mais aussitôt qu'il a été fini, elle est rentrée en ville exprès pour lui donner audience. L'indisposition de m-me la Grande Duchesse a empêché qu'il n'ait pu la voir, on l'en a prévenu, et il ne dépendait que de lui de différer son départ de quelques jours pour jouir de cet honneur. Il n'y a jamais eu la moindre variation de notre part en tout ce qui a pu être d'attention envers la cour qui envoie, au lieu que m-r de Nolcken ne pourra disconvenir que tout ce qui a été fait vis-à-vis de m-r de Schouvalof diffère en tout point de ce qui s'était pratiqué précédemment, et conséquemment méritait de lui être relevé. Qu'au reste il sentait aussi bien que moi, qu'il ne pouvait pas être établi de réciprocité parfaite entre le traitement fait à chaque cour, chacune ayant ses usages propres, mais que ce traitement fait à m-r de Schouvalof, si différent de celui qu'ont reçu tous les cavaliers qui l'ont précédé avec de pareilles commissions, avait quelque chose de si étonnant qu'on avait peine à en imaginer le motif; qu'on ne pouvait pas supposer qu'il y eût là dedans quelque dessein prémédité, car il pouvait bien penser que de ce côté-ci on serait prêt à tout évènement; que c'est là la seule réflexion, qui peut donner quelque importance à toute cette affaire, parce qu'il sentait tout aussi bien que moi que tous ces détails d'étiquette ne sont dans le fait que des minuties, qui ne valent pas la peine qu'on s'y arrête, dès que d'ailleurs les dispositions des états entre eux, les sentiments personnels des souverains l'un pour l'autre sont tels qu'on le doit désirer pour la stabilité de l'union et de la bonne intelligence entre eux, et tels que je ne doute point que ne soyent ceux de l'Impératrice et du Roi; qu'il venait même d'en voir la preuve, puisque l'Impératrice, en se mettant au-dessus de tout cela, l'avait admis ainsi que tous les autres ministres étrangers à la partie, qu'elle avait faite il y a deux jours à sa maison de compagne de Tsaritsine.

M-r de Nolcken me protesta, que puisqu'il n'eut sur cela aucune information de sa cour, il était assuré et il me priait d'être persuadé qu'il n'était entré aucun dessein prémédité dans la conduite du Roi, dont les sentiments pour l'Impératrice étaient ceux de la plus parfaite amitié

et qui ne désirait rien aussi sincèrement que le maintien de la bonne intelligence entre les deux cours; que pour lui il n'avait qu'à se louer des traitements qu'il avait reçus lui-même, étant chargé d'une pareille commission à ma cour, pendant laquelle il avait eu l'honneur d'assister aux parties de l'Impératrice. Il m'observait que m-r d'Ehrenswärd n'avait pas joui des mêmes distinctions, à quoi je lui répondis, que m-r d'Ehrenswärd avait été malade presque tout le temps de son séjour à St-Pétersbourg et que, comme je le lui avais dit précédemment, tout cela était de ces distinctions personnelles dont je ne lui parlais pas. M-r de Nolcken à la fin de notre entretien me demanda la permission d'en rendre compte à sa cour, et je lui dis qu'il en était le maître. Il me demanda aussi, s'il devait marquer que c'était par ordre de l'Impératrice, et je lui répondis qu'il pouvait marquer que c'était moi qui lui avait parlé. Ainsi finit notre entretien du mercredi.

Le lendemain m-r de Nolcken demanda à me parler; comme je ne pouvais ce jour-là, je l'appointai à vendredi. Il vint donc et me dit qu'après l'entretien qu'il avait eu avec moi, il avait relu ses papiers; que le Roi lui avait marqué que la commission de m-r le comte Schouvalof, aussi bien que sa personne, lui avaient été très agréables et qu'il le chargeait de faire parvenir à l'Impératrice et de témoigner en toute occasion sa satisfaction sur l'une et sur l'autre; qu'il était bien fâché que la mauvaise saison l'eût empêché de le voir plus souvent; que la maladie continue de la Reine-mère et une indisposition de la Reine règnante avaient été cause, aussi bien que l'absence de deux frères du Roi, que m-r de Schouvalof n'avait pu voir personne de la famille royale; que m-r de Falkenberg l'en avait prévenu, et comme c'était un des points essentiels des remarques que je lui faisais, qu'il me priait de porter ces circonstances à la connaissance de l'Impératrice. Sur cela je lui dis, que m-r de Schouvalof n'avait rien dit de l'indisposition de la Reine, dont il ne lui avait été rien touché. M-r de Nolcken tira de sa poche et me mit sous les yeux la lettre du Roi, en me disant qu'il ne comprenait pas pourquoi m-r de Schouvalof avait envenimé la chose en omettant une circonstance aussi essentielle. Je repris que j'étais pénétré de respect pour ce qu'il plaisait au Roi d'avancer et que je ne doutais point que ses ordres n'eussent été donnés d'alléguer cette raison à m-r de Schouvalof, mais qu'il restait toujours à savoir, si m-r Falkenberg s'en était acquitté. Et m-r Nolcken insistant sur ce que m-r de Schouvalof avait omis de faire mention, je lui répliquai, que nous ne jugions que d'après le rapport de la personne que nous avons envoyée et qu'il est plus naturel que m-r de Falkenberg, encore neuf dans de pareilles réceptions, aura oublié de parler à m-r de Schouvalof, qu'il ne l'est, que celui-ci ait négligé de rendre compte d'une chose qui n'était point pour lui de nature à être tue ou

oubliée. En continuant la matière, je lui dis que tout répondait dans le traitement fait à notre ministre à celui qu'avait reçu m-r de Schouvalof, mais qu'il n'en était pas question pour le moment Alors m-r de Nolcken me dit: C'est sans doute des audiences dont m-r de Simoline s'est plaint; le fait m'est connu; c'est le secrétaire de l'autre qui s'est rendu le premier chez le président. Je lui dis que je ne faisais aucune reprise à ce sujet là, mais que puisqu'il me l'alléguait, moi je lui disais que m-r de Simoline étant arrivé en l'absence du Roi et ayant remis les copies de ses lettres de créance à m-r de Sparre, alors chargé de voir les ministres étrangers, c'est de cette remise de ces lettres qu'il devait dater pour son audience et non de l'envoi du secrétaire; qu'au reste je ne lui relevais point ce fait, mais qu'en général je pouvais lui dire, que la manière dont vous êtes, M-r, à sa cour ne répond nullement à l'accueil qui a été précédemment fait. Le reste de notre conversation se passa en compliments de part et d'autre sur le désagrément mutuel de pareilles explications et de son côté—en renouvellement d'assurances des sentiments du Roi pour l'Impératrice et du soin qu'il apportera toujours au maintien de la bonne intelligence entre les deux cours.

Je vous rends ces deux conversations, M-r, afin que vous sachiez de quoi il est question, si après que le rapport de m-r de Nolcken sera parvenu à sa cour, on touche la matière avec vous ou même en cas de silence, afin que vous puissiez présumer à l'air de ceux qui seront instruits d'une pareille insinuation, de quelle manière elle aura été prise. Et dans l'un et l'autre cas vous ne manquerez pas de nous faire savoir ici, soit ce qui vous en aura été marqué directement, soit ce que vous en aurez auguré d'après vos propres combinaisons. Vous pouvez aussi, M-r, ne pas faire mystère de tout cela aux ministres alliés.

A la suite de ceci, je dois vous prier, M-r, de vouloir bien me tirer au clair un article, que je ne trouve pas suffisamment expliqué ni dans vos rapports, ni dans ceux de m-r de Schouvalof, ni même dans ce que celui-ci a été en état de m'en dire de bouche. C'est celui de l'audience de congé. Lors de sa première audience m-r de Falkenberg vous a prévenu, que le Roi rentrerait en ville vers la fin du mois et qu'il donnerait l'audience de congé à m-r de Schouvalof; voilà ce que porte votre relation, mais elle ne nous apprend pas, si cette offre d'audience de congé a été faite de leur propre mouvement, ou si vous, M-r, vous en aviez fait la demande ou au moins quelque insinuation, que m-r de Schouvalof était pressé de s'en retourner. L'incertitude sur ce fait ne m'a pas permis d'y appuyer dans l'entretien avec m-r de Nolcken, et cependant la chose en en aurait valu la peine, si l'offre est venue de leur part.

Dans tout ce que je viens d'avoir l'honneur de vous dire, vous observerez que je ne me suis pas étendu avec m-r de Nolcken sur

l'article des froideurs, dont vous, vous avez tant à vous plaindre; mais j'ai ordre de vous faire savoir de la part de Sa Majesté Impériale, que si ces froideurs à votre égard ne cessent pas et que vous vouliez cet hiver faire un voyage à St-Pétersbourg, vous en êtes le maître, et ceci vous suffira pour toute permission; bien entendu qu'en prenant ce parti, vous insinuerez que c'est une permission que vous avez demandée pour votre santé ou vos affaires, et que vous accréditerez auprès du président de la chancellerie un chargé d'affaires, comme cela se pratique, et vous aurez la bonté de nous marquer d'avance, si Ruckmann que vous avez chez vous sera suffisant pour cela. Au reste je vous prie de ne nous rien laisser ignorer des faits qui caractériseront ces froideurs, surtout s'il s'agit d'un manquement à ce qui est dû au caractère que vous occupez. Aussi je me flatte que vous n'entreprendrez pas ce voyage sans nous en prévenir ici. J'ai l'honneur d'être etc.

2747) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Къ письму посла кн. Репнина къ гр. Н. И. Панину отъ 8 Сентября 1775 г. Кн. Репнинъ писалъ, что повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ Петерсонъ доносилъ ему о предложеніи турецкаго правительства „учредить наслѣдственныхъ хановъ у татаръ, кои бы низложенію подвержены не были". Ожидая такого предложенія въ переговорахъ своихъ съ рейсъ-эффендіемъ, кн. Репнинъ просилъ указать ему, „соглашаться-ли ему на сіе предложеніе, или единственно держаться, какъ и во всемъ прочемъ, заключеній мирнаго трактата". Съ своей стороны онъ полагалъ бы, что учрежденіе наслѣдственности хановъ было бы полезно для Россіи, ибо пріучило бы ихъ „самихъ себя подлинными государями почитать и наконецъ отъ Порты не зависѣть".

Ни мы, ни турки право не имѣемъ мѣшаться въ татарскія дѣла, ибо они суть независимы.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ.

9 Сентября 1775 г.—на докладѣ гр. Г. А. Потемкина о построеніи новыхъ крѣпостей на границахъ Турціи. Напеч. въ Сборникѣ, т. XXVII, стр. 50—51.

---

[1]) Гос. Архивъ, X, № 69, л. 357, и М. Г. А., Турція, III, св. 21. Напеч. Соловьевымъ въ „Исторіи Россіи", приложеніе къ XXIX тому (кн. VI, стр. 1069, по изд. товарищества „Обществ. Польза").

*

2748) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Статскаго совѣтника Веселицкаго всемилостивѣйше повелѣваемъ опредѣлить къ дѣламъ экспедиціи Татарской, ввѣренной нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому, съ тѣмъ погодно жалованьемъ, которое онъ имѣлъ, будучи резидентомъ въ Крыму.

Екатерина.

Въ Москвѣ, Сентября 9-го дня 1775 года.

2749) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

10 Septembre 1775.

Monsieur. Dans les dernières lettres qui nous sont parvenues de la part de V. E., elle a renouvellé ses instances pour l'entière évacuation de la Pologne par nos troupes. Cet article, M-r, vient d'être réglé à votre satisfaction, et probablement vous en serez déjà informé. M-r le comte Potemkine vient de me faire part, que les ordres sont déjà expédiés pour la rentrée de toutes nos troupes sans exception. J'ai l'honneur d'être etc.

2750) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [3]).

Moscou, ce 18 Septembre 1775.

La lettre que j'avais eu l'honneur de vous écrire pour m-r le c-te Ignace Potocki étant arrivée trop tard, le pr. Czartoryski vient de m'envoyer un exprès pour me renouveller ses instances en sa faveur et demander pour lui la charge de vice-chancelier de la couronne, dont la vacance est présumée prochaine par la mort de m-r de Borch, qui doit être à toute extrémité. J'ai l'honneur d'envoyer sa lettre à V. E., et en remettant cette affaire entièrement à sa disposition, je la prie de faire tout ce qui dépendra d'elle pour contenter le pr. Czartoryski. Son caractère soutenu d'honneur et de probité dans tout ce qui a regardé la Russie me fait désirer, et l'amitié personnelle qu'il m'a toujours témoignée me fait vous prier, M-r, que vous vouliez bien lui marquer

[1]) М. Г. А. Имени. указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 257.

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

[3]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

tous les égards possibles pour l'intérêt qu'il prend à la chose, en mesurant sur eux ce que vous croirez d'autre part devoir d'attention aux sentiments et aux dispositions politiques de son recommandé; et si même la conclusion que vous en ferez par devers vous, vous retenait de travailler aussi efficacement dans ses vues qu'il le désirerait, je vous prie de vous en ouvrir avec franchise avec lui, le traitant même dans ce cas comme une personne, qui par son attachement mérite d'être instruit des motifs, qui vous empêcheraient de le satisfaire. J'ai l'honneur d'être etc.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕОРГУ III, КОРОЛЮ АНГЛІЙСКОМУ.

Москва, 23 Сентября 1775 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIX, стр. 500—502. Тамъ же, стр. 478—479, напечатано письмо короля Георга III къ Императрицѣ отъ 1 Сентября 1775 г.

2751) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ О. А. ИГЕЛЬСТРОМУ [1]).

(Ея Величество изволила апробовать).

Въ Москвѣ, 30 Сентября 1775 г.

М. г. м. Осипъ Андреевичъ. На вопросъ вашего превосходительства, учиненный благосклоннымъ вашимъ письмомъ отъ 21 сего Сентября, о курьерахъ, къ турецкому послу присылаемыхъ, могутъ-ли они, какъ посолъ желаетъ, безъ остановки въ карантинѣ къ нему пропускаемы быть, симъ вашему прев-ву въ отвѣтъ сообщаю, что на сіе изъ необходимой предосторожности никоимъ образомъ дозволить нельзя, и не осталось иного сдѣлать, какъ то самое, что ваше прев-во и представили уже послу, то есть, чтобъ онъ отправилъ отъ себя на границу въ карантинъ нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты, довѣренности его достойныхъ, которые бы, принимая привозимыя изъ Константинополя тамошними курьерами депеши и словесныя ихъ предъявленія, могли бъ потомъ съ оными и сюда пріѣзжать и пересказывать, что они отъ тѣхъ изъ Константинополя пріѣзжихъ слышать будутъ. Я уповаю, что ваше прев-во изъясненіемъ послу всѣхъ тѣхъ основаній, по коимъ такое распоряженіе необходимо, въ разсужденіи здѣшней Имперіи уставовъ, а не меньше и самаго существа, склоните его на оное согласиться, завися почти единственно отъ успѣха вашего въ томъ настоятельства дѣйствительное и предупрежденіе могущаго быть въ противномъ случаѣ сумнительства въ обстоятельствѣ толико заботливомъ. Но что, напротивъ того, касается до письма ко мнѣ, имѣющагося въ рукахъ посольскихъ, отъ прежняго верховнаго визиря, и нужно-ли, чтобъ онъ, прежде его со мною свиданія, снабденъ былъ другимъ отъ настоящаго визиря, то какъ сіи письма по свойству своему не составляютъ персональной корреспонденціи, а только одинъ обрядъ, производимый отъ званія и мѣста, потому, если бы посолъ, пріѣхавъ сюда, не успѣлъ между тѣмъ получить и новаго, я и съ прежнимъ однако же принять его могу, и о чемъ ваше прев-во, когда посолъ навѣдываться сталъ бы, ему объявите. А впрочемъ я всегда пребуду и проч.

[1]) М. Г. А. Турція, II, св. 1.

2752) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ТУРЕЦКОМУ ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОСЛУ АБДУЛЪ-КЕРИМУ-ЭФФЕНДІЮ [1]).

(Сентябрь 1775 г.).

Превосходительный и высокопочтенный господинъ посолъ Блистательной Порты Оттоманской, Абдулъ-Керимъ-Эффендій, бегleръ-бей Румелійскій. Почтенное письмо вашего превосходительства изъ Тулы отъ 21 луны шаабъ имѣлъ я удовольствіе получить исправно чрезъ присланнаго отъ васъ квартирмейстера Мегметъ-агу. Весьма пріятно было для меня свѣдать о приближеніи вашемъ къ столицѣ всеавгустѣйшей моей Монархини, также и познать изъ письма вашего дружелюбныя ваши ко мнѣ расположенія, коихъ я и ожидалъ по давно уже имѣющемуся здѣсь мнѣнію о вашихъ отличныхъ достоинствахъ и добрыхъ сентиментахъ, учинившихся намъ извѣстными отъ порученной вамъ посреди войны негоціаціи временнаго перемирія обще съ нашимъ полномочнымъ комиссаромъ д. с. с. Симолинымъ, гдѣ вы самому мирному дѣлу толь хорошее преддверіе изготовили. Я радуюсь потому, что приближаясь теперь къ моменту, который поставитъ насъ чрезъ благополучное ваше ко двору Ея Императорскаго Величества прибытіе въ безпосредственную связь и сношеніе по дѣламъ, буду находить въ особѣ вашей министра конечно способнаго и усерднаго къ запечатлѣнію той доброй дружбы и вѣчнаго мира, кои благостью Всевышняго толь счастливо возстановлены къ блаженству взаимныхъ подданныхъ между обѣими нашими высочайшими и въ свѣтѣ знатнѣйшими Имперіями. Въ сей надеждѣ отправляя къ вамъ обратно съ симъ отвѣтомъ вашего человѣка и ожидая теперь скораго вашего сюда въ добромъ здравіи пріѣзда, увѣряю я васъ заранѣе о моемъ искреннемъ тщаніи и исканіи показывать вамъ въ здѣшнюю бытность всѣ отъ меня зависящія угодности и пособія.

2753) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРИНЦЕССѢ ВИЛЬГЕЛЬМИНѢ ПРУССКОЙ, РОЖДЕННОЙ ПРИНЦЕССѢ ГЕССЕНЪ-ДАРМШТАДТСКОЙ [2]).

Moscou, ce 2 Octobre 1775.

Madame ma cousine. J'ai reçu la lettre de Votre Altesse Royale avec tous les sentiments que m'inspirent sa confiance en mon amitié et sa sensibilité à la triste situation de madame la duchesse de Holstein, sa soeur. Votre Altesse Royale connait ma tendresse personnelle pour

[1]) М. Г. А. Турція, IV, св. 1.

[2]) М. Г. А. Пруссія, I, св. 1.

cette maison et l'intérêt immédiat que je prends à sa prospérité. Les disgrâces qu'elle éprouve dans la personne du prince héréditaire ne purent que m'affecter vivement, dès le moment que j'en fus informée. J'ai déjà fait témoigner au duc et à la duchesse par le ministre que je tiens auprès d'eux, la part que je prends à leur douleur, et je leur ai fait dire tout ce que j'imagine de convenable à leur triste état. Je continuerai à leur donner mes conseils et à m'intéresser à tout ce qui pourrait diminuer les chagrins de ces tendres parents, très flattée, si en suivant mes propres sentiments pour eux, je réussis à tranquilliser les vôtres et à vous donner cette marque de l'amitié distinguée et de la parfaite estime, avec lesquelles je suis,

Madame ma cousine,
de Votre Altesse Royale
la très affectionnée cousine et amie
Catherine.

2754) ПИСЬМО П. В. ЗАВАДОВСКАГО КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

По прочтеніи вложенной тутъ реляціи генерала-поручика де-Медема, Ея Императорское Величество соизволила сказать свою резолюцію: чтобы и татарскихъ аманатовъ отпустить, какъ и о другихъ уже сему генералу повелѣніе послано, и чтобъ я сіе донесъ в. с-ву на исполненіе. Я имѣю честь быть и проч.

Петръ Завадовскій.

Москва, Октября 3-го 1775 г.

(Къ означенному письму приложено донесеніе генерала-поручика Медема отъ 17 Сентября 1775 г. изъ Шедрина, гдѣ онъ испрашиваетъ предписанія относительно аманатовъ, взятыхъ съ 1771 г. у ногайцевъ и кубанцевъ).

ДВА РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

4 Октября 1775 г.—1) съ резолюціями на запросы кн. Репнина и съ наставленіями по поводу переговоровъ его съ рейсъ-эффендіемъ; 2) о дѣлахъ Крымскихъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XV, стр. 415—421).

2755) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КІЕВСКОМУ ГЕНЕРАЛУ-ГУБЕРНАТОРУ Ѳ. М. ВОЕЙКОВУ. [2])

Мы извѣщены отъ посла нашего князя Репнина, что онъ отправилъ къ вамъ въ подлинникѣ фирманъ Порты Оттоманской къ ея въ

[1]) М. Г. А. Дѣла Персидскія (Кубинскаго ханства, 1774—1800 г.г.), № 470.
[2]) М. Г. А. Архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147.

Очаковѣ начальникамъ объ освобожденіи въ тамошнемъ мѣстѣ всѣхъ плѣнниковъ нашего и прочихъ христіанскихъ народовъ и объ отдачѣ первыхъ купно съ поляками тому, кто съ россійской стороны для пріема ихъ присланъ будетъ, а волоховъ и молдавцевъ — комиссарамъ сихъ обоихъ княжествъ, кои не меньше къ вамъ же отъ него, посла, адресованы для единовременнаго всѣхъ плѣнныхъ принятія. Вслѣдствіе сего мы вамъ чрезъ сіе повелѣваемъ избрать изъ подчиненныхъ вашихъ способнаго изъ военныхъ или гражданскихъ чиновъ человѣка къ исправленію сего дѣла и отправить его, какъ наискорѣе, въ Кинбурнъ или же въ самый Очаковъ, снабдя его какъ приличными наставленіями по оному и относительно до комиссаровъ княжествъ Волошскаго и Молдавскаго, назначенныхъ въ равномъ съ нимъ намѣреніи, такъ и нужнымъ, по разсмотрѣнію вашему, количествомъ денегъ на дорожныя издержки, а особливо на содержаніе въ пути освобождаемыхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ польскіе уроженцы, если сами не пожелаютъ въ Россію, могутъ прямо изъ Кинбурна во-свояси отпущены быть, дабы на нихъ не тратить казеннаго содержанія; наши же подданные, по приводѣ въ Кіевъ, долженствуютъ распредѣлены быть по мѣстамъ, кто куда принадлежитъ. И пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 4 Октября 1775 года.

Екатерина.

2756) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ КИЗЛЯРСКОЙ СТОРОНѢ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ МЕДЕМУ [1]).

Нашему генералу-поручику Медему.

Представлена была намъ реляція ваша отъ 20 Августа, купно съ письмомъ къ нашему д. т. с. графу Панину отъ того жъ числа, о обстоятельствахъ порученнаго вашей стражѣ Кизлярскаго края. Мы, соображая содержаніе сихъ вашихъ доношеній съ общимъ настоящаго времени положеніемъ дѣлъ нашихъ въ разсужденіи Порты Оттоманской и Персіи, даемъ вамъ для вашего поведенія слѣдующія наставленія.

Изъ предыдущаго рескрипта нашего отъ 28 Іюля вы уже усмотрѣть могли, по какимъ причинамъ присвоеніе къ нашей Имперіи Персидскаго города Дербента и принятіе въ нашу протекцію пожелавшихъ

[1]) М. Г. А. Архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147 (письма гр. Панина къ кн. Репнину) и дѣла Персидскія (Кубинскаго ханства, 1774—1800 гг.) № 470.

оной Дагестанскихъ владѣльцевъ Тарковскаго и Буйнацкаго, за Кизлярскою границею живущихъ, съ пользою учинено быть не можетъ; тамъ было вамъ сказано о могущихъ изъ того произойти затруднительствахъ съ Портою Оттоманскою и о малой прочности изъ подданства сихъ горскихъ владѣльцевъ; а здѣсь мы по поводу получаемыхъ отъ васъ извѣстій о продолжаемомъ въ томъ вами подвигѣ, восхотѣли вамъ открыться и съ большею еще точностью о правилахъ нашей политики относительно къ Персидской сторонѣ, почему и надобно вамъ удостовѣриться, что для интересовъ нашей Имперіи всегда прочнѣе и выгоднѣе быть имѣетъ, когда сія держава, бывшая напредь сего знатная и сильная, останется и впредь въ нынѣшнемъ своемъ состояніи безъ прямой верховной власти законной и въ независимости частныхъ начальниковъ одного отъ другого, по большей части между собой несогласныхъ; но весьма, напротивъ того, сумнительно, что сіе неустройство не можетъ-ли въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи остановлено быть и частные начальники подвигнуться къ совокупленію и къ составленію общаго и единогласнаго дѣла въ случаѣ непресѣкаемыхъ съ стороны нашей касательствъ до принадлежностей персидскихъ и утвержденія въ оныхъ нашей власти и нашего владѣнія. Сверхъ того, еслибъ мы восхотѣли наши границы распространить отъ Кизляра въ Персію, по самой отдаленнѣйшей мѣрѣ возможности содержанія и защищенія тамошнихъ мѣстъ, никогда однако жъ такого пріобрѣтенія получить не можемъ, какое Порта, съ своей стороны, по непосредственному съ Персіей сосѣдству, тотчасъ найдетъ, вступая взаимнымъ образомъ въ завладѣніе ближнихъ къ себѣ мѣстъ персидскихъ, ибо статься не можетъ, чтобъ она, видя насъ въ такомъ упражненіи, похотѣла быть безкорыстною и не дѣйствующею.

Вслѣдствіе сихъ положеній мы, подтверждая и симъ вновь вышеобъявленный нашъ рескриптъ во всей его силѣ и ожидая между тѣмъ отъ васъ извѣстія, какое уже вы по оному исполненіе учинили, что касается до возвращенія оставленной въ Дербентѣ изъ войскъ нашихъ команды и до прекращенія всѣхъ наружныхъ оказательствъ, по которымъ бы тамошній ханъ еще принадлежащимъ къ нашей сторонѣ казался, а равнымъ образомъ и подтвержденія достовѣрнаго о происшедшемъ слухѣ о смерти главнаго Персидскаго правителя Керимъ-хана, дабы въ потребномъ случаѣ могли вы снабдѣны быть, по новымъ въ Персіи явленіямъ, свойственными съ оными и наставленіями, за нужно почли здѣсь же примѣтить вамъ, что и Хайдатскій владѣлецъ Уцмій, оказавшій намъ противности и котораго вы старательствомъ и настояніемъ вашимъ предуспѣли не только привесть въ раскаяніе, но взять съ него и съ сообщника его, Табасаранскаго кадія, и присягу въ вѣрности намъ, не можетъ и съ онымъ сообщникомъ своимъ, пока

мы въ настоящемъ съ Персіею положеніи остаемся, ни коимъ однако же образомъ присвоенъ быть къ нашей зависимости, по жительству его за границей же, равно какъ и другіе Дагестанскіе владѣльцы, о которыхъ вамъ въ прежнемъ рескриптѣ сказано было; слѣдовательно и находитесь вы въ должности удаляться отъ всякаго употребленія полученной съ него, Уцмія, присяги, кромѣ производимаго изъ того права требовать отъ него и отъ помощника его, кадія, чтобъ спокойно въ нашемъ сосѣдствѣ обращались, а въ толь лучшее предупрежденіе всякой предосудительной огласки, вы и аманатовъ ихъ отпустите обратно, предъявя имъ, что, удовольствовавшись ихъ послушаніемъ, за излишно почли дальнѣйшее такого залога содержаніе.

Но коль нужно по симъ уваженіямъ, чтобъ всякое сумнѣніе тотчасъ уничтожено было, будто мы наше владѣніе распространить желаемъ въ персидскую сторону, по случившимся обстоятельствамъ съ Дербентомъ и съ Дагестанскими владѣльцами, толико напротивъ того мы вѣру подаемъ вашей разборчивости въ томъ, что учиненное вами наказаніе поискомъ воинскимъ дѣйствительно нашимъ подданнымъ горскимъ жителямъ, такъ называемымъ Горячевцамъ, было предпринято не прежде, какъ по истощеніи умѣренныхъ способовъ къ ихъ успокоенію, и потому уже необходимое для воздержанія ихъ отъ дальнѣйшихъ противностей и для сохраненія должнаго почтенія и въ другихъ горскихъ племенахъ, особливо же въ самой близости отъ Кизляра живущихъ и удобныхъ, однако же не меньше и отдаленныхъ, къ разврату при всякой излишней терпимости, почему вы и впредь употреблять будете строгія мѣры не инако, а когда только оныя равнымъ образомъ никакими уже другими способами замѣнены быть не могутъ, да и въ надобности и пользѣ слѣдствій своихъ будутъ совершенно удостовѣрительныя, ибо впрочемъ, слѣдуя мы природному намъ человѣколюбію, всегда больше довольны будемъ тѣмъ, чтобъ сколько возможно, безъ предосужденія однако же достаточной безопасности для нашихъ сосѣдственныхъ къ горскимъ народамъ жительствъ, управа съ обличающимися изъ нихъ въ преступленіяхъ была всегда соображаема съ ихъ состояніемъ и образомъ жизни и съ случаемъ всякой происходимой отъ нихъ и продерзости.

Вы между другимъ представляете нынѣ о опасности въ отправленіяхъ въ Дербентъ потому, что подвластные нашихъ подданныхъ, Андреевскихъ владѣльцевъ, черкеевцы и другіе проѣзжающихъ грабятъ и бьютъ, а владѣльцы ихъ нимало не воспрещаютъ, но еще и сами ихъ на то возбуждаютъ. Повидимому и кажутся сіи владѣльцы виноватыми; со всѣмъ тѣмъ, ежели бъ вы вздумали за то ихъ наказать, они однако жъ никогда не могли бъ себѣ вообразить, что въ семъ случаѣ имѣло бъ оное ихъ постигнуть по справедли-

вости; а для чего? Для того, что больше съ нихъ взыскивалось бы, нежели они въ порядкѣ своей жизни и власти исправлять обыкли. Они не могутъ отвѣтствовать за пакости своихъ подчиненныхъ, въ пустынѣ чинимыя, они жъ, пока прямого доказательства нѣтъ о собственныхъ ихъ на то своихъ подчиненныхъ побужденіи, кромѣ обыкновенныхъ слуховъ, всегда возмнятъ и достаточную имѣть отговорку въ своевольствѣ народа и въ предъявленіи, что они въ томъ сами ни мало не причастны. Совсѣмъ другое дѣло было бъ, ежели бы посылаемые отъ васъ въ Дербентъ, какъ напредь сего всегда наблюдалось, имѣли нашихъ подданныхъ горскихъ владѣльцевъ чрезъ пустыя мѣста проводниковъ, и тогда бы уже за безопасность ихъ, и по собственному въ сихъ народахъ обыкновенію, они, владѣльцы, нѣкоторымъ образомъ какъ бы ручались. Но вы однако же совсѣмъ умалчиваете, какимъ образомъ такія отправленія дѣлаете и снабдѣваете-ли оныя препровожденіемъ отъ владѣльцевъ, а буде нѣтъ, такъ и неудивительно, что грабежи по дорогѣ происходятъ.

Изъ сего приведеннаго примѣра вы представить себѣ должны, коль удобно здѣсь кажется излишнимъ и несвойственнымъ требованіемъ возмутить варваровъ и привесть въ тягостное для Кизлярскаго края единомысліе, вмѣсто того, что снисхожденіемъ кстати и ко времени къ ихъ обыкновеніямъ и къ образу ихъ мыслей не только предупреждать можно оказуемыя отъ нихъ неудовольствія, но и больше иногда ихъ послушными имѣть, нежели всѣми воинскихъ поисковъ усиліями, частымъ своимъ повтореніемъ отчаянность ихъ до крайности возбудить могущими къ напрасной заботѣ, для чего всего мы вамъ и подтверждаемъ въ случающихся дѣлахъ съ сими легкомысленными горскими народами, сколько возможно, воздерживаться отъ обвиненія цѣлыхъ ихъ обществъ, а больше относить оныя на частныхъ людей, дабы прочіе, которые оставаться будутъ въ числѣ правыхъ, вамъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовать могли и тѣмъ предупреждали нужду въ употребленіи строгости, не всегда и полезной для ихъ обузданія по ихъ жестокости.

Въ разсужденіи же учиненнаго вами описанія о склонности большей части изъ Кабардинскихъ владѣльцевъ къ послѣдованію Крыму, мы даемъ вамъ знать, что тутъ ничего новаго не находится. Кабардинцы еще прежде прошедшей съ Портою Оттоманскою войны весьма приверженными къ Крыму учинились; надобно время, чтобъ они прямымъ доброжелательствомъ обратились къ нашей сторонѣ; впродолженіе войны препятствовало тому ласкательное для нихъ ожиданіе успѣховъ военныхъ операцій Порты Оттоманской, а нынѣ по заключеніи мира—ея же и политическихъ интригъ въ разсужденіи ищемаго ею уничтоженія нашей въ Крымскомъ полуостровѣ инфлюэнціи, чему начало и оказа-

лось отрѣшеніемъ поставленнаго во время войны въ ханы Сагибъ-Гирея, подъущеннымъ Крымскихъ чиновъ къ тому подвигомъ, и такимъ же глухимъ и пособствованіемъ вступить въ сіе достоинство Девлетъ-Гирею, всегда въ турецкой сторонѣ бывщему. Почему, завися теперь разсудительнымъ образомъ переломъ Кабардинскихъ мыслей и склонностей въ предпочтеніе къ сторонѣ нашей отъ политики обѣихъ Имперій, а не отъ военныхъ вашего края частныхъ противныхъ операцій, могущихъ ихъ только обезпокоить и утѣснить, а отнюдь не заставить прямо быть благонамѣренными, или въ сущей того нуждѣ удостовѣриться, не имѣетъ къ долгу вашего званія и порученнаго вамъ дѣла и касаться больше, какъ только, чтобъ противъ ихъ содержать нужную воинскую предосторожность, не допускать при границахъ здѣшнихъ производить злодѣйства, но стараться на самыхъ оныхъ мѣстахъ имъ дѣлать отмщеніе, а впрочемъ отнюдь не препятствовать теченію домашняго ихъ коловратства и примѣтною о томъ заботою не подкрѣплять ихъ высокомѣрія, но ожидать рѣшимости ихъ жребія отъ того положенія, въ какое напослѣдокъ Крымъ съ тамошнимъ правительствомъ приведенъ быть можетъ.

Такимъ образомъ, сказавъ мы вамъ все, что къ вашему руководству служитъ по всему пространству вашего попеченія, съ довѣренностью ожидаемъ отъ вашего къ службѣ нашей усердія, что вы, назначеннымъ вамъ правиламъ слѣдуя въ точности, потщитесь къ нашему удовольствію найтись въ состояніи доносить намъ о содержаніи спокойствія въ вашей сторонѣ, меньше неволею и превозможеніемъ, а больше благоразумнымъ употребленіемъ пристойныхъ для тамошнихъ народовъ способовъ и сносною для нихъ властью, въ какой надеждѣ мы и пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 4 Октября 1775 года.

Екатерина.

2757) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ РЕЗИДЕНТУ К. М. СИМОЛИНУ ВЪ МИТАВУ [1])

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 29 Сентября 1775 г. Отправлено 6 Октября 1775 г.).

Депешею вашею отъ 4/15 сего мѣсяца испрашиваете вы себѣ наставленія по случаю наступающаго въ вашемъ мѣстѣ сеймика, на которомъ возвратившійся изъ Варшавы земскій делегатъ донести имѣетъ

[1]) М. Г. А. Курляндія, III, св. 12.

о послѣднихъ тамо въ разсужденіи герцога и всего земства установленіяхъ. Справедливо при томъ и примѣчаніе ваше, что при семъ случаѣ не будетъ безъ шума и безъ разныхъ непріятныхъ явленій. Но не удивятъ уже насъ оными господа Курляндцы, по свойственному имъ духу безпокойства и всегдашняго недоброхотства къ законному ихъ герцогу, къ чему присовокупляется нынѣ и неудовольствіе о томъ, что новою о Курляндіи конституціею пресѣкаются нѣкоторыя изъ давнихъ лѣтъ вкоренившіяся, хотя по существу имъ же самимъ вредительныя, злоупотребленія, прекратя раздробленіе причинъ, возбуждающихъ ихъ толь часто ко всякимъ замѣшательствамъ и упорствамъ, довольно испытаннымъ вами самими во время министерства вашего; довольствуюсь я только примѣтить вамъ, государю моему, что все, что польскою делегаціею въ разсужденіи Курляндіи ни установлено, будучи утверждено самимъ сеймомъ и получивъ чрезъ то силу закона, даннаго всему герцогству отъ верховной своей власти, должно безпрекословно въ дѣйство произведено быть, тѣмъ наипаче, что и нашъ высочайшій дворъ въ томъ интересованъ, не токмо въ качествѣ союзника республики и ручателя ея трактатовъ, но и какъ сосѣдственная съ Курляндіею держава, которая никакъ не дозволитъ, чтобъ въ близости ея границъ происходили вредныя замѣшательства къ предосужденію законныхъ правъ и преимуществъ возстановленнаго ею герцога. На сихъ правилахъ надобно вамъ, государю моему, въ случаѣ происходящихъ въ вашемъ мѣстѣ развратныхъ поступковъ съ стороны земскихъ депутатовъ, распоряжать вездѣ, гдѣ потребно, какъ формальныя деклараціи, такъ и словесныя изъясненія ваши, сохраняя во всемъ пространствѣ установленіе Варшавское и употребляя всевозможное стараніе о приведеніи упорствующихъ къ должному повиновенію и къ ревностному съ его свѣтлостію содѣйствованію къ прекращенію всѣхъ общему согласію препятствовавшихъ обстоятельствъ, равно какъ и къ возстановленію нужнаго имъ всѣмъ покоя и тишины. Тутъ уже благоразуміе и проницаніе ваше должны рѣшить, гдѣ и когда кстати употреблены быть имѣютъ обнадеживанія о высочайшемъ Ея Императорскаго Величества благоволеніи и покровительствѣ, или же увѣщеванія и угрозы, съ показаніемъ неминуемыхъ слѣдствъ продолжительнаго ихъ упорства, оскорбляющаго высочайшее здѣшняго двора достоинство.

ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

10 Октября 1775 г.—съ извѣстіями о прибытіи турецкаго посольства и о разныхъ новыхъ назначеніяхъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XV, стр. 429.

2758) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КІЕВСКОМУ ГЕНЕРАЛУ-ГУБЕРНАТОРУ Ѳ. М. ВОЕЙКОВУ [1]).

10 Октября 1775 г.

По содержанію препровождаемаго здѣсь къ вашему высокопревосходительству именного Ея Императорскаго Величества рескрипта, касательно до возвращенія находящихся въ Очаковѣ плѣнныхъ въ отечество, нахожу я за нужно вамъ сдѣлать въ дружеской конфиденціи собственнымъ моимъ разсужденіемъ слѣдующее примѣчаніе. Хотя въ рескриптѣ и сказано точно, что всѣ наши подданные, освобожденные изъ плѣну въ Очаковѣ, долженствуютъ приводимы быть въ Кіевъ и оттуда во-свояси отпущаемы, однако же, какъ между ними могутъ случиться и такіе, кои принадлежатъ къ Новороссійскимъ губерніямъ или къ войскамъ, въ томъ краю расположеннымъ, то и кажется мнѣ гораздо удобнѣе было бы, если бы ваше высокопрев-во дали отъ себя повелѣніе тому, кто посланъ будетъ въ Очаковъ для принятія плѣнныхъ, чтобъ онъ, не заводя таковыхъ въ Кіевъ, отпускалъ ихъ прямо въ тѣ мѣста изъ Кинбурна или другого какого пограничнаго города, дабы тѣмъ самымъ, какъ симъ бѣднымъ людямъ не наводить двойного труда проходкою до Кіева и возвращенія опять, такъ сказать, тѣми же стопами во-свояси, такъ и сберечь тѣ денежныя издержки, кои отъ таковыхъ двойныхъ проводовъ оныхъ произойтить могутъ. Впрочемъ удостовѣренъ я, что собственная прозорливость ваша будетъ вамъ въ сихъ распоряженіяхъ наилучшимъ руководителемъ къ примышленію всего того, что можетъ послужить къ облегченію сихъ узниковъ, понесшихъ во время своей неволи тягостныя страданія.

2759) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [2]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 30 Сентября 1775 г.).

Въ Москвѣ, 10 Октября 1775 г.

Въ слѣдующемъ здѣсь за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ рескриптѣ найдете в. с-во достаточное руководство по поводу двухъ вашихъ послѣднихъ экспедицій, почему и достается мнѣ бесѣдовать здѣсь съ вами о двухъ только статьяхъ письма вашего отъ 8 Сентября, а именно—о признаваемой вами полезности въ учрежденіи между татарами наслѣдственныхъ хановъ и о назначеніи иногда отъ Порты особливыхъ комиссаровъ къ трактованію съ вами.

Я скажу вамъ на первое собственнымъ же моимъ мнѣніемъ, что, говоря абстрактивно настоящаго времени, учрежденіе наслѣдственныхъ у татаръ хановъ могло бы имѣть для Россіи свои особливыя и важныя выгоды, ибо наслѣдные государи, конечно, находили бы собственный свой интересъ не быть въ зависимости отъ Порты; но те-

[1]) М. Г. А. Архивъ Константиноп. посольства старый, св. 147.

[2]) М. Г. А. Турція, III, св. 20, и архивъ Константиноп. посольства старый, св. 147.

перь, милостивый мой другъ, обстоятельства совсѣмъ другія, ибо тутъ на сей часъ и представился бы весьма трудный и важный въ разрѣшеніи своемъ вопросъ: кого же бы избрать и учредить наслѣдственнымъ ханомъ? Нельзя, конечно, разсудительнымъ образомъ полагаться, чтобъ Порта согласилась на нашего Калгу-султана, а по крайней мѣрѣ на брата его, низверженнаго хана, по опасности потерять у татаръ въ конецъ всю свою инфлюенцію, напротивъ чего предусмотрительность и намъ бы не меньше возбраняла снизойтить въ разсужденіи настоящаго Девлетъ-Гирея-хана, ибо оный, какъ теперь Порта ни отпирается, не иное что въ существѣ своемъ, какъ сокровенной политики ея инструментъ, и потому для насъ наипаче опасенъ былъ бы, получая въ свои руки власть, страхомъ перемѣны не обузданную, а сверхъ того согласованіемъ нашимъ на его въ наслѣдственномъ ханствѣ установленіе разрушили бъ мы навсегда съ потерею всего кредита собственное наше по сю пору не безъ успѣха уже производимое дѣло въ отдѣленіи Ногайскихъ татаръ отъ Крымской власти и въ соединеніи ихъ особымъ корпусомъ подъ властью Калги Шагинъ-Гирея-султана, дабы способомъ онаго имѣть въ разсужденіи Крыма надежное и собственнымъ своимъ бытіемъ отъ насъ зависящее противовѣсіе. По всѣмъ симъ уваженіямъ и должно намъ, по высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, отзываться къ туркамъ, что „ни мы, ни они права не имѣемъ мѣшаться въ дѣла татаръ, ибо они суть независимы“ [1]).

Относительно до назначенія къ трактованію съ вами особливыхъ комиссаровъ нахожу я примѣтить, что въ семъ случаѣ нельзя оспаривать права Порты Оттоманской, ибо всякій государь воленъ къ дѣламъ своимъ употребить, кого онъ хочетъ, но тутъ только надобно было бъ требовать особливаго отъ султана уполномочія избираемымъ персонамъ. Я, напротивъ того, думаю, что дѣло обойдется такъ, когда турецкое министерство познаетъ изъ первыхъ вашихъ отзывовъ, что вы ни въ какую съ онымъ негоціацію вступить не можете, а особливо, когда еще къ тому прибавите, что получили повелѣніе не заживаться долго въ Константинополѣ, какъ министръ вышняго степени, не обремененный производствомъ текущихъ дѣлъ, а присланный единственно для запечатлѣнія мира, по взаимномъ отъ обѣихъ сторонъ исполненіи всѣхъ статей онаго.

Съ чувствительнымъ оскорбленіемъ видѣлъ я, милостивый мой другъ, что въ свитѣ вашей умножились болѣзни. Бога ради, берегите себя и фамилію вашу и не допускайте всѣми удобовозможными средствами и предосторожностями, чтобъ лихорадки, поселившіяся въ ваше общество, не распространились до градуса прилипчивой и опасной болѣзни. Вы знаете, какое участіе я въ вашемъ и фамиліи вашей благосостояніи принимать обыкъ, а потому и можете судить о настоящемъ моемъ безпокойствѣ. Пожалуйте, увѣдомляйте меня при всякомъ отправленіи объ обстоятельствахъ здоровья, какъ собственнаго вашего и вашихъ, такъ и всей свиты посольской, а притомъ и паки повторяю, употребляйте къ общему охраненію всякія пособія.

2760) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

19 Octobre 1775.

La lettre que V. E. m'a adressée en date du 23 Septembre (3 Octobre) a été mise sous les yeux de l'Impératrice, qui a daigné re-

[1]) См. резолюцію Императрицы № 2747.

cevoir avec bienveillance les hommages de votre respectueuse reconnaissance, M-r, de la permission qu'il lui a plu de vous accorder d'accepter le titre de comte du Saint-Empire.

Sa Majesté Impériale vient de nommer un ministre de second rang à Constantinople en vertu du dernier traité de paix. Elle a daigné disposer de cette place en faveur de m-r de Stakhief, ci-devant résident à Stockholm, en le nommant son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire à la Porte Ottomane. J'ai l'honneur d'être etc.

P.S. Quant aux objets renfermés dans les deux lettres particulières de V. E., je la prie d'être assurée, que je ne manquerai point de contribuer au remplissement de ses désirs, en ayant déjà parlé à S. E. m-r le comte de Panine. Celui qui regarde les troupes est déjà réglé, dont, ainsi que du reste, V. E. va être informée par m-r le comte Panine.

ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

26 Октября 1775 г.—съ приложеніемъ копіи съ записки турецкаго посла къ графу Панину относительно обращенія съ турецкими плѣнными въ Россіи по образцу того, какъ обращаются въ Турціи съ русскими плѣнными. Напеч. въ Сборникѣ, т. XV, стр. 485—487.

2761) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ отъ 30 Октября (10 Ноября) 1775 г. къ вице-канцлеру графу И. А. Остерману, посланникъ въ Стокгольмѣ И. М. Симолинъ напоминалъ о данномъ ему Императрицею разрѣшеніи уѣхать въ отпускъ. «Pour ne rien précipiter dans une semblable occurrence», прибавлялъ онъ, «je veux cependant encore attendre la réponse et les instructions ultérieures, qu'il lui (à l'Impératrice) plaira de me donner».

Dites lui donc qu'il peut partir.

2762) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ СЕКРЕТАРЮ С. С. ВОЛЧКОВУ ВЪ ДАНЦИГЪ [2]).

2 Ноября 1775 г.

Государь мой Семенъ Сергѣевичъ. По представленію вашего благородія и присланному при томъ сюда прошенію находящихся въ Гданскѣ купцовъ россійскихъ, говорилъ я съ пребывающимъ здѣсь королевскимъ Прусскимъ министромъ графомъ Сольм-

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 46.

[2]) М. Г. А. Данцигъ, III, св. 1.

сомъ и просилъ его, чтобъ онъ двору своему представилъ о чинимыхъ въ областяхъ прусскихъ россійской торговлѣ притѣсненіяхъ, на что получилъ нынѣ въ отвѣтъ, что происшедшее притѣсненіе воспослѣдовало безъ вѣдома Его Прусскаго Величества, во время его въ Силезію отсутствія, почему, коль скоро король его государь объ ономъ увѣдомиться изволилъ, не точію изволилъ указать россійскую торговлю оставить на прежнемъ свободномъ и нимало какими новыми налогами не угнетаемомъ основаніи и возвратить забранныя деньги, но и желая, чтобъ впредь такихъ подобныхъ убытковъ произойти не могло, еще поручилъ требовать точную записку, какіе именно товары россійскіе купцы во Гданскѣ закупаютъ, да и какіе туда изъ Россіи вывозятъ. И для того благоволите ваше благородіе, составя оную подробно и обстоятельно, ко мнѣ прислать. Какое дѣйствительное удовлетвореніе въ излишней пошлинѣ съ стороны Его Прусскаго Величества учинено будетъ, буду ожидать отъ васъ во свое время увѣдомленія; между же тѣмъ вамъ самимъ отнюдь не надлежитъ того удовлетворенія требовать, но довольствоваться однимъ примѣчаніемъ всего происходящаго, безъ упоминанія кому-либо о сообщаемомъ вамъ мною по сему дѣлу обстоятельствѣ. Впрочемъ съ искреннимъ доброжелательствомъ пребываю и проч.

2763) КОПІЯ СЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ДОКЛАДА КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ РЕЗОЛЮЦІЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

О награжденіи чиномъ и переводѣ въ Кіевъ бывшаго при гр. П. А. Румянцевѣ секретаря Коллегіи Иностр. Дѣлъ Василія Слотвинскаго на мѣсто находящагося при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Воейковѣ колл. асс. Ивана Корбе, коего уволить отъ службы съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника.

Быть по сему.

Въ Москвѣ, Ноября 3 дня 1775 г.

2764) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ ВЕЛИКОМУ ГЕТМАНУ ГРАФУ БРАНИЦКОМУ [2]).

5 Novembre 1775.

J'ai été très charmé d'apprendre, par la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le 26 du mois passé, son heureuse arrivée en Pologne, et je lui en fais mes félicitations bien sincères. La confiance qu'elle me marque en même temps n'est pas moins un sujet de satisfaction pour moi, et c'est à mon empressement à y répondre que je vous prie de mesurer le cas que j'en fais.

J'ignore parfaitement, si quelques propositions ont été faites au comte Stackelberg, mais je puis vous assurer bien positivement, qu'il

[1]) М. Г. А. Высочайше утвержденные доклады, св. 2.

[2]) М. Г. А. Польша, II, св. 5.

n'en a jamais été question ici et que l'ambassadeur ne parait pas avoir pensé ni à une diète extraordinaire, ni à l'augmentation du pouvoir du conseil permanent. V. E. connait les principes que nous avons adoptés et le but de tous les arrangements pris jusqu'ici, qui assurèment ne tendent qu'au maintien de la tranquillité dans sa patrie, à l'affermissement et à la stabilité de l'harmonie et de la bonne intelligence entre la Russie et la Pologne. Bien loin de vouloir affaiblir par des innovations un ouvrage qui à peine a pris de la consistance, on ne désire que de voir de tous côtés des efforts réunis à son maintien. Quant à moi, vous ne doutez pas, M-r le comte, de mon zèle et de mon application à y contribuer en tout ce qui dépendra de moi, et c'est même par ce principe que je vous prie d'étouffer des bruits, qui ne peuvent avoir été semés que pour affaiblir dans la nation polonaise sa confiance renaissante dans les intentions droites de ma cour. J'ai l'honneur d'être etc.

2765) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Всемилостивѣйше повелѣваемъ опредѣлить въ Магонъ консуломъ флота поручика Александра Алексіано, на мѣсто умершаго брата его.

Екатерина.

Ноября 7-го 1775 г., въ Москвѣ.

ДВѢ СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ РЕЗОЛЮЦІИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Послѣ 7 Ноября 1775 г.—о положеніи дѣлъ на Кавказѣ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XXVII, стр. 59—60.

2766) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ И. И. МЕСТМАХЕРУ ВЪ ЭЙТИНЪ [2]).

14 Ноября 1775 г.

Всѣ ваши депеши включительно по № 29 были мною въ свое время исправно получаемы и тогда же представляемы Ея Императорскому Величеству. Всемилостивѣйшая Государыня слышитъ конечно съ неудовольствіемъ какъ о успѣхахъ безумія принца-коадъютора Любекскаго, такъ и о препонахъ, поставляемыхъ со стороны родительницы его по принимаемымъ отъ герцога-епископа благоразумнымъ мѣрамъ въ возвращеніи его на истинный путь.

Все что вы по сю пору ни чинили вслѣдствіе прежнихъ вамъ данныхъ наставленій, также и изъ подвига собственнаго вашего

[1]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., № 65.

[2]) М. Г. А. Голштинія, III, св. 1.

ревностнаго бдѣнія, заслуживаетъ высочайшую Ея Величества апробацію, коею васъ симъ поздравляя, поручаю я при томъ вообще не ослабѣвать нимало въ вашихъ по сю пору толь удачно и благопристойно употребленныхъ отзывахъ и поступкахъ. Но чтобъ однако жъ точно и безъ всякаго уже сумнѣнія основывать вамъ оныя на опредѣленныхъ началахъ монаршей воли, поставляю я за долгъ себѣ сообщить вамъ здѣсь въ копіи посланныя нынѣ отъ меня къ г. статскому совѣтнику Сакену наставленія съ собственнаго Государыни Императрицы повелѣнія. Содержаніе оныхъ откроетъ вамъ всю связь и существо того плана, который по соизволенію Ея Величества мною на мѣрѣ положенъ и въ которомъ велѣно г. Сакену требовать сильнѣйшаго и дружескаго съ Датской стороны содѣйствія, дабы желаемая цѣль общимъ и согласнымъ обоихъ дворовъ стараніемъ удобнѣе и скорѣе достигнута быть могла.

Я не сумнѣваюсь, что Копенгагенскій дворъ приступитъ безъ затрудненія къ нашему плану и что оный потому своего, въ вашемъ мѣстѣ находящагося министра неукоснительно снабдитъ полными и ясными повелѣніями къ единовременному съ вами дѣйствованію, какъ у самого герцога-епископа, такъ и у министра его г. Гольмера, который, кажется, въ семъ случаѣ не удаленъ будетъ подкрѣплять по возможности виды и желаніе обоихъ дворовъ, дабы тѣмъ и себѣ пріобрѣсть безпосредственное ихъ покровительство.

А какъ вы, что собственно до вашего поведенія принадлежать имѣетъ, найдете въ депешѣ моей къ г. Сакену достаточное руководство, то и остается мнѣ здѣсь приложить только министеріальное мое къ Любекскому капитулу письмо, которымъ вы у онаго аккредитуетесь въ запасъ на внезапный случай кончины его свѣтлости герцога-епископа, дабы вы тогда формальное съ его стороны объявленіе принца-коадъютора дѣйствительнымъ епископомъ остановить могли, до будущей разрѣшительности въ безумномъ состояніи принца-коадъютора. Но и въ семъ случаѣ не хочу и не могу я оставить, не рекомендовавъ вамъ особливо, чтобъ вы, держась данныхъ г. Сакену наставленій, всячески и непремѣнно старались, дабы единственно физическое принца-коадъютора безуміе предъявляемо было резономъ, какъ въ случаѣ будущаго иногда отъ наслѣдства исключенія его, такъ и во всѣхъ противу его подвигахъ родителя и обоихъ содѣйствующихъ дворовъ, нашего и Датскаго, отнюдь не примѣшивая тутъ причинъ фанатичества его, дабы инако не компрометтироваться въ разсужденіи законовъ Имперіи Римской, и чтобъ потому и капитулъ Любекскій при кончинѣ герцога-епископа въ необъявленіи коадъютора дѣйствительнымъ ему преемникомъ взялъ въ поводъ замѣшательство въ умѣ его, а не склонность къ перемѣнѣ вѣры. Впрочемъ, прося васъ о

продолжительномъ и неусыпномъ далѣе употребленіи подвиговъ вашихъ къ совершенному превращенію внутреннихъ при герцогскомъ дворѣ интригъ, служащихъ къ умноженію принцова упрямства и фанатическаго умысла, а особливо частныхъ съ нимъ свиданій бывшей его гофмейстерины, противу чего можете вы въ случаѣ крайней нужды дѣлать приличныя представленія и именемъ двора нашего, увѣряю я васъ, что всегда пребуду и проч.

PS. Особенно тебѣ, мой другъ, рекомендую отвратить по всей возможности мысль вашу о перевозѣ къ намъ въ земли безумнаго принца, и старайтесь, чтобъ онъ былъ отданъ въ руки Датскаго двора. Также употребите все ваше стараніе привязать г. Гольмера къ нашимъ намѣреніямъ; вамъ самимъ легко представятся тѣ побудительныя причины, кои долженствуютъ его къ сему подвигнуть, лишь бы только онъ себя не допустилъ обольстить людьми развращенными. Сей пакетъ вручитъ вамъ коллежскій курьеръ и съ таковымъ же, не мѣшкавъ, отправится въ Копенгагенъ. Итакъ, отдаю я вашей собственной прозорливости, поелику вамъ у вашего двора открыться до полученія товарищемъ вашимъ изъ Даніи рѣшительныхъ наставленій о содѣйствованіи съ вами.

2767) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ К. И. САКЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

(Отправлено 14 Ноября 1775 г.).

Il est connu à la cour où vous êtes, M-r, en quel déplorable état se trouve le prince héréditaire de Holstein. Sa Majesté et Son Altesse Impériales sont vivement touchées de cette catastrophe d'une maison, pour l'établissement de laquelle leur tendre affection et leurs sentiments généreux s'étaient déployés avec tant de complaisance. Elles sont aussi pleinement persuadées, que le Roi et la famille royale, soit par les liens de la parenté, soit par l'amitié si intime qui les unit à l'Impératrice et à Monseigneur le Grand Duc, voyent ces malheurs avec la même sensibilité. Selon les derniers rapports faits à Sa Majesté Impériale par son ministre à Eutin, tous les remèdes et les moyens employés pour la guérison de l'infortuné prince ne laissent plus aucun espoir du retour de sa raison. Le terrible coup qui l'accable, malheureusement trop constaté, ne prescrit plus que le triste devoir de s'occuper de ses suites funestes pour les états qui lui étaient dévolus. La parenté du Roi de Danemark ainsi que son concours amical aux dispositions de Monseigneur le Grand Duc pour fixer le bien-être des peuples d'Oldenbourg et de Del-

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 13.

menhorst, en les donnant à un prince de leur maison, ne lui donnen pas moins le sentiment que le droit de s'intéresser à leur sort futur, et on ne doute point, qu'il ne consente à réunir ses soins à ceux de Sa Majesté Impériale et de Son Altesse Impériale, pour les préserver des maux dont ils sont si évidemment menacés. La conjoncture est trop pressante et trop préjudiciable pour qu'on tarde à y pourvoir. Mais Sa Majesté et Son Altesse Impériales, quoique appelées à s'en mêler par des liens plus proches et un intérêt plus immédiat, ne veulent rien commencer que d'un concert intime et par des mesures communes avec la cour de Danemark. Vous aurez donc, M-r, à vous ouvrir au ministère sur cette triste, mais indispensable nécessité pour les deux cours de s'unir et de travailler en commun à prévenir, que le malheur déjà si grand qu'éprouve la branche cadette de leur maison ne soit aggravé par la ruine des peuples qui lui appartiennent et par tous les désordres qu'entraîne l'incapacité absolue de gouverner.

En vous chargeant de demander le sentiment de la cour sur ce qu'elle même trouverait de plus expédient dans la malheureuse conjoncture qui nous agite, je veux vous mettre en état d'y faire connaître celui de Sa Majesté et de Son Altesse Impériales, afin que vous puissiez avec mr. le comte de Bernstorff combiner l'un avec l'autre et former un résultat de mesures qu'on puisse exécuter avec la célérité, que l'état des choses ne rend que trop nécessaire. Je vous dirai donc, M-r, que la marche qui s'offre comme la plus naturelle à Sa Majesté et à Son Altesse Impériales, quelque affligeante qu'elle soit pour ce respectable père, est de travailler auprès du prince-évèque et de le porter à prononcer lui-même sur l'état de son fils. On sait combien il lui en coûtera pour ce cruel sacrifice, mais son fils n'existant plus moralement, son affection trompée dans son objet naturel ne peut que se porter vers celui que le sang lui indique pour le remplacer dans sa tendresse et succéder à ses droits. La reconnaissance pour les actes de bienfaisance de la cour de Russie et les bons offices de celle de Danemark et l'humanité envers ses sujets viendront à l'appui de ce que le penchant de la nature doit avoir commencé. Sa Majesté et Son Altesse Impériales souhaiteraient en conséquence, que les deux ministres de Russie et de Danemark fussent autorisés à travailler en commun auprès de ce prince pour le porter à faire une convention avec le Roi de Danemark et Monseigneur le Grand Duc sous la garantie de Sa Majesté Impériale, en conséquence de laquelle il déclarerait l'incapacité de son fils et appelerait à sa succession son neveu le prince Pierre, fils du prince George, en conformité de ce que porte la confirmation Impériale sur l'acte de cession d'Oldenbourg et de Delmenhorst au défaut d'héritier ou en cas d'incapacité. La déclaration de l'incapacité et l'appel à la succession, comme emmené de lui seul, serait

aussi porté en son seul nom à la confirmation de l'Empereur et alors les deux cours se donneraient tous les mouvements nécessaires à la cour de Vienne pour la faire obtenir.

Comme la cour d'Eutin est pleine de fermentation et d'intrigues à l'occasion du malheur du prince héréditaire, le premier objet des deux ministres pour réussir dans leurs négociations doit être de s'assurer de mr. de Holmer, et on doit supposer naturellement à ce ministre d'autant plus de disposition à entrer dans les vues des deux cours, que son état et son bien-être à lui-même tiennent essentiellement à la bonne ou mauvaise qualité du successeur. Il ne parait pas moins important de faire des avances à la duchesse, du côté de laquelle on a la plus grande opposition à attendre et qu'on sait avoir beaucoup de pouvoir sur l'esprit de son mari. Indépendamment de sa tendresse qui ne lui permettra jamais de désespérer du rétablissement de la santé de son fils, l'état de veuvage où elle peut craindre de rester, son fils étant exclu du gouvernement, ne peut que l'effrayer et l'engager à se roidir plus fortement contre toutes mesures définitives qu'on voudrait prendre à cet égard. Les deux ministres devraient s'attacher à détruire ces appréhensions, en lui présentant une perspective plus heureuse qu'elle ne peut l'espérer par l'assurance d'un douaire honorable et aisé, qui pourra même être stipulé par un des articles de la convention. Le temps, auquel les deux ministres pourront faire l'ouverture de leur commission, pourra être le terme fixé pour le rétablissement du prince dans l'accord fait entre le duc et le prince George de Darmstadt pour la déclaration de la nullité du pacte de mariage. Ce point de l'incapacité au mariage décidé, comme il ne manquera pas de l'être au 1-r Janvier, parait ici l'introduction la plus naturelle à traiter la question de l'incapacité à la succession.

Tout ceci suppose, comme vous le voyez, M-r, et le ferez apercevoir à mr. le comte de Bernstorff, que la prolongation des jours du duc nous laissera le temps de régler la chose de son vivant, mais comme les années de ce prince, ses infirmités et surtout la révolution que ne peut pas manquer d'opérer en lui une atteinte aussi forte que le coup qu'il éprouve, peuvent tromper nos espérances, il est prudent que nous convenions dès à présent de ce qu'il sera à propos de faire, si malheureusement la mort du duc arrivait avant la fin de cette affaire.

Sur cela le sentiment de Sa Majesté Impériale et de Monseigneur le Grand Duc, que vous représenterez où vous êtes et que vous tâcherez de faire agréer, serait qu'aussitôt après la mort du duc, le Roi et Monseigneur le Grand Duc, en leur qualité de chefs de la maison, déclarent aux états d'Oldenbourg et de Delmenhorst l'incapacité du prince héréditaire, prennent possession du duché et les fassent administrer jusqu'à

ce que l'héritier légitime au défaut de son cousin le prince Pierre ait été reconnu. En ceci la cour de Danemark a des facilités par le voisinage de ses états, dont elle voudrait bien se servir en son nom et en celui de Son Altesse Impériale et faire aussitôt effectuer la mainmise. Le prince Pierre en même temps ferait sa déclaration pour réclamer ses droits. Lui et les deux princes, qui l'appuyent, porteraient conjointement à la décision de la cour de Vienne la question de l'incapacité, et la Russie et le Danemark feraient tous leurs efforts à Vienne pour obtenir une résolution conforme à leurs vues.

Comme la succession à l'évéché de Lubeck suivra incessamment le sort de la succession au duché et que les deux cours ne peuvent en conséquence de leurs arrangements qu'avoir la même intention de l'assurer pareillement au prince Pierre de Holstein, il sera bien important que la cour de Danemark fasse agir son influence auprès du chapitre pour qu'ils n'agissent que dans les vues des deux cours, surtout pour qu'ils laissent décider l'incapacité pour raison de folie et que d'eux mêmes ils n'aillent pas procéder contre leur coadjuteur pour raison de catholicisme, car si celle-ci est le premier motif mis en avant, on fera d'autant plus de chicanes à la cour de Vienne et il sera d'autant plus difficile de la ramener à ce qu'on veut. Il est donc fort nécessaire de contenir le chapitre jusqu'à ce que la convention avec le duc soit faite. C'est surtout dans le cas que le duc vienne à mourir avant l'arrangement, qu'il faudra veiller plus soigneusement sur ses démarches; aussi Sa Majesté Impériale a-t-elle trouvé à propos de munir à tout événement son ministre d'une lettre de son ministère au chapitre pour l'avouer dans les paroles qu'il devra lui porter selon l'exigence du cas. Je joins ici une copie de cette lettre dont vous ferez, M-r, communication. Je suis persuadé qu'on approuvera cette précaution où vous êtes, mais il en est une dont je dois vous parler, qui est la plus essentielle de toutes, soit que le règlement de l'affaire se fasse du vivant du duc, soit après, c'est de s'assurer dès à présent de la personne du prince, dont le triste état force à toutes ces mesures. Le Roi de Danemark est instamment sollicité par Sa Majesté et Son Altesse Impériales de condescendre à lui assigner pour demeure une place dans ses états à la proximité d'Eutin et de donner les ordres nécessaires pour sa garde, avec tous les ménagements et les dehors propres à montrer que ceci se fait sous l'autorité du père. L'entretien du malheureux prince devra comme de raison former un des articles de la convention.

Vous exposerez, M-r, tout ce que je viens d'avoir l'honneur de vous dire au ministère et vous le préviendrez, que dans l'assurance où nous sommes du concours du Danemark à cette affaire, tous les mêmes points que contient cette lettre, ou plutôt la lettre elle même envoyée en copie,

ont été prescrits pour instruction à m-r Mestmacher; on remet au reste au bon plaisir, ainsi qu'aux lumières de la cour de Danemark, d'y faire telle addition ou changement que le bien de la chose et une connaissance locale plus parfaite que nous ne pouvons l'avoir ici lui ferait trouver convenable, et l'Impératrice est si persuadée qu'il ne saura jamais s'y trouver rien, qu'elle et Monseigneur le Grand Duc ne puissent admettre, qu'elle a déjà prescrit à son ministre d'y conformer sa conduite.

Vous ferez votre rapport en cour, M-r, des sentiments dans lesquels cette ouverture aura été reçue et du plan auquel vous vous serez fixé avec le ministère de Danemark. Vous en informerez aussi directement mr. de Mestmacher et vous ne manquerez pas pendant tout le cours de l'affaire de lui faire parvenir tout ce que la cour de Danemark pourra désirer de lui pour sa coopération la plus parfaite et la plus intime avec son ministre à elle même à Eutin. J'ai l'honneur d'être etc.

PS. Voici, mon cher envoyé, une négociation des plus délicates. Ma tendre amitié pour vous suffit seule pour m'engager à y prendre toute la part possible. Je vous recommande donc instamment de ne vous point précipiter et de la conduire avec sagesse. Cherchez à intéresser dans votre propre conduite toute la confiance que vous devez donner à l'honnêteté et l'expérience de m-rs de Schack et de Bernstorff, afin que votre cour puisse approuver votre zèle. Surtout, mon cher ami, tâchez à porter la cour où vous êtes de se charger du prince malheureux. Une idée que je n'ai pas voulu insérer dans vos instructions et que je veux vous mettre en avant ici, est de porter ce prince lui-même à renoncer devant son père à la succession. Dites cela de votre part au ministère de Danemark, mais ajoutez-y, qu'il s'y présente en même temps une appréhension assez grave, qu'une telle démarche pourra facilement donner une prise au catholicisme à contester l'incapacité. Vous me ferez connaître, mon cher ami, dans une lettre particulière les sentiments des dits ministres sur cette idée. Je suis tout à vous de cœur et d'âme.

2768) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ доношеніи изъ Оренбурга отъ 15 Ноября 1775 года Оренбургскій губернаторъ генералъ-маіоръ И. Рейнсдорпъ писалъ о набѣгахъ Киргизъ-Кайсаковъ на русскія границы, уводѣ ими русскихъ въ плѣнъ и враждебныхъ ихъ отношеніяхъ къ Башкирамъ и просилъ резолюціи Коллегіи Иностр. Дѣлъ «учинить надъ Киргизами воинскій поискъ» для выручки плѣнныхъ, «и захватя надежныхъ Киргизцевъ, сколько будетъ возможно, какъ находящихся въ Ордѣ, такъ запроданныхъ въ Азіатскія области, принудить сродниковъ ихъ высвободить, о чемъ ханъ и солтаны сами понынѣ просьбою

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 262.

настоять, да и въ междоусобныхъ ихъ съ Башкирцами ссорахъ и взятьѣ лошадей по прежнимъ-ли здѣсь имѣющимся предписаніямъ поступать».

Подтвердить губернатору, чтобъ паче старался ласковымъ обхожденіемъ притянуть ихъ ближе къ нашимъ границамъ, не чиня поисковъ.

2769) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Какъ теперь совершенно уже миновала надобность службы нашей въ Средиземномъ морѣ, для которой маркизъ Кавалькабо на островѣ Мальтѣ аккредитованъ и содержанъ былъ, то и повелѣваемъ по сей причинѣ отозвать его оттуда назадъ ко двору нашему. На обратный путь всемилостивѣйше жалуемъ мы маркизу Кавалькабо *три тысячи* [2]) рублевъ, кои Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ и имѣетъ требовать по сему нашему указу отъ Статсъ-Конторы.

Данъ въ Москвѣ, « » Ноября 1775 года.

Екатерина.

Въ Москвѣ, Ноября 17-го 1775 года.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

19 Ноября 1775 г.—о попыткахъ Турокъ нарушить мирный трактатъ и о противодѣйствіи тому. Напеч. въ Сборникѣ, т. XV, стр. 524—525.

2770) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [3]).

Какъ по заключенному съ Портою Оттоманскою вѣчнаго мира трактату постановлено содержать впредь при оной нашего министра второго ранга, то высочайше и повелѣваемъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отправить туды бывшаго донынѣ въ Стокгольмѣ резидентомъ канцеляріи совѣтника Стахіева, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра нашего, снабдя его потребнымъ наставленіемъ. На тамошнее его пребываніе опредѣляемъ мы ему повсягодно жалованья по *восьми тысячъ*, да почтовыхъ по *четыреста* рублевъ, жалуя притомъ на проѣздъ и экипажъ *четыре тысячи* [4]) рублей,

---

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной экспедиціи, № 364.

[2]) Вписано Императрицей собственноручно.

[3]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной экспедиціи, № 365.

[4]) Набранное курсивомъ вписано Императрицей собственноручно.

которыя суммы имѣетъ Коллегія получить отъ нашей Статсъ-Конторы, требуя ихъ отъ нея во свое время по сему нашему указу.

Данъ въ Москвѣ, 23 Ноября 1775 года.

Екатерина.

2771) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ МАРКИЗУ КАВАЛЬКАБО, ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ПРИ МАЛЬТІЙСКОМЪ ОРДЕНѢ [1]).

Moscou, 1 Décembre 1775.

En conséquence des rapports faits ici par l'ambassadeur de l'Impératrice à Varsovie le c-te Stackelberg, je me suis informé, M-r, du comte Sacramoso, s'il savait, pourquoi les ratifications de son ordre sur l'accord qu'il a conclu en Pologne, n'étaient pas encore arrivées, et comme il ne m'a point caché que depuis l'envoi des actes il était absolument sans réponse de Malte, je ne dois point garder le silence avec vous sur ce retardement. Je vous charge d'aller à la découverte des motifs, qui peuvent l'occasionner, et de faire observer avec décence, qu'après avoir sollicité l'appui de Sa Majesté Impériale pour l'arrangement de cette affaire, et après qu'elle a été réglée sous ses auspices d'une manière aussi avantageuse pour l'ordre, il ne saurait être indifférent à l'Impératrice que lui même diffère si longtemps à y donner de son côté la sanction nécessaire. Comme il n'est pas naturel d'attribuer à la négligence seule les lenteurs sur une affaire d'un intérêt aussi évident, il ne sera pas hors de propos que vous releviez auprès de l'ordre le travail et le mérite du comte Sacramoso dans cette affaire. Sa bonne conduite et ses peines nous sont attestées ici par le témoignage du ministre de l'Impératrice à Varsovie, et elles ne doivent pas moins l'être à Malte par le succès de la négociation. Vous devez même faire valoir, que l'avantage personnel pour lui d'être connu de Sa Majesté Impériale et honoré de son estime n'a pas apporté une médiocre facilité à l'objet de sa mission à notre cour, et naturellement fortifie les résolutions, qui s'en sont ensuivies et dont l'ordre se voit à même de recueillir le fruit. Vous avez ainsi, M-r, deux choses à faire entendre où vous êtes: l'une que Sa Majesté Impériale désire que l'envoi des ratifications sur un accord sollicité auprès d'elle et ménagé par ses bons offices et sa protection, ne reste plus en arrière, et l'autre—qu'il lui serait agréable que le comte Sacramoso fût traité comme un homme qui a particulièrement bien mérité de son ordre. Je suis avec une parfaite estime etc.

---

[1]) М. Г. А. Мальта, II, св. 1.

2772) ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Moscou, ce 7 Décembre 1775.

Monsieur. C'est avec beaucoup de peine que j'ai appris par la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le $^{11}/_{22}$ de Novembre, la scène désagréable à laquelle le souper du comte Branicki a donné lieu. Cependant, comme la conduite judicieuse du Roi et la façon dont Sa Majesté s'est prise en cette occurence, doivent naturellement avoir affaibli et même étouffé toutes les impressions sinistres, on ne saurait concevoir la moindre appréhension au sujet des suites de la susdite scène. Je ne m'arrête donc, M-r le comte, qu'à ce passage de votre lettre qui parait indiquer la conviction, dans laquelle vous vous trouvez relativement à la protection de S. E. m-r le comte de Potemkine, dont vous croyez que m-r de Branicki est honoré. Peut-être s'en est-il vanté; peut-être lui prête-t-on des propos auxquels il n'aura pas pensé, pour fomenter une désunion entre vous et lui. Mais rien ne s'accorde moins avec la façon de penser de S. E. m-r le c-te Potemkine, qu'une protection préjudiciable aux affaires. Tout ami qu'il est du grand-général, il est trop bon patriote, trop attaché au vrai système et trop pénétré des principes sur lesquels il se trouve fondé, pour vouloir jamais favoriser le moins du monde des démarches contraires à ces principes. C'est avec pleine connaissance de cause que je vous donne cette assurance, et je vous répète, M-r, que vous pouvez vous reposer entièrement sur la façon de penser juste et patriotique du c-te Potemkine, dont les démarches ne tendent qu'à la gloire de notre Souveraine et au bien-être de la patrie. Toutes ses actions en portent l'empreinte, et votre propre expérience doit vous avoir convaincu du zèle et de la promptitude, avec lesquels il s'est employé aux arrangements que vous avez crus nécessaires pour le maintien du repos en Pologne. C'est par son entremise et suivant ses ordres que la marche et les mouvements des troupes furent réglés conformément à vos représentations. Ne vous mettez donc pas en peine des insinuations que quelques esprits inquiets et factieux tâcheront de faire et qui à la fin ne peuvent qu'aboutir à rien. Le cours des négociations compliquées de V. E. doit souvent l'avoir mis dans le cas de débrouiller les intrigues, que les différentes passions et intérêts font éclore dans un gouvernement comme la Pologne. Elle aura observé plus d'une fois, combien on s'est permis et de quelles protections on a osé se vanter pour s'appro-

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

cher de son but. Tout ce qu'on peut y opposer et même avec un succès assuré, c'est le mépris qu'elles méritent et cette droiture et confiance que la bonne cause inspire. Telle est au moins l'expérience que j'ai faite pendant mon ministère dans un pays, dont l'ancienne forme de gouvernement ne différait pas beaucoup de celle de Pologne. Au reste je n'ai qu'à me référer aux instructions, dont vous serez muni par S. E. m-r le comte Panine, ni à ajouter que les assurances de cette considération très distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

2773) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Monsieur. En conséquence de la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire en date du $^{18}/_{28}$ du mois dernier et que j'ai mise sous les yeux de l'Impératrice, Sa Majesté Impériale m'a ordonné de vous faire savoir, M-r, qu'elle vous permet de venir à St-Pétersbourg. V. E. est la maîtresse d'entreprendre ce voyage aussitôt qu'elle le voudra, seulement elle aura l'attention de charger du soin des affaires et de la correspondance pendant son absence m-r Asch, et elle le présentera comme tel au ministère. Je suis au reste très charmé de lui réiterer les assurances de la considération très distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

Moscou, 7 Décembre 1775.

Apostille.

Voilà, mon cher ambassadeur, la lettre d'office que vous attendez pour votre voyage à St-Pétersbourg. Je dois vous dire dans la plus grande confidence, que vous ayez à prendre avec vous toutes les pièces nécessaires pour défendre la bonne cause contre cet écervelé de sarmate, qui probablement ne manquera pas de vous suivre; aussi peut-être voudra-t-on vous entendre tous les deux ensemble. En conséquence munissez vous de toutes vos armes politiques pour justifier l'établissement du gouvernement actuel tant dans les motifs des trois cours que dans son utilité réelle pour la Pologne, et le besoin essentiel de le maintenir pour assurer et garantir à chaque cour son partage aussi bien que le système fondé sur leurs recouvrements respectifs et l'état de puissance intermédiaire assigné à la république. Au reste je ne veux pas vous laisser ignorer, mon cher ami, que quoique Sa Majesté Impériale parte dans quelques jours, je m'arrêterai ici pour l'expédition de l'ambassadeur turc

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

jusqu'à la moitié et même la fin de Janvier. Ainsi vous aurez seul à soutenir au moins la première attaque. Mais ne vous découragez point; je prépare vos batteries autant qu'il est en moi, et vous trouverez dans la personne du vice-chancelier un auxiliaire fidèle. Je suis avec l'attachement le plus vrai etc.

2774) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Вдова конюшаго вел. княжества Литовскаго князя Удальриха Радзивила, княгиня Элеонора Радзивилъ, обратилась къ Императрицѣ съ письмомъ отъ 26 Ноября 1775 г., въ которомъ описала насилія, совершенныя братьями ея покойнаго мужа надъ нею и ея сыномъ; они отняли у нея все имѣніе, завѣщанное ей ея мужемъ, пытались отнять у нея сына и лишили ее всякаго пропитанія. Княгиня Радзивилъ просила поэтому Императрицу заступиться за нее. Къ письму ея приложена печатная на польскомъ яз. докладная записка о процессѣ ея съ братьями ея мужа, съ русскимъ переводомъ.

Прикажите Штакельбергу [2]) всячески интересоваться о семъ справедливомъ дѣлѣ, а сына ея, буде она желаетъ, Штакельбергъ сюда съ собою привезти можетъ.

Въ Москвѣ, 7 Декабря 1775 г.

КОПІЯ СЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ.

8 Декабря 1775 г.,—объ отобраніи розданныхъ грекамъ русскихъ флаговъ, о характерѣ Турокъ, о трактованіи съ ними Крымскихъ дѣлъ и проч. Напеч. въ Сборникѣ, т. XV, стр. 604—608. Въ апробованномъ Императрицею 6 Декабря 1775 г. концептѣ этого рескрипта (М. Г. А. Турція, III, св. 21) сдѣланы ею на поляхъ краснымъ карандашомъ нижеслѣдующія собственноручныя исправленія и замѣтки: въ словахъ: „Примѣчанія и разсужденія ваши о внутреннихъ расположеніяхъ какъ всѣхъ турковъ вообще, такъ частно напротивъ самого султана и его настоящаго министерства, свидѣтельствуютъ (намъ съ одной стороны бдѣтельную вашу прозорливость, а съ другой) нужду согласовать“ и проч. (Сборникъ, т. XV, стр. 605, строка 1-я сверху и слѣд.), поставленное въ скобкахъ зачеркнуто Императрицею и на поляхъ написано ею: „*Довольно сказано слѣдующими строками, чтобы твердость согласуема была съ тономъ дружбы, и для того нѣтъ нужды относить примѣчанія къ прозорливому бдѣнію*“. Вошедшія въ напечатанный текстъ рескрипта слова: „*Между убѣжденій, которыя много разъ и предъ симъ уже повторены, можно помѣстить и сіе уваженіе къ стати* [3]): *что ежели правитель-*

[1]) Подлинная записка въ Госуд. Архивѣ, разр. X, № 70, л. 32; копія—въ М. Гл. Архивѣ, Польша III, св. 39.

[2]) Послу въ Варшавѣ.

[3]) Напечатано: „къ статьѣ“.

ству на все требовать согласія отъ черни и по ея прихотямъ перемѣнять государственныя постановленія, то ничего не будетъ ни священнаго, ни надежнаго“ (Сборникъ, т. XV, стр. 606, строка 2-я снизу и слѣд.) написаны Императрицей на поляхъ концепта.

2775) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРОССМЕЙСТЕРУ МАЛЬТІЙСКАГО ОРДЕНА ФРАНЦИСКУ ХИМЕНЕЦЪ [1]).

9 Décembre 1775.

Monsieur le Grand Maître. Dans la guerre que je viens heureusement de terminer, il entra dans le plan de ma défense de faire agir une partie de mes forces navales dans la Méditerranée. J'en fis part au prédécesseur de Votre Eminence et j'accréditai auprès d'elle le marquis Cavalcabo, comme un homme de confiance qui pût veiller à toutes les relations, que ferait naître la proximité de ma flotte de l'état de la religion. Maintenant que le rétablissement de la paix m'a permis de faire rentrer mes escadres dans nos ports, je regarde la commission du marquis Cavalcabo comme terminée et j'ai trouvé bon de le rappeler à ma cour. Pour cet effet, en demandant à Votre Eminence de vouloir bien le congédier d'auprès d'elle, je la prie de recevoir aussi de lui les assurances tant du souvenir que je conserve de l'accueil fait à mes vaisseaux, que de l'intérêt véritable que je continuerai à prendre au bien et à la prospérité de l'ordre. Sur ce je prie Dieu, qu'il vous ait, Monsieur le Grand Maître, en sa sainte et digne garde.

2776) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [2]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 6 Декабря 1775 г.).

Три послѣднія экспедиціи вашего с-ва, въ реляціяхъ ко двору и въ письмахъ ко мнѣ состоящія, отъ 28 Сентября да 11 и 25 Октября, были мною исправно получены и во свое время немедленно Ея Императорскому Величеству представлены. Всемилостивѣйшая Государыня изволила ихъ читать съ обыкновеннымъ къ вамъ благоволеніемъ, какъ вы то сами усмотрите въ слѣдующемъ здѣсь рескриптѣ за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ. Въ оном найдете вы,

---

[1]) М. Г. А. Мальта, I, св. 1.

[2]) М. Г. А. Турція, III, св. 20, и архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147.

милостивый мой другъ, точныя начертанія по поводу послѣднихъ къ вамъ отзывовъ рейсъ-эффендія по политическимъ дѣламъ, на которыя ссылаясь, равно какъ и на прежнія отъ 3 Октября, относительно учрежденія поступковъ и отзывовъ вашихъ, хочу я здѣсь примѣтить только, что какъ дѣйствительно исполнено уже прежнее Порты г-ну Петерсону внушеніе: «что хорошо было бъ, еслибъ съ нашей стороны представлены были письменныя доказательства внутренняго между татарами разномыслія о новомъ ихъ политическомъ бытіи, кои бы Портѣ въ миролюбивыхъ ея склонностяхъ извиненіемъ служить могли противу роптаній Крымскихъ татаръ»,—то способомъ доставленныхъ къ Портѣ писемъ отъ нѣкоторой части Ногайскихъ ордъ можно съ пристойностью пользоваться, если не къ удостовѣренію самаго правительства турецкаго, какъ чаятельно и безъ того въ общемъ ослѣпленіи не участвующаго, такъ по крайней мѣрѣ къ показанію въ народѣ, что не всѣ татары вольности не желаютъ, слѣдовательно же и къ уменьшенію тѣмъ самымъ озабочивающаго Порту дѣйствія отъ жалобъ и разглашеній Крымскихъ депутатовъ, что̀ министерству, а можетъ быть и самому султану, не можетъ быть индифферентно.

Сердечно поздравляю я ваше с-во преодолѣніемъ всѣхъ дорожныхъ трудностей и счастливымъ вашимъ прибытіемъ въ турецкую столицу, (съ) столькими почестями и отличностями. Теперь остается мнѣ получить пріятное извѣщеніе о бытности вашей со всѣми же приличными почестями на визитѣ у визиря и на аудіенціи у султана, а затѣмъ чрезъ короткое время увѣдомиться о дѣйствительномъ вашемъ отпускѣ и выѣздѣ изъ Константинополя въ соотвѣтствованіе тому, что и турецкій посолъ скоро отсюда отправленъ будетъ, наблюдая однако жъ изъ благопристойности, чтобъ между обѣими вашими аудіенціями нѣсколько недѣль прошло.

Назначеніе вашимъ с-вомъ двухъ вице-консулей и отправленіе письма къ г-ну оберъ-цейхмейстеру Ганнибалу были конечно нужны для упрежденія злоупотребленія въ розданныхъ флагахъ, о чемъ вы и въ инструкціи вашей получили уже достаточное руководство. Какъ для насъ важно и полезно распространять и приводить въ теченіе собственную нашу морскую торговлю съ областями Порты Оттоманской, такъ напротивъ самое благоразуміе не велитъ вселять въ турковъ при самомъ ея началѣ справедливую претительность, ибо первыя импрессіи не скоро проходятъ.

Весьма хорошо, по моему мнѣнію, сдѣлали ваше с-во, отведя отъ себя представленіе двору прихотливыхъ турецкихъ требованій, а въ тоже время показавъ рейсъ-эффендію дорогу адресоваться къ намъ безпосредственно чрезъ своего посла или же чрезъ нарочнаго человѣка, дабы инако Порта не употребила посторонняго посредства.

По сю пору не было еще здѣсь съ ея стороны никакого по дѣламъ отзыва, кромѣ одного домогательства о плѣнникахъ, по которому всякое удобовозможное удовлетвореніе показано будетъ; а когда воспослѣдуетъ оный, то вы можете уже по извѣстнымъ вамъ Ея Императорскаго Величества намѣреніямъ напередъ опредѣлить здѣшній на то отвѣтъ.

Ея Императорское Величество изволитъ назначивать къ обыкновенному при Портѣ пребыванію въ качествѣ министра второго ранга г-на статскаго совѣтника Стахіева, бывшаго въ Швеціи резидентомъ, который отсюда немедленно къ вамъ отправленъ будетъ, дабы онъ васъ въ Константинополѣ засталъ и при васъ еще, если допуститъ время, въ дѣла войтить могъ.

Мнѣніе вашего с-ва о выиграніи чрезъ деньги хана Крымскаго само въ себѣ, конечно, очень хорошо, и съ нашей стороны дѣйствительно не упускается ничего къ поселенію посреди татаръ симъ и другими способами лучшаго о собственной ихъ пользѣ просвѣщенія; но судя по времени и положенію настоящаго хана, нельзя почти надѣяться, чтобъ обращеніе его одного чрезъ деньги могло на сей часъ произвести желаемое дѣйствіе, ибо весь его теперешній кредитъ между одноземцами своими основанъ на мнѣніи тѣсныхъ его съ Портою сопряженій, которыми татары по сю пору соблазняются и которыхъ прямой корень лежитъ въ Таманѣ. Для сего то и надобно наивяще стараться о томъ, чтобъ оный полуостровъ турецкимъ войскомъ оставленъ былъ, а когда сіе случится, то и будетъ уже намъ гораздо поваднѣе приводить татаръ нечувствительнымъ образомъ въ познаніе истинной своей пользы. Между тѣмъ, учиненное в. с-вомъ г-ну генералу-маіору Борзову и въ Кинбурнѣ остереженіе не можетъ никакъ и ни въ какое время быть излишно. Я же почитаю оное слѣдствіемъ вашего на мѣстѣ усмотрѣнія и бдѣтельности на службѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни.

Желая впрочемъ сердечно, чтобъ сіе письмо пришло къ в. с-ву по развязаніи уже встрѣтившихъ васъ важныхъ трудностей, и чтобъ притомъ здоровье ваше соотвѣтствовало заботливому вашему положенію, пребуду я всегда. и пр.

Въ Москвѣ, 9 Декабря 1775 г.

2777) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 6 Декабря 1775 г.).

На вопрошенія в. с-ва, будетъ-ли посолъ турецкій взятъ въ Петербургъ или нѣтъ, кому быть комиссаромъ при возвратной размѣнѣ посольствъ и какія напослѣ-

[1]) М. Г. А. Турція, III, св. 20, и архивъ Константинопольскаго посольства старый, св. 147.

докъ войска будутъ оставлены для сей размѣны, имѣю я честь объяснить чрезъ сіе въ отвѣтъ, на первое: что турецкій посолъ получитъ здѣсь предъ отбытіемъ Ея Императорскаго Величества отпускную свою аудіенцію, слѣдовательно же и не будетъ взятъ въ Петербургъ, а отправленъ прямо изъ Москвы съ такимъ въ пути расположеніемъ, чтобъ онъ одновременно съ вами къ Днѣстру на размѣнное мѣсто привезенъ быть могъ; почему надобно в. с-ву, въ разсужденіи собственнаго вашего при Портѣ пребыванія, сообразоваться сему намѣренію, а между тѣмъ при всякомъ отъ васъ отправленіи курьера ко двору безпосредственно отъ себя писать къ г-ну генералу-поручику барону Игельстрому, увѣдомляя его какъ о времени вашего изъ Константинополя выѣзда, такъ и о успѣхахъ вашего путешествованія, ибо ему предписано будетъ размѣрять, по симъ отъ васъ въ дорогѣ его получаемымъ извѣщеніямъ, обратный походъ посла турецкаго и позадерживать его приличнымъ образомъ въ лежащихъ по дорогѣ городахъ. На второе: примѣръ размѣны обратной прежняго посла графа Румянцева показываетъ, что̀ не было для оной назначено нарочныхъ комиссаровъ, а посему и заключаю я, что в. с-во сами съ посломъ турецкимъ во взаимное ваше къ Днѣстру прибытіе, какъ активные еще министры вышняго характера, короче всего между собою согласиться можете объ исправленіи сего церемоніальнаго обряда чрезъ будущихъ при васъ дорожныхъ приставовъ. На третіе: въ близости Днѣстра оставлены нѣкоторые полки, точно для того, чтобъ быть имъ въ церемоніи возвратной в. с-ва размѣны съ посломъ турецкимъ, слѣдовательно же и не встрѣтите вы въ семъ пунктѣ ни медленности, ни недостатка. Всегда пребуду я и проч.

Въ Москвѣ, 9 Декабря 1775 г.

2778) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 6 Декабря 1775 г.).

Въ слѣдующихъ здѣсь бумагахъ найдете в. с-во какъ повѣствованіе недавно случившагося съ Калгою-султаномъ на Кубанѣ, такъ и письменный по тому отзывъ къ Крымскому хану, предписанный отъ генерала-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго съ стороны генерала-поручика князя Прозоровскаго. Мы получили между тѣмъ отъ бригадира Бринка отъ 5 Ноября извѣстіе, что Калга-султанъ нашелъ уже тогда средство возвратиться въ нашу сторону на рѣку Эю, почему я и думаю, что происшедшее съ нимъ не причинитъ большаго разврата въ прежнихъ мѣрахъ. Ваше с-во изъ существа тѣхъ бумагъ, сообразуясь текущимъ въ Константинополѣ обстоятельствамъ, можете иногда сдѣлать такое употребленіе, какое здѣсь никоимъ образомъ опредѣлить не можно; и для того оставляю я оное собственной вашей на мѣстѣ прозорливости, пребывая впрочемъ и проч.

Въ Москвѣ, 9 Декабря 1775 г.

---

[1]) М. Г. А. Турція, III, св. 20, и архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147.

Къ настоящему письму приложена нижеслѣдующая

Форма письма отъ генерала-поручика князя А. А. Прозоровскаго къ хану Крымскому Девлетъ-Гирею.

Свѣтлѣйшій Девлетъ-Гирей ханъ. Получилъ я отъ начальника войскъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей моей Государыни, къ Кубанской сторонѣ по рѣкѣ Дону расположенныхъ, къ крайнему моему удивленію извѣстіе о поступкѣ, противномъ и совсѣмъ неожиданномъ съ случившеюся въ Ногайскихъ ордахъ здѣшнею командою, который, по всей вѣроятности и по всей справедливости, вашему побужденію приписанъ быть долженствуетъ.

Можетъ-ли неизвѣстно быть вашей свѣтлости и всему Крымскому правительству, что орды Ногайскія изъ самой древности имѣютъ право избирать въ свои начальники изъ вашей Гиреевой фамиліи того изъ султановъ, кого сами хотятъ и достойнымъ къ тому находятъ; что согласясь оные съ Крымомъ, при случаѣ бывшей между Всероссійскою Имперіей и Портою Оттоманскою войны, къ составленію свободной и ни отъ кого независимой области, именно и точно такое себѣ и впредь преимущество предоставили, и что, наконецъ, на семъ основаніи поручили они себя въ руководство и правленіе родственнику вашему Калгѣ Шагинъ-Гирей-султану? Послѣ сего отнюдь не было вамъ нужды, судя по сущей пользѣ Ногайскихъ ордъ, ниже отъ вашего единственнаго произволенія зависѣть могло, пріемля въ истинномъ разумѣніи принадлежащую вамъ надъ ними власть, нарицать при законномъ ихъ начальникѣ настоящемъ другого въ лицѣ Тактамышъ-Гирей-султана, человѣка, во всю свою жизнь въ горахъ скитавшагося, а къ Ногайцамъ не благонамѣреннаго, еслибъ ваша свѣтлость не имѣли напротивъ того особенныхъ сокровенныхъ намѣреній и предубѣжденій, поощряющихъ васъ искать въ народахъ татарскихъ не покоя, но разврата и междоусобія. Тактамышъ-султанъ по повелѣніямъ вашей свѣтлости съ собраннымъ изъ бродягъ разныхъ, въ Кубанскихъ предѣлахъ живущихъ народовъ, и будучи подкрѣпляемъ совѣтами и содѣйствомъ присланнаго нарочно отъ васъ изъ Крыма Девлетъ-Гирей-Орбей-султана, не только дѣйствительное учинилъ нападеніе на Калгу Шагинъ-Гирея при Конылѣ, гдѣ онъ находился по позыву Эдишкульской орды мурзъ для внутреннихъ сей орды дѣлъ и искалъ его погубить, но дерзость его, Тактамыша, толь далеко простерлась, что онъ не усумнился оскорбить при томъ и высокое достоинство Россійскаго Императорскаго двора, нанесши оружіе на бывшихъ по случаю при Калгѣ въ маломъ числѣ здѣшнихъ военныхъ людей. Когда Калга отъѣзжалъ къ Конылу къ находящимся въ тамошнихъ околичностяхъ Ногайцамъ, то требовалъ на переѣздъ свой чрезъ пустыя степи для прикрытія и безопасности отъ воровскихъ людей здѣшняго конвоя, въ чемъ онъ и удовольствованъ былъ единственно потому, что и кромѣ сего въ то же время отправлялся для покупки лошадей одинъ эскадронъ въ мѣста пребыванія Ногайскаго, по заведенному между ими и здѣшними пограничными жителями торгу.

Пускай всякій благоразумный и безпристрастный скажетъ: толь малое количество людей, изъ какого обыкновенно эскадронъ состоитъ, къ какимъ другимъ предпріятіямъ могло быть удобно, кромѣ препровожденія, и могло-ли быть въ другое время и отпущено, какъ не въ мирное только и въ народы дружественные въ совершенномъ на безопасность надѣяніи?

Но, несмотря на всѣ сіи уваженія, Тактамышъ-Гирей-султанъ весь свой подвигъ къ тому обращеннымъ имѣлъ, чтобъ командующаго симъ эскадрономъ офицера убѣдить къ поданію начала къ непріятельскимъ дѣйствамъ, а по крайней мѣрѣ къ оборонѣ, и тѣмъ повидимому оправдать себя въ бывшемъ у него намѣреніи, чтобъ сихъ людей расхитить или же и совсѣмъ истребить, и для того по приближеніи къ Копылу и по окруженіи эскадрона, видя, что первыми своими оказательствами и движеніями твердости здѣшняго офицера поколебать не могъ, принялся и за дѣло, взявъ въ плѣнъ 40 человѣкъ здѣшнихъ при одномъ прапорщикѣ, провожавшихъ Калгу по его требованію во время выѣзда для осмотра собравшагося ополченія, кои притомъ нимало также себя не обороняли, а при возвращеніи Калги съ великимъ трудомъ и опасностью въ соединеніе къ эскадрону, произведенною за нимъ погонею и въ самомъ здѣшнемъ станѣ убитъ одинъ унтеръ-офицеръ и нѣсколько человѣкъ рядовыхъ переранено, и многія лошади отняты; ниже и тогда однако жъ здѣшняя команда принялась за оружіе, и Тактамышу оставалось еще только средство привесть ее въ затруднительство требованіемъ выдачи Калги, которое онъ и дѣйствительно учинить не оставилъ, угрожая въ случаѣ отказа поступить со всею свойственною непріятелю жестокостью, и къ чему сильныя распоряженія и принимались, но и сіе предупреждено было соглашеніемъ Калги остаться посреди собравшагося скопища зломысленныхъ противъ его людей. Сдѣлавъ же такимъ образомъ Тактамышъ-Гирей, но тщетно и безъ успѣха, все уже, что можно было только ожидать отъ злодѣя, присовокупилъ къ тому и еще коварство, вынудя отъ командующаго эскадрономъ офицера при отпускѣ подписку и засвидѣтельствованіе на составленномъ присыланными отъ него однимъ Эдишкульскимъ мирзою и Крымскимъ Хадиръ-агою письмѣ татарскомъ, будто онъ ничего съ настоящимъ миромъ несходственнаго не видалъ, но что помянутый офицеръ, коль скоро освободился изъ опасности удаленіемъ своимъ отъ Кубани, не преминулъ ниспровергнуть отправленнымъ къ нему другимъ письмомъ, содержащимъ справедливыя его предъявленія и укоризны, и что онъ, спасая жизнь свою и своихъ подчиненныхъ, принужденъ былъ на то поступить. Между тѣмъ онъ и во все время похода своего не меньше подверженъ былъ опасности; умалчивая, что онъ не могъ прежде отъ рѣки Кубани отойти, пока не удовольствовалъ денежною дачею своенравнаго некрасовцевъ требованія въ разсужденіи утраченныхъ ими двухъ человѣкъ, то и разъѣзжавшія по дорогѣ сильныя партіи равнымъ образомъ вездѣ его преслѣдовали и окружали, дѣлая всякія наглости, и отнявъ и дѣйствительно нѣсколько людей и лошадей; но онъ и сіе послѣднее покушеніе снесъ и стерпѣлъ, чему можетъ быть и долженъ больше своимъ на границы здѣшнія достиженіемъ, нежели находившемуся при немъ отъ хищнаго Тактамыша проводнику, который взятъ былъ не столько для того, при малой на него надежности по всемъ случившемся, какъ въ собственное оправданіе офицера, что поведеніе его и вездѣ будетъ скромное и мирному времени свойственное, во исполненіе данныхъ ему при отпускѣ съ Калгою точныхъ предписаній, которыя удержали бы его отъ всякихъ военныхъ дѣйствій, въ какомъ бы онъ положеніи ни нашелся. Впрочемъ, изъ захваченныхъ скопищемъ Тактамыша прапорщикъ и 13 человѣкъ рядовыхъ хотя и возвращены назадъ ограбленные и въ однихъ рубашкахъ, но всѣ прочіе остаются понынѣ въ неволѣ въ рукахъ своихъ похитителей.

Сіе есть истинное изображеніе всего происшествія толь противнаго и предосудительнаго, которое вашей свѣтлости покажетъ, что въ Россійской Императорской сторонѣ о всѣхъ онаго подробностяхъ съ достовѣрностью извѣстно.

Удивительно весьма, что пріобрѣтши вы и ханское достоинство тайными вашими происками, а отнюдь не тѣмъ законнымъ образомъ, какой къ тому назначенъ и опредѣленъ при началѣ составленія свободной и независимой области татарской, вслѣдствіе чего непремѣнно и надлежало быть на выборъ вашъ соглашенію и отъ ордъ Ногайскихъ, котораго однако жъ совсѣмъ вы не имѣли, да и впрочемъ присвоили себѣ ханское правленіе больше поспѣшностью и внезапностью, нежели по желанію всѣхъ Крымскихъ поколѣній, слѣдовательно—съ стороны Россійскаго Императорскаго двора, какъ по самымъ первымъ постановленіямъ, давшимъ бытность и существо области татарской, получившаго право назирать точнаго по онымъ исполненія, имѣя вы нужду въ упущеніи сего перваго вашего поступка, не воздерживаетесь однако жъ присовокуплять и новыя причины къ неудовольствію и справедливымъ жалобамъ.

Я знаю со всею также подлинностью, что при Тактамышъ-султанѣ были и турки съ артиллеріей, переодѣтые въ татарское платье и данные ему въ пособіе отъ находящагося понынѣ въ Тамани турецкаго Орды-Агаси; но и сіе обстоятельство на счетъ вашего же противнаго подвига, предуспѣвшаго обольстить сего турецкаго начальника, вѣроятнѣйшимъ образомъ возлагается. Статься не можетъ, чтобъ Порта Оттоманская, согласившаяся на миръ и утвердившая оный всѣмъ, что между знатными державами въ такихъ случаяхъ есть священнѣйшаго и удостовѣрительнѣйшаго, да и татаръ почитать свободными и независимыми обязавшаяся и въ политическія ихъ дѣла не мѣшаться, сама себѣ противорѣчила и попустила вамъ такое войскъ своихъ злоупотребленіе, когда и нынѣ еще напослѣди съ стороны ея предъявляется, что турки, оставшіеся въ Тамани на время, имѣли по данному имъ повелѣнію такъ себя содержать, какъ постороннимъ людямъ свойственно. Подлинно видно довольно изъ всѣхъ вашей свѣтлости мѣръ и стараній, что вы желаете и ищете Порту привесть по дѣламъ татарскимъ въ остуду съ Россійскимъ Императорскимъ дворомъ и въ подозрѣніе, но обидно было бъ ея знатности и просвѣщенію причитать ей двоедушіе, особливо же тутъ, гдѣ ничего тѣмъ выиграно быть не можетъ.

Вы одни, свѣтлѣйшій ханъ, сдѣлавшись непорядочнымъ образомъ владѣтелемъ изъ области татарской части малой, каковъ есть Крымъ, напротивъ того, глухими и прикровенными вашими дѣйствіями и такимъ же войскъ употребленіемъ далеко выходите изъ пристойности вашего состоянія; вы стараетесь всѣмъ вашимъ мѣрамъ присвоить и виды нѣкотораго Порты Оттоманской потворства, въ предосужденіе и во вредъ свято постановленной дружбѣ между великими Имперіями. Но представьте только себѣ важность оной и высокое достоинство Его Султанскаго Величества, государя изъ знаменитѣйшихъ въ свѣтѣ, каковымъ справедливость и содержаніе даннаго слова свойственны и служатъ украшеніемъ и славою ихъ престоловъ, тогда и должны вы будете согласиться, что сими вашими ухватками и самъ Его Султанское Величество оскорбленнымъ находится.

Итакъ, я наконецъ, не обинуясь, вашей свѣтлости и даю знать, что произведеннымъ вами въ Кубанской сторонѣ между народовъ Ногайскихъ междоусобіемъ и непріятельскимъ касательствомъ отъ бывшаго тамъ скопища подъ предводительствомъ Тактамышъ-Гирей-султана къ здѣшнему эскадрону учинились вы развратникомъ персонально съ собственной вашей стороны не только заключеннаго между Всероссійскою Имперіей и свободною областью татарскою трактата союза и дружбы въ существеннѣйшихъ онаго положеніяхъ, но равнымъ образомъ и самаго трактата жъ мирнаго

между знатнѣйшими въ свѣтѣ Имперіями Всероссійскою и Портою Оттоманскою, и коимъ образомъ и Порта по своей доброй вѣрѣ къ дружбѣ конечно въ покушеніяхъ и предпріятіяхъ вашихъ, когда увѣдомлена будетъ со всею подлинностью, входя въ истинное существо дѣлъ оныхъ, и собственную обиду поставитъ. Между тѣмъ я, чрезъ сіе же требуя, чтобъ ваша свѣтлость какъ наискорѣе возвратили и всѣхъ отъ эскадрона захваченныхъ людей со всѣми ихъ вещами, военною аммуниціею и лошадьми, пребываю къ вамъ доброжелательнымъ.

2779) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

По представленному намъ прошенію находящагося при дворѣ нашемъ Бухарскаго посланца о упущеніи ему взятыхъ имъ заимообразно въ Астрахани изъ казеннаго магазина 80 кулей муки и тамъ изъ казеннаго приготовленія 78 пудъ стали и 22 пудъ свинцу, и о возвращеніи пошлинъ, заплаченныхъ съ его стороны въ Астрахани жъ съ присланныхъ для его содержанія изъ Бухаріи товаровъ, и чтобъ ему дозволено было купить для своего хана Бухарскаго и за границу отправить безпошлинно жъ 15000 пудъ желѣза и 5000 пудъ стали, мы, всемилостивѣйше на все то снисходя, повелѣваемъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ дать знать для исполненія по тому въ надлежащія мѣста.

Екатерина.

Въ Москвѣ, 10 Декабря 1775 г.

2780) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Коллегія Иностранныхъ дѣлъ при докладной запискѣ отъ 10 Декабря 1775 г. представила Императрицѣ два проекта указовъ по случаю обратнаго отправленія Бухарскаго посланца Ирнезера Максютова, причемъ испрашивала повелѣнія Императрицы, не соблаговолитъ-ли она приказать отправить въ подарокъ Бухарскому хану хранящуюся въ Коллегіи саблю, украшенную алмазами, а также отъ лица великаго князя Павла Петровича—„что нибудь изъ галантерейныхъ вещей, какъ то этюй или тому подобное“.

Подарить и то и другое.

2781) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [3]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 10 Декабря 1775 г.).

Il vous a été fait part précédemment, Monsieur, par m-r le vice-chancelier de la permission qu'il plaisait à l'Impératrice de vous accor-

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 260.
[2]) М. Г. А. Имени. указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 259.
[3]) М. Г. А. Швеція, III, св. 44.

der de vous absenter pour quelque temps de votre poste, et il vous a été recommandé toutefois de n'en faire usage qu'après avoir donné avis ici du temps où il serait indispensable pour vous de le faire. Aujourd'hui par une apostille à une de vos lettres au même ministre, vous avez rendu compte de l'intention où vous êtes de jouir incessamment de la permission de Sa Majesté Impériale, et vous attendez sur cela une réponse et les instructions ultérieures qu'il y aurait à vous donner. Je ne veux point en conséquence différer à vous faire connaître, M-r, que toutes vos dernières lettres d'office et avec elles l'apostille même ci-dessus citée ayant été mises conjointement par m-r le vice-chancelier et par moi sous les yeux de l'Impératrice, Sa Majesté a daigné confirmer sa première permission, et vous pouvez en profiter dès que vous le trouverez bon sans attendre d'ici d'ordre ultérieur. Tout ce que j'ai à vous recommander et que vous sentirez vous même que le bien des affaires demande, quelques soyent d'ailleurs les circonstances entre les deux cours, c'est que votre départ ne porte point un caractère de mécontentement et de froideur de la part de la nôtre et encore moins d'une rupture prochaine. Conséquemment à cela, je trouve qu'il sera à propos que vous disiez quelque temps avant votre départ au ministère, que vous n'entreprenez ce voyage qu'en conséquence de la permission que vous en avez demandée à cause du dérangement de votre santé. Vous ferez aussi circuler cette raison dans les sociétés que vous fréquentez. Les arrangements de votre départ et votre maintien y répondront, et vous observerez, ainsi que vous vous le proposez, toutes les formalités d'un ministre qui se congédie pour un temps seulement et pour ses propres affaires. Comme vous avez aussi représenté, que vous seriez bien aise d'employer le temps de cette absence à aller prendre les eaux, Sa Majesté y donne aussi son consentement, mais elle ne veut pas que vous alliez séjourner à Copenhague, jusqu'à ce que la saison en soit venue. Nos connexions avec cette cour sont trop connues et trop frappantes par leur rapport immédiat avec les affaires de Suède et donnent déjà trop d'ombrage, pour qu'on ne prît pas l'alarme des combinaisons sinistres qu'offrirait votre séjour à cette cour après avoir quitté celle de Suède dans les termes où vous la quittez. Il faut donc absolument renoncer à ce projet. En partant de Suède vous pouvez venir à Pétersbourg, et vous vous y arrêteriez sans inconvénient jusqu'à ce que le temps fût venu de vous rendre aux eaux; c'est là votre première permission. Mais si vous préférez d'aller en droiture en attendre la saison en Allemagne, vous en êtes pareillement le maître, seulement vous observerez qu'en dirigeant votre route sur Copenhague, vous ne devez vous y arrêter qu'autant que le fait un voyageur qui se repose, trois ou quatre jours et rien de plus. Je me flatte, M-r, que vous sentirez la force de ces considérations et que vous ne manque-

rez pas d'y déférer. A la suite de ceci je n'ai plus qu'à vous marquer que Sa Majesté Impériale approuve, que vous accréditiez le s-r Ruckmann comme chargé d'affaires pendant votre absence. Ce que vous avez écrit de sa capacité et le soin que vous aurez de le bien instruire à votre départ, nous font espérer qu'il remplira bien sa place. J'ai l'honneur d'être etc.

Moscou, ce 10 Décembre 1775.

2782) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Monsieur. La princesse Radziwill, veuve de l'écuyer du Grand Duché de Lithuanie, arrivée ici depuis quelque temps, a présenté à l'Impératrice la supplique dont j'ai l'honneur de joindre ici la copie. Les ordres de Sa Majesté Impériale, que je dois en même temps transmettre à V. E. sur cette affaire, sont que vous preniez vivement, M-r, les intérêts de la princesse Radziwill et de son fils et que vous employiez tout votre crédit et celui de vos amis à leur faire avoir prompte et bonne justice. Comme vous remarquerez aussi par l'exposé de la supplique, que la pr-sse Radziwill, en se mettant elle et son fils sous la protection de l'Impératrice, désire et a demandé que celui-ci puisse être élevé en Russie, si V. E. veut bien se charger de cet enfant et l'amener avec elle dans le voyage qu'elle va faire à St-Pétersbourg, Sa Majesté Impériale y donne son approbation, et vous ferez, M-r, une chose qui lui sera agréable; et pour cet effet je joins ici des lettres de la princesse, d'après lesquelles vous pourrez retirer cet enfant de la pension où il est. J'ai l'honneur d'être etc.

Moscou, ce 12 Décembre 1775.

2783) РЕСКРИПТЪ А. С. СТАХІЕВУ ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ ЕГО ПОСЛАННИКОМЪ ПРИ ПОРТѢ ОТТОМАНСКОЙ [2])

Быть по сему.

(Апробованъ въ Москвѣ, 7 Декабря 1775 г.).

Въ заключенномъ между нашею Имперіею и Портою Оттоманскою при деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи 10 Іюля 1774 года вѣчномъ мирномъ трактатѣ, въ 5-мъ артикулѣ, постановлено о содержаніи при ней всегда

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39. См. выше № 2774.

[2]) М. Г. А. Доклады, св. 16, Турція, III, св. 21, и архивъ Константинопол. посольства старый, св. 161.

нашего второго ранга министра для престереженія тамъ нашихъ интересовъ и для исправленія всякихъ случающихся между обѣими Имперіями дѣлъ. Въ сіе мѣсто мы васъ всемилостивѣйше опредѣляемъ въ характерѣ нашего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, на который при семъ прилагаются и двѣ наши, по обыкновенію безъ подписанія, кредитивныя грамоты, одна къ султану Турецкому и другая—къ его верховному визирю, да къ нему же листъ отъ нашего, иностранными дѣлами правящаго министра, графа Панина, кои грамоты и листъ вы, по прибытіи своемъ въ Царьградъ, при аккредитованіи себя при Портѣ введеннымъ порядкомъ въ дѣйство употребите, равномѣрно какъ и включенныя съ оныхъ здѣсь копіи на итальянскомъ языкѣ.

На время пребыванія вашего при Портѣ министромъ нашимъ, ежегоднаго жалованья мы вамъ опредѣлили по восьми тысячъ рублевъ, да на дорожный вамъ проѣздъ и на экипажъ четыре тысячи рублевъ. Сію послѣднюю сумму вы до выѣзда своего отсюда получите, вкупѣ съ полугодовымъ вашимъ впередъ окладомъ, изъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; а потомъ изъ оной то жалованье къ вамъ въ Царьградъ въ учрежденныя времена пересылаемо будетъ.

По такому нашему объ васъ предопредѣленію, вы имѣете наискорѣе отсюда къ оному вашему посту отправиться и пріѣздомъ своимъ въ Царьградъ всячески поспѣшать, дабы вы тамъ застать еще могли нашего посла князя Репнина, чего для и въ пути своемъ вамъ не министромъ нашимъ, но особою, къ посольству онаго принадлежащею, называться.

По пріѣздѣ вашемъ въ Константинополь, вы вручите помянутому нашему послу включенный здѣсь рескриптъ, въ коемъ мы ему предписываемъ, при отъѣздѣ своемъ оттуда и когда онъ самъ то за пристойно изобрѣтетъ, дозволить вамъ себя при Портѣ лежитимировать въ характерѣ нашего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, снабдя васъ по своему усмотрѣнію, и если то нужно, нѣкоторыми вещами для учиненія при томъ случаѣ подарковъ турецкимъ министрамъ. Потомъ онъ вамъ препоручитъ всѣ свои бумаги, до нашихъ дѣлъ принадлежащія, и при васъ оставитъ находящуюся при немъ Божію церковь и утварь съ священниками и съ причетниками, равномѣрно какъ и потребное число переводчиковъ и канцелярскихъ служителей, сдѣлавъ притомъ, по своему лучшему тамъ на мѣстѣ свѣдѣнію, настоящаго нашихъ дѣлъ у Порты положенія и обращенія, подробное учрежденіе всей вашей миссіи, включая въ томъ и нужные чрезвычайные тамо годовые денежные расходы и содержаніе министерской вашей канцеляріи, которое на апробацію къ намъ онъ, посолъ, представить имѣетъ; а мы, разсмотря оное, рѣшительное наше опре-

дѣленіе по тому учинимъ, о чемъ вамъ въ свое время знать дано будетъ. Помянутый посолъ вамъ также объяснить не преминетъ политическое нынѣшнее Порты Оттоманской состояніе, интриги и связь пребывающихъ при ней министровъ европейскихъ державъ, о друзьяхъ нашихъ и непріятеляхъ, словомъ—въ подробность вамъ откроетъ всѣ тамошнія обстоятельства и на основаніи того дастъ вамъ потребное отъ себя письменное обо всемъ наставленіе, по которому, какъ и по имѣющимся у того посла нашимъ рескриптамъ и инструкціи, вы потщитесь наилучшее исполненіе чинить и оными руководствоваться, прилагая недреманное и усерднѣйшее свое попеченіе о всемъ до поспѣшествованія нашихъ интересовъ при Портѣ касающемся.

Для лучшаго же спознанія вами теченія при ней дѣлъ, вы изъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ получите, по приложенной здѣсь описи, весь Цареградскій архивъ, начиная съ 1741 года по начатіе послѣдней турецкой войны. Впрочемъ пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, Декабря 15 дня 1775 года.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.

Графъ И. Остерманъ.

2784) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ [1]).

(По титулахъ).

При настоящемъ возвращеніи отъ двора Вашего Султанова Величества нашего чрезвычайнаго и полномочнаго посла генерала-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера князя Николая Репнина, мы, во исполненіе 5-го артикула послѣдне заключеннаго при Кучукъ-Кайнарджи между нами и Вашимъ Величествомъ трактата вѣчнаго мира и дружбы, за потребно разсудили, для лучшаго онаго сохраненія и для исправленія всякихъ до обоихъ государствъ и подданныхъ касающихся дѣлъ и потребностей, аккредитовать при дворѣ Вашего Султанова Величества благороднаго, намъ любезно-вѣрнаго, нашего статскаго совѣтника Александра Стахіева, въ характерѣ нашего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра; вслѣдствіе чего мы Ваше Султаново Величество дружебно просимъ, дабы благоволили оному нашему министру склонную у себя аудіенцію дать и во всемъ томъ, о чемъ онъ нашимъ именемъ и съ нашей стороны Вашему Султанову Величеству и министрамъ вашимъ отъ времени до времени предлагать честь имѣть бу-

[1]) М. Г. А. Турція, II, св. 1.

деть, совершенную вѣру ему подавать и всегда на то благосклонными резолюціями и отвѣтами онаго снабдѣвать, какъ мы того, по имѣющейся съ Вашимъ Султановымъ Величествомъ совершенной дружбѣ, уповать причину имѣемъ. Реченному же чрезвычайному посланнику и полномочному министру особливо отъ насъ повелѣно подтверждать Вашему Султанову Величеству о неколебимыхъ нашихъ къ вамъ дружественныхъ сентиментахъ и о искреннемъ нашемъ желаніи вышеупомянутый вѣчно мирный трактатъ свято содержать, ненарушимо во всѣхъ его артикулахъ. А при исправленіи своего министерства оный нашъ посланникъ прилежно и усерднѣйше все то въ дѣйствіе произвесть потщится, что къ тому богоугодному намѣренію служить и поспѣшествовать можетъ. Впрочемъ мы Вашему Султанову Величеству желаемъ отъ всемогущаго Бога долголѣтняго здравія и благополучнаго государствованія.

Дана въ Москвѣ, Декабря 15 дня 1775 года, государствованія нашего четвертаго на десять лѣта.

Екатерина.

2785) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ ПОРТЫ ОТТОМАНСКОЙ [1]).

(По титулѣ).

Во исполненіе по силѣ счастливо заключеннаго между нами и Его Султановымъ Величествомъ при Кучукъ-Кайнарджи трактата вѣчнаго мира и дружбы, мы за благо изобрѣли, для лучшаго соблюденія онаго и исправленія всякихъ до обѣихъ Имперій и подданныхъ случающихся дѣлъ и потребностей, опредѣлить при дворѣ Его Султанова Величества благороднаго, намъ любезно-вѣрнаго, нашего статскаго совѣтника Александра Стахіева, въ характерѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, въ которомъ характерѣ онъ грамотою нашею къ Его Султанову Величеству, съ нимъ отправленною, аккредитованъ, почему мы желаемъ, чтобъ вы тому нашему министру у Его Султанова Величества склонную аудіенцію исходатайствовали для поданія оной нашей кредитивной грамоты; и что онъ отъ времени до времени, какъ Его Султанову Величеству, такъ и вамъ, представлять и предлагать будетъ, тому бъ вы совершенную вѣру подавали и снисходительными на то резолюціями всегда его снабдѣвали, а впродолженіе его министерства при Блистательной Портѣ, по силѣ вышеозначеннаго вѣчнаго мирнаго трактата, ему всякую благосклонность и уваженіе показывали, какъ того возстановленная между обѣими Имперіями

[1]) М. Г. А. Турція, III, св. 21.

сосѣдственная дружба и доброе согласіе требуютъ, которыя распространить при ненарушимомъ содержаніи того блаженнаго мирнаго трактата наше искреннее намѣреніе есть, о чемъ оный нашъ министръ Блистательной Портѣ при всѣхъ случаяхъ засвидѣтельствовать имѣетъ. Впрочемъ желаемъ мы вамъ добраго здравія и благополучія.

Дана въ Москвѣ, Декабря 15 дня 1775 года, государствованія нашего четвертаго на десять лѣта.

Екатерина.

2786) ЛИСТЪ ОТЪ ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ ПОРТЫ ОТТОМАНСКОЙ [1]).

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій, Блистательной Оттоманской Порты верховный и славнѣйшій визирь, господине, господине препочтеннѣйшій. По отъѣздѣ отъ Блистательной Порты бывшаго при оной Всероссійскаго чрезвычайнаго и полномочнаго посла генерала-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера, превосходительнѣйшаго и высокопочтеннаго господина князя Николая Репнина, по силѣ 5-го артикула свято постановленнаго между обѣими нашими высокими и славными Имперіями вѣчнаго мирнаго трактата, слѣдуетъ при Блистательной Портѣ всегда пребывать Россійскому второго ранга министру, для лучшаго наблюденія того трактата и всѣхъ онаго артикуловъ и для исправленія всякихъ, до обоихъ государствъ и подданныхъ случающихся дѣлъ; чего ради всеавгустѣйшая и самодержавнѣйшая Императрица и всемилостивѣйшая моя Государыня соизволила за благо разсудить аккредитовать при Блистательной Портѣ, въ характерѣ своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, благороднаго г. статскаго совѣтника Александра Стахіева, о чемъ отъ Ея Императорскаго Величества какъ къ Его Султанову Величеству, такъ и къ вамъ, моему пріятелю, съ нимъ грамоты отправлены, вслѣдствіе чего и я за должность почелъ симъ онаго министра рекомендовать въ благосклонность и дружбу вашего с-ва, прося прилежно, дабы благоволили вы оному министру у Его Султанова Величества исходатайствовать, для поданія высокопомянутой Ея Императорскаго Величества кредитивной грамоты, аудіенцію, сходную съ достоинствомъ его характера; что же онъ отъ времени до времени именемъ и отъ стороны Ея Императорскаго Величества Блистательной Портѣ представлять и предлагать честь имѣть будетъ, оному совершенную вѣру подавать, снабдѣвая его всегда снисходительнѣйшими на то резолюціями, и во время

---

[1]) М. Г. А. Турція, II, св. 1.

его при Блистательной Портѣ пребыванія, согласно вышеобъявленному вѣчному мирному трактату, всякую благосклонность и уваженіе показывать, какъ того благоустановленная между обѣими Имперіями сосѣдственная дружба и доброе согласіе требуютъ; что наивяще распространить и оный трактатъ взаимственно во всѣхъ артикулахъ ненарушимо твердо содержать моя всемилостивѣйшая Императрица и Государыня искренне желаетъ, о чемъ означенный министръ ваше с-во наисильнѣйше удостовѣрить потщится. Впрочемъ, желая я вашему с-ву отъ всемогущаго Господа Бога долголѣтняго здравія и всякаго благополучія, пребуду всегда со всякимъ почтеніемъ и проч.

Въ Москвѣ, Декабря 15 дня 1775 г.

2787) РЕСКРИПТЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [1]).

Нашему генералу-аншефу и чрезвычайному и полномочному послу князю Репнину.

По приближающемуся вашему изъ Царьграда обратному въ отечество отъѣзду, мы за нужно признали, чтобъ по установленію 5-го артикула послѣдняго вѣчно мирнаго трактата, министръ нашъ второго ранга, при васъ еще при Портѣ Оттоманской себя аккредитовавъ, прямо въ дѣла вступить могъ, къ чему мы назначили бывшаго донынѣ въ Швеціи резидентомъ нашего статскаго совѣтника Александра Стахіева въ характерѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, который для наибольшаго въ пути поспѣшенія въ переѣздъ свой чрезъ турецкія владѣнія сказываться будетъ принадлежащимъ къ вашему посольству. По прибытіи онаго Стахіева въ ваше мѣсто, мы вамъ предоставляемъ опредѣлить ему время при Портѣ Оттоманской себя лежитимировать и дать ему при томъ нѣсколько изъ находящихся у васъ казенныхъ нашихъ вещей на подарки турецкимъ министрамъ, если вы то за потребно изобрѣтете. Предъ отъѣздомъ же вашимъ изъ Царьграда вы помянутому Стахіеву по росписи препоручите наши у васъ имѣющіеся рескрипты, инструкцію, цыфры и прочія всѣ бумаги, до нашихъ дѣлъ касающіяся, объясня притомъ ему настоящее политическое Порты Оттоманской состояніе, интриги и связь отъ европейскихъ дворовъ резидующихъ при ней министровъ, о друзьяхъ нашихъ и непріятеляхъ — словомъ обо всѣхъ тамошнихъ обстоятельствахъ открыть ему въ подробность; и на основаніи того, сообразуясь съ нашими повелѣніями, вы его снабдите письменнымъ достаточнымъ наставленіемъ о его поступкахъ и руководствѣ въ дѣлахъ по вашемъ

[1]) М. Г. А. Архивъ Константинопол. посольства старый, св. 158.

отъѣздѣ, причемъ мы вамъ рекомендуемъ, по лучшему своему на мѣстѣ свѣдѣнію нынѣшняго нашихъ дѣлъ при Портѣ положенія и обращенія, составить подробное учрежденіе нашей Цареградской миссіи, включивъ въ томъ и нужные денежные годовые тамо чрезвычайные расходы, и содержаніе министерской канцеляріи, которое вы имѣете къ намъ на апробацію представить, дабы мы могли рѣшительное о томъ опредѣленіе однажды навсегда учинить; а на основаніи онаго учрежденія вы не преминете оставить при вышеозначенномъ нашемъ министрѣ, для исправленія дѣлъ въ его канцеляріи, потребное число переводчиковъ и прочихъ канцелярскихъ служителей, равномѣрно какъ и при Божіей церкви, съ утварью ему поручаемой, священниковъ и причетниковъ. Впрочемъ пребываемъ мы къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, Декабря 15 дня 1775 года.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.

Графъ И. Остерманъ.

2788) РЕСКРИПТЪ ОРЕНБУРГСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ И. А. РЕЙНСДОРПУ [1]).

Прилагаются здѣсь копіи съ листовъ хана Бухарскаго, полученныхъ при дворѣ нашемъ съ нарочнымъ его посланцемъ, чрезъ Астрахань пріѣхавшимъ, съ поданныхъ симъ посланцемъ представленій и со всѣхъ учиненныхъ имъ изъясненій, съ доклада намъ представленнаго отъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а наконецъ съ грамоты нашей къ хану Бухарскому, отправленной съ отпущеннымъ обратно чрезъ Астрахань же онымъ посланцемъ, и съ письма нашего д. т. с. графа Панина къ хану, и съ записки, посланцу при отъѣздѣ данной [2]). Всѣ сіи бумаги послужатъ вамъ сколько для извѣстія, столько и для употребленія по случающимся иногда впредь съ Бухарцами въ вашемъ мѣстѣ дѣламъ. Но теперь, обращая мы вниманіе наше на производимую при границахъ нашей Имперіи Бухарцами и другими азіатскими купцами торговлю и сопряженную съ тѣмъ трудность и опасность, въ разсужденіи проѣздовъ оныхъ купцовъ чрезъ Киргизъ-Кайсацкую орду, всемилостивѣйше препоручаемъ вамъ весь вашъ подвигъ употребить на дѣйствительное исполненіе мѣръ, признаваемыхъ здѣсь полезными къ отвращенію неудобствъ сей торговли.

---

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ, къ № 261.

[2]) См. №№ 2704, 2705, 2789, 2790 и 2791.

Всѣмъ прошедшимъ временемъ довольно уже доказывается, что пока купцы будутъ въ зависимости отъ своенравія Киргизъ-Кайсакъ, никогда полной безопасности ожидать не можно; слѣдовательно мы и представленіе посланца Бухарскаго о истребованіи и содержаніи въ семъ видѣ въ нашей сторонѣ отъ хана Киргизъ-Кайсацкаго и отъ старшинъ аманатовъ, достаточнымъ къ тому не признаемъ, будучи также извѣстно, что напредь сего Киргизъ-Кайсаки и при аманатахъ не лучше нынѣшняго обращались; сверхъ того симъ требованіемъ и еще въ вящее съ ними затруднительство придти было бъ можно. Такимъ образомъ и настоитъ нужда необходимая въ изысканіи для безопасности въ проѣздахъ средства, совершенно отъ Киргизъ-Кайсакъ не посредственнаго, но единственно уже въ здѣшней волѣ состоящаго.

Послѣ того какъ посланецъ Бухарскій, на сдѣланное ему внушеніе о препровожденіи каравановъ Бухарскихъ воинскимъ съ обѣихъ сторонъ прикрытіемъ, совершенно уклонился отъ сего распоряженія, видно не находя область свою по внутреннему ея состоянію къ тому способною, и о чемъ вы между другимъ изъ доклада нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомитесь, остается по здѣшнему разсужденію для достиженія сего нужнаго и полезнаго намѣренія или вновь купеческую дорогу установить, сколько возможно минуя Киргизъ-Кайсацкое кочевье, построя при окончаніи оной и крѣпость для убѣжища и защиты, или же по крайней мѣрѣ, буде и въ томъ встрѣтятся препятствія, сократить настоящее отъ Бухаріи разстояніе заложеніемъ крѣпости же въ удобномъ мѣстѣ на нынѣшнемъ, къ Оренбургу ведущемъ пути, дабы азіатскіе купцы, отправляясь изъ своихъ мѣстъ, скорѣе и ближе здѣшнимъ пособіемъ пользоваться могли, получая отъ такой крѣпости до Оренбурга и отъ Оренбурга до оной пристойное прикрытіе. Безъ сомнѣнія вамъ извѣстно быть можетъ, по перепискѣ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ вашимъ мѣстомъ, что изъ сихъ двухъ уваженій для перваго удобною всегда здѣсь признавалась рѣка Эмба, впадающая въ Каспійское море ниже рѣки Урала. И хотя посланецъ Бухарскій и предъявилъ на учиненный ему вопросъ, будто она мелководна и что потому къ заведенію на оной порядочнаго селенія едва ли годится, но когда онъ самъ призналъ же, что изъ Бухаріи дорога на Гурьевъ городокъ способнѣе предъ Оренбургскою, а малое рѣки Эмбы теченіе, конечно, уже награждается въ околичностяхъ ея устья, которое еще ниже Гурьева городка, а ближе къ Мангишлатскому подалось мысу, съ коего и нынѣ нерѣдко Бухарцы отправляются чрезъ Каспійское море въ Астрахань, предпочитая и сію ѣзду Оренбургской же, слѣдовательно, кажется, еще удобнѣе и безопаснѣе будетъ Бухарцамъ ѣздить къ устью рѣки Эмбы, нежели на Гурьевъ городокъ, въ разсужденіи вящаго отдаленія отъ кочевья Киргизъ-Кайсацкаго, то по такой вѣроятности и теперь еще продолжается вопросъ, не можетъ-

ли для сего съ дѣйствительною пользою и успѣхомъ заложена и построена быть крѣпость на рѣкѣ Эмбѣ, по крайней мѣрѣ при ея устьѣ, ибо хотя въ близости и тутъ находится другой дикій же народъ — Трухменцы, но они однако жъ съ Бухарцами лучше обходятся, пропуская ихъ безвредно въ Астрахань, къ тому жъ и сами они издавна просятъ о принятіи ихъ въ наше подданство и о построеніи при Мангишлатскомъ мысѣ крѣпости, имѣя по скудости и безплодствію своихъ мѣстъ нужду заимствоваться привозимымъ къ нимъ изъ Астрахани хлѣбомъ, почему и чаятельно и скорѣе къ рукамъ прибраны быть могутъ, нежели Киргизъ-Кайсаки, по утвержденіи въ ихъ сосѣдствѣ здѣшняго жилища.

Все сіе сказывается вамъ для того, чтобъ вы по полученіи сего приступили къ дѣйствительному осмотру рѣки Эмбы, а буде паче чаянія, по такой на мѣстѣ повѣркѣ, не нашли бы при оной нигдѣ удобности для предполагаемой потребности, тогда, сколько возможно безъ продолженія же, приступили бы къ осмотру и лежащихъ на пути отъ Оренбурга къ Бухаріи урочищъ, отправляя какъ на Эмбу нарочнаго способнаго и надежнаго человѣка совсѣмъ подъ другимъ претекстомъ, такъ, если нужно будетъ, того жъ самаго и по дорогѣ къ Бухаріи, но снабденнаго повсюду такимъ конвоемъ, чтобъ онъ совершенно былъ безопасенъ и свободенъ отъ Киргизъ-Кайсакъ въ поручаемыхъ ему упражненіяхъ, и которыхъ прямую цѣль долженъ онъ будетъ однако же содержать въ крайнемъ секретѣ. Но что по сему окажется, вы все то, сообразя по лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію съ прочностію, изъ того ищемою, и съ обстоятельствами вашего края, имѣете представить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ ваше мнѣніе, которое именно мѣсто и съ какими распоряженіями для всѣхъ могущихъ быть при томъ уваженій къ сему на мѣрѣ полагаемому предпріятію нашлось бы и призналось вами способнѣйшимъ. Между тѣмъ не оставите вы, по поводу принесенной здѣсь Бухарскимъ посланцемъ жалобы на сына Нурали-хана Киргизъ-Кайсацкаго, живущаго при Мангишлатскомъ мысѣ у Трухменцевъ, въ отягощеніи имъ проѣзжающихъ въ Астрахань Бухарскихъ купцовъ великими и напрасными поборами, отписать при удобномъ случаѣ къ отцу его, убѣждая его пристойными изъясненіями, такъ, какъ въ докладѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ назначено, дать своему сыну добрые совѣты держаться въ томъ надлежащей умѣренности. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, 17 Декабря 1775 года.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.
Графъ И. Остерманъ.

2789) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ БУХАРСКОМУ ХАНУ [1]).

(Приложена къ предыдущему рескрипту).

(По большомъ Императорскомъ титулѣ).

Бухарскія земли владѣтелю Эбуль-гази-Мугамедъ-Бегадуръ хану наше Императорскаго Величества поздравленіе. Мы, великая Государыня, Наше Императорское Величество, съ особливымъ удовольствіемъ видѣли присланнаго къ высочайшему нашему престолу посланца вашего изъ первѣйшихъ вашихъ чиновниковъ Ирнезера-Максютова, который не только имѣлъ свободный доступъ къ Императорскому нашему двору, но и представленные имъ листы ваши и собственно поданныя имъ прошенія удостоились монаршаго нашего вниманія. Какая же по всему тому воспослѣдовала резолюція, о томъ повелѣли мы обстоятельно васъ увѣдомить нашему дѣйствительному тайному совѣтнику графу Панину, при случаѣ посланца вашего обратнаго отпуска съ сею нашею Императорскою грамотою, которая да будетъ вамъ залогомъ и обнадеживаніемъ о всемилостивѣйшемъ нашемъ къ вамъ и къ области вашей благоволеніи, какъ въ разсужденіи оказаннаго къ высочайшему нашему Императорскому престолу почтенія чрезъ нарочную присылку, такъ равнымъ образомъ и за употребляемое съ вашей Бухарской стороны похвальное раченіе къ продолженію торговли при границахъ нашей Имперіи, и въ чемъ по обращающейся взаимной пользѣ всевозможныя пособія, при обстоятельствахъ, того требующихъ, отъ насъ, великой Государыни, всегда подаваны быть имѣютъ.

Дана сія монаршая грамота въ нашемъ столичномъ городѣ Москвѣ, Декабря 17 дня 1775 года отъ Рождества Христова, а государствованія нашего четвертаго на десять лѣта.

2790) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БУХАРСКОМУ ХАНУ [2]).

(Приложено къ предыдущему рескрипту).

Почтеннѣйшій и высокостепенный Бухарской земли владѣтель Эбуль-гази-Магометъ-Бегадуръ ханъ. Ея Императорское Величество всепресвѣтлѣйшая Самодержица Всероссійская, моя всемилостивѣйшая Государыня, съ колико благоугодностью воспріять изволила оказанное отъ васъ, высокостепенный ханъ, почтеніе чрезъ нарочную присылку посланца, о томъ усмотрите вы изъ монаршей грамоты, посланцу вашему при отпускѣ отъ Императорскаго двора препорученной, равно какъ и то, что я всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе получилъ, по случаю сего жъ обратнаго посланца вашего

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ, къ № 261.

[2]) М. Г. А. Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ, къ № 261.

отъѣзда, увѣдомить васъ и о состоявшейся высочайшей резолюціи на листы ваши и на учиненныя сверхъ того и посланцемъ вашимъ представленія.

Содержаніе листовъ вашихъ, почтеннѣйшій ханъ, состоитъ въ домогательствѣ и требованіи, чтобъ удовлетворено было вашей Бухарской сторонѣ за разграбленные предъ нѣсколькими годами караваны, а равнымъ образомъ и за тѣ, кои во время случившагося неустройства въ предѣлахъ Оренбургскаго вѣдомства такому же несчастію подвержены были, и къ чему посланецъ вашъ присовокупилъ, чтобъ и оные Бухарцы, кои въ бывшее отъ мятежнической толпы городу Оренбургу обложеніе, сидя въ семъ городѣ, претерпѣли убытки, были за то награждены, и чтобъ собираемая при границахъ здѣшней Имперіи съ Бухарцевъ же пошлина была сбавлена и, наконецъ, чтобъ принялись потребныя мѣры и къ воспрещенію Нурали-хана Киргизъ-Кайсацкаго сыну Пирали-солтану, который надъ Трухменцами, живущими при Каспійскомъ морѣ у Мангишлатскаго мыса, учинился ханомъ, отягощать великими налогами Бухарцевъ же, отъ сего мыса въ Астрахань отправляющихся; впрочемъ, посланецъ вашъ представилъ здѣсь и о признаваемыхъ по его мнѣнію полезныхъ способахъ къ доставленію на будущее время лучшей безопасности отъ Киргизъ-Кайсакъ купеческимъ караванамъ, и притомъ словесно испрашивалъ дозволенія въ семъ же самомъ намѣреніи взять и въ Бухарію отъ нихъ, Киргизъ-Кайсакъ, человѣкъ до пяти аманатовъ.

Я учиню вамъ, высокостепенный ханъ, на каждое изъ сихъ сказанныхъ дѣлъ и обстоятельствъ особенное изъясненіе, дабы вы тѣмъ самымъ совершенно удостовѣрились о пристойномъ къ вамъ уваженіи, и что если не оказано будетъ ко всѣмъ вашимъ желаніямъ снисхожденія, сіе не недостатку истиннаго къ вамъ и къ области вашей благонамѣренія съ Россійской Императорской стороны, по единственно только сущей невозможности причесть могли.

Начнемъ разсуждать о разграбленныхъ Киргизъ-Кайсаками Бухарскихъ караванахъ, и чему по собственному вашего посланца объявленію 12 уже лѣтъ минуло. Вы, высокостепенный ханъ, видитесь ваше требованіе утверждать на томъ единственно, что Киргизъ-Кайсаки—подданные здѣшней Имперіи, но можетъ-ли напротивъ того быть неизвѣстно и вообще всѣмъ уже Бухарцамъ, что по дикости ихъ, Киргизъ-Кайсакъ, и своевольству еще нужда настоитъ привесть ихъ прежде въ надлежащій порядокъ, нежели ожидать можно отъ нихъ точнаго исполненія должностей подданства и вѣрности, и къ чему слѣдовательно еще время и великое раченіе требуется? Не сей есть однако жъ въ свѣтѣ одинъ и примѣръ, что дикіе народы, называя себя подданными, не дѣлаются послушными, но что по другимъ уваженіямъ такое именованіе имъ и при томъ дозволяется. Порта Оттоманская, Персія, Индія, Китай и другія державы считаютъ принадлежащими себѣ подобныя людства, безъ всякаго также съ ихъ стороны дѣйствительнаго тому соотвѣтствія.

Со всѣмъ тѣмъ могу я и на собственное свидѣтельство посланца вашего сослаться, какъ имѣвшаго великое участіе въ разграбленныхъ караванахъ, что въ свое время не оставлено было и безъ употребленія съ высочайшей Ея Императорскаго Величества стороны всѣхъ возможныхъ по состоянію Киргизъ-Кайсакъ мѣръ и способовъ къ вырученію изъ ихъ рукъ похищеннаго, почему нѣкоторые изъ Бухарцевъ отчасти и получили удовольствіе, а прочіе не хотѣли долѣе ждать и возвратились въ отечество свое, предоставя тамъ съ Киргизъ-Кайсаками раздѣляться. Представьте только вы, высокостепенный ханъ, и собственному вашему проницанію въ прямомъ существѣ

сіе дѣло, то вы сами и согласитесь со мною въ томъ, что по прошествіи толикаго времени, позабывъ уже совершенно Киргизъ-Кайсаки объ ономъ, да и Бухарцы, въ Оренбургъ между тѣмъ пріѣзжавшіе, больше не просили, нѣтъ ни малѣйшаго средства привести ихъ, Киргизъ-Кайсакъ, къ заплатѣ доброю волею, а предпріемля принудить ихъ къ тому, потребны бы были великіе подвиги и такія мѣры, кои цѣну и важность всего ищемаго далеко бъ превзошли, и кои тѣмъ болѣе излишны и непристойны бъ были, чѣмъ здѣсь при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ извѣстнѣе, что ваша область Бухарія и сама не оскудѣваетъ въ удобностяхъ къ непосредственному окончанію всякихъ случающихся съ Киргизъ-Кайсаками взаимныхъ дѣлъ, по ежегодному ихъ въ Бухарію пріѣзду для продажи скота, а иногда и похищаемыхъ ими злодѣйскимъ образомъ людей на здѣшнихъ границахъ.

Не больше есть возможности исполнить и другое ваше, высокостепенный ханъ, требованіе о удовлетвореніи за расхищеніе во время бывшаго въ Оренбургской сторонѣ неустройства товаровъ, Бухарцамъ же принадлежавшихъ, а равно и присовокупленное къ тому вашимъ посланцемъ и третіе требованіе, чтобъ воздано было Бухарцамъ же, сидѣвшимъ въ Оренбургѣ, за убытки ихъ.

Я прошу васъ, высокостепенный ханъ, припомнить и принять въ безпристрастное разсужденіе время и обстоятельства сихъ обоихъ случаевъ. Когда въ морѣ возстаетъ внезапная буря, сокрушаетъ корабли и топитъ ихъ со всѣми людьми и грузомъ, никто за такое несчастіе не отвѣтствуетъ, судьба есть то Всевышняго; такъ равнымъ образомъ и несчастливыя приключенія частнымъ людямъ, встрѣчающіяся во время повсемѣстнаго въ цѣломъ краю замѣшательства, не обязано никакое въ свѣтѣ правительство на свой счетъ принимать и за оныя дѣлать воздаянія. Но сказывается съ вашей стороны, что разграбленные товары остались въ рукахъ у здѣшнихъ подданныхъ, но кто они и гдѣ они, неизвѣстно, а вѣроятно, что, какъ изобличившіеся въ бывшемъ мятежѣ и злодѣйствахъ, давно достойную казнь получили, нажитая же ими злодѣйствомъ корысть при тѣхъ же бывшихъ смущеніяхъ пришла въ такое раздробленіе, которое никакимъ образомъ, ни самымъ строжайшимъ слѣдствіемъ соображено быть не можетъ. Что касается до претерпѣнныхъ Бухарцами убытковъ въ бытность ихъ въ Оренбургѣ во время предстоявшей отъ бунтовщиковъ опасности, на сіе можно со всею пристойностью и справедливостію такой вопросъ сдѣлать: не причлось-ли бы несчастливому року потеряніе оными Бухарцами и жизни, ежели бы бунтовщики предуспѣли овладѣть симъ городомъ? Слѣдовательно, что они спаслись и цѣлы остались, при всѣхъ постигшихъ ихъ убыткахъ, еще для нихъ великое пріобрѣтеніе. Помогали они своимъ содѣйствіемъ защитѣ города, но помогали тѣмъ и сохраненію собственной своей жизни; впрочемъ, чаятельно и въ Бухаріи по достигшимъ слухамъ извѣстно, коликія разоренія по мѣстамъ вѣдомства Оренбургскаго и другимъ злостными и безчеловѣчными бунтовщиками причинены разнаго званія и состоянія людямъ. Они всѣ дѣйствительно несчастливы, но права однако жъ не имѣютъ требовать награжденія отъ правительства за убытки во время бывшаго самому правительству непослушанія, а въ семъ самомъ случаѣ и Бухарцы, сидѣвшіе въ Оренбургѣ, находятся, которымъ дѣлая воздаяніе, надлежало бы уже по необходимому слѣдствію и всѣхъ прочихъ удовлетворить равномѣрно, но на то потребовалось бы нжданіе безчисленное къ напрасному отягощенію государственнаго хозяйства, безъ всякой однако жъ обязанности и истинныхъ основаній къ замѣнѣ убыткомъ государственнымъ такихъ частныхъ потерь, отъ власти и судьбы Всевышняго происшедшихъ.

Сіе есть, высокостепенный ханъ, что я по высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію имѣлъ вамъ сообщить по вашимъ и посланца вашего вышеприведеннымъ требованіямъ, и почему по онымъ исполнено быть не могло, причемъ я и еще повторяю, что если благоволите вы только всѣ воспрепятствовавшія въ томъ противъ здѣшняго желанія причины разсмотрѣть съ праводушіемъ, добродѣтелью, владѣтелямъ свойственною, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ вы сами не признали необходимости сей резолюціи, какъ основанной на истинныхъ положеніяхъ натуральныхъ и всенародныхъ правъ и всѣхъ знаменитыхъ и просвѣщенныхъ державъ поведенія.

Теперь осталось мнѣ васъ, высокостепенный ханъ, увѣдомить, что, напротивъ того, прочія посланца вашего прошенія и домогательства совершенный уже успѣхъ возымѣли. О уменьшеніи пошлины съ торгующихъ при границахъ здѣшней Имперіи Бухарскихъ купцовъ есть Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшее соизволеніе, почему сей важный для Бухаріи пунктъ дѣйствительно разсматривается въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ и скорое получитъ окончаніе. Чтобъ Нурали-хана Киргизъ-Кайсацкаго сынъ, имѣющій пребываніе свое при Мангишлатскомъ мысѣ, не отягощалъ излишними поборами Бухарскихъ купцовъ въ проѣздъ ихъ чрезъ сей мысъ, о томъ со всѣмъ надлежащимъ подтвержденіемъ писано будетъ по указу Ея Императорскаго Величества отъ Оренбургскаго губернатора къ Нурали-хану, а отъ Астраханскаго—и прямо къ помянутому его сыну.

Между тѣмъ, и представленное здѣсь посланцемъ вашимъ мнѣніе о присвоеніи лучшей безопасности купеческимъ караванамъ, во время ихъ слѣдованія чрезъ Киргизъ-Кайсацкую орду, также пріемлется въ разсужденіе, и въ семъ нужномъ и полезномъ видѣ пристойныя мѣры и распоряженія безъ замедленія употребятся, а и вамъ, высокостепенный ханъ, симъ не только дозволяется взять отъ Киргизъ-Кайсакъ въ вашу сторону нѣсколько старшинскихъ дѣтей, когда такой залогъ въ самомъ дѣлѣ, какъ вашъ посланецъ удостовѣряетъ, нѣкоторымъ достаточнымъ же образомъ воспособствуетъ къ открытію купцамъ пути, но подобное отъ васъ содѣйствіе въ дѣлѣ взаимной пользы наиточнѣйше и требуется, въ совершенномъ надѣяніи, что вы не только симъ, но и всѣми другими зависимыми отъ васъ способами пользоваться не оставите, къ лучшему сообщенію взаимныхъ избытковъ, стараясь производимую нынѣ торговлю умножить и привесть въ теченіе не пресѣкаемое, равно какъ и здѣсь никогда не выпускается изъ виду сіе на весь родъ человѣческій выгодностями своими распространяющееся упражненіе, достойное покровительства всякаго владѣтеля и правительства, постановить на основаніяхъ твердыхъ въ возможной по человѣчеству безопасности.

При окончаніи же всего еще я вамъ, высокостепенный ханъ, даю знать, что на присланные отъ васъ по древнему обыкновенію съ посланцемъ вашимъ къ высочайшему двору подарки Ея Императорское Величество величайшая Монархиня изволила воззрѣть со всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ, равно какъ и къ Его Императорскому Высочеству Государю цесаревичу и великому князю, высокому наслѣднику Всероссійскаго Императорскаго престола, особливо отправленные съ сыномъ посланцевымъ при особливомъ вашемъ и листѣ, приняты съ удовольствіемъ, и при семъ въ знакъ Императорской къ вамъ, высокостепенный ханъ, милости, посылается къ вамъ съ посланцемъ вашимъ сабля, украшенная алмазами, а отъ Его Императорскаго Высочества наперникъ такой же, да и посланецъ вашъ, который во всю бытность при дворѣ велъ себя

благоразумно и похвально и тѣмъ заслужилъ апробацію, отпущенъ обратно съ пристойнымъ изъ Императорской щедроты награжденіемъ.

Итакъ, увѣдомя я васъ, высокостепенный ханъ, о всемъ, что къ вашему свѣдѣнію касаться могло, остаюсь и впредь къ вамъ и ко всей вашей области доброжелательнымъ.

Гр. Н. Панинъ.

Въ Москвѣ, 17 Декабря 1775 г.

2791) ЗАПИСКА ДЛЯ БУХАРСКАГО ПОСЛАНЦА ИРНЕЗЕРА МАКСЮТОВА [1]).

(Приложена къ предыдущему рескрипту).

Записка для извѣстія Бухарскому посланцу Ирнезеру Максютову о состоявшейся Императорской резолюціи на поднесенные отъ хана его листы и учиненныя имъ, посланцемъ, представленія, вслѣдствіе возложенной на него довѣренности.

Излишне бы было повторять здѣсь содержаніе ханскихъ листовъ и собственныхъ его, посланца, представленій, будучи безъ сомнѣнія оное ему извѣстно и совершенно памятно во всѣхъ подробностяхъ, почему и осталось только увѣдомить его, какое воспослѣдовало на то высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе; но дабы и въ томъ избыть напраснаго многорѣчія, то и прилагается при семъ копія съ Императорской грамоты въ отвѣтъ на ханскіе листы, ему, посланцу, для доставленія поручаемой, и другая съ министерскаго письма къ хану, по Ея Императорскаго Величества указу писаннаго, во всѣхъ дѣлахъ Бухарскихъ, бывшихъ здѣсь въ разсужденіи по поводу его, посланца, пріѣзда ко двору Ея Императорскаго Величества.

Онъ въ сихъ копіяхъ найдетъ, при краткомъ означеніи всѣхъ съ Бухарской стороны чрезъ него учиненныхъ требованій, сколько обстоятельное, столько же и справедливое изъясненіе тѣхъ основаній и причинъ, кои монаршую составляютъ резолюцію. Правда, что не на все снизойдено, чего ищемо было съ Бухарской стороны, но извѣстное благоразуміе посланца и его же разборчивость, конечно, достаточны будутъ и удостовѣрить его о встрѣтившихся въ томъ непреоборимыхъ препятствіяхъ, и что, напротивъ того, все, что только возможно было, по истиннымъ государственнаго правительства началамъ и правиламъ, не оставлено принять при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ въ надлежащее разсужденіе, а со временемъ и дѣйствительная изъ того польза окажется, равно какъ и особенное призрѣніе къ происходящей отъ Бухарскихъ купцовъ при границахъ здѣшней Имперіи торговлѣ; слѣдовательно, когда въ семъ пунктѣ нужнѣйшемъ для Бухаріи по обращенію ея жителей въ промыслахъ и рукодѣліяхъ готовность показывается подать всѣ возможные способы къ облегченію и безопасности, то и довольно изъ сего видимо быть можетъ, что Россійскій Императорскій дворъ къ владѣтелю Бухарскому и къ области его находится благонамѣреннымъ и благосклоннымъ, и о чемъ посланецъ по возвращеніи своемъ въ отечество не оставитъ и словесно удостовѣрить своего хана и все тамошнее общество, дѣлая пристойныя побужденія къ содѣйствію съ ихъ стороны употребляемымъ стараніямъ со

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Азіатскимъ дѣламъ, къ № 261.

здѣшней, чтобъ наконецъ изъяты быть могли всѣ неудобства, нынѣ еще съ Бухарскою торговлею соединенныя, и такимъ образомъ нашлись въ состояніи здѣшніе подданные и Бухарцы безпрепятственное имѣть сношеніе и сообщать другъ другу взаимные своихъ мѣстъ избытки, къ пользѣ и удовольствію своему и къ толь вящему утвержденію дружбы и полной довѣренности между здѣшнею Имперіею и Бухарскимъ начальствомъ.

Впрочемъ, справедливая отдается посланцу похвала и признательность въ томъ, что онъ употребилъ стараніе къ выручению 20-ти человѣкъ изъ находящихся въ Бухаріи и въ Хивѣ въ неволѣ здѣшнихъ людей, продаемыхъ туда хищными и свирѣпыми Киргизъ-Кайсаками. Сей поступокъ значитъ особенную его преданность къ Россійскому Императорскому престолу и собственное его человѣколюбіе, почему онъ во всякихъ случаяхъ и можетъ имѣть совершенную надежду на высочайшую Ея Императорскаго Величества милость; а какъ равнымъ образомъ къ его жъ похвалѣ служитъ и то, что онъ во всю свою бытность при дворѣ Ея Императорскаго Величества велъ себя пристойно и благоразумно и тѣмъ оправдалъ выборъ своего владѣтеля, сдѣлалъ честь своей націи, то въ показаніе ему монаршаго Ея Императорскаго Величества удовольствія и милости отпускается онъ отсюда съ отличнымъ предъ прежними примѣрами награжденіемъ.

Дана въ Москвѣ, Декабря 17 дня 1775 года.

2792) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

На обратное отправленіе турецкаго посольства и на путевые расходы повелѣли мы отпустить въ вѣдомство оной Коллегіи изъ Московской Монетной Экспедиціи 150.000 рублей, въ томъ числѣ 40.000 рублей серебряною монетою, почему въ пріемѣ и употребленіи оныхъ денегъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ имѣетъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Екатерина.

Декабря 18 дня 1775 года.

2793) ПРОЕКТЪ ГРАМОТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ [2]).

(19 или 20 Декабря 1775 г.).

(Secondo i titoli).

Mandatoci da Vostra Sultanea Maestà straordinario e plenipotenziario ambasciatore Begler-bey di Romelia Seydul Haz Abdul-Cherim

---

[1]) М. Г. А. Именн. указы по Публичной экспедиціи, № 366.

[2]) М. Г. А. Турція, I, св. 1. Переводъ: „По титулѣ. Отправленный Вашимъ Султанскимъ Величествомъ чрезвычайный и полномочный посолъ бегларъ-бей Румелійскій Сейдулъ Газъ Абдулъ-Керимъ-паша по пріѣздѣ былъ нами допущенъ къ аудіенціи безъ малѣйшаго замедленія. Дружелюбное письмо Вашего Султанскаго Величества, вмѣстѣ съ пріятными дарами вашими, было принято нами съ величайшимъ удовольствіемъ. Это

pascia arrivando, qui fù admesso da noi all'udienza senza minima dilazione. Lettera amichevole di Vostra Sultanea Maestà unitamente colli grati presenti vostri furono ricevuti da noi con somma nostra soddisfazione. Questa solenne ambasciata di Vostra Sultanea Maestà in virtù del perpetuo trattato di pace ci era molto grata, tanto più, che tanto da quella lettera vostra, come anche dalli verbali del sumentovato ambasciatore assicurazioni, ci informanno della ferma e vera intenzione di Vostra Maestà di religiosamente e costantemente mantener il sudetto ristabilito tra ambe imperii perpetuo ed amichevole trattato di pace inviolabilmente in tutti suoi articoli. In corrispondenza di che anche noi fortemente assicuriamo Vostra Maestà di permaner costantemente per sempre in eguali colli vostri intenzioni, e da parte nostra reciprocamente ci opero era tutto quello, che puotrà servir all'intiero mantenimento e la maggior corroborazione di quel perpetuo trattato di pace e buona confinante amicizia, come anche alla tranquile permanenza e la maggior estenzione dell'immediato e utile per i vicendevoli sudditi commercio, di ciò anche al sumentovato vostro ambasciatore verbalmente da noi fù molte volte confermato; alquale dopo aver egli eseguito appresso la corte nostra la commessa gli da Vostra Sultanea Maestà commissione, noi abbiamo

---

торжественное посольство отъ Вашего Султанскаго Величества въ силу договора о вѣчномъ мирѣ было намъ въ высшей степени пріятно, тѣмъ болѣе что изъ письма вашего, такъ же какъ изъ словъ вышеупомянутаго посла, мы получили удостовѣренія въ непреклонномъ и истинномъ намѣреніи Вашего Величества свято и постоянно содержать вышесказанный, постановленный между обѣими Имперіями, вѣчный дружественный мирный договоръ, соблюдая его ненарушимо во всѣхъ его статьяхъ. Въ соотвѣтствіе тому, мы также рѣшительно удостовѣряемъ Ваше Величество, что неизмѣнно и постоянно пребудемъ въ одинаковыхъ съ вами намѣреніяхъ и съ своей стороны сдѣлаемъ все то, что можетъ послужить къ содержанію въ цѣлости этого договора о вѣчномъ мирѣ, къ вящему его укрѣпленію и къ установленію доброй сосѣдственной дружбы, а также къ спокойному теченію и большему расширенію безпосредственной и полезной торговли между подданными обоихъ государствъ, что мы много разъ словесно подтверждали упомянутому вашему послу. Послѣ того какъ онъ выполнилъ при дворѣ нашемъ возложенное на него порученіе Вашего Величества, мы благосклонно дали ему отпускъ отъ нашего двора, снабдивъ его настоящимъ дружественнымъ письмомъ нашимъ къ вамъ. Здѣсь же мы считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ засвидѣтельствовать Вашему Величеству, что вышесказанный посолъ вашъ во время своего пребыванія при дворѣ нашемъ своимъ добропорядочнымъ и похвальнымъ поведеніемъ заслужилъ наше благоволеніе, вслѣдствіе чего мы усердно поручаемъ его въ милость Вашего Величества. Впрочемъ, желая Вашему Султанскому Величеству отъ Всемогущаго Бога долгой жизни и счастливаго царствованія...

Дана въ Москвѣ, Декабря дня 1775 года, государствованія же нашего четвертаго на десять лѣта».

concesso dalla corte nostra il benevole congedo, furnendolo della presente à lei nostra amichevole lettera. Qui contiamo per soddisfazione nostra di testificar à Vostra Maestà, che il sudetto vostro ambasciatore, durante suo soggiorno appresso la nostra corte, colla sua convenevole e lodevole condotta si è merita della nostra benevolenza, per ciò noi diligentemente lo raccomandiamo nella clemenza di Vostra Maestà; nel resto augurando noi à Vostra Sultanea Maestà dall'Omnipotente Iddio una longavità ed il regnar prospero etc.

Data a Mosca di Decembre l'anno 1775, dell'regno nostro anno decimo quarto.

2794) ЛИСТЪ ОТЪ ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ ПОРТЫ ОТТОМАНСКОЙ [1]).

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій Блистательной Оттоманской Порты верховный и славнѣйшій визирь, господине, господине препочтеннѣйшій. Прибывшій сюда ко двору Ея Императорскаго Величества, моей всеавгустѣйшей, самодержавнѣйшей и всемилостивѣйшей Императрицы и Государыни, отъ Его Султанова Величества чрезвычайный и полномочный посолъ Румелійскій беглеръ-бей, высокородный и почтенный Сейдулъ-Хочъ-Абдулъ-Керимъ паша, для подтвержденія возстановленнаго между обѣими нашими высокими и славными Имперіями вѣчнаго мирнаго трактата и доброй сосѣдственной дружбы, вручилъ мнѣ благопріятное вашего сіятельства письмо, въ которомъ предъявляете искреннее Блистательной Порты Оттоманской намѣреніе оный мирный трактатъ во всѣхъ его артикулахъ ненарушимо и свято содержать, что и означенный вашъ посолъ здѣсь неоднократно повторилъ. Таковыя дружескія обнадеживанія и оное Его Султанова Величества торжественное посольство моей самодержавнѣйшей Императрицѣ и Государынѣ весьма угодны были, по той несумнѣнной надеждѣ, что съ стороны Блистательной Порты стараніе приложится при случаяхъ помянутыя дружескія обнадеживанія самымъ дѣломъ доказать. Взаимно чего я предъ симъ учиненныя наисильнѣйшія увѣренія вашему с-ву о томъ усугубить могу, что Ея Императорское Величество равномѣрно въ твердомъ намѣреніи пребывать изволитъ возстановленный вѣчный миръ и сосѣдственную дружбу съ Блистательною Портою Оттоманскою навсегда въ цѣлости сохранить и все то дѣлать, еже послужить возможетъ къ цѣлому содержанію и большему укрѣпленію онаго вѣчнаго мира и доброй сосѣдственной дружбы, также къ спокойному пребыванію и къ

[1]) М. Г. А. Турція, II, св. 1.

вящему распространенію полезной безпосредственной торговли подданныхъ обоюдныхъ Имперій, которому богоугодному намѣренію споспѣшествовать я всѣ мои силы употребить не оставлю, о чемъ вышереченному послу словесно многажды я подтвердилъ, ласкаясь при томъ, что и ваше с-во, по извѣстнымъ своимъ миролюбительнымъ сентиментамъ и по усердію о благоденствіи обѣихъ нашихъ высокихъ Имперій, потщитесь оному блаженному намѣренію всячески содѣйствовать. Впрочемъ помянутый посолъ исполня при высочайшемъ дворѣ моей всеавгустѣйшей Государыни ввѣренную ему отъ Его Султанова Величества комиссію, я исходатайствовалъ ему отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣйшій отпускъ, бывъ при томъ онъ, посолъ, снабденъ высочайшими отъ Ея Величества отвѣтными грамотами къ Его Султанову Величеству и къ вамъ, моему почтенному пріятелю, также и симъ моимъ отвѣтнымъ дружескимъ листомъ; причемъ я вашему с-ву засвидѣтельствовать имѣю, что оный посолъ въ бытность свою здѣсь, при высочайшемъ дворѣ Ея Императорскаго Величества, велъ себя благоразумнымъ и похвальнымъ образомъ, чѣмъ онъ себѣ пріобрѣлъ всевысочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе, и потому я его въ покровительство вашего с-ва препоручаю. Въ заключеніе желаю я вашему с-ву отъ всемогущаго Бога долголѣтняго здравія и всякаго благополучія, и пребываю всегда со всякимъ почтеніемъ и проч.

Въ Москвѣ, Декабря 20 дня 1775 г.

2795) РЕСКРИПТЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ БАРОНУ О. А. ИГЕЛЬСТРОМУ [1]).

Быть по сему.

(Апробованъ въ Москвѣ 19 Декабря 1775 г.).

Мы, бывъ совершенно довольны благоразумнымъ и прилежнымъ направленіемъ ввѣренной вамъ отъ насъ донынѣ должности пристава при турецкомъ послѣ, потому за благо разсудили и при возвратномъ онаго посла отсюда до Хотина препровожденіи ту должность пристава паки вамъ препоручить, вслѣдствіе чего вы имѣете всѣ надлежащія пріуготовленія сдѣлать къ обратному реченнаго посла изъ сей нашей столицы отъѣзду, снабдя себя притомъ зимнимъ экипажемъ и прочими къ пути потребностьми, на что все и на произвожденіе оному послу обыкновеннаго таина повелѣли мы выдать вамъ 150.000 рублевъ, изъ которой суммы вамъ употреблять также по прежнему на всякія необходимыя при посольствѣ издержки и на содержаніе находящихся

[1]) М. Г. А. Именные указы 1768—1777 г.г., № 68.

при васъ подъ посольскій экипажъ артиллерійскихъ лошадей съ служителями; да еще вамъ доставится, по включенному здѣсь реестру, нѣсколько мягкой рухляди, кою вы по своему благоизобрѣтенію употребите при подающихся случаяхъ и при взаимной пословъ размѣнѣ на подарки турецкому послу и его чиновнымъ.

По изготовленіи всего къ пути потребнаго, вамъ съ помянутымъ посломъ и со всею его свитою отсюда прежнею дорогою на Кіевъ слѣдовать; и въ разсужденіи, что по настоящему зимнему времени можетъ для такой большой свиты въ пути въ теплыхъ квартирахъ случиться недостатокъ, вы можете оную свиту раздѣлить по своему усмотрѣнію на двѣ или на три части, опредѣля къ каждой расторопнаго и надежнаго командира съ потребнымъ числомъ воинской команды, для наблюденія должнаго порядка. Въ прибытіе ваше съ реченнымъ посломъ и со всею его свитою въ Кіевъ, должно вамъ навстрѣчу возвращающагося изъ Константинополя нашего посла князя Репнина нарочнаго офицера отправить, съ увѣдомленіемъ объ ономъ вашемъ прибытіи, и что вы тамо, или гдѣ еще ближе въ Польскихъ предѣлахъ, по лучшей въ пути вашемъ выгодности дожидаться будете извѣстія отъ него, посла, о томъ, когда надѣется онъ быть у Хотина, дабы и вы къ тому же времени съ означеннымъ турецкимъ посломъ тамо найтиться могли. По такому вами отъ того князя получаемому извѣстію, вамъ должно и распорядить оный свой путь до помянутой турецкой крѣпости, и тако, чтобъ оба посольства къ взаимнымъ границамъ въ одинъ день прибыли, и о чемъ вамъ по предварительному съ нимъ, княземъ, сношенію согласиться съ посломъ турецкимъ объ образѣ и днѣ взаимной обоюдныхъ посольствъ размѣны, принявъ для избѣжанія излишнихъ околичностей въ примѣръ тому учиненную подобную пословъ размѣну въ 1742 году при Бугѣ, съ которой и съ сдѣланнаго о томъ предварительною запискою постановленія вы найдете здѣсь копіи, на основаніи чего мы желаемъ, чтобъ и нынѣшняя пословъ размѣна воспослѣдовала.

О встрѣчахъ и почестяхъ по пути въ нашихъ городахъ и мѣстахъ, турецкому послу подлежащихъ, также о таинѣ, ему ежедневно производимомъ натурою и деньгами, вы, въ препровожденіе его къ нашему двору бывъ сами оному на основаніи нашихъ указовъ учреждатели, потому мы и при нынѣшнемъ случаѣ то въ полное ваше собственное распоряженіе препоручаемъ, равномѣрно какъ и расположеніе вашихъ съ тѣмъ посломъ и съ его свитою дальнѣйшихъ поступковъ и наблюденія во всемъ строгаго порядка, зная вы уже опытами по необузданному ихъ нагльству и грубости, какимъ способомъ лучше вамъ будетъ до того достигнуть. Но при всемъ томъ должно вамъ съ посломъ обходиться съ благопристойною учтивостью и ласкою, оказывая ему возможнѣйшее во всемъ удовольствіе, также по всѣмъ мѣстамъ его пути

дѣлать ему, подобно какъ и въ пріѣздъ его сюда, наибольшія почести и встрѣчи, желая мы тѣмъ совершенно съ нашей стороны соотвѣтствовать учиненному отличному пріему нашему послу кн. Репнину въ земляхъ турецкихъ. Для пріуготовленія же всего къ принятію онаго турецкаго посла потребнаго при настоящемъ его обратномъ отсюда проѣздѣ по всѣмъ городамъ и мѣстамъ, по Кіевскому тракту лежащимъ, и о учиненіи повсюду непремѣннаго исполненія по всѣмъ вашимъ требованіямъ подтверждено будетъ заблаговременно изъ нашего Сената, куда подлежитъ, указами, вслѣдствіе сдѣланнаго ему отъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ представленія, съ котораго копію вы здѣсь найдете. А о доставленіи вамъ въ началѣ Января наступающаго 1776 года потребной воинской команды, состоящей въ трехъ полныхъ эскадронахъ кавалерійскихъ и въ двустахъ казаковъ, для конвою при ономъ турецкомъ посольствѣ въ препровожденіе его отсюда до Хотина, изъ помянутой Коллегіи въ нашу Военную Коллегію уже писано, откуда вы въ свое время оную и потребовать можете. Въ продолженіе вашего пути до границъ турецкихъ рекомендуемъ мы вамъ, вслѣдствіе прежнихъ нашихъ указовъ, наипристойнѣйшія мѣры и предосторожности принять, чтобы турки отнюдь никого изъ нашихъ подданныхъ и ни изъ своихъ земляковъ крещеныхъ подманить и къ себѣ захватить не могли, слѣдственно и за границу съ собою увесть, чего ради о таковыхъ крещеныхъ туркахъ, во всѣхъ мѣстахъ по дорогѣ случившихся, начальникамъ и обывателямъ предварительно безъ всякаго разглашенія секретно велѣть, на время того турецкаго посла чрезъ ихъ мѣсто проѣзда, оныхъ крещеныхъ турокъ оттуда удалять, или въ удобныхъ мѣстахъ подъ крѣпкимъ присмотромъ содержать, дабы они никоимъ образомъ до посла и до его свиты не могли дойтить, чего и вамъ непримѣтнымъ образомъ крайне наблюдать содержаніемъ всегда изъ вашей команды около свиты турецкой непроникаемаго кордона, чрезъ который бы отнюдь никто безъ вашего свѣдѣнія къ оной украдкою пробраться не могъ. Сверхъ того, вамъ еще прилежнѣйше стараться, чтобъ въ пути вашемъ ни нашимъ подданнымъ отъ турокъ, и ни имъ отъ нихъ никогда никакія обиды и наглости чинены не были, чего и за подчиненными вашими наикрѣпчайше смотрѣть и всячески того наблюдать, чтобъ никакой причины къ ссорѣ и къ жалобамъ съ нашей стороны туркамъ не подать, да и отъ нихъ обидъ и нападковъ нимало не терпѣть, въ каковомъ случаѣ требовать въ томъ отъ посла пристойнымъ образомъ поправленія и удовольствительной сатисфакціи. Всему при посольствѣ въ пути и въ другихъ мѣстахъ происходящему держать вамъ по прежнему обстоятельный журналъ и о томъ почасту доносить въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ; также чинимымъ вами при посольствѣ изъ порученныхъ нашихъ казенныхъ денежныхъ

суммъ издержкамъ имѣть вамъ подробную записку, которую обще съ показаннымъ журналомъ по окончаніи вашей комиссіи вы доставите въ помянутую нашу Коллегію.

Впрочемъ, мы надѣемся, что вы и въ настоящемъ случаѣ совершенно соотвѣтствуете нашей монаршей вамъ оказываемой довѣренности и радѣтельнѣйшее ваше стараніе и усердіе употребите къ благому оной вашей комиссіи окончанію въ высочайшее наше удовольствіе, и тѣмъ заслужите нашу Императорскую милость, съ которою мы вамъ благосклонны пребываемъ.

Данъ въ Москвѣ, Декабря 21 дня 1775 года.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.

Графъ И. Остерманъ.

2796) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [1]).

Г. Стахіевъ со всѣмъ своимъ крайнимъ стараніемъ къ скорѣйшему отъѣзду не могъ однако жъ прежде сего дни изготовиться, а теперь, оставляя свою многочисленную фамилію здѣсь до весны, отъѣзжаетъ отсюда завтрашняго числа, бывъ уже отъ двора снабденъ всѣми принадлежащими предписаніями къ его лежитимаціи; а ваше с-во въ включенномъ здѣсь рескриптѣ изволите найти, чѣмъ вамъ его съ своей стороны снабдить надобно будетъ; вы же тѣмъ самымъ найдетесь въ состояніи распорядить всѣхъ вашихъ канцелярскихъ служителей по вашему собственному благоизобрѣтенію, для лучшаго поспѣшествованія нашихъ дѣлъ. А какъ вамъ самимъ извѣстно, съ какою искренностію я всегда доброхотствовалъ г. Стахіеву, по причинѣ девятнадцатилѣтней его подъ моимъ начальствомъ службы, то я обойтись не могу, чтобъ вамъ, моему милостивому другу, особенно его не поручить въ ваше призрѣніе, яко человѣка совсѣмъ новаго въ дѣлахъ вашего мѣста, а притомъ уже къ старости приближающагося; посему и прошу, сколько отъ васъ только зависѣть можетъ, облегчить ему первое его вступленіе въ дѣлахъ наилучшимъ открытіемъ и наставленіями тѣхъ правилъ и началъ, по которымъ ему должно будетъ усматривать и разбирать тамошнюю политику. Я есмь съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Москва, 24 Декабря 1775 г.

2797) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [2]).

Послѣднія депеши вашего с-ва отъ 16 Ноября получены здѣсь не задолго передъ отъѣздомъ двора въ С.-Петербургъ, а потому и недоставало уже времени все-

---

[1]) М. Г. А. Архивъ Константинопольск. посольства старый, св. 147.

[2]) М. Г. А. Турція, III, св. 20, и архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147.

милостивѣйшей Государынѣ дать вамъ отсюда какія-либо по содержанію оныхъ новыя повелѣнія. По положенію дѣлъ ваше с-во сами найдете, что и послѣдними отсюда предписаніями вы руководствоваться еще достаточно можете. Турецкимъ притязаніямъ конца не видно; но ваше положеніе требуетъ настоять въ той твердости, съ которою вы открыли ваше министерство, ибо существительный онаго предметъ въ вашей персонѣ есть запечатлѣніе счастливо возстановленнаго мира торжественнымъ посольствомъ, которое совершенно исполнится тогда, когда вы достигнете обѣихъ аудіенцій, пріѣзжей и отпускной, и найдетесь на мѣстѣ размѣны обоюдныхъ посольствъ. Дѣла же тогда наши съ Портой пойдутъ обыкновеннымъ теченіемъ и долженствуютъ зависимы быть въ своихъ успѣхахъ отъ тѣхъ политическихъ мѣръ, каковыя Ея Императорскому Величеству принимать угодно будетъ.

На письма ко мнѣ вашего с-ва о канцелярскихъ служителяхъ, съ тою же экспедиціею полученныя, имѣю честь вамъ сказать, что вы теперь сами въ состояніе приведены повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества въ именномъ рескриптѣ, который вамъ вручитъ г. Стахіевъ, учинить онымъ разборъ, которыхъ по усмотрѣнію вашему надлежитъ оставить при его миссіи для надобности и пользы дѣлъ и которыхъ вамъ съ собою возвратить, при чемъ я вамъ рекомендовать долженъ, чтобы число молодыхъ людей съ лучшими склонностями и способностями выбрано было для обученія турецкаго и итальянскаго языковъ. Я есмь съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Въ Москвѣ, 25 Декабря 1775 г.

2798) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ [1]).

Вслѣдствіе преподанныхъ отъ меня в. с-ву извѣщеній объ отъѣздѣ отсюда въ С.-Петербургъ двора, имѣю я честь присовокупить здѣсь къ дальнѣйшему вашему свѣдѣнію, что вскорѣ послѣ отъѣзда отсюда Ихъ Императорскихъ Высочествъ всемилостивѣйшая Государыня изволила ѣздить на нѣсколько дней въ Тулу и въ Калугу и, по возвращеніи своемъ оттуда въ прошедшую пятницу въ вечеру, изволила допустить на другой день, т. е. въ субботу 19 числа сего мѣсяца, въ Пречистенскомъ дворцѣ на отпускную аудіенцію находящагося здѣсь турецкаго посла съ обыкновенными почестями; то вы, мой милостивый другъ, усмотрѣть изволите изъ приложеннаго здѣсь церемоніала. По окончаніи аудіенціи Ея Величество изволила бывшихъ въ залѣ дамъ и кавалеровъ жаловать къ рукѣ. На другой же день, т. е. 20 числа, всемилостивѣйшая Государыня изволила ѣздить въ Успенскій соборъ и по отслушаніи обѣдни и молебна отправиться въ путь свой въ С.-Петербургъ, въ намѣреніи прибыть въ Царское Село къ Рождественскому празднику.

Какую-же турецкій посолъ на аудіенціи держалъ рѣчь и какой отвѣтъ говоренъ былъ вице-канцлеромъ отъ Ея Величества на оную, прилагаю здѣсь съ нихъ списки, равно какъ и росписаніе подаркамъ, какіе посолъ и его свита долженствуютъ по-

---

[1]) М. Г. А. Турція, III, св. 20, и архивъ Константинопол. посольства старый, св. 147.

лучить по случаю отпускной аудіенціи, съ точнымъ означеніемъ подъ каждаго именемъ, кто изъ чиновныхъ его и какой получитъ подарокъ. Да сверхъ того, Ея Величество изволила, въ знакъ монаршаго своего къ послу благоволенія, пожаловать ему двѣ тысячи червонныхъ, да конницѣ его, которую онъ выслалъ для салютаціи при проѣздѣ Ея Величества чрезъ Тверскія ворота, тысячу рублевъ.

Я, оставаясь теперь здѣсь, буду прилагать мое стараніе какъ возможно скорѣе сбыть съ рукъ сего гостя и выпроводить его отсюда; однако жъ со всею моею къ тому доброю волею не думаю я, чтобъ онъ могъ прежде выѣхать, какъ около 20 числа Января. Г-нъ Игельстромъ будетъ его препровождать до Днѣстра и до мѣста вашей съ нимъ размѣны, и повезетъ не иначе, какъ по преподаваемымъ отъ васъ извѣщеніямъ и съ такою притомъ изнороцкою, чтобъ вы, милостивый мой другъ, единовременно могли съ нимъ съѣхаться и размѣняться. Какія же сдѣланы предписанія г-ну барону Игельстрому касательно до препровожденія посла до турецкихъ границъ и до будущей вашей размѣны, то ваше с-во изволите ихъ найтить во всемъ своемъ пространствѣ въ слѣдующей здѣсь копіи съ даннаго ему рескрипта и приложенныхъ при оной разныхъ бумагъ. Я увѣренъ, что онъ стараться будетъ какъ можно чаще и обстоятельнѣе доносить вашему с-ву о своемъ путешествіи и располагать оное по получаемымъ отъ васъ извѣстіямъ. Впрочемъ остается мнѣ только повторить, что я ожидаю отъ васъ съ великою нетерпѣливостью извѣстія о бытности вашей какъ на визитѣ у верховнаго визиря, такъ и на первой аудіенціи у Султана, и пребываю навсегда и проч.

Въ Москвѣ, 25 Декабря 1775 г.

2799) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ И. И. МЕСТМАХЕРУ ВЪ ЭЙТИНЪ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ и отправлено на почтѣ 29 Декабря 1775 г.).

Le prince Colloredo a adressé une dépêche à m-r de Binder, ministre d'Autriche à Hambourg, par laquelle il lui est enjoint de veiller sur la conduite qu'on tient vis-à-vis du prince-coadjuteur et de prendre des informations des mauvais traitements, auxquels selon lui ce prince était exposé. Cette démarche de la cour de Vienne prouve assez clairement ses intentions et ne peut que nous donner des appréhensions sur ses vues. Vous vous conformerez donc, M-r, à la haute volonté de Sa Majesté Impériale, en donnant toute l'attention possible pour que m-r de Binder ne se porte à rien, qui puisse nous être préjudiciable ou retarder l'exécution du plan qui a été adopté pour le bien-être de la branche cadette de Holstein.

---

[1]) М. Г. А. Голштинія, III, св. 1.

Le Roi de Suède dévoile de plus en plus les vues qu'il a sur la coadjutorerie, qu'il voudrait procurer au duc son frère. Il vient de nommer le s-r Pauli, négociant à Lubeck, son agent en cette ville pour pouvoir profiter des relations, dans lesquelles il se trouve avec les chanoines. C'est encore un objet qui mérite votre attention et qui a été de même recommandé à m-r de Gross, pour qu'il agisse de concert avec vous et vous communique tout ce qui lui parviendra au sujet de ces deux points de ma lettre. J'ai l'honneur d'être etc.

2800) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ и отправлено на почтѣ 29 Декабря 1775 г.).

Personne ne connait mieux que V. E. l'intérêt que Sa Majesté Impériale daigne prendre au bien-être du duc-évèque de Lubeck et de sa maison. Les preuves qu'elle en a données sont si frappantes, qu'on peut aisèment se représenter, combien son âme généreuse doit être pénétrée de compassion, en réfléchissant sur l'état où se trouve le prince-coadjuteur. Il est en effet bien affligeant de voir naître des nouvelles difficultés dans le moment même où tout parut consolider le bonheur et l'établissement de la branche cadette de Holstein. Cependant notre incomparable Souveraine, accoutumée à surmonter les plus grands obstacles, ne veut pas que cette époque fatale soit le terme de ses efforts généreux. Elle est actuellement occupée à former un nouveau plan pour le bonheur de cette même maison, et pour cet effet il sera essentiel de s'appliquer à lever les entraves que des intérêts étrangers voudront mettre à sa perfection. On n'ignore pas ici, que la cour de Vienne, apparemment par un zèle hors de saison pour la religion qu'elle professe, a cru devoir s'occuper de l'état du prince-coadjuteur et des traitements mauvais, auxquels selon elle ce prince doit être exposé. Comme cependant des vues bien différentes peuvent être cachées derrière ce beau voile, il est de toute importance de suivre avec l'attention la plus scrupuleuse les démarches de la cour où V. E. se trouve, et c'est en conformité des ordres exprès de Sa Majesté Impériale, que je dois lui recommander de veiller sur tout ce qui se fera à Vienne à cet égard. Nous avons de même sujet de soupçonner l'envie du Roi de Suède de procurer la coadjutorerie à son frère le duc de Sudermanie, en cas que

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 27.

le prince de Holstein se vit obligé d'y renoncer. Il ne manquera pas de chercher de l'appui à Vienne; c'est donc encore un objet qui tient de bien près au premier et qui ne pourra que fixer également notre attention, et c'est pourquoi je vous prie, M-r, de me faire parvenir successivement tout ce que vous serez à même de découvrir des menées et des intrigues qu'on ne tardera pas de mettre en usage.

Je n'ai pas besoin de vous dicter, mon prince, le langage que vous tiendrez avec le pr. Colloredo, en cas qu'il jugeât à-propos d'entamer un entretien avec vous au sujet de l'état du prince et des nouveaux arrangements qu'il doit naturellement produire. Il suffira de se borner aux assurances, qu'il n'y en a pas encore de pris, qu'on s'applique constamment à rétablir la santé dérangée du prince-coadjuteur et que l'Impératrice, conservant toujours sa tendresse pour le prince-coadjuteur, s'intéressera vivement à son état. Le concert qui a lieu entre nous et la cour de Danemark dans cette affaire, exige que son ministre ait connaissance des démarches de V. E. Il sera donc bon, qu'elle lui en fasse une ouverture confidentielle et qu'elle l'invite à lui communiquer tout ce qui en parviendra à sa connaissance. J'ai l'honneur d'être etc.

2801) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ РЕЗИДЕНТУ Ѳ. И. ГРОССУ ВЪ ГАМБУРГЪ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ и отправлено на почтѣ 29 Декабря 1775 г.).

L'absence du c-te Panine m'a procuré l'honneur de mettre sous les yeux de l'Impératrice la lettre d'office que vous avez adressée à ce ministre en date du 4/15 Décembre, et c'est avec bien de la satisfaction que je vous annonce, M-r, l'approbation que notre très gracieuse Souveraine a daigné accorder à votre conduite vis-à-vis de m-r de Binder. Les questions qu'il vous a faites ne prouvent que trop l'envie de sa cour de s'entremêler dans l'affaire du prince-coadjuteur sous le prétexte de la religion. Il est donc de toute importance pour le succès des généreux desseins de Sa Majesté Impériale de suivre avec l'attention la plus scrupuleuse les démarches de ladite cour, et c'est en conséquence des ordres exprès de l'Impératrice que je vous recommande, M-r, de vous appliquer de votre mieux à découvrir, de quelle manière m-r de Binder procédera dans l'exécution des ordres que le prince Colloredo lui a donnés. S'il revient sur les propos qu'il vous a tenus, vous continuerez de lui

[1]) М. Г. А. Гамбургъ, III, св. 9.

donner des assurances générales, que l'Impératrice, conservant toujours sa tendresse pour le prince-coadjuteur, s'intéressera vivement à son état. Vous éviterez scrupuleusement tout ce qui pourrait vous mener sur le point de la religion. Nous n'ignorons pas ici le dessein que médite le Roi de Suède de faire tomber la coadjutorerie en partage à son frère le duc de Sudermanie. Il vient de nommer un agent à Lubeck qui s'appelle Pauli, croyant pouvoir tirer quelque parti des relations, dans lesquelles se trouve ce négociant avec les chanoines du chapitre. Quelque soit le résultat du calcul de Sa Majesté Suédoise, il est toujours nécessaire de veiller sur les démarches du sieur Pauli, et je crois que la proximité où vous vous trouvez de Lubeck vous mettra dans le cas de vous employer à cela avec succès. Vous ferez donc, M-r, de tout ceci un objet de votre attention particulière et vous ne laisserez pas de communiquer à m-r de Mestmacher tout ce qui vous parviendra à cet égard, afin qu'il sache y donner attention de son côté.

Je dois encore ajouter, que si vous croyez que par votre présence personnelle vous serez à même de tirer des notions plus exactes, vous êtes le maître de faire un tour à Lubeck sous tel prétexte que vous voudrez et quand vous le jugerez à-propos, pourvu que cela n'ait point l'air, que c'est cette affaire là qui vous y conduit. Au reste j'attends que vous ne me laisserez pas ignorer toutes vos démarches dans l'affaire que je viens de vous recommander, et que vous me communiquerez tous les éclaircissements qui vous parviendront à son sujet. J'ai l'honneur d'être etc.

2802) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА И. А. ОСТЕРМАНА КЪ К. И. САКЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

(Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ и отправлено на почтѣ 29 Декабря 1775 г.).

Vous serez sans doute déjà informé des vues que le Roi de Suède a pu avoir, en nommant le s-r Pauli son agent à Lubeck, et de l'idée qu'il se fait de pouvoir tirer quelque avantage des liaisons de ce négociant avec les chanoines du chapitre. Les généreux desseins de Sa Majesté

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 13.

Impériale pour le bien-être de la branche cadette de Holstein exigent qu'on y donne de l'attention, et c'est conformèment aux ordres de notre très gracieuse Souveraine que j'ai à vous recommander, M-r, d'agir à l'égard de cet incident, comme dans toute l'affaire, de concert avec le ministre du Roi de Danemark.

Le pr. Colloredo a prescrit au ministre d'Autriche à Hambourg de veiller sur la conduite qu'on tient vis-à-vis du prince-coadjuteur et sur les mauvais traitements, auxquels selon lui il est exposé. Cette démarche ne prouve que trop l'envie de la cour de Vienne de se mêler de cette affaire et doit redoubler notre attention, pour qu'elle ne se porte à des procédures qui nous pourraient devenir préjudiciables et nous exposer même à bien des difficultés. Je vous en avertis, M-r, tant pour votre information que pour celle de la cour où vous vous trouvez, au chargé d'affaires de laquelle j'ai cru d'autant plus nécessaire d'en faire part, que l'uniformité des démarches et des rapports des deux ministres de nos cours respectives à Eutin est dans le moment présent plus importante et plus à désirer que jamais. Au reste j'ai l'honneur d'être etc.

2803) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(1775 г., безъ числа).

Monsieur. Madame la princesse Elisabeth de Saxe a précédemment eu recours à l'Impératrice pour lui faire obtenir un apanage en Pologne, ainsi que cela a été réglé pour les princes ses frères. Comme il n'est plus possible, depuis que la diète est finie, de créer un fonds pour cela, la princesse croirait, qu'à l'occasion du convertissement actuel des starosties en emphytéose elle pourrait parvenir à son objet, et elle a demandé l'appui de Sa Majesté Impériale pour en avoir une convenable avec dispense d'en payer le canon annuel. J'ai ordre de l'Impératrice, M-r, de vous recommander cette affaire, mais ce n'est qu'après que vous nous aurez marqué ce que peut importer cette demande et comment elle peut se concilier avec les arrangements actuels d'économie de la république, que je vous ferai parvenir les ordres ultérieurs de Sa Majesté Impériale sur le degré d'intérêt que vous aurez à y prendre pour la faire réussir. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

2804) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(1775 г., безъ числа).

M-r de Sacken [2]) ayant eu ordre de sa cour de faire ici des insinuations touchant le commerce de la Saxe, pour lequel on désirerait d'obtenir quelques facilités de notre part, de celle de l'Autriche et de la Pologne, je joins ici la copie d'une note qu'il m'a remise à ce sujet, en priant V. E. de m'en dire son sentiment et aussi de me marquer, jusqu'à quel point nous pourrons appuyer ses demandes, tant auprès de la république que de la cour de Vienne. Jusque là je me borne à vous prier, M-r, de voir d'un oeil favorable cette affaire dans l'examen que vous en ferez, et lorsque vous l'aurez amené à quelque chose de précis et d'admissible, sur votre rapport je prendrai les ordres de Sa Majesté Impériale et vous les ferai parvenir. Cela demandera, comme vous le jugez bien, que vous vous abouchiez avec le ministre de Saxe où vous êtes, et aussi que vous discutiez un peu la matière, quoique ex-ministérialement, avec le ministre de Vienne et ceux de la république. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 39.

[2]) Саксонскій резидентъ въ С.-Петербургѣ.

ПОПРАВКИ.

СТР.

5, стр. 10 снизу: вмѣсто S. A. I. должно быть: S. A. S. (Son Altesse Sérénissime).

440, 441 и 442: документы №№ 2723, 2724 и 2725 отнесены къ 1775 году по ошибкѣ; всѣ три помѣчены 27-мъ Іюня 1776 г., какъ это видно изъ сохранившихся копій съ нихъ въ дѣлахъ Крымскихъ — рескрипты гр. Румянцеву 1768—1783 гг. (Моск. Гл. Архивъ М. И. Д.).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Абдулъ-Гамидъ I, султанъ Турецкій. О вступленіи его на престолъ 40. Объ отношеніяхъ его къ верховному визирю 83. О духовной власти его надъ Крымскими татарами 315. Объ отправленіи кн. Репнина чрезвычайнымъ посломъ къ нему 375—376. Объ аудіенціи кн. Репнина у него 495, 525. О позорящихъ его достоинство дѣйствіяхъ Девлетъ-Гирея 500. О кредитивной грамотѣ ему по поводу назначенія Стахіева посланникомъ 504. Грамоты Имп-цы къ нему 505—506, 517—519. Объ аккредитованіи при немъ Стахіева и принятіи его въ аудіенціи 506—507. О принятіи Имп-цею въ аудіенціи посла его и о дружественныхъ отношеніяхъ Имп-цы къ нему 519—520.

Абдулъ-Керимъ-эффенди (Сейдулъ-Хочъ), бегленъ-бей Румелійскій, чрезвычайный турецкій посолъ въ Россіи. Письмо гр. Панина къ нему 470. О пріѣздѣ его въ Россію 360—361. О провозѣ его черезъ Польскія земли 339, 369, 374—375. О принятіи карантинныхъ предосторожностей при въѣздѣ его въ Россію 430—433, 433—434. О времени пріѣзда его въ Москву 447. О пропускѣ къ нему курьеровъ 469. О запискѣ его къ гр. Панину 480. Объ отправленіи его обратно изъ Россіи 495. О томъ, что онъ не будетъ взятъ въ С.-Петербургъ при переѣздѣ двора изъ Москвы 496—497. О данной ему аудіенціи 517—520, 524. Объ обратномъ путешествіи его изъ Россіи 520—522, 524—525.

Аварскій владѣлецъ (на Кавказѣ). О жалобѣ ему на дѣйствія Хайдатскаго владѣльца Уцмія 210.

Адольфъ-Фридрихъ, король Шведскій (1751—1771). Объ уступкѣ имъ своихъ правъ на Голштинію принцу-епископу Любекскому 23, 39.

Айчувакъ-султанъ, братъ Киргизъ-Кайсацкаго хана Нурали. О грамотѣ Имп-цы къ нему 414.

Алексіано, Александръ, поручикъ флота. О назначеніи его консуломъ въ Портъ-Магонъ 482.

Алексіано, Ѳедоръ, русск. консулъ въ Портъ-Магонѣ. О продажѣ имъ оставшагося русскаго пороха 388—389. Письмо гр. Панина къ нему 455. О смерти его и назначеніи на его мѣсто его брата 482.

Амалія, принцесса Гессенъ-Дармштадтская, впослѣдствіи принцесса Баденская, сестра в. кн. Наталіи Алексѣевны. О прибытіи ея въ Россію и о сопровождающихъ ее придворныхъ 6—7.

Анжели, бывш. полковникъ русской службы. О высылкѣ въ Петербургъ его камердинера 100. О близости его къ Австрійскому камергеру гр. Вальшу и о поведеніи его въ Парижѣ 117.

Аргирій, великій постельникъ Молдавскій. О награжденіи его 357—358.

ф. Ассебургъ, бар. Ахацъ-Фердинандъ, посланникъ при Имперскомъ сеймѣ. Письмо его къ гр. Панину 5—7. Письма гр. Панина къ нему 34—35, 308, 323—324, 387—388, 425—426, 454. Инструкція ему 230—245.

Атажука Хаммурзинъ, Кабардинскій владѣлецъ. О взятіи его въ плѣнъ и объ освобожденіи его съ выдачею имъ аманата 272—273.

Ашъ, бар., состоящій при посольствѣ въ Варшавѣ. О назначеніи его повѣреннымъ въ дѣлахъ на время отсутствія гр. Штакельберга 492.

Ашъ, бар., бывш. почтдиректоръ. О сложеніи недоимки, оставшейся послѣ его смерти по почтовымъ расходамъ 353—354.

Бабичевъ, кн., инженернаго корпуса капралъ. Объ отправленіи его за-границу для осмотра водяныхъ сообщеній 297—298.

Бакмейстеръ, корнетъ, курьеръ. Упом. 459, 461.

Барко. Упом. 245.

Барятинскій, кн. Иванъ Сергѣевичъ, посланникъ въ Парижѣ. Донесенія его: о толкахъ по поводу Пугачевскаго бунта 30; о Беньовскомъ 74; о сношеніяхъ Пугачева съ французомъ Кара 213. Письма в.-канцлера кн. А. Голицына къ нему 229, 249—250. Письмо гр. Панина къ нему 297—298. О врученныхъ ему меморіалахъ 164. Объ извѣстіяхъ его относительно замысловъ польскихъ конфедератовъ 460. Упом. 231.

Баховъ, графъ, Датскій посланникъ въ Вѣнѣ. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ его съ кн. Голицынымъ въ Вѣнѣ по завершенію Голштинскаго дѣла 226, 227, 281, 322, 406, 434.

Бахты-Гирей-султанъ. О назначеніи его Калгой-султаномъ 337.

Бенуа, Прусскій посланникъ въ Варшавѣ. О подаркѣ ему отъ Россійскаго двора 459.

Беньовскій, Морицъ-Августъ. О сношеніяхъ англійскаго двора съ французскимъ по поводу его 74.

Бернсторфъ, гр., Датскій министръ. Запросъ его объ отмѣнѣ постановленія, стѣсняющаго торговлю въ Архангельскомъ портѣ 42. Объ отношеніяхъ Гольмера къ нему 360. О переговорахъ Сакена съ нимъ по Голштинскому дѣлу 405—406. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ его съ Сакеномъ въ вопросѣ объ установленіи престолонаслѣдія въ Голштиніи 485—486, 488. Упом. 403.

Беръ, Курляндскій камергеръ. Объ отклоненіи отправки его въ С.-Петербургъ для принесенія поздравленій Имп-цѣ по случаю мира съ Турціей 248, 251, 253.

Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петровичъ, канцлеръ. О возлагавшихся имъ на бар. Аша порученіяхъ по перлюстраціи 353.

Бестужевъ-Рюминъ, гр. Михаилъ Петровичъ, бывш. посолъ въ Вѣнѣ. Упом. 345.

Бибиковъ, Александръ Ильичъ, ген.-поручикъ. Извѣстія «Кёльнской газеты» о дѣйствіяхъ его противъ Пугачева 46—47. Объ извѣстіяхъ его относительно дѣйствій противъ Пугачева 82.

Биленштейнъ, бар. Объ отъѣздѣ его въ Валахію 382.

Биндеръ, Австрійскій посланникъ въ Гамбургѣ. О предписаніи князя Коллоредо ему слѣдить за состояніемъ прицакоадъютора Любекскаго 525, 527, 529.

Биронъ, Петръ, герцогъ Курляндскій. Письмо гр. Панина къ нему 252—253. О столкновеніи его съ польскими комиссарами по дѣлу о іезуитахъ въ Курляндіи 37—38. О дѣйствіяхъ Курляндскихъ земскихъ чиновъ противъ него 248, 251, 253, 477. Объ отказѣ его отъ претензіи въ уплатѣ ему 200.000 талеровъ Саксонскимъ дворомъ 291. Объ отношеніяхъ его къ Польшѣ 292—293.

Бони, Христофоръ, грекъ изъ Нѣжина. О содѣйствіи ему въ полученіи отъ Польскаго правительства вознагражденія за убытки 99—100.

Борзовъ, ген.-маіоръ, Керченскій и Еникальскій оберъ-комендантъ. Рескриптъ ему 441—442 (1776 г.). О данномъ ему кн. Репнинымъ предостереженіи 496. Упом. 440, 445.

Борхъ, Іоаннъ, канцлеръ королевства Польскаго. Подписалъ ноту Россійскому двору 375. О смерти его 468.

Боскампъ, польскій агентъ въ Петербургѣ. Отзывъ о немъ гр. Панина 194—196. О дачѣ ему денежнаго награжденія 326. Упом. 98.

Браницкій, гр. Франциск-Ксаверій, великій коронный гетманъ. О пріѣздѣ его въ Петербургъ и переговорахъ его по дѣламъ Польши 97, 108, 109, 116, 119, 129, 130, 154, 156—157, 162. Письмо гр. Остермана къ нему 481—482. О доставленіи ему староства Бѣлая Церковь 116, 203—204. О возвращеніи его въ Польшу и отзывъ о немъ Имп-цы 194. О передачѣ ему отзыва гр. Панина о Боскампѣ 195. Отвѣтъ ему Россійскаго двора по поводу участія Россіи въ дѣлѣ разграниченія Польши съ Австріей и Пруссіей 197, 198—200. О переговорахъ его съ гр. Панинымъ 201—202. О сообщеніи ему отвѣтовъ Австрійскаго Императора и Императрицы по поводу расширенія границы Австріи въ присоединенной части Польши 378. О пребываніи его въ С.-Петербургѣ 425. О возвращеніи его въ Польшу 447—448. О непріятной сценѣ у него за ужиномъ и объ отношеніи гр. Потемкина къ нему 491. Упом. 141, 142, 143.

Бриггенъ, Курляндскій камергеръ. О дѣйствіяхъ его противъ герцога Курляндскаго 253.

Бринкъ, Иванъ Ѳедоровичъ, бригадиръ. Рескриптъ ему 442—446 (1776 г.). О нахожденіи его приставомъ при Шагинъ-Гиреѣ 51. О данномъ ему повелѣніи расположиться съ отрядомъ войска у Азова и крѣпости св. Димитрія 268. О протестѣ его противъ приближенія Кубанцевъ къ русской границѣ 302. О снабженіи его наставленіями въ отношеніи Шагинъ-Гирея 348. Объ извѣстіи его о Шагинъ-Гиреѣ 497. Упом. 440, 442.

Буйнацкій начальникъ, Дагестанскій владѣлецъ. О покровительствѣ ему со стороны Россіи 435, 437, 473.

Бухвостовъ, подполковникъ, состоящій при Джанъ-Мамбетъ-бей. Одобреніе его дѣйствій 100—101.

Бюлеръ, бар. Упом. 5.

Бютъ, лордъ, англійскій министръ. Упом. 238.

Вальшъ, графъ, Австрійскій камергеръ. Объ арестованіи его въ Могилевѣ 116—117.

Варлаамъ, архимандритъ Фокшанскій. О награжденіи его 358.

Вейкманъ, бургомистръ гор. Данцига. О его хитрости 104.

Верженъ, графъ, французскій министръ. Упом. 249—250.

Верховный визирь Порты Оттоманской. Грамота Имп-цы ему 506—507. Листы отъ гр. Панина къ нему 375—376, 507—508, 519—520.

Веселицкій, Петръ Петровичъ, ст. сов., резидентъ при ханѣ Крымскомъ. Проектъ не отправленнаго письма гр. Панина къ нему 172—174. О выдачѣ его Крымскимъ ханомъ турецкому сераскиру и о требованіи освободить его 188—189, 205. Объ отправленіи его въ С.-Петербургъ 270. Объ опредѣленіи его къ дѣламъ татарской экспедиціи 468.

Викторъ-Амедей III, король Сардинскій. Объ отношеніяхъ его къ Россіи и къ другимъ державамъ 237, 240.

Вильгельмина, принцесса Гессенъ-Дармштадтская—см. Наталія Алексѣевна, великая княгиня.

Вильгельмина, принцесса Прусская. Письмо Имп-цы къ ней 470—471.

Вильгельмъ-Августъ, принцъ Голштинскій, сынъ пр. Георга-Людвига, племянникъ принца-епископа Любекскаго. О содѣйствіи со стороны Местмахера его интересамъ при дворѣ принца-епископа Любекскаго 145. О трагической смерти его 148—149, 282.

Вильдъ, Иванъ Христофоровичъ, подполковникъ. Объ опредѣленіи его въ Коллегію Иностр. Дѣлъ 257.

Воейковъ, Ѳедоръ Матвѣевичъ, ген.-аншефъ, Кіевскій ген.-губернаторъ. Рескрипты Имп-цы ему 309—311, 432—433, 471—472. Письмо гр. Панина къ нему 478. О назначеніи его комиссаромъ для размѣна плѣнныхъ съ Турціей 361. О побужденіи имъ турецкаго посла согласиться на принятіе карантинныхъ предосторожностей при въѣздѣ въ Россію 431. Упом. 313, 451, 481.

Войновичъ, графъ. О меморіалѣ его 274.

Волконскій, кн. Михаилъ Никитичъ, Московскій ген.-губернаторъ. Извѣстія о немъ въ «Кёльнской газетѣ» 46. О табакеркѣ, переданной имъ Сальдерну при принятіи послѣднимъ посольства въ Варшавѣ 64. Упом. 252, 424.

Волчковъ, Семенъ Сергѣевичъ, секретарь миссіи въ Данцигѣ. Письмо гр. Остермана къ нему 480—481.

Воронцовъ, гр. Извѣстіе о немъ въ «Кёльнской газетѣ» 46.

ф.-Вурмзеръ, фрейлина ландграфини Гессенъ-Дармштадтской. Ея характеристика 6.

Вяземскій, кн. Александръ Алексѣевичъ, ген.-прокуроръ. Упом. 382.

Гаджи-Али-бей, турецкій сераскиръ въ Крыму. О выдачѣ ему Крымскимъ ханомъ резидента Веселицкаго и о требованіи освободить послѣдняго 188—189.

Ганнибалъ, оберъ-цейхмейстеръ. О письмѣ кн. Репнина къ нему 495.

Гедвига-Елисавета-Шарлотта, принцесса Гольштейнъ-Готторпъ-Ольденбургская. О бракѣ ея съ герц. Карломъ Зюдерманландскимъ 11, 143, 163, 166, 186, 224, 225. О причинахъ непринятія ею въ аудіенціи гр. Шувалова 463.

Генрихъ, принцъ Прусскій. Объ отклоненіи его намѣренія пріѣхать въ Москву 317, 331.

Георгъ III, король Великобританскій. Письма Имп-цы къ нему 34, 469. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 236. Упом. 408, 455.

Георгъ, принцъ Гессенъ-Дармштадтскій. О признаніи имъ несостоявшимся договора о бракосочетаніи принца-коадъютора Любекскаго съ его дочерью 486.

Георгъ-Людвигъ, принцъ Голштинскій, дядя Императрицы. О сыновьяхъ его и о трагической смерти старшаго изъ нихъ, пр. Вильгельма-Августа 148—149. Упом. 282, 485.

Герцогенштернъ. О покровительствѣ гр. Панина ему 324.

Гика, кн. Григорій, Валашскій господарь. О дачѣ имъ вѣрныхъ извѣстій 307. О назначеніи при немъ тит. сов. Ѳ. Мигая 307, 308—312.

Глеръ. О дачѣ ему подарка 295, 326.

Гмелинъ, Іоганнъ-Георгъ, академикъ. О задержаніи его Хайдатскимъ владѣльцемъ Уцміемъ, также его вещей и людей, и о смерти его 210—211, 377, 436.

Голицынъ, кн. Александръ Михайловичъ, вице-канцлеръ. Письма его: къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну 228, 245—246; къ кн. Барятинскому въ Парижъ 229, 249—250; къ бар. Штакельбергу въ Варшаву 340. Подписи его на различныхъ документахъ 159, 187, 245, 273.

Голицынъ, кн. Дмитрій Михайловичъ, посолъ въ Вѣнѣ. Письма гр. Панина къ нему 18—22, 22—24, 94—96, 100, 128—131, 225—228, 308—309, 322—323, 379—380, 434—435. Письма в.-канцлера кн. А. М. Голицына къ нему 228, 245—246. Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ нему 526—527. Резолюція Имп-цы на его реляцію 163. О переговорахъ его съ кн. Кауницемъ 235. Объ участіи его въ разрѣшеніи Голштинскаго дѣла 243, 305, 405—406. Нота, врученная имъ князю Коллоредо 280—284. О сношеніяхъ его съ Ө. Мигаемъ 310, 313. Объ отношеніяхъ его къ Коху 446, 447, 454. Упом. 18, 120, 304.

Голицынъ, кн. Петръ Михайловичъ, генералъ-маіоръ. Объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ его противъ Пугачева 82.

Головкинъ, гр. Иванъ Александровичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Данцигѣ. Письма гр. Панина къ нему 24—27, 103—105, 279—280. Объ отозваніи его изъ Данцига 293.

Гольмеръ, Голштинскій министръ. О политикѣ его и о содѣйствіи его видамъ Россіи 304—305, 359—360, 483—484, 486. Упом. 430.

Гроссъ, Ѳедоръ Ивановичъ, резидентъ въ Гамбургѣ. Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ нему 527—528. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ его съ Местмахеромъ 526. Упом. 64.

Гуннингъ, Робертъ, Англійскій посланникъ въ Петербургѣ. О присланномъ ему лордомъ Суффолькомъ повелѣніи по поводу разговора послѣдняго съ посланникомъ Мусинъ-Пушкинымъ о заключеніи мира между Россіей и Турціей при посредствѣ Англіи 28, 29.

Гуровскій, гр., Литовскій надворный маршалъ. Объ уплатѣ ему вознагражденія по его претензіямъ 155. Объ участіи его, въ качествѣ комиссара, въ разграниченіи земель между Польшей и Россіей и о денежномъ подаркѣ ему 260, 261, 265. Объ исходатайствованіи ему мѣста Литовскаго вице-канцлера 402.

Густавъ III, король Шведскій. Письма Имп-цы къ нему 11, 39—40, 42—43, 143, 148—149, 166, 224, 321, 400—401, 411. Письма в. кн. Павла Петровича къ нему 11, 43, 225. Объ отношеніяхъ къ нему принца-епископа Любекскаго 144. Объ аудіенціи камергера А. Нарышкина у него 187. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 231—233, 236, 239, 240. О предполагаемомъ пріѣздѣ его въ Россію 317, 331. О формѣ писемъ его къ Имп-цѣ 342. О вліяніи Франціи на его политику 366. О пріѣздѣ его въ Финляндію 385. Объ отправленіи къ нему гр. Шувалова съ привѣтствіемъ отъ Имп-цы 422—423. Объ оказанной имъ любезности къ Вѣнскому двору 438. О холодномъ пріемѣ, оказанномъ имъ гр. Шувалову 462—466. О видахъ его на коадъюторство Любекское 525—526, 528. Упом. 355.

Гюльзенъ, гр., воевода Минскій. Письма гр. Панина къ нему 326—327, 385. Объ оказаніи содѣйствія его просьбѣ и о покровительствѣ Имп-цы ему 384. Упом. 326.

Дашковъ, кн. Извѣстіе о немъ въ «Кёльнской газетѣ» 46.

Де-Болн, Польскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ. О назначеніи ему денегъ на наемъ квартиры 322. О переданномъ имъ слухѣ о новомъ расширеніи границы Пруссіи со стороны Польши 461.

Девлетъ-Гирей, ханъ Крымскій. О соглашеніи его съ Эдишкульской ордой 71—72. Объ извѣщеніи его объ избраніи Шагинъ-Гирея независимымъ начальникомъ Ногайскихъ ордъ 269. О склоненіи его просить прощенія въ враждебныхъ поступкахъ его противъ Россіи 270.

О вліяніи его на Крымскихъ татаръ въ отношеніи нежеланія ихъ признать себя независимыми 330. О дѣйствіяхъ Шагинъ-Гирея противъ него 346. О письмахъ къ нему отъ имени кн. Прозоровскаго и Щербинина 386, 389, 391, 397. О возведеніи его въ Крымскіе ханы 390—392, 476. О затруднительности назначенія его наслѣдственнымъ ханомъ 479. О привлеченіи его на сторону Россіи посредствомъ денегъ 496. Формы писемъ къ нему: отъ Щербинина 394—397, отъ кн. Прозоровскаго 398—400, 497, 498—501.

Девлетъ-Гирей-Орбей-султанъ. О соучастіи его въ нападеніи Тактамышъ-Гирея на Шагинъ-Гирея 498.

Денонъ (Denon), причисленный къ Французской миссіи въ С.-Петербургѣ. Объ участіи его въ похищеніи актрисы Дорсевиль 117—118.

Дербентскій ханъ. О жалобѣ ему на Хайдатскаго владѣльца Уцмія 210. О защитѣ его отъ Уцмія и о присылкѣ имъ нарочнаго къ Имп-цѣ 435—437. О томъ, что не слѣдуетъ считать его подданнымъ Россіи 473.

Джанъ-Мамбетъ-бей, начальникъ Эдисанской орды Ногайскихъ татаръ. Письма гр. Панина къ нему 55—57, 181—183. О привлеченіи его на сторону Россіи 31, 72. О побужденіи его вручить Шагинъ-Гирею начальство надъ всѣми Ногайскими татарами 48, 49. Объ отзывахъ его по поводу отношенія Ногайскихъ татаръ къ Россіи 151—152. О доставленіи ему письма гр. Панина 186. О примиреніи его съ Шагинъ-Гиреемъ 267, 300—301, 337. Упом. 100.

Дзербицкій, кастелянъ. О преданности его Россіи и о выдачѣ ему пособія 158.

Долгоруковъ, кн. Василій Михайловичъ, ген.-аншефъ. Рескрипты Имп-цы ему 32—33, 36—37, 47—51, 65, 70—73, 100—103, 133, 167—170, 188—192, 216—219. Письмо гр. Панина къ нему 179—180. Форма письма отъ него къ Крымскому хану 171. Форма письма отъ преемника его къ Турецкому сераскиру въ Крыму 219—220. О выводѣ имъ войскъ изъ Крыма 176, 214. О сношеніи его съ Щербининымъ 193. О сношеніи его съ гр. Румянцевымъ 204—205, 206. О неспособности его къ исправленію ввѣреннаго ему дѣла 206, 221, 276. О вызванномъ имъ въ Калгѣ-султанѣ Шагинъ-Гиреѣ раздраженіи 222—223. Объ увольненіи его отъ должности 214, 220. О заготовленномъ имъ провіантѣ для войскъ 247. Упом. 30—32, 52, 62, 149, 162, 172, 174, 184, 186, 192—193, 215, 321.

Долгоруковъ, кн. Владиміръ Сергѣевичъ, посланникъ въ Берлинѣ. Рескриптъ циркулярный ему 158—159. Резолюція Имп-цы на его прошеніе объ отпускѣ 81.

Домашневъ, Сергѣй Герасимовичъ. Объ оказаніи ему гр. Панинымъ покровительства 274.

Дорсевиль (Dorseville), французская актриса въ С.-Петербургѣ. О похищеніи ея 112—113, 117—118.

Древицъ, полковникъ. Извѣстіе «Кёльнской газеты» о немъ 46.

Дубровинъ, Н. Ѳ. Упом. 328, 332.

Д'Эгиліонъ, герцогъ, Французскій министръ. О сношеніяхъ его съ Анжели 117. О меморіалѣ, поданномъ ему французомъ Кара по поводу сношеній послѣдняго съ Пугачевымъ 213. Упом. 74.

Дюранъ, Французскій посланникъ въ С.-Петербургѣ. О ложно приписанной ему перлюстрованной депешѣ 96. Сообщенные ему пункты инструкціи гр. А. Г. Орлову 106—107. Нота ему 117—118. О предоставленномъ ему правѣ безпошлиннаго провоза его вещей въ Россію на сумму 2.000 р. 250. О поданной имъ запискѣ 274.

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ, статсъ-секретарь Имп-цы. Упом. 113.

Елисавета, принцесса Саксонская. О ходатайствѣ ея относительно полученія ею удѣла въ Польшѣ 529.

Жерардъ (Gérard), секретарь герцога д'Эгиліона. О сношеніяхъ его съ Анжели 117.

Завадовскій, Петръ Васильевичъ, статсъ-секретарь Имп-цы. Письма его къ гр. Панину 381—382, 471.

Завойская, Марія-Христина. Распоряженіе Имп-цы о разслѣдованіи ея бѣдственнаго положенія и письмо вице-канцлера кн. Голицына къ бар. Штакельбергу въ Варшаву по этому поводу 340.

Завойскій, Карлъ, отецъ предыдущей. Упом. 340.

Зегеръ, Австрійскій полковникъ, комиссаръ по разграниченію съ Польшей. О собираніи имъ документовъ въ Польскихъ архивахъ для доказательства правъ Австріи на Молдавію и Валахію 228.

Зедделеръ, бар., Австрійскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ. Нота ему 377—379. Упом. 379.

Зеленскій, полковникъ, депутатъ отъ диссидентовъ при Россійскомъ дворѣ. О пріѣздѣ его и о врученіи имъ писемъ отъ диссидентовъ Имп-цѣ и гр. Панину 451—452. О содѣйствіи ходатайству его передъ королемъ Польскимъ 453.

Зиновьевъ, Степанъ Степановичъ, камеръ-юнкеръ, посланникъ въ Мадридѣ. Реляція его о морскомъ офицерѣ Стюартѣ 18. Письмо гр. Панина къ нему 67.

Игельстромъ, бар. Осипъ Андреевичъ, ген.-маіоръ. Рескриптъ Имп-цы ему 430—432. Рескриптъ ему 520—523. Письма гр. Панина къ нему 433—434, 469. Донесеніе его 447. О назначеніи его состоять при турецкомъ чрезвычайномъ послѣ 360—361. О побужденіи имъ турецкаго посла принять карантинныя предосторожности при въѣздѣ въ Россію 433. О дачѣ ему кн. Репнинымъ извѣстій о времени обратнаго его путешествія въ Россію 497. О сопровожденіи имъ турецкаго посла при отъѣздѣ его изъ Россіи 525. Упом. 451.

Измайловъ. Извѣстіе о немъ въ «Кёльнской газетѣ» 46.

Измаилъ-бей, начальникъ Эдишкульской орды Ногайскихъ татаръ. Письмо гр. Панина къ нему 57—60. О посылкѣ ему письма 49. О соединеніи его съ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ 71.

Ираклій, владѣтель Карталинскій. О грамотѣ Имп-цы ему съ извѣщеніемъ о мирѣ съ Турціей 212. О просьбѣ его, чтобы ген. Медемъ приблизился съ войскомъ къ границамъ Грузіи 435, 437—438.

Іоаннъ Антоновичъ, Императоръ. Упом. 46.

Іосифъ II, Императоръ Австрійскій. Письмо Имп-цы къ нему 123—125. О расширеніи границъ его владѣній въ присоединенной части Польши 12—14. Объ отношеніи его къ обмѣну Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ 22—23, 40, 281—284, 403. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ его съ Имп-цею на случай броженія въ Польшѣ 66. О добрыхъ услугахъ его въ вопросѣ о заключеніи мира между Россіей и Турціей 73—74, 94—95. О вознагражденіи имъ кн. Понятовскаго за утраченное при раздѣлѣ Польши имущество 146. О письмѣ Имп-цы къ нему по поводу разграниченія съ Польшей 197. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 235. О стремленіи его распространить границы Австріи 246. Объ отказѣ Имп-цы выступить посредницей между нимъ и Польшею въ вопросѣ о расширеніи границы Австріи въ присоединенной части Польши 377—378. Объ установленіи торговыхъ сношеній между его подданными въ Венгріи и

Россіей 379. Объ отношеніяхъ Имп-цы къ нему 381. Упом. 21, 120, 125, 129, 152, 230, 243, 323, 380.

Іосифъ-Эммануилъ, король Португальскій. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 237.

Кавалькабо, маркизъ, Россійскій повѣренный въ дѣлахъ при Мальтійскомъ орденѣ. Объ отозваніи его 489, 494. Письмо гр. Панина къ нему 490.

Казы-Гирей-султанъ, ногаецъ. О привлеченіи его на сторону Россіи 31. О стараніи его получить главное начальство надъ Ногайскими татарами 48.

Кантакузинъ, кн., дѣйств. ст. сов. О содѣйствіи домогательствамъ его при Портѣ 370—371. Упом. 343.

Кара, французъ. О сношеніяхъ Пугачева съ нимъ 213.

Карафа, графъ, генералъ-поручикъ Неаполитанской службы. О награжденіи его орденомъ св. Александра Невскаго 427, 428.

Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій. О бракѣ его съ принцессой Голштинской 11, 143, 163, 166, 186, 224, 225. О видахъ Густава III на коадъюторство Любекское для него 525, 526, 528.

Карлъ-Эммануилъ I, король Сардинскій. О нежеланіи его установить дипломатическія сношенія съ Россіей 229.

Каролина, ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская, мать в. кн. Наталіи Алексѣевны. Письмо Ассебурга объ ея отъѣздѣ въ Россію и о сопровождающихъ ее придворныхъ 5—7.

Каролина-Матильда, королева Датская. Слухъ о смерти ея 385.

Каръ, Василій Алексѣевичъ, ген. Извѣстіе «Кёльнской газеты» о дѣйствіяхъ его противъ Пугачева 46.

Каульбарсъ, бар., шведскій полковникъ. Отзывъ о немъ Имп-цы и в. кн. Павла Петровича при отъѣздѣ его въ Швецію послѣ бракосочетанія вел. князя 43.

Кауницъ, князь, гр. фонъ-Ритбергъ, Австрійскій канцлеръ. Переговоры его о распространеніи Австріи до Бѣлграда 3. Старанія его установить миръ между Россіей и Турціей 4, 74—75, 90. О переговорахъ кн. Голицына съ нимъ о расширеніи границъ Австріи въ присоединенной части Польши, о мирныхъ условіяхъ съ Турціей и о внутреннихъ дѣлахъ Польши 18—22. О дачѣ ему кн. Голицынымъ объясненія по поводу непринятія Имп-цею кн. Лобковича въ аудіенціи 128. О политикѣ его по отношенію къ Россіи во время войны съ Турціей 235, 330. Объ отношеніяхъ его къ Франціи 240. О депешѣ его къ кн. Лобковичу 332, 333. О переговорахъ кн. Голицына съ нимъ по поводу установленія торговыхъ сношеній между Венгріей и Россіей 379. Упом. 116, 129, 438.

Каховскій, Василій Васильевичъ, полковникъ, Могилевскій губ. совѣтникъ. О назначеніи его и Кречетникова комиссарами для разграниченія земель съ Польшею 259—260, 275. Инструкція ему и Кречетникову 260—266.

Каховскій, Михаилъ Васильевичъ, ген.-маіоръ, Могилевскій губернаторъ. Объ арестованіи имъ Австрійскаго камергера Вальша 117. Упом. 264.

Кейзерлингъ, графъ, бывш. русскій посланникъ при Имперскомъ сеймѣ, потомъ—въ Варшавѣ. О ходатайствѣ сына его 35—36. О пребываніи его посланникомъ при Имперскомъ сеймѣ 324, 388. Упом. 424.

Кейзерлингъ, гр., сынъ бывшаго русскаго посла въ Варшавѣ. Объ оказаніи ему содѣйствія въ полученіи пенсіи отъ короля Станислава-Августа 35—36.

Керимъ-ханъ, Персидскій векиль. О смерти его 473. Упом. 336.

Кикичевъ, князь. Упом. 193.

Коллоредо, кн., Австрійскій вице-канцлеръ. О переговорахъ съ нимъ по дѣлу о Голштинскихъ владѣніяхъ в. кн. Павла Петровича 22, 322, 434. Нота, врученная ему кн. Д. М. Голицынымъ 280—284. О предписаніи его слѣдить за состояніемъ принца-коадъютора Любекскаго 525, 527, 529. О переговорахъ кн. Голицына съ нимъ по поводу болѣзни принца-коадъютора Любекскаго 527.

Корбе, Иванъ, колл. асс., чиновникъ при Кіевскомъ ген.-губернаторѣ Воейковѣ. Объ увольненіи его отъ службы съ чиномъ надв. совѣтника 481.

Корсаковъ, инженеръ-капитанъ. Объ отправленіи его за-границу для осмотра водяныхъ сообщеній 297—298.

Кохіусъ, ген.-маіоръ. О просьбѣ къ нему хана Девлетъ-Гирея не пропускать татаръ въ Бессарабію 394.

Кохъ. О назначеніи его резидентомъ принца-епископа Любекскаго при Вѣнскомъ дворѣ 446—447. Письмо гр. Панина къ нему 454.

Красинскій. О возвращеніи его въ Польшу 460.

Кречетниковъ, Михаилъ Никитичъ, ген. Извѣстіе о немъ въ «Кёльнской газетѣ» 46. О назначеніи его и В. Каховскаго комиссарами для разграниченія земель съ Польшею 259—260, 275. Инструкція ему и Каховскому 260—266. О дѣйствіяхъ его въ отношеніи Бухарскаго посланца Ирнезера Максютова 343. О дѣйствіяхъ его по разграниченію земель съ Польшею 401—402, 456. Упом. 200.

Крокъ, канцелярій совѣтникъ въ Коллегіи Иностранн. Дѣлъ. Письмо его къ Местмахеру въ Эйтинъ 359—360.

Крюденеръ, бар. Алексѣй Ивановичъ, совѣтникъ посольства въ Варшавѣ. О назначеніи его совѣтникомъ посольства 326. Упом. 325, 327.

Крюденеръ, маіоръ. О дѣйствіяхъ его въ Кабардѣ 272.

Кубинскій ханъ. О жалобѣ ему на Хайдатскаго владѣльца Уцмія 210. О сношеніяхъ ген. Медема съ нимъ 435.

Ламеръ, французъ. Толки его о сношеніяхъ Пугачева съ французомъ Кара 213.

Ланжакъ (Langeac), причисленный къ Французской миссіи въ С.-Петербургѣ. Объ участіи его въ похищеніи актрисы Дорсевиль 112—113, 117—118.

Лачиновъ, ген.-поручикъ. О требованіяхъ, предъявленныхъ ему Бухарскимъ посланцемъ И. Максютовымъ 414.

Левенгауптъ, графъ, Шведскій оберъ-шталмейстеръ. О прибытіи его въ Москву съ привѣтствіемъ Имп-цѣ отъ короля Шведскаго 385, 388, 400, 410, 411, 422, 464.

ф.-Лёвъ, фрейлина ландграфини Гессенъ-Дармштадтской. Ея характеристика 6.

Лидсъ-Бутъ (Leeds-Booth), Россійскій агентъ, потомъ—консулъ въ Гибралтарѣ. О назначеніи его консуломъ въ Гибралтарѣ и о дачѣ ему консульскаго патента 381, 407. Инструкція ему 408—410.

Лизакевичъ, Василій Григорьевичъ, титул. сов. Объ аккредитованіи его повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Лондонѣ 325.

Лицано, маіоръ. О претензіи его къ гр. Потоцкому 111—112.

Лобковичъ, кн., Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ. Ноты ему 12—14, 18—19, 66—67, 73—74, 113, 125—127, 146. Письмо гр. Панина къ нему 380—381. О сообщеніяхъ его по поводу дѣйствій Вѣнскаго двора въ пользу мира Россіи съ Турціей 74, 81. О причинахъ непринятія его Имп-цею въ аудіенціи 128. Объ отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга 323, 325. О депешѣ кн. Кауница ему 332. Упом. 94, 113, 116, 120, 155, 327.

Луиза, принцесса Гессенъ-Дармштадтская, впослѣдствіи вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, сестра в. кн. Наталіи Алексѣевны. О прибытіи ея въ Россію и о сопровождающихъ ее придворныхъ 6—7.

Луиза-Ульрика, вдовствующая королева Шведская. О непринятіи ею въ аудіенціи гр. Шувалова 463, 465.

Львовъ, гв. капитанъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Грузіи. О доставленіи ему грамотъ Имп-цы къ Грузинскимъ владѣтелямъ Ираклію и Соломону 212.

Максютовъ, Ирнезеръ (Ирназаръ), посланецъ Бухарскаго хана. Записки для него 412—413, 516—517. Докладъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ по поводу его представленій 413—422. О пропускѣ его безъ взятія съ него пошлины 343. О дачѣ ему кормовыхъ денегъ 358. О возвращеніи ему взятой съ него пошлины 501. Объ отправленіи его обратно въ Бухару 501, 509, 512. О принятіи мѣръ по поводу сдѣланныхъ имъ представленій 509—511. О принятіи его при Россійскомъ дворѣ 512. О представленіяхъ его 512—516.

Мальцовъ, Петръ, канцеляріи совѣтникъ. О передачѣ ему дѣлъ миссіи въ Берлинѣ на время отсутствія посланника кн. Долгорукова 81.

Марія-Терезія, Императрица Австрійская. Письма Имп-цы къ ней 118—120, 121—122. Письма ея къ Имп-цѣ 120—121, 122. О расширеніи границъ ея владѣній въ присоединенной части Польши 12—14. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ ея съ Имп-цею на случай броженія въ Польшѣ 66. О добрыхъ услугахъ ея въ вопросѣ о заключеніи мира между Россіей и Турціей 73—74, 81, 94—95. О письмахъ ея къ Имп-цѣ и отвѣтныхъ Имп-цы къ ней 128, 129, 152. О вознагражденіи ею кн. Понятовскаго за утраченное имъ при раздѣлѣ Польши имущество 146. О письмѣ Имп-цы къ ней по поводу разграниченія съ Польшей 197. Объ отношеніяхъ ея къ Россіи 235. Объ отказѣ Имп-цы выступить посредницей между нею и Польшею въ вопросѣ о расширеніи границы Австріи въ присоединенной части Польши 377—378. Объ установленіи торговыхъ сношеній между ея подданными въ Венгріи и Россіей 379. Объ отношеніяхъ Имп-цы къ ней 381. Упом. 21, 113, 124, 125—126, 323, 380.

Маруцци, маркизъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ при Венеціанской республикѣ. Донесеніе его о дѣлѣ гр. Мочениго 14. Письма гр. Панина къ нему 44, 275. Письмо гр. Остермана къ нему 456. Донесеніе его о проектѣ заведенія торговли въ Черномъ морѣ 257. О возвращеніи имъ гр. А. Орлову консульскихъ патентовъ 274.

Массалитиновъ, Лука, русскій купецъ. О содѣйствіи ему въ полученіи отъ Польскаго правительства вознагражденія за убытки 98—99.

Махмудъ, султанъ Турецкій. Упом. 83.

Мегметъ-ага, квартирмейстеръ турецкаго посла. Упом. 470.

Медемъ, Иванъ Ѳедоровичъ, ген.-поручикъ, командующій въ Кизлярской сторонѣ. Рескрипты Имп-цы ему 207—213, 271—273, 376—377, 435—438, 472—476. Донесеніе его 471.

Местмахеръ, Иванъ Ивановичъ, резидентъ при принцѣ-епископѣ Любекскомъ. Указъ Коллегіи Ин. Дѣлъ о назначеніи его 132. Инструкція ему 143—145. Рескриптъ циркулярный по поводу его назначенія 158—159. Письма гр. Панина къ нему 304—306, 428—430, 482—484. Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ нему 525—526. О данныхъ ему предписаніяхъ по случаю умопомѣшательства принца-коадъютора Любекскаго 488.

Мигай, Ѳедоръ, титул. совѣтникъ, актуаріусъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ. О назначеніи его состоять при господарѣ Григ. Гикѣ 307, 308—311. Наставленіе ему 311—314.

Мисостъ Баматовъ, Кабардинскій владѣлецъ. О сношеніяхъ его съ Крымскимъ мурзой Ширинъ-каемъ 272.

Млодзѣевскій, епископъ Познанскій, великій канцлеръ Польскій. Подписалъ ноту Россійскому двору 375.

Млодзѣевскій, епископъ Куявскій. Письмо гр. Панина къ нему 195.

Мнишекъ, гр., каштелянъ Краковскій. О передачѣ гр. Браницкому принадлежащаго ему староства Бѣлая Церковь 116, 203—204. Объ отказѣ Имп-цы въ его просьбѣ 154.

Мольтке, гр., Датскій министръ. Объ отношеніяхъ Гольмера къ нему 360.

Мордвиновъ, генеральсъ-адъютантъ. Упом. 29.

Мочениго, гр., подполковникъ русской службы. Объ арестѣ его Венеціанскими властями 14, 44.

Муррей, генералъ-губернаторъ о-ва Мальты. О продажѣ ему оставшагося въ Портъ-Магонѣ пороха 388, 455.

Мусинъ-Пушкинъ, Алексѣй Семеновичъ, посланникъ въ Лондонѣ. Письма гр. Панина къ нему 27—29, 325. Рескриптъ ему 407. Объ извѣщеніи имъ Лондонскаго двора о назначеніи Лидсъ-Бута консуломъ въ Гибралтаръ 408—409.

Мустафа III, султанъ Турецкій. О болѣзни и смерти его 38, 40. О посольствѣ короля Польскаго къ нему 370. Упом. 81, 363.

Нарышкинъ, Алексѣй, камергеръ. Объ отправленіи его въ Швецію для поздравленія съ бракосочетаніемъ герцога Карла Зюдерманландскаго 163 (указъ), 166. Инструкція ему 186—187. Объ отправленіи его въ Туринъ въ началѣ войны съ Турціей 229.

Наталія Алексѣевна, вел. княгиня. О прибытіи ея въ Россію и о сопровождающихъ ее придворныхъ 6—7. О бракосочетаніи ея съ в. кн. Павломъ Петровичемъ 42—43. О разговорѣ ея съ Имп-цею по поводу гр. Андрея Кир. Разумовскаго 112. О пожалованіи бар. Ассебургу назначенныхъ ей въ приданое 20.000 флориновъ 308. О причинахъ непринятія ею въ аудіенціи гр. Левенгаупта 464. Объ отъѣздѣ ея въ С.-Петербургъ 524.

Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ, д. тайн. сов., Оренбургскій губернаторъ. Объ управленіи имъ Оренбургскимъ краемъ 416.

Нользъ (Knowles), адмиралъ. Объ оставленіи его на русской службѣ и отзывъ о немъ Имп-цы 34.

Нолькенъ, бар., Шведскій посланникъ въ С.-Петербургѣ. Нота ему 342—343. О переговорахъ гр. Остермана съ нимъ по поводу холоднаго пріема, оказаннаго гр. Шувалову въ Стокгольмѣ 457, 462—467.

Нумзенъ, Датскій посланникъ въ С.-Петербургѣ. О переговорахъ съ нимъ по поводу Голштинскаго дѣла 227, 296, 322, 403, 434.

Нурали-ханъ Киргизъ-Кайсацкій. О грамотѣ Имп-цы ему 414. О дачѣ имъ аманатовъ 417—420. О сынѣ его Нурали-султанѣ 420, 511, 523. О письмѣ Оренбургскаго губернатора къ нему 515.

Обресковъ, Алексѣй Михайловичъ, тайн. сов. Объ условіяхъ Россіи въ случаѣ начатія имъ мирныхъ переговоровъ съ Турціей 75. Объ употребленіи его гр. Румянцевымъ для веденія мирныхъ переговоровъ съ турками 84. Упом. 42, 93, 94.

Огинскій, графъ. Объ амнистіи ему 140—141. О дѣлѣ его съ кн. Сапѣгой 223, 224.

Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ. Упом. 382.

Орду-Агаси, турецкій начальникъ въ Тамани. О содѣйствіи его Тактамышъ-Гирею 500.

Орловъ, гр. Алексѣй Григорьевичъ, ген.-аншефъ. Пункты инструкціи ему 106—107. Рескрипты Имп-цы ему 163—164, 428. Письма гр. Панина къ нему 164—165, 274. О письмѣ гр. Панина къ нему по поводу сдачи ему маркизомъ Маруцци консульскихъ патентовъ 275. О просьбѣ Лидсъ-Бута къ нему о назначеніи его консуломъ въ Гибралтарѣ 381. Упом. 14, 107, 118, 157, 271, 274, 353, 356, 389.

Оскиркъ, Франциска, жена старосты Мозырскаго. Письмо гр. Панина къ бар. Штакельбергу по поводу ея 200.

Остерманъ, гр. Иванъ Андреевичъ, посланникъ въ Стокгольмѣ, потомъ—вице-канцлеръ. Рескриптъ Имп-цы ему 109—110. Письма его: къ Сакену въ Копенгагенъ 403—406, 528—529; къ Симолину въ Стокгольмъ 438—439, 462—467; къ марк. Маруцци въ Венецію 456; къ бар. Штакельбергу въ Варшаву 456—457, 458—461, 468, 479—480, 491—492; къ кн. Репнину 457—458; къ Волчкову въ Данцигъ 480—481; къ гр. Браницкому 481—482; къ Местмахеру въ Эйтинъ 525—526; къ кн. Голицыну въ Вѣну 526—527; къ Гроссу въ Гамбургъ 527—528. Подписи его на различныхъ документахъ 407, 410, 422, 424, 505, 509, 511. О назначеніи его членомъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ 196. О содѣйствіи его представленіямъ гр. Штакельберга 493. Упом. 457, 480, 501—502.

Павелъ Петровичъ, вел. князь. Письма его: къ Густаву III, королю Шведскому 11, 43, 225; къ Христіану VII, королю Датскому 61. Объ обмѣнѣ его владѣній въ Голштиніи на графства Ольденбургское и Дельменгорстское 23—24, 39—40, 132, 143—144, 158, 226—227, 232, 281—283, 322, 404—405, 446. О бракѣ его съ в. кн. Наталіей Алексѣевной 42—43. Извѣстіе „Кёльнской газеты“ о манифестахъ Пугачева по поводу занятія имъ престола 47. Объ отношеніи его къ Сальдерну и отставкѣ послѣдняго 64, 360. О разговорахъ его съ Имп-цею по поводу гр. Андрея Кир. Разумовскаго 112—113. О соглашеніи его съ королемъ Датскимъ по поводу оставленія русской церкви въ г. Килѣ 298. О передачѣ принцу-епископу Любекскому признательности его за назначеніе удѣла пр. Петру Голштинскому 306. О письмѣ его къ принцу-епископу Любекскому 338. О согласіи его на предложенныя Имп-цею мѣры въ отношеніи принца-коадъютора Любекскаго 429, 430. О письмѣ къ нему принца Петра Голштинскаго 455. Объ участіи его къ разрѣшенію вопроса о престолонаслѣдіи въ Голштиніи 484—488. О подаркѣ его Бухарскому хану 501. Объ отъѣздѣ его въ С.-Петербургъ 524. Упом. 40, 62.

Палладій, банъ Молдавскій. О награжденіи его 358.

Панинъ, гр. Никита Ивановичъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ. Письма и записки Имп-цы къ нему 3—4, 38—39, 40, 112—113, 116—117, 248—249, 254, 258, 307, 317, 383—384, 385, 386—388. Письма его: къ Императрицѣ 385—386, 406—407, 449—450; къ королю Польскому Станиславу-Августу 109; къ принцу-епископу Любекскому 338—339, 446—447; къ принцу Петру Голштинскому 455—456; къ Бухарскому хану 512—516; къ герцогу Курляндскому 252—253; къ еп. Млодзѣевскому 195; къ кн. Понинскому 195—196; къ кн. Радзивиллу 223—224; къ гр. Гюльзену 326—327, 385; къ старшинамъ диссидентовъ 452; къ кн. Лобковичу 380—381; къ верховному визирю Порты Оттоманской 375—376, 507—508, 519—520; къ Измаилъ-бею 57—60; къ Джанъ-Мамбетъ-бею 55—57, 181—183; къ Калгѣ-султану Шагинъ-Гирею 53—54,

150—152, 180—181; къ турецкому послу Абдулъ-Кериму 470; къ гр. Румянцеву 133—140, 205—206, 276—279, 332—337; къ кн. Репнину 382, 383, 451, 478—479, 494—497, 523—525; къ кн. В. М. Долгорукову 179—180; къ ген. Щербинину 62—63, 149—150, 185—186, 193, 221—223, 271, 284—286, 307—308, 337—338, 344—345, 349; къ гр. А. Орлову 164—165, 274; къ бар. Игельстрому 433—434, 469; къ Веселицкому въ Крымъ 172—174; къ бар. (гр.) Штакельбергу въ Варшаву 14—15, 35—38, 68—70, 97—100, 110—112, 113—116, 140—142, 152—158, 162, 194—195, 197—198, 200—204, 223, 275—276, 286—287, 290—296, 325—328, 339, 384, 401—402, 424—425, 439—440, 452—453, 468—469, 492—493, 503, 529—530; къ кн. Голицыну въ Вѣну 18—24, 94—96, 100, 128—131, 225—228, 308—309, 322—323, 379—380, 434—435; къ Коху въ Вѣну 454; къ И. Симолину въ Копенгагенъ и Стокгольмъ 92, 196—197, 296—297, 354, 357, 501—503; къ Стахіеву въ Стокгольмъ 331, 426; къ Сакену въ Копенгагенъ 484—488; къ К. Симолину въ Митаву 251, 253, 476—477; къ Струве въ Регенсбургъ 45—47; къ бар. Ассебургу въ Регенсбургъ 34—35, 308, 323—324, 387—388, 425—426, 454; къ гр. Головкину въ Данцигъ 24—27, 103—105, 279—280; къ Сальдерну въ Киль 63—64; къ Местмахеру въ Эйтинъ 304—306, 428—430, 482—484; къ марк. Маруцци въ Венецію 44, 275; къ Зиновьеву въ Мадридъ 67; къ кн. Барятинскому въ Парижъ 297—298; къ Мусинъ-Пушкину въ Лондонъ 27—29, 325; къ марк. Кавалькабо на о. Мальту 490; къ Алексіано въ Портъ-Магонъ 455; къ Кіевскому ген.-губернатору Воейкову 478. Письма къ нему: бар. Ассебурга 5—7; Завадовскаго 381—382, 471; гр. Потемкина 400. Ноты его кн. Лобковичу 12—14, 113. Объ отъѣздѣ его въ отпускъ 456, 458, 459, 462, 527. Упом. 18, 30, 42, 49, 74, 81, 164, 219, 248, 250, 343, 346, 359—360, 369, 381, 460—461, 467, 472, 480, 509.

Паули, Любекскій негоціантъ. О нахожденіи его въ Любекѣ въ качествѣ агента короля Шведскаго 526, 528.

Петерсонъ, Христоферъ Ивановичъ, полковникъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ. О переговорахъ его въ Константинополѣ и о возможности назначенія его посланникомъ тамъ же 277. О наставленіяхъ гр. Румянцева ему 279, 328, 333. О размѣнѣ имъ ратификацій мирнаго договора 334. Объ отвѣтѣ его по поводу гарантіи Россіи на Молдавію и Валахію 335. Извѣстія его о Крымскихъ дѣлахъ 337. Объ объявленіи ему благоволенія Имп-цы 341. О переводѣ имъ суммъ турецкой контрибуціи въ Амстердамъ 341. Объ объясненіяхъ его по поводу причинъ уничтоженія Запорожской Сѣчи 457. О донесеніи его по поводу предложенія Порты учредить въ Крыму наслѣдственныхъ хановъ 467. О сдѣланномъ ему Портою внушеніи 495. Упом. 376.

Петръ III Ѳеодоровичъ, Императоръ. Упом. въ извѣстіяхъ «Кельнской газеты» о Пугачевскомъ бунтѣ 47. О сомнѣніяхъ въ его кончинѣ 213. Объ измѣненіи имъ направленія русской политики 237—238.

Петръ-Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ-коадъюторъ Любекскій, сынъ принца-епископа Любекскаго Фридриха-Августа. О предполагаемомъ бракосочетаніи его съ Гессенъ-Дармштадтскою принцессою 306, 339. О намѣреніи его принять римско-католическую религію и объ умопомѣшательствѣ его 428—430, 471, 482—488, 525—529.

Петръ-Фридрихъ-Людвигъ, принцъ Голштинскій, сынъ пр. Георга-Людвига, племянникъ принца-епископа Любекскаго. О содѣйствіи со стороны Местмахера его интересамъ при дворѣ принца-епископа Любекскаго 145. О попеченіяхъ Имп-цы относительно воспитанія его и его старшаго брата пр. Вильгельма-Августа 148. О совершеннолѣтіи его и о согласіи его на трактатъ объ обмѣнѣ Голштиніи на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ 282—283. О назначеніи ему принцемъ-епископомъ Любекскимъ удѣла 306. Письмо гр. Панина къ нему 455—456. О назначеніи его наслѣдникомъ Голштинскаго престола вмѣсто его двоюроднаго брата Петра-Фридриха-Вильгельма 485, 487, 526.

Пирали-султанъ, ханъ Трухменскій, сынъ хана Киргизъ-Кайсацкаго Нурали. О воспрещеніи ему собирать пошлину съ Бухарскихъ купцовъ 420, 511, 513. О письмѣ Астраханскаго губернатора къ нему 515.

Питтъ, лордъ Чатамъ, Англійскій министръ. Упом. 238.

Плещеевъ, кавалеръ при посольствѣ кн. Репнина. Объ отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга 382.

Поникау, Саксонскій министръ. О сношеніяхъ бар. Ассебурга съ нимъ 426.

Понинскій, кн., маршалъ сейма. Письмо гр. Панина къ нему 195—196.

Понятовскій, кн., братъ короля Станислава-Августа. Нота кн. Лобковичу по поводу вознагражденія его за утраченное имъ при раздѣлѣ Польши имущество 146. О ходатайствѣ гр. Панина за него передъ Вѣнскимъ дворомъ 155.

Потемкинъ, Григорій Александровичъ, впослѣдствіи—графъ и князь. Письмо его къ гр. Панину 400. О пожалованіи ему ордена Бѣлаго Орла 68—69. Сообщеніе его о распоряженіи вывести русскія войска изъ Польши 468. Объ отношеніяхъ его къ гр. Браницкому и о взглядахъ его на политику Россіи по отношенію къ Польшѣ 491. Упом. 113, 116, 450, 467.

Потоцкій, гр. Игнатій. О ходатайствѣ кн. Чарторыйскаго въ пользу предоставленія ему званія коронаго вице-канцлера 468—469.

Потоцкій, графъ. О претензіи маіора Лицано къ нему 111—112.

Прозоровскій, кн. Александръ Александровичъ, ген.-поручикъ. Рескрипты Имп-цы ему 397, 440 (1776 г.). Формы писемъ его къ хану Девлетъ-Гирею 398—400, 497, 498—501. О наблюденіи его за Запорожцами 353. О письмѣ его къ хану Девлетъ-Гирею 386, 389, 391. Упом. 441, 442, 445.

Псарскій, Польскій резидентъ въ С.-Петербургѣ. О препровожденіи ему знаковъ ордена Бѣлаго Орла для Потемкина 68—69. О суммѣ, опредѣленной на наемъ ему квартиры 321.

Пугачевъ, Емельянъ. Толки въ Парижѣ о Пугачевскомъ бунтѣ 30. Слухи о немъ, напечатанные въ «Кельнской газетѣ» 45—47. О сношеніяхъ его съ французомъ Кара 213. О скрывшихся въ Крыму сообщникахъ его 393—394. Упом. 96, 186.

Путятинъ, кн., тайн. сов., Оренбургскій губернаторъ. О задержаніи имъ нѣкоторыхъ Киргизъ-Кайсаковъ 414.

Радзивилъ, княгиня Элеонора. Просьба ея Имп-цѣ 493, 503.

Радзивилъ, кн. Іеронимъ. О ходатайствѣ конфедераціи въ его пользу 155.

Радзивилъ, кн. Карлъ. Порученіе маркизу Маруцци развѣдать отъ окружающихъ его, кто была женщина, бывшая съ нимъ въ Венеціи (т. наз. кн. Тараканова) 456.

Радзивилъ, кн. Михаилъ, маршалъ конфедераціи в. кн. Литовскаго. О назначеніи его на воеводство Смоленское или Полоцкое 141. Письмо гр. Панина къ нему 223—224.

Радзивилъ, кн. Удальрихъ, бывш. конюшій вел. княжества Литовскаго. Просьба вдовы его Имп-цѣ 493, 503.

Разумовскій, гр. Андрей Кириловичъ. Объ участіи его въ похищеніи актрисы Дорсевиль и объ отношеніи къ нему в. кн. Павла Петровича и его супруги 113, 118.

Ребиндеръ, резидентъ въ Данцигѣ. Упом. 24.

Ревицкій, бар., Австрійскій посланникъ въ Варшавѣ. Его содѣйствіе устройству внутреннихъ дѣлъ Польши 21. Письмо къ нему папскаго нунція въ Варшавѣ 113—115. Его ходатайство о разрѣшеніи Австріи покупать лошадей въ Россіи 343. О подаркѣ его бар. Штакельбергу и отвѣтномъ подаркѣ послѣдняго ему 458, 459. Упом. 155.

Рейнсдорпъ, Иванъ Андреевичъ, ген.-поручикъ, Оренбургскій губернаторъ. Рескриптъ ему 509—511. Объ извѣстіяхъ его относительно дѣйствій кн. Голицына противъ Пугачева 82. О сношеніи его съ Нурали-ханомъ Киргизъ-Кайсацкимъ 420. Объ изслѣдованіи имъ пути въ Бухарію 421. Донесеніе его и резолюція Имп-цы на него 488—489. О письмѣ его къ Нурали-хану 515.

Репнинъ, кн. Николай Васильевичъ, ген.-аншефъ, чрезвыч. посолъ въ Константинополѣ. Инструкція ему 362 — 372. Письмо Имп-цы къ нему 427. Рескриптъ ему 508—509. Письма гр. Панина къ нему 382, 383, 451, 478—479, 494—497, 523—525. Письмо вице-канцлера гр. Остермана къ нему 457—458. Письмо его къ гр. Панину 467. О причинахъ отправленія его въ армію гр. Румянцева 196. Объ опредѣленіи его въ помощь гр. Румянцеву для завѣдыванія Крымскими дѣлами 216. О возвращеніи его обратно въ С.-Петербургъ 246. О назначеніи его посломъ въ Константинополь 257, 258, 375 — 376. О дачѣ ему 10.000 р. на покупку столоваго бѣлья и посуды 345. О прибытіи его въ Хотинъ 361. О рескриптахъ Имп-цы ему 449—450. О прибытіи Стахіева до отъѣзда его изъ Константинополя и о снабженіи имъ Стахіева наставленіями 504—505. О возвращеніи его въ Россію 505, 507. О встрѣчѣ его съ турецкимъ посломъ у Хотина и о размѣнѣ посольствъ 521. О сдѣланномъ ему въ Турціи пріемѣ 522. Упом. 196, 225, 245, 248, 343, 376, 382, 388, 403, 424, 426, 447, 450, 457, 471, 477, 480, 489, 493.

Ридезель, бар., оберъ-егермейстеръ ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго. Его характеристика 6. О пропускѣ его черезъ карантины 110.

Роганъ, принцъ, Французскій посолъ въ Вѣнѣ. Упом. 96.

Романіусъ, ген.-поручикъ, начальствующій корпусомъ русск. войскъ въ Польшѣ. О предложеніи его относительно обезпеченія претензіи маіора Лицано къ гр. Потоцкому 111—112. Объ уплатѣ имъ за продовольствіе войска въ Польшѣ 296. О выводѣ имъ русскаго войска изъ Польши 460.

Роонъ, староста Цидейкенскій. Объ оказаніи содѣйствія его просьбамъ 14—15.

Румянцевъ, гр. Александръ Ивановичъ. О посольствѣ его въ Турцію въ 1740 г. 257—258, 361, 497.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровичъ, фельдмаршалъ. Рескрипты и письма Имп-цы къ нему 15—18, 40—42, 82, 83—94, 110, 131—132, 159—162, 196, 204—205, 214—216, 246—248, 306—307, 328—331, 340—341, 344, 353, 360—361, 389. Письма гр. Панина къ нему 133—140, 205—206, 276—279, 332—337. Реляція его 254. Объ усиленіи его арміи для окончанія войны съ Турціей 4. О сообщеніи ему извѣстія о болѣзни султана турецкаго и о необходимости наступательныхъ дѣй-

ствій съ его стороны 38—39. Объ условіяхъ Россіи въ случаѣ начатія имъ мирныхъ переговоровъ съ Турціей 75. Объ освобожденіи имъ изъ заключенія уніатскаго епископа Рылло 114. О сношеніи его съ кн. Долгоруковымъ по вопросу о выводѣ войска изъ Крыма 169. О заключеніи имъ мира съ Турціей 179. О передачѣ ему завѣдыванія Крымскими дѣлами 217, 218, 219, 221. О сообщеніи ему рескрипта Щербинину 304. О размѣнѣ имъ ратификацій мирнаго договора съ Турціей 364. О признаніи имъ за татарами права избирать своихъ хановъ 386. О сдачѣ ему ген. Щербининымъ дѣлъ 433, 451. О назначеніи Веселицкаго къ дѣламъ ввѣренной ему татарской экспедиціи 468. О формѣ письма кн. Прозоровскаго къ Девлетъ-Гирею, написаннаго по его предписанію 497. Упом. 65, 95, 158, 167, 168, 170, 190, 192, 213, 222, 245, 248, 257, 298, 302, 308, 314, 340, 381, 383, 427, 442, 443, 481.

Рылло, Холмскій уніатскій епископъ. О произведенномъ надъ нимъ насиліи 113—115, 127.

Рюкманъ (Рикманъ), Иванъ Севастьяновичъ, секретарь Россійской миссіи въ Стокгольмѣ. Объ аккредитованіи его повѣреннымъ въ дѣлахъ на случай отъѣзда И. Симолина въ отпускъ 467, 503.

Сагибъ-Гирей, ханъ Крымскій. Грамота Имп-цы къ нему 175 — 177. Форма письма кн. Долгорукова къ нему 171. О сношеніяхъ кн. Долгорукова съ нимъ 167—169. О переговорахъ Веселицкаго съ нимъ 173—174. О доставленіи ему грамоты Имп-цы 183—184. О выдачѣ имъ Веселицкаго турецкому сераскиру въ Крыму 188—189. О его неспособности къ правленію 190. О приказаніи его разорить Эдиссанскую и Джембуйлуцкую орды 301. О назначеніи имъ Калгой-султаномъ Бахты-Гирея 337. О воздѣйствіи Шагинъ-Гирея на него 351. О низложеніи его 390, 395, 396, 398, 399, 476. О договорѣ его съ Россіей по вопросу о независимости Крыма 395, 399. О трудности предполагать возможнымъ вторичное возведеніе его въ ханы 479. Упом. 192, 193, 392.

Сакенъ, Карлъ Ивановичъ, посланникъ въ Копенгагенѣ. О назначеніи его 196. Рескриптъ ему 355—356. Письмо гр. Панина къ нему 484—488. Письма вице-канцлера гр. Остермана къ нему 403—406, 528—529. О сдачѣ ему И. Симолинымъ дѣлъ Копенгагенской миссіи 357. О наставленіяхъ, данныхъ ему по случаю умопомѣшательства принца-коадъютора Любекскаго и по вопросу о наслѣдіи престола въ Голштиніи 483.

Сакенъ, Саксонскій резидентъ въ С.-Петербургѣ. О представленіяхъ его по поводу торговли Саксоніи съ Россіей 530.

Сакрамозо, графъ, Мальтійскій кавалеръ. О причинахъ задержки ратификацій заключеннаго имъ съ Польшею соглашенія 490.

Сальдернъ, Каспаръ, бывшій посолъ въ Варшавѣ. Письмо гр. Панина къ нему 63—64. О роли его въ политикѣ Голштиніи и объ отставкѣ его 360. О переговорахъ его съ гр. Паниным по поводу назначенія Коха резидентомъ принца-епископа Любекскаго въ Вѣнѣ 446—447. Упом. 424.

Сапѣга, князь (и княгиня). О назначеніи кн. Сапѣги великимъ гетманомъ 140—141. О дѣлѣ его съ гр. Огинскимъ 223.

Сенъ-При, Французскій посолъ при Портѣ Оттоманской. О домогательствѣ его установить свободное кораблеплаваніе по Черному морю для нѣсколькихъ державъ 372.

Сенявинъ, А. Н., вице-адмиралъ. Упом. 17, 229, 321, 357, 383.

Сидельниковы, русскіе купцы. О разработкѣ ими соляныхъ промысловъ на Кубани 284—285, 348.

Симолинъ, Иванъ Матвѣевичъ, посланникъ въ Копенгагенѣ, потомъ—въ Стокгольмѣ. Письма гр. Панина къ нему 62, 196—197, 296—297, 354, 357, 501—503. Рескрипты ему 354—355, 422. Реляція его 42. Письма вице-канцлера гр. Остермана къ нему 438—439, 462—467. О назначеніи его въ Стокгольмъ и о сдачѣ имъ Сакену дѣлъ Копенгагенской миссіи 355—356. Объ оказаніи имъ содѣйствія гр. Шувалову во время его миссіи въ Швеціи 423. О дѣйствіяхъ его въ виду отъѣзда Стахіева изъ Стокгольма 426. О перемиріи, заключенномъ имъ во время войны съ Турціей 470. О разрѣшеніи ему уѣхать въ отпускъ 480. Упом. 244.

Симолинъ, Карлъ Матвѣевичъ, полномочн. министръ въ Митавѣ. Замѣтка Имп-цы по поводу его письма 248. Письма гр. Панина къ нему 251, 253, 476—477. Упом. 292.

Слотвинскій, Василій, секретарь Коллегіи Иностр. Дѣлъ. О награжденіи его чиномъ и переводѣ въ Кіевъ 481.

Сметъ, Теодоръ и К°, банкирскій домъ въ Амстердамѣ. О доставленіи ему части турецкой контрибуціи 341.

Соловьевъ, С. М., историкъ. Упом. 5, 38, 467.

Соломонъ, владѣтель Имеретинскій. О грамотѣ Имп-цы къ нему съ извѣщеніемъ о мирѣ съ Турціей 212.

Сольмсъ, гр., Прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ. Ноты ему 66—67, 254—256. О представленіяхъ ему по поводу дѣйствій Пруссіи, угрожающихъ г. Данцигу 25. Письмо къ нему короля Фридриха II 248. Объ отвѣтѣ ему гр. Панина по поводу намѣренія Порты просить о смягченіи нѣкоторыхъ статей мирнаго договора 249. О переговорахъ гр. Остермана съ нимъ по поводу притѣсненія русск. купцовъ въ Пруссіи 480—481. Упом. 5, 12, 18, 24, 63, 125, 327.

Сосновскій. О назначеніи его Литовскимъ напольнымъ гетманомъ 141.

Софія-Магдалина, королева Шведская, супруга короля Густава III. О непринятіи ею въ аудіенціи гр. Шувалова 463, 465.

Спарре, Шведскій сановникъ. Упом. 466.

Спиридовъ, Григорій Андреевичъ, адмиралъ. Упом. 388.

Станиславъ-Августъ, король Польскій. Письма Имп-цы къ нему 108, 142—143, 146—148, 165—166, 194, 382—383, 447—449. Письмо гр. Панина къ нему 109. О противодѣйствіи его учрежденію «постояннаго совѣта» 21—22. О назначенной имъ гр. Кейзерлингу пенсіи 35—36. О пожалованіи имъ Потемкину ордена Бѣлаго Орла 68—69. О письмахъ его къ Императрицѣ 116, 154. О братѣ его кн. Понятовскомъ 146. О передачѣ ему отзыва гр. Панина о Боскампѣ 195. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 233—234. О соглашеніи его съ партіей патріотовъ 290. Объ отношеніяхъ его къ герцогу Курляндскому 291, 293. О сообщеніи ему о проѣздѣ турецкаго посла чрезъ Польшу 339. О посольствѣ его къ султану Мустафѣ 370. О ходатайствѣ предъ нимъ за гр. Гуровскаго 402. О письмѣ Имп-цы къ нему по поводу диссидентовъ 452—453. О ходатайствѣ предъ нимъ за полк. Зеленскаго 453. Упом. 66, 114, 141, 142, 252, 262, 288, 289, 401, 491.

Стахіевъ, Александръ Стахіевичъ, посланникъ въ Стокгольмѣ, потомъ — въ Константинополѣ. Письма гр. Панина къ нему 331, 426. Указъ объ отозваніи его изъ Швеціи 402—403. Указъ о назначеніи его посланникомъ въ Константинополѣ 489—490. Рескриптъ ему 503—505. О назначеніи его посланникомъ въ

Константинополѣ 258, 480, 496, 508. О сдачѣ имъ дѣлъ Стокгольмской миссіи И. Симолину 355. О переданномъ имъ И. Симолину спискѣ шведовъ, преданныхъ Россіи 439. Объ аккредитованіи его при Турецкомъ Султанѣ и о принятіи его въ аудіенціи 505—508. О прибытіи его въ Константинополь и о дачѣ ему кн. Репнинымъ наставленій по дѣламъ миссіи 508—509. О спѣшномъ отъѣздѣ его въ Константинополь и о характерѣ его 523. Упом. 148, 524.

Стремоуховъ, подполковникъ, приставъ при Ногайскомъ начальникѣ Джанъ-Мамбетъ-бекѣ. Объ оставленіи его на прежнемъ мѣстѣ и о содѣйствіи его полк. Бринку 51. Объ отозваніи его 102.

Струве, повѣренный въ дѣлахъ при Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ. Письмо гр. Панина къ нему 45—47. О службѣ его при миссіи въ Регенсбургѣ 244.

Ступишинъ, полковникъ, Керченскій комендантъ. О письмахъ къ нему хана Девлетъ-Гирея и отвѣтахъ его послѣднему 394, 396, 398, 400.

Стюартъ, морской офицеръ. Отказъ Имп-цы въ принятіи его на русскую службу 18, 67.

Сулковскіе, князья Августъ и Антоній. О вознагражденіи ихъ по ихъ претензіямъ 155, 326.

Суффолькъ, лордъ, англійскій министръ. Разговоръ посланника Мусинъ-Пушкина съ нимъ по поводу заключенія мира между Россіей и Турціей при посредствѣ Англіи 27, 29.

Сысоевъ, курьеръ. Упом. 109.

Табасаранскій кадій (на Кавказѣ). О присягѣ его въ вѣрности Россіи 473—474.

Тактамышъ-Гирей-султанъ. О совершенномъ имъ нападеніи на Шагинъ-Гирея и русскій отрядъ 498—500.

Тараканова, княжна, самозванка: О развѣдываніи въ Венеціи о ея происхожденіи 456.

Тарковскій шефкалъ, Дагестанскій владѣлецъ. О жалобѣ ему на Хайдатскаго владѣльца Уцмія 210. О покровительствѣ ему со стороны Россіи 435, 437, 473.

Твардовскій, воевода Калишскій. Объ участіи его въ качествѣ комиссара въ разграниченіи земель между Польшей и Россіей и о дачѣ ему денежнаго подарка 260, 261, 265.

Тевкелевъ, ген.-маіоръ, товарищъ Оренбургскаго губернатора Неплюева. Объ управленіи имъ Оренбургскимъ краемъ 416.

Тепперъ, банкиръ. Упом. 453.

Тугутъ, Австрійскій интернунцій въ Константинополѣ. О соглашеніи его съ Прусск. посланникомъ Цегелиномъ съ цѣлью побужденія Порты къ миру съ Россіей 20, 74—75, 81, 83. О сношеніяхъ его съ гр. Румянцевымъ 90—91. О предписаніяхъ ему съ цѣлью побужденія Порты къ миру съ Россіей 90, 94. О предъявленіи имъ Портѣ оправдательныхъ мотивовъ захвата Австріей части Молдавіи и Валахіи 332. О воздержаніи его отъ участія въ домогательствѣ Французскаго посла при Портѣ относительно установленія свободнаго кораблеплаванія по Черному морю 373.

Турнъ и Таксисъ, принцъ, комиссаръ Императора Римскаго при Имперскомъ сеймѣ. О письмѣ Имп-цы къ нему по поводу назначенія Ассебурга посланникомъ при Имперскомъ сеймѣ 230.

Ульрика-Фридерика, супруга принца-епископа Любекскаго Фридриха-Августа. О тяжеломъ положеніи ея по случаю болѣзни ея сына 470—471. О дѣйствіяхъ ея по вопросу объ установленіи престолонаслѣдія въ Голштиніи, по случаю умопомѣшательства ея сына 484, 486.

Уцмій, Хайдатскій (на Кавказѣ) владѣлецъ. О задержаніи имъ акад. Гмелина, его людей и вещей и о мѣрахъ къ на-

казанію его 210—212, 377, 435—437. О присягѣ его въ вѣрности Россіи 473—474.

Фалькенбергъ, Шведскій сановникъ. Объ участіи его въ пріемѣ гр. Шувалова въ Стокгольмѣ 465, 466.

Францъ I, Императоръ Австрійскій. Объ отношеніи его къ дѣлу объ обмѣнѣ Голштинскихъ владѣній в. кн. Павла Петровича на графства Ольденбургское и Дельменгорстское 23.

Фредериксъ, банкиръ. О сдачѣ имъ въ Амстердамѣ денегъ, полученныхъ въ уплату турецкой контрибуціи 427.

Фридрихъ II, король Прусскій. Опасенія завладѣнія имъ г. Данцигомъ 3, 25—27, 280. О расширеніи имъ предѣловъ его владѣнія въ присоединенной части Польши 5, 98, 120, 123, 130. О союзѣ его съ Россіей и вѣрности его этому союзу 12—13, 19. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ его съ Имп-цею на случай броженія въ Польшѣ 66. Объ оказанныхъ имъ услугахъ въ побужденіи Порты вступить въ мирные переговоры съ Россіей 90. О спорѣ его съ гор. Данцигомъ 103—105, 146—148, 293. О жалобахъ гр. Браницкаго на захватъ имъ части территоріи Польши 116. О письмѣ Имп-цы къ нему по поводу разграниченія съ Польшей 197. О желательности отказа его отъ притязаній его на расширеніе границъ Пруссіи со стороны Польши 202. Объ отношеніяхъ его къ Россіи и къ Австріи 231—232, 235, 237—238, 240, 365, 369. Объ отношеніяхъ его къ Германской Имперіи 241, 243. Письмо его къ гр. Сольмсу 248. О передачѣ имъ Портѣ отвѣта Росс. двора по поводу ходатайства Порты о смягченіи нѣкоторыхъ статей мирнаго договора 256. О дѣйствіяхъ его въ отношеніи Турціи 279. Нота отъ его имени, врученная Цегелиномъ Портѣ 314—317. О поступкахъ его въ отношеніи присяги жителей присоединенныхъ отъ Польши областей 384. Объ отказѣ его просить Имп-цу быть посредницей между Пруссіей и Польшей 425. О слухѣ относительно новаго расширенія границы Пруссіи со стороны Польши 461. О распоряженіи его не взимать излишнихъ пошлинъ съ русск. купцовъ въ Пруссіи 481. Упом. 4, 6, 12, 63, 65, 125, 129, 152, 186, 225, 261, 459.

Фридрихъ, принцъ Датскій. О бракосочетаніи его 197.

Фридрихъ-Августъ, принцъ-епископъ Любекскій, дядя Имп-цы. Объ уступкѣ имъ графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго въ обмѣнъ на владѣнія в. кн. Павла Петровича въ Голштиніи 22—24, 227, 243, 282—284, 305, 322, 405. Указъ о назначеніи Местмахера резидентомъ при немъ 132. Инструкція резиденту при немъ Местмахеру 143—145. Рескриптъ циркулярный по поводу назначенія Местмахера при немъ 158—159. О грамотѣ Имп-цы къ нему и о передачѣ ему признательности в. кн. Павла Петровича за назначеніе имъ удѣла пр. Петру Голштинскому 306. Письма гр. Панина къ нему 338—339, 446—447. Объ отношеніяхъ его къ Даніи 359—360. О мѣрамъ его въ отношеніи его сына, принца-коадъютора 428—430. О назначеніи Коха его полномочнымъ министромъ въ Вѣнѣ 454. О соболѣзнованіи Имп-цы ему по случаю состоянія его сына 471. Объ умопомѣшательствѣ его сына и о мѣрахъ къ обезпеченію престолонаслѣдія 482—488, 526.

Фридрихъ-Августъ, принцъ Ангальтъ-Цербстскій, братъ Императрицы. О желательности сокращенія числа содержимыхъ имъ войскъ 354.

Фризъ, бар., придворный банкиръ въ Вѣнѣ. Объ уплатѣ ему по счету кн. Д. М. Голицына 163.

Хадиръ-ага, сообщникъ Тактамышъ-Гирея, 499.

Хаммурза Арсланбековъ, Кабардинскій владѣлецъ. О взятіи въ плѣнъ его сына Атажуки Хаммурзина 272.

Хименецъ, Францискъ, гроссмейстеръ Мальтійскаго ордена. Письмо Имп-цы къ нему 494.

Хотинскій, Николай Константиновичъ, совѣтникъ посольства въ Парижѣ. Донесенія его о Беньовскомъ 74.

Хрептовичъ, Іоакимъ, канцлеръ Литовскій. Подписалъ ноту Россійскому двору 375.

Христіанъ VII, король Датскій. Письма Имп-цы къ нему 60—61, 149, 250—251. Письма в. кн. Павла Петровича къ нему 61. Объ обмѣнѣ Голштинскихъ владѣній в. кн. Павла Петровича на графства Ольденбургское и Дельменгорстстое 39, 158, 232, 404—405, 434, 446. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 232. О соглашеніи его съ в. кн. Павломъ Петровичемъ по поводу оставленія русской церкви въ г. Килѣ 298. Объ участіи его въ дѣлѣ установленія престолонаслѣдія въ Голштиніи 484—487. Упом. 62, 144, 355, 356, 528.

Цегелинъ, Прусскій посланникъ въ Константинополѣ. О соглашеніи его съ интернунціемъ Тугутомъ въ дѣлѣ побужденія Порты къ миру съ Россіей 20, 75, 81, 90. О сношеніяхъ его съ гр. Румянцевымъ 90—91. О нотѣ, врученной ему Портою, съ ходатайствомъ о смягченіи нѣкоторыхъ статей мирнаго договора ея съ Россіей 248, 249. Объ отвѣтѣ ему гр. Румянцева по поводу того же 254. О данныхъ ему королемъ Прусскимъ инструкціяхъ 279. О содѣйствіи его видамъ Россіи при Портѣ 369. Нота, врученная имъ Портѣ 314—317.

Цельзингъ, Шведскій посланникъ въ Константинополѣ. О наблюденіи за его поведеніемъ 369.

Чарторыйскій, кн., великій канцлеръ Литовскій. Подписалъ ноту Россійскому двору 375. О ходатайствѣ его за гр. Игнатія Потоцкаго 468—469. Упом. 200.

Чарторыйскій, кн. Разговоръ его съ посланникомъ въ Парижѣ кн. Барятинскимъ 30.

Чернышевъ, гр. Захаръ Григорьевичъ, президентъ Военной Коллегіи. Упом. 30, 111, 264.

Чернышевъ, гр. Иванъ Григорьевичъ. Упом. 325.

Чернышевъ, графъ. Упом. 113.

Чичаговъ, Василій Яковлевичъ, контръ-адмиралъ. Упом. 321.

Чоглоковъ, солдатъ, ссыльный. О намѣреніи его сдѣлать возмущеніе въ Сибири и о заключеніи его въ крѣпость 30.

Шабазъ-Гирей-султанъ, назначенный Портою Калгой-султаномъ Крымскимъ. О прогнаніи его изъ Эдиссанской орды 100.

Шагинъ-Гирей, Калга-султанъ Крымскій. Грамота Имп-цы къ нему 177—179. Письма гр. Панина къ нему 53—54, 150—152, 180—181, 349—352. О доставленіи ему главнаго начальства надъ Ногайскими татарами и оказаніи ему содѣйствія Россіи 47—51, 52, 55—57, 62—63. О планѣ дѣйствій его среди Ногайскихъ татаръ 101—102. О предъявленномъ имъ требованіи освободить Эдиссанскихъ аманатовъ 149—150. Объ отношеніяхъ Веселицкаго къ нему 174. О доставленіи ему Щербининымъ грамоты Имп-цы 183—185, 186. О мѣстѣ пребыванія его послѣ заключенія мира 191. О свиданіи Щербинина съ нимъ 192. О провозглашеніи его независимымъ правителемъ Ногайскихъ ордъ и о раздраженіи его противъ кн. Долгорукова 222—223, 266—270, 479. О спорѣ его съ Донскими казаками изъ-за торговли солью 284—285. О примиреніи его съ Джанъ-Мамбетъ-беемъ 267, 300—301, 337. О

внушенін ему, чтобъ онъ удержалъ горцевъ отъ набѣговъ на нѣкоторыя Ногайскія орды 302—303. О покровительствѣ ему со стороны Россіи 304, 393. О протестѣ Ногайцевъ противъ назначенія на его мѣсто Калгой-султаномъ Бахты-Гирея 337—338. О дѣйствіяхъ его противъ Крыма и о занятіи имъ Тамани 345—348, 349. О поощренін его усердія деньгами 386—387. Объ отношеніи его къ избранію Девлетъ-Гирея Крымскимъ ханомъ и о дачѣ ему денегъ 393. О сдѣланномъ на него на Кубани нападеніи 497—500. Упом. 170, 193, 440—445.

Шакъ, Датскій министръ. О переговорахъ Сакена съ нимъ 488.

Шеффферъ, гр. Ульрихъ, Шведскій министръ иностранн. дѣлъ. О врученіи чрезъ него письма Имп-цы къ королю Густаву III 331. О назначеніи имъ аудіенціи у короля посланнику И. Симолину 438.

Шиповъ, ген.-маіоръ, завѣдующій карантинными заставами на югѣ. Упом. 103, 110.

Ширинъ-кай, мурза Крымскій. О взятіи его въ плѣнъ въ Кабардѣ и объ отправкѣ его въ Харьковъ къ ген. Щербинину 272, 273.

Ширковъ, генералъ. О произведенномъ имъ насиліи надъ уніатскимъ епископомъ Рылло 113—115.

ф.-Шраутенбахъ, придворный кавалеръ ландграфини Гессенъ-Дармштадтской. Его характеристика 7.

ф.-Шраутенбахъ, придворная дама ландграфини Гессенъ-Дармштадтской. Ея характеристика 6.

Штакельбергъ, бар. Оттонъ-Магнусъ, потомъ — графъ, посолъ въ Варшавѣ. Письма гр. Панина къ нему 14—15, 35—36, 37—38, 68—70, 97—100, 110—112, 113—116, 140—142, 152—157, 158, 162, 194—195, 197—198, 200—204, 223, 275—276, 286—287, 290—296, 325—326, 327—328, 339, 384, 401—402, 424—425, 439—440, 452—453, 468—469, 492—493, 503, 529—530. Письмо вице-канцлера кн. Голицына къ нему 340. Письма вице-канцлера гр. Остермана къ нему 456—457, 458—461, 468, 479—480, 491—492. Реляціи его 38, 343. О содѣйствіи его русскимъ комиссарамъ по разграниченію съ Польшей и о сношеніяхъ ихъ съ нимъ 261. Объ оказаніи имъ содѣйствія домогательствамъ гр. Гюльзена 327. Объ отношеніи его къ вопросу о проѣздѣ турецкаго посла черезъ Польскія земли 369, 374. О назначеніи его посломъ 383, 410—411. Опроверженіе слуха о намѣреніи его содѣйствовать созыву чрезвычайнаго сейма и усиленію постояннаго совѣта 481—482. Объ отзывѣ его о графѣ Сакрамозо 490. О содѣйствіи его просьбѣ княгини Радзивилъ 493. Упом. 27, 64, 252, 253, 260, 379.

Штендеръ, полковникъ, Кизлярскій комендантъ. О репортѣ его касательно смерти академика Гмелина 210. О предъявленномъ ему Уцміемъ требованіи объ уплатѣ ему 30.000 р. 211. Упом. 377.

Шуазёль, герцогъ, Французскій министръ. Объ интригахъ его противъ Россіи 239. О планѣ его въ отношеніи Турціи 383.

Шуази (Choisy), Французскій бригадиръ. Упом. 117.

Шуваловъ, гр. Андрей Петровичъ, тайн. сов. и камергеръ. Инструкція ему 422—424. Объ отправленіи его въ Швецію 400, 410, 411, 422. Объ оказанномъ ему холодномъ пріемѣ въ Стокгольмѣ 457, 462—466.

Щепницкій, уніатскій епископъ. Упом. 115.

Щербининъ, Евдокимъ Алексѣевичъ, ген.-поручикъ. Указъ ему 30. Рескрипты Имп-цы ему 30—31, 52, 183—185, 192—193, 220—221, 266—270, 298—304, 345—348, 389—394, 433. Письма

гр. Панина къ нему 62—63, 149—150, 185—186, 193, 221—223, 271, 284—286, 307—308, 337—338, 344—345, 349. О присылкѣ къ нему въ Харьковъ Эдиссанскихъ аманатовъ 152. О завѣдываніи имъ дѣлами на Кубанской сторонѣ 191—192. О порученіи ему завѣдывать Крымскими дѣлами взамѣнъ кн. Долгорукова 214, 217, 218, 219, 364. Объ отправкѣ къ нему Крымскаго мурзы Ширинъ-кая 273. О дачѣ ему гр. Румянцевымъ наставленій по ввѣренной ему части 278, 306—307. О совѣщаніи его съ гр. Паниным по Крымскимъ дѣламъ 386. О письмѣ его къ хану Девлетъ-Гирею 386, 389, 397. О сдачѣ имъ дѣлъ гр. Румянцеву 451. Форма письма его къ хану Девлетъ-Гирею 394—397. Упом. 32, 48—51, 149, 170, 174, 208, 349.

Эбулъ-гази-Магометъ-Бегадуръ, Бухарскій ханъ. Грамота Имп-цы къ нему 512. Письмо гр. Панина къ нему 512—516. О пропускѣ безъ взятія пошлины посланца его Ирнезера Максютова 343. О дачѣ посланцу его кормовыхъ денегъ 358. Записка для его посланца и докладъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ по поводу представленій послѣдняго 412—422. О возвращеніи взятыхъ съ его посланца пошлинъ 501. О подаркѣ ему 501. О принятіи мѣръ по поводу сдѣланныхъ посланцемъ его представленій 509—511.

Эрали-султанъ, братъ Киргизъ-Кайсацкаго хана Нурали. О грамотѣ Имп-цы къ нему 414.

Эренсвердъ, бар., Шведскій камергеръ. О присылкѣ его въ С.-Петербуръ съ извѣстіемъ о бракосочетаніи герцога Карла Зюдерманландскаго 163, 186, 224, 225. Объ оказанномъ ему пріемѣ 465.

СОДЕРЖАНІЕ

ВЫШЕДШИХЪ ТОМОВЪ СБОРНИКА

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Къ каждому тому приложенъ азбучный указатель именъ.

Томъ I. Уставъ Русскаго Историческаго Общества.—Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщены кн. Н. А. Орловымъ и изд. подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой. Сообщ. изъ государственнаго архива К. К. Злобинымъ.—О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца имп. Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма имп. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ. — Бумаги изъ дѣлъ о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и о сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.—Письма имп. Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ. Сообщ. А. Ѳ. Гамбургеромъ.—Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата. Князя М. А. Оболенскаго, и пр. . . Цѣна 2 руб.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія имп. Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ. — Записка графа Поццо-ди Борго о немъ самомъ. Сообщена К. К. Злобинымъ.—Депеши графа Литты, посланника мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. Ѳ. Бычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго.—Выписка о государственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ имп. Екатериною II съ 1762 по 1769 годъ. Сообщ. графомъ А. С. Уваровымъ.—Извлеченія изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщ. княземъ Н. А. Орловымъ.—Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи, и пр. . . . . Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго о министерствахъ. Сообщена А. Н. Поцовымъ.—Записка графа І. Каподистріа о его служебной дѣятельности. Сообщ. изъ государственнаго архива въ С.-Петербургѣ. — Отвѣтное письмо графа І. Каподистріа Петро-Бею, вождю спартанцевъ.—Инструкція, данная имп. Екатериною II-ю фонъ Ребиндеру. Сообщ. А. Х. Бекомъ.—Письма имп. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Сообщ. княземъ А. Н. Волконскимъ. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ Э. Германомъ. Цѣна 3 р.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненій проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I . . . . . Цѣна 2 р.

Томъ V. Письма имп. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщ. Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный имп. Екатеринѣ II въ 1775 г. Сообщено А. Н. Поповымъ. — Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ

дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ Э. Германомъ. Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну Никитѣ Петровичу. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ имп. Александру I. Сообщено М. И. Богдановичемъ.—Бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено кн. Н. В. Репнинымъ.—Записка князя А. А. Чарторижскаго имп. Александру I, 26 іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственнаго архива Э. Германомъ . . Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, П. П. Пекарскимъ. 1744—1764 г. Часть I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть II . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ, 1782 г. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ. Напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича,—Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа съ Великою Княжною Александрою Павловною.—Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинымъ въ 1765—1771 гг.—Письма кн. А. А. Чарторижскаго къ Н. Н. Новосильцеву.—Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову). . . . . Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ М. И. Д. 1765—1771 г. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія. П. П. Пекарскимъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 р

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ и извлеченные изъ Архива Прав. Сената. Собраны и изданы академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 включительно. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ госуд. архивѣ М. И. Д. 1771—1774 г. Изданы Я. К. Гротомъ. Часть III . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. — Донесенія барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. — Бумаги князя Репнина за время Константинопольскаго посольства . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка имп. Екатерины II съ Фальконетомъ . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ англійск. госуд. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XX. Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія.—Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено княземъ Бисмаркомъ и княземъ А. М. Горчаковымъ.— Собственно-

ручныя письма великой княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при Датскомъ дворѣ.—Письма великаго князя Павла Петровича къ барону Сакену, посланнику при Датскомъ дворѣ.—Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей.—Записка государственнаго секретаря А. Н. Олешина о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. — Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, 17-го марта 1877 г., подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича.—Сотрудничество Екатерины II въ „Собесѣдникѣ" княгини Дашковой. Сообщено Я. К. Гротомъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія И. А. Чернышева имп. Александру I, 1810 и 1811 гг.—Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 г.—Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г.—Донесенія имп. Александру I кн. А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг.—Донесенія кн. А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцову, 1811 и 1812 гг.—Письма графа П. А. Шувалова императору Александру I, 1811 г.—Донесеніе бар. Сухтелена имп. Александру I, 1812 г. Сообщ. А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ госуд. архива въ С.-Петербургѣ. — Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представлен. ный императору Александру I М. М. Сперанскимъ. Сообщено А. Ѳ. Бычковымъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ 1763—1766 г. Сообщено изъ берлинскаго госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть I . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма имп. Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщено изъ государственнаго архива Мин. Ин. Дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. Я. К. Гротомъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ нидерландскаго государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петровича Шереметева, съ 1704—1718 г., и др. бумаги. Съ портр. имп. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1746—1787 гг. Томъ I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ госуд. архивѣ Мин. Иностранн. Дѣлъ, съ 1774 по 1778 г. Собраны Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2-мя гравюрами и планомъ 1788—1799 г. Томъ II . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I . . . . . Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II . . . . . Цѣна 5 р.

Томъ XXXII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть IV. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXIII. Письма барона Мельхіора Гримма къ импер. Екатеринѣ II, съ приложеніями.—Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику гр. Герману Кейзерлингу.—Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями. Напечатаны подъ наблюденіемъ Я. К. Грота и Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, находившихся во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ. Напеч. подъ наблюд. А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе вел. кн. Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напеч. подъ набл. Г. Ѳ. Карпова. Томъ I . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть V . . . . . Цѣна 2 р.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при Русскомъ дворѣ. Сообщено изъ берлинскаго гос. архива. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXVIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Съ 1581 по 1604 годъ. Изданы подъ наблюденіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Томъ II . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, 1704—1708 гг. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть III . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XL. Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ дворѣ, 1719—1723 г. Напечатана подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLI. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами: Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціею, за время великихъ князей Іоанна III и Василія Іоанновича. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ III. Цѣна 3 р.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ гос. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, съ 1788 по 1796 г. Собраны Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть VI . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напеч. подъ наблюденіемъ Я. К. Грота . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Томъ II. Цѣна 3 р.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изд. Г. Ѳ. Штендманомъ. Ч. II. Цѣна 3 р.

Томъ XLVII. Бумаги посланника Я. И. Булгакова съ 1779—1798.—Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. Ѳ. Дубровинымъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1762—1764 г. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XLIX. Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 по 1724 г. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, 1708—1712 гг. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть IV. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LI. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, 1764—1766 гг. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Цѣна 3 р.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при Русскомъ дворѣ Кампредона. 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV. Цѣна 3 р.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 2 р.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами.—Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова. Цѣна 3 р.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726 — 1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Часть I (февраль — іюнь 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Часть II (іюль—декабрь 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка импер. Екатерины II, 1766 — 1767 гг. Часть III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Цѣна 3 р.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюд. Г. Ѳ. Штендмана. Ч. V. Цѣна 3 р.

Томъ LIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, 1533—1560. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 3 р.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго словаря. Часть I. А—Л. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, 1712—1719 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть V. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго словаря. Часть II. М—Ѳ. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 января по конецъ іюня 1727 года. Ч. III. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 р.

Томъ LXIV. Донесенія французскаго полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна, за 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть VI. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты изъ архива князя Н. В. Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г., изданные Ф. Ф. Мартенсомъ. . . Цѣна 3 р.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ 1728—1733 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть VI . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, 1767—1768 г. Ч. IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть VII. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ 1 іюля по конецъ декабря 1727 г. Часть IV. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 р.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть I. 1800 - 1802 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго . Цѣна 3 р.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, 1560 — 1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 3 р.

Томъ LXXII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ графомъ Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ Берлинскаго государственнаго архива. Издана подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ LXXIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXIV. Бумаги Высочайше утвержденнаго, 6 декабря 1826 г., „Особаго секретнаго комитета". Изданы подъ редакціею А. А. Половцева . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXV. Донесенія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ Маньяна, за 1727—1739 гг., и предписанія французскаго министерства. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Ч. VII. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, за 1733—1736 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. VII. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXVII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть II. 1803 — 1804 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 р.

Томъ LXXVIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго, 1812 — 1831 гг. Часть II. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ января по конецъ іюня 1728 г. Часть V. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 р.

Томъ LXXX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ августа 1736 по конецъ 1739 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VIII . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXXI. Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ, Маньяна, и распоряженія французскаго правительства, за 1730—1733 г. Часть VIII. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXXII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею въ эпоху Наполеона I. Часть III. 1805—1806 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 р.

Томъ LXXXIII. Политическая переписка императора Наполеона I съ генераломъ Савари 1807 г. Извлечена изъ Парижскихъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и національнаго. Напечатанъ подъ наблюденіемъ А. А. Половцева. Цѣна 3 р.

Томъ LXXXIV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ іюля по конецъ 1728 г. Часть VI. Изданы подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXXV. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1740 г. по 3 марта 1741 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. IX . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXXVI. Донесенія маркиза де-ла-Шетарди французскому правительству и отвѣты министерства. 1738—1740 гг. Сообщены изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Часть IX. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Цѣна 3 р.

Томъ LXXXVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1768—1769 г. Часть V. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXXVIII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. 1807—1808 гг. Часть IV. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 р.

Томъ LXXXIX. Посольство графа П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 и 1808 г. Томъ изданъ подъ редакціей Н. К. Шильдера . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XC. Журналы Высочайше утвержденнаго 6 декабря 1826 года „Особаго секретнаго комитета". Часть II. Изданы подъ наблюденіемъ А. А. Половцева Цѣна 3 р.

Томъ XCI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, 1741 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть X . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XCII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и распоряженія французскаго правительства въ 1741 г., по іюнь. Часть X. Изданы подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XCIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть VIII. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XCIV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, январь—іюнь 1729 г. Часть VII. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина . Цѣна 3 р.

Томъ XCV. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымомъ, Нагаями и Турціею 1508—1521 гг. Изданы подъ редакціею Г. Ѳ. Карпова и Г. Ѳ. Штендмана. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XCVI. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла Шетарди, за вторую половину 1741 года. Ч. XI. Изданы подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана. Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1769—1771 г. Часть VI. Издана подъ наблюденіемъ барона Ѳ. А. Бюлера при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XCVIII. Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XCIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ іюня 1742 по апрѣль 1744 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XI . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ C. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и уполномоченнаго министра д'Алліона съ 1742 по май 1743 г. Часть XII. Изданы подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ іюня 1729 г. по 4 марта 1730 г. Часть VIII. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 р.

Томъ CII. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1744 по 4 января 1746 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XII. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CIII. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1746 по 1748 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XIII . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CIV. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны. 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакц. А. Н. Филиппова. Т. I (1731—1732 гг.) Цѣна 3 р.

Томъ CV. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и уполномоченнаго министра д'Алліона съ 1743 по 1745 г. Часть XIII. Изданы подъ редакціею Г. Ѳ. Штендмана . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CVI. Бумаги Кабинета министровъ Императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ II (1733 г.) Цѣна 3 р.

Томъ CVII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть IX . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CVIII. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Т. III (1734 г.). Цѣна 3 р.

Томъ CIX. Дипломатическія сношенія австрійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ CX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1746 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XIII . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXI. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ IV (1735 г.). Цѣна 3 р.

Томъ CXII. Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ въ 1814—1816 г. Подъ редакціею А. А. Половцова . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXIII (въ двухъ книгахъ). Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе Императора Николая I. Подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина . Цѣна 4 р.

Томъ CXIV. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Т. V (1736 г.). Цѣна 3 р.

Томъ CXV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и изданы подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть X . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXVI. Донесенія посланниковъ Соединенныхъ Нидерландовъ при русскомъ Дворѣ. Отчетъ Альберта Бурха и Іоганна ф. Фельтдриля о посольствѣ ихъ въ Россію въ 1630 и 1631 гг. съ приложеніемъ очерка сношеній Московскаго государства съ республикою Соединенныхъ Нидерландовъ до 1631 г. Томъ изданъ подъ редакціею В. А. Кордта . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXVII. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Т. VI (1737 г.). Цѣна 3 р.

Томъ CXVIII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1772 и 1773 гг. Часть VII. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ барона О. Р. Остенъ-Сакена, при содѣйствіи князя Н. В. Голицына . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXIX. Донесенія представителей французскихъ при русскомъ дворѣ, а также донесенія русскихъ представителей при французскомъ дворѣ за 1817—1818 гг. Подъ редакціею А. А. Половцова . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXX. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ VII (1738 г., январь—іюнь). . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXI. Архивъ кн. А. И. Чернышева. Бумаги А. И. Чернышева за царствованіе императора Александра I. 1809—1825 гг. Подъ редакціею кн. Н. В. Голицына. Цѣна 3 р.

Томъ CXXII. Архивъ кн. А. И. Чернышева. Жизнеописаніе, всеподданнѣйшіе доклады и переписка кн. А. И. Чернышева. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ CXXIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и изданы подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть XI . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXIV. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ VIII 1738 г. (Іюль—декабрь) . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXV. Донесенія князя Лобковича и г-на Зедделера Государственному Канцлеру Князю Кауницу Графу Ритбергу. Подъ наблюденіемъ А. А. Половцева. Цѣна 3 р.

Томъ CXXVI. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 г.г. Собраны и изданы подъ редакціей А. Н. Филиппова. Томъ IX. 1739 г. Юрьевъ, 1907 г. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXVII. Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ. Подъ редакціею А. А. Половцова. Томъ III. 1819—1820. С.-Петербургъ, 1908 г. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXVIII. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года. Собраны и изданы, по порученію Великаго Князя Михаила Александровича, подъ редакціею К. Военскаго. Томъ I. С.-Петербургъ, 1909 г. . Цѣна 5 р.

Томъ CXXIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Швеціей. 1569—1586 г.г. Изданы подъ редакціей В. В. Майкова. С.-Петербургъ, 1910 г. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXX. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 г.г. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ X. 1739 г. Юрьевъ, 1909 г. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXXI. Переписка Императора Николая Павловича съ великимъ княземъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Томъ I. 1825—1829 г.г. С.-Петербургъ, 1910 г. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXXII. Переписка Императора Николая Павловича съ великимъ княземъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Томъ II. 1830—1831 г.г. С.-Петербургъ, 1911 г. . . . . Цѣна 2 р.

Томъ CXXXIII. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, собранные и изданные, по порученію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, подъ редакціей К. Военскаго. Томъ II. Балтійская окранна въ 1812 году. С.-Петербургъ, 1911 г. . . . Цѣна 5 р.

Томъ CXXXIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и изданы подъ наблюденіемъ Н. Д. Чечулина. Часть XII. С.-Петербургъ, 1911 г. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ CXXXV. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1774 и 1775 г.г. Часть VIII. Подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича, при содѣйствіи кн. Н. В. Голицына. С.-Петербургъ, 1911 г. . . . . Цѣна 3 р.

Лица, желающія войти въ сношеніе съ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, могутъ обращаться къ секретарю Общества, Александру Александровичу **Гоздаво-Голомбіевскому**, С.-Петербургъ, Милліонная, 36.

Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.